

А. ВЕТУХОВЪ.

Проверено в печать 1896 г.

ЗАГОВОРЫ, ЗАКЛИНАНІЯ, ОВЕРЕГИ

И ДРУГІЕ ВИДЫ

1896 г.

НАРОДНАГО ВРАЧЕВАНІЯ,

основанные на вѣрѣ въ силу слова.

(Изъ исторіи мысли).

1992

Вып. I—II.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
1907.

ВВЕДЕНИЕ.

Особыхъ изслѣдованій, посвященныхъ заговорамъ и въ русской, и въ европейской литературѣ не существуетъ почти совсѣмъ. Единственная монографія на русскомъ языкѣ, принадлежащая Крушевскому, написанная умно и со знаніемъ дѣла, построена на немногочисленныхъ фактахъ, и потому является въ настоящее время нѣсколько устарѣлой. Появившаяся же въ 1897 году статья О. Зелинскаго „О заговорахъ“ совершенно отрѣшается отъ фактического матеріала, будучи всецѣло посвящена пересмотру общихъ положеній, высказанныхъ предшественниками. Другіе изслѣдователи народнаго быта и словесности касались этого вопроса вскользь, между дѣломъ, высказывая иногда весьма цѣнные, хотя отрывочныя, замѣчанія.

Отсутствіе цѣльныхъ работъ о заговорахъ обусловлено множествомъ причинъ. На первомъ планѣ можно поставить недостатокъ библиографическихъ справочныхъ изданій, гдѣ можно было бы найти хотя указанія тѣхъ разнообразныхъ, многочисленныхъ, иногда рѣдкихъ и труднодоступныхъ изданій, откуда можно бы по крупицамъ собрать сырой матеріалъ. Не говорю уже о томъ, что матеріалъ этотъ не разобранъ, не рассортированъ; научный анализъ не успѣлъ еще произвести въ немъ самыхъ

первичныхъ работъ. Научное изслѣдованіе произведеній народной поэзіи, народнаго творчества вообще началось у насъ очень поздно, а заговорамъ и прочимъ „отреченнымъ“ видамъ его естественно было занять послѣднее по времени мѣсто въ лабораторіяхъ ученыхъ. На Руси со времени принятія христіанства, какъ извѣстно, начинается гоненіе на всю народную „словесность“, состоявшую въ тѣсномъ родствѣ съ язычествомъ ¹⁾. Заговоры, заклинанія и проч., конечно, должны были попасть во главу угла этой отверженной литературы, какъ навѣянной самимъ дьяволомъ. На нихъ обрушивается цѣлая буря, и они прячутся отъ взоровъ гонителей, замыкаются въ устахъ только посвященныхъ и ревниво оберегаются послѣдними. Проникнуть въ эти таинственныя знанія непосвященнымъ въ высшей степени трудно. Многіе изъ любителей и записывателей твореній народной мудрости принуждены бывали нерѣдко прибѣгать къ хитростямъ, чтобы заслужить довѣріе знахарей, шептухъ и прочихъ хранителей завѣтной старины. Оттого то такъ туго поддаются записи и въ настоящее время эти чародѣйскія формулы. Записывающій въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ воспользоваться лишь отрывочными, совершенно случайно добываемыми произведеніями этого рода.

При такихъ условіяхъ становится понятнымъ, почему и понынѣ собрано матеріала такъ мало, что прослѣдить за постепеннымъ переходомъ того или иного заговора отъ одной народности къ другой, изъ одной мѣстности въ другую нѣтъ возможности.

Задача изслѣдователя при настоящемъ положеніи дѣлъ — группируя и изучая наличный матеріалъ, вскрывать хотя отчасти тѣ основы, на которыхъ созидалась вѣра въ чудодѣйную силу заговора, подглядѣть иногда, какъ бьется или билась мысль народная, стараясь оградить се-

¹⁾ См. объ этомъ у Азбукина „Очеркъ л-рной борьбы“, с. 232—3.

бя отъ могучихъ силъ стихійныхъ, исходя отъ своеобразнаго міропониманія.

А въ настоящее время это особенно интересно, въ виду тѣхъ новыхъ теченій и вѣяній въ наукѣ, которыя, пытаясь разъяснить многое, такъ назыв. „сверхъестественное, мистическое“ и проч. путемъ научнаго анализа, проливаютъ значительную струю свѣта и на занимающій насъ вопросъ.

Современная медицина начинаетъ открывать у своей загнанной еще въ недавнее время старшей сестры—„ду-рочки“ богатая сокровища: врачи, еще недавно огульно издѣвавшіеся надъ пріемами народнаго врачеванія, начинаютъ все громче и громче заявлять о цѣлебныхъ свойствахъ травъ, корней, камней и проч., которыми давнымъ давно съ успѣхомъ пользовался народъ. Та сила, которая въ заговорахъ играетъ первенствующую роль — внушеніе и самовнушеніе, разрастается теперь въ наукѣ въ цѣлую теорію гипнотизма съ его разновидностями. Даже пресловутый „отводъ глазъ“ получаетъ нынѣ серіозное основаніе въ данныхъ, добываемыхъ экспериментальной психологіей, и наблюденіяхъ надъ нервными больными, при чемъ открывается возможность передачи чувствительности другому лицу или даже предмету, подмѣчается способность человѣка жить, такъ сказать, двумя душами въ одномъ тѣлѣ,—и вообще рѣзко измѣняется граница между возможнымъ и невозможнымъ, между плодомъ досужей фантазіи и продуктомъ научной мысли, точной науки.

„Экспериментальное изученіе внушенія, — говоритъ одинъ изъ выдающихся современныхъ естествоиспытателей, — способствовало открытію, среди жизненныхъ процессовъ, присутствія самовнушенія и притомъ не только непосредственнаго его вліянія на волевые акты, но и неподозрѣваемую до сего дня зависимость отъ него процессовъ, изъятыхъ, въ нормальныхъ условіяхъ жизни, изъ-подъ вѣдѣнія и вліянія нашего сознанія, а слѣдовательно и нашей воли. Самовнушеніемъ могутъ быть вызваны: 1) ускореніе и замедленіе сердцебіенія, 2) кровоточивые

знаки (стигматы) и даже 3) периодическія кровоизліянія изъ различныхъ частей тѣла, напр., у Луизы Лато¹⁾.

Позволю себѣ привести еще нѣсколько выдержекъ изъ того же автора, уясняющихъ затронутый вопросъ.

„На нашихъ глазахъ зародилась новая наука экспериментальная психологія. Вундтъ въ Германіи и Шарко во Франціи первые повели ее по новому пути; особеннаго вниманія заслуживаютъ, по моему мнѣнію, факты, добытые относительно гипнотизма. Недавно еще послѣдніе относимы были серіозными людьми въ область бредней; въ настоящее же время они засвидѣтельствованы спеціалистами врачами, достойными довѣрія, и составляютъ достояніе точной науки“. (С. 10—11).

Изъ различныхъ способовъ вызова гипноза автора особенно занимаетъ главнѣйшій и интереснѣйшій изъ нихъ—словесное внушеніе.

„Имѣются многочисленныя и большимъ числомъ наблюдателей засвидѣтельствованныя показанія, что словеснымъ внушеніемъ удается, по произволу, вызывать, какъ запоръ, такъ и поносъ, внушать рвоту, головокруженіе и сильную головную боль, или же, наоборотъ, прекратить эти страданія. Словеснымъ же внушеніемъ удается возбуждать сильный и быстрый приливъ крови къ намѣченной заранѣ части тѣла и производить этимъ сильное ея вздутіе; можно заставить даже сочиться кровь на опредѣленныхъ заранѣ мѣстахъ, и притомъ даже черезъ опредѣленный промежутокъ времени (—полагаю,—и обратно, откуда—заговоръ крови—); удавалось, при помощи словеснаго внушенія, увеличить отдѣленіе молока у женщинъ, вызывать, а равно и прекращать менструацію, и неоднократно достигать исцѣленія отъ различныхъ недуговъ, не прибѣгая къ другимъ средствамъ“. (С. 11).

„Всѣ приведенные случаи гипноза черезъ словесное внушеніе имѣютъ общее между собою въ томъ, что здѣсь

¹⁾ *Фаминцанъ, А.* „Современное естествознаніе“... С. 12.

происходить, по выраженію проф. Бехтерева, «непосредственное прививаніе тѣхъ или другихъ психическихъ состояній отъ одного лица къ другому, прививаніе, происходящее безъ участія воли воспринимающаго лица и нерѣдко даже безъ яснаго съ его стороны пониманія». Воля загипнотизированнаго лица, поработанная гипнотизеромъ, замѣщается волей послѣдняго, нерѣдко принуждается къ поступкамъ, противнымъ склонностямъ и характеру воспринимающаго лица“. (С. 11—12).

Если при современномъ взглядѣ на слово возможны при помощи его столь удивительныя воздѣйствія на чужую душу и на самого себя, что же должно было происходить въ тѣ времена, когда слово понималось, какъ двойникъ челоуѣка, и на ступеняхъ, близкихъ къ такому пониманію? Сколько случаевъ, способовъ очарованія (гипноза) было въ рукахъ людей съ сильной волей, всѣхъ этихъ шамановъ, колдуновъ, знахарей, шептухъ и проч., и какая, нужно полагать, это была могучая сила! Не даромъ она долгіе вѣка вытѣсняла, да и понынѣ еще какъ тѣснить научную терапевтику. Неудивительно, что она въ народномъ врачеваніи легла во главу угла, исподволь видоизмѣняясь, въ связи съ измѣненіемъ міропониманія, исподволь заолняясь новымъ содержаніемъ (постепенное преобладаніе христіанскихъ понятій надъ языческими, постепенное сближеніе заговора съ молитвой, сначала апокрифической, а потомъ и христіанской), но упорно сохраняя свое первенствующее мѣсто.

Точная, строгая наука, сталкиваясь съ этимъ явленіемъ долго „отмахивалась отъ него и руками и ногами“, какъ отъ своего рода наважденія. Однако, со временемъ пришлось констатировать фактъ существованія и такъ или иначе считаться съ нимъ. Часть такихъ явленій начинаетъ получать въ наукѣ права гражданства, для другихъ наука предпочитаетъ пока фигуру умолчанія ¹⁾.

¹⁾ Известенъ, напр., рассказъ проф. Дю-Буа-Раймона, незадолго до смерти, о слѣдующемъ случаѣ. Врачъ небольшого

Такъ, многое изъ таинственнаго, загадочнаго въ заговорахъ, считавшееся доселѣ плодомъ дикой фантазіи невѣжественныхъ массъ, безумными суетвѣріями грубой толпы, начинаетъ въ настоящее время обливаться слабыми лучами неутомимой, пытливой научной мысли.

Начинаетъ слегка приподыматься занавѣсъ надъ этимъ таинственнымъ уголькомъ человѣческой души, начинаетъ проникать глазъ изслѣдователя въ глубины ея, куда упрятались, подъ вліяніемъ безконечныхъ гоненій, эти крайне любопытные процессы мысли.

Этотъ высокій интересъ, заключенный въ исторіи жизни заговора и сродныхъ твореній, побуждаетъ автора внести хотя самую скромную долю въ его разработку, выполнить хотя черную работу, собравъ и сгруппировавъ возможно большее количество наличнаго сырого матеріала, и тѣмъ нѣсколько расчистить почву для будущихъ работниковъ на этомъ полѣ.

Если трудъ мой вызоветъ къ жизни рядъ статей, замѣтокъ, изслѣдованій по данному вопросу, направитъ мысль научную въ эту сторону, я буду считать себя вполне вознагражденнымъ за годы копотливаго труда.

поморскаго городка очень долго не могъ поставить діагноза одной больной. Однажды, *во снѣ*, читаетъ онъ во вновь вышедшей брошюрѣ способъ лѣченія подобной болѣзни. Примѣняетъ, проснувшись, способъ этотъ, и больная выздоравливаетъ. Года черезъ два въ одной новой брошюрѣ врачъ находитъ напечатаннымъ то, что видѣлъ во снѣ. Съ авторомъ брошюры врачъ знакомъ не былъ. Въ заключеніе своего разсказа профессоръ добавляетъ: „Наука не въ состояніи объяснить это явленіе, слѣдовательно она должна умалчивать о немъ“.

ЧАСТЬ I.

—∞—

ГЛАВА 1-я.

Мнѣнія ученыхъ и изслѣдователей о заговорахъ ¹⁾.

Буслаевъ, приведя два сербскихъ заговора отъ нежита по рукописи, писанной на пергаментѣ и полууставомъ, доставленной ему Григоровичемъ, говоритъ:

„Такия заклятія носятъ на себѣ слѣды первобытной индійской мантры или *величанія*... по крайней мѣрѣ въ наименованіи миѣческаго существа и въ эпическомъ разсказѣ о какомъ-то миѣческомъ событіи. Заговоръ позднѣйшей эпохи теряетъ и эти послѣдніе остатки жрече-скаго періода, оставляя за собою только силу клятвы, цѣлебную или вредоносную, но совершенно забывая первоначальныя обстоятельства заклятія“ („Ист. очерки“, I, 116).

„Мантра переходитъ въ заклятіе еще въ эпоху Ведъ; заклятіе есть позднѣйшій видъ мантры... Съ теченіемъ времени заклятіе теряетъ мало-по-малу первоначальныя черты мантры, отрывается отъ эпическаго цѣлаго и забываетъ величанія божествъ; но сила клятвы остается въ нерушимости, какъ сила вѣщаго слова... Брагмана, какъ обрядъ и обычай, долѣе удерживаются въ преданіи, такъ что силою обычая могли дожить до позднѣйшихъ временъ

¹⁾ Для краткости буду употреблять одинъ этотъ терминъ, какъ замѣну разновидностей, указанныхъ въ заголовкѣ моего изслѣдованія.

самыя заклятія... Знахари и вѣдьмы позднѣйшей эпохи, утративъ живую связь съ языческими божествами, вовсе не помнятъ мантры — если позволено здѣсь выразиться языкомъ Ведъ — всю сущность дѣла они полагаютъ въ языческомъ обрядѣ. Старина для нихъ, какъ и для всей массы народа въ періодъ эпическій есть страна чудесъ, откуда почерпаютъ они и силу и вдохновеніе“ (ib. 119).

„Заклинанія идутъ непосредственно отъ періода языческаго.... стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ первобытною эпическою поэзією, входятъ въ древнѣйшій эпическій миѳъ, какъ отдѣльные эпизоды“ (ib. 251).

„Въ старину, хотя и презирали языческихъ боговъ, однако, не считали ихъ вовсе безсильными. И могла ли древняя вѣра въ ихъ дѣйствительное существованіе вдругъ исчезнуть или внезапно перейти къ просвѣщенному убѣжденію въ ихъ совершенномъ ничтожествѣ? Общее вѣрованіе отдаленныхъ среднихъ вѣковъ признавало языческихъ боговъ... злобными демонами, древнее владычество которыхъ должно было уступить мѣсто царству Бога истиннаго. Языческія божества какъ бы отступили въ мрачное отдѣленіе, потерявъ свои благодѣтельные для человѣка качества, замѣнивъ ихъ въ воображеніи народа нѣкоторымъ дьявольскимъ могуществомъ, вражьиимъ паважденіемъ“ (ib. 253).

„Множество примѣтъ, заеклатій или заговоровъ и другихъ суевѣрныхъ обычаевъ и преданій, и доселѣ живущихъ въ простомъ народѣ, свидѣтельствуетъ намъ, что та поэтическая основа, изъ которой возникли эти разрозненные члены одного общаго или цѣлаго, была не собственно языческая и уже вовсе не христіанская, но какал то смутная фантастическая среда, въ которой съ именами и предметами христіанскаго міра соединялось нѣчто другое, болѣе согласное съ миѳическими воззрѣніями народнаго эпоса“ (ib., II, 31).

„Не надобно думать, чтобъ это смутное пониманіе христіанскихъ идей было достояніемъ одной только Руси;

оно господствовало въ средневѣковыи и на западѣ, но при другихъ условіяхъ“ (ib.).

„Отличительной чертой этого смутнаго состоянія духа было суевѣрное убѣжденіе въ какую-то чарующую, сверхъестественную силу, которая ежеминутно въ быту житейскомъ, въ томъ или другомъ важномъ случаѣ жизни можетъ оказать свое необычное дѣйствіе... Захваченная христіанствомъ врасплохъ народная фантазія, не очищенная отъ языческихъ представленій и запуганная ими, уже какъ наважденіемъ дьявольскимъ, но все-же, какъ отъ родной старины, не отказавшаяся отъ нихъ, естественно должна была сойти съ своего свободнаго и творческаго поприща, и, такъ сказать, сжаться въ болѣе тѣсномъ кругу цѣлаго ряда мелкихъ суевѣрій, которыя, однако, тѣмъ не менѣе обнимали и доселѣ въ простомъ народѣ объемлютъ всю жизнь, всѣ крупныя и мелкія явленія ея“ (ib. 32).

Такъ еще Буслаевъ, мимоходомъ, сумѣлъ слегка приподнять уголокъ завѣсы, хранящей тайны прошлаго, дать нѣсколько вѣрныхъ и тонкихъ штриховъ для той грандіозной картины, которая постепенно обрисовывалась, хотя и неполнѣ ясными тонами, у дальнѣйшихъ изслѣдователей. Это обстоятельство съ одной стороны, а съ другой—огромный авторитетъ Буслаева, какъ ученаго, направили по его дорогѣ, отчасти или всецѣло, и многихъ изъ позднѣйшихъ ученыхъ; такъ что нѣкоторымъ, съ нимъ несогласнымъ, напр., Потемнѣ, пришлось уже вступить въ борьбу съ цѣлой школой, съ сложившейся традиціей.

Аванасъевъ, отправившись вслѣдъ за предшественникомъ, совершилъ свой путь болѣе прямолинейно, и потому опредѣленіе заговора въ его толкованіи значительно сузилось. „Заговоры суть обломки древне-языческихъ молитвъ и заклинаній, и потому представляютъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ матеріаловъ для изслѣдователя исторической старины. Безъ сомнѣнія они не могли дойти и не дошли до насъ во всей своей свѣжести, полнотѣ и неизмѣнности, наравнѣ съ другими устны-

ми памятниками и они подверглись значительнымъ измѣненіямъ—отчасти вслѣдствіе сокрушительнаго вліянія времени, отчасти вслѣдствіе того разрыва, какой произвело въ послѣдовательномъ развитіи народныхъ убѣжденій принятіе христіанства. Несмотря на это заговоры сохранили намъ драгоцѣнныя свидѣтельства. Въ нихъ встрѣчаемъ мы много страннаго, загадочнаго, необъяснимаго съ перваго раза, что близорукіе любители народности привыкли принимать за бесполезный хламъ, но что при болѣе серьезной критикѣ оказывается отголосками поэтическихъ воззрѣній глубочайшей древности. Кто приступитъ къ изученію заговоровъ сравнительно съ ведическими гимнами, того непременно поразитъ замѣчательное согласіе въ представленіяхъ, допускаемыхъ тѣми и другими. Различіе только въ томъ, что въ гимнахъ Веда представленія эти не утратили еще ни своей ясности, ни взаимной связи, а въ заговорахъ смыслъ ихъ уже окончательно утерянъ для народа. Такая вѣковая прочность заговорнаго слова усиливалась самымъ значеніемъ его въ народной жизни.

„Въ то время, какъ загадки, пѣсни и сказки сдѣлались средствомъ развлеченія, услугою досуга, низошли съ своей эпической высоты, и потому удобнѣе могли быть подновляемы въ языкѣ и въ обстановкѣ главнаго содержанія,—заговоры удержали за собою тотъ строгій характеръ, который не дозволяетъ никакихъ намѣренныхъ отступленій и профанацій. Они не пригодны для забавы, и какъ памятники вѣщаго, чародѣйнаго слова вмѣщаютъ въ себѣ страшную силу, которую не слѣдуетъ пытаться безъ крайней нужды, иначе наживешь бѣду. Заговоры поэтому вышли изъ общаго употребленія и оставили предметъ тайнаго вѣдѣнія знахарей, колдуновъ, лѣкарокъ и ворожеекъ; къ нимъ и обращается народъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо прибѣгнуть къ помощи страшныхъ заклятій.

„Могучая сила заговоровъ заключается именно въ извѣстныхъ эпическихъ выраженіяхъ, въ издревле узаконенныхъ формулахъ; какъ скоро позабыты или измѣнены формулы—заклятіе не дѣйствительно. Это убѣжденіе за-

ставило съ особенною заботливостью оберегать самое слово заговора, хранить его, какъ святыню. Въ помощь памяти стали заносить заговоры на тетрадки, и рѣдкій народный лѣчебникъ или травникъ найдется безъ заговоровъ; подобныя рукописи, писанныя большею частью безграмотно, составляютъ истинный кладъ науки. Къ сожалѣнію они не восходятъ ранѣе XVIII столѣтія; до-петровская Русь сурово относилась къ народному суевѣрію, и вмѣстѣ съ колдунами и вѣдьмами жгла ихъ волшебныя тетрадки“ („Поэтич. возвр.“, I, 43—5).

„Подъ вліяніемъ метафоричности языка глаза человѣческіе должны были получить таинственное сверхъестественное значеніе. То, что прежде говорилось о небесныхъ очахъ, въ послѣдствіи, понятое буквально,—перенесено человѣкомъ на самого себя. Знойный блескъ солнечнаго ока производитъ засуху, неурожай и болѣзни; сверкающіе взоры Перуна посылаютъ смерть и пожары; та же страшная сила усвоена и человѣческому зрѣнію. Отсюда родилась вѣра въ *призоръ* или *силазъ*, общая всѣмъ индо-европейскимъ народамъ“ (ib. 172).

„Первыя молитвы (молить=молыти, молвити) народа были и первыми его пѣснопѣніями; онѣ являлись плодомъ того сильнаго поэтическаго одушевленія, какое уславливалось и близостью человѣка къ природѣ, и воззрѣніемъ на нее, какъ на существо живое, и яркостью первичныхъ впечатлѣній ума и творческою силою древнѣйшаго языка, обозначавшаго все въ пластическихъ животренещущихъ образахъ. Отъ священныхъ гимновъ Ведъ вѣтъ истиннымъ неподдѣльнымъ духомъ поэзіи. Заговоры наши также исполнены мастерскими описаніями природы, въ нихъ замѣчается метръ и подчасъ народная риема“ (ib. 412—3).

Несмотря на нѣкоторое суженіе общаго кругозора, Аванасевъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ разработкѣ исторіи заговора, выдвинувъ въ достаточной уже мѣрѣ впередъ силу слова и тѣмъ заставивъ дальнѣйшихъ

ислѣдователей дольше и внимательнѣе остановиться на ее роли въ эволюціи заговора ¹⁾).

Таково, напр., сужденіе по этому вопросу *Op. Θ. Миллера*: „Самое названіе (—заговоръ) уже показываетъ, что слову приписывается тутъ съ одной стороны совершенно практическое, съ другой—чрезвычайное, могущественное значеніе. Посредствомъ заговора, по простодушному первобытному вѣрованію, думали овладѣть тою или другою силою природы и, охвативъ ее, такъ сказать, словами, или нанести ее, наговорить на то или другое, и подобнымъ же наговоромъ что-либо вредное въ томъ или другомъ притупить, пришибить, уничтожить, — заговорить“ („Опытъ“, с. 66).

„Въ собственномъ смыслѣ всѣ древнѣйшія пѣсни молитвеннаго содержанія — молитвы только въ переводѣ на позднѣйшій языкъ, первоначально всѣ онѣ были именно

¹⁾ Къ числу непосредственныхъ послѣдователей Аванасьева, принявшихъ его точку зрѣнія почти безъ оговорокъ, можно отнести:

а) *Иващенко* („Шептанія“): „Въ процессѣ шептанія, какъ выраженія таинственнаго, священнаго знанія, лежитъ народное вѣрованіе въ чудодѣйственную силу слова и обряда, относимыхъ къ олицетвореннымъ или же просто стихійнымъ силамъ природы. Слѣдовательно, идея вѣрованія въ словесно-обрядовое врачевство является археологическимъ обломкомъ молитвенныхъ языческихъ возношеній къ добруму или злему (для человѣка) началу въ природѣ съ цѣлью воспользоваться помощью этого или другого и предрасположить ихъ къ себѣ“. (С. 9-я).

б) *Помяловскаго*: Заговоръ первоначально „простая молитва, въ которой человѣкъ проситъ божество пріостановить или прекратить извѣстное его или другого божества вліяніе на себя или на другого... Но уже въ очень раннее время молитва и просьба перешли въ приказаніе“ („Эпигр. этюды“, с. 51-я).

Интересно, что та же точка зрѣнія встрѣчается и у иностранныхъ ислѣдователей вопроса. Мнѣ пришлось натолкнуться на нее у *Аммана*: „Можетъ быть, что древнія заклинательныя формулы не что иное, какъ формулы оконечѣвшихъ молитвъ языческаго времени“ („Volkssegen“, II, 198).

заговоры, основываясь на увѣренности въ томъ, что ими враждебное будетъ непременно заговорено, а благопріятное наговорено, сообразно съ потребностью“ (ib. 67) ¹⁾.

„Могущественному дѣйствию словъ способствовало и соединявшееся съ ними могущественное дѣйствіе обряда, какъ „подражанье явленіямъ природы“ (ib.). Заговаривались излишнее сіяніе солнца, излишній дождь, а „низводилось съ неба посредствомъ слова и обряда“ желаемое.

„Если прежде всего человѣку нужно было заговаривать тѣ періодически повторяющіяся болѣзни природы, отъ которыхъ страдала главная кормилица его — земля, то важно было найти средства и противъ тѣхъ... болѣзней, которыя вредили кормилицамъ другого рода — стадамъ“ (ib. 70).

На этой почвѣ вырастаетъ заговариванье коровьей смерти, которой преграждается путь въ деревни опахиваніемъ.

„Большая часть заговоровъ... лѣчебныя... Это свойство ихъ заставило даже нашихъ духовныхъ людей древняго времени, по преданію привыкшихъ къ нимъ прибѣгать, вносить ихъ въ свои душеполезные сборники. Съ одной стороны выставляя остатки языческой старины въ черномъ свѣтѣ, они же сами съ другой стороны не могли окончательно отказать отъ нихъ, и легко успокаивали свою совѣсть тѣмъ, что видѣли силу заговора уже не въ прежнихъ языческихъ, а въ новыхъ, подставленныхъ ими въ замѣну, именахъ христіанскаго міра“ (ib. 72).

Но колдовство не ограничивалось однѣми свѣтлыми цѣлями. Уже въ XI в., по свидѣтельству лѣтописца, были чернокнижники.

„Заговоры (—нерѣдко) начинаются тѣмъ, что въ нихъ воображаютъ себя приходящими въ непосредственное общеніе съ явленіями свѣта: идутъ въ восточную сторону, одѣваются ясною зарею, то опоясываются, то обтыкаются

¹⁾ Ср. *Grimm* „*Mythol*“, 1173,—6,—9.

частыми звѣздами, умываются медвяною рососою, этими свѣтлыми ключами ясной дѣвицы зари, утираются солнцемъ и пр.“ (ib. 75).

„Усмотрѣвъ за свѣтилами силу истреблять зло въ растительности (—солнце пожигаетъ вредныя травы), первобытный человѣкъ имъ же приписалъ истребленіе зла другого рода—болѣзни. Потому то онъ и требовалъ, чтобы мѣсяцъ сошелъ къ нему, сваялъ его зубную скорбь и унесъ ее подъ облака... Съ теченіемъ времени свѣтиламъ приписано было и истребленіе зла нравственнаго“ (ib. 76).

„Могучія силы небесныхъ существъ могутъ сообщаться отъ нихъ самому незначительному предмету, въ которомъ человѣкъ оставляется такимъ образомъ совершенно доступный и осязательный оберегъ отъ всякаго рода золь. Такъ сила, воспринимаемая отъ небесныхъ свѣтилъ матерью сырою землею, производитъ травы“ (ib. 77), употребляемая при лѣченіи, въ заговорахъ.

„Есть заговоры, въ которыхъ, повидимому, обходятся и безъ помощи божественныхъ силъ, полагаясь вполнѣ на одну силу своего собственнаго человѣческаго слова. Посредствомъ слова хотятъ заимствовать у того или другого предмета свойства, которыя, будучи усвоены враждебнымъ предметомъ, уничтожали бы въ немъ зловредность. Такъ, заимствуя у мятелицы ея неспособность летѣть прямо, хотятъ этимъ свойствомъ обезоружить стрѣлу и копье, заставить ихъ пролетать мимо (см. въ хрестоматіи О. Миллера заговоры на желѣзо, сталь и проч. на с. 14-й). Съ другой стороны силою слова разлагаютъ стрѣлу на ея составныя части и отсылаютъ каждую изъ этихъ частей туда, откуда она взята“ (желѣзо—въ землю, древко — въ дерево, перья — въ птицу, клей — въ рыбу) (ib. 77—8).

„Сила слова желѣзная“—говорится, по мнѣнію Миллера, въ буквальномъ смыслѣ, ибо въ сказкахъ (наприм. объ Ивасѣ и вѣдьмѣ) голосъ выковывается тонкимъ или толстымъ“, смотря по намѣренію небесныхъ кузнецовъ, тѣхъ самыхъ, которыми выковывается золото молніи. Та-

кимъ образомъ и слово оказывается близкимъ по происхожденію къ небесному свѣту“ (ib. 78).

Слово въ заговорахъ „крѣпче какъ замокъ, и заговоръ получаетъ такую замыкающую силу —помощью ключа, сбереженіе котораго поручается не кому другому, какъ свѣтлымъ явленіямъ природы... При разыгравшемся воображеніи подобная сила слова становится сильнѣе воды, тяжелѣе золота, выше горы, крѣпче горячаго камня алатыря ¹⁾... подь которой, по многимъ заговорамъ, бросается ключъ отъ нихъ“ (ib. 78).

„Слову и силамъ природы... приписывается вліяніе не только на физическую, но и на нравственную сторону человѣка. Отсюда—цѣлый рядъ заговоровъ отъ запоя“ и другихъ недуговъ, „зависящихъ не отъ чего другого, какъ отъ направленія воли самого человѣка“ (ib. 83).

„Заговоры такого рода должны были образоваться въ ту отдаленную пору, когда человѣкомъ даже внутренній міръ ставился еще въ совершеннѣйшую зависимость отъ внѣшнихъ вліяній, когда еще не пробудилось сознание могущества свободной человѣческой воли“ (ib. 84).

„Всѣ уцѣлѣвшіе до настоящаго времени заговоры имѣютъ въ виду... обезпеченіе человѣческаго благосостоянія, благого исхода во всѣхъ обычныхъ занятіяхъ человѣка. Первоначально кругъ заговоровъ долженъ былъ быть несравненно шире“, обнимая собою и изгнаніе зимы, и заклинаніе весны, и вызваніе дождя, и „вызовъ каждаго новаго дня изъ ночного плѣна“ (ib.).

Миллеръ не соглашается съ Гриммовскимъ дѣленіемъ заговоровъ на 3 періода: 1) когда только приносились жертвы, 2) жертва соединялась съ молитвой и 3) заговоръ совнадалъ съ молитвой ²⁾. „Даже первому (изъ наз-

¹⁾ „Алатырь... мифическій образъ самого солнца, этого настоящаго центра и источника всякой жизни.. Представленіе солнца горящимъ, свѣтящимся камнемъ положительно существовало и слѣды его сохранились у различныхъ народовъ“ (ib. 79).

²⁾ См. *Grimm* „Ueber das Gebet“ („Kleinere Schriften“, II, 460).

ванныхъ періодовъ) долженъ быть предпосланъ древнѣйшей... когда еще и жертвъ не приносили, но совершали обряды, которые съ перваго взгляда могутъ въ настоящее время показаться жертвами, но были первоначально только подражаніемъ тому, что замѣчали въ природѣ, подражаніемъ, имѣвшимъ въ виду вынудить у нея повтореніе тѣхъ же явленій. Въ смыслѣ первоначальнаго обряда заключалось стремленіе овладѣть природой; тотъ же смыслъ въ заговорѣ, которымъ долженъ былъ уже изначала сопровождаться обрядъ и который служилъ предшественникомъ молитвы. Если послѣдняя имѣетъ въ виду только добрую волю божествъ, если вся сила ея — въ надеждѣ на милосердіе, то заговоръ, относясь къ эпохѣ болѣе грубаго представленія о божествѣ, долженъ былъ имѣть на него вліяніе просто принудительное“ (ib. 84) ¹⁾. Со временемъ, съ просвѣтлѣніемъ человѣческаго міровоззрѣнія тѣ бѣды, которыя претерпѣваетъ человѣчество, объясняется, какъ „наказаніе отъ боговъ за людское зло, — и вотъ тутъ то опять совершенно особое значеніе получила молитва, какъ средство умилостивленія боговъ“ (ib. 90).

„Цѣлый рядъ вѣковъ долженъ отдѣлять... позднѣйшія представленія отъ того основнаго, древнѣйшаго, изъ котораго первоначально вытекла мифологія. Это воззрѣніе заключалось въ томъ, что все въ мірѣ одарено также точно жизнью, какъ и самъ человѣкъ... Ежели все вокругъ человѣка живо, то живъ и тотъ бездыханный трупъ существа ему близкаго, о которомъ онъ плачетъ, — но только, какъ объ отправившемся въ отдаленный путь... Умершаго считали и еще считаютъ живущимъ и за дверями гроба“ (ib.). „За мертвымъ сохраняются всѣ обычные нужды,—желанія, чувства живого“ (ib. 92).

¹⁾ Въ Ведахъ говорится: „богамъ, чтобы получить охоту и силу дѣйствовать, нужны человѣческіе обряды и гимны“. (См. *Бенфeya* перев. Ригъ-Веды въ „Orient u. Occident“, т. I, 1 — 4; т. II, 2—3; т. III, 4, 5, 10, 16, 36, 39, 51, 59, 71, 83 — 4, 91, 93, 100, 103, 105, 113 и 116 (отд. I).

Первобытный человекъ, уясняя себѣ, отчего происходитъ то или иное явленіе, „усматриваетъ въ нихъ дѣйствія особыхъ живыхъ существъ, и совершенно удовлетворяется тѣмъ, что считаетъ ихъ виновниками этихъ явленій. Эти особы существа, эти различные образы, созданные воображеніемъ, и ихъ сочетанія и составляютъ такъ называемые «миѳы» ¹⁾... Какъ созданіе творческаго воображенія миѳологія своими образами удовлетворяетъ чувству прекраснаго, какъ отвѣтъ, хотя и ребячески простодушный, на вопросы ума, она удовлетворяетъ и чувству истины... Миѳы—эта простодушно-фантастическая попытка отвѣтовъ на умственные вопросы, существуетъ у всякихъ, даже у самыхъ грубыхъ народовъ, подобно тому, какъ не существуетъ народовъ, не имѣющихъ пѣсенъ“ (ib. 14).

„Въ эпоху первобытную,... эпоху почти рѣшительнаго несуществованія личностей, народы своими нравами, своею духовною жизнью мало разнятся между собою; потому первобытная пора ихъ устной словесности представляетъ безъ всякаго умышеннаго заимствованія другъ у друга несравненно болѣе сходства, чѣмъ особенностей“ (ib. 18). „Устная поэзія неподвижна только въ сравненіи съ тою быстротою движенія, какою отличается вполне развитая литература... Идеи и идеалы, увлекавшіе одно поколѣніе,... сохраняются въ теченіе долгихъ періодовъ“ (ib. 21). „Старое изъ устной словесности вполне никогда не уходитъ, хотя это и не мѣшаетъ мало-по-малу входить въ нее новому... При такой ...живучести старины въ народной словесности, въ ней до сихъ поръ уцѣлѣли остатки даже самой архаической поры—миѳической“ (ib.22).

¹⁾ А. Веселовскій въ одномъ изъ раннихъ трудовъ своихъ склоненъ былъ считать заговоръ „только сокращеніемъ, приложеніемъ миѳа“, какъ „усиліе повторить на землѣ, въ предѣлахъ практической дѣятельности человека тотъ процессъ, который, по понятіямъ язычника, совершался на небѣ не земными силами“. („Замѣтки и сомнѣнія“..., с. 286).

Вотъ къ этой-то ранней порѣ и относить О. Э. Миллеръ возникновеніе заговоровъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ Афанасьева, будто „только позже молитва стала переходить въ заговоръ... Если въ заговорахъ есть, какъ справедливо указываетъ г. Афанасьевъ, молитвенныя обращенія въ ихъ настоящемъ смыслѣ, то это только первые проблески религіозности,... по которымъ еще само божество нуждается въ помощи человѣческихъ словъ и обрядовыхъ дѣйствій. Главное въ заговорѣ составляетъ могучая, замыкающая сила самого слова, въ поясненіе которой приводятся самимъ г. Афанасьевымъ слѣдующія слова заговора: «сіе слово есть утвержденіе и укрѣпленіе, имъ же утверждается и замыкается... и ничѣмъ: ни воздухомъ, ни бурей; ни водою дѣло сіе не отмыкается» ¹⁾. Отсюда то и зависимость заговора отъ точнаго запоминанія самаго порядка словъ“ (ib. 12 —Дополн.).

Я съ умысломъ подробно остановился на замѣчаніяхъ Ор. Миллера, чтобы показать ту черновую работу, какая была набросана этимъ ученымъ для будущихъ изслѣдователей вопроса, готовыхъ отнестись къ нему самостоятельно и вдумчиво; воспользоваться ростомъ нашего отвлеченнаго языка для передачи, порою неясныхъ, хотя и близкихъ къ истинѣ, мыслей и положеній предпшественниковъ. Но прежде чѣмъ перейти къ таковымъ, остановимся на сужденіяхъ лицъ, самостоятельно не обслѣдовавшихъ вопроса, но служившихъ проводниками въ общество взглядовъ на этотъ видъ народной словесности, сохраняющимъ свою силу и понынь.

Гг. Галаховъ и Порфирьевъ—вотъ тѣ главные водоемы, отъ которыхъ расходятся по большимъ и малымъ трубамъ,—черезъ школу въ семью и общество,—взгляды и сужденія по вопросамъ литературы.

„Первобытный человѣкъ, говорить Галаховъ ²⁾, счи-

¹⁾ „Повѣч. Возвр.“, I, 421.

²⁾ „Ист. русск. слов.“, I, 154.

таль всю природу такую же оживленною и такъ же разумно дѣйствующею, какъ и онъ самъ... Онъ вѣрилъ, что при помощи извѣстныхъ «заповѣдныхъ» словъ и дѣйствій можно овладѣть (свѣтлыми и темными) существами и господствовать надъ ними. Считая все живымъ, человѣкъ, напр., и въ тѣни своей видѣлъ нѣчто живое, какъ бы часть самого себя; также точно онъ смотрѣлъ и на изображеніе свое и даже на имя“. Обращаясь за содѣйствіемъ къ свѣтлымъ или темнымъ силамъ природы, человѣкъ при помощи заговоровъ и наговоровъ, то накликаетъ добро и зло, то останавливаетъ дѣйствіе таинственныхъ силъ, пытаясь подчинить себѣ иногда и самую природу. Заговоры послѣдняго рода „имѣли сначала, весьма обширный кругъ примѣненія, и ими, вѣроятно, пользовался каждый, кто считалъ это нужнымъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ понятія человѣка прояснялись, по мѣрѣ расширенія его знаній о природѣ, кругъ примѣняемости заговоровъ сокращается. Наконецъ эти таинственныя формулы перестали уже быть доступными всѣмъ и каждому; въ обществѣ выдѣлился особый классъ людей, вѣдающихъ таинственную силу обрядовъ и моленій“ (ib.), колдуны (отъ «кладовати» = приносить жертву).

„Заговоръ всегда имѣетъ характеръ чисто-личный и употребляется исключительно съ утилитарными цѣлями, въ домашнемъ обиходѣ“ (ib. 155). „Первоначально заговоръ надо полагать, имѣлъ мѣрную, иѣсенную формулу“ (ср. лат. *incantatio*), остатки которой, несмотря на искаженные надписи, уцѣлѣли и въ дошедшихъ до насъ заговорахъ. Въ нихъ сохранилось также отчасти и древнее міросозерцаніе, прикрытое новою христіанскою оболочкой. Преобладаніе въ русскихъ заговорахъ свѣтлаго начала надъ темными силами заставляеть Г. отнести происхожденіе этихъ заговоровъ „къ тому времени когда вмѣстѣ съ увѣренностью въ постоянномъ торжествѣ солнечной силы явился кругъ народныхъ праздниковъ, посвященныхъ этому божеству“ (ib. 157).

Порфирьевъ ¹⁾ считаетъ заговоры или заклятья остаткомъ „еще языческой старины, когда были обоготворяемы разные силы и явленія природы; когда вѣрили, что посредствомъ молитвенныхъ словъ и обрядовъ можно привлечь къ себѣ ихъ благотворное вліяніе и уничтожить или остановить ихъ вредное дѣйствіе; когда думали, что физическія явленія и разные вещественные предметы могутъ имѣть вліяніе и на нравственные качества людей, на ихъ добрыя или дурныя дѣйствія“.

„Очевидно, что заговоры выродились изъ молитвенныхъ обращеній къ стихіямъ и силамъ природы, которыя во времена язычества произносились жрецами и впоследствии перешли къ смѣнившимся жрецовъ — колдунамъ и знахарямъ. Въ христіанскія времена вмѣсто свѣтилъ небесныхъ, стихій и силъ природы, съ молитвою о помощи въ всѣхъ дѣлахъ, въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ, стали обращаться къ Спасителю и Богоматери, къ ангеламъ и святымъ, но въ то же время и языческія молитвы не забывались, только къ языческимъ представленіямъ въ нихъ примѣшивались христіанскія понятія, и въ заговорахъ рядомъ съ краснымъ солнцемъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ и матушкой сырой землей стали употребляться имена Спасителя, Богоматери и святыхъ... Встарину заговоры пользовались такимъ уваженіемъ, что помѣщались въ лѣчебникахъ и травникахъ, вмѣстѣ съ рецептами противъ разныхъ болѣзней“ (ib. 173).

Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ мнѣній различныхъ изслѣдователей вопроса не нахожу нужнымъ дѣлать выписки изъ *Крека* ²⁾, такъ какъ онъ то же передаетъ въ болѣе сокращенномъ видѣ, почти безъ всякаго личнаго привнесенія и освѣщенія.

Въ pendant уже къ двумъ послѣднимъ (Галахову и

¹⁾ „Ист. слов.“, I, 172.

²⁾ „Einleitung“.. С. 800—8, 826—7.

Порфирьеву) приведу небольшую выдержку из одного весьма распространеннаго курса нѣмецкой литературы:

„Hier (in Segesprüche) flossen Glauben und Aberglauben in einander: das Gebet ward zur Beschwörung, und die Segnungen wucherte das alte Heidenthum noch immer fort. Diese Gebete und Sprüche aber brauchten nicht bloss Laien: es brauchten auch die Geistlichen, geistliche frauen wenigstens, und Geistliche schreiben sie auf, G-e mochten, insoweit hier von Verfassern kann gesprochen werden, sie auch verfassen... Diese prosaischen gleiten mit Gehalt und Form in die Dichtung über, sie lieben den eingemischten Reim, und recht ein Merkmal, wie das vorchristliche Alterthum hier weiter klinge, selbst die Rhythmen der Alliteration kommen hier noch vor“ ¹⁾.

Таково мнѣніе образованной толпы, массы о заговорахъ. Но, какъ то обычно всюду, гдѣ есть жизнь, гдѣ нѣтъ еще дыханія смерти, въ этомъ многоголосномъ и согласномъ кликѣ общественнаго мнѣнія, слышны отдѣльные голоса, идущіе съ нимъ въ разрѣзъ, и со временемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, становящіеся въ свою очередь глазомъ народа.

Однимъ изъ такихъ самостоятельныхъ голосовъ въ рѣшеніи нашего вопроса долженъ быть признанъ голосъ *Крушевскаго*.

„Заговоръ есть выраженное словами пожеланіе, соединенное съ извѣстнымъ обрядомъ и безъ него, пожеланіе, которое непременно должно исполниться“ ²⁾. „Я употребляю слово «пожеланіе», а не «молитва», потому что послѣднее предполагаетъ божество, къ которому обращается заговаривающій, а такого божества, какъ увидимъ, вовсе не оказывается“ (ib.).

¹⁾ *Wackernagel, W.* „Geschichte d. d. Litter“... I, 408—9.

²⁾ „Заговоры“..., с. 23-я.

„Въ явленіи заговора необходимо различать двѣ стороны: 1) вѣру въ возможность навязать свою волю бо- жеству, человѣку или извѣстнымъ предметамъ и обстоятель- ствамъ и 2) вѣру въ слово человѣческое, какъ самое силь- ное средство навязать кому-либо или чему-либо свою во- лю“ (ib.).

„Что эти два интеллектуальныя вѣрованія необходи- мо причастны человѣческому уму на извѣстной ступени его развитія, — доказываетъ ихъ присутствіе у разныхъ, совершенно чуждыхъ другъ другу народовъ“ (ib.).

„Къ эпохѣ фетишизма (когда особенно сильна вѣра въ возможность навязать свою волю бо- жеству) и слѣду- етъ отнести появленіе заговора“ (ib.).

„На ряду съ заговорами, въ которыхъ человѣкъ об- ращается къ извѣстному существу, очень много такихъ, гдѣ такого обращенія нѣтъ, которыхъ вся сущность со- стоитъ въ сравненіи желаемого съ чѣмъ-нибудь подобнымъ, уже существующимъ“ (ib. 27).

„Весьма многіе, если не всѣ заговоры—произведенія поэтическія (т. е. прекрасныя), а извѣстно, что всѣ наро- ды приписываютъ поэзіи, въщему слову небесное проис- хожденіе и чарующую силу“ (ib. 28).

„Самое содержаніе заговора заставляетъ допустить, что вѣра въ его силу¹⁾ есть вѣра въ слово. Дѣйствіе, ко- торымъ весьма часто сопровождается заговоръ, составля- етъ далеко не существенную его принадлежность; значи- тельное число заговоровъ лишены дѣйствія. То же самое слѣдуетъ сказать и о предметѣ, къ которому обращается заговаривающій: его очень часто вовсе нѣтъ. Существен- ная часть заговора есть само пожеланіе. На это указы- ваетъ и языкъ: нѣмецкое Wunsch—значитъ и желанье и заклятіе“ (ib. 29) ¹⁾.

„Въ концѣ почти всякаго заговора стоитъ часть, ко-

¹⁾ Ср. русск.: „онъ знаетъ такое слово; знаетъ слово отъ пули, отъ глазу“ и проч.

тору можно было бы назвать *закръпленіемъ*. Часть эту я нашелъ только въ русскихъ заговорахъ; въ тѣхъ иностранныхъ, которые мнѣ извѣстны, ея нѣтъ. Развѣ отнестя сюда евр. *амилъ*—пусть будетъ такъ“ (ib.).

„Она чаще всего выражается формулами: и слова мои крѣпки; будьте слова мои крѣпки и лѣпки до вѣку; нѣтъ моимъ словамъ переговора и недоговора; будь ты мой приговоръ, крѣпче камня и желѣза» и т. п. Здѣсь, кажется, самъ народъ засвидѣтельствовалъ, что силу заговора онъ видитъ именно въ словѣ“ (ib.).

„Родившись въ отдаленную пору фетишизма и проживъ до настоящаго времени, заговоръ претерпѣлъ много измѣненій... Прослѣдить исторію даннаго народнаго произведенія почти невозможно. Мы можемъ знать только произведенія до сихъ поръ живущія въ устахъ народа. Всѣ они представляютъ наслоенія; но наслоенія народныхъ произведеній тѣмъ отличаются отъ наслоеній геологическихъ, что слои самыхъ различныхъ эпохъ встрѣчаются въ нихъ другъ возлѣ друга, другъ съ другомъ перепутываются и производятъ самыя разнообразныя комбинаціи“ (ib.).

„Корень заговора;—вѣра въ слово,—скоро былъ позабытъ; а заговоръ остался; народъ сталъ осмыслять явленіе, приписывать ему разумное основаніе. Сюда слѣдуетъ отнести весьма частую въ заговорахъ формулу въ родѣ слѣдующей: «не я говорю, не я выговариваю, выговаривая, отговаривая сама Божья матушка». Сила заговора здѣсь основывается на авторитетѣ божества. Въ другихъ заговорахъ она основывается на авторитетѣ заговаривающаго знахаря“ (ib. 30).

„Только забвеніемъ того, почему самое слово обладаетъ такой могущественной силой, можно объяснить появленіе такого божества, какъ албанская Ора, которая странствуетъ по землѣ, прислушиваясь къ мольбамъ и проклятіямъ людей и тотчасъ же ихъ исполняетъ, какъ скоро они дойдутъ до ея слуха“ (ib.).

„Заговоръ часто имѣетъ при себѣ извѣстное дѣйствіе,

котораго значеніе не во всѣхъ заговорахъ одинаково. Какъ есть заговоры неизмѣющіе при себѣ никакого дѣйствія, обряда, такъ есть обряды, не имѣющіе при себѣ никакихъ словъ. Между заговорами, имѣющими при себѣ известное дѣйствіе, слѣдуетъ отличать заговоры, которыхъ сила основывается на словѣ, отъ заговоровъ, которыхъ сила основывается на дѣйствіи, которыхъ сущность составляетъ дѣйствіе съ известнымъ матеріальнымъ предметомъ. Ихъ наряду съ обрядами сопровождаемыми словомъ, вѣрнѣе назвать *чарами*, т. е. таинственными лѣкарственными средствами, которыхъ сила неотразима. Дѣлая это различіе, считаю нужнымъ оговориться, что оно можетъ имѣть значеніе только для насъ: въ пониманіи первобытнаго человѣка такое различіе не существуетъ; для него слово настолько же матеріально, насколько и другіе дѣйствительно матеріальные предметы, употребляемые при заговорахъ“ (ib. 30—31).

„Обыкновенно заговоръ начинается формулой: «встану я, р. Б., благословясь, умоюсь водою, росою, утрусь платкомъ тканымъ, пойду перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ восточную сторону» и т. д. Это, очевидно, совѣтъ знахаря, описаніе того обряда, который долженъ упреждать самый заговоръ, а случилось оно съ заговоромъ позже, когда уже самъ обрядъ не совершался. Въ нѣкоторыхъ заговорахъ предписывается исполненіе того же обряда“ (ib. 31).

„Въ большей части случаевъ дѣйствіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми словами заговора составляетъ сущность послѣдняго и потому не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ заговора. Но можно указать болѣе употребительные или, такъ сказать, общіе обычаи, употребляемые при заговорахъ. Къ такимъ принадлежитъ, напр., *сдуваніе*, которое употребляется вмѣстѣ съ словами заговора при лѣченіи болѣзней. Оно указываетъ на матеріальное представленіе болѣзней. На это указываетъ весьма распространенный обычай *оплевыванія*, которое употребляется не только при заговорахъ отъ различныхъ болѣзней, но

и при другихъ заговорахъ. Мнѣ кажется, что въ обрядѣ этомъ слѣдуетъ видѣть остатокъ весьма обычнаго у различныхъ дикихъ лѣченія болѣзней, замѣченнаго многими путешественниками, цитируемыми Тейлоромъ и Леббоккомъ. Лѣченіе это состоитъ въ *высасываніи* различныхъ вещей изъ тѣла паціента и выплевыванія ихъ; вещи эти считаются причинами болѣзней. Послѣ, когда значеніе всего обряда было позабыто, сплевываніе стало употребляться при различныхъ заговорахъ“ (ib.).

Наиболѣе глубокое опредѣленіе интересующаго насъ вида народнаго творчества далъ А. А. Потебня. Вопросомъ, этимъ особо онъ не занимался, но по свойству своей работы научной старался всякій разъ основательно обдумать и пересмотрѣть всякій мелкій вопросъ, входившій въ его главную работу. Такъ, попутно, нѣсколько разъ касался онъ даннаго вопроса, и вмѣстѣ съ его духовнымъ ростомъ постепенно росло, очищалось, шлифовалось пониманіе сути заговора, отлившись наконецъ въ тонкую, широкозахватывающую и въ то же время рельефно очерченную форму. Вотъ духовная почва, на которой опирались, возрастали и крѣпили его оригинальныя и самостоятельныя сужденія по разнымъ вопросамъ.

„Въ какой бы сторонѣ языка и вѣрованій, да и вообще народной жизни ни направлялось бы историческое изслѣдованіе, оно натолкнется на вопросъ о степени устойчивости преданія, о силѣ того, что съ одной точки представляется инерціей, а съ другой жизненностью, способностью народнаго или племеннаго организма уступить внѣшнему вліянію не иначе, какъ превращая и ассимилируя при помощи прежде познаннаго. Чтѣ внѣшнее, что внутреннее, гдѣ сила, гдѣ уступчивость; становиться ли изслѣдователю на сторону вѣтра или на сторону лозъ, которыя онъ клонить: это зависитъ частью отъ видимаго свойства данныхъ, которыми человекъ располагаетъ, частью отъ болѣе глубокихъ и труднѣе разложимыхъ пристра-

стій и отвращеній, навязываемыхъ впечатлѣніями всей жизни, принадлежностью къ извѣстному народу, литературному и ученому направленію и пр.“¹⁾

Борьба этихъ литературныхъ и научныхъ теченій съ самобытнымъ складомъ ума богато одаренной личности— интереснѣйшій вопросъ во всемъ творчествѣ Потебни. Попытаюсь освѣтить его хотя отчасти, поскольку то входитъ въ мою задачу.

Коснувшись впервые вопроса о происхожденіи заговора въ эпоху господства мифологической теоріи, Потебня отдалъ ей должную дань.

„Заговоры, — вывѣтрившіяся языческія молитвы, сопровождаются иногда, (а прежде, вѣроятно, всегда) обрядами, согласными съ ихъ содержаніемъ. т. е. символически изображающими его обрядами“²⁾. Это опредѣленіе— родоначальникъ буслаевскому и Афанасьева, но оно недолго удовлетворяло автора. Въ „Малор. нар. пѣс.“, гдѣ П. пришлось 2-й разъ высказаться по данному вопросу, встрѣчаемся съ сужденіемъ иного рода, съ опредѣленіемъ, прошедшимъ рядъ промежуточныхъ стадій, и съ указаніями этаповъ мысли по нуті къ новому пониманію.

Къ сожалѣнію мы не можемъ опредѣлить, какъ рано началась эта эволюція. Единственное указаніе на эти промежуточные работы сохранилось въ университетскихъ лекціяхъ. Позволю себѣ подѣлиться съ читателями выдержками изъ одного курса Потебни,— „Опытъ объ элементарныхъ формахъ народной поэзіи“, записаннаго въ 1875 г. студентомъ Скиндеромъ³⁾.

«У заговоровъ съ молитвою очень мало общаго. Всяма немногіе изъ заговоровъ заключаютъ просьбу (благодарности и похвалы божеству въ нихъ совсѣмъ нѣтъ)“.

¹⁾ Потебня „Объясн. малор. пѣс.“, I, 124.

²⁾ Потебня „О знач. н. с.“, с. 32.

³⁾ Курсъ этотъ переданъ г. Скиндеромъ въ бібліотѣку Харьковскаго Истор.-Филолог. Общества.

Общее у молитвы и заговора—желаніе, „чтобы вѣчто совершилось“.

„Заговоръ—это словесное изображеніе сравненія даннаго явленія съ желаннымъ,—сравненіе, имѣющее цѣлью произвести это желанное явленіе“. Выборъ даннаго явленія случаевъ (первое попавшееся на глаза сравнивается съ желаннымъ). Влюбчивый человекъ, увидѣвъ пылающій костеръ и думая о любимой женщинѣ, говоритъ: «Такъ бы тлѣло и горѣло сердце по рабѣ Божіей (имя рекъ) во вся дни, во всякій часъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ»;—такая формула, вѣроятно, существуетъ тысячи лѣтъ.

„Преобладаніе извѣстнаго настроенія мысли въ человекѣ окрашиваетъ безконечное множество оттѣнковъ“. Разные люди совершенно различно понимаютъ и окрашиваютъ одни и тѣ же воспріятія: пасѣчникъ пригоняетъ всякое видимое имъ явленіе къ пчеламъ, пастухъ — къ стаду и пр. „Якъ до священника люди тиснутя, такъ бы мои пчелы тиснулись до моей пасцы“; „какъ сходится народъ къ отцу по колоколу, такъ бы радѣло мое стадо на мой голосъ“. Бываетъ и такъ, что самое слово, выражающее пришедшую въ голову мысль, можетъ навести на сравненіе, создать ассоціацію понятій: вспоминаетъ, положимъ, пасѣчникъ при звукѣ колокола, что сегодня Благовѣщеніе Дѣвы Маріи о зачатіи, и мысль обращается къ постоянному предмету заботъ: «Подай, Господи, пчеламъ зачатые тусты меда». Это типичный примѣръ: подобнаго рода заговоры, даже вращаясь въ кругу опредѣленныхъ религіозныхъ наименованій, могутъ свободно выростать внѣ сферы развитого религіознаго богопочитанія.

При неоднократномъ употребленіи въ связи такіа двѣ половины случайной ассоціаціи начинаютъ исподволь срастаться: появленіе одной влечетъ за собою въ мысли другую и начинаютъ пониматься какъ причина и слѣдствіе. Отсюда—чары, т. е. умышленное изображеніе дѣйствія перваго члена ассоціаціи, умышленное воспроизведеніе его съ цѣлью вызвать появленіе 2-го члена, что

при слабомъ различіи субъективнаго и объективнаго, кажется вполне естественнымъ.

Обрядъ и чары первоначально тоже никакого отношенія къ божеству не имѣютъ: сукъ въ деревѣ высохши выпадаетъ, чирій—въ тѣлѣ; на этой почвѣ выросъ заговоръ: «какъ сохнетъ сукъ, такъ сохни чирій», при чемъ чирій обводятъ высохшимъ сукомъ. Иногда вторая половина заговора явственно не изображается, но можетъ подразумѣваться: мысль такъ сосредоточена на данномъ, наиболѣвшемъ явленіи, что оно даже на словахъ не упоминается, а лишь противоположное ему, желаемое, а связь между ними не договаривается: „На берегу сидитъ мать Пресвятая Богородица, нитки мотаетъ, раны кровавыя зашиваетъ“—такъ было бы хорошо и въ данномъ случаѣ,—поэтому кровь должна уняться.

Это одна изъ переходныхъ стадій, гдѣ могло уже получать значеніе религіозное міропониманіе.

„Послѣ того, какъ образы небесныхъ существъ вслѣдствіе длинныхъ процессовъ явились конечными причинами земныхъ явленій, когда создалось представленіе о могуществѣ боговъ,—заговоръ постепенно удаляется отъ первоначальной формы сравненія, при отсутствіи всякой просьбы, и переходитъ къ той формѣ, въ которой изображена дѣятельность мифическихъ существъ и соединяется съ молитвой къ нимъ. Есть такіе заговоры, въ которыхъ изображеніе дѣятельности божества соединено съ молитвой. Еще болѣе поздняя форма состоитъ въ томъ, что первая половина совершенно исчезаетъ или, другими словами, сжимается въ одно обращеніе съ существомъ и содержаніе заговора становится молитвой. Такая форма возможна тогда, когда человѣкъ сроднился съ мыслью, что божество есть причина явленія: «Гой еси ты, Георгій Храбрый, исцѣли 'отъ недуга и пошли всѣ недуги на нечистые гады».

Эти наброски получили вскорѣ законченный, болѣе отдѣланный видъ въ „Малорусской пѣснѣ по списку XVI вѣка“. „Оставаясь при мнѣніи, что заговоры вообще суть

обломки языческихъ молитвъ (Аван. „П. возвр.“, I, 43, 414), что чѣмъ болѣе заговоръ подходитъ къ молитвѣ, тѣмъ онъ первобытнѣе, мы впадаемъ въ ошибку... Въ молитвѣ челоуѣкъ обращается къ существу, которое, по его мнѣнію, настолько челоуѣкообразно, что можетъ исполнить просьбу, или нѣтъ, что оно доступно похвалѣ и благодарности или порицанію и мести... Хотя въ заговорахъ почти нѣтъ слѣдовъ благодаренія, часть ихъ подходитъ подъ понятіе молитвы въ обширномъ смыслѣ, включая въ себѣ привѣтствіе («добрий вечеръ тобі, місяцю, милий князю»...), изображеніе могущества божества, упрекъ: просьбу, угрозу; тѣмъ не менѣе значительная часть заговоровъ имѣетъ съ молитвою лишь то общее, что вытекаетъ изъ желанія, чтобы нѣчто совершилось. Нельзя сказать, что они вообще отличаются отъ языческой молитвы тѣмъ, что «принадлежатъ къ эпохѣ болѣе грубого представленія о божествѣ, имѣютъ, по мнѣнію говорящаго принудительное вліяніе» (Ор. Миллеръ „Оп. рус. сл.“, I, 84), ибо, во-первыхъ, въ языческой молитвѣ врядъ ли можно разграничить принудительность и непринудительность; во-вторыхъ, въ заговорѣ можетъ вовсе не заключаться представленія о божествѣ. Опредѣленіе заговора, какъ выраженаго словами пожеланія, которое должно непременно исполниться (Крушевскій, 23), — слишкомъ широко. Оно не указываетъ на исходную точку развитія заговоровъ, какъ особой формы пожеланія, присоединяетъ къ нимъ простыя формы проклятія и ругательства, подъ условіемъ вѣры въ то, что они сбываются, и, какъ увидимъ, существенные элементы причитаній по мертвымъ. Мнѣ кажется основную форму заговора лучше опредѣлить такъ. Это — словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желанымъ, имѣющее цѣлю произвести это послѣднее“¹⁾,

„Возникновеніе заговоровъ связано съ созданіемъ

¹⁾ Потѣбля „Малор. нар. п.“, 20—21.

категоріи причини изъ отношеній «сум hoc» и «post hoc», въ частности изъ отношеній сходства. Вѣра въ возможность достиженія внѣшней цѣли посредствомъ субъективнаго процесса сравненія и изображенія предполагаетъ низкую степень различимости изображаемаго (внѣшняго, объективнаго), и изображенія (слова и личнаго дѣйствія вообще)... Въ частности для возникновенія вышеприведенныхъ ¹⁾ «присушекъ» необходимо, чтобы любовь представлялась дѣйствіемъ внутренняго огня, во воее не необходимо, чтобы внѣшній огонь, напоминающій объ этомъ внутреннемъ, сознательно представлялся божественною причиною личныхъ состояній, объясняемыхъ внутреннимъ огнемъ. Подведеніе частнаго явленія подъ общую міровую причину [напр. N—Илья=стрѣляющее божество—отстрѣливаетъ уроки, приговоры, притки (вообще),—пусть и въ этомъ случаѣ будетъ то же] есть лишь одна изъ возможностей ²⁾.

„Двухчленность заговора, мнѣ кажется, лежитъ и въ основаніи другихъ его формъ, лишь повидимому болѣе простыхъ, а въ сущности относящихся къ первообразной приблизительно какъ, какъ опущеніе субъекта или предиката къ двухчленному предложенію. Въ заговорѣ, съ одной стороны, можетъ остаться одно примѣненіе, одно пожеланіе, одна молитва; съ другой—можетъ быть на лицо одно изображеніе символа (будетъ ли это явленіе, имѣющее божественный характеръ, облеченное въ человѣкоподобный образъ или нѣтъ), при которомъ примѣненіе лишь подразумевается“. Такъ, напр., «Іхав Рахайло и Михайло на білому коню, вів три хорти, един білий, другий чер-

¹⁾ „Въ печи огонь горить... и тлѣть дрова, такъ бы тлѣло и горѣло сердце у N“. (Майк. 426). *Limus ut hic durescit et haec ut caera liquescit Uno eodemque igni sic nostro Daphnis amore* (Virg. Ekl., VIII, 80),—какъ говоритъ женщина, приближая къ огню два изображенія привораживаемаго: одно изъ илу, другое изъ воску“. (Ib. 21).

²⁾ Ib. 21—22.

воний, а третій чорний: б. біжить—слѣзи лиже; ч. б.—кров лиже, а червоний б.—бѣльмо лиже»—Вінок Русинам на обжинок, 267; Ефименко въ „Чт. О. И. и Др., 1874, I, № 29-й—„по практикуемому способу объясненія значило бы: вѣтры — псы, сопровождающіе небесныя грозовыя божества, слизываютъ тучи и открываютъ солнце; а такъ какъ глазъ солнцеподобенъ, то пусть въ этомъ случаѣ сойдетъ съ него бѣльмо“ ¹⁾.

„Въ значительномъ числѣ наличныхъ заговоровъ (—видно—), какъ въ нихъ съ одной стороны желаніе, заранѣе опредѣленное лишь въ самомъ общемъ, специализируется подъ вліяніемъ случайныхъ воспріятій, съ другою—въ этихъ воспріятіяхъ усматриваются тѣ или другія стороны подъ вліяніемъ господствующаго настроенія. Напр. *приколъ* не имѣетъ отношенія къ пчеловодству, и въ другое время ни его видъ, ни его имя не возбудили бы въ человѣкѣ и мысли о пчолахъ, но когда человѣкъ, будучи озабоченъ своею пасѣкою, находитъ эту вещь, онъ говоритъ: «Якъ тое бидло було припъяте, немогло пійти відъ того міста нігде; такъ би мої матки не могли вийти відъ пасієи, від мене, р. Б.» (Чуб., I, 74). Лишь послѣ того, какъ случайно (хотя быть можетъ не безъ вліянія мифической связи пчелы и быка, коня — О миф. зн. н. обр., 209 сл.) образовалось сочетаніе мысли о конскомъ прикольнѣ и сидѣннї матокъ въ пасѣкѣ, появленіе мысли о послѣднемъ, какъ желанномъ, вызоветъ въ сознаніе и первое. Но тотъ разъ приколъ былъ налицо, и перъ его нѣтъ; остается поискать нарочно. Съ теченіемъ времени возникаетъ требованіе: когда хочешь заговаривать матокъ, чтобы сидѣли, найди «приколень, що коня припинають, выйми его изъ земли и говори такъ: якъ тее бидло було припъяте» ²⁾...

„Дѣйствіе, сопровождающее здѣсь заговоръ, представляетъ простѣйшую форму чаръ. Чары—это первоначаль-

¹⁾ Ib. 22.

²⁾ Ib. 22—3.

но дѣятельно умышленное изображеніе перваго члена заранѣе готовой ассоціаціи (именно того, съ чѣмъ было сравнено желанное), имѣющее цѣлью вызвать появленіе 2-го члена, т. е. сравниваемого и желаннаго. Достигаемое этимъ болѣе живое представленіе желаемаго, при бѣдности содержанія мысли и ея безсиліи отличать субъективное отъ объективнаго, принимается за мѣру, необходимую для появленія желаемаго въ дѣйствительности, за мистическое осуществленіе желаемаго. Чары и первоначально и до нынѣ могутъ не имѣть отношенія къ небеснымъ и міровымъ явленіямъ, и въ этомъ смыслѣ требуютъ ограниченія мнѣніе, что древнѣйшіе обычаи (Sebräuche) оказываются простыми изображеніями небесныхъ явленій (Schartz „Der Urspr. d. Myth., XVI“¹⁾).

„Подобно тому, какъ пѣсня можетъ начинаться со случайнаго даннаго явленія, которое становится символомъ, а также подобно тому, какъ ругательства получаютъ опредѣленное выраженіе подъ вліяніемъ послѣдняго слова отвѣта“—(ср. *Квитка* „Та я ж ходив...—А бодай тебе ходило се та те“, или „Та вже ж ёго, тіточко, випустили...—Випустили? От так ти випускай“...)—„подобно этому и въ заговорахъ образцомъ желаемаго, дающаго направленіе мысли можетъ стать какъ чувственное воспріятіе, такъ и слово. Напр. въ Благовѣщенье то, что въ этотъ день празднуется—возвѣщеніе *зачатія*—дастъ поводъ пчеловоду говорить: «повели, Господи, пчеламъ зачати ім густие меди» и проч.“²⁾.

„Гдѣ нѣтъ мысли о сверхчеловѣческомъ могуществѣ и намѣренной міровой дѣятельности, тамъ, я думаю, нѣтъ мысли о божествѣ; въ противномъ случаѣ понятіе о божествѣ расплывается въ понятіе о вещи и явленія. Понятіе о божествѣ не исконно. Заговоры и чары, видимо стоящіе внѣ сферы богопочитанія, хотя бы и воспроизведенные, даже созданные вчера и сегодня, могутъ быть

¹⁾ Ib. 23.

²⁾ Ib. 23—4.

по своему характеру болѣе первобытны, чѣмъ такіе, завѣдомо древніе, какъ извѣстный нѣмецкій заговоръ XVIII вѣка (Буслаевъ, Оч., 250), въ коемъ первый членъ сравненія изображаетъ дѣйствія божествъ, и — чѣмъ подобные этому русскіе заговоры съ несомнѣнными слѣдами языческихъ божествъ¹⁾.

„Принимая все это во вниманіе, я имѣю въ виду поправку слѣдующаго мнѣнія:

«Нѣкоторые заговоры, прежде самаго заклинанія или молбы, предлагаютъ описаніе тѣхъ обрядовыхъ подробностей, съ какими въ древности надо было приступать къ этому священному дѣлу: „вставала я, р. Б., въ красную утреннюю зорю, умывалась ключевой водой, утиралась бѣлымъ платомъ, пошла изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле“ и проч.... По этимъ указаніямъ надо было вставать на зарѣ, выходить въ поле... умываться росой или ключевою водою, символомъ дождя, дающаго обиліе и счастье, кланяться на востокъ, гдѣ восходитъ верховное божество свѣта» и пр. (Ае. „П. В.“ I, 414—5)¹⁾.

„Подобно этому и Крушевскій (I. с. 31) о формулахъ «встану»... говоритъ: «это очевидно свѣтъ знахаря, описаніе того обряда, который долженъ былъ предупредить заговоръ, а *смысл* оно съ послѣднимъ позже, когда уже самъ обрядъ не совершался»²⁾.

„Конечно, когда воспроизведеніе возобладало надъ созданіемъ, когда заговоръ сталъ повторяться буквально, то явилось несоотвѣтствіе словъ: «встану я... умоюсь» и проч. съ дѣйствіями знахаря, который, произнося заговоръ, вовсе не встаетъ, не умывается и проч. Такая же неправда — и въ началѣ пѣсни: «з-за 'ной мі горы»..., если пѣсня поется на пр. въ хатѣ, откуда никакой горы невидно. Въ обоихъ случаяхъ начала могутъ стать гото-

1) Ib. 24.

2) Ib. 24.

3) Ib. 25.

выми общими мѣстами, легко прилаживаемыми къ любому тоже готовому содержанию. Но воспроизведеніе и условность предполагаютъ созданіе и полное соответствіе мысли и слова. Если въ заговорѣ говорится: «встану»... и проч., то нѣкогда такъ и дѣлалось, при томъ не въ силу совѣта знахаря, а прежде чѣмъ сложились подобные совѣты. Изображенія дѣйствій невозможныхъ, имѣющія лишь символическое значеніе, на пр. порученіе себя покровительству высшихъ силъ — [«Облокусь я оболочкомъ; обычусь частыми звѣздами» и т. п. — Аѳ. П. В. I, 611, въ родѣ того, что въ мр. заговорѣ: «Пресвята Богородица стояла, мені въ поміщ ставала»] — могутъ разсматриваться, какъ позднѣйшія наслоенія. Основная черта этихъ введеній видится мнѣ въ томъ, что въ нихъ могутъ быть слѣды богопочитанія. Первоначально они — то же по отношенію къ существенному содержанию заговоровъ, — именно къ первому члену заключающагося въ нихъ сравненія, — что начала пѣсенъ, какъ: «пйду я», «стану я», «сяду я»... по отношенію къ главнымъ мотивамъ пѣсенъ. Это — выраженія сознанія того пути, сначала случайнаго, потомъ намѣреннаго, которымъ человѣкъ приходитъ къ возможности сдѣлать извѣстное наблюденіе, вспомнить, представить себѣ, войти въ извѣстное настроеніе, подвергнуться иллюзіи; это первоначально — воспоминанія обстоятельствъ, при которыхъ соткался заговоръ. Заговоры съ такими введеніями древнѣе тѣхъ, которые начинаются внезапно, какъ съ обрыва¹⁾.

„Даже въ заговорахъ явно-божественнаго содержанія вступленіе можетъ неимѣть никакого отношенія къ богопочитанію. Вотъ на пр. идетъ р. Б. въ скорби и печали, идетъ, плачетъ и никто ее не спроситъ: «о чемъ?». Видится ей, что встрѣчаетъ ее Матерь Божія, спрашиваетъ, утѣшаетъ, обѣщаетъ исцѣленіе отъ самого Христа. Этотъ личный опытъ воспоминается при другомъ го-

¹⁾ Ib. 25.

рѣ своемъ или чужомъ. Образуется умыселъ воспроизвести это воспоминаніе и достигнуть того же результата, и возникаетъ заговоръ отъ напастей:

«Иду я, плачу—ридаю, Матір Божу совстрічаю. Б. Б. мя питає: „чего ти, р. Б., рожденна, молитвенна, крепченна плачеш-ридаєш?“ — Я плачу-ридаю: велику на собі вражду маю, велику напастъ, ненависть, остуду-паскуду, пристрїт и великий ниженъ (—? нежить? нежит?—) на собі маю, та незнаю, де відблагаю. — „Иди ти до ріки Йрдани! Сам Христос ты сціляє, очищає и заступає“. — Відялагай від напасти, ненависти, остуди-паскуди, пристрїту и великого ніжню» (Под. г. по р. Смотричу. Зап. студ. Ив. Стефановскимъ)¹⁾.

„Изъ этого примѣра видно также, что молитва и въ заговорѣ, въ коемъ изображаются дѣйствія божества, можетъ имѣть второстепенное значеніе. Заговоръ могъ бы быть и безъ послѣдней части («відблагай»)²⁾.

„Замѣченный въ пѣсенныхъ началахъ переходъ отъ изображенія дѣйствительной обстановки къ идеализированной [— «Ой пїду я по-надъ Дунаями, По-надъ Дунаями вода слоянами... Ой там козаченько коня напуває, | Коня із припою (?), Сам заплакав стоя»...—] — обыченъ и въ заговорахъ: «встану я... пойду... подъ свѣтлый мѣсяць, подъ луну Господню, къ тому (извѣстному, т. е. живо воображаемому, традиціонному) синему морю-окіану. У того у моря лежить бѣль алатръ камень» (Гуляевъ „Оч. южн. Сибири», 47)³⁾.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась еще одна интересная работа, посвященная вопросу о заговорахъ,— студента Харьковскаго у-та *Θ. Зелинскаго*⁴⁾. Не вдава-

¹⁾ Ib. 26.

²⁾ Ib.

³⁾ Ib.

⁴⁾ „О заговорахъ“ (Сб. Ист.-фил. Общ.).

ясь въ детальное изученіе матеріала по источникамъ, г. Зелинскій ознакомился съ важнѣйшими изъ работъ предшественниковъ, подвергъ ихъ сильной критикѣ и попытался установить свой взглядъ на нѣкоторыя стороны этого сложнаго вопроса.

„Въ заговорѣ мы всегда находимъ желаніе, съ цѣлью достигнуть (— исполненія? —) котораго и произносится заговоръ, находимъ сравненіе (отсутствіе же его такъ или иначе объяснимо) и словесное изображеніе этого сравненія“ ¹⁾.

Опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, когда возникаютъ заговоры, найдемъ только у одного Крушевскаго. Указывая на то, что человѣческому уму, на извѣстной ступени его развитія, причастны вѣра въ возможность навязать свою волю божеству, другому человѣку или извѣстнымъ предметамъ и обстоятельствамъ и вѣра въ человѣческое слово, какъ средство для этого, — онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ, такъ какъ факты достаточно извѣстны и слишкомъ многочисленны. „Религія въ извѣстной фазѣ своего развитія характеризуется вѣрою въ возможность навязать свою волю божеству. Фаза эта — фетишизмъ. Къ эпохѣ фетишизма и слѣдуетъ отнести появленіе заговора». Намъ кажется, что въ этомъ мѣстѣ К-ій дѣлаетъ дальшую натяжку. Дѣло въ томъ, что, производя заговоръ изъ особенностей первобытнаго мышленія, добавывая его зависимость отъ чисто-психическихъ причинъ, нѣтъ надобности относить возникновеніе заговора къ эпохѣ фетишизма“ ²⁾. „Если бы заговоръ велъ свое начало отъ эпохи хотя бы самаго низкаго богопочитанія, то это въ немъ отражалось бы. Тѣмъ болѣе, если бы онъ вытекалъ изъ какого-либо религіознаго воззрѣнія, какъ напр. молитва, то отношеніе его къ религіи было бы его существеннымъ признакомъ, чего мы не видимъ въ опредѣленіи основной его формы, данномъ По-

¹⁾ Л. с. 13.

²⁾ П. 13—14.

тебней. Во многихъ заговорахъ... мы не находимъ даже никакого упоминанія о божествѣ, а эти то заговоры и являются ихъ типичными образцами и представляютъ изъ себя древнѣйшую форму. Въ виду всего изложеннаго выше, мы относимъ возникновеніе вѣры въ силу слова и связанныхъ съ нею заговоровъ къ эпохѣ, предшествующей самому равному богопочитанію, словомъ, какъ выражается Ор. Миллеръ, къ тому періоду, когда не молились и не приносили жертвъ; эпоху эту Леббокъ называетъ атеизмомъ; «подразумѣвая подъ этимъ терминомъ не отрицаніе существованія божества, но отсутствіе всякихъ опредѣленныхъ идей по этому предмету» (Нач. цив., 88). Мы видимъ, что нѣкоторые современные намъ дикіе народы, стоящіе на самой низкой ступени развитія, не имѣютъ никакой религіи, никакихъ религіозныхъ обрядовъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакой идеи о божествѣ, даже словъ для выраженія этого понятія, а между тѣмъ они имѣютъ колдуновъ и знахарей, которыхъ авторитетъ опирается на колдовствѣ и заклинаніяхъ, составляющихъ одинъ изъ простѣйшихъ видовъ колдовства“¹⁾.

Не находя „ни у одного изслѣдователя обстоятельнаго объясненія“²⁾ тому, какъ возникъ заговоръ, г. Зелинскій пытается предложить свою теорію:

„Первобытный человѣкъ, наблюдая происходящія вокругъ него явленія, часто видитъ два явленія, происшедшія одно за другимъ, и запоминаетъ ихъ въ такомъ порядкѣ. Свойство памяти таково, что два явленія или предмета, находящіеся въ извѣстномъ отношеніи другъ къ другу, ассоціируются между собою, т. е. такъ тѣсно связываются между собою въ памяти, что, при воспоминаніи объ одномъ изъ нихъ вспоминается и другое. Отсюда происходитъ то, что разъ изъ двухъ ассоціированныхъ такимъ образомъ явленій снова происходитъ первое, то человѣкъ, наблюдая его, тотчасъ вспоминаетъ о второмъ

¹⁾ Пб. 14.

²⁾ Пб. 18.

и ожидаетъ его появленія. Т. о. появленіе перваго члена подобной ассоціиці становится признакомъ скорого появленія 2-го члена. Это и есть примѣта. Мы замѣтили, что вечеромъ солнце садилось въ тучу, а на другой день шелъ дождь; эти два явленія ассоціировались между собою, и всякій разъ, при видѣ солнца, садящагося въ тучу, намъ приходитъ мысль о дождѣ, и мы ожидаемъ его. Т. о. у насъ возникаетъ примѣта, по которой, если солнце садится въ тучу, то на другой день будетъ дождь“¹⁾).

Примѣта „это — первый членъ ассоціиці, въ которой при появленіи перваго члена ожидается появленіе втораго“²⁾). Это — предшественница категоріи причины.

„Возникновеніе заговоровъ связано съ созданіемъ категоріи причины изъ отношеній «cum hoc» и «post hoc», въ частности изъ отношеній сходства. Вѣра въ возможность достиженія внѣшней цѣли посредствомъ субъективнаго процесса — сравненія — предполагаетъ низкую степень различимости изображаемаго (внѣшняго объективнаго) и изображенія (слова и личнаго дѣйствія вообще“ (Потебня „Мр. п.“, 22).

„Въ случаяхъ обморока, апоплексіи и каталепсіи человѣкъ не помнитъ, что съ нимъ происходило въ это время, а окружающіе видѣли его полное безчувствіе, бездыханность. Это... укрѣпляетъ увѣренность въ томъ, что другое я можетъ покидать человѣка и снова возвращаться. Отсюда и до сихъ поръ существующее выраженіе о пробужденіи отъ обморока — *прійти въ себя*, въ то время какъ субъектъ въ экстаитическомъ состояніи очевидно находится *внѣ себя*. Итакъ очевидно, что другое я можетъ покидать тѣло и возвращаться“³⁾).

Въ эти отлучки души нѣ ея тѣло можетъ вселиться чужая, злая, вступать въ борьбу съ прежней хозяйкой и вызывать такимъ образомъ рядъ разстройствъ тѣла и ду-

¹⁾ Ib. 18.

²⁾ Ib. 19.

³⁾ Ib. 31—2.

ха, всякіе недуги, болѣзни, порчи и проч. Отсюда — возможность, а потомъ и необходимость въ подобныхъ случаяхъ заклинаній, колдовства.

Изъ подобныхъ „весьма несложныхъ причинъ“ возникаетъ заговоръ; „потому естественно какъ то, что мы встрѣчаемъ его у народовъ совершенно чуждыхъ другъ другу по своему происхожденію, такъ и то, что заговоры разныхъ народовъ часто сходны между собою не въ одной только основной своей формѣ“ ¹⁾.

„Заговоръ заключаетъ въ себѣ возникшее по ассоціации сравненіе, изображенное словомъ, какъ самымъ могущественнымъ орудіемъ для произведенія сравненія“ ²⁾.

„Самый простой заговоръ заключаетъ въ себѣ одинъ изъ членовъ сравненія, а самый сложный — всѣ пять (— обращеніе, введеніе, два члена сравненія и закрѣпленіе —). Средину между ними занимаютъ тѣ заговоры, которые образовались путемъ различныхъ соединеній указанныхъ формулъ. Желаніе придать болѣе силы заговору привело къ тому, что въ одномъ и томъ же заговорѣ находимъ нѣсколько обращеній, нѣсколько закрѣпленій, нѣсколько членовъ сравненія“ ³⁾.

Не стану вдаваться въ критическую и сравнительную оцѣнку достоинствъ и недостатковъ этихъ разнообразныхъ взглядовъ и теорій. Въ каждомъ изъ нихъ есть дань своему времени, увлеченіе господствующимъ теченіемъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ вообще (обыкновенно всегда то или иное направленіе, занявъ верхи мысли челоуѣческой въ извѣстную эпоху, даетъ ей тонъ, направленіе, окраску, иногда не замѣчаемую самимъ авторомъ), и каждое изъ нихъ вноситъ свою долю свѣта въ обслѣдуемый, все еще очень темный вопросъ.

¹⁾ Гл. 34.

²⁾ Гл. 35.

³⁾ Гл. 45.

Воспользовавшись плодами трудовъ каждаго изъ моихъ предшественниковъ, я попытаюсь сдѣлать хотя небольшой шагъ въ глубь этого вопроса, поскольку то позволяетъ современный уровень науки и общей выработанности мысли и слова, являясь лишь выразителемъ въ одной изъ частныхъ областей знанія того новаго, къ чему подвинулась человѣческая мысль, неустанно пытливая, въ своихъ исканіяхъ истины.

Думается, что картина исторіи всякаго духовнаго вопроса интересна сама по себѣ, — это одна изъ цѣлей вышеприведенныхъ многочисленныхъ выписокъ, а другая — желаніе дать въ руки болѣе вдумчивому изъ читателей, болѣе стоящему на высотѣ современныхъ знаній — матеріалъ, при помощи котораго онъ могъ бы въ сравнительно короткое время ориентироваться въ данномъ вопросѣ и открыть путь для дальнѣйшей разработки его.

Повторяю, цѣль моей работы — лишь попытка перевести добытые моими предшественниками результаты изслѣдованій на языкъ современной научной мысли. Съ этою только цѣлью я и позволю себѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи возвращаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ вышеприведеннымъ мнѣніямъ.

Долженъ оговориться, что буду придерживаться въ основѣ того научнаго теченія, которое у насъ въ Россіи особенно ярко выражено проф. А. А. Потебней.

Отправной точкой будетъ исторія языка въ связи съ исторіей мысли, такъ какъ на этомъ полѣ разыгрываются всѣ битвы научныхъ теорій.

Къ этому основному вопросу и приступаю въ дальшемъ изложеніи.

ГЛАВА 2-я.

Психологическія основанія возникновенія заговоровъ.

Созданіе заговоровъ, точнѣе — творчество мысли народной въ этомъ направленіи не прекратилось и нынѣ¹⁾.

Живучесть ихъ поразительна; для нихъ нѣтъ строго опредѣленной, отмежеванной эпохи, когда они родились и потомъ, исподволь развившись, существуютъ нынѣ лишь какъ культурное переживаніе.

Слѣдуетъ, по-моему, искать не эпоху, когда они родились, а опредѣлить тѣ условія, при которыхъ они вообще легко создаются и живутъ привольно; а потомъ прослѣдить, какъ видоизмѣняются эти условія съ измѣненіемъ міропониманія человѣческаго; уловить важнѣйшіе моменты борьбы и взаимодѣйствія этихъ началъ.

Правда, въ самомъ словѣ „заговоръ“ указана от-правная точка—признаніе за словомъ человѣческимъ могучей силы; но это — эпоха полного разцвѣта.

¹⁾ См., напр., въ „Кіевской Старинѣ“ 1900, II, 16—17 заговоръ отъ „скарлатины“.

Попробуемъ раскрыть, какъ и при какихъ условіяхъ могла вырасти эта вѣра въ мощь слова.

Основной приѣмъ современнаго мышленія — сравненіе (понимаемое, какъ сопоставленіе, потомъ—установленіе различій и соотвѣтствующій выводъ, умозаключеніе). Этотъ приѣмъ присущъ и всякому мышленію, только, разумѣется, въ разныхъ степеняхъ совершенства и сложности, сообразно духовному уровню мыслящаго. Намѣтитъ поворотные пункты по пути къ такому усложненію — и значитъ подойти къ сущности вопроса, отыскать ключъ къ рѣшенію этой сложной задачи.

Во всемъ сложномъ мы легче разбираемся, когда сумѣемъ отыскать въ немъ простыя части, входящія въ составъ его; тогда видны становятся тѣ приспособленія къ этимъ основнымъ частямъ, которыя даютъ единство и цѣльность сложному.

Въ данномъ случаѣ сравнительно простымъ по отношенію къ исторіи всякаго словеснаго (художественнаго) произведенія является эволюція слова.

Слово — первичный источникъ сознательнаго мышленія, источникъ самосознанія, самоопредѣленія и разумнаго творчества. „Человѣкъ усваиваетъ образы внѣшняго міра въ формахъ своего самосознанія; тѣмъ болѣе — человѣкъ первобытный, не выработавшій еще привычки отвлеченнаго, необразнаго мышленія, хотя и послѣднее не обходится безъ извѣстной сопровождающей его образности. Мы невольно переносимъ на природу наше самоощущеніе жизни, выражающееся въ движеніи, въ проявленіи силы, направляемой волею; въ тѣхъ явленіяхъ или объектахъ, въ которыхъ замѣчалось движеніе, подозрѣвались когда-то признаки энергіи, воли, жизни“¹⁾, вообще человѣкообразности, близости къ мыслящему, го-

¹⁾ *Веселовскій, А.* „Психологич. параллелизмъ“, 1.

ворящему существу. Слово сыграло довольно видную роль въ развитіи этого анимистическаго пониманія міра: оно служило центромъ, къ которому стягивалось все, въ чемъ подмѣчено было какое-либо сходство; такъ создавалась группировка, дѣленіе на категоріи всего необъятнаго, что открывалось человѣческой мысли.

Многое изъ казавшагося издали однороднымъ, притянутое словомъ поближе къ сознанию, стало терять свою обманчивую близость и связь; при ближайшемъ сопоставленіи обнаруживалась и разница; такъ исподволь выросло могучее орудіе человѣческаго ума — анализъ, который постоянно тревожитъ мысль, открывая для нея все новые горизонты, постепенно уготовляя почву для новаго міропониманія.

На раннихъ ступеняхъ развитія человѣкъ съ трудомъ отличаетъ себя отъ окружающаго; онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ природой ¹⁾. Яркіе примѣры этого со-

¹⁾ Позволю себѣ привести здѣсь одинъ крайне любопытный пережитокъ такого міропониманія, сохранившійся до недавняго времени. Чуваши увѣрены, что извѣстными средствами можно перевести урожай съ чужого поля на свое. Вотъ одинъ изъ этихъ способовъ: Въ неурожайный годъ чуваша снаряжаютъ въ ближайшее урожайное поле свадебный поѣздъ со всей обычной обстановкой. Выбирается красивый парень; его одѣваютъ, какъ жениха, на общественный счетъ. Парень этотъ вмѣстѣ съ своей свадебной свитой, съ посаженнымъ (старѣйшимъ въ селѣ) во главѣ, садится въ телѣгу (куда кладутъ заступы и лопаты для поднятія на возъ земли-невѣсты) и ѣдетъ за „невѣстой“. Прибывъ на мѣсто, посаженный, обращаясь къ засѣянному полю, говоритъ: „Вотъ мы пріѣхали къ тебѣ съ красивымъ и умнымъ женихомъ, богатая и дорогая невѣста. Знаемъ, что у тебя сосчитать нельзя богатства, а у нашего жениха опѣнить нельзя горячность любви къ тебѣ... Такъ полюби и ты, дорогая невѣста, нашего жениха и не откажи въ нашей просьбѣ. Возьми съ собою, дорогая невѣста, все твое приданое и съ полей и луговъ, изъ лѣсовъ и рѣкъ“. — Затѣмъ лопатами насыпаютъ въ повозки земли, сажаютъ на переднюю жениха и мчатся назадъ, къ своимъ полямъ, гдѣ и разбрасываютъ при-

стоянія приводятся изслѣдователями психологiи ранняго дѣтства: путемъ многократнаго опыта научается ребенокъ сознать общую связь частей своего тѣла и ихъ принадлежность чему то единому, какому то особому „я“, отличному отъ всего другого; а понятiя о собственности, въ широкомъ смыслѣ, развиваются очень поздно.

Къ тому же этотъ немудреный опытомъ мыслитель, постоянно колеблющiйся и сомнѣвающiйся, встрѣчался въ своихъ повседневныхъ наблюденiяхъ съ явленiями, подрывавшими и подтачивавшими устой, едва намѣченныя упорными усилями ума.

Онъ видѣлъ рядомъ съ собою идущую тѣнь, то увеличивающуюся, то уменьшавшуюся, а порой и совсѣмъ беслѣдно пропадавшую; глядѣлъ онъ въ глаза своего собесѣдника и видѣлъ тамъ другого, маленькаго человекъ; наблюдалъ онъ явленiя сна и смерти, и въ его умѣ снова вспыхивало сомнѣнiе, есть ли его *цѣльное* „я“, какъ то показалъ уже рядъ опытовъ съ огнемъ, ощущенiемъ боли въ разныхъ частяхъ тѣла, отражающихся въ одномъ центрѣ и проч., въ дѣйствительности таковое. — И вотъ начиналась старая и вмѣстѣ вѣчно юная исторiя — сомнѣнiя, двойственность, а въ результатѣ — пересмотръ вопроса вновь, и новая „научная“ теорiя.

Длинный рядъ наблюденiй, размысленiй первой стадiи принесъ свой плодъ: рука, нога, голова мои ощущаютъ тѣ или иныя физическiя воздѣйствiя, значить онѣ составляютъ нѣчто цѣлое, связанное, но входитъ ли въ составъ *это* цѣлаго многое другое, что я подмѣчаю въ себѣ, но что помянутымъ воздѣйствiямъ не поддается? Я ушибъ тѣнь свою и мнѣ не больно, я уходилъ во снѣ

везенную землю. При этомъ женихъ, подходя къ каждой повозкѣ, говоритъ: „Здравствуй, дорогая моя новобрачная, люблю и тебя больше золота, больше жизни моей, за мою ты любовь разверни свое приданое на нашихъ поляхъ и лугахъ, лѣсахъ и рѣкахъ“. — Остатокъ ночи пируютъ (*Золотницкий*, „О старой чув. вѣрѣ“, с. 255—6).

далеко-далеко, а всё ближніе увѣряютъ, что изъ дому я въ это время не выходилъ; я былъ въ водѣ и въ огнѣ, и сухъ, и обжоговъ не чувствую. — И танутся вереницей подобные вопросы, колебля едва сложившуюся увѣренность въ единствѣ простыхъ частей, входящихъ въ составъ „я“. Мысль кипитъ, мучится, борется и наконецъ съ торжествомъ вноситъ поправку, дополненіе въ старую теорію: да, вотъ тѣ явленія, конечно, составляютъ единое, а вотъ эти новыя, можетъ быть, входятъ въ составъ другого цѣлаго, — создаваемого по образу перваго.

Міръ опять раздвоенъ: въ немъ есть существа, которыми свойственна физическая боль, которыя медленно передвигаются по землѣ, которыя ежедневно нуждаются въ пищѣ и питьѣ и т. п., а есть и иная категорія существъ — незнакомцевъ, которыми эти свойства не приущи, которыя надѣлены новыми, иными, и которыя подлежатъ изученію.

Разумѣтся, эти незнакомцы унаслѣдовали многія черты отъ своихъ предшественниковъ: таково ужъ свойство мысли человѣческой. — Вотъ почва, на которой выросла вѣра въ двойниковъ, сыгравшая огромную роль въ новомъ міропониманіи, въ развитіи человѣчества, въ выработкѣ идеи божества; легшая въ основу духа и плоти, откуда выросли всё послѣдующія, вплоть до современныхъ, — научныя теоріи.

Amélineau въ своемъ изслѣдованіи „Идея души въ древнемъ мірѣ“ отмѣчаетъ у Египтянъ существованіе вѣры въ двойниковъ, стоящей на перепутьи къ созданію понятія о душѣ: „Египтяне вѣрили, что каждый изъ людей имѣетъ своего двойника, существо вполне тѣлесное, которое послѣ смерти человѣка остается на землѣ и которое необходимо питать и поддерживать ¹⁾); въ против-

¹⁾ „До настоящаго времени сохранился еще обычай ставить вечеромъ того дня, въ который погребли умершаго, на покути... или на оконъ стаканъ съ водой или водкой и крошечку хлѣба... Душа покойника приходитъ въ свой домъ ужинать,

номъ случаѣ оно послѣ долгихъ скитаній чахнетъ, умираетъ въ свою очередь и становится безплотнымъ видѣніемъ... Двойникъ не есть еще душа: послѣдняя обитаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ тѣлѣ человѣка, но гораздо менѣе матеріальна; послѣ смерти своего носителя она постепенно теряетъ свою тѣлесность, а голодная смерть двойника еще болѣе лишаетъ ее физической оболочки. Безсмертіе составляетъ удѣлъ не всякой души, а только праведной¹⁾.

Двойникъ и душа (духъ) долгое время замѣнялись одно другимъ, да и понынѣ бытуютъ наравнѣ въ языкѣ напр. австралійскихъ дикарей, у которыхъ душа (двойникъ) представляется въ видѣ блага человѣка; такое пониманіе души живетъ даже у сравнительно культурныхъ народовъ и понынѣ: и теперь еще русскій простолюдинъ говоритъ, что душа вылетѣла изъ него въ видѣ голубя и проч.

Станемъ на точку зрѣнія этого новатора, перваго самобытнаго мыслителя, отправившагося по этому пути, и попытаемся прослѣдить, какъ мѣнялся міръ въ его глазахъ. Если наблюденія его навели на мысль, что при немъ или въ немъ есть alter ego; а эти наблюденія попадались на каждомъ шагу (тѣнь, отраженіе въ водѣ, обмиранія, истерика и проч.), — значитъ то же слѣдуетъ

Обыкновенно вода за ночь убываетъ; но народъ смотритъ на это, какъ на несомнѣнное доказательство того, что покойникъ являлся и выпилъ воду" (*Ляшуржисскій*, „Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившихся въ малорусскомъ погребеніи“ — въ „Кіевск. Стар.“ 1890, I, с. 130—1). — Въ Купянск. у. (Харьк. губ.) донинѣ душа представляется въ видѣ крылатаго существа (пчелы) или пара, пока не вселится въ тѣлесную оболочку. „Войдя въ тѣло растеть вмѣстѣ съ нимъ, питаясь паромъ отъ той пищи, какою питается человѣкъ“ (см. „Кіевск. Стар.“ 1892, іюнь, с. 354).

¹⁾ „Rev. philosophique“, 1894, № 9 — въ „Вопр. филос. и психол.“, 1896 г., кн. 2-я, с. 160—1.

предполагать и о существахъ близкихъ къ человѣку — о животныхъ (вѣдь и понинѣ жива вѣра въ возможность обращенія людей въ животныхъ; а нѣкоторыя изъ послѣднихъ считаются обращенными навсегда изъ людей за какой-нибудь грѣхъ ¹⁾); легенды этого рода свойственны всѣмъ народамъ). А тутъ въ услугамъ старья, отброшенныя было, понятія о близости тѣсной, родственной всѣхъ царствъ природы, — и все въ ней опять оживаетъ, только по-новому: пусть въ этомъ камнѣ нѣтъ жизни, — въ этомъ я давно уже убѣдился, — но онъ тоже отбрасываетъ тѣнь; а эта новая величина для меня мало знакома; вѣдь и моя тѣнь обладаетъ не тѣми свойствами, что я; весьма возможно, что и тѣнь камня — нѣчто отличное отъ послѣдняго. Такъ исподволь мѣръ населяется двойниками всѣхъ видимыхъ вещей и существъ; на этихъ то двойниковъ и переносится все непонятное, странное, неразрѣшенное усиліями мыслителя; имъ придается зна-

¹⁾ „Медвѣдь былъ прежде человѣкомъ, но, по повелѣнію Господню, за убійство родителей, сдѣлался хищнымъ лѣснымъ звѣремъ“ (*Ефименко*, с. 172). — „Вѣра народа въ превращенія относится къ тому отдаленному первобытному времени, когда онъ видѣлъ въ камнѣ, деревѣ, животномъ превращеннаго человѣка... Превращенія, какъ остатки миѣческаго міровоззрѣнія, существуютъ въ нашей сказочной поэзіи, если можно такъ выразиться, въ формѣ *статикки и динамикки*. Нѣкоторыя виды деревьевъ, камней и звѣрей понимаются, какъ превращенные навсегда люди, другія же существа, по большей части миѣческія, способны, по желанію, принимать различные образы, а равно и снова получать свой первобытный видъ“ (*Ящуржинскій*, „О превращеніяхъ въ малор. сказкахъ“). — Такою силою превращать въ тотъ или иной предметъ и вновь возвращать человѣческій образъ обладаютъ различныя существа: водяной дѣдъ, волшебники, вѣдьмы; позже — христіанское вліяніе — старикъ-Богъ; Господь, или темная сила, Охъ, чортъ (на всѣ эти случаи подобрано г. Ящуржинскимъ большое количество примѣровъ — *ib.*, с. 446—452, а также въ апр. кн. „К. Ст.“ 1891 г. на с. 82—96). — Клятва, проклятiе родителей тоже имѣетъ силу производить превращенія (*ib.*, 452).

ченіе высшей силы ¹⁾. Выдѣляются два начала, царящихъ въ мірѣ — видимое, хорошо (относительно) знакомое, тѣлесное, матеріальное, и нѣчто мало изслѣдованное и съ трудомъ поддающееся изслѣдованію, стоящее внѣ обычныхъ законовъ природы, нѣчто высшее, духовное.

Въ каждомъ существѣ, а потомъ и въ каждой вещи, живутъ вмѣстѣ, парой, оба эти начала, то мирясь другъ съ другомъ, то враждуя.

По мѣрѣ воцаренія этого міровоззрѣнія разгоралась въ человѣкѣ борьба этихъ началъ, борьба духа и плоти, и въ это время все яснѣе выдвигалось отдѣленіе человѣкомъ себя, какъ личности, какъ особаго „я“ отъ всего окружающаго; это процессъ не законченный и понинѣ, да и, думаю, лежащій въ основѣ всего прогресса человечества.

По этой дорогѣ идя, мысль создавала раздѣльность существованія, признавала возможность особой жизни для человѣка и его частей, какъ я и моя голова, я и моя доля, и даже я и моя слюва. Дѣти прежде, чѣмъ прыгнуть съ возвышенія, плюютъ внизъ и говорятъ: „ты ся слынько забый, а я ни“, и потомъ увѣренно прыгаютъ, полагая, что ощущенія боли достанутся слювѣ, а не имъ ²⁾.

Слово, какъ объектъ наблюденія, конечно, стало очень поздно попадать въ упомянутый потокъ мысли, а потому

¹⁾ „Дремуцій лѣсъ окружаетъ зырянъ. Этому лѣсу они не знаютъ конца. По свойству первобытнаго человѣка, — все уподобить себѣ, одухотворить, — этотъ лѣсъ сталъ для него живымъ существомъ, могучимъ, таинственнымъ, грознымъ. Пропшли столѣтія, пока это грозное существо раздѣлилось въ умѣ некультурнаго человѣка на два существа: на лѣсъ, полный чудесъ и тайнъ, и на суроваго хозяина въ немъ — бога лѣсовъ“ (К. Жаковъ, „Языческое міросозерцаніе зырянъ“ — въ „Научн. Обсзр.“ 1901 г., № 3, с. 69).

²⁾ „По слювѣ злой духъ узнаетъ сокровенныя помышленія человѣка... слюнамъ даютъ чудесную способность говорить за людей, оставляющихъ оныя“ (Ефименко, „Опис. общ. Арх. губ.“, с. 191).

и сочетаніе „я и мое слово“ появилось на аренѣ — изъ послѣднихъ; но зато къ нему новый пріемъ примѣненъ былъ уже въ полной силѣ, и далъ блестящіе плоды: эта пара заняла царственное мѣсто; за словомъ, какъ наилучшимъ выразителемъ мысли, духовнаго „я“ въ человѣкѣ, признана была могучая сила; оно было взято какъ орудіе для борьбы съ темными силами, созданными этимъ міропониманіемъ, и постепенно наносило ему ударъ за ударомъ.

Однако, какъ во всякой борьбѣ, и въ этой развивалась у обоихъ противниковъ все больше обособленность, стремленіе къ самобытности; а по мѣрѣ того, какъ она затягивалась — взаимная вражда. Слово, занимающее по существу своему нейтралитетъ, привлекалось и на ту и на другую сторону, наполняясь то тѣмъ, то инымъ содержаніемъ. На этой почвѣ выросло вѣрованіе въ начала доброе и злое, заправляющія міромъ и вѣчно борющіяся изъ-за власти.

Это положеніе дѣлъ сохранилось и понынѣ, какъ хорошо памятное и знакомое, потому въ любомъ изслѣдованіи народной жизни съ какой бы то ни было точки зрѣнія, мы столкнемся съ этой теоріей въ болѣе-менѣе развитомъ видѣ; не говорю ужъ о произведеніяхъ народной словесности, — гдѣ имъ отведено первенствующее мѣсто.

Я приведу нѣсколько выдержекъ изъ писателей разныхъ областей наукъ и различныхъ направленій, пытающихся разъяснить суть суевѣрія, опирающагося на вѣру въ духовъ, раздвояющихъ міръ, на религиозныхъ и научныхъ мифахъ; а потомъ попытаюсь намѣтить, что и современное строго-научное мышленіе далеко не свободно отъ мифическихъ элементовъ.

Исторія суевѣрій — исторія общечеловѣческихъ заблужденій. „Суевѣріе и чародѣйство — это первые наши шаги человѣческой мысли въ религиозной и научной области... Во всякомъ сколько-нибудь ясномъ изложеніи эволюціи религій и наукъ нельзя обойтись безъ обсужде-

нія суевѣрій различныхъ временъ, такъ какъ суевѣрія — это тѣ ошибочные пути, на которые человѣческая мысль невольно попадаетъ и черезъ которые пробирается, добиваясь яснаго и глубокаго пониманія“ ¹⁾ (с. 7). — „Границы суевѣрія въ высшей степени неуловимы, и назвать ли какой либо взглядъ суевѣрнымъ, или нѣтъ, всегда зависитъ отъ точки зрѣнія, съ которой его разсматриваютъ“ (с. 9). — „Большинство образованныхъ людей въ протестантскихъ странахъ считаетъ вѣру въ демоновъ, привидѣнйя, домовыхъ и пр. суевѣриемъ уже потому, что и само евангельское ученiе вовсе не считаетъ вѣры въ существованiе ихъ необходимымъ догматомъ. — Правовѣрный католикъ иначе относится къ этому вопросу... Католическая церковь учитъ, что даже въ наши дни бѣсы могутъ вселяться въ людей... Такимъ образомъ, что одному кажется неопровержимымъ догматомъ, другой называетъ суевѣриемъ. Въ чисто-научной области наблюдается то же самое: и здѣсь рѣшенiе вопроса, считать ли какое-либо мнѣнiе суевѣриемъ или нѣтъ, зависитъ отъ точки зрѣнiя. Нельзя совершенно оспорить даже и возможность приготовления золота; многое говоритъ за то, что всѣ наши такъ наз. элементы, напр., металлы, — все это только видоизмѣненiя единой матерiи. Слѣдовательно, вполне возможно, что одинъ металлъ можетъ превратиться въ другой — только не при помощи тѣхъ средствъ, которыми мы располагаемъ въ данный моментъ“ (с. 9). — „Рѣшительно то же самое можно сказать и о суевѣрiяхъ разныхъ вѣковъ: называется ли какое-нибудь мнѣнiе суевѣриемъ или нѣтъ, объ этомъ можно судить по развитiю мысли въ данное время“ (с. 10). — „Совершенно таково же отношенiе суевѣрiя къ религiи. Въ очень многихъ случаяхъ суевѣрiе является только пережиткомъ болѣе ранней религiи; раньше служившее для всѣхъ предметомъ вѣры и признававшееся официально, послѣ, когда, соотвѣтствующи-

¹⁾ Леманнъ, „Илл. ист. суев. и волшебства“.

шая религія уничтожается, продолжаетъ существовать какъ народное суевѣріе; высокочтимый богъ превращается въ презрѣннаго чорта“ (с. 11).

Итакъ, „все, что не находится въ согласіи съ нашимъ взглядомъ на вещи, есть суевѣріе“ (с. 13). — „Ни одного мнѣнія нельзя называть суевѣріемъ потому только, что оно находится въ противорѣчій съ нашимъ теперешнимъ религіознымъ и научнымъ мировоззрѣніями. Оно суевѣріе только для насъ, но врядъ ли существуетъ хоть одно мнѣніе, называемое нами суевѣрнымъ, которое не составляло бы какой-нибудь части религіозной или научной системы“ (с. 12).

„Суевѣріе — это теорія, а магія — дѣятельность, являющаяся результатомъ такой теоріи. Магія происходитъ отъ суевѣрія точно такъ же, какъ изъ какихъ-либо религіозныхъ представленій возникаетъ извѣстный культъ, опредѣленное богослуженіе, или какъ вслѣдъ за познаніемъ силъ природы идетъ ихъ примѣненіе. Если вѣрятъ въ существованіе демоновъ, т. е. духовъ, помощь которыхъ въ томъ, чего инымъ способомъ нельзя достигнуть, можно купить или вынудить, то исполнѣ естественно, что въ такомъ случаѣ стануть пробовать, нельзя ли добиться этой помощи. Всякій поступокъ, являющійся результатомъ такого мнѣнія, есть магія. Если вѣрятъ, что злые духи могутъ причинять вредъ, то, конечно, ищутъ надежныхъ способовъ помѣшать этому, и вотъ вамъ чародѣйство... Коротко и точно: каждый поступокъ, вытекающій изъ суевѣрія, есть магія или чародѣйство. Къ этому мы еще прибавимъ: всякое дѣйствіе признается за магическое, разъ только его объясненіе исходитъ изъ суевѣрныхъ представленій“ (с. 13). — „Всюду, гдѣ только мало цивилизованный народъ сталкивается съ другимъ, владѣющимъ болѣе развитой наукой, результаты послѣдней принимаются за магію“ (с. 14). — „Самый простой и естественный поступокъ при желаніи можно объяснить, какъ чародѣйство: когда старуха во время пути переходитъ поле, то это, конечно, самый заурядный случай, но два

или три столѣтїя тому назадъ это было опасно для жизни. Если бы случилось, что ихенно изъ стада, которое паслось въ полѣ, одно животное спустя нѣкоторое время заболѣло, то было бы рѣшено, что, конечно, виновницей этой болѣзни является старуха. Она заколдовала скоть, значить она вѣдьма“ (с. 14).

Такимъ образомъ, вѣ въры въ демоновъ, „всякій поступокъ, являющійся результатомъ суевѣрія, или объясняемый суевѣрными представленїями, есть магія“ (с. 15).

„Само собою разумѣется, что относительность, которую мы установили для суевѣрія, обязательна и для магіи, разъ мы ее опредѣляли посредствомъ суевѣрія. А отсюда слѣдуетъ, что всякое дѣйствїе или событіе, съ одной точки зрѣнїя рассматриваемое за чудо, съ другой — является волшебствомъ“ (с. 15).

„За всякимъ суевѣрнымъ представленїемъ является какое-нибудь наблюденїе, которое только невѣрно объясняется. Суевѣвіе заключается въ ошибочномъ пониманїи. Но если интересно указать на эти ошибки, на невѣрное объясненїе извѣстныхъ наблюденїй, то не менѣе интересно найти тѣ физическія и психическія явленїя, которыми были обусловлены эти ошибки“ (с. 17).

Дѣло въ томъ, что исходная точка вѣры и знанїя одна — чувственное воспрїятїе, поэтому у первобытнаго человѣка граница вѣры и знанїя трудно уловима; при узости горизонта, у дикаря отношенїе къ нему ближайшихъ предметовъ составляетъ предметъ вѣры; по мѣрѣ развитїя человѣка границы вѣры и знанїя становятся рѣзче: въ любомъ языческомъ миѣ, напр. солнечномъ, находимъ уже элементы знанїя, но больше вѣры.

„Суевѣріе одинаково во всѣ времена у всѣхъ народовъ; это страхъ передъ духомъ, который имѣетъ человѣческія чувства и дѣйствуетъ по-человѣчески, присутствуетъ въ однихъ мѣстахъ и отсутствуетъ въ другихъ, сообщаетъ святость нѣкоторымъ мѣстамъ, но не всѣмъ;

милостивъ къ одному человѣку немилостивъ къ другому; доволенъ или сердить, судя по тому, достаточно ли ему оказывается вниманія и достаточно ли почитаютъ его; враждебенъ радостямъ человѣческой жизни, не доступенъ подбуну: — если отдать часть этихъ радостей, онъ позволить остальные. Вотъ въ чемъ заключается сущность суетвѣрія, подъ какой бы формой оно ни скрывалось“ ¹⁾).

„Человѣкъ видѣлъ происходящія въ мѣръ перемѣны, но причины этихъ перемѣнъ оставались для него скрытыми. Онъ не могъ разгадать, что двигало несущіяся надъ нимъ тучи, что зажигало въ нихъ молнію и какъ бы заставляло содрогаться вселенную страшными ударами грома,... и онъ сталъ населять вселенную различными божествами, приписывая имъ различное вліяніе на мѣръ и на собственное существованіе. На эти божества онъ естественно перенесъ и свое отношеніе къ силамъ природы, свое удивленіе, свой страхъ и покорность. Ничтожный и слабый передъ могучей и неумолимой природой, онъ былъ также ничтоженъ и слабъ передъ созданными имъ самимъ божествами. И какъ въ природѣ было два начала: жизнь и смерть, добро и зло, — такъ и божества раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ“ ²⁾).

„Человѣкъ всегда считалъ своихъ боговъ за существа сверхъестественныя, но подобныя ему и воплощенныя въ явленіяхъ природы. Они представлялись ему въ образѣ всепоглощающаго огня или очистительнаго пламени, и онъ называлъ ихъ Вааломъ, Аноллономъ, то въ образѣ плодотворящей воды, а потому Астарту или Афродиту, мать удовольствій, онъ производилъ изъ глубины болотъ. Измѣнялся человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ измѣнялись и его боги; ихъ метаморфозы соотвѣтствовали его собственнымъ. Цивилизуясь самъ, онъ чувствовалъ потребность совершенствовать и ихъ: онъ смягчалъ ихъ же-

¹⁾ *Рескинъ*, „Иск. и дѣйств.“, 80—1.

²⁾ *Токкарскій*, „Происх. нравств. чувствъ“, с. 122—3.

стокіе нравы, возвышалъ ихъ грубые вкусы; когда трясась земля или ураганъ съ трескомъ ломалъ деревья и обрушивалъ скалы, (онъ говорилъ) какъ Илья въ пещерѣ на горѣ Хоривѣ: «Это не мой Богъ: Онъ въ сладкихъ и нѣжныхъ звукахъ, ласкающихъ ухо». Представляя себѣ боговъ въ человѣческой формѣ, языческіе народы, каковы бы ни были ихъ вѣрованія и нравы, такимъ же образомъ очеловѣчивали природу. Въ средвіе вѣка вѣрили въ стихійныхъ духовъ-гномовъ, пигмеевъ, ундиновъ, смѣхъ которыхъ слышали въ журчавѣ ручьевъ; въ воздушныхъ силъфидъ, которыя будто не что иное, какъ безкрылыя души. Индусъ узнавалъ себя въ животныхъ и растеніяхъ. Въ тоскливомъ крикѣ морской чайки, въ щебетаньи ласточки, въ рѣзкомъ крикѣ коршуна, греки слышали разсказъ о трагической судьбѣ¹⁾.

Это возрѣніе (по тому времени — новая научная теорія), вросло въ жизнь все болѣе и болѣе, а съ его ростомъ разрастался и міръ духовъ.

„Блуждающій мертвецъ есть основной, первоначальный типъ сверхъестественнаго демоническаго существа, по которому народное воображеніе построило и всѣ остальные“²⁾.

Этотъ покинувшій землю духъ начиналъ рядъ странствованій, невѣдомыхъ, недоступныхъ непосредственному наблюденію человѣка, и вотъ онъ для объясненія загадки примѣняетъ аналогію, свойства міра видимаго переносятъ и въ новый, невѣдомый.

„Съ развитіемъ ученія о тѣняхъ усопшихъ выростаеъ само собою очень легкое объясненіе всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя ежечасно обнаруживаются на небесахъ и на землѣ... Эти существа, которымъ приписывается способность дѣлаться по произволу то видимыми, то невидимыми, и которыя обладаютъ и другими способно-

1) В. Шербюлле, „Иск. и природа“, с. 96.

2) Милорадовичъ, „Зам. о малор. демонологіи“, 204.

стями и силами, не имѣющими въ воображеніи первобытнаго человѣка никакихъ границъ, — вездѣсущи“¹⁾).

Мірѣ духовъ, по мѣрѣ увеличенія переселяющихся въ него съ земли, становится все болѣе и болѣе населеннымъ, такъ что арабъ, напр., считаетъ „пустыню столь густо населенной духами, что когда онъ бросаетъ какую-нибудь вещь въ сторону, то просить извиненія у тѣхъ, кого, быть можетъ, задѣлъ при этомъ“²⁾). Послѣ признанія положенія дѣлъ такимъ, является вопросъ, что дѣлаютъ эти духи, какое отношеніе ихъ къ людямъ, къ природѣ, ко всему окружающему? Вѣдь не могутъ же они быть заняты лишь тѣмъ, чтобы безцѣльно толпиться вокругъ человѣка, — какъ думаютъ, напр., карены, — превышая численностью своей количество обитателей земли.

Начинается расселеніе ихъ по всѣмъ царствамъ природы, по всѣмъ особямъ ея. „Воздухъ, говорятъ Веддахи, населенъ духами, каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣетъ своего мѣстнаго духа“³⁾).

По мѣрѣ развитія въ человѣкѣ понятій добра и зла, — изъ дружественнаго и враждебнаго, пріятнаго и непріятнаго, — яснѣе означается грань, дѣлящая и новый міръ на двѣ части — злыхъ и добрыхъ, покровителей и недруговъ. Эти враждующіе лагеря могутъ вступать между собою въ брань (ср. знаменитую битву боговъ — у Гомера), истреблять другъ друга, метить тѣмъ людямъ, которые находятся подъ покровительствомъ врага-духа. Отсюда у людей — разнообразныя болѣзни, понимаемая, какъ дѣйствія вселившагося злого духа, — особенно такія, какъ эпилепсія, бредъ, сумасшествіе и проч. Отсюда же, съ другой стороны, — даръ пророчества, поэзіи и проч., какъ милости, оказываемыя своимъ любимцамъ духами-покровителями.

1) *Спенсеръ*, „Тайнств. міръ“, с. 10—11.

2) *Иб.*, 10.

3) *Иб.*, 8.

Вотъ почва для широкаго пользованія заговоромъ и наговоромъ, на которой стоялъ человѣкъ при смѣнѣ нѣсколькихъ теченій въ міропониманіи своемъ.

„Если духъ врага вошелъ въ тѣло человѣка, то можетъ ли онъ быть изгнанъ оттуда? Или нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы ему стало невыносимо жить въ захваченномъ имъ тѣлѣ?“¹⁾

И вотъ, соотвѣтственно уровню развитія своего, человѣкъ вырабатываетъ рядъ мѣръ для изгнанія этого врага, сначала тожественнаго по своимъ свойствамъ съ человекомъ, потомъ человѣкообразнаго, а по направленію къ нашему времени принимающаго все болѣе отвлеченную форму, являясь въ образѣ демона, діавола-искусителя, въ видѣ „грѣха“, болѣзни, процесса разрушительнаго и проч.

Сначала пытаются этого врага отогнать отъ больного или выгнать изъ него сильнымъ шумомъ, звономъ или криками. — Такъ, въ Калифорніи, по Спенсеру, пугаютъ духа жестами, гримасами, лаемъ на больного, у Американскихъ дикарей, по Тэйлору, — трещоткой, стрѣльбой изъ ружья, барабаннымъ боемъ и проч.; у киргизовъ шаманы кричатъ на больного, бьютъ плетью, кусаютъ его, плюютъ, размахиваютъ передъ нимъ вожомъ и т. п. „У Оканчачановъ лекаръ старается выпихнуть злого духа, надавливая изо всей силы обоими сжатыми кулаками на желудокъ больного паціента“²⁾. Въ Петровскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи проживаетъ отставной солдатъ, который лѣчитъ больныхъ лихорадкой — производя неумолчно въ теченіе часа площадныя ругательства³⁾. — На этой доисторической почвѣ выросла еще въ глубокой древности научная гипотеза „о животномъ происхожденіи яда заразныхъ болѣзней“, такъ какъ „нѣкоторые медицинскія школы стремились видѣть причину опустошительныхъ эпидемій въ присутствіи въ воздухѣ

1) *Спенсеръ*, „Основ. соціологіи“, I, 256.

2) *Ib.*, 257.

3) См. „Черн. Губ. Вѣдом.“ 1889 г., № 91, ч. неоф

чрезвычайно маленькихъ насѣкомыхъ, (— что, на мой взглядъ, очень недалеко отъ современнаго ученія о бактеріяхъ, бациллахъ и проч.—). Отсюда, между прочимъ, возникъ и рецептъ — прогонять эти существа шумомъ и криками¹⁾. — Въ настоящее время снова медицину заполонили микроорганизмы, и ихъ пытаются запугать, т.-е. заставить удалиться изъ даннаго мѣста жительства, или — погубить при помощи различныхъ неурядныхъ имъ средствъ: формалина, фенола и проч. — И здѣсь, какъ всюду на протяженіи исторіи, — новое есть перифразъ стараго, переложеніе его въ новыя формы и образы.

Попытаюсь въ самыхъ сжатыхъ чертахъ давать такую историческую перспективу и для другихъ способовъ изгнанія духа.

Если духъ поселился въ человѣкѣ и запугиванія на него не дѣйствуютъ, тогда пытаются различными способами „отравить его существованіе“, вселить отвращеніе къ занимаемому имъ жилищу; его начинаютъ выкуривать, подкуривать, угощать отвратительными для него веществами. Еще въ Библии находимъ подобнаго рода указаніе: сжиганіе сердца и печени рыбы. У Плинія Младшаго найдемъ цѣлыя главы, посвященныя описанію веществъ, противныхъ той или иной болѣзни. Не мало подобныхъ рецептовъ и въ „Сокровищницѣ анатоміи“ (1641 г.) Викарія. Въ современной народной медицинѣ подобный взглядъ на лѣченіе болѣзней сохраняется во всей силѣ. Такъ, въ Лубенскомъ у. Полтав. губ. для подкуриваній больныхъ повинѣ употребляются: „блекоты... порхавка... овечій калъ и другія вещества, производящія ѣдкій дымъ. Употребленіе кала вообще, — засыпаніе имъ бѣльма, купаніе дѣтей въ голубиномъ калѣ отъ сухотъ, обкладываніе коровимъ отъ ревматизма и свинымъ при боли горла, — вѣроятно, на первыхъ порахъ также имѣло цѣлью

1) *Кашченко, П.* „Современное состояніе вопроса о способахъ лѣченія продуктами жизнедѣятельности животнаго организма“ (въ „Рус. Мысли“ 1894, III, 178).

возбудить отвращеніе въ духѣ“¹⁾. — Народная практика въ этомъ направленіи постепенно разрасталась, создавая для того или иного духа и особое противоядіе: полынѣ—гибель русалкамъ, осина и макъ — для вѣдьмъ и упырей (ср. у фламандцевъ характерное названіе звѣробоя — „jaat—den duivel“, т. е. изгоняющій дьявола).

Въ основѣ этого, глубоко и надолго вкоренившася, мѣннія лежитъ пониманіе болѣзни, какъ дѣйствія внѣдрившагося духа злого; эта точка зрѣнія исподволь переносится на лѣкарство: „Тѣ средства, которыя мы теперь считаемъ естественными“, въ народѣ и понынѣ не признаются таковыми: „дѣйствія, производимыя растеніями и ихъ продуктами на тѣло челоуѣка, приписывались духамъ, живущимъ въ растеніи“²⁾. — „Простые люди думаютъ, что все, называющееся лѣкарствомъ, имѣетъ нѣкоторую сверхъестественную силу, нѣкоторое тайное вліяніе; они думаютъ, что какъ скоро больной довольно нацѣлался лѣкарствами, тотчасъ долженъ быть здоровымъ“³⁾, т. е. духъ болѣзни не въ состояніи будетъ пребывать въ невыносимой для него атмосферѣ и удалится. Отсюда же оцѣнка дѣйствительности лѣкарства степенью его отвратительности: „чѣмъ отвратительнѣе лѣкарство, тѣмъ вѣрнѣе оно дѣйствуетъ“⁴⁾. — Вообще „понятіе о встрѣчѣ лѣкарствъ съ болѣзью и о выходѣ послѣдней наружу подъ вліяніемъ непріятнаго ей лѣкарства пустило очень глубокіе корни въ умѣ народа. Больная съ сильнымъ страданіемъ слизистой оболочки вѣкъ рассказывала, что однажды случайно напилась смородины, и у нея вдругъ началась течь изъ уха; ее увѣрили, что это золотуха не влюбилась смородины“⁵⁾.

¹⁾ В. Милорадовичъ, „Народная медицина“ (1900, I), 51.

²⁾ Спенсеръ, „Развитіе профессіи“, 159.

³⁾ Этталъичевъ, „Домашній лѣчебникъ“. С.-Пб. 1848 г. I, 167.

⁴⁾ Спенсеръ, „Развитіе профессіи...“, с. 164.

⁵⁾ Лозинскій, „Психологін знахарства“ (въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1896, VIII, 62).

На позднѣйшихъ ступеняхъ отсюда вырабатывается понятіе, болѣе отвлеченнаго характера, — что злое искореняется злымъ; въ связи съ этимъ стоитъ и невыражаемый, правда, въ отвлеченной формулѣ принципъ народной медицины — *similia similibus curantur*, получившій болѣе философское выраженіе міропониманія въ пословицѣ: „клинь клиномъ вышибаютъ“.

Возвратъ научной медицины къ этому теченію мысли — гомеопатія.

— Къ этому же разряду явленій, хотя и съ наслоеніемъ болѣе поздняго характера—вліянія силы слова, можетъ быть отнесено интересное наблюденіе г. Вербицкаго, сдѣланное среди Алтайскихъ инородцевъ: „Если дѣти скоро умираютъ, то стараются дать имя какъ можно хуже, предполагая, что съ худымъ именемъ (— напр. „Утгоден“, т. е. собачья зад...ца) долго будетъ жить“¹⁾. То же подмѣчено г. А. Житецкимъ и у калмыковъ: „По убѣжденію калмыковъ, смертность дѣтей происходитъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ... и вотъ, чтобы ввести въ заблужденіе ихъ, даются имена животныхъ, бранныя и проч.“²⁾.

Это — очевидное стремленіе сдѣлать обиталище для злого духа — тѣло ребенка — отвратительнымъ, а какимъ образомъ имя замѣнило самый предметъ—объ этомъ нѣсколько ниже будетъ рѣчь.

Допустимъ, что духъ изгнанъ тѣмъ или инымъ изъ вышеупомянутыхъ способовъ, что ему вселено отвраще-

¹⁾ „Алтайскіе инородцы“ (въ „Сборн. этн. и ст. и изсл., изд. Э. О. И. О. Л. Е. и Э. при Моск. унив.“ подъ ред. Иванова). М. 1893 г., с. 86. Ср. подобное повѣрье у Якутовъ. „Въ семействахъ, въ которыхъ мрутъ дѣти, иногда даютъ новорожденному какое-нибудь несоотвѣтствующее его полу прозваніе, съ цѣлью обмануть злого духа, напр. — мальчику — кусачанъ-кысь = худая дѣвка“ — В. Приклонскій, „Три года въ Якутск. обл.“—въ „Ж. Ст.“ 1891, III, 65.

²⁾ „Очерки быта астраханскихъ калмыковъ“ (въ „Труд. Этн. О. Л. Е. и Э. при Моск. у-тѣ“, т. XIII, в. I), М., 1893 г., с. 27.

ніе къ данному предмету или человѣку, — да и то на время, — но вѣдь онъ можетъ возвратиться или поселиться въ другомъ жилищѣ, которое тоже желательно оградить отъ злого вліяніи. Тогда человѣкъ пришелъ къ рѣшенію, ограничивать сферу дѣйствій духа, а если возможно, то и совсѣмъ губить его: сталъ подвергать его заточенію или переселять его.

Такъ, напр., во время приступа лихорадки больной сбрасываетъ свою рубашку и кладетъ ее подъ камень (Чуб. I, в. I, 118), а въ Лубенск. у. (П. губ.) лихорадку топятъ „вмѣстѣ съ рубашкой (больного) въ рѣкѣ и кладутъ съ могильной землей на могилу“¹⁾ и проч. Почти у всѣхъ народовъ, начиная съ древнѣйшихъ, встрѣтимся съ многообразными попытками переселить злого духа въ такое обиталище, надъ которымъ у человѣка — власть полная, гдѣ онъ можетъ этого духа карать и миловать, словомъ держать въ своихъ рукахъ. — Такое теченіе, такой укладъ мыслей находилъ себѣ богатую, уготованную почву въ ученіи о переселеніи душъ, сохранившемъ свою силу и въ эпоху христіанства и ведущемъ свое начало съ раннихъ ступеней развитія человѣка, когда сила анализа въ немъ едва начала пускать свои корни.

Рядъ наблюденій надъ такими явленіями, какъ превращеніе сѣмени въ растеніе, въ дерево, мертваго яйца птичьяго въ живое существо, какъ разнообразныя видоизмѣненія, превращенія въ мірѣ насѣкомыхъ: яичка въ червячка, червячка — въ куколку, а куколки — въ бабочку, или еще болѣе быстрое измѣненіе живого въ мертвое и обратно (хотя бы и кажущееся, для насъ — мнимое или несуществующее), какъ, напр., живой бабочки, *kallima*, только что порхавшей, въ мертвый листь дерева, на который она сію минуту опустилась²⁾, — все это

¹⁾ Милорадовичъ, Л. с., 53.

²⁾ „Опустившись на вѣтку съ поблѣвшими листьями и сложивши крылья, *kallima* не только походитъ на такой же листь общей формой, цвѣтомъ и крапинами, но при этомъ со-

исподволь создавало и укрѣпляло вѣру, что между живымъ и мертвымъ грань зыбкая, что переходъ изъ одного въ другое вполне возможенъ и дѣйствительно совершается въ мирѣ неустанно. Дальше — рядъ рѣшеній вопроса, — самыхъ разнообразныхъ, — какъ и для чего совершаются эти превращенія.

Отсюда сдѣланъ былъ выводъ, что одно существо (— съ нашей точки — и предметъ —) можетъ вселяться или перевоплощаться въ другое, отсюда — новое подтвержденіе пониманія болѣзни, какъ вліянія, дѣйствій вселившагося духа, — о чемъ шла рѣчь выше. Однако здѣсь же и средство для избавленія отъ болѣзни, разъ она такого происхожденія. Рядъ вышеназванныхъ воздѣйствій на духа поселялъ увѣренность, что надъ нимъ можно производить и принудительныя мѣры, а значить и переселять его въ такіе предметы или существа, гдѣ и духу будетъ жить привольно и которыя не подлежатъ охранѣ чловѣка.

Въ Индіи, при помощи магіи, перегоняли лихорадку въ лягушку, у многихъ современныхъ дикарей, по Тэйлору, для изгнанія болѣзни вливается нѣсколько капель крови больного въ ротъ лягушкѣ. У нѣмцевъ сохранилось понынѣ повѣрье, что, обойдя три раза дерево, можно передать ему свою болѣзнь. Въ Бельгіи вѣрятъ, что можно передать зубную боль гвоздю, прикоснувшись имъ къ больному зубу и забивъ потомъ въ дерево. У русскихъ это вѣрованіе весьма живуче: можно по данному вопросу подобрать цѣлую литературу, нерѣдко богатую красивыми олицетвореніями, оживляющими всю природу.

Обыкновенно вмѣстѣ съ этимъ переселеніемъ стараются приготовить духу и погибель.

Во время приступа лихорадки больной носитъ хлѣбныя зерна въ рукавицѣ, надѣтой на руку, потомъ сѣтъ ихъ, а когда взойдутъ, растаптываетъ. Въ мочѣ лихора-

единенные отростки нижнихъ крыльевъ принимаютъ видъ стебелька. Слетая съ вѣтки, она производитъ впечатлѣніе листка, обратившагося въ бабочку“ (*Спенсеръ*, „Происх. суевѣрій“, 42).

дочнаго варятъ три куриныхъ яйца и относятъ съ горшкомъ въ муравейникъ; когда муравьи съѣдятъ яйца, погибнетъ и лихорадка ¹⁾).

„Въ Лубенск. у., искупавъ больное сухоткой дитя въ купели, въ той же купели вслѣдъ за нимъ купаютъ курицу, кошку или щенка. Животное должно погибнуть, а дитя выздоровѣть“ ²⁾).

Можно передать, вселить болѣзнь въ какой-либо предметъ, и черезъ него — лицу, воспользовавшемуся этимъ предметомъ, этой вещью. Въ Германіи часть волосъ и ногтей больного кладутъ на перекресткѣ (Сумповъ, „Культ. переживанія“); кто подыметъ ихъ — на того болѣзнь и перейдетъ. Въ Россіи особенно распространены такой приемы относительно бородавокъ: завязываютъ на ниткѣ узлы, по числу бородавокъ, и бросаютъ на перекресткѣ; на поднявшаго нитку перейдетъ болѣзнь. Если обтереть больного тряпкой или полотенцемъ, особенно при сыпныхъ болѣзняхъ, и бросить эту тряпку на дорожку, — болѣзнь перейдетъ къ новому хозяину тряпки ³⁾).

Такимъ путемъ постепенно создавалось убѣжденіе, что во всякій предметъ можно вселить злого духа, в. болѣзнь, что черезъ всякій найденный или полученный въ даръ предметъ можетъ быть привита та или иная болѣзнь, что очень близко подходитъ къ современному ученію медицины о заразности черезъ любой предметъ, побывавшій въ рукахъ больного извѣстными болѣзнями, черезъ воду, воздушныя теченія и проч.

Итакъ, воздѣйствіе на третье лицо черезъ посредство любого предмета становится возможнымъ, отсюда — весьма распространенное съ древнѣйшихъ временъ у всѣхъ народовъ колдовство при помощи восковыхъ, в. глиняныхъ фигурокъ, о которомъ нерѣдко говорятъ Платонъ,

1) *Даль*, „О повѣрьяхъ, суев. ..“, с. 79.

2) *Милорадовичъ*, „Нар. обр. и п. Лубенск. у.“, 32.

3) *Баловъ* — въ „Фельдшеръ“ 1898, № 18, с. 472.

Овидій, Горацій, Тертуллианъ и др. классическіе писатели, сохранившее свою силу и понынѣ.

„Когда надъ больнымъ испробованы разныя средства лѣченія и они оказались безполезными, а спрошенный зурхачи (знахарь) признаетъ, что причина болѣзни — дѣйствіе какого-либо злого духа на больного, тогда совершается еще церемонія выселенія или отвлеченія этого духа отъ больного... Приглашается въ кибитку больного гемонгъ, который дѣлаетъ-изъ тѣста фігуры свиней, козловъ, обезьянъ, лошадей и проч...., разставляетъ ихъ на кошмѣ у изголовья больного, читаетъ молитвы и ведетъ продолжительныя бесѣды съ фігурами, передвигая ихъ въ то же время съ мѣста на мѣсто, произноситъ имя больного на эти фігуры и въ концѣ концовъ выходитъ изъ кибитки и забрасываетъ слѣпки“¹⁾.

По словамъ нѣкоего Леона Герена, проживавшаго въ 1864—7 гг. въ Китаѣ, ему нерѣдко приходилось слышать, „что съ благословенія бонзъ туземцы нерѣдко прибѣгали съ помощью восковыхъ фігурокъ къ умерщвленію недоброжелателей на разстояніи путемъ внушенія“²⁾.

Въ вышеприведенныхъ случаяхъ фігуры замѣняли живое лицо, отсутствующій предметъ, — это вполнѣ естественно, ничуть не странно для ума, слабо анализирующаго, съ трудомъ въ ивыхъ случаяхъ проводящаго грань между мертвымъ и живымъ; это пониманіе близко роднится съ вѣрою въ двойниковъ—духовъ изъ наблюденій надъ тѣнью, надъ отраженіемъ въ водѣ и проч. И эта вѣра сильна понынѣ: нашъ простолюдинъ понынѣ боится передать власть надъ собою снявшему съ него портретъ.

• Въ дальнѣйшемъ движеніи мысли по этому пути становится возможнымъ воздѣйствіе на цѣлое, овладѣвъ тою или иною частью его. Мнѣ думается, что переходной мостъ къ этому новому шагу былъ таковъ. При помощи многократныхъ наблюденій человекъ подмѣтилъ любимыя

¹⁾ *Жителскій, А.* „Очерки быта Астраханск. калм.“, с. 29.

²⁾ См. „Харьк. Вѣдом.“ 1896 г., № 77.

мѣста каждаго злого духа (болѣзни), гдѣ онъ поселяется обыкновенно на жительство въ тѣлѣ человѣка; путемъ опыта убѣдился, что нерѣдко отнятіе больного мѣста (вырванъ зубъ, выпалъ стержень нарыва и проч.) прекращаетъ и боль. Отсюда — заключеніе, что для прекращенія, или наоборотъ для вызова, возбужденія боли достаточно произвести то или иное воздѣйствіе на извѣстную часть тѣла, и духъ вселится или покинетъ одержимаго имъ.

Теченіе это все разрасталось, захватывая большій кругъ явленій, разливаясь въ ширь и глубь прежняго міросозерцанія, видоизмѣняя его согласно новому открытію, новой научной теоріи. Такія наблюденія, какъ обращеніе болѣзни послѣ сильной испарины, толковались — что вмѣстѣ съ потомъ вышла болѣзнь, а значитъ при воздѣйствіи на потъ человѣка можно лѣчить его, или заражать. Умѣніе нѣкоторыхъ животныхъ (собакъ напр.) находить по запаху тѣла, пота слѣды звѣря, человѣка; умѣніе насѣкомыхъ (пчелъ, муравьевъ) отличать по запаху своихъ и враговъ; наконецъ умѣніе (хорошо знакомое и современнымъ дикимъ) по слѣду узнавать человѣка, — все это наводило на мысль, что владѣя потомъ человѣка, отпечаткомъ его ступни, его слѣдомъ, можно воздѣйствовать при помощи этихъ предметовъ на самого человѣка.

На этой почвѣ вырастаетъ цѣлый рядъ гаданій, всевозможныхъ колдовства у всѣхъ народовъ, получающія во многихъ случаяхъ освѣщеніе и съ современной научной точки зрѣнія, пройдя черезъ пониманіе ихъ, какъ чуда, какъ явленія сверхъестественнаго, потомъ понимаемаго, какъ величины мнимыя, призрачныя, кажущіяся, а потому отвергаемыя наукой, а нынѣ — получающія вновь почву и основы реальной жизни въ области экспериментальной психологіи, какъ явленія и слѣдствія гипноза.

Подробно объ этомъ — нѣсколько ниже; а здѣсь приведу для иллюстраціи одинъ примѣръ изъ жизни современнаго Китая, и возвращусь къ исторіи дальнѣйшаго развитія очерченнаго уклада мысли.

„Въ Китаѣ, въ Гуанъ-си и Гуанъ-дунѣ, существуетъ до сихъ поръ слѣдующій обычай: если воръ, убѣгая изъ обворованнаго имъ дома, на землѣ запечатлѣтъ слѣды своихъ ногъ, то пострадавшіе зовутъ опытнаго бонзу, который забиваетъ въ мѣсто, на которомъ оставленъ слѣдъ, бамбуковый колъ и, сосредоточившись, внушаетъ бѣглецу неотразимое желаніе вернуться къ мѣсту преступленія ¹⁾.— Подобная возможность воздѣйствія на разстояніи подтверждается новѣйшими изслѣдователями экспериментальной психологіи. Такъ, напр., *A. Rochat* въ своемъ „*L'Exteriorisation de l'insensibilité*“ описываетъ свои опыты воздѣйствія на гипнотизируемаго черезъ восковыя фигуры: уколы этимъ послѣднимъ отзывались болѣю въ за-гипнотизированномъ; разстояніе изображеній первоначально 5—6 метровъ, а потомъ опыты удавались и на значительномъ разстояніи.

Такое пониманіе самого себя,—а сквозь эту призму человѣкъ только и познавалъ міръ, — было перенесено и на животныхъ: если у человѣка храбрость живетъ въ сердцѣ, то значить тамъ она и у волка или медвѣдя, а слѣдовательно недостатокъ храбрости у человѣка можетъ быть восполненъ поѣданіемъ сердца убитаго врага (при людодѣствѣ) или убитаго звѣря; отсюда лѣченіе болѣзней разнообразными частями тѣла животныхъ ²⁾ (о чемъ такъ часто говорится у Плинія и чѣмъ полны всевозможные лѣчебники болѣе поздняго времени, въ заговорахъ, въ числѣ современныхъ народныхъ лѣкарствъ — этого типа не мало). Въ основѣ его — мысль: недостающее восполняется преизбыточествующимъ, что, конечно, сохраняетъ свою силу и въ современной медицинѣ: при недостаткѣ жиз-

¹⁾ „Харьк. Вѣд.“, 1896 г., № 77.

²⁾ Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ вопросъ этотъ сталъ считаться серьезнымъ и въ научной медицинѣ, гдѣ началась его разработка (см. напр. въ „Научн. Обзор.“ (1901 г., № 3, с. 44—56)—статью *П. Мижусона* „Соврем. взглядъ медицины на значеніе внутреннихъ органовъ животнаго въ борьбѣ съ болѣзнями“).

ненныхъ соковъ пытались дѣлать. Броунъ-Секкаровскія вспрыскиванія, нынѣ чаютку пытаются лѣчить выжатымъ изъ мяса животнаго сокомъ; а насчетъ царства растительнаго и минеральнаго постоянно восполняется скудбющій ими организмъ и больной и здоровый: недостаетъ въ крови желѣза — вводятъ его въ томъ или иномъ видѣ, мало солей — прописываютъ растворы ихъ, купанія въ нихъ и проч.

Здѣсь — новое распустье: по старой, прямой дорогѣ мысль шла въ ширь, а на повороткѣ вступала робкими шагами къ умерщвленію нѣкоторыхъ, прежде полныхъ жизни самостоятельной, предметовъ въ окружающей природѣ; здѣсь начало болѣе-менѣе устойчиваго раздѣленія живого отъ неживого, сначала мертваго, потомъ быть можетъ мертворождаемаго; здѣсь созданіе мертвой матеріи, которое крѣпко держится до послѣдняго времени, лишь на нашихъ глазахъ смѣняясь исподволь, въ области научныхъ изслѣдованій, съ усиліями проникающихъ въ жизнь, понятіемъ явленія, процесса, силы. Въ этомъ поворотѣ мысли лежалъ зародышъ и отдѣленія духа отъ живого вообще; въ немъ начало міру духовъ съ иною плотью, чѣмъ у человѣка, а потомъ — и безплотныхъ, а еще дальше въ глубь новаго времени борьба духа и плоти, въ нѣкоторыхъ научныхъ теченіяхъ получающія примиреніе, почти сліявіе въ области, въ понятіи силы, — напр. всеобъемлющей, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, силы движенія.

При такомъ поворотѣ мысли, болѣзнь стали понимать не какъ вселеніе духа, а какъ вещество, дурно дѣйствующее на организмъ, какъ предметъ, брошенный въ тѣло злымъ духомъ; этотъ предметъ, это вещество, могутъ быть удаляемы изъ тѣла (конечно, средства сначала примѣнялись прежнія; воздѣйствовали на духа, чтобы онъ унесъ свой злой даръ и проч.), — или же всеяемы, переселяемы въ новыя помѣщенія; при этомъ за ними сохраняются прежнія свойства воздѣйствія на человѣка.

Въ этотъ новый водоворотъ мысли постепенно попа-

даютъ и долго жившіе самобытно разнообразныя двойники челоѣка (— постепенно разрабатывавшіеся на прежней дорогѣ —), какъ я и доля моя, счастье мое, душа моя, какъ, наконецъ, я и слово мое.

Въ народныхъ сказкахъ, пѣсняхъ мы встрѣчаемся со множествомъ разказовъ, гдѣ доля и счастье (какъ нѣсколько раньше по времени, да отчасти и теперь, болѣзнь, сонъ, дремота и проч.) странствуютъ по свѣту, принимая самыя разнообразныя виды; какъ обладатель ихъ, двойникъ, я, тоскуютъ, терпятъ неудачи и бѣды въ разлукѣ съ своими сожителами; какъ встрѣчаются потомъ съ ними и снова вступаютъ въ союзъ и т. п. ¹⁾. — Замерши, получивъ видъ того или иного предмета, вещества, эти доля, счастье и проч. сохраняютъ возможность странствовать по свѣту при содѣйствіи живыхъ существъ и сохранять свое вліяніе на челоѣка.

Я приведу отрывокъ изъ одного характернаго разсказа „про щасте“, стоящаго на уклонѣ между двумя сосѣдними теченіями мысли: двое несчастныхъ супруговъ идутъ искать по бѣлу свѣту счастья; послѣ долгихъ поисковъ находятъ его въ видѣ щенка, но изъ этого щенка счастье перемѣняется въ рядъ другихъ существъ: „у васъ щасливый собака... якъ клюнувъ пивень собаку, дакъ щастя перейшло въ пивня, а теперь у хлопчыка“, который съѣлъ кусокъ жаренаго пѣтуха ²⁾.

Позже всего стали для челоѣка возможны наблюденія надъ жизнью слова, сначала, какъ отдѣльнаго существа (въ видѣ, напр., эхо, отליкавшася на крики и призывъ челоѣка), потомъ, какъ предмета, надѣленнаго

¹⁾ См. 1) у *Потебни* „О долѣ и сродн. съ нею сущ.“ (въ „Древностиахъ“, т. I, в. 2, с. 153—96; 2) у *А. Н. Веселовскаго* „Судьба-доля въ народн. представл. славянъ“ (въ „Разысканіяхъ въ обл. рус. дух. стиха“, в. V, с. 173—260).

²⁾ См. „Кіевск. Старина“, 1889, IV, 196—8.

удивительной, могучей силой, все возраставшей по мѣрѣ наблюденій надъ нимъ, по мѣрѣ роста опыта въ этомъ отношеніи, по мѣрѣ сознанія значенія его въ жизни человека.

Это было наиболѣе загадочное изъ существъ въ ряду двойниковъ человека; признаніе его за таковой, полагаю, явилось на позднихъ сравнительно ступеняхъ развитія: когда у человека выросли хотя зачатки отвлеченнаго мышленія. Слово вѣдь не проявляло рѣзко замѣтныхъ, физическихъ воздѣйствій на человека: болѣзнь бичевала его, мучила; выздоровленіе сопровождалось пріятнымъ чувствомъ избавленія отъ тяжкаго бремени; сонъ тоже давалъ себя ощутительно чувствовать, тѣнь была видна, имѣла опредѣленныя формы; но звукъ, слово пропадали гдѣ-то вдали, безъ всякихъ видимыхъ и осязаемыхъ послѣдствій; даже такія понятія, какъ доля, счастье сравнительно легко получали конкретныя формы.

Однако рядъ наблюденій надъ дѣйствіемъ крика птицы, рева звѣря, злобнаго ворчанія человека и проч. — на окружающихъ заставляли повнимательнѣе присматриваться и прислушиваться къ этому таинственному незнакомцу.

Стоя твердо на изложенной выше теоріи, по которой все въ мѣрѣ имѣетъ своего духа, своего двойника, что болѣзнь есть слѣдствіе воздѣйствій злого духа, — естественнѣе всего было рѣшить, что голосъ, рѣчь, эхо — это все проявленія того же духа. — Въ Архангельской губерніи и понынѣ сохранилось вѣрованіе, что „эхо — откликъ нечистой силы“: лѣснаго — въ лѣсу, домового — около дома, мельника — на мельницѣ и проч. ¹⁾. Отсюда становится понятнымъ, въ какую могучую силу должно было разрастись слово, какъ орудіе вліянія злыхъ духовъ на людей: если ужъ слово человека оказывало удивительное вліяніе на окружающихъ, какая же мощь предполагалась въ звукахъ, въ голосѣ духа!

¹⁾ *Ефименко*, „Опис. обыч. Арханг. губ.“, с. 186.

Когда же слово признано было за особую часть организма человеческого, попало въ разрядъ вещей ¹⁾, черезъ которыя легко воздѣйствовать на него самого, какъ бы были выше слюна, потъ и проч., — то его стараются вслѣдствіи охранять отъ постороннихъ вліяній. Отсюда очень распространенное у дикарей и сохранившееся отчасти у культурныхъ народовъ скрываніе имени своего изъ боязни, чтобы не украли его, а вмѣстѣ съ нимъ — и счастья, доли бывшаго обладателя имени. Эта вѣра пустила очень глубокіе и крѣпкіе корни: понинѣ въ менѣе образованной средѣ сохранилось вѣрованіе „въ существованіе нѣкоторой внутренней связи между словомъ и вещью, — вѣрованіе, отъ котораго не могли освободиться даже самыя образованныя и сильныя мыслью между древними греками“ ²⁾.

„Вѣра въ матеріализацію слова не утеряна и до настоящаго времени. На этомъ основана вѣра въ заговоры, вѣра въ то, что всякое благожеланіе и всякое проклятiе сбываются. Полагаютъ, что если мать произнесетъ такое проклятiе: «а щобъ ты дубомъ ставъ, а щобъ ты камнемъ ставъ, а щобъ тебе лыхе взяло!», то такое проклятiе непремѣнно исполняется. Этимъ и объясняютъ происхожденіе различныхъ камней, имѣющихъ человѣкообразную форму“ ²⁾.

На этой почвѣ зрѣла и крѣпла вѣра и въ силу че-

¹⁾ Въ вѣдахъ, напр., встрѣчаемся съ пониманіемъ рѣчи, какъ текучей, струящейся жидкости (см. *Овс.-Куликовскій*, „Опытъ изуч. вакхич. культовъ...“, с. 65—6). — „Рѣчь можно было — по понятiямъ древности — *видѣть*, ибо «видѣть» и «слышать» были не то, чтобы совѣмъ ужъ синонимы, но понятiя весьма близкія одно къ другому — сливающіяся въ одномъ основномъ представленіи *текущей жидкости*. Подъ этой жидкостью понимались и звукъ и свѣтъ, и рѣчь, п. ч. все это начала текучія, льющіяся, струящіяся. Мы и теперь говоримъ: потоки свѣта, струи лучей, волны звуковъ“ (ib. 80).

²⁾ *Ящуржинскій*, „О превращенiяхъ...“, с. 453—4. — Ср. легенду у *Дубинскаго*, „Труды“, I, 89.

ловѣческаго слова, въ его принудительную силу и возможность физическаго воздѣйствія имъ на ближняго, на животное и на предметы царства неодушевленнаго; здѣсь же—и его лѣкарственная сила при болѣзняхъ: какъ воздѣйствіе на духа, ее породившаго, какъ вліяніе на существо или вещь, служащее источникомъ боли и мукъ и т. д.

Неудивительно, что у различныхъ народовъ сохранилось множество легендъ, описывающихъ силу слова въ конкретныхъ образахъ.

Мужъ съ радостью идетъ къ женѣ со словами: „Голубко моя!“ — „А вона — порхъ, и вылетила голубкою въ окно“ ¹⁾. „Однажды... мать послала свою дочь за водою на ключъ, находившійся далеко отъ юрты. Дѣвушка, пришедши на ключъ, заслушалась тамъ пѣнія иташекъ, прилетающихъ пить. Мать, долго ждавшая свою дочь, наконецъ потеряла терпѣніе и вскричала: «Чтобъ взяло ее солнце!» Едва успѣла она произнести это, какъ солнце и мѣсяцъ стали быстро спускаться съ своихъ мѣстъ на небѣ, стараясь определить другъ друга“, чтобы овладѣть дѣвочкой. Солнце уступаетъ мѣсяцу, п. ч. ночной путь послѣдняго „опасенъ безъ спутницы“. Съ той поры явились на мѣсяцѣ пятна ²⁾.

„Сербская вѣшница, когда хочетъ летѣть, мажетъ себѣ подъ мышками извѣстною мазью (какъ и наша вѣдьма) и говоритъ: «ни о трн, ни о грм (дубъ и бустарникъ тоже, какъ кажется, колючій) већ на пометно гумно!». Разсказываютъ, что одна женщина, намазавшись этой мазью, невзначай вмѣсто «ни о трн и пр.» сказала «и о трн» и полетѣвши поразрывалась о кусты“ ³⁾.

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, II, 94. — Ср. по этому вопросу интересную статью Н. Я. „Сила родительскаго проклятія по народнымъ разсказамъ Купянск. уѣзда Харьк. губ.“ (въ „Этнографич. Обозр.“ за 1899 г., кн. III, с. 41—53).

²⁾ Шапировъ, С. „Шаманство въ Сибири“, с. 14—15.

³⁾ Потембнѣ, „Языкъ и мысль“², 177. Ср. вариантъ этого разказа (мужъ неудачно подражаетъ дѣйствіямъ и словамъ же-

Этотъ предметъ, эта вещь — слово — получало постепенно въ ряду подобныхъ наблюдений, рассказовъ и преданій значеніе чего-то отдѣльно существующаго, постепенно надѣлялось индивидуальными особенностями, вырастая въ живое существо — птицу, сокола, орла ¹⁾, — обладающее сверхъестественными, божественными качествами, а впоследствии получая видъ особаго божества, могучаго, властнаго.

Въ вѣдахъ „Ръчи изображается верховной и изначальной богиней, владычицей всего сущаго. Это своего рода *λέγος*, который *ἐν ἀρχῇ ἦν*... Она носитъ боговъ, т. е. служить имъ опорой, основой. Ею сильны боги. Это она натягиваетъ лукъ Рудры. Вездѣсущая, всепроникающая, она носится вмѣстѣ съ вѣтрами. Рождаясь въ устахъ людей, она находитъ себѣ грандіозное обнаруженіе въ океанѣ водъ небесныхъ, — въ раскатахъ грома слышенъ ея голосъ. Она вездѣ... Въ устахъ людей и въ цѣвнѣ птицъ, и въ крикѣ звѣрей, повсюду обнаруживается частица ея бытія. Вѣстникомъ, глашатаемъ ходитъ рѣчь между землею и небомъ ²⁾).

Вотъ крайне любопытный гимнъ Рѣчи, вложенный въ ея же уста:

„Я шествую вмѣстѣ съ Рудрами, Васавами, Адитьями и всѣми богами (или Вишвадевами; я Митру и Варуну обоихъ ношу, я (ношу) Индру и Агни, я (ношу) обоихъ Ашвиновъ.

— Я Сому обильнаго ношу, я (ношу) Тваштара и Пушана, Бхага; я даю богатства совершающему возліанія, ревностному, приносящему жертву, выдавливающему сокъ (Сомы).

— Я царица, собирательница благъ, мудрая, пер-

ны) у *Л. Березина*, „О мифологич. вѣров. австрійск. южн. славянъ“ (въ ж. „Знаніе“ 1877 г., кн. IV, с. 52—3).

¹⁾ *Овсянито-Куликовскій*, „Опытъ изуч. вакхич. культъ“, с. 104—106.

²⁾ Тамъ же, 119.

вая изъ (божествъ), достойныхъ поклоненія. Это меня боги распредѣлили по многимъ мѣстамъ, (создавъ меня какъ) обитательницу многихъ (мѣсть и какъ) путеводительницу повсюду.

— Мною вкушаетъ пищу тотъ, кто видитъ, кто слышитъ сказанное, — (сами того не зная), они при мнѣ состоятъ («О мнѣ живутъ»). Слушай! Слушайте! Я говорю тебѣ правду.

— Я вѣдь сама собою это говорю, — излюбленное богами и людьми. Кого я люблю, того дѣлаю страшнымъ (моцнымъ), жрецомъ, поэтомъ, мудрецомъ.

— Я натягиваю лукъ Рудрѣ— для стрѣлы, для убійнія того, кто ненавидитъ молитву. Я сообщаю людямъ боевое воодушевленіе. Я проникаю небо и землю.

— Я возбуждаю (воодушевляю, привожу въ экстазъ) отца, въ головѣ его; мое рожденіе — среди водъ, въ океанѣ; оттуда возвысилась я надо всѣми существами и головою касаюсь я самаго неба.

— Я, какъ вѣтеръ, развѣваюсь, охватывая всѣ существа. Превыше неба, здѣсь превыше земли — столь великой я стала¹⁾.

Не стану долѣ останавливаться на однородныхъ примѣрахъ, которыми изобилуетъ поэзія любого народа, разныхъ эпохъ, различныхъ высотъ культуры: уже изъ немногихъ приведенныхъ можно заключить, что за словомъ вскорѣ признано было первенствующее мѣсто въ ряду духовъ, которыми населенъ былъ міръ на этой ступени развитія, въ ряду божествъ, коими одержимъ былъ человѣкъ.

— Набросанное въ общихъ чертахъ міросозерцаніе росло и крѣпло, опираясь на тогдашнюю научную теорію — одухотвореніе міра; это былъ своеобразный, съ нашей точки, пожалуй, несуразный, но все же научный методъ классификаціи явленій, какъ существъ, предме-

¹⁾ *Овсянко-Куликовскій*, Л. с., с. 117—118.

товъ, подвластныхъ извѣстному духу, — дѣленія міра на отдѣльныя царства. Здѣсь языкъ сыгралъ безусловно важную роль: имя, названіе духа, божества призывало въ мысли говорящаго подчиненныхъ этому духу. — Эпоха пантеизма была лишь распространеніемъ въ ширь такого пониманія міра. — На дальнѣйшихъ же ступеняхъ развитія, при поворотѣ къ современному научному міровоззрѣнію, оно же — это слово — служило наиболѣе могучей опорой для смѣлыхъ новаторовъ съ одной стороны, давая имъ готовые формы, для наполненія новымъ содержаніемъ, ускоряя переверотъ научной мысли, а съ другой выступало и упорнѣйшимъ врагомъ ихъ, пустивъ сильнѣйшіе корни въ массахъ народныхъ, закрѣпивъ надолго права миѣическаго (съ современной точки зрѣнія) мышленія въ воззрѣніяхъ народовъ.

Вообще слово, — съ тѣхъ поръ какъ за нимъ признана была сила, какъ опредѣлилось, что въ жизни человека оно — величина крушная, — принимало самое живое участіе во всѣхъ важныхъ моментахъ человѣческой исторіи, за нимъ оставалось рѣшающее значеніе.

Попробую, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, намѣтить роль его въ такихъ великихъ процессахъ чело-вѣческаго духа, какъ усвоеніе христіанства на почвѣ старыхъ вѣрованій, и созданіе современныхъ взглядовъ на природу, гдѣ идетъ постепенный наклонъ отъ существа, вещи, матеріи — къ явленію, процессу, силѣ.

Къ пониманію христіанства подготовлены были лишь выдающіеся мыслители передоваго народа въ древнемъ мірѣ — грековъ, пройдя черезъ такіа горнила духа, какъ Сократъ, Платонъ, только люди, съ тонко развитымъ философскимъ міросозерцаніемъ, постигавшіе путемъ глубокаго проникновенія въ „суть вещей“ идею единобожія. Но и въ средѣ этого тонко развитаго въ художественномъ отношеніи, воспитавшагося на образцовыхъ произведеніяхъ мыслителей — философовъ народа эти геніи яв-

лялись отщепенцами, чуждыми по своему міросозерцанію для „средняго интеллигента“ того времени.

Неудивительно, что и въ средѣ евреевъ, этого „избраннаго“ народа, миссіей котораго было храненіе и распространеніе завѣтовъ Единого Бога, проповѣдь Христа была встрѣчена враждебно: массы народныя не возвышались надъ уровнемъ царившаго въ то время міропониманія.

Какой же удивительный переворотъ, какую кипучую духовную дѣятельность должны были вызывать начала христіанства, попадая на почву, совершенно неутюванную, какъ то было съ новыми историческими народами, а особенно съ Русью.

Новыя понятія вливались въ формы старыя, выработанныя въ языкѣ путемъ упорнаго и долгаго процесса установленія въ мірѣ гармоніи, связи, возможной дѣльности его частей на почвѣ одухотворенія всего сущаго. Конечно, это новое должно было вступать въ компромиссъ со старымъ, отдавая ему на первыхъ порахъ почти все *свое*.

Старое понятіе о добрыхъ и злыхъ духахъ, о добромъ и зломъ началахъ въ мірѣ нашло себѣ воплощеніе въ новыхъ образахъ Бога и діавола, между которыми раздѣлена власть надъ вселенной; постепенно могущество послѣдняго слабѣетъ въ пониманіи обращенныхъ ко Христу, и выдвигается всемогущество Божіе; однако на протяженіи долгихъ вѣковъ, вплоть до нашего времени, значеніе демоническаго начала сохраняется въ различныхъ углахъ народнаго міровоззрѣнія, пройдя предварительно и черезъ богословскія сочиненія. Такъ, напр., блаженный *Августинъ* въ сочиненіи своемъ „О вѣдовствѣ демоновъ“ говоритъ: „Откровеніе... исходитъ или отъ Бога или отъ демоновъ; эти послѣдніе, благодаря своимъ сверхестественнымъ способностямъ, могутъ точно знать будущее и изъ различныхъ побужденій открывать его людямъ“. Приводя эти слова, *Мищенко* добавляетъ: „Такимъ образомъ чудесная сторона язычества принималась

христіанствомъ; измѣнены были названія, сообщены другія формы, но сущность осталась въ цѣлости“¹⁾.

Сохраняя въ силѣ значеніе вѣщихъ сновъ, видѣній, пророчествъ, христіанство придаетъ имъ исподволь значеніе Божьяго откровенія, а не вліянія демоновъ.

Что же должно было происходить въ умахъ толпы новообращенныхъ, мало способной къ анализу, твердо стоящей на основахъ старой вѣры?

Еще у древнѣйшихъ культурныхъ народовъ, по мѣрѣ выхода изъ подавляющей мощи природы, по мѣрѣ завоеваній человѣка надъ нею, благопріятствующія ему, свѣтлыя начала въ мірѣ выдѣлялись въ особую группу божествъ, выдвигая культъ огня, свѣта; мало-по-малу эти отдѣльныя свѣтлыя божества собирались подъ главенствомъ солнца — бога свѣта и тепла, источника жизни на землѣ, выступающаго нерѣдко на защиту человѣка отъ темныхъ, грозныхъ стихій природы.

„Солнце было естественнымъ путеводителемъ къ возведенію всѣхъ явленій природы къ одной причинѣ, къ обобщенію всего въ единомъ“²⁾. — „Неопровержимости солнечной теоріи способствовала между прочимъ и недосыгаемость солнца, между тѣмъ какъ всякое указаніе на земной предметъ, какъ источникъ или причину явленій, могло подвергнуться непосредственной провѣркѣ или опроверженію“³⁾.

Этой теоріей г. Воеводскій объясняетъ и тѣ слѣды монотеизма, которые найдены различными учеными (см., напр., *Nägelsbach*, „*Homerische Theologie*“) у Гомера.

Во всякомъ случаѣ, это была та тропа, по которой направлялась мысль человѣческая къ созданію единаго, свѣтлаго верховнаго существа, заправляющаго судьбами міра. И дѣйствительно, идея единаго верховнаго добраго

1) Буше Леклеркъ, „Изъ ист. культуры“. — (Переводъ съ предисловіемъ и примѣч. Мищенка). С. 28.

2) Воеводскій, „Введ. въ міол. Одиссея“, с. 195.

3) *Ib.*, 196.

существа сравнительно легко укладывалась въ умахъ и сердцахъ язычниковъ, обращаемихъ ко Христу. Но она постоянно ограничивалась, затемнялась, тускнѣла подъ вліяніемъ вѣрованій въ разрозненныя темныя силы, которыми и понынѣ полна природа для массъ народныхъ, для непросвѣщеннаго ума.

У этихъ послѣднихъ не было такого видимаго еди-наго конкретнаго образа, въ которомъ онѣ могли объединиться, потому онѣ представляются владѣтелями отдѣльныхъ уголковъ земнаго шара, пытающимися при всякомъ удобномъ случаѣ причинить вредъ, зло человѣку. Въ эпоху христіанства всѣ онѣ нашли себѣ воплощеніе въ образѣ діавола, искушителя, оболъстителя человѣка, въ видѣ чорта, антихриста, врага Бога и людей.

Подъ вліяніемъ ученія церкви старыя боги, владыки царствъ земныхъ, тускнѣютъ, меркнутъ предъ величіемъ Божіимъ, переходя исподволь въ разрядъ темныхъ силъ, подъ власть дьявола, который, почуявъ свое могущество, пытается даже вступать въ борьбу съ Богомъ изъ-за власти надъ міромъ.

„Демоническое начало было однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей поэтическаго одушевленія съ самой ранней эпохи среднихъ вѣковъ и едва ли не до конца XVIII вѣка“. Это одно изъ характерныхъ отличій искусствъ христіанскаго и классическаго. „Болѣзненное раздвоеніе, которое почувствовалъ въ себѣ человѣкъ, усмотрѣвъ въ своемъ тѣлесномъ составѣ присутствіе злого врага своей души, постоянно наводило на мысль о сопутствующемъ ему демонѣ, постоянно пугало его воображеніе грозными страшилищами, и всякую данную радость растворяло для него горечью ожидаемой вѣчной гибели“ ¹⁾.

¹⁾ *Буслаевъ*, „Вѣсъ въ ист. московск. нравовъ“, с. 1. (Подробно и обстоятельно объ этомъ см. у *G. Roskoff*, „Geschichte des Teufels“ Leipzig. 1869. В. I—II). Ср. также *И. Мамушевскій*, „Дьяволъ въ поэзіи. Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло, въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣ-

„Изъ встрѣчи двухъ чрезвычайно различныхъ міровоззрѣній (— язычества и христіанства —) создалось то среднее состояніе, которое еще древніе учителя русской церкви называли «двоевѣріемъ»... Процессъ двоевѣрія длился очень долго, не кончившись въ сущности и теперь... Церковь... усиленно стремилась къ истребленію двоевѣрія, обличала его въ поученіяхъ, лѣтописи, церковномъ законодательствѣ, предавала его проклятіямъ, но оно продолжало жить, отчасти потому, что невозможно было бы измѣнить міровоззрѣніе народа при тѣхъ скудныхъ средствахъ обученія, какія тогда (да и послѣ) были, отчасти потому, что требованія учителей были чрезмерны, поднято было гоненіе не только прямо противъ идолослуженія, но противъ всякаго увеселенія, противъ игры и пѣсни, которыя объявлены были дѣломъ бѣсовскимъ (по старому византійскому представленію язычество было именно служеніемъ бѣсамъ)“¹⁾.

— Подъ такими вліяніями „отношеніе между языческими богами и дѣволомъ доходило, какъ можно думать по нѣкоторымъ даннымъ, до полнаго ихъ отождествленія... «Людіе... влечаху его (— Перуна —) въ рѣку Волховъ, идѣже абіе погрязе въ глубину, и помалѣ явися зъ воды; единъ же нѣкто человекъ верже на него палицею, онъ же вземъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка; порази же слѣпотою Новгородцевъ, яко оттолѣ въ сіе время, даже донынѣ, въ каждо лѣто на томъ мосту люди собираются, и раздѣлившеса надвое играюще убиваются» (Полн. С. Р. Л., II, 258, Ип. л.). Здѣсь Перунъ представляется одушевленнымъ воплощеніемъ діавола, — самимъ дѣволомъ“²⁾.

„Этотъ взглядъ и послужилъ точкою сопріисловія между вѣрованіями старой и новой религіи о духахъ:

ковъ. — Этюдъ по сравнит. исторіи л-ры“ (въ „Русск. Мысли“ 1901 г., кн. VI, с. 67—96 — начало).

¹⁾ *Пыпинъ, А.* „Нач. рус. ли-ры“, с. 277—8.

²⁾ *М. Азбукинъ,* „Очеркъ литературн. борьбы...“, 2 2—3.

божества древнихъ славянъ заняли по отношенію къ христіанскому Богу второе мѣсто и здѣсь встрѣтились съ ученіемъ новой религіи о духахъ. Сближеніе между тѣмъ и другимъ было вполнѣ естественно: славяне привыкли къ политеистическому складу, по которому явленія природы имѣли нѣсколькихъ отдѣльныхъ представителей; объединеніе этихъ явленій подъ властью одного Міроправителя на первыхъ порахъ было непонятно для язычника — тѣмъ болѣе, что непосредственное впечатлѣніе представляло ему въ природѣ нерѣдко враждебное отношеніе между явленіями, которое въ неразвитомъ сознаніи туго мирилось съ представленіемъ о единомъ началѣ, — и онъ съ охотою остановился на ученіи объ ангелахъ и святыхъ съ одной стороны, и о демонахъ съ другой, которое тѣмъ болѣе было ему по-плечу, что имѣло нѣчто аналогичное съ прежними языческими понятіями о бѣлобогахъ и чернобогахъ ¹⁾. Характерную попытку защитить

¹⁾ „Стараясь уничтожить народную вѣру въ зѣморфическую и аятропоморфическую олицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учителя внушили народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Кипрекаго на книгу Бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и проч., переписывалось во многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія“ (*Щатовъ*, „Историч. оч. народн. міросозерц.“ изъ ч. СХVII, с. 5), (каковы, напр., Лѣтопись Нестора, I, с. 121, Соловецкій Сборникъ № 993, Соловецк. рукоп. № 219 и др.). Неудивительно поэтому, что въ „своемъ поэтическомъ міросозерцаніи народъ видѣлъ ангеловъ въ травахъ, цвѣтахъ и птицахъ: «Есть трава именемъ архангелъ, собою мала, на сторонахъ по 9 листовъ, тонка въ стрѣлку, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь. Та трава вельми добра: кто ее рветъ на Иванъ-день сквозь златую или серебряную гривну

и объяснить существованіе стихійныхъ божествъ съ точки зрѣнія христіанскихъ понятій представляютъ народныя легенды о томъ, какъ дьяволъ былъ свергнутъ съ неба: когда были созданы ангелы и демоны, между ними завязалась борьба, въ которой побѣда склонялась то на ту, то на другую сторону. Наконецъ архангелъ Михаилъ свергъ съ неба сатанино воинство, и нечистая сила падала на землю въ различныя мѣста, отчего появились водяные, домовые и лѣшіе¹⁾.

Объ этой исконной, начавшейся еще „при сотвореніи міра“, борьбѣ началъ добраго и злого сохраняются и понынѣ сказанія въ народѣ, свидѣтельствуя наглядно, сколь глубоко вѣдрилось такое міропониманіе въ народную жизнь.

„Давно це було. Тоди ни людей, ни земли, ни дерева, ни птыци и ни якои живои твари не було на съвити; ии уже описля Господь Богъ премудростію Своею сотворивъ, благословивъ и повеливъ кожній свого дила берегти. Одна отъ тилько возули межъ птыцами, мовлявъ, якъ цыганъ межъ людьми, неседить на одному кодли, своєї хаты, це бо то гнізда, не мае, а у чужи гнізда лйця несе. Такъ ий одъ Господа завить, кажуть, такий данъ, шобъ не смилла своимъ власнымъ хозяйствомъ господарювати, а шобъ тинялась по чужимъ куткамъ та втихи не знала видъ диточокъ своихъ. Бо кажна тварь, яка бъ вона проклятуца не була, отъ хочай бы и вовкъ, на цо, здається, крацого разбійника, а и той тишитесь дитками своими. Эге! — а возуля то це навить и не птыца, а такъ перевертень, — тьху! отъ шо вона! — Ото жъ тоди була скрызъ вода, а надъ нею перше небо, на котримъ живъ Богъ и два його прислужники: Мишка та Гришка, отъ якъ по монастирахъ може доводилось вамъ

и та трава носить, и тотъ человекъ не боится дьявола ни въ ночь, ни злаго человекъ» (ib., 12).

¹⁾ *Азбукино*, Л. с., с. 233 (ср. у *Авсанасьева*, „Поэтич. воззрѣнія“, II, 462).

бачити послушныкывъ, чи служокъ,—то при такому дили й ци стояли. А на самому неби, тамъ де теперъ живе -Божа Мати, живъ Сатанаиль, и все Господови перечивъ. Що не схоче Господь зробити, то винъ, лукавый цей Сатанаиль, визме та и помишае, не дасть таки, проклятый, зробити. Ото и задумавъ Господь Богъ, якъ бы то іому стробити С-а, та не такъ то хоче стробити, якъ виднати ризу его, у котри, мовлявъ, уся сила сатанаилова седила.—Отъ одного разу С-ль роздягся, положивъ ризу свою на камени и ставъ плавати на мори, бо дуже любивъ проклятуцій купатись, а Господь сидить на своему неби та дивиться. Отъ и заспоривъ Господь Богъ зъ С-мъ: не достанешъ, Господь каже, два морского, а С. каже: ба достану“. Сталь сатана нырять, а Господь, Гришка та Мишка стали замораживать море. Вынырнулъ С., увидѣлъ толстый слой льда, сталь оттаивать его и догонять Гришку, взяшаго ризу С-ла. Но Михаилъ обрубилъ ему крылья. „Отъ Сатанаиль упавъ у море, а ризу іого М. съ Гришкою принесли до Бога. И у ци сами ризи пясля Іисусъ-Христось на хрести мучився, а зъ Мишки та Гришки Богъ зробивъ архангеливъ Михаила та Гавриила“ ¹⁾).

Въ апокрифахъ о сотвореніи міра (варіанты коихъ у различныхъ записывателей очень близки) тоже изображается попытка борьбы сатаны съ Богомъ, но с-а здѣсь оказывается безсильнымъ: „Богъ посылаетъ Сатанаила на дно моря взять песку (и синяго камня) и приказываетъ ему произнести при этомъ: «не я беру, а Богъ бере», но С. сказалъ: «не Богъ бере, а я беру» и не мѡгъ вынести, и только на третій разъ, исполнивъ приказаніе Бога, захватилъ песку (и камня); Богъ посѣялъ песокъ, приказалъ ему расти, и такимъ образомъ создана была земля, а изъ синяго камня — небо“ ²⁾).

¹⁾ Записано г. Ю. Остаржевскимъ въ Кіевѣ — см. „Кіевская Старина“, 1887 г. май, с. 196—7.

²⁾ Сулицовъ, „Очерки...“, с. 239.

Въ Галиціи, въ пасхальныхъ играхъ, донинѣ удержались отголоски этой вѣковой борьбы, перенесенной съ неба на землю: „Изъ группы парней, въ количествѣ около 20 человекъ, избирается Богъ и «дідко» (т. е. чортъ); затѣмъ всѣ садятся въ кругъ, «дідко» же тѣмъ временемъ удаляется. Богъ беретъ кольцо и прячетъ его въ сжатой рукѣ одного изъ хлопцевъ и потомъ, призвавъ *дідка*, велитъ ему угадывать, у кого находится перстень, говоря при этомъ: «Выйди, дідко, изъ-за горы, будешь ѣсть пироги». Чортъ начинаетъ искать, и хлопецъ, у котораго онъ не находитъ кольца, становится *божьимъ*, тѣ же, у которыхъ окажется кольцо, дѣлаются *дідковыми*. Такимъ образомъ, всѣ играющіе раздѣляются на двѣ партіи — *божьихъ* и *дідковихъ*. Тогда *Богъ* и *дідко* становятся впереди своихъ и хватаются руками за толстую палку, называемую булавою; начинается борьба при общемъ крикѣ: «наша булава!» Кто вырветъ изъ рукъ противника эту эмблему власти, тотъ и считается побѣдителемъ, и сообразно съ этимъ всѣ кричатъ въ концѣ игры: «Богъ сильнѣе» либо: «Дідко сильнѣе!»¹⁾

— „Укрѣпленію сближенія стихійныхъ божествъ съ христіанскими ангелами и святыми много помогло и гностико-богомильское ученіе объ ангелахъ міроправителяхъ и о сатанаилѣ, какъ самостоятельномъ представителѣ злого царства, занесенное къ намъ изъ Болгаріи въ самомъ началѣ христіанской жизни. Возрѣнія эти больше подошли подъ уровень духовной жизни русскаго народа и были усвоены имъ очень скоро. Въ стихійныхъ ангелахъ и сатанаилѣ народъ узналъ уже знакомыя ему лица, принявъ ихъ съ особой охотой и даже назвалъ своими языческими именами — («Еста два ангела громвал — еленскій старецъ Перунъ, Нахоръ (вар. Хорсъ) есть жидовинъ; а два еста ангела молніина» — объясненіе грома и молніи въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“). — Для русскихъ

¹⁾ Карловичъ, И., проф. „Народныя пасхальныя игры въ восточной Галиціи“ (см. „Харьковск. Вѣдом.“ 1900 г., № 96).

оставалось только найти какія-либо общія черты между прежнимъ божествомъ и христіанскимъ святымъ или ангеломъ, а затѣмъ легко произвести замѣну одного другимъ, причемъ безпрепятственно переходили въ кругъ христіанскихъ воззрѣній и множество побочныхъ языческихъ элементовъ,—заговоры, примѣты, заклинаній и пр. Найти такія черты было не трудно: не нужно было ни характеристики святаго, ни подробныхъ свѣдѣній о его жизни: достаточно было самаго мелочнаго подобія, — въ большинствѣ случаевъ — простого созвучія въ имени или частнаго біографическаго факта, чтобы замѣнить бога (— языческаго —) христіанскимъ святымъ¹⁾. — Византійская церковная литература въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже способствовала закрѣпленію и въ культурной средѣ ученія о стихійныхъ ангелахъ²⁾. Неудивительно, что народное міропониманіе воспользовалось этимъ теченіемъ церковнымъ очень широко, населивъ міръ, во всѣхъ углахъ

¹⁾ Такъ, напр., пророкъ *Илія* низводитъ огонь и дождь на землю, возносится на небо на огненныхъ коняхъ и колесницѣ,—значить онъ то же, что громовержець Перунъ. Это и засвидѣтельствовано въ памятникѣ XV в.—„Бесѣдъ Епифанія съ св. Андреемъ“—(см. „Ж. М. Н. Пр.“, т. СХVII, с. 15); *Іоаннъ Предтеча* въ церковномъ языкѣ называется „денницей, предтечей солнца“, отсюда, при содѣйствіи данныхъ языка, гдѣ крестить и купать — синонимы, — отождествленіе его съ Иваномъ Купалой; *Власій*, какъ говорится въ Прологѣ о Власіи, жилъ „въ нѣкоей пещерѣ горьстѣи, идѣже дивии звѣрія кроткими благословеніемъ св. являюся“ (ср. Четы-Минеи), а потому — онъ скотій Богъ — Волосъ; дочери Ирода, *трясавицы* (12 лиходорокъ), въ качествѣ темной силы вошли въ русскую иконографію: въ XVII в. были иконы — побѣда ангела-хранителя надъ 12 трясавицами по молитвѣ св. Сисинія; это — 12 обнаженныхъ разныхъ цвѣтовъ, сообразно народнымъ представленіямъ, женщинъ (см. *Буслаевъ*, „О нар. п. въ др.-рус. л-рѣ“ (въ „Изв. Ак. Н.“, т. VIII, с. 67).

²⁾ См., напр., „Соловецкій Сборникъ“ № 993 — въ „Ж. М. Н. П.“, т. СХVII, с. 3; у Нестора, подъ 6618 (1110) годомъ, о явленіи огненнаго столба въ Печерскомъ монастырѣ, — въ „П. С. Р. Л.“, I, с. 121—2.

ангелами и демонами подъ разнообразными названіями. „Основываясь на стихѣ: «ангеломъ своимъ заповѣсть о Тебѣ — сохранить Тя во всѣхъ путехъ Твоихъ», русскіе благочестивые книжники дѣйствительно наполнили весь міръ ангелами, такъ же какъ ранѣе онъ былъ наполненъ языческими богами; ангелы эти не только управляли стихійными явленіями, но и участвовали во всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ, обстоятельствахъ жизни человѣка, при чемъ каждому роду дѣйствій человѣка приписывался свой ангель-покровитель“ 1).

Народное творчество на этой почвѣ развернулось во всю ширь, создавъ богатую литературу апокрифовъ, духовныхъ стиховъ, заговоровъ, закрѣпивъ такимъ образомъ на долгое время въ языкѣ и мысли власть существа, вещи, предмета, утвердивъ въ предложеніи главенство за подлежащимъ-существительнымъ, тормозя развитіе глагольности и связанныхъ съ этимъ строемъ рѣчи мыслительныхъ теченій.

Изъ сѣмянъ христіанскаго ученія, посѣянныхъ на языческой почвѣ, выростали на ней роскошныя туземныя растенія, какъ суррогатъ чистыхъ, высокихъ идей новой религіи, какъ дополненіе и разъясненіе многихъ вопросовъ, всплывавшихъ въ умахъ обращенныхъ подъ вліяніемъ старыхъ вѣрованій. Первымъ изъ таковыхъ является апокрифъ, — какъ домысль, какъ толкованіе прочитаннаго въ книгахъ церковныхъ, — зародившійся въ началѣ среди низшаго духовенства 2) и начетчиковъ въ Священномъ Писаніи, а потому долгое время не подвергавшійся

1) *Азбукины*, М., Л. с., с. 240. — Ср., напр., „Сказаніе, кѣмъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны и когда памяти имъ“ — въ „Ж. М. Н. П.“, т. СХVII, с. 63.

2) „Просвири и пономари, говоритъ Буславѣвъ, заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи народной поэзіи, и какъ Пушкинъ указывалъ чистоту русской рѣчи въ устахъ московскихъ просвиренъ, такъ историкъ литературы съ неменьшимъ уваженіемъ долженъ отозваться о поэтическихъ разсказахъ древнихъ русскихъ пономарей“ („Ист. очерки“, II, 198).

гоненію со стороны высшихъ духовныхъ властей: апокрифами пользовались даже священники при составленіи проповѣдей. Такъ выросталъ постепенно „обширный отдѣлъ литературныхъ памятниковъ, построенныхъ на каноническихъ сказаніяхъ ветхозавѣтныхъ, новозавѣтныхъ и на житіяхъ святыхъ, съ примѣсю къ библейскимъ сказаніямъ народныхъ преданій и вымысловъ“, дополняющихъ и поясняющихъ „библейскіе мотивы съ точки зрѣнія народной психологіи и частныхъ особенностей народнаго быта“ ¹⁾. Отсюда получалъ начало, спускаясь въ народную среду и тамъ видоизмѣняясь и давая отъ себя новыя побѣги, „богатый религиозный эпосъ, въ которомъ посреди заблужденій, анахронизмовъ и противорѣчій встрѣчается много замѣчательныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, много въ высшей степени трогательныхъ и поэтическихъ картинъ. Поэтому эти сказанія были всегда любимы, переходили отъ одного народа къ другому; проникали въ искусство и литературу, доставляли, особенно въ древніе и средніе вѣка сюжеты для духовной поэзіи, живописи и скульптуры, и вообще имѣли огромное вліяніе на складъ тѣхъ религиозныхъ народныхъ понятій, которыя еще до сихъ поръ существуютъ въ народѣ“ ²⁾.

Въ народныхъ массахъ апокрифами питались духовные стихи. Это былъ путь, которымъ глубоко и прочно въѣдрились принципы новой религіи въ жизнь народную, это былъ рычагъ для поворота стараго міросозерцанія.

„На Руси стихи духовные возникли со времени уже христіанской религіи изъ стремленія разъяснить себѣ новыя и неясныя вопросы, предложенныя народу религіей, которая не могла сразу найти себѣ полное и вѣрное объясненіе въ грубыхъ умахъ еще язычествующаго по убѣжденіямъ народа, представляя разрушеніе его старыхъ

¹⁾ *Сумцовъ*, „Очерки...“, с. 215—16.

²⁾ *Ibid.*

идеаловъ. Выходъ былъ вполне естественный: народъ обратился къ книгамъ и, не найдя въ нихъ многого интереснаго, пустилъ въ дѣло свою фантазію. Вотъ начало апокрифическихъ сказаній, на которыхъ основывались и духовные стихи“ ¹⁾).

„Духовные стихи есть явленіе не исключительно русской жизни, но наши духовные стихи, сходясь въ сюжетахъ съ произведеніями другихъ народовъ, рѣзко отличаются отъ нихъ въ обработкѣ этихъ сюжетовъ. Во всѣхъ нашихъ духовныхъ стихахъ представляется смѣшеніе чисто народнаго элемента съ книжнымъ: съ одной стороны они повторяютъ языческія преданія, вносятъ въ себя міровоззрѣніе до-христіанскаго народа, съ другой — слушаютъ отраженіемъ книжной и преимущественно апокрифической литературы. Основой нашихъ стиховъ были книжныя, апокрифическія сказанія, но обработка этихъ сказаній шла чисто народнымъ, безыскусственнымъ путемъ, что сближаетъ наши духовные стихи съ народными русскими произведеніями до-христіанской эпохи: въ нихъ мы видимъ тѣ же предметы, тѣ же воззрѣнія и представленія, какія намъ хорошо знакомы изъ русскихъ былинъ“ ²⁾).

„По духовнымъ стихамъ можно видѣть нравственную состоятельность христіанскаго русскаго народа; по нимъ можно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ христіанскихъ идей въ той формѣ, въ которой онѣ прививались въ массѣ, а это знаніе подвигаетъ впередъ и разъясненіе вопросовъ изъ исторіи политической и исторіи культуры цѣлой русской націи“ ³⁾).

Благодаря духовнымъ стихамъ, добавлю, становились для сѣраго люда своими, близкими, родными высокіе завѣты Христа; а отсюда уже вытекало пользованіе молитвой христіанскаго характера въ труднѣйшихъ, интим-

¹⁾ Будде, Е. „Мѣсто и знач. дух. стиховъ“, с. 27.

²⁾ *Ив.*, с. 2.

³⁾ *Ив.*, 28.

нѣйшихъ случаяхъ частной, личной жизни, каковы, напр., заговоры.

Въ разныхъ отдаленныхъ углахъ Россіи и понынѣ кипитъ борьба между отчужденными міропониманіями, и изслѣдователь застаеть ее въ разныхъ стадіяхъ развитія въ зависимости отъ того, сколь давно и какъ успѣшно входитъ въ жизнь той или иной окраины христіанская культура.

Россія въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ разновременно принимала, даже внѣшнимъ образомъ, христіанство, растекалось оно медленнымъ потокомъ изъ Кіева на ближайшія окрестности. Если мы припомнимъ въ любой моментъ исторіи, какую отчаянную и упорную борьбу вѣдетъ всегда старое, отступая передъ новой силой, — намъ станетъ яснымъ, почему остатки стараго, языческаго, назовемъ болѣе широкимъ терминомъ — миѣческаго мышленія дожили донынѣ, хотя и въ измѣненномъ видѣ, даже въ относительно культурной средѣ, не говоря уже о мало цивилизованныхъ жителяхъ окраинъ, гдѣ эти вѣрованія встрѣчаются и въ чистомъ видѣ, разливаясь по всему горизонту его мысли.

Такъ, напр., по понятію крестьянъ Курейско-Сергіевскаго прихода Холмогорскаго уѣзда, „вся природа, всѣ стихіи и явленія ея олицетворяются въ живыхъ образахъ — существахъ, и имѣютъ непосредственное роковое вліяніе на судьбу человѣка; въ (ихъ) рукахъ находится счастье и горе людей. Каждое изъ этихъ таинственныхъ существъ, называемыхъ духами, имѣетъ свою опредѣленную сферу дѣйствія и вліянія... Куда бы ни пошелъ (человѣкъ), въ поле, въ лѣсъ, къ рѣкѣ, къ озеру или на гору, — вездѣ воображенію его представляются эти невидимыя миѣческія существа, отъ которыхъ онъ не можетъ никуда уйти. Вѣра въ могучую силу этихъ миѣческихъ существъ и боясь гнѣва ихъ, суевѣрный народъ всегда старается не раздражать, угодить имъ, умилостивить ихъ“. При входѣ въ новый домъ хозяинъ накрываетъ столъ, раселанивается на всѣ стороны и говоритъ: „хо-

зяюшко-господинъ, прими насъ на богатый дворъ, на бытѣе на житѣе, на богатество“. Если домовою умилостивленъ, все идетъ благополучно, иначе — въ домъ заводится *нежитъ*. Купилъ крестьянинъ скотину, вводитъ во дворъ со словами: „Мохнатый звѣрь на богатый дворъ; пой, корми, хозяйнушко, рукавичкой гладь“; на утро — неприглажена скотина, значить не ко двору: нелюба домовому, и продается за безцѣнокъ. Моется въ банѣ — не стучить, не говорить громко, чтобы не оскорбить „байнушка“, а вымывшись — оставляетъ ему вѣникъ и воды и уходя благодарить: „Спасибо тебѣ, байнушко, на нарной баничеѣ“ и т. п.¹⁾

Не говорю уже объ инородцахъ, у которыхъ христіанство ложилось на еще болѣе ранній слой въ пониманіи міра и гдѣ оно на туземной почвѣ дало самые причудливые плоды. Такъ, у чукчей, по словамъ „Якутскихъ Обл. Вѣдомостей“ (1893 г.), на почвѣ вѣрованія въ загробную жизнь окрѣпъ древнѣйшій обычай убійства стариковъ, неспособныхъ къ труду, переродившійся нѣскольکو позже въ самоубійство таковыхъ — въ виду неминуемой гибели —, а нынѣ — въ фанатическое желаніе поскорѣе свидѣться съ умершими родными. Особенно возрастаетъ число самоубійцъ во время эпидемій и тяжкихъ несчастій: бѣды, скорби и болѣзни приписываются чукчами вліянію умершихъ вмѣстѣ съ злыми духами; для ихъ умилостивленія чукча и приноситъ себя въ жертву, заявляя роднымъ, что духи не даютъ ему покоя, зовутъ его къ себѣ. И вотъ начинается торжественное приготовленіе къ этому событію, при томъ очень медленное — не менѣе 10—16 дней. Заготавливается новая одежда изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, новыя сани и сбруя для оленей, на которыхъ совершенъ будетъ послѣдній путь. Обрежшій себя на смерть, надѣвъ новую одежду, садится въ углу юрты и подаетъ знакъ, чтобы его лишили жизни, приставивъ копье противъ сердца, или ножъ

¹⁾ *Ефименко*, „Опис. обыч. Арханг. губ.“, с. 198.

у горла, или же надѣвъ на шею ремень. Умерщвленнаго сажаютъ въ сани и увозятъ въ назначенное мѣсто; тамъ убиваютъ оленей, а трупъ привезеннаго сжигаютъ. Присутствующіе, намазавъ лицо и руки кровью покойнаго, во время сжиганія обращаются къ нему съ мольбой, не забывая ихъ, и разѣзжаются когда трупъ обратится въ пепель.

Конечно, въ эти дебри духа свѣтъ Христова ученія дойдетъ не скоро, и долго въ такихъ углахъ будутъ таиться живые примѣры тѣхъ видовъ пониманія міра, черезъ которыя проходило все человѣчество, поднимающіяся къ современному.

Всѣ эти и подобные конкретные образы, оформляясь постепенно въ сознаніи, получаютъ нѣкоторое обобщеніе и закрѣпляются надолго, пожалуй еще болѣе крѣпко, въ языкѣ, въ обыденной рѣчи, гдѣ часто такъ трудно бываетъ отличить метафору, переносное пониманіе отъ живой дѣйствительности, и гдѣ борьба миѣческаго мышленія съ относительно научнымъ идетъ и въ настоящее время во всѣхъ слояхъ, упорная и горячая.

Дѣло въ томъ, что постепенное „умерщвленіе“ природы, постепенное уменьшеніе въ мысли предметовъ живыхъ, одушевленныхъ, т. е. существъ, влекло за собою и въ языкѣ стремленіе отѣннить въ словѣ эту грань живого и мертваго, духа и матеріи. Огромную роль въ этомъ вопросѣ сыграло то, что у насъ принято называть миѣомъ.

Если анимистическое пониманіе міра не давало хода анализу и обобщеніямъ мысли, представляя все живымъ, все одинаковымъ, на одной плоскости и уровнѣ, то политеизмъ уже открывалъ широкій просторъ для установленія перспективъ въ мысли: „душа вещи превращается въ божество, вещь теряетъ свою душу, и такимъ образомъ утрачивается самая возможность противопоставленія вещи и ея души. Тѣмъ не менѣе возможность возникновенія у индоевропейцевъ дуалистической точки зрѣнія не была уничтожена, потому что не всѣ

вещи потеряли свои души. Это случилось собственно съ тѣми, которыя мы называемъ неодушевленными; живыя существа естественно продолжали сохранять свои души и такимъ образомъ обезпечивали возможность будущаго философскаго различенія *духа* и *матеріи*“¹⁾).

Греческіе мѣны были уже широкимъ обобщеніемъ, они уготовали почву для научнаго анализа: отдавъ цѣлую область природы во власть особаго существа, божества, грекъ умерщвлялъ тѣмъ самымъ отдѣльные предметы и явленія въ этомъ царствѣ. Неудивительно, что мѣнологія играла столь видную роль въ античномъ мірѣ: она удовлетворяла не только религіознымъ, но и научнымъ потребностямъ²⁾.

„Мы знаемъ съ достовѣрностью, говоритъ К. О. Мюллеръ, что мѣны, какъ основаніе и почва поэзіи и искусства, впродолженіе столѣтій преимущественно занимали умъ греческаго народа: возможно ли поэтому составить себѣ понятіе о духовной жизни этого времени, не зная мѣновъ и ихъ происхожденія? Не только внѣшняя, но и внутренняя исторія греческаго народа будетъ подобна де-

1) *Овсяннико-Куликовскій*, „Очерки изъ ист. мысли“, с. 112.

2) Краткое изложеніе главнѣйшихъ теорій, предлагавшихся въ разное время для объясненія происхожденія и сущности мѣна, можно найти у *А. Введенскаго*, „Художественное творчество, какъ принципъ объясненія мѣновъ“ (М. 1901 г.). Самъ авторъ считаетъ мѣнологическій процессъ — процессомъ творческимъ, близко-родственнымъ съ художественнымъ, опирающимся на основной законъ (съ формальной стороны) этого послѣдняго—законъ „прогрессирующей подстановкой, впервые выдвинутый *Dr. Ch. Ruths* (въ „*Inductive Untersuchungen über die Fundamentalgesetze der psychischen Phänomene*“, В. I. Darmstadt, 1898) и въ нѣскольکو измѣненномъ видѣ формулируемый проф. Введенскимъ такъ: „Изъ двухъ сходныхъ воспріятій, представленій, воспоминаній, эмоцій и т. д. творящая фантазія всегда предпочитаетъ тотъ психическій феноменъ, въ которомъ существенные элементы (или комплексы элементовъ) даны въ болѣе яркой, пластичной, рельефной, живой и подвижной формѣ“ (стр. 22).

реву безъ корней, если отбросить миѳъ, какъ цѣхто не-пригодное для науки, или если замѣнить этотъ единственно вѣрный источникъ произвольными догадками и химерами“¹⁾).

Въ жизни русскаго народа аналогичное значеніе имѣли апокрифы, духовные стихи и проч., служа предвѣстниками новаго, „научнаго“ міропониманія.

„Миѳъ самъ по себѣ уже былъ продуктомъ большихъ усилій мысли, большого творчества; въ немъ былъ собранъ умственный капиталъ, накопившійся вѣками; въ немъ хранились наблюденія, сближенія явленій, сопоставленія образы, — цѣлое міросозерданіе, которое давало мыслителямъ и матеріаль, и мыслительные стимулы, и отправныя точки. Миѳъ, который имѣлъ исторію очень сложную, на пути своего развитія вырабатывалъ и изощрялъ умы, какъ въ настоящее время это дѣлаетъ наука. Миѳъ создалъ великіе умы древности, а эти умы въ свою очередь изъ миѳа сдѣлали философію и науку“²⁾).

Скажу болѣе: миѳъ въ исторіи развитія мысли ближайшій родоначальникъ послѣдующихъ научныхъ теорій и состоитъ съ ними въ тѣснѣйшемъ кровномъ родствѣ.

„Миѳомъ является всякая научная теорія, насколько она оказывается несостоятельною съ точки зрѣнія болѣе развитога научнаго сознанія“³⁾).

Проф. Потемня еще опредѣленнѣе выражалъ эту мысль: „миѳъ есть старая научная теорія, отжившая свой вѣкъ и смѣненная новой“.

Значить, существенной разницы между миѳическимъ и научнымъ мышленіемъ нѣтъ, и если между ними борьба обостряется, если миѳъ пытаются втоптать въ грязь, считая его позорнымъ, болѣзненнымъ наростомъ человѣческой мысли, если его насильственно и какъ можно ско-

¹⁾ „Prolegomena“ (1825 г.), с. 207.

²⁾ *Овсянко-Куликовскій*, *Op. cit.*, с. 134.

³⁾ *Воеводскій*, „Введеніе въ миѳол. Одиссеи“, с. 183.

рѣе пытаются искоренить, — то все это лишь слѣдствіе вражды между „отцами и дѣтьми“, въ силу выростающей между ними розни въ оттѣнкахъ міровоззрѣній; мы гораздо терпимѣе бываемъ къ „дѣдамъ“, хотя ихъ строй мыслей, ихъ воззрѣнія гораздо болѣе чужды внукамъ: здѣсь нѣтъ непосредственнаго столкновенія, а потому и обостренности противниковъ.

Блестящее развитіе „миѳическаго“ мышленія, какъ и вообще процвѣтаніе въ народѣ активнаго творчества, свидѣтельствуешь о способности народа и въ серьезной научной работѣ, а потому гасить и тѣснить его нѣтъ основанія: вѣдь только черезъ эту старую форму волеется въ жизнь народную и новое, — для насъ, научное міропониманіе, а разрушеніе этихъ формъ надолго задержать вообще развитіе, — пока выработаются и формы, способныя принять въ себя вливаемое въ нихъ ¹⁾.

Правда, измѣненіе старыхъ формъ по требованіямъ новаго содержанія должно произойти, но это дѣлается

¹⁾ „Отдѣльныя понятія по міровѣдѣнію въ народной массѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ встрѣчаемъ, представляются мнѣ, какъ естественный продуктъ научнаго стремленія къ изслѣдованію связи явленій и необходимой, при данной суммѣ матеріаловъ изслѣдованія, склонности къ антропоморфизму. Вотъ почему я давно пересталъ поражаться странностью ихъ, почему не сомнѣваюсь въ способности къ усвоенію болѣе точныхъ приѣмовъ изслѣдованія со стороны людей, проявившихъ склонность къ самостоятельному изслѣдованію явленій въ формѣ, соответствующей наличности матеріала, но убѣжденъ въ безусловной безплодности непосредственной борьбы съ отдѣльными суевѣрными понятіями. Только долгое и постепенное освоеніе съ болѣе совершенною техникою изслѣдованія можетъ приводить серьезный результатъ въ этомъ отношеніи; отдѣльныя понятія находятся въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ... Они продуктъ умствѣнной жизни народа и наличныхъ средствъ изслѣдованія и способны уступить мѣсто новымъ только въ той мѣрѣ, въ какой эти новыя обнимутъ всю систему его мышленія, подобно тому, какъ старыя листья на черномъ дубѣ осыпаются только по мѣрѣ вскормленія его соками новыхъ“ (О. Рыл-ский, „Къ изуч. украин. міровоззрѣнія“, с. 277—8).

вѣтками, и вѣдь никто не разрываетъ рукой почку или бутонъ цвѣтка, чтобы поскорѣе увидѣть листы или полный цвѣтокъ; столь же неумѣстно и насильственное вторженіе въ глубочайшіе таинственные процессы духа человѣческаго. — Ихъ можно наблюдать, изучать, поучаться, но отнюдь не разрушать и извращать, если не имѣется въ виду ихъ смерть.

Измѣненія, эволюція въ этихъ процессахъ идетъ неустанно; открытіе одного передового человѣка спустя нѣкоторое время становится достояніемъ группы близкихъ къ нему по развитію и постепенно опускается въ массы, а въ то же время на вершинахъ мысли зрѣетъ новое теченіе, — и такъ постоянно.

Наиболѣе яркимъ свидѣтелемъ тому служить языкъ: если присмотрѣться, въ немъ подмѣтимъ во всякій данный моментъ пласты и слои различныхъ поколѣній, причудливо перемѣшанные, то враждующіе другъ съ другомъ, то идущіе ко взаимному примиренію и созданію новаго на старыхъ устояхъ.

А состояніе языка — точнѣйшій и тончайшій показатель уровня мысли. — Съ тѣхъ поръ, какъ это положеніе, выработанное языковѣдѣн, стало подучать права гражданства у старшихъ коллегъ этой юной науки, оно заставило повнимательнѣе присматриваться и прислушиваться къ творчеству массъ, народа въ разнообразныхъ областяхъ знанія и съ немалымъ удивленіемъ на первыхъ порахъ и недоувѣріемъ отырывать тамъ первоисточники, корни позднѣйшихъ научныхъ теорій. Сначала по этой дорогѣ пошли ближайшіе родственники науки о языкѣ — исторія литературы, этнографія, антропология, а затѣмъ естествознаніе во всѣхъ областяхъ и даже философія. И вотъ со всѣхъ сторонъ потекли новые факты, наблюденія, подтверждающія выводы изслѣдователей языка, что народная словесность есть своего рода энциклопедія знаній, что въ ней наряду съ отжившимъ для научныхъ теорій, есть сохранившее всю свою цѣнность и для современнаго состоянія науки, а не мало и такого, что явля-

ется для науки загадкой пока, хотя и слегка уже освѣщаемой и раскрываемой. Все это заставило вновь пересматривать „разныя суевѣрные бредни“, хранящіяся въ нѣдрахъ народнаго опыта, и согласно съ нимъ, — конечно всякій разъ освѣщаемого съ точки господствующаго міровоззрѣнія, — духовнаго творчества.

„Отголосковъ миеологической старины въ современномъ обществѣ гораздо больше, нежели можетъ показаться съ перваго раза, и подъ вліяніемъ событій, возбуждающихъ воображеніе, народная фантазія дѣйствуетъ по тѣмъ же законамъ и съ тѣми же приѣмами, при помощи которыхъ она нѣкогда разрабатывала содержаніе національнаго эпоса. — Всѣ эти отголоски могутъ быть названы переживаніемъ въ томъ смыслѣ, что они унаслѣдованы нами отъ болѣе или менѣе отдаленной старины. Но если подъ переживаніемъ разумѣть такой остатокъ прошлаго, который утратилъ живой смыслъ и имѣетъ только символическое значеніе, то едва лишь небольшая часть такихъ отголосковъ подойдетъ подъ это опредѣленіе; все же остальное окажется жизненнымъ проявленіемъ миеологическаго міросозерцанія. — Эти отголоски должны быть собираемы съ возможной тщательностью, и при достаточномъ накопленіи матеріала внимательное изученіе ихъ должно дать съ одной стороны очень яркое представленіе о настроеніи и степени развитія эпохи, а съ другой важныя указанія для общихъ положеній антропологии и этнографіи“¹⁾.

Исслѣдованія въ области народной словесности, какъ болѣе простаго сравнительно съ позднѣйшими развитыми формами человѣческаго знанія — литературой, искусствомъ и наукой — помогаютъ разобратся и въ этомъ сложномъ, намѣчая пути въ развитіи общихъ приѣмовъ мысли, лежащихъ въ глубинахъ человѣческой психики.

„Культурное развитіе всякаго народа, всякаго человѣка характеризуется тѣмъ, что прежнее его міровоззрѣ-

¹⁾ *Куртвичниковъ, А. „Очерки по миеол.“, с. 42.*

нѣ расширяется, благодаря тому, что въ его жизнь проникають новыя начала, или создающіяся вновь изъ старыхъ, или выходящія изъ другой области, изъ другой культуры, изъ жизни иного народа. Эти начала, примѣняясь къ уже существующимъ, видоизмѣняясь въ зависимости отъ нихъ, сами вносятъ измѣненія въ эти старшя начала и совмѣстно съ ними вырабатываютъ инныя начала культуры. При этомъ старыя начала не уничтожаются, ни исчезаютъ вполне изъ жизни, но, смотря по характеру новаго начала, они или живутъ рядомъ съ нимъ, или отходятъ постепенно на второй, третій, можетъ быть, десятый планъ, или же продолжаютъ жизнь въ новой формѣ. Опредѣлить отношенія этихъ началъ — дѣло научнаго изслѣдованія¹⁾.

„Приведу примѣръ общеизвѣстный — переживаніе старыхъ вѣрованій: языческія вѣрованія народа не погибаютъ окончательно съ христіанствомъ у этого народа: вырабатывается двоевѣріе, языческую основу котораго можно указать послѣ болѣе или менѣе тщательнаго анализа: у народа менѣе культурнаго старая основа сквозитъ больше, у болѣе культурнаго меньше“²⁾.

„Въ исторіи быта и вѣрованій съ преданіями и мифологіей мы находимъ ранѣе всего выраженіе отдѣльныхъ чертъ данной народности, находимъ мы ихъ еще ранѣе — въ языкѣ, тѣсно связанномъ съ бытомъ и религіей, неотдѣлимомъ отъ понятія о народности. Такимъ образомъ съ исторіи языка, быта религіозныхъ вѣрованій и преданій мы должны начинать изученіе литературы“³⁾.

Во всѣхъ этихъ процессахъ крѣпло и развивалось могущество слова и въ народномъ пониманіи, и въ пониманіи представителей различныхъ научныхъ теченій.

Выработавъ изъ наблюденій надъ словомъ, какъ двой-

1) М. Сперанскій, „Дѣленіе исторіи русской л-ры“, стр. 197—8.

2) *Ив.*, 198.

3) *Ив.*, 201—2.

никомъ своего „я“, убѣжденіе о его огромной роли въ жизни на каждомъ шагѣ, создавъ своего рода культъ слова, человѣкъ въ дальнѣйшихъ наблюденіяхъ, изъ другихъ источниковъ, при иномъ освѣщеніи міра, добывалъ все больше и подтвержденій, что слово — это сила великая; старое преклоненіе предъ его властью въ христіанское время не только не ослабло, а напротивъ окружено было ореоломъ святости, сблизившись съ молитвой (— молити = молвити —); народная словесность на всемъ своемъ протяженіи проникнута этой основной мыслью. Всестороннія научныя изслѣдованія о языкѣ въ этомъ вопросѣ тоже не пошли въ разрѣзъ съ пониманіемъ народнымъ, какъ то было обычно во многихъ случаяхъ, когда сталкивались народная и книжная мудрость въ объясненіи и его явленій. Напротивъ, чѣмъ глубже шло изученіе языка, тѣмъ ярче, рельефнѣе определялось значеніе его въ исторіи развитія человѣка, въ созданіи и ростѣ человѣка, какъ существа разумнаго. Языкъ признали наиболѣе яркимъ выраженіемъ состоянія духа и высоты мысли: „стиль — это человѣкъ“, говорилъ Бюффонъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ наукѣ разработано значеніе языка при образованіи понятій, созданіи высшихъ отвлеченныхъ идей, на которыхъ опирается все зданіе науки и философіи; когда сознали, что безъ выработанныхъ формъ языка нѣтъ хода и мысли, что тотъ и другая составляютъ неразрывное цѣлое, — за словомъ и въ наукѣ вообще признанъ взглядъ народа.

„Идеи—живые ферменты, которые заставляютъ бродить стихію народнаго духа, побуждая его создавать и творить. У каждой эпохи есть своя наличность обращающихся идей: это разнѣнная монета мысли. — Какъ бы ни были многочисленны вѣтви, ихъ несетъ одинъ стволъ, онѣ исходятъ изъ одного корня. Какъ бы ни были многочисленны, сложны и противорѣчивы ходячія идеи, онѣ кристаллизуются около немногихъ центральныхъ. Поэтому всегда можно составить умственный инвентарь данной эпохи, прослѣдить развитіе его и обогащеніе идейныхъ

накопленій через вѣка. При этомъ необходимо отличать тѣ идеи, которыя обращаются въ избранныхъ кружкахъ, являются достояніемъ немногихъ, исключительныхъ, опередившихъ вѣкъ личностей, идеи, такъ сказать, «келейныя» отъ идей, обращающихся въ массѣ народа и общества, вступающихъ въ сферу коллективнаго самосознанія народа; только эти послѣднія идеи входятъ въ жизнь и являются могучими двигателями, направляющими народное жизненное строительство къ тѣмъ или инымъ цѣлямъ. Эти идеи претворяются въ чувство, въ безошибочный инстинктъ, и онѣ характерны для народа и эпохи.—Въ началѣ исторія мы находимъ ту дѣйствующую почву, ту духовную «плазму», изъ которой и въ которой затѣмъ начинается ростъ и броженіе, творческій процессъ народной осмысленной жизни. Броженіе вызываетъ идеи, но отъ характера почвы зависитъ, чтобы проросли на ней именно тѣ, а не инныя идейныя сѣмена; отъ природы «исторической плазмы» зависитъ то, что она воспринимаетъ именно эту вотъ идею и начинаетъ жить ею¹⁾.

„Идеи, образы, опредѣляющіе наше поведеніе и отчасти самый нашъ характеръ, внушаются намъ — частью обстоятельствами, частью другими людьми. Точнѣе, тамъ, гдѣ они особенно ярки и сильны, они ощущаются нами, какъ какія-то психическія внушенія. Мы нѣтъ нужды указывать на множество вѣрованій народныхъ, связанныхъ съ такими явленіями, — вѣру въ глазъ, порчу, одержимость, въ любовныя чары, внушенія добрыхъ и злыхъ духовныхъ силъ; всѣ эти вѣрованія, что бы имъ ни соотвѣтствовало, характерно выражаютъ самое ощущеніе психическаго вліянія или внушенія, связаннаго съ тѣми или другими образами, представленіями или идеями, опредѣляющими наше поведеніе. Съ самымъ *словомъ*, въ которомъ выражается правило дѣйствія, связывается такое представленіе предписанія, велѣнія, внушенія. Внушитель-

¹⁾ *Энгелгардтъ, Н.* „Философія русскаго самосознанія“ (въ „Книжк. Недѣли“ 1897 г., I, с. 253—4).

ное слово, свое или чужое, побуждаетъ насъ къ дѣятельности и опредѣляетъ ея направленіе: такое слово не только слышится нами, но и *живетъ* въ насъ¹⁾.

Вслѣдъ за отвлеченными философскими науками пошли по этому пути въ пониманіи силы слова и науки прикладныя. Медицина современная пытается раскрыть, на чемъ опирается лѣкарственное, цѣлебное значеніе слова, играющее въ народной врачебной практикѣ столь выдающуюся роль. А при этихъ разслѣдованіяхъ попутно освѣщались и такія „абсолютныя нелѣпости“ въ народномъ міровоззрѣніи, какъ отводъ глазъ, передача чувствительности другому субъекту или предмету и проч.²⁾.

1) *Трубецкой*, „Психологическій детерминизмъ“, с. 509.

2) Доктору Льюису, производившему въ Парижской больницѣ *Charité* опыты надъ гипнотическимъ раздвоеніемъ личности, удалось съ одной пациенткой достигнуть того, что вся чувствительность ея перешла, по приказу Л-а, въ бокалъ съ водой. Стоило дотронуться до этой воды, и это тотчасъ же отзывалось на помѣщавшейся въ другой комнатѣ. Когда начинали воду мутить, съ пациенткой дѣлались спазмы, оканчивавшіяся глубокимъ обморокомъ, когда воду разливали. Затѣмъ Л. попытался чувствительность пациентки перенести на ея фотографическій портретъ. Результатъ тотъ же: прикосновеніе къ портрету отзывалось на пациенткѣ, даже царапина на рукѣ портрета съ точностью появилась и на рукѣ пациентки.

Ср. также статью *Е. Розье* „О внѣшнемъ отвлеченіи чувствительности“ (помѣщенную въ первыхъ №№ „*La Médecine Moderne*“ за 1898 годъ). Приведу изъ нея нѣсколько отрывковъ, по извлеченію въ „Новомъ Времени“ за 1898 г., № 7860 (въ Иллюстр. прибавл.). „Субъектъ, находящійся въ глубокомъ гипнозѣ, становится чувствителенъ, если и не касаться его. Напр., если ущемить воздухъ на разстояніи 3—4 сантиметровъ отъ кожи субъекта, то человекъ почувствуетъ боль, и вы замѣтите, что ему дѣйствительно больно;... при чемъ на кожѣ можетъ иногда оказаться синякъ... Эта отвлеченная чувствительность можетъ сосредоточиться въ различныхъ вмѣстителяхъ, напр., въ стаканѣ воды. Приблизивъ руку загнипнотизированнаго субъекта, мы передаемъ этому стакану всю чувствительность руки... Если мы коснемся воды, то загнипнотизиру-

„Всѣ писатели, занимавшіеся исторіей магіи, говорятъ о талисманахъ, о чарахъ, о таинственныхъ словахъ, которые дѣлали посвященныхъ нечувствительными къ страданіямъ. Среди самыхъ жестокихъ мученій сохраняли они наибѣйшее спокойствіе, и ни однимъ движеніемъ, ни однимъ звукомъ не обнаруживали, что чувствуютъ боль ¹⁾. И несправедливо, думаемъ мы, считать эти рассказы чаще всего за вымышленные: точные эксперименты, произведенные въ наше время, позволяютъ дать имъ болѣе вѣрное толкованіе. Дѣйствительно, мы увидимъ, что большинство этихъ явленій возрождается снова въ гипнотизмъ. Если нѣкоторые обвиняемые переносили не блѣднѣя пытки, то это потому, что они дѣйствительно дѣлались нечувствительными подъ вліяніемъ одной только мысли, что у нихъ при себѣ превосходный талисманъ.— Когда причины внушенія не лежатъ уже болѣе въ насъ, но находятся внѣ насъ, то они обыкновенно вліяютъ на нашъ умъ незамѣтнымъ образомъ, и мы, уступая имъ, въ то же время сохраняемъ иллюзію свободы. Бываетъ иногда, что внушеніе осуществляется противъ нашей воли, осуществляется даже въ томъ случаѣ, когда нашъ умъ прекрасно сознаетъ его ложность и нелѣпость“ ²⁾.

„Шарль Рише ³⁾ дѣлалъ по этому поводу очень поучительные эксперименты надъ лицами, совершенно нормально мыслящими и не подверженными никакимъ невропатическимъ припадкамъ. Такъ онъ говорилъ однажды г-жѣ N.: «Вотъ очень горькая вода, попробуйте ее выпить». — «Я знаю, отвѣчаетъ она, что вода не горькая»,

ванное лицо почувствуетъ боль, какъ будто мы укололи ему руку... Отвлеченная чувствительность можетъ быть перенесена и въ другія вмѣстилища... Она предпочитаетъ жидкія тѣла, желатинъ, воскъ, слабой плотности матеріи и животныя тѣла“.

¹⁾ Рядъ такихъ примѣровъ приводится у Janet „L'Automatisme psychologique“, на с. 212.

²⁾ Ф. Томъ, „Внушеніе“, с. 22.

³⁾ См. „Revue philosophique“, т. XXI, с. 321 и сл.

и подносить стаканъ къ губамъ; но она не можетъ рѣшиться попробовать воду и дѣлаетъ удивительныя гримасы, какъ будто бы дѣйствительно дѣло шло о противномъ рѣшеніи. Наконецъ, послѣ 2—3 минутъ колебанія, уступая настояніямъ всѣхъ присутствующихъ при этомъ лицъ, она рѣшается выпить, но не безъ новыхъ знаковъ отвращенія. — «Ну, говорятъ ей, зачѣмъ эти гримасы? Развѣ это ужь такъ горько?». — «Нѣтъ, говоритъ она, но я не могу поступить иначе»¹⁾.

Пьеръ Жане въ „L'Automatisme psychologique“ приводитъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ: одна загнипнотизированная, по слову Жане, разрѣзывала воображаемый персикъ и ѣла съ видимымъ удовольствіемъ, другая — отстраняла входившаго (тоже воображаемаго) слона и забавлялась тѣмъ, что протягивала къ его хоботу кусочки хлѣба.

Думается, что за подобными примѣрами внушенія и самовнушенія нечего ходить далеко: въ обыденной жизни съ ними встрѣчаемся очень часто: стоитъ нервному, мнительному человѣку сказать: «у васъ по шеѣ ползетъ гусеница» или «къ вамъ на башмакъ вспрыгнула лягушка» и т. п., какъ на лицѣ его появляется выраженіе испуга и отвращенія, а въ иныхъ случаяхъ на мѣстѣ, гдѣ проползла мнимая гусеница, появляется краснота и ощущается зудъ.

Продолжая свои опыты въ такомъ направленіи, экспериментальная психологія научнымъ путемъ открывала рядъ послѣдствій гипноза, удивительныхъ, поражающихъ, но уже далеко небезызвѣстныхъ народной медицинѣ, въ лицѣ шамановъ, колдуновъ, знахарей, ворожекъ, шептухъ и проч.

Подъ вліяніемъ гипноза наблюдались, напр., крупныя измѣненія въ чувствительности субъекта: 1) потеря ея: врачъ-хирургъ говоритъ пациенту: ваша рука пара-

¹⁾ Тамъ, *Op. cit.*, с. 22—3.

лизована, — и, не вызывая страданій, дѣлаетъ глубокіе проколы и разрѣзы ¹⁾; 2) усиленіе ея: слышать на далекомъ разстояніи разговоръ, шопоть; видѣть на очень боль-

1) Принявъ за фактъ, что сильное воздѣйствіе на нервную систему (такъ называемый „шокъ“), можетъ вызывать потерю чувствительности, частичную или во всемъ организмѣ, медицина пошла дальше: она стала искать въ организмѣ ключа, которымъ раскрывается это загадочное явленіе. Позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ интересной статьи по данному вопросу — *Солье*, „Чувство физиологической жизни и страданіе“ (въ „Научн. Обзорѣнїи“, 1899, VII, с. 1268—75, — перев. Сидерской). Бываютъ случаи внезапнаго заболѣванія, какъ бы сотрясенія въ головѣ субъекта, послѣ котораго его самочувствіе кореннымъ образомъ измѣняется. „Онъ сохраняетъ всѣ свои интеллектуальныя особенности -- идеи, сужденія, память. Его органическія функціи совершаются правильно. Но онъ перестаетъ ощущать органическія потребности — онъ не чувствуетъ ни голода, ни обремененія желудка... онъ воспринимаетъ всѣ ощущенія со всѣми оттѣнками въ области какъ кожной чувствительности, такъ и специальныхъ органовъ чувствъ. Чего ему *недостаетъ*, такъ это *болевою чувствительности*. Онъ не вздрагиваетъ при сильномъ уколѣ, какъ бы укололи не его, а кого-то другого“ (с. 1271—2). Одинъ изъ такихъ больныхъ на вопросъ Солье, какъ себя чувствуетъ, отвѣчалъ: „я чувствую, что болѣе не существую“, и могъ съ точностью опредѣлить точку черепа, гдѣ почувствовалъ сотрясеніе, вслѣдствіе котораго потерялъ чувство своего существованія: эта точка мозговыхъ центровъ соотвѣтствовала центрамъ пищеварительныхъ органовъ и желудка въ частности. Подобная потеря чувства существованія (— анестезія —)... не влечетъ за собой ни тягостнаго, ни грустнаго настроенія“ (с. 1269). — Это подтверждается многочисленными разсказами людей, бывавшихъ „на краю жизни“; въ стану приводить народныхъ, а остановлюсь на любопытномъ свидѣтельствѣ извѣстнаго проф.-геолога Альберта Гейма: сорвавшись съ высокаго утеса и летя въ пропасть, онъ ни на минуту не терялъ сознанія, при ударахъ о выступы и камни боли совершенно не чувствовалъ и считалъ количество ударовъ; но въ эти нѣсколько мгновеній онъ отчетливо и ярко пережилъ вновь всю предшествовавшую свою жизнь. — Очень близокъ къ этому и разсказъ альпиниста сэра Вэмпера.

шихъ разстояніяхъ; 3) превращать ощущенія: считать хининъ сладкимъ, принимая его за сахаръ, запахъ нашатыря — за духи; и *вызывать сопутствующія дополнителныя ощущенія*: быть пьянымъ отъ воды, выпитой вмѣсто ликера, вызывать на тѣлѣ нарывы, гдѣ приложена была бумага, вымазанная клеемъ, вмѣсто нарывного пластыря; [такимъ путемъ видѣ, образъ (мнимый) лѣкарства, вызывая глубокое измѣненіе въ организмѣ, дѣйствуетъ, какъ само лѣкарство]; 4) загниотизированный, наконецъ, можетъ не видѣть предмета, находящагося передъ его глазами, и видѣть сквозь него, какъ сквозь пустое пространство, предметы, находящіеся за нимъ (это своего рода предвосхищеніе открытія рентгеновскихъ лучей).

Даже область интеллектуальная, подъ вліяніемъ внушенія, можетъ испытывать сильнѣйшія измѣненія.

„Я могъ, говорить Пьеръ Жане, заставляя М. переноситься послѣдовательно во всѣ періоды ея жизни, отмѣтить различныя состоянія чувствительности, которыя она пережила, и причины всѣхъ измѣненій. Такъ, она теперь совершенно не видитъ лѣвымъ глазомъ и увѣряетъ, что не видѣла имъ съ самаго рожденія. Если заставить ее возвратиться къ семилѣтнему возрасту, то она еще не чувствительна на лѣвый глазъ, но если внушить, что ей только шесть лѣтъ, то оказывается, что въ этомъ возрастѣ она хорошо видѣла обоими глазами, и можно опредѣлить время и весьма любопытныя обстоятельства, при которыхъ она потеряла чувствительность лѣваго глаза. Память автоматически осуществила то состояніе здоровья, о которомъ субъектъ, повидимому, не сохранилъ никакого воспоминанія“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, благодаря усиленнымъ работамъ научной мысли, многія явленія, засвидѣтельствованныя психиками народнаго творчества, но считавшіяся домы-

¹⁾ *Томъ, Op. cit., с. 29.*

словъ досузей фантазіи, становятся на почву дѣйствительности.

Самые приемы для достиженія гипноза очень близки, въ основѣ почти тождественны съ тѣми, что употребляютъ при заговорахъ: заставляютъ пациента устремить оба глаза неподвижно въ одну точку; смотрятъ ему пристально въ глаза; звонятъ въ гонгъ или бьютъ въ тамтамъ; пускаютъ неожиданно въ лицо сильную струю свѣта; повторяютъ многократно сряду какое либо дѣйствіе; притупляютъ мѣрнымъ непрерывнымъ раздраженіемъ чувствительность; надавливаютъ слегка на такъ называемыя „гипногенныя зоны“ и проч. ¹⁾. Въ основѣ всего этого лежитъ цѣль — съузить поле сознанія, вызвать „судорогу вниманія“ на одной вещи, и такимъ путемъ подготовить почву для воспріятія движеній, ощущеній, не задѣвая

¹⁾ Въ послѣднее время врачеваніе при помощи мысли и воли, — духовнаго воздѣйствія на больного начинаетъ занимать въ ученой медицинѣ все болѣе почетное мѣсто, особенно у послѣдователей Шарко. Такъ, одинъ изъ его учениковъ — Берильонъ попытался словеснымъ внушеніемъ отучить дѣвушку-рисовальницу отъ крайне тягостной и вредной для нея привычки обсаживанія кистей съ красками. Б. приказалъ дѣвушкѣ, чтобы рука ея нѣмѣла всякій разъ, какъ станетъ подносить кисть съ краской ко рту. При первой же попыткѣ возвратиться къ старой привычкѣ, дѣвушка осталась съ приподнятой оѣмѣвшейся рукой, пока Б. не освободилъ свою пациентку. (см. „Вѣстн. иностр. л-ръ“, 1900 г., XI, с. 360—1).

Врачу „ездѣ, на каждомъ шагу, приходится быть актеромъ; особенно это необходимо потому, что болѣзнь излѣчивается не только лѣкарствами и назначеніями, но и душою самого больного; его бодрая и вѣрящая душа — громадная сила въ борьбѣ съ болѣзнью, и нельзя достаточно высоко оцѣнить эту силу.. Могучую поддержку оказываетъ завоеванная (—врачомъ—) вѣра, удивительно поднимающая энергію больного и его окружающихъ. Больной страшно нуждается въ этой вѣрѣ и чутко ловитъ въ голосъ врача всякую ноту колебанія и сомнѣнія“ (*Вересаевъ*, „Записки врача“ — въ „Мірѣ Божіемъ“, 1901 г., III, с. 132—3).

щихъ нашего „я“, не воспринимаемыхъ ни чувствомъ, ни мыслью, въ ихъ обычномъ состоянїи.

Современное научное мышленіе въ своемъ широкомъ потокѣ, уносящемъ субстанціи, вещи, матерію въ пучину явленій, процессовъ и силъ, на разныхъ пунктахъ, въ различныхъ отрасляхъ наукъ, улавливало въ различныхъ уголкахъ и выносило на средину теченія отдѣльные факты, наблюденія, проливающія свѣтъ на сущность, на основы жизни этой могучей нынѣ, — и всегда признававшейся за таковую, — силы — внушенія, воздѣйствія словомъ на интимнѣйшія стороны человѣческаго духа, его психи.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали въ наукѣ все сводить къ дѣйствіямъ, постепенно объединяемымъ въ движеніи, дающемъ волны звуковыя, свѣтovyя, тепловыя, электрическія, эфирныя и рядъ промежуточныхъ между этими (по количеству колебаній въ секунду), пока неизвѣстныхъ, не дающихъ результатовъ, осязаемыхъ нашими органами, — это теченіе влилось мало-по-малу и въ область явленій психическихъ.

Исходя изъ того основнаго положенія, что мысль, подобно звуку, свѣту, лучистой теплотѣ, электричеству и проч., есть лишь особый видъ энергіи, это направленіе научное пришло къ заключенію, что передача мысли отъ одного субъекта другому на разстоянїи и безъ прикосновенія вполнѣ возможна (ср. новѣйшія открытія — телеграфъ безъ проволокъ и электрическая лампа безъ проводовъ).

Такъ стали объяснять научно, обходя опасный подводный камень „чуждестности“ и „мистицизма“, многія таинственныя явленія, долго бывшія паріями презрѣнными въ кругу почтенныхъ научныхъ, „непоколебимыхъ“ истинъ.

Долго собирали факты такого рода, повѣряли точность наблюденія, собирали свѣдѣнїи о научной благонадежности лицъ, сообщавшихъ таковыя, пока матеріаль не сталъ достаточно богатъ, великъ настолько, что ужъ

былъ помѣхой стройности созданной системы міропониманія.

Тогда приступили къ объясненію ихъ, къ многочисленнымъ экспериментамъ въ этой области. Еще въ началѣ 80-хъ гг. появилась статья знаменитаго французскаго фізіолога *Шарля Рише* „La suggestion mentale et le calcul des probabilités“, въ которой онъ на основаніи многочисленныхъ, произведенныхъ имъ, опытовъ, доказывалъ, что мысль одного лица можетъ оказывать вліяніе на мысль другого безъ помощи какихъ либо знаковъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ; степень воздѣйствія, разумѣется, у разныхъ лицъ различна.

Цѣлымъ рядомъ фактовъ, собранныхъ въ протоколахъ лондонскаго „Society for psychical researsch“, основаннаго спеціально для изученія разнаго рода „тайнственныхъ“ явленій, многочисленными опытами проф. Седжевика ¹⁾ мнѣніе Рише подтвердилось блистательнымъ образомъ: теорія вѣроятностей, примѣнявшаяся было къ объясненію явленій даннаго порядка, потеряла всякое значеніе, такъ опыты Седжевика давали 30% тамъ, гдѣ по теоріи вѣроятностей слѣдовало ожидать лишь 1—2%.

Въ недавнее время, въ концѣ 1895 г., вышла въ свѣтъ очень интересная работа *Лемана* и *Гансена* ²⁾, проливающая новую струю свѣта въ интересующій насъ вопросъ.

Исходя изъ той точки, что мысль есть своеобразное движеніе, эти ученые рѣшили сконцентрировать мысли въ фокусѣ вогнутаго зеркала: на разстояніи 2 метровъ между фокусами поставлены были два металлическихъ зеркала на такой высотѣ, чтобы ухо экспериментатора находилось въ фокусѣ; въ такой позѣ ученые усѣлись другъ противъ друга и стали вынимать поочередно изъ

¹⁾ „Experiments in thought-transferense“ (Proceedings of S. for psych. res.), vol. VI.

²⁾ „Ueber unwillkürliches Flüstern“ (Philosophische Studien, 11 B.).

мѣшечка двузвучныя цыфры, давая волю движенію язычныхъ мускуловъ, которое необходимо для произнесенія названія вынутаго цыфры, но ни въ какомъ случаѣ не допуская шопота. Результаты получились поразительныя: изъ 500 случаевъ въ 166 угаданы были обѣ цыфры, въ 206—одна; при томъ числа воспринимались по частямъ: сначала одна цыфра или одинъ звукъ, одинъ комплексъ движеній, потомъ другой. Разстояніе постепенно увеличивалось, изслѣдователи были отдѣлены другъ отъ друга занавѣской, наконецъ помѣстились въ разныхъ комнатахъ;—количество угаданныхъ чиселъ, правда, уменьшалось подъ вліяніемъ препятствій для движенія звуковыхъ волнъ, но все же превосходило далеко $\frac{1}{10}$, установленный теоріей вѣроятности. Разгадка явленія въ слѣдующемъ: звуковыя волны, образуемыя при невольномъ мускульномъ движеніи (безъ котораго не можетъ быть произнесено слово), отражаются отъ металлическаго зеркала и попадаютъ въ ухо экспериментатора, находящееся въ фокусѣ ¹⁾.— Въ своихъ фонетическихъ изслѣдованіяхъ, кото-

¹⁾ А извѣстный французскій психологъ Полапъ (въ статьѣ „Правдивыя галлюцинаціи“ — въ „Rev. d. deux Monedes“, 1892, XI) пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи: „Всякая мысль сопровождается мозговымъ движеніемъ, передающимся міровому эфиру и сообщающимся мозгамъ другихъ лицъ, въ которыхъ оно принимаетъ свою первоначальную форму мысли“ (см. „Книжки Недѣли“, 1892, XII, с. 216). — Ср. также: 1) Любопытную замѣтку въ „Вѣстникѣ иностр. л-ры“ (1897 г., XII, 245—6) относительно опытовъ г. Брандта надъ фотографированіемъ токовъ лучистой энергіи, исходящихъ изъ человѣческаго тѣла. 2) Статью *Вл. Тюринга* „О психографіи или такъ наз. фотографированіи мысли“ (въ „Научн. Обзорніи“ 1897 г., № 4, с. 54—60), въ которой авторъ пытается дать объясненіе наиболѣе достовѣрнымъ опытамъ въ этой области, произведеннымъ Робертсомъ (воспроизведеніе на фотографической пластинкѣ предмета, на который экспериментаторъ долго смотрѣлъ, токомъ свѣта изъ глазъ). Дѣло въ томъ, что сѣтчатая оболочка обладаетъ способностью нѣкоторое время фосфоресцировать, т. е. глаза подобно стекламъ волшебнаго фонаря проектируютъ

рымъ отведена значительная часть книги, Л. и Г. установили интересное наблюдение: звуки, въ обыкновенной рѣчи, громкой, сливающиеся и похожіе другъ на друга, ясно различаются при произнесеніи ихъ шопотомъ.

Это еще одно благопріятствующее условіе, помогающее при интенсивности вниманія достигать столь блестящихъ результатовъ.

— Не буду подробно останавливаться на этихъ теоріяхъ, — мнѣ хотѣлось лишь въ самомъ бѣгломъ очеркѣ показать, сколь могуча на всѣхъ стадіяхъ развитія человеческого слова, на которой всецѣло виситъ и занимающій насъ отдѣлъ народнаго творчества, народнаго врачеванія.

Мы прошли, хотя бѣгло, по полю, на которомъ мысль народная сѣяла сѣмена самозащиты противъ страшныхъ стихійныхъ силъ, противъ различныхъ бичей здоровья и благополучія. Передъ нами пока — лишь фонъ, на которомъ люди разныхъ временъ и поколѣній вышивали разнообразный, — по уровню міровоззрѣнія, — узоръ заговора. Это лишь тѣ благопріятныя условія, та почва уготованная, на которой ему расти привольно, а какъ онъ изъ дичка превращался въ культурное растеніе, какъ распускался въ пышный цвѣтокъ, объ этомъ рѣчь въ ближайшей главѣ.

свѣтотыя изображенія на пластинкѣ, какъ на экранѣ. (Быть можетъ, это наблюдение народа создало повѣрье, что въ открытыхъ глазахъ убитаго можно разглядѣть отраженіе убійцы).

ГЛАВА 3-я.

Формальная сторона заговора

Главный рычагъ, которымъ совершаются труднѣйшіе повороты и подъемы въ мысли человѣческой, какъ извѣстно, — сравненіе; на немъ всецѣло опирается и схема всякаго заговора, если поближе къ нему присмотрѣться. Но сравненіе—это орудіе далеко не первичной мысли, а прошедшей долгій искусъ, мысли выработанной, снабженной значительной дозой анализа. Чтобы выяснить, какъ простѣйше складывался заговоръ, нужно пойти назадъ, въ глубь исторіи мысли, и тамъ подсмотрѣть, какъ и чѣмъ орудуетъ мысль, въ своихъ повседневныхъ работахъ; здѣсь и будетъ ключъ загадки.

Человѣкъ познаетъ міръ непремѣнно сквозь призму своего „я“ въ различныхъ степеняхъ удаленія этого „я“ отъ наблюдаемаго или изучаемаго предмета (явленія, силы), въ зависимости отъ уровня развитія. Въ предыдущей главѣ указывались различныя стадіи близости человѣка съ природой, въ предѣлахъ нижнемъ доходящія до сліянія съ ней. Въ такомъ состояніи, разумѣется, о заговорѣ рѣчи нѣтъ: со стихійной силой человѣкъ вступаетъ въ ру-

копашную. А вотъ ужъ въ томъ пониманіи міра, которое принято называть анимизмомъ, найдемъ корни интересующаго насъ пріема мысли.

А. Н. Веселовскій въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи „Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля“ ¹⁾ предлагаетъ называть этотъ процессъ *параллелизмомъ* и тонко раскрываетъ его сущность.

„Дѣло идетъ не объ отождествленіи человѣческой жизни съ природою и не о сравненіи, предполагающемъ сознаніе раздѣльности сравниваемыхъ предметовъ, а о сопоставленіи по признаку дѣйствія, движенія: дерево хилится, дѣвушка кланяется,—такъ въ малорусской пѣснѣ. Представленіе движенія, дѣйствія лежитъ въ основѣ одностороннихъ опредѣленій нашего слова: одни и тѣ же корни отвѣчаютъ идеѣ напряженнаго движенія, проникновенія стрѣлы, звука и свѣта; понятія борьбы, терзанія, уничтоженія выразились въ такихъ словахъ, какъ *погъ, паге, маруаца, нѣм. mahlen*“ ²⁾.

„Параллелизмъ покоится на сопоставленіи субъекта и объекта по категоріи движенія, дѣйствія, какъ признака волевой дѣятельности. Объектами, естественно, являлись животныя; они всего болѣе напоминали человѣка: здѣсь далекія психологическія основы животнаго аполога; но и растенія указывали на такое же сходство: и они рождались и отцвѣтали, зеленѣли и клонились отъ силы вѣтра. Солнце, казалось, двигалось, восходило, садилось; вѣтеръ гналъ тучи, молнія мчалась, огонь охватывалъ, пожиралъ сучья и т. п. Неорганическій, недвижущійся міръ невольно отягивался въ эту вереницу параллелизма: онъ также жилъ“ ³⁾.

„Дальнѣйшій шагъ въ развитіи состоялъ изъ ряда перенесеній, пристроившихся къ основному признаку —

¹⁾ См. „Ж. М. Н. П.“ за 1898 г., III, с. 1—80.

²⁾ *Веселовскій*, *Op. cit.*, с. 1.

³⁾ *Ib.*, 2.

движенію. Солнце движется и глядитъ на землю: у индусовъ солнце, луна—*глазъ*; Soph. Ant. 860: *ἔρβυ ὄμμα*; земля прорастаетъ травю, лѣсомъ — *волосомъ*: у Гомера говорится о *κβμη* деревьевъ... Когда гонимый вѣтромъ Агни (огонь) ширится въ лѣсу, онъ сканиваетъ волосы земли.— Въ основѣ такихъ опредѣленій, отразившихъ наивное, синкретическое представленіе природы, закрѣпленныхъ языкомъ и вѣрованіями, лежитъ перенесеніе признака, свойственнаго одному члену параллели, въ другой. Это *метафора языка*; нашъ словарь ими изобилуетъ, но мы орудуемъ многими изъ нихъ уже безсознательно, не ощущая ихъ когда-то свѣжей образности; когда „солнце садится“, мы не представляемъ себѣ раздѣльно самаго акта, несомнѣнно живого въ фантазіи древняго человѣка: намъ нужно подновить его, чтобы ощутить рельефно. Языкъ поэзіи достигаетъ этого опредѣленіями, либо частичною характеристикой общаго акта, тамъ и здѣсь въ примѣненіи къ человѣку и его психикѣ“¹⁾).

„Когда между объектомъ, вызвавшимъ игру, и живымъ субъектомъ аналогія сказывалась особенно рельефно, или устанавливалось ихъ нѣсколько, обуславливая цѣлый рядъ перенесеній, параллелизмъ склонялся къ идеѣ уравниенія, если не тождества“²⁾. — *Отъ параллелизма*: птица движется, мчится по небу, стремглавъ спускается на землю; молнія падаетъ, движется — народныя повѣрья о похищеніи съ неба огня склоняются къ *отождествленію*: птица переноситъ на землю огонь — молнію, молнія = птица“ (ib.).

„Такого рода уравниенія лежатъ въ основѣ древнихъ вѣрованій, о происхожденіи людскаго рода: человѣкъ считалъ себя очень юнымъ на землѣ, п. ч. былъ безпомощенъ. Откуда взялся онъ? Этотъ вопросъ ставился вполне естественно, и отвѣты на него получались на почвѣ тѣхъ сопоставленій, основнымъ мотивомъ которыхъ было

¹⁾ Ib., с. 2.

²⁾ Ib., с. 5.

перенесеніе на внѣшній міръ принципа жизненности. Міръ животныхъ окружалъ человѣка, загадочный и страшный; манила трепещущая тайна лѣса, сѣдые камни точно выросли изъ земли. Все это казалось старо, давно жило и правилось, довлѣя самому себѣ, тогда какъ человѣкъ только что начиналъ устраиваться, распознавая и борясь; за нимъ лежали болѣе древнія, сложившіяся культуры, но онъ самъ пошелъ отъ нихъ, и ч. вездѣ онъ видѣлъ или подозрѣвалъ. И онъ представлялъ себѣ, что его праотцы выросли изъ камней (греч. миѳъ), пошли отъ звѣрей (повѣрье, распространенное въ Средней Азіи, среди сѣверо-американскихъ племенъ, въ Австраліи), зародились отъ деревьевъ и растений“¹⁾.

Эта идея отличается удивительной живучестью: пройдя рядъ видоизмѣненій, она дожила донинѣ и бытуетъ въ устахъ народа, въ его поэзіи.—Прослѣдимъ хотя одинъ примѣръ въ различныхъ фазахъ его жизни. *Сначала — тождество*: Дафна = лавръ; Клитія, покинутая Солѣмъ, томится въ образѣ цвѣтка (Ovid., Met., V, 97, XXI, 99); „въ египетской легендѣ герой помѣщаетъ свое сердце въ цвѣтахъ акаціи, когда же, по наущенію жены, дерево срублено, оно умираетъ“ (ib. 7).

Дальнѣйшая ступень: умираютъ два человѣка, на ихъ могилахъ вырастаютъ два дерева, два цвѣтка, которыя сростаются, переплетаются, производятъ плоды — дѣтей.

Новая стадія: садятъ на могилахъ влюбленныхъ цвѣты, деревья.

Отсюда возникаетъ въ пѣснѣ параллелизмъ, а потомъ сравненіе.

„Чѣмъ больше человѣкъ познавалъ себя, тѣмъ болѣе выяснилась грань между нимъ и окружающей природой, и идея тождества уступала идеѣ личности. Древній синкретизмъ удался передъ расчленяющими подвигами зна-

¹⁾ Ib., с. 5—6.

нія: уравненіе молнія—птица, человѣкъ—дерево смѣнилось сравненіями: молнія, какъ птица, человѣкъ, что дерево и т. п.“¹⁾

Дальнѣйшее развитіе образности совершалось на другихъ путяхъ. Обособленіе личности, сознаніе ея духовной сущности (въ связи съ культомъ предковъ) должно было повести къ тому, что и жизненныя силы природы обособились въ фантазіи какъ нѣчто отдѣльное, жизненоподобное, личное; это онѣ дѣйствуютъ, желаютъ, вліяютъ въ водахъ, лѣсахъ и явленіяхъ неба; при каждомъ деревѣ явилась своя гамадриада, ея жизнь съ нимъ связана, она ощущаетъ боль, когда дерево рубятъ, она съ нимъ и умираетъ²⁾.

„Требованія (суггестивности) присущи нашему сознанию, оно живетъ въ сферѣ сближеній и параллелей, образно усваивая себѣ явленія окружающаго міра, вливая въ нихъ свое содержаніе и снова воспринимая ихъ очеловѣченными. Языкъ поэзіи продолжаетъ психическій процессъ, начавшійся на доисторическихъ путяхъ: онъ уже пользуется образами языка и мифа, ихъ метафорами и символами, но создаетъ по ихъ подобію и новое. Связь мифа, языка и поэзіи не столько въ единствѣ преданія, сколько въ единствѣ психологическаго приема, въ *arte renovata dicendi* (Quint., IX, 1, 14): переходъ лат. *extinguere* отъ понятія ломанія (острія) къ понятію тушенія— и сравненіе тембра голоса съ кристалломъ, который надломленъ (Huysmans), древнее сопоставленіе солнце = глазъ и женихъ = соволъ народной пѣсни — все это появилось на разныхъ стадіяхъ того же параллелизма“³⁾.

Общій типъ простѣйшаго, *двучленного*, параллелизма таковъ: „картинка природы, рядомъ съ нею таковая же изъ человѣческой жизни; онѣ вторятъ другъ другу при различіи объективнаго содержанія, между ними происхо-

¹⁾ *Ив.*, с. 8.

²⁾ *Ив.*, с. 8—9.

³⁾ *Ив.*, с. 9.

дять совзучія, выясняющія то, что въ нихъ есть общаго. Это рѣзко выдѣляетъ психологическую параллель отъ повтореній, объясняемыхъ механизмомъ пѣсеннаго исполненія (хорическаго или амбеинаго) и тѣхъ тавтологическихъ формулъ, гдѣ стихъ повторяетъ въ другихъ словахъ содержаніе предыдущаго или предыдущихъ¹⁾; это — *ритмическій* параллелизмъ („солнце не знало, гдѣ его покой | Мѣсяць не зналъ, гдѣ его сила“), тавтологія, дѣлавшая образъ путемъ ритмичности, музыкальности, какъ бы яснѣе. Къ такому исключительно музыкальному, ритмическому впечатлѣнію на извѣстной степени разложенія спускался и психологическій параллелизмъ.

Основа послѣдняго — сопоставленіе двухъ мотивовъ, при чемъ одинъ подсказываетъ другой; они выясняютъ другъ друга, а перевѣсъ остается на сторонѣ того, который наполненъ человѣческимъ содержаніемъ. Это — парность представленій, связанныхъ по частямъ, по категориямъ дѣйствія (предпочтительно), парность предметовъ и качествъ.

Когда подобная параллель вошла въ обиходъ обычая или культа, опредѣлилась и окрѣпла, она становится *символомъ*, являясь самостоятельно „и въ другихъ сочетаніяхъ, какъ показатель нарицательнаго“²⁾.

Отсюда — переходъ къ параллелизму формальному черезъ посредство: а) „умолчанія въ одномъ изъ членовъ параллели черты, логически вытекающей изъ его содержанія съ какой нибудь чертой 2-го члена;... умолчанное подсказывалось на первыхъ порахъ само собою, пока не забывалось“³⁾.

При формально-логическомъ развитіи выраженнаго въ одномъ изъ членовъ параллели образа или понятія, другой отстаетъ, и связь затемняется: молодъ = зеленъ = вѣрпокъ = веселъ = пляшетъ; отсюда: „Въ лѣсу дерево

1) *Ib.*, с. 9—10.

2) *См. ib.*, с. 21, с. 24.

3) *Ib.*, с. 27.

безъ листьевъ, у матери дочь безъ пляски“. Чередованіе связанныхъ по смыслу образовъ замѣняется созвучіемъ словъ въ двухъ членахъ параллели. „Языкъ народной поэзіи наполнился іероглифами, понятными не столько образно, сколько музыкально, не столько представляющими, сколько настраивающими; ихъ надо помнить, чтобы разобратъся въ смыслѣ... За смѣшеніями явились созвучія, довлѣющія сами по себѣ, какъ: коса = роса = краса“¹⁾).

Въ дальнѣйшей жизни члены параллели могутъ развертываться въ цѣлую пѣсню; порой одна половина развивается въ ущербъ другой, начиная бытовать особо, въ видѣ запѣва, какъ особой самостоятельной части пѣсни, сначала связанной узами напѣва и содержанія съ извѣстной пѣсней, потомъ съ рядомъ пѣсенъ одного напѣва, а потомъ прикрѣпленной случайно, механически въ любой пѣснѣ.

„Параллелизмъ не только сопоставляетъ два дѣйствія, анализируя ихъ взаимно, но и подсказываетъ однимъ изъ нихъ чаянія, опасенія, желанія, которыя простираются и на другое. Лица всю ночь шумѣла, съ листкомъ говорила; будетъ намъ разлука — будетъ разлука и дочери съ маткой“²⁾).

— Въ приведенныхъ выше выдержкахъ кратко и мѣтко начертанъ общій путь формальнаго развитія всѣхъ видовъ пѣсеннаго творчества, всей народной поэзіи, а въ частности, конечно, и заговора, какъ особаго вида ея.

„Основная формула заговора была такая же двухчленная, стихотворная или смѣшанная съ прозаическими партіями, а психологическіе поводы были тѣ же: призывалось божество, демоническая сила, на помощь человеку; когда-то это божество или демонъ совершили чудесное исцѣленіе, спасли или оградили; какое-нибудь ихъ

¹⁾ Ib., с. 32.

²⁾ Ib., с. 51.

дѣйствіе напоминалось типически (такъ уже въ сумерійскихъ заклинаніяхъ), — а во второмъ членѣ параллели являлся человѣкъ, жаждущій такого же чуда, спасенія, повторенія того же сверхъестественнаго акта. Разумѣется, эта двучленность подвергалась измѣненіямъ, во второмъ членѣ эпическая канва уступала мѣсто лирическому моменту моленія, но образность восполнялась обрядомъ, который сопровождалъ реальнымъ дѣйствіемъ произнесеніе заклинательной формулы. Извѣстный мерзбургскій заговоръ съ его многочисленными параллелями можетъ служить представителемъ другихъ подобныхъ: ѣхали когда-то три бога, у одного изъ нихъ конь поранилъ ногу, но богъ исцѣлилъ его; такого исцѣленія ожидаетъ и молящій объ унятіи крови. вмѣсто боговъ являлись святые, лица евангельской исторіи, каковыя событія которой, расцвѣченныя фантазіей апокрифовъ, давали порой схему заговоровъ. Сотникъ Лонгинъ вынулъ гвозди изъ рукъ и ногъ Спасителя; пусть бы и у меня вышло изъ тѣла желѣзное остріе... Иначе: картина распятія дала образы для заговоровъ отъ кровотеченія, искажалась до неузнаваемости въ латышскомъ заговорѣ. Иисусъ Христосъ идетъ по морскому берегу, три креста у Него въ правой рукѣ: первый — вѣры, второй — повелѣнія, третій — исцѣленія. Кровь я тебѣ повелѣваю, — остановись!“ ¹⁾).

Если эпическая часть получала особое развитіе, она какъ бы заглушала вторую часть параллели, приближая двучленный заговоръ къ одночленному параллелизму: „три сестрицы прядутъ шелкъ; выпрядайте его, на землю не роняйте, съ земли не поднимайте; — у р. Б. Н. крови не бывать“. Въ такихъ случаяхъ заговоръ можетъ смѣшиваться, сливаться и перерождаться въ близкія по строю, родственныя формы народнаго творчества, — пословицу, загадку и проч., сжиматься до эпитета, бытовать въ качествѣ поэтической метафоры и т. д.

¹⁾ Гб., с. 51—52.

„Простѣйшій видъ одночленности представляет тотъ случай, когда одинъ изъ членовъ параллели умалчивается, а другой является его показателемъ; это — *ratio pro toto*; такъ какъ въ параллели существенный интересъ отданъ дѣйствию изъ человѣческой жизни, которая иллюстрируется сближеніемъ съ какимъ-нибудь природнымъ актомъ, то послѣдній членъ параллели и стоитъ за цѣлое“ ¹⁾.

Въ дальнѣйшей жизни своей эти короткія одночленные формулы служатъ источниками символовъ, растяжимыми для новыхъ сближеній мысли, возвращаясь иной разъ къ первичной яркости и живости, „когда параллельная формула проникается не только личнымъ содержаніемъ опущенной, но и ея бытовыми, реальными отношеніями... Обращаются къ цвѣтку, розѣ, ручью, но развитіе идетъ далѣе въ коленяхъ человѣческаго чувства: роза распускается для васъ, она вамъ отвѣчаетъ, или вы ждете, что она отзовется“ ²⁾. Этотъ послѣдній видъ, такъ наз. метафора, является, какъ результатъ продолжительнаго стилистическаго развитія при содѣйствіи многочленного параллелизма, роль коего, — въ противоположность одночленному, — разрушеніе образности, подготовленіе къ особености нѣкоторыхъ стилистическихъ формаций.

Многочленный параллелизмъ развивается „изъ двучленного одностороннимъ накопленіемъ параллелей, добытыхъ при томъ не изъ одного объекта, а изъ нѣсколькихъ сходныхъ;... сводитъ параллели подъ рядъ, умножаетъ объясненія и, вмѣстѣ, матеріалы анализа, какъ бы открывая возможность выбора: «Не свивайся трава съ былинкой, Не счастися голубъ съ голубкой. Не свывайся молодець съ дѣвицей» ³⁾.

„Такое одностороннее умноженіе объектовъ въ одной части параллели, указываетъ на ббльшую свободу

¹⁾ *Ib.*, с. 56.

²⁾ *Ib.*, с. 60.

³⁾ *Ib.*, с. 54.

движенія въ ея составѣ: параллелизмъ сталъ стилистико-аналитическимъ приемомъ, а это должно было повести къ уменьшенію его образности, къ смѣшеніямъ и перенесеніямъ всякаго рода... Такъ анализируетъ себя лишь успокоившееся чувство; но здѣсь же источникъ пѣсенныхъ и художественныхъ loci communes¹⁾.

Для разрѣшенія этой двойственности или множественности является отрицательный параллелизмъ, гдѣ въ двучленной или многочленной формулѣ постепенно устраняются одно или нѣсколько утвержденій, и вниманіе сосредоточивается на одномъ утвержденіи. „Формула начинается съ отрицанія либо съ положенія, которое вводится перѣдко со знакомъ вопроса. «Не бѣлая березка погибаетъ,

Не шапучая осина расшумѣлася,
Добрый молодецъ кручиной убивается»²⁾.
„Бѣлѣютъ цвѣты на горѣ;
Черемуха ли это цвѣтеть, или яблоня?
Не цвѣтеть ни черемуха, ни яблоня,
А бѣлѣется сама братнина сестра“³⁾.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ двойственность, колебаніе, сомнѣніе разрѣшаются въ утвержденіе. Отрицательный параллелизмъ — это значительный шагъ мысли впередъ, это своего рода „подвигъ сознанія, выходящаго изъ смутности сплывающихся впечатлѣній къ утвержденію единичнаго; то, что прежде врывалось въ него какъ соразмѣрное, смежное, выдѣлено, и если притягивается снова, то какъ напоминаніе, не предполагающее единства, какъ сравненіе. Процессъ совершился въ такой послѣдовательности формулъ: человекъ—дерево; не дерево, а человекъ; человекъ, какъ дерево. На почвѣ отрицательнаго параллелизма послѣднее выдѣленіе еще не состоялось вполне: смежный образъ еще витаетъ гдѣ-то вблизи,

¹⁾ *Ив.*, с. 55.

²⁾ *Ив.*, с. 64.

³⁾ *Ив.*, с. 67.

видимо устранный, но еще вызывая созвучія. Понятно, что элегическое чувство нашло въ отрицательной формулѣ отвѣчающее ему средство выраженія: вы чѣмъ-нибудь поражены, неожиданно, нечаянно, вы глазамъ не вѣрите: это не то, что вамъ кажется, а другое, вы готовы успокоить себя иллюзіей сходства, но дѣйствительность бьетъ въ глаза, самообольщеніе только усилило ударъ, и вы устраняете его съ болью: то не березынька свивается, то свивается, кручинится твоя молодая жена“ ¹⁾).

„Чередованіе положительнаго параллелизма, съ его прозрачною двойственностью, и отрицательнаго, съ его колеблющимся, устраняющимъ утвержденіемъ дать народному лиризму особую расплывчатую окраску. Сравненіе не такъ суггестивно, но оно положительно“ ²⁾).

„Сравненіе не только овладѣло запасомъ сближеній и символовъ, выработанныхъ предыдущей исторіей параллелизма, но и развивается по указаннымъ имъ стезямъ; старый матеріалъ влился въ новую форму, инья параллели укладываются въ сравненіе и наоборотъ, есть и переходные типы“ ³⁾).

„Многочленному параллелизму отвѣчаетъ такая же форма развитого сравненія... съ тою разницею, что, при сознательности самаго акта, развитіе является болѣе синтаксически сплоченнымъ, а личное сознаніе выходитъ изъ границъ традиціоннаго матеріала параллелей къ новымъ сближеніямъ, къ новому пониманію образовъ и виртуозности описаній, довлѣющихъ сами себѣ... Бытовые впечатлѣнія, окружавшія пѣвца, вторгались въ его сравненія, и параллелизмъ обогащался сценами, всегда реальными, если не всегда поэтическими“ ⁴⁾).

Со временемъ матеріалъ сравненій „съузился, ограничился выборомъ, подсказаннымъ измѣненіями быта, от-

¹⁾ Ib., с. 68.

²⁾ Ib.

³⁾ Ib., с. 69.

⁴⁾ Ib., с. 71.

дѣленіемъ художественной поэзіи отъ народной, увлеченіями моды, случайностью культурныхъ скрещиваній... Съ сравненіями произошло то же, что съ тѣми параллельными формулами, которыя нарождались въ народной пѣснѣ и забывались, тогда какъ немногія пережили, отложившись въ прочныя очертанія символа, опредѣленного и вмѣстѣ широко суггестивнаго“ 1).

„Не все, когда-то живое, юное сохранилось въ прежней яркости, нашъ поэтический языкъ нерѣдко производитъ впечатлѣніе детритовъ, обороты и эпитеты полиняли, какъ линяетъ слово, образность котораго утрачивается съ отвлеченнымъ пониманіемъ его объективнаго содержанія. Пока обновленіе образности, колоритности остается въ числѣ *ria desideria*, старыя формы все еще служатъ поэту, ищущему самоопредѣленія въ созвучіяхъ или противорѣчіяхъ природы; и чѣмъ полнѣе его внутренній міръ, тѣмъ тоньше отзвукъ, тѣмъ большею жизнью трепещутъ старыя формы“ 2).

„Въ такомъ исканіи созвучій, исканіи челоуѣка въ природѣ есть нѣчто страстное, патетическое, что характеризуетъ поэта, характеризовало, при разныхъ формахъ выраженія, и цѣлыя полосы общественнаго и поэтическаго развитія. Элегическое увлеченіе красотами природы, интимность *Natureful*'я, жаждающаго отголосковъ, наступало въ исторіи не разъ: на рубежѣ древняго и новаго вѣковъ, у средневѣковыхъ мистиковъ, у Петрарки, Руссо и романтиковъ, Франциску Ассизскому чудилась въ природѣ разлитая повсюду божественная любовь; средневѣковый аллегоризмъ, чаявшій во всемъ твореніи соотвѣтствія и совпаденія съ міромъ челоуѣка, далъ схоластическій оборотъ тому же строю мыслей; Петрарка искалъ тѣхъ же созвучій, но набрелъ на противорѣчія: онѣ лежали въ немъ самомъ. Такое настроеніе понятно въ эпохи колебаній и сомнѣній, когда назрѣлъ разладъ меж-

1) П., с. 74.

2) П.,

ду существующимъ и желаемымъ, когда ослабѣла вѣра прочность общественнаго и религіознаго уклада и сильнѣе ощущается жажда чего-то другого, лучшаго. Тогда научная мысль выходитъ на новые пути, пытается водворить равновѣсіе между вѣрой и знаніемъ, но связывается и старый параллелизмъ, ищущій въ природѣ, въ ея образахъ отвѣта на недочеты духовной жизни, созвучія съ нею. Въ поэзіи это приводитъ къ обновленію образности, пейзажъ-декорація наполняется человѣческимъ содержаніемъ. Это тотъ же психическій процессъ, который отвѣтилъ когда-то на первые робкіе запросы мысли; та же попытка сродниться съ природой, проэктировать себя въ ея тайникѣ, переселить ее въ свое сознаніе; и часто тотъ же результатъ: не знаніе, а поэзія¹⁾.

Этой исторіей жизни параллелизма въ значительной мѣрѣ раскрывается и жизнь, хронологическій, послѣдовательный ростъ заговора, во многихъ случаяхъ — разновидности параллелизма. Такимъ образомъ, здѣсь уже намѣчаются нѣкоторыя основы для внутренней классификаціи заговоровъ, самаго труднаго вопроса въ дѣлѣ формальной разработки этого вида народнаго творчества, — къ которому и переходу въ дальнѣйшемъ изложеніи.

¹⁾ Пб., с. 79—80.

ГЛАВА 4-я.

Способы классификаціи заговоровъ.

Такъ какъ изслѣдованія о заговорахъ являлись обыкновенно въ видѣ приложеній къ другому, замѣчаній между прочимъ, — вполне понятно, что вопросъ о классификаціи ихъ почти не тронуть.

Наши крупные собиратели и записыватели заговоровъ (Афанасьевъ, Майковъ, Ефименко, Романовъ, Шейнъ и др.) руководились обыкновенно при обозначеніи заговора названіемъ, заголовкомъ его въ устахъ знахаря или шептухи, а потомъ группировали свой матеріалъ сообразно этимъ названіямъ; нѣкоторые, встрѣтившись въ той же народной средѣ съ различными названіями этого вида народнаго творчества (заклятія, проклятія, заклинанія, заговоры и проч.), на этомъ основаніи выдѣляли крупныя группы, или отдѣлы въ своихъ работахъ, не обращая иногда вниманія даже на то, что происходитъ при этомъ смѣшеніе родовыхъ и видовыхъ понятій (какъ у Помяловскаго — изъ заговоровъ и наговоровъ выдѣляются „привороты“, какъ особая, самостоятельная группа).

Конечно, для исторіи развитія методовъ и приемовъ изслѣдованія всѣ эти попытки классификаціи представляютъ большой интересъ, какъ исканія истиннаго пути впотьмахъ, въ области, почти нетронутой научнымъ анализомъ, — а потому я постараюсь исчерпать скудный матеріалъ этого рода, имѣющійся въ моемъ распоряженіи.

Помяловскій въ своихъ „Эпиграфическихъ этюдахъ“ пытается прежде всего положить рѣзкую грань между наговоромъ и заговоромъ.

„Заговоръ отличается отъ наговора своею сущностью, основнымъ понятіемъ: тогда какъ въ послѣднемъ накликается какое-нибудь зло или бѣда на человѣка, въ первомъ они отвращаются; это есть не *impresatio*, а *deprecatio*. Очень можетъ быть, что первоначально это была простая молитва, въ которой человѣкъ просилъ божество пріостановить или прекратить извѣстное его или другого божества вліяніе на себя или на другого; слѣды этого могутъ быть видимы въ выраженіяхъ: *ne habeas Euty-
chiam Soterichi* ихогем; ἐπιεί δέ ὅστις καὶ ἐλεόθῃρα. Но уже въ очень раннее время молитва и просьба перешли въ приказаніе“, а потомъ заговоръ и наговоръ слились воедино подъ видомъ тарабарскихъ формулъ. „Выйдя такимъ образомъ изъ двухъ противоположныхъ понятій, заговоръ и наговоръ сошлись въ одному пункту, представляемому магическими реченіями“ ¹⁾. — „Въ христіанскихъ заговорахъ заклинаніе употребляется единственно съ цѣлью остановить вліяніе злого духа, другія заклинанія у христіанъ не употреблялись“ ²⁾. — „Существуетъ еще рядъ намятниковъ христіанскихъ, которые, сходясь съ языческими наговорами по формѣ, тѣмъ не менѣ диаметрально противоположны по содержанію“ ³⁾. Это — заклинанія противъ болѣзней ⁴⁾. Кромѣ того, и у христіанъ встрѣчается, правда единственный, родъ чистаго наговора — „на нарушителей тишины и святости могилы“ ⁵⁾.

Такимъ образомъ устойчивости, строгихъ граней здѣсь нѣтъ. До тѣхъ поръ, пока наговоръ есть формула

¹⁾ „Эпигр. этюды“, с. 51.

²⁾ *Ib.*, 56.

³⁾ *Ib.*, 67.

⁴⁾ См. напр. образецъ такого наговора—заклинанія у Помяловскаго на с. 67—8.

⁵⁾ *Помяловскій, ib.*, 155.

наѣликанія зла, она, конечно, рѣзко отличается отъ заговора, и въ кругъ моего изслѣдованія не захватывается; но когда наговоръ является призывомъ гибели на засѣвшую въ человѣкѣ болѣзнь, это есть уже врачеваніе недуга, а значитъ — нѣчто, трудно отдѣлимое отъ заговора.

Иващенко ¹⁾ объединяетъ разнообразныя формулы народнаго врачеванія при помощи силы слова въ одномъ терминѣ — *шептанія* (очевидно по способу произношенія большинства такихъ формулъ).

„Шептаніе... является словесно-обряднымъ врачующимъ орудіемъ въ устахъ избранныхъ лицъ, владѣющихъ имъ... Глаголь *шептати* употребляется въ значеніи дѣйствительнаго, въ смыслѣ *врачевать*“ ²⁾.

„Всѣ шептанія распадаются на два большихъ отдѣла. Въ первый изъ нихъ входятъ шептанія — замовлянья, или заклинанія, какъ словесно-обрядныя мѣры противъ постигшихъ человѣка болѣзней и неблагопріятныхъ случаевъ въ жизни“ ³⁾. Отдѣлъ этотъ можно разбить на три группы: а) противъ болѣзней отъ неизвѣстной причины или предполагаемой, б) противъ болѣзней, причина коихъ извѣстна и в) противъ неблагопріятныхъ случаевъ жизни. Второй отдѣлъ составляютъ „шептанья-примовлянья или наговоры“, призывающіе добро или зло на человѣка ⁴⁾.

„Мы видимъ въ заговорахъ, вообще, невѣжественное смѣшеніе духовныхъ и мірскихъ, святыхъ и суевѣрныхъ понятій. Невѣжеству народа, простотѣ его, а не злонамѣренности, должно приписать такое суесвятство и кощунство. Таковы заговоры любовные, заговоры отъ укушенія змѣи и собаки, отъ поруба или кровотечения, отъ ружья или пули, отъ огня или пожара и проч. — Есть еще особый родъ заговоровъ, соединяющихъ въ себѣ мо-

¹⁾ „Слѣды языч. вѣров.“

²⁾ *Иващенко*, *op. cit.*, с. 314, 315.

³⁾ *Иб.*, 317.

⁴⁾ *Иб.*, 318.

литву и закліятіе; сюда, напр., принадлежить заговоръ идучи на судъ, гдѣ заговорщикъ испрашиваетъ себѣ всѣхъ благъ, а на противниковъ своихъ и неправедныхъ судей навлекаетъ всѣ возможныя бѣдствія“ ¹⁾.

Вопреки мнѣнію Порфирьева о тѣсной близости между собою языческихъ (а также и апокрифическихъ) молитвъ и заговоровъ въ народныхъ взглядахъ по этому вопросу сохранилось кое-гдѣ совсѣмъ иное пониманіе. Такъ въ пудожскомъ уѣздѣ строго различаются заговоръ (= слово) и молитва. Заговоръ „имѣетъ обязательную силу;... произнесенный безъ ошибокъ, обязываетъ къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій духа, къ которому заговоръ относится. Молитва имѣетъ лишь просительное значеніе“ ²⁾.

„Въ записанныхъ мною заговорахъ, кромѣ обращенія къ болѣзни... заключается еще краткая характеристика болѣзни и причинъ возникновенія послѣдней; напр. переполохи выхрови, блискви, громови, уроки насміяни, наспивани, жыдивськи, цыганськи, — почему полезнѣе излагать заговоры вмѣстѣ съ болѣзнями, а не отдѣльно отъ нихъ“ ³⁾.

Значить, возможна еще классификація по причинамъ заболѣваній, каковую я находилъ у г. Аршинова ⁴⁾.

Болѣзни могутъ происходить: 1) отъ Бога (врожденныя, наслѣдственныя и неподходящія подъ прочія категоріи), 2) съ глазу (лихорадочное состояніе, общее недомоганіе), 3) съ притки (по несчастной случайности—ушибъ, ожогъ и проч.), 4) отъ порчи (кликушество, меланхолія), 5) отъ думы (нѣкоторыя душевныя болѣзни, головныя боли), 6) съ натуги (боли въ животѣ, въ пояс-

1) *В. Дамъ*, „О повѣр., суев....“, с. 33—4.

2) *Харузинъ*, „Сборникъ свѣдѣн.“, с. 345.

3) *Милорадовичъ*, „Народн. медицина...“, I, с. 56.

4) „О народномъ лѣченіи въ Казанск. у.“ (въ „Сборникѣ свѣдѣн.“—Харузина), с. 245.

ницѣ), 7) съ вѣтру (простуда, свиная заушница), 8) при-
сталаыя (чесотка и др.).

Atman дѣлитъ обслѣдуемый имъ матеріалъ на 3 группы: 1) Heilsprüche, 2) Beschwörungs—oder Zauberformeln и 3) Kirchische Segen und Gebete. — Heilsprüche — это заговоры отъ внутреннихъ и наружныхъ болѣзней у людей и животныхъ, уже заболѣвшихъ; это по большей части заклинанія стариннаго характера, нерѣдко близкія къ церковнымъ молитвословіямъ. — Во вторую группу входятъ по преимуществу заговоры, имѣющіе въ виду силою волшебною или силою молитвы ослабить или уничтожить скрытую или явную власть злого человѣка, звѣря или силы природы, наконецъ — бѣдствія, насланныя другимъ изъ зависти. — Послѣдній отдѣлъ самый многочисленный; сюда относятся самыя разнообразныя формулы, имѣющія въ виду предотвратить всякое бѣдствіе, всякое зло; нерѣдко такіе заговоры носятъ при себѣ въ видѣ записокъ—талисмановъ ¹⁾).

Первый крупный изслѣдователь заговоровъ — Крушевскій въ вопросѣ о классификаціи пошелъ вслѣдъ за записывателями, группируя заговоры по болѣзнямъ, или шире—по тѣмъ предметамъ, явленіямъ, противъ которыхъ они направляются.

А. Браунъ ²⁾ предлагаетъ такую группировку: 1) первоначальные тексты молитвъ, обращенныхъ въ заклинанія; 2) заговоры книжнаго происхожденія: а) изреченія изъ священнаго писанія, б) наборъ словъ или точѣе — членораздѣльныхъ звуковъ безъ значенія; 3) заговоры народныя. — Искусственность и невыдержанность такого дѣленія признана самимъ авторомъ, который признаетъ эту классификацію не научной, а необходимой лишь для удобства распредѣленія матеріала:

Новѣйшій изслѣдователь вопроса — Зелинскій гово-

¹⁾ „Volkssegen“, с. 199.

²⁾ См. „Записки Нео-филологическаго Общества“ 1891 г., в. 2-й, № 1, с. 10.

рить слѣдующее: „Если мы обратимся къ самымъ заговорамъ, если мы рассмотримъ ихъ форму, то, какъ мы раньше уже это видѣли, всѣ заговоры восходятъ къ той основной формѣ, которая установлена Потебней, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всѣ они одинаково ее измѣняли, такъ что едва-ли мы ошибемся, если позволимъ себѣ сдѣлать заключеніе, что дѣлать заговоры по формѣ нѣтъ никакого основанія. Съ другой стороны, содержаніе заговоровъ такъ однообразно, что прилаживается легко къ какому угодно случаю жизни, и между двумя заговорами часто то лишь различіе, что у нихъ различныя явленія желанныя. Поэтому мы думаемъ, что всякая группировка заговоровъ должна быть болѣе или менѣе искусственной и можетъ быть допущена лишь для удобства расположенія матеріала и его изложенія. — Изъ такихъ группировокъ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время самая лучшая та, по которой распределены заговоры въ сборникѣ Майкова“ ¹⁾).

Мнѣ думается, что для удобства обслѣдованія матеріала можно распределить его по наибаче встрѣчающимся, и притомъ у различныхъ народностей, названіямъ болѣзней, (каковы — лихорадка, сглазь, кровотеченіе), а въ этихъ крупныхъ отдѣлахъ попытаться установить группировку по степени древности заговора, руководствуясь его формальной стороной (— см. предыдущую главу—) и тѣми психологическими основаніями возникновенія и эволюціи заговора, которыя высказывались Крушевскимъ, Потебней и Веселовскимъ. Это, полагаю, болѣе естественное дѣленіе; правда, могутъ быть и новообразованія по древнимъ образцамъ, но вѣдь главная, по-моему, задача изслѣдованія — установить не хронологическую дату даннаго, единичнаго заговора (— да это врядъ-ли и возможно, за рѣдкими исключеніями—), а прослѣдить типы ихъ

¹⁾ „О заговорахъ“, с. 52—53.

развитія, по которымъ можно судить о приемахъ человѣческой мысли на данномъ пути; подмѣтить, уловить, возможности, законы развитія человѣческой мысли вообще.

Конечно, было бы крайне желательно расположить *весь* матеріалъ по такому внутреннему признаку, разставляя вѣхи по пути роста мыслей и духа человѣческаго; но при современномъ подборѣ матеріала и состояніи его разработки, я не признаю себя въ силахъ выполнить эту черезчуръ сложную задачу и указываю лишь на нее, какъ на одно изъ *ria desideria* для будущихъ изслѣдователей вопроса.

ЧАСТЬ II.

—∞—

ГЛАВА 1-я.

Заговоры отъ лихорадки.

„Лихорадка“—это и понынѣ названіе болѣзни, крайне неопредѣленной, могущей очень быстро покинуть больного и способной разрастись до пагубныхъ размѣровъ, перерождаясь въ горячку, тифъ и проч. Не удивительно, что народная діагностика сваливала въ эту кучу множество самыхъ разнообразныхъ болѣзней, объединяя въ этомъ названіи цѣлый сонмъ родственныхъ заболѣваній. Народная медицина чуяла здѣсь своего страшнаго врага и боролась противъ него всѣми возможными средствами: силами небесными, божественной помощью, и содѣйствіемъ дьявола, силами темными. Наряду съ многочисленными лѣкарственными средствами противъ лихорадки, образовывался и разрастался цѣлый цимель молитвъ апокрифическихъ и заговоровъ противъ нея.

Въ пониманіи народа лихорадка и понынѣ — живое существо, которое вселяется въ человѣка и мучитъ его, пока не будетъ изгнано какими-либо мѣрами. А такое

пониманіе болѣзни — канва для самыхъ причудливыхъ узоровъ народнаго творчества. Такойъ взглядъ присущъ и древнѣйшимъ народамъ, такъ называемымъ первобытнымъ; онъ, такъ сказать, общечеловѣченъ, а потому творчество каждаго народа въ этомъ направленіи могло быть самостоятельно и лишь слегка подталкиваемо и разогрѣваемо внѣшними воздѣйствіями.

Конечно, вполне вѣроятно, что нѣкоторая доля вліянія въ этомъ направленіи можетъ быть отнесена и на счетъ Востока, такъ какъ оттуда вообще шла широкая струя цивилизаціи въ среду позднѣйшихъ культурныхъ народовъ. Поэтому не лишены интереса для дальнѣйшихъ изслѣдователей вопроса мнѣнія гг. Мансветова, Буслаева, Веселовскаго, Сумцова и др., которые становятся необходимыми.

„Въ символикѣ древнихъ народовъ, какъ извѣстно, большимъ значеніемъ пользовались нѣкоторыя числа и тѣ знаки, въ которыхъ онѣ выражались. Между этими знаками крупная извѣстность выпала на долю числа семь и 12. Въ основѣ символики, связанной съ этими величинами и знаками, лежали разнаго рода космическія и астрономическія представленія, которыя затѣмъ осложнялись и въ переработанномъ видѣ вошли въ область образовательныхъ искусствъ, народной литературы и религіи“¹⁾).

„Въ основѣ числа 12 лежало представленіе о 12 знакахъ зодіака, подобно тому, какъ символика числа семь держалась на представленіи о 7 главныхъ планетахъ“²⁾, что и отразилось въ апокрифахъ, напр. въ Testamentum Solomonis“.

„Основа молитвъ и заговоровъ противъ лихорадки лежитъ въ суевѣріяхъ Востока. Г. Мансветовъ возводитъ источники заговоровъ отъ трясавицъ къ халдейскому ученію о 12 астральныхъ духахъ, вліяющихъ на человѣческую судьбу, ученію, усвоенному гностическими и мани-

1) Мансветовъ, „Византійскій матеріалъ...“, с. 4.

2) *Ib.*, 4.

хейскими сектами, воспринятому въ извѣстномъ примѣненіи и христіанствомъ. Сложившись гдѣ-то на Востокѣ, на границахъ Персіи и Сиріи, молитва о трясавицахъ вошла въ іудейско — каббалистическую литературу, напр., въ *Alphabetum siracidis* VIII в. и въ богомильскую литературу¹⁾.

„Двѣнадцать трясавиць (лихорадокъ) вымышлены болгарскимъ попомъ Іеремією и скоро были приняты суевѣрнымъ русскимъ народомъ. Это 12 дочерей Ирода, которыя ходятъ по бѣлу свѣту и терзаютъ свои жертвы“²⁾.

Однако, если основы этихъ заговоровъ лежали въ сказаніяхъ восточныхъ, разработка ихъ на новой почвѣ болѣею частью настолько оригинальна, что эти основы отходятъ на второй планъ передъ реальными наслоеніями новаго творчества. Если и встрѣчаются (болѣею частью въ рукописныхъ сборникахъ) названія лихорадокъ, напоминающія объ ихъ иноземныхъ, чуждыхъ именахъ, то въ цѣломъ множествѣ заговоровъ, бытующихъ въ живомъ языкѣ, мы натолкнемся на названія чисто конкретныя, образныя, каковы: „поганка, тряся, гнитуха, витрова, водяна, пидтынница, веретинница“ и проч.³⁾. — „Болѣзни этой дано множество названій: лихоманка, трясучка, трясавица, комуха, кумаха, иногда ее ублажаютъ, величаютъ Лихоманкой Ивановной, чтобъ не обидѣлась, или боятся ее назвать; на Украйнѣ различаютъ 99 видовъ лихорадокъ, смотря по тому, отъ чего она прикинулась, называя ее: *пидтынница*, если она человѣка застала соннаго подъ тыномъ, на сырой землѣ; *веретинница*, если баба допрылась до лихорадки; *гноевая*, если попала на спяща-

¹⁾ *Сумцовъ, Н.* „Очерки...“, с. 442. Ср. *Веселовскій*, „Разыск. въ обл. рус. дух. стиха“, в. VI, с. 51—52.

²⁾ *Добротворскій, М.* „Русск. простонар. медиц.“, с. 14. (См. *Буслаевъ*, „Рѣчь о народной поэзіи въ др.-рус. л-рѣ“ 1859 г.).

³⁾ Нѣкоторыя названія, приводимыя напр. у *Демича* въ „Очерк. народн. медиц.“ — благая, добруха, матка и др. — возникли на почвѣ эвфемизма.

го на навозной кучѣ“¹⁾).— Число лихорадоѣ называется самое разнообразное: 7, 9, 12, 25, 74, 77, 99. — Кромѣ того, имя Ирода въ народѣ — слово бранное, а потому и названіе болѣзней „Иродовыми дочерьми“ вполне реально, въ особенности если припомнить, что библейское сказаніе по этому вопросу очень живо, образно, — таѣ и просится въ среду народныхъ. — Мало того, у различныхъ народовъ лихорадка воплощается и въ различные конкретные образы: старухи, дѣвѣицы съ огненными волосами, худого, блѣднаго существа и проч.

Все это заставляетъ призадуматься надъ тѣмъ, насколько сильно и глубоко восточное вліяніе, насколько яреи и осязаемы его слѣды въ современномъ творествѣ народномъ.

Многіе изъ изслѣдователей народнаго быта успѣли подмѣтить въ пониманіи народа глубоко реальныя черты при опредѣленіи лихорадки, опирающіяся на основы стараго, вынѣ отживающаго міросозерданія, чему сильно, конечно, способствовало охраненіе въ точности формулы заговора. Изъ многочисленныхъ устныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ по этому вопросу видно, что народъ и понынѣ склоненъ признавать лихорадку живымъ существомъ, „духомъ“.

Нерѣдео приходится слышать отъ крестьяноѣ, что «лыхорадка бува одѣ того, що лыхий духъ уберетсѣ въ середину, та й трясѣ», «лыхорадки нехрещеного царя Ырода дочки; кожна живе въ болоти». Ихъ бранятъ: «трясѣшь! бодай ты болотомъ трясла». — «Йе мижѣ имы плясовыця, та що одсикла Ивану Предтечи голову. Хто его почыта; до того вона не прычепытсѣ». Другіе опредѣляютъ лихорадку кратко: «воно зло!»²⁾.

„Очень многія болѣзни бѣлоруссѣ представляетъ се-

¹⁾ Далѣ, „О повѣр., суев...“, с. 80.

²⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, V, с. 163.

бѣ въ человѣческомъ образѣ и этимъ объясняются нѣкоторыя странныя отношенія его къ той или другой болѣзни, какъ напр.—желаніе обмануть болѣзнь, схитрить передъ нею, или наконецъ запугать ее. Лихорадку, напр., бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ образѣ холодной красавицы, или наоборотъ — въ образѣ злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка, какъ и многія другія болѣзни, выходятъ изъ-подъ земли, именно весною, и шатается всюду, пока не наткнется на когонибудь, спящаго на весеннемъ солнышкѣ. Если это ей удастся, то она подвратится къ спящему, поцѣлуетъ его и уже не расстанется съ нимъ ¹⁾.—„Двѣнадцать лихорадокъ на весь свѣтъ — это слишкомъ мало. Имъ приходится постоянно переходить отъ одного къ другому по очереди, и вотъ почему лихорадка часто оставляетъ паціента, а потомъ опять является въ опредѣленный срокъ. Пользуясь этими ея отлучками, можно иногда избавиться отъ нея хитростью. Рассказываютъ про одного, который, ожидая въ урочный часъ свою неотвязную гостью, вздумалъ притвориться мертвымъ, легъ подъ образами, а домашнимъ велѣлъ причитать, какъ по умершемъ. Лихорадка повѣрила, что онъ умеръ, и больше къ нему не возвращалась“ ²⁾.

„Есть и въ Россіи повѣрье, что лихорадокъ 9, крылатыхъ сестеръ, коихъ по временамъ нечистый спускаетъ съ цѣпи. Если одна изъ нихъ пролетомъ поцѣлуетъ человѣка, то или губы обмечетъ, или же нападетъ трясавица. Повидая одного больного, чтобы потрясти другого, сестры даютъ каждому временный покой. Иные мажутъ себѣ лицо сажей и переодѣваются въ чужое платье, чтобы лихорадка, воротившись, не узнала. Поэтому и скорый отъѣздъ въ другое мѣсто, какъ народъ толкуетъ, иногда спасаетъ отъ лихорадки; она теряетъ человѣка и не найдетъ его“ ³⁾.

¹⁾ *Н. Харузинъ*, „Сборникъ свѣдѣній...“, 213.

²⁾ *Н. Харузинъ*, *Op. cit.*, с. 215.

³⁾ *Даль*, „О повѣр. суев...“, с. 80 — 81.

У Демича ¹⁾ находимъ то же объясненіе перемежающейся лихорадки: „Сестры-лихорадки не могутъ справиться со всѣми заболѣвшими, а переходятъ отъ одного къ другому, возвращаясь къ каждому въ опредѣленный срокъ“.

„Сестры“ эти надѣлены, вполнѣ конкретными чертами живыхъ, человѣкообразныхъ существъ: ихъ можно угощать, задабривать, обходить хитростью, обманывать. Такъ, въ Нижегородской губерніи больные лихорадкой приносятъ на перекрестокъ въ жертву 12 трясавидамъ 12 пирожковъ съ начинкой, запеченныхъ въ одинъ общій пирогъ, перевязанный поясомъ больного. „Въ Казанскомъ уѣздѣ, во время пароксизма, кладутъ штаны, рубаху, поясъ и крестъ больного подъ ступу, гдѣ толкутъ кудель, говоря: «Марья Иродовна отпусти его, не то я тебя подъ ступой заморю; коли ты не оставишь, я тебя не выпущу“ ²⁾. — „Лихорадка — жидовка, а потому ее можно выгнать, вымазавшись свинымъ саломъ“ ³⁾.

„Лихоманки выгоняются изъ ада морозомъ“ и ищутъ по теплымъ избамъ виноватыхъ людей; онѣ „бываютъ тощія, слѣпыя, безрукія, уроды такіе, что хуже смерти; не умѣютъ ни войти въ избу, ни отворить дверей; если голодны, то смиры и пошлы до того, что стоятъ пригорюнясь у притолки, выжидая, не выдетъ ли кто изъ виноватыхъ“ ⁴⁾. Февральскую лихорадку въ Костромской губерніи зовутъ кумахой; она живетъ въ дремучемъ лѣсу съ 12 сестрами; старшая разсылаетъ меньшихъ по свѣту — „людей знобить, грѣшное тѣло мучить, бѣлы кости крушить. Чтобъ умиловитъ *кумаху*, выходитъ больной въ лѣсъ, къ жилищу кумахи, сыплетъ вокругъ себя крупю, приговаривая: „Прости, сторона, мать сыра-земля!

¹⁾ „Очерки русск. народн. медиц.“, с. 15.

²⁾ Демичъ, Op. cit., с. 35.

³⁾ Демичъ, Op. cit., с. 36.

⁴⁾ Сахаровъ, „Сказ. русск. нар.“, с. 6-я.

вотъ тебѣ крупицъ на кашу, вотъ и тебѣ, кумаха!“ ¹⁾).

Не стану умножать выписовъ: уже и изъ приведенныхъ видно, что въ пониманіи народныхъ массъ лихорадка — совершенно реальное, живое существо, принимающее въ различныхъ мѣстностяхъ своеобразныя, конкретныя формы.

Сообразно съ такимъ взглядомъ выработывались и главнѣйшіе приемы для лѣченія, точнѣе — изгнанія лихорадки.

Ее стараются выжить, какъ непріятнаго гостя, при помощи различныхъ отвратительныхъ или устрашающихъ средствъ; или, наоборотъ, ее пытаются задобрить угощеньемъ, лаской; наконецъ, ее стараются переселить въ другое существо или предметъ.

У больного лихорадкой пытаются вызвать рвоту, надѣясь, что такимъ путемъ извергнется и лихорадка. (Средство это во многихъ случаяхъ, — особенно когда корень болѣзни заключается въ разстройствахъ желудка, — даетъ благотворные результаты). Съ этою цѣлью больнымъ даютъ пить смѣсь сажы и табаку, которую больной протягиваетъ черезъ чубукъ съ водой, цѣловать сквозь платокъ собачій пометъ и проч.

Въ другихъ случаяхъ пытаются отравить существованіе незванной гостки нестерпимо-отвратительными запахами, выкуривая ее жжеными: волосами, конскимъ коньтомъ, летучей мышью, сушеной жабой, чешуей змѣи и др.

Иной разъ болѣзнь „пытаются изгнать испугомъ, застрапать“ ее: пускаютъ за спину уснувшему больному живую зеленую лягушку или сажаютъ „во время озноба въ жаркую печь, держать его тамъ до расслабленія, а затѣмъ, чтобы внезапно испугать, обливаютъ потѣющаго пациента водой и потрясаютъ его суставы“ ²⁾; а то подвѣсятъ на шею больному амулеты, съ изображеніемъ какого-либо чудовища, позднѣе — религіознаго характера,

¹⁾ *Сахаровъ*, *Op. cit.*, с. 31.

²⁾ *Демичъ*, *Op. cit.* „Оч. рус. нар. медиц.“, с. 37.

или основанные на вѣрѣ въ силу слова; въ новѣйшихъ очень распространенныхъ амулетахъ видимъ соединеніе двухъ послѣднихъ элементовъ, — таковы записки, коротенькія, а иногда и длинныя молитвы, носимыя больнымъ на шеѣ до выздоровленія, или стѣдаемыя имъ во время приступа лихорадки.

„На верхней коркѣ хлѣба написать нижеприводимыя слова и давать больному на утренней зарѣ понемногу ѣсть: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. У началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу, и Бохъ бѣ Слово» ¹⁾).

Вѣшаютъ больному на 3 дня, сожигая на четвертый, такую записку: „Молитвъ ради Пресвятыя Твоея Матери и всѣхъ Твоихъ святыхъ избави, Господи, раба Твоего N. отъ дѣвицы-трясавицы и знобицы. Ты еврейская красавица, отойди отъ р. Б. N., а если не отойдешь, то возмутся на тя 4 евангелиста: Матѣей, Лука, Маркъ и Юаннъ Златоустаго и будешь свергнута въ тьму зубовъ, гдѣ будешь во вѣки горѣть“ ²⁾).

Слѣдующая записка носится до выздоровленія на шеѣ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Выходя изъ моря-океана 77 дѣвиць прекрасни: стретился имъ преподобный Павхнутій; спросилъ ихъ: откуда ви, дѣвиці? Они отвѣчали: изъ моря Океана, идемъ въ миръ і людямъ кости ломить, и въ жаръ бросать и въ знобъ превращать. І тогда преп. Павхнутій начавши ихъ наказывать, і даде имъ по 77 ранъ. Они стали его просить: О препод. П., помилуй нас! Аще кто твое на себе носить или выписувать, і того будемъ отбигать, пойдѣмъ по рѣкамъ, по морямъ, очеретами.— О преп. П., помилуй раба болезнаго N. отъ болезни лихорадки“ ³⁾).

А вотъ еще записка, которая носится на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ 12 сутокъ, затѣмъ съ молитвою сжигается въ печи: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Крестъ

¹⁾ *Добровольскій, В.* „Смол. этн. сб.“, с. 173.

²⁾ *Чубинскій, Труды, I*, с. 119.

³⁾ *Драгомановъ, М.* „Малорус. пред.“, с. 26.

хранитель, крестъ всей вселенной, к. красота церковная, к. царямъ держава, к. ангеламъ слава, к. бѣсамъ язва, к. пречистый, ты ми буди помощникъ, р. Б. Н.—Возмутили воду въ морѣ двѣнадцать женъ, воду простудовую, что на горѣ Синайской, и вышли навстрѣчу имъ свв. отцы: Зиновій, Евсигній, Филиппъ и евангелисты: Марко, Матвей, Лука и Иоаннъ Богословъ и вопросиша ихъ: „Что вы есте за жены и куда идете?“ — Онѣ отвѣщаша имъ: „Мы есмы жены трясавицы и дщери Ирода царя, идемъ человѣческій родъ мучити“. — Во имя святые отцы: Зиновій... Богословъ взяше тридесять прутьевъ желѣзныхъ и начаша ихъ бити и мучити. Жены же трясавицы не можаху противляться и рекоша имъ: „О св. и грозныи отцы, убѣжимъ мы отъ р. Б. Н., на полтораста поприщъ“. — Во имя свв. отцы Зиновіи... вопросиша ихъ: „Како имена Ваши?“ — Онѣ же отвѣщаша: „Рофея, Апуша, Гупца, Дофелія, Синая, Густея, Котея, Комлея, Ломиха, Знобиха, Трясовица и Битиха“. — „Свв. отцы рекоша имъ: „Проклинаемъ васъ двунадесять Иродовыхъ дщерей именемъ Господнимъ, Пресвятою Богородицею, апостоломъ Лукою и всѣми святыми отъ нынѣ и до вѣка“. — Великомученикъ Артемій, избави и помилуй р. Б. Н. отъ трясовичной болѣзни, тебѣ бо дана благодать молиться за ны, аминъ“ ¹⁾).

Написать на бумагѣ, носить 3 дня на шеѣ, спалить и выпить пепель на водѣ; слова на запискѣ пишутся слѣдующія: „Господи благослови! Ишовъ св. Авраамъ съ святымъ сыномъ Исаакомъ золотымъ мостомъ и встрѣтили дѣвицъ простоволосыхъ 74 и стали ихъ пытать: „Что вы за люди?“ — „Мы де Иродовы дочки, идемъ въ христіанскую землю людей мучити и красну кровь выпивати“. — И взялъ св. Авраамъ со святымъ сыномъ Исаакомъ золотый жезлъ, стали ихъ бити и тлумити. — „О св. Аврааме и Исааче! не бій насъ, не тлуми насъ“ ²⁾).

1) *Щуровъ*, „Знахарство на Руси“, с. 166—7.

2) *Чена*, А. „Малорус. суевѣрія...“, с. 127-я.

„Записать на бумажку нижеприводимыя слова, свернуть въ 8-ку, перевязать ниткой, и, не говоря ни съ кѣмъ и не оглядываясь на пути, бросить свертокъ въ рѣку:

«Ишли Бродовы дочки на свить окрашенный. Зустрічае ихъ Божая Маты и пытае: „Куды вы идете, Бродовы дочки?“ — На свѣтъ окрашенный. — А чога жъ вы идете?— Тила вѣялыты, сердца сушыты, червону кровь збавляты и жовтую кисть ламаты р. Б. Н. — Авраме, Авраме, визьмы ты сыхъ Бродовыхъ дочокъ, зачынни йихъ зализнымы дверима и замѣны зализнымы замкамы, щобъ воны на свить украшенный не ходылы, тила не вѣялылы, сердца не сушылы, червонной крови не збавлялы и жовтой косты не ламалы“ ¹⁾).

Написать на просфорѣ нижеслѣдующія слова и дать съѣсть больному: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. — Яю же святой Аркадій укроти львы въ пустыни, такъ и Ты, Господи, укроти трясавицу сію въ р. Б. Н. Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“ ²⁾).

Сложить словами въ средину бумажку съ нижеприводимыми словами, проносить на шеѣ три дня, потомъ сжечь ее и пепель выпить съ святою водою:

„Эты отезамата,
Стакоринъ фито,

Станти міотероно“ и 9-й стихъ изъ псалма „Живый во помощи“ ³⁾).

Послѣдняго вида короткія „абракадабры“ весьма распространены и въ Россіи и въ Европѣ. Приведу еще нѣсколько примѣровъ:

„1) Саторъ	2) Исусъ
арепо	исусъ
тенет	сусъ
опера	усъ
ротас	съ
	ъ

1) *Гринченко, Б.* „Этнографич. матеріалы“ I, с. 256.

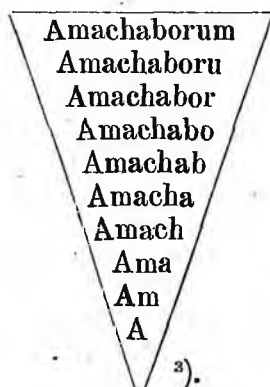
2) „Труды Этногр. Отдѣла“, V, с. 205.

3) *Гринченко, Б.*, *Op. cit.*, с. 277—8.

3) Христось
 ристось
 . истось
 стось
 тось
 ось
 съ
 ъ

4) Ав ри то^а 1)
 то то то
 сот вори то
 то то то то

„Abradagor + Abradago + Abradag + Abrada + Abrad
 + Abra + Abr + Ab + A + Amen + Amen“ 2).

Вотъ еще двѣ греческихъ записки, — съѣдаемыхъ
 больными, — противъ лихорадки:

— „Χριστός ἐγεννήθη, Χ. ἐβαπτίσθη, Χ. ἐσταυρώθη,
 Χ. ἐτάφη, Χ. ἀνέστη τριήμερος διώκων τους δαιμόνας.
 διόφεδγε καὶ συ, ριγοπύρετε τριταίε δαιμονε, καὶ ἀφημέ-
 ρινον ἀπὸ τοῦ δ... ο εἰς το νομα... Πνεύματος, ἄμην“ 4).

— „Ἡ ἀγάπη ὁ Πατήρ, καὶ ἔταν μέλλη ταρασσεσθαι
 ποιήσας γ' μετανοίας εἰς τὰ Χριστόν, εἰς τὴν ὑπεραγίαν
 Θεοτόκου, ε. τ. α. Ἰωάννην τὸν Πρόδρομον ἐσθίεται. (Если
 больной не выздоравливаетъ, еще приписываютъ) Ἡ πα-
 ράκλησις το πανάγιον Πνεῦμα; ἄμην“ 5).

1) „Воронеж. Юбил. Сборн.“, II, с. 89.

2) *Rulikowski*, „Zapiski etnographiczne“, с. 111-я.

3) *Köhler*, I. „Volksbrauch, Aberglauben...“, с. 411-я.

4) *Васильевъ*, „Anecd. Gr. — Bysan.“, I, 339.

5) *Ib.*

Въ Германіи одно изъ наиболѣе распространенныхъ средствъ противъ лихорадки — *Abschreiben*, гдѣ пишутъ только имя больного, лѣта его и ставятъ точку. Такъ, напр., Ферариусъ давалъ своимъ больнымъ бумажку съ надписью: „противъ лихорадки“ и велѣлъ отрѣзывать ежедневно по одной буквѣ. Этимъ способомъ было однажды излѣчено 50 человекъ“ ¹⁾.

У различныхъ изслѣдователей быта нѣмцевъ приводится не мало подобныхъ записокъ.

„Was, Das, Emas.

Bel, Bore, Nasel, Kasel“ ²⁾.

„Vell sebla (5 разъ), pstak sebla (3 р.),
Vell—sebla“ ³⁾.

„Fieber, bleibaus, N. ist nicht zu Haus“ ⁴⁾.

„Unsere Alte

Hat das Kalte

Holt der Teufel die alte nicht,

Holt er auch das kalte nicht“ ⁵⁾.

„Das Freber und den Schluss,

Senck, ich in den Fluss.

Die Krankheit und die Pein

Sollen heraus und nicht hinein“ ⁶⁾.

„Der Fuchs ohne Lungen,

Der Storch ohne Zungen,

Die Taube ohne Gall,

hilft für das sieben und siebzigsterlei Frieber all“ ⁷⁾.

„O du mein' liebe Alte,

Schüttelt dich das Kalte,

¹⁾ Демичъ, О. „Оч. рус. нар. медиц.“, с. 26.

²⁾ Минкъ, А. „Нар. обыч.“, с. 56.

³⁾ Bartsch, „Sagen, Märchen...“, II, 398.

⁴⁾ Müllenhof, K. „Segen, Märchen...“, с. 513.

⁵⁾ Strackerjan, „Abergl. aus Oldenburg“, I, 69.

⁶⁾ Bartsch, Op. cit., с. 414.

⁷⁾ Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen...“, с. 439.

So komm Hans Nickel u. brenne dich,
So schüttelt dich das Kalte nicht“¹⁾.

- „Das Fieber und der Schluss,
Senke sich in den Fluss!
Die Schmerzen und die Pein,
Sollen heraus und nicht hinein.
Im Namen..... Amen“²⁾.

„Ergressus Jhesus de synagoga introiuit in domum Simonis. Socrus autem Symonis tenebatur magnis febribus et rogauit illum pro ea. Stans super illam imperauit feбри et dimisit illam. Sic impero tibi, febris, in n. p. et f. et s. s., ut deinceps non presummas vexari h(unc) f(amulum) dei N.“³⁾.— Здѣсь же приводится еще нѣсколько коротенькихъ надписей на яблокѣ (разрѣзанномъ на 3—4 части), на коркѣ хлѣба и проч.:

a) „Im namen des vaters increatus pater... und des suns immensus pater... und des heiligen gaistes-eternus pater“⁴⁾.

b) „O Febris, omni laude colenda, o languor sanitatis et gaudis. Ascribendas nox, рах, мах“⁵⁾ и др.

У народовъ дикихъ наблюдаемъ способы лѣченія лихорадки путемъ непосредственнаго физическаго воздѣйствія на нее: надавливанія на желудокъ больного, стремленія жестами удалить, выбросить болѣзнь. Въ формахъ менѣе грубыхъ тѣ же способы бытуютъ и нынѣ (даже въ средѣ культурныхъ народовъ): ее пытаются утопить—купаются въ сорочѣхъ и оставляютъ послѣднюю въ рѣкѣ;

1) Meier, E. „Deutsche Sagen“, с. 519.

2) Amman, „Volkssegen“, с. 208.— Ср. Grimm, „Mythol.“, прилож. XXXV.

3) Zingerle, „Segen und Heilmittel...“, с. 174.

4) Ib.

5) Zingerle, Op. cit., 175.

зарываютъ въ могилу, замариваютъ, душатъ — наваливъ сорочку больного тяжелымъ камнемъ и т. п.

Наконецъ, цѣлымъ рядомъ способовъ, пытаются передать лихорадку другому существу или предмету.

По народнымъ повѣрьямъ лихорадка поселяется на жительство сначала подъ ногтями, а оттуда уже распространяется по всему тѣлу. Отчасти поэтому, а можетъ быть и подъ вліяніемъ старыхъ понятій, — когда часть замѣщала цѣлое, когда часть человѣческаго тѣла, особенно конечности, являлись его двойникомъ, — бытуютъ понынѣ такіе способы лѣченія лихорадки, какъ, напр., приводимый г. Милорадовичемъ: срѣзываютъ у больного ногти и волосы, заворачиваютъ въ бумажку, вкладываютъ ее въ клешню живого рака, и, пуская его въ воду, приговариваютъ: „Плыви, раче, за водою, беры трясцю за собою“.

Что же касается передачи болѣзни другому физическимъ путемъ, — это пріемъ весьма распространенный и въ настоящее время: больного обкатываютъ круглымъ мякишемъ хлѣба или яйцомъ, куда переселяется болѣзнь, и эти предметы отдають собакамъ или выбрасываютъ на дорогу: больной носить въ рукавицѣ, надѣтой на руку, хлѣбныя зерна, сѣять ихъ, а когда взойдутъ, раздавливать, уничтожая такимъ образомъ болѣзнь ¹⁾ — и проч.

Однако чаще всего и съ наибольшимъ успѣхомъ всѣ эти пріемы лѣченія выполняются при помощи слова, которое постепенно заслоняетъ и даже вытѣсняетъ другіе способы: словомъ пытаются заставить болѣзнь бѣжать (такъ въ недавнее еще время на югѣ Россіи былъ знахарь, который лѣчилъ различныя болѣзни продолжительной площадной бранью); тѣмъ же способомъ пытаются запугать ее, умертвить или переселить. — Все это мы и будемъ наблюдать въ приводимыхъ ниже заговорахъ, относящихся къ различнымъ ступенямъ міропониманія.

Родиною лихорадокъ народъ считаетъ болота, рѣки,

¹⁾ Даль, „О повѣр., суев.“, 79.

моря ¹⁾ и вообще сыря, необитаемыя мѣста, и потому
пытается силой слова водворить ихъ на мѣсто жительства,
чтобы онѣ никому вреда не причиняли.

„Иды соби на очерета, на болота, та на свои мѣста,
де витерь не віе, де сонце не гріе, де праведне сонечко
не сходыть, де людськый гласъ не заходыть; де люде не
хрестятся. Трасы соби очеретамы, та своїмы лыстамы“ ²⁾.

„Лыхорадка! ты прозирна, ты водяна, ты й витряна,
надумана й погадана. Пиды соби на воды, на витры, на
огни и на дыма! Тутъ тоби у голови не стоять, жовтой
кости не ламать! Пиды ты соби на огни, на дыма, на ве-
лыки степа! Тамъ тоби буде хороше гулять и людей мор-
ськихъ знобыть“ ³⁾.

„Бишихо, татарко,
Б. цыганко,
Б. жидівко!
Тутъ тобі ни гуляти,
Червоної крови ни пити,
Жовтой кости не ломити,
Білого тила ни въялити.
Іди соби на сине море;
Тамъ тобі бувати,
Тамъ тобі гуляти,
Жовтими пясками присипати,
Водами переливати,—
Очеретом трасти
І болотами трасти.
Я тебе заклинаю
І на тем вічний ножем зарубаю.
Іди соби — де кури ни пьють,
Де молодиці на гуляння ни ходять,

¹⁾ Ср. напр. *Крушевскій*, „Заговоры“, с. 53, или *Чубин-
скій*, „Труды“, I, с. 118—120.

²⁾ *Милорадовичъ*, „Народн. Медиц.“, V, с. 170.

³⁾ *Ів.*

Де козак коня не напуває,
Де дівчя коси не росплітає“¹⁾.

„Варагуша, отыйди ты, варагуша праеклятая, ать такова-та челававка — иди ты, праеклятая, ниизжалыми дарогами, кривыми згародами, на мхи, на балота, на скрипуچی дирива“²⁾.

Ср. старѣйшій чешскій заговоръ, находящійся въ легендѣ о св. Прокопѣ XIII столѣтія:

„Vy siemě prokláte!
Boží mocí kazuji vem,
Abyste šli odtudto ven:
Některede na pušči jděte,
A nikemu ne škodte“³⁾.

Нерѣдко также пытаются словеснымъ воздѣйствіемъ переселить ее въ какой-нибудь предметъ, напр. въ осину, которая будто въ лихорадкѣ, постоянно дрожить своими листьями.

Подходятъ къ первой попавшейся въ лѣсу осинѣ и, обгладывая съ нея кору, говорятъ:

„Осинка, осинка, возьми мою трасьцынку, отдай мое здороуя“⁴⁾.

Собираютъ въ теченіе 9 дней экскременты и всякаго рода выдѣленія больного въ чашку и ставятъ ее до восхода солнца въ дупло дерева, говоря:

„Fieber, Fieber weich' von mir
Was du mir gabst, das geb' ich dir!
Steig' in den Baum und friss dich satt.
Mein Magen keine Nahrung hat
Für dich, du böses Fieberkind;
Drum komme her und steig geschwind
In diesen Baum, in diesen Baum!“⁵⁾.

1) *Иващенко*, „Шептанія“, с. 175—6.

2) *Добровольскій*, В. „Смол. Этн. Сб.“, с. 172.

3) *Erben*, „Česka zařikadla“, с. 52.

4) *Шейнъ*, II. „Матеріалы“, II, с. 544.

5) *Wislocki*, „Volksglaube... Zigeuner“, с. 165—6.

Передъ наступленіемъ припадка, подойдя къ бузинѣ до восхода солнца:

„Gug'n Morr'n Fleeder!
Hier bringt in min Fëwer;
De erste Vogel, de oewer di flüggt,
Der nehm dat mir in'n Flugt,
Un fleeg darmit doer de Luch (Luft)“ ¹⁾.

По заходѣ солнца, подойдя къ фруктовому дереву:

„Fruchtbaum, ich klage dir,
Mein Fieber plaget mir;
Es plaget mich Tag und Nacht;
Das sollst du fragen zum jngsten Tag“ ²⁾.
„Fruchtbaum, ich klage dich,
Das Fieber plaget mich;
Der erste Vogel, der über dich fliegt,
Der nehme es mit sich“ ³⁾.

„Nussbaum, ich komm zu dir!
Nimm eines von den 77 gerlei Fiebern von mir,
Dabei will ich verbleiben in Namen...
Kuhe, willst du zu Stalle?
Fröher, so gehe du zu Walle!
Ich zähl dir das zu Buss, im Namen“ ⁴⁾.

Обходя въ лѣсу вокругъ дуба:

„Gode'n abend du gode olle,
Ick bringe di dat warm und dat kolle“ ⁵⁾.

Обмывъ больного холодной володой, выливаютъ эту воду въ вустъ со словами:

„Wenn du frierst, du gebe ich dir dies Wasser!“

¹⁾ *Volksmann*, „*Volksmedicin*“, 95—6.

²⁾ *Ib.*, 96.

³⁾ *Ib.*

⁴⁾ *Birlinger*, „*Aus Schwaben*“, I, 447. — Ср. начало у *Prahn*, „*Glaube u. Brauch*“, с. 194.

⁵⁾ *Kuhn u. Schwartz*, „*Norddeutsche Sagen*“, 439 (Ср. почти буквально *A. Kuhn*, „*Zur deutschen Mythologie*“ („*Zeitschr. für deut. Alterthum*“, B. IV, Leipzig. 1844, с. 390).

Нимм die Hitze des kranken, und gieb du sie der Erde über damit der Böse (=Dämon) im Liebe des kranken verrecke“¹⁾.

Кладуть на виски половинки луковицы и черезъ нѣсколько часовъ зарываютъ ихъ въ землю со словами:

„Das halbe Leben des Bösen geben mir dir, das halbe ist noch im Leibe des Kranken! Nimm Erde das ganze (Leben), damit der Böse verrecke“²⁾.

Зачерпнувъ правой ногой, опущенной въ рѣку, воды и выпивъ эту воду, приговариваютъ:

„In dieses Wasser fret ich,
Christi Blut anbet' ich,
Dies Wasser und Christi Blut
Ist für das sieben und siebenzigsterlei Fieber
gut“³⁾.

— Принимая лихорадку за вполне челоѣкообразное существо, пытаются узнать ея имя, а черезъ это послѣднее легко уже воздѣйствовать и на обладателя его. (Подробно объ этомъ см. въ 1-й части изслѣдованія). Съ этой цѣлью перебираютъ поочередно имена лихорадокъ, — точнѣе, съ нашей точки зрѣнія, — тѣ причины, отъ которыхъ можетъ зарождаться эта болѣзнь. (Мнѣ думается, согласно съ исторіей возникновенія словъ, поскольку мы можемъ наблюдать этотъ процессъ на нашихъ глазахъ, — такія слова, какъ „веснянка“, „трясуха“, „ледзянка“ и проч. смѣло могутъ быть считаемы за собственныя имена).

„Чы ты гнетуха, чы ты трясуха, чы ты водяна, чы ты витрова, чы ты выхрова, чы ты подумана, чы ты погадана, чы ты наслана, чы ты наспана, чы ты найдена, чы ты напыта, чы ты місцѣва, чы ты прычтова, чы ты прызірна, чы ты прысільна, чы ты въ часу, чы ты въ получасу, чы ты въ дни, чы ты въ полудни, чы ты въ ночи, чы ты въ півночи? Поты ты стояла, поты ты буяла,

¹⁾ *Whislocki*, „Volks Glaube... Zigeuner“, с. 172.

²⁾ *Ib.*, 173.

³⁾ *Kuhn u. Schwartz*, „Norddeutsche Sagen“, с. 439.

поки я не знала: стала тебе знаты, стану тебе зъ костей
высылаты. Буду я тоби лыце залываты, буду тоби очи
выпикаты, буду тебе молитвамы закlynаты, буду тебе зъ
хрыстіяньской виры высылаты. Пиды соби де собаки не
брешуть, де куры не поють, де хрыстыяньскый голось не
ходе. Колы будуть ушакы роззвляться, тоди буде лыхо-
манка подниматься, й гнетуха и трасуха“¹⁾.

Когда „веснуха“ въ образѣ дѣвушки станетъ звать
спящаго по имени, не слѣдуетъ отъликаться, а пить от-
варъ дубоваго листа, положивъ на порогъ раскаленный
уголь и приговаривая:

„По первымъ веснянка, а вторая ледзянка, а трецця
листопадница, а цатвертая косяница, пятая квадтухка,
шоштая воцница, семмая смутница! откатысь, отвались
отъ грудзеу и отъ бѣла цѣла, отъ буйной головы. Ты
дзѣукой ня шлайся, на мяня ня 'зирайся, я ў хацѣ ля-
жу, на вуголь гляжу: какъ вуглю сторѣць, такъ тобѣ ў ко-
тлѣ кипѣць. Баги ня 'зирайся, назадъ ня вертайся, сту-
пай ў пни, ў колоды, ў гнилое болото, тамъ табѣ жиць,
со мхоу воду пиць. Аминь“²⁾.

Вотъ еще нѣсколько мелкихъ заговоровъ, гдѣ обра-
щаются къ лихорадеѣ, какъ къ живому существу.

„Каженка, каженка, поиди ты до воды, кого встрѣ-
тишь, того и напади“³⁾.

Рано утромъ, выворачивая рубашку съ лѣваго рука-
ва, говорятъ:

„Hemd, kehr dich,
Fieber wend' dich.
Im Namen Gottes des Vaters“⁴⁾.

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, 119.—Ср. почти буквально у Кушелева-Безбородко, „Памятники стар. рус. л-ры“⁴⁾. В. III (С. II. 1862 г.), с. 167. Здѣсь объяснено, что *ушакы* = *косяки* въ дверяхъ.

²⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, 545.

³⁾ „Матеріалы (рукописные) Харьк. Предвар. Комитета XII Арх. Създа“ (Изъ хутора Тополевскіе пески, Куянск. у., Харьк. губ.).

⁴⁾ Peter, „Volksthümliches“. В. I, 232.

„Die Hexe, die alte,
Die hat das Kalte;
Nimm einen Stock und schlag die Alte,
So vergeht ihr das Kalte.
Im Namen...“ ¹⁾.

„O mein liebe Alte,
Das ist gut fürs Kalte.
Alte, liebe Alte!
Schüttelt dich das alte,
So komm Hans Nickel und brenne dich,
So schüttelt dich das Kalte nicht.
Fieber hin, Fieber her.
Lass dich blicken nimmer mehr!
Fahr derweil in eine wilde Au,
Das Schafft dir eine alte Frau.
Sonst musst du fahren in d' Kuttelfleck
Schau dann, wie dir die Herbergschmeckt“ ²⁾.

Чтобы покончить съ заговорами, въ которыхъ моли-
твенное начало не играетъ роли, привожу еще два заго-
вора, стоящихъ особнякомъ среди прочихъ, типичныхъ
однако и для другихъ разрядовъ, о которыхъ рѣчь ниже.
Опора ихъ — скрытое сравненіе, предполагающее факти-
ческую мощь слова:

„Ein Vogel ohne Lung,
Ein Storb ohne Zung,
Eine Taube ohne Gall,
So vertreibe ich die Fieber all“ ³⁾.

„Die Bienen ohne Lunge,
Die Störche ohne Zunge,
Die Tauben ohne Galle,
Hilft für die 77 Fieber alle.
Im namen...“ ⁴⁾.

¹⁾ *Kuhn*, „Sagen, Gebräuche...“, II, 204.

²⁾ *Birlinger*, „Aus Schwaben“, I, 447.

³⁾ *Kuhn*, „Sagen, Gebräuche...“, II, 104.

⁴⁾ *Bartsch*, „Sagen, Märchen“, II, 396.

На перепутьи къ заговорамъ молитвеннаго характера, возникшимъ подъ христіанскими вліяніями и наиболѣе распространеннымъ, находятся обращенія къ предметамъ и явленіямъ внѣшней природы съ просьбой избавить отъ лихорадки.

„Вечерняя заря-зарница, красная дѣвица, отгони отъ р. Б. Н. Иродову дочку. Заря-зарница, молодая дѣвица, отгони отъ р. Б. Н. Иродову дочку“ (12 разъ) ¹⁾.

„Guter Morgen,
Lieber, schöner Tag,
Nimm mir die 77 Fieber ab.
Ich weis nicht,
Welches das ist,
Hilf mir Unser Lieber Herr Jesus
Christus + + +“ ²⁾.

„Guter Morgen,
Lieber, schöner Holderstengel,
Ich komm zu dir als wie ein Engel,
Ich komm zu dir als wie ein Samariter;
Nimm du die 77 Fieber mit der (=dir)“ ³⁾.

Приведу еще два заговора молитвеннаго образца, стоящихъ нѣсколько особнякомъ, и тогда перейду къ заговорамъ, развертывающимъ въ различной силѣ и степени библейскія сказанія, или, по крайней мѣрѣ, имѣющія тамъ исходную точку.

„In nomine patris et filii et spiritus sancti, adjuro te frigore rus per patrē et filium et spiritum sanctum per tria testimonia, per quattuor testimonia, per XII prophetas, per angelos celi, per cardines mundi, per quem deus fecit mundum sive biduanus, sive triduanus, sive quadriduanus, sive meridianus, sive nocturnus, sive in die, sive in nocte, ut amplius non noceatis isto homini leolti ñ lalxes (calces?) nec tremorem auis otheus auis

¹⁾ *Янушкинъ*, „Молитвы и загов.“, 167.

²⁾ *Birlinger*, „Volksthümliches aus Schwaben“, I, 209.

³⁾ *Ib.*

ageatus eleison sanctus deus, sanctus fortis, sanctus et immortalis, qui tollis peccata mundi miserere isti homini leotolte. Amen¹⁾).

„Ego sum alpha et ω, primus et nouissimus et fui mortuus et sum vivens in secula seculorum et habeo clavos mortis et interni ait dominus omnipotens. + Preficio vobis febribus cuiuscunque conditionis altus vel nature sitis per precium crucifixi domini nostri J. C. et beatam Mariam Virginem, matrem eiusdem dei et domini nostri J. C. et per novem choros angelo(rum), ut recedatis a famulo dei + NN et amplius non ledatis. Christus vincit, Christus imperat, Christus regnat, Christus repellit malum omne + Consumatum est. Corpus Christi + + +“²⁾).

Въ заговорахъ, близкихъ по формѣ къ апокрифическимъ молитвамъ, присутствіе собственно молитвеннаго и церковнаго наслоеній замѣтно въ различныхъ степеняхъ. Большая часть ихъ тоже опирается на древнее міровозрѣніе, при которомъ все принимало челоѡкообразную форму. Лишь постепенно, съ распространеніемъ въ народѣ духа церковности, стали усиливаться привнесенія этого новаго направленія, оставаясь, однако, почти всегда неорганической его частью.

Можно, конечно, съ нѣкоторой долей увѣренности утверждать, что названіе *трясовиць* *Иродовыми дочерьми* сложилось у христіанскихъ народовъ подъ вліяніемъ евангельскаго сказанія, но основы этихъ сказаній, почва для воспріятія этого образа уготована была болѣе древнимъ укладомъ народной мысли³⁾. Этимъ только и можно объ-

¹⁾ Piper, „Segen aus S.-Gallen“, с. 69.

²⁾ Ib.

³⁾ *Веселовскій*, приводитъ изъ Alphabetum Siracidis одно еврейское сказаніе, весьма близкое по типу къ славянскимъ— о *трясовицахъ*:

„Однажды пророкъ *Илья* встрѣтилъ *Лилить* (— первозданная жена *Адама*—) со всеѡмъ ея сонмомъ и спросилъ: Куда

яснить живучесть, излюбленность сказанія, переживаніе имъ вѣковъ, все въ новыхъ варіаціяхъ.

„Изъ моря изыдоха 12 сестеръ, растрепы, распоясы,—попадается имъ на встрѣчу старецъ Антилисъ: „Куда вы, дѣвы, бѣжите?“ — Мы бѣжимъ въ деревню N. къ рабѣ N.— тѣло помѣрить, костей поломать.— „Вамъ тамъ не мѣсто; вы бѣжите, дѣвы, во мхи и болота, тамъ вамъ питье и ложе — мягкая постель“ ¹⁾).

Весь строй этого заговора — народный, даже обычное въ такихъ случаяхъ имя святого замѣнено именемъ какого-то старца, быть можетъ — самого знахаря. Таковъ и нижеслѣдующій:

„На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ камень алатырь; на томъ камнѣ сидитъ три старца съ желѣзными прутьями. Идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ-лихорадокъ. „Вы куда идете, грѣшныя, окаянныя, проклятыя?“ — Идемъ въ міръ у людей кости ломать да силу вынимать.— „Воротитесь, грѣшныя, окаянныя, проклятыя“. — Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать да по три раза читать“ ²⁾).

На дальнѣйшей ступени развитія начинается простая подстановка въ подобныхъ заговорахъ вмѣсто старцевъ именъ различныхъ библейскихъ лицъ и святыхъ, безъ привнесенія въ заговоръ чего-либо новаго.

„Ложусь я р. Б. N. благословясь, встаю перекрестясь. Умоюсь бѣлехонько, снаряжусь хорошошонько, пой-

идешь ты, злая, нечистая, съ твоимъ нечистымъ сонмомъ? — Она отвѣчала: „Илья, господинъ мой! я иду къ родильницѣ N, чтобы навести на нее смертный сонъ, похитить ея ребенка, выпить его кровь, мозгъ его костей, не трогая его тѣла“. — Илья закликаетъ ее именемъ Божиимъ, чтобы она стала безгласнымъ камнемъ, а она молить его святъ съ нея проклятіе, обѣщаясь удалиться отсюда, гдѣ она услышитъ или увидитъ записанными свои 17 именъ, которыя и перечисляетъ“. (Разысканія, VI—X, с. 52).

¹⁾ „Грамотѣй“, VI, 13—14.

²⁾ *Заблѣтки*, „Русск. народъ“, с. 362.

ду изъ избы въ дверь, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, подь восточную сторону, на окіянь-море. На морѣ на окіянь, на островѣ на Буянѣ шелъ Моисей дорогою торною, тропкою черною. Встрѣтились ему 12 дѣвиць.— Что же вы за дѣвицы?— Мы дѣвицы-трясуницы, Иродовы дочери; а ты что есть на свѣтѣ?— Я есмь царь Моисей; выхвачу острый мечъ и хочу вамъ голову ссѣчь. — Ахъ, царь Моисей, не сѣки, не руби: не будемъ мы ходить, народъ морить, никто не увидитъ нашей пляски и до вѣку тряски“ ¹⁾).

„Шовъ св. Моисей чорною дорогою, а на встрѣчу ему 12 дивыць-трясыць.—Здравствуй, св. Моисей!—Здравствуйте, дивыци-трясыци.—Вынимаеъ Моисей свой мечъ, хочеть ихъ быть и рубить.—Стой, Моисей, не рубы, не наказывай. Кто эту молитву будетъ знать, того лихорадки не будутъ ни трусить, ни знобить“ ²⁾).

„Стоить дубъ на синемъ морѣ, а въ томъ дубѣ Ирода. Было у него девять—7 дочекъ; шли онѣ по синему морю, а встрѣтили ихъ святые отцы Исакъ и Иаковъ.— „А куда вы идете, Иродовы дочки?“ — Идемъ на бѣлую Русь, бѣлую кость крышить, горячую кровь лить.—Идите вы лучше на сыръ-боръ — сѣрое болото, крышите курчавье-пеньявье непотребное и забутте дорогу на святую Русь.— Иродовы дочки дорогу забудутъ, а р. Б. Н. повѣкъ тряса не будетъ“ ³⁾).

„Ишли св. Аврамій и св. 'Сакій золотымъ мостомъ; сустрѣли яны 74 (въ № 250-мъ—77, въ № 253-мъ—12) жонъ. „Куды вы йдете, жоны?—Идемъ мы на христьянскій миръ — тресъти, колотити.— Св. Аврамій, возьми ты золотый мечъ, позрубливай имъ усимъ головы съ плечъ! Святый Аврамій, не бари зъ меча, не зрубавай намъ го-

1) *Калачовъ*, „Архивъ“, с. 11.

2) „*Харьковскій Сборникъ*“, VIII, с. 8—9.

3) *Мошлевскій Губ. Вѣдом.* за 1890 г. № 46. — Ср. почти буквально у *Романова* „Бѣлор. Сборникъ“, V, с. 170.

ловы съ плечъ, — а хто эту молитву будя читать, ня будемъ яго вѣкъ чапать“¹⁾.

„На морѣ на окіянѣ, на островѣ на буянѣ лежить камень Алатырь, на томъ камнѣ сидять Никола, Петръ и Павель съ желѣзными прутьями. Идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.— „Вы куда идете, грѣшныя?“ спрашиваютъ Никола, Петръ и Павель.— „Идемъ мы въ міръ у людей кость ломать, да силу вынимать“, отвѣчаютъ сестры лихорадки.— Воротитесь грѣшныя, проклятыя окаянныя.— Мы тогда воротимся, когда эту молитву всѣ будутъ знать да по три раза въ годъ читать“²⁾.

„Встану я р. Б. Н. благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, путемъ-дорогой къ синему окіану-морю. У этого синяго моря стоитъ древо карколистъ; на этомъ д. к. висять: Козьма и Демьянъ, Лука и Павель, великіе помощники. Прибѣгаю къ вамъ р. Б. Н., прошу, великіе помощники К. и Д., Л. и П., сказать мнѣ: для чего выходятъ изъ моря-окіана женщины простоволосыя, для чего онѣ по міру ходять, отбиваютъ отъ сна, отъ ѣды, сосутъ кровь, тянутъ жилы, какъ червь точать черную печень, пилами пилятъ желтыя кости и суставы? Здѣсь вамъ не житье-жилице, не прохладыце, ступайте вы въ болота, въ глубокія озера, за быстрыя рѣки и темны боры: тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки пересныя (?); тамъ яства сахарныя, напитки медовыя, — тамъ будетъ вамъ житье-жилице, прохладыце, по сей часъ, по сей день слово мое, р. Б. Н., крѣпко“³⁾.

„Ишовъ св. Авраамъ дорогою, зострічае вінъ 77 трасовыць.— Куды вы идете? — Идемъ жъ мы на Білую Русь людей мордувати и тіломъ труждати и кости ломати и кровь морити.— Сину мій Самсоне, побіжи, побіжи, возъ-

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 100. (Ср. МЛ 254—6).

²⁾ Воронежск. Юбил. Сб., II, с. 91.

³⁾ Даль, „О повѣр., суев.“, с. 37.

ми залізную шину, та роспечи и розжени тихъ 77 пропа-
пасниць-трясовиць, нехай вони тіла не труждають, ко-
стей не ломають, крови не морють!—Св. Аврааме, не бий
нась, не лай нась и не печи нась, не лай же ти, мы
будемъ кровъ морити, тіло труждати, кості ломати, людей
мордувати; а хто буде твою святу заповідь знати, то ми
ѣго не будемъ минати.—Я відъ васъ знаю, одъ всіхъ од-
мовляю, молитву читаю; не мучте біднихъ християнъ; тря-
сись купцями, очеретами и болотами. Я одмовляю одъ
р. Б.“¹⁾).

„Під дубом Маврійським

Стояли святіі архангили —

Гаврііл, Урііл и Сурііл.

Убачили вони, як виходило з моря

Сім простоволосих жінок.

Святіі архангили підійшли до їх

І роспитувались: хто вони такі?

Вони їм поодвічали:

„Есть ми дочки Иродови,

А йдем ми на хрестьянську землю

Жовтую хрестьянськую кость ломить“.

— Святіі архангели попрохали розказать,

Як їх имена.—Наши имена есть:

Первая — Непа, хторая — Лета,

Третья — Лелія, четвертая — Желтя,

Пятая — Оленеса, шостая — Горита,

Сёмая — Маргарита;

Всі ми огнені“.

Св. архангелм сказами:

„Провлинаемо ми вас і заклинаемо

В землю пустую, в землю безплодную,

Де дівка косою не мае,

Де козак на фоні не гуляє

И куди чоловічеське око не заглядає“.

¹⁾ Чубинский, „Труды..“ I, с. 120—1.—Ср. почти бу-
квально Rehoř, F. „Lidová léčba“, IV, 194—5.

— Есть за морем дуб —
У вись-високо, а в глѣб-глубоко,
Під тим корнем копит-ключ;
Той ключ усю землю одмикае,
Всі немощі одбірае.
Одбири ти, копит-ключ, болість
У р. Б.“¹⁾

„Подъ дубомъ, подъ дубовымъ листомъ лежаць три святители: первый — Михайль-Архангель, другой — Кузьма-Дземавъ, трецци — св. Моисей. — Св. Моисей соби-рался въ путь въ дорогу съ желѣзнымъ бичомъ, тропой череной, дорогой торной. — Устрѣдились съ имъ дзѣвнан-цацъ дзѣу — наги, босы, растрепаны косы. Св. Моисей у ихъ спрашиваецъ: „Дзѣвы, дзѣвы, куды вы идзеце?“ — По свѣту ходзимъ — косьци сушиць и сердце крушиць. — Св. Моисей на нихъ разсердіўся, хоцьу ихъ биць, ко-лоць. Яны усѣ стали просиць: „Св. М., ни би, ни коли! Хто гѣту молитву будзець знаць и читаць, къ тому мы въ домъ не пойдземъ“²⁾.

„На осіанскій гори, на святій земли йхавъ Михай-ло; у его сынъ Авраамій, на ёму великій чинъ. Ишовъ Авраамій-великій чинъ въ путь-дорогу, зостривъ винъ 77 жевъ. — „Куды вы йдете, прокляти жены? — Мы йдемо, А.-в. чинъ, въ Рассѣю — ласо надаця, сладко напива-ця. — Верниця же ви, прокляти жены, одъ нарожденного, молитвенного Н. И якъ не зойдешъ, буде тоби те, що тій жени, шо въ святу недилю хлибъ пече, и те, шо тому мужу, шо въ пятныцю сіе та оре. — Пропасныця, пропас-ныця, ты витряна, ты водяна, ты наслана, ты ночна, ты полуночна, ты зорева, ты полужорева, изойди жъ ты зъ нарожденного Н. И якъ ты не зійдешъ, и мене не послу-хаешъ, ты корни роспускаешъ, гилья розвиваешъ, и я съ тебе повыкыдаю, зъ нарожденного, молитвенного Н. — Тоби въ утробоньку не стояти, красной крови не пивати,

¹⁾ *Иващенко, II. „Щептанія“, с. 176.*

²⁾ *Шейнъ, II. „Матеріалы“, II, 544—5.*

жовтои кости не ламати, билого тила не сушити.—Я жъ тебе высылаю на очерета и на болота, де людскій гласъ не заходе, тамъ тоби пропадати“¹⁾).

„Атганяю васъ, трасцы, и смяротнаю, и унутрѣнную, и павярхоўную, и касцявую, и рудовую, и листаадзѣватную. и листападную, и гароховую, и асиनावую, и ядленьцавую, и огнявую, и ледавую. Ишоў Исусъ Хрыстосъ и апостолоў вѣў, а ззаду Найсвѣнтшая Матка ишла и рызави слѣдъ замела и трасцу уняла“²⁾).

„Ишовъ св. Аврамъ путемъ, зострѣчае вѣнъ 77 трасовыць.—Куды вы идете, 77 трасовыць?—Идемо жъ мы на бѣлу Русь людей мордувати, и тѣломъ труждаати, и кости ломати, и кровь морити. — Сыну мѣй Самсоне, побѣжи, вѣзьми залѣзную шину, та распечи и розжени тѣхъ 77 трасовыць, нехай воны тѣла не труждають, не морять. Св. Авраме, не бій насъ, нехай же мы будемъ кровь морити...; а хто буде твою св. заповѣдь знати, то мы его не будемъ нападати и двѣрь его будемо минати. — Я вѣдъ васъ знаю, одо всѣхъ, одо всѣхъ одмовляю, молитву читаю, не мучте бѣдныхъ христьянъ; тряситъ купами, очеретами и болотами; я одмовляю одъ р. Б. Н“³⁾).

„Стоить дубъ на синемъ морѣ, а въ томъ дубу Ирода. Було у него 9—7 дочокъ, ишли онѣ по синему морю, и встрѣтили ихъ свв. отцы Исаакъ и Иаковъ.—А куда вы идете Иродовы дочки?—Идемъ мы на бѣлую Русь бѣлую кость крошитъ, горячую кровь лить. — Идите лучше на сыр-боръ, сѣрое болото, крошите курчавье-пѣнявье непотребное и забудьте дорогу на св. Русь.—Иро-

¹⁾ *Ивановъ, П.* „Знахарство“, с. 740.

²⁾ *Ф. Варелкъ*, „Przyczynek do leczenia ludowego“ (въ „Materiały Akademii, umiejętności w Krakowie).—Цитирую по библиограф. замѣткѣ *Е. Карскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1900 г. кн. XII, с. 497.

³⁾ *Ефименко, П.* „Сб. млр. закл.“, с. 10—11.

довы дочки дорогу забудуть, а у р. Б. Н. повѣкъ тряпцы не будутъ“¹⁾.

Св. Пахнутій, — повстрѣчавшій „дванадцать дѣвиць-красавиць, царя Ирода дочерей“, изъ коихъ „перва огненная, друга—тоже, третя легчае, 4-я гвутая, 5-я ломотна, 6—жовта, 7—скорпія, 8—сухая, 9—зlobая, 10—сыняя, 11—пухлая, 12—глыхота и дневная, сестра ихъ старѣйшая, моторнѣйшая и проклятѣйшая“, — беретъ ихъ по парѣ, наноситъ имъ тяжкіе удары и отсылаетъ „на сухой лѣсъ, на жовты пѣскы, къ своему царю Ироду“²⁾.

„На гори на Голгохви стоявъ дубъ венерський. Пидъ тымъ дубомъ сидило симъ мученыкивъ: Архистратый Михайлъ, Гаврыиль, Урыиль, Метотодымъ, Сызонтій, Клементій, Иванъ-Предтеча — и выдиды диво престашне, чудное: и вышло зъ моря 17 женъ, просто нагіе, распоясавше, роспущени волоса. Пидійшовъ къ имъ Иванъ-Предтеча, начавъ ихъ пытать: хто вы таки? куды вы йдете?—Мы йдемо у градъ хрыстовый людей мучыты, кровь пыты, тило томыты, смерти предаваты. Та де (= давъ) имъ Иванъ Предтеча своею тростю по ихъ головамъ, по сто ранъ заклынающихъ. — Ой Иванъ Предтеча! хто ваши буде имена нарычаты, або хто буде надъ головою воду чытаты, то мы того не прыкоснемся во выкы виковъ, аминь“³⁾.

„Ишло 77 напрасныць и силы на марганахъ и вкрылыся вафоромъ. Прыходе св. Василь и пытае: „Шо есть вы за люде?“ — Мы йе не люде, а враговы диты. Насъ послано по свитамъ и по людамъ червону кровь пыть, биле тило знобыть, а жовту кость ломыть. Хто насъ буде почытаты, таъ мы въ ёго по выеъ не будемъ буваты,

¹⁾ См. *Этногр. Обзорніе*, кн. VI, с. 217-я извлечено изъ „Южанина“ 1890 г., № 86-й — Заговоры Черниговской губ.

²⁾ *Ефименко, П.* „Сборникъ млр. закл.“, 11.

³⁾ *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, V, с. 170—1. — Ср. вар. въ „Кіевской Старинѣ“ 1898 г., I, Документъ X (Рукоп. XVIII вѣка).

червоной и крови не будемъ пить и блого тила знобыть и жовтой кости ломыть. Св. Васыля буде почытать, — винь враговськихъ дитей не буде до неи допускаты, нарожденной, хрещеной и молитвяной р. Б. Н. буде спасаты“¹⁾.

„Ишовъ св. Порфирій у свій монастырь и зостричае 77 прекрасныхъ дивыць; ну и спрашуе: „Шо вы за прекрасни дивыци?“ — Мы царя Ирода дочкы. — Куды вы йдете?—Мы йдемо въ мырь кости ламаты и въ огонь бросаты и йижу одбираты. — Винь ихъ ударывъ трема вдарамы. Воны одъ ёго убижалы и воны ёму исказалы: „Хто буде твое имя спомынаты,—и того будемъ убигаты, а хто буде твое имя забуваты, — и того будемъ нападаты.— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь“²⁾.

— Вотъ еще выписка изъ раскольничьей тетрадки новаго письма:

„На горахъ Сунацихъ почывало 7 святителей: Луки, Марка, I. Богослова, I. Креститель, Николай Можайскій, Егорей Храбрый и Уарей святой. Увидѣли на морѣ плавающихъ лихоманки, Иродовы дочери, 12 сестеръ (—помещай воду съ пескомъ). Седмъ святителей: Луки... святой спросили: „Какъ васъ зовутъ?“ — И они имъ сказали: „Зовутъ насъ: 1-я—Озноба... ражого... зѣвота... блевота... потегота... гнетучка... костоломка... вазья дорька... сонная... блѣдная... дутиха“. — И взявши ихъ 7 святителей: Луки... бити и мучити и честити по 70 ранъ смертныхъ; послали ихъ семь святителей...: «Подите вы въ темные лѣса, на гнилыя клоды, и до сего р. Б. Н. дѣла нѣтъ». Заключаемъ трижды евангельскихъ словъ“³⁾.

Въ вышеприведенныхъ заговорахъ можно примѣтити, какъ постепенно церковные элементы проникали въ эту

¹⁾ Пв., с. 171.

²⁾ Пв., с. 171—2.

³⁾ Тихонравовъ, „Памяти. отреч. л-ры“, II, 352—3.

отверженную область творчества: сначала—лишь простая замѣна имени знахаря именемъ библейскимъ, потомъ появляется, иногда, при такомъ имени соотвѣтственный эпитетъ или обращеніе съ просьбой, мольбой, а затѣмъ — и привнесеніе соотвѣтственной обстановки. Однако всѣ эти привнесенія такъ и остаются чуждыми внутреннему смыслу: центръ тяжести лежитъ въ представленіи лихорадки живымъ существомъ съ конкретными чертами, на которое можно воздѣйствовать словомъ.

Въ приводимыхъ ниже заговорахъ книжно-церковные элементы приходятъ въ болѣе тѣсную, хотя все еще не органическую, связь съ основнымъ зерномъ текста, съ его смысловою сущностью; здѣсь все еще сильно ощущается наличность своеобразнаго міропониманія, творчества народнаго на свой ладъ.

Такъ, напр., корень заговоровъ съ обращеніемъ къ св. мученику Сисинію — несомнѣнно въ церковныхъ сказаніяхъ: исторія церкви говоритъ о 40 севастійскихъ мученикахъ, осужденныхъ пребыть въ озерѣ цѣлую зимнюю ночь ¹⁾; въ числѣ ихъ былъ и Сисиній; къ тому же имя это въ исторіи церковной встрѣчается не разъ, — отсюда заключеніе: Сисиній зналъ „слово“ отъ мороза, а значить и отъ „трясавицы“. По этой канвѣ народная фантазія вышивала самые причудливые узоры.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. — При Черннемъ морѣ стоитъ столпъ каменный, въ томъ столпѣ сидитъ о. Сисиній, и возрѣвъ на море и види — въ морѣ восхищается вода до облакъ, а изъ моря идутъ 12 женъ простоволосыхъ, дьявольскимъ видѣніемъ окаянныхъ. Вопросы у нихъ св. о. Сисиній: „Окаянныя, вы что за жены?“ — И онѣ ему рекоша: „Мы есмь тресовицы, дщери Филиповы, брата Ирода царя, усекшаго главу Іоанну Предтечеву; идемъ мучити родъ христіанскій. Обѣдню,

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ у *Е. Ляцкого*, „Къ вопросу о заговорахъ отъ трясавицы“ (въ „Этнографич. Обзорніи“ за 1893 г., кн. XIX), с. 121—36.

утреню просыпають, — то есть наши угодницы“. — Помолися Богу святой о. Сисиній: „Господи, избави родъ христіанскихъ людей отъ тресавиць“. — И посла Господь къ нему два ангела и четыре евангелиста: Луку, Марка, Маттея, Иоанна Богослова, идучи ихъ мучити тремя зубцы желѣзными, дающе имъ по три тысячи ранъ на день, и онѣ ихъ боятся. — Свв. великіе отецъ Сисиній и Михайле, Иоанне, Лука и Маркъ, Матеей и Иоаннъ Богословъ! за что вы насъ мучите? Гдѣ мы ваши имена слышимъ, и отъ того роду бѣгаемъ за тридцать одно поприщъ. — И рече св. о. Сисиній: а ваши имена суть? — Діавольскія: первая рече: имя мнѣ Тресей; 2-я рече: имя мнѣ Гнетей (— ложится у человѣка въ грудяхъ, — грудицы и не даютъ ни ѣсть, ни пить); 3-я рече: имя мнѣ Ледея (та человѣка знобить, и не можетъ согрѣться); ...Гнедея (а Г. та человѣку не даетъ спать, приступаютъ и умомя метуть); ...Глухія (та человѣка пушить и утробу желтитъ); ...Грудница (та у человѣка ложится на грудяхъ и находить грепотаю = хрипотою); ...Желтея (та, что желтитъ, аки цвѣтъ будетъ; ...Огnea (та, что разжигаетъ, аки смоленнымъ древомъ); ...Ломея (та, что ломить, аки бури сухое древо); ...Корношы (та, что ручны и ножны жили въ мѣсто влечеть); ..Невея (сестра старшая, плесовица, усегнула главу Иоанну Предтечу; котораго человѣка изоиметь, тотъ человѣкъ не можетъ живъ быть)¹⁾.

„При мори чернѣмъ стояли архангелъ Сихайлъ и св. муч. Сисиній и видяша на морѣ востающія волны, возмутишася море отъ земли даже до небесъ; изыдоша изъ моря 12 женъ простоволосыхъ. И вопросы ихъ святыхъ мученики: Что есть вышли окаянныя? — Они же рѣша: Мы есть дщери Ирода царя. — Святыхъ же рече: что есть вышли изъ моря? — Они же рѣша: Мы вышли родъ человѣческой мучить за беззаконія разными муками. — И вопросы ихъ святой: како вамъ есть имена окаянныя? — Первая рече: имя есть мнѣ Огнія; 2-я рече: имя есть

¹⁾ *Вохимъ*, „Народъ загов.“, с. 490—1.

миѣ Ледія... Гнѣтія... Ломанія... Желтія... Скарбута... Сухая Горбуша... Пухлая Мигара... Знобія... Синія... Тягота-Переперда; 12-я рече: миѣ есть имя Дневія Иродіана;—сестра, ведьма, ихъ старшая и всѣхъ есть проклятѣйшая и лютейшая; аще въ который день поймайтъ челоувѣка, то тотъ челоувѣкъ живъ быть не можетъ. — Ихъ придворный штатъ царя Ирода, Иродіаны служанки, погибшія во время пляски на льду: 1-я рече: имя есть миѣ Носора-Чума... Слѣпота... Черная смерть... Проказа... Синія Чума... Шумля... Конь-Бѣлая-Смерть... Тоскуша... Самахвала... Васьсса; 12-я рече: имя есть миѣ Вздунел.— А царь-Иродъ червями изѣдевъ за убіеніе великаго пророка Іоанна Крестителя Господня. — Просими молитвою отнять силу отъ проклятейшихъ лихорадокъ. — Господь послалъ отнять у нихъ силу угрозныхъ мукъ. Налетѣлъ архангелъ Сихайль и сокрушилъ ихъ копіемъ, отъ чего изъкривлины они, изуродовани и избиты, до конца ся мучуть и поныня за грѣхи людей. Аминь“¹⁾.

Вотъ еще „молитва“ св. Сисоя (вм. Сисинія) по рукописи сельскаго лѣчебника конца XVIII вѣка, читаемая во время приступа лихорадки надъ больнымъ, который кладетъ поклоны, пока можетъ, приговаривая всякій разъ: „Преподобный отче Сисое великій, помилуй мя грѣшнаго“:

„Стоитъ при Черъмномъ морѣ каменный столпъ и на томъ столпѣ сидитъ преподобный Сисой великій. И вышли изъ Черъмнаго моря жены простоволосія, окаянныя, образомъ — видѣніемъ мрачнымъ и вопроша ихъ св. великій Сисой: „Окаянныя, куда вы идете?“ — Они же рекоша ему: „Ми дщери Ирода царя, идемъ родъ христіанскій мучити, которій ко святѣй церквѣ не ходитъ, на утреню, на службу Богу и до вечернѣ; Богу не молится, лежитъ, аки мертвъ“. — О окаянныя! а что якіе

¹⁾ Изъ рукописи начала XIX вѣка, сообщенной редакціей „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ за 1896 г., № 1-й, с. 22-я.

вашѣ, окаянія, имена?“—Первая рече: мнѣ имя Трелѣя; вторая рече: мнѣ имя Негрѣя... Зпобѣя,—я озноблю рода человѣческаго, то не может согрѣтися... Ломѣя (кости ломле; у человѣка кости ломить, какъ вѣтромъ сухое дерево вонъ выламливаетъ)... Пухлѣя... Корькота (Корчѣя)... Желтунья (какъ желтой цвѣтъ въ полѣ цвѣтеть, такъ на человѣка напуститъ желтость)... Ледѣя (тѣло холодно)... Монѣя... Сонѣя... Трасѣя... Невѣя, старшая ихъ сестра усѣкнула главу Иоанна Предѣтече. Котораго я человѣка начну мучити, то не буде живъ“.—Заклинаю васъ Богомъ вседержителемъ, живымъ и страшнымъ, Пресвятою Госпожею Богородицею, Иоанномъ Предтечею, Крестителемъ Господнимъ и четырьмя евангелистами: Иоаномъ Богословомъ, Матѣфтеемъ, Марькомъ и Лукою и Святими Архангеламы: Мыхайломъ, Гавріиломъ, Уріиломъ и Рафаиломъ: окаянная Трелѣя, окаянная Негрѣя... Невѣя, старшая ихъ сестры, усѣкнула главу Иоанна Предтечи, проклиною васъ: отступитесь прочь отъ р. Б. Н., а буди не отступитесь, то начну васъ мучити на дванадцать день; идѣте, проклятіе, во адъ вѣчный“¹⁾.

„Сисой“ здѣсь — очевидная подстановка другого имени, болѣе обычнаго для русскаго уха, вмѣсто Сисинія; всѣ вышеприведенныя „молитвы“ исходятъ отъ общаго источника, вѣроятно, весьма популярнаго, такъ какъ варианты его находимъ и позже, записанными въ различныхъ мѣстностяхъ. Такъ, Гуляевымъ въ южной Сибири записана была обширная „молитва“ съ обращеніемъ къ Сисинію, перечисленіемъ именъ лихорадокъ, ссыланіемъ ихъ на сине-море, заканчивающаяся обращеніемъ къ Богородицѣ: „Отгони злую лихоманку за тридевять земель въ тридесятое пустое царство, отгони и отведи меня, Божьяго человѣка Н. Ключъ въ морѣ, языкъ въ ротѣ“²⁾.

Очень близкій вариантъ также записанъ въ Ярославской губерніи, гдѣ имя святаго уже читается Сихеней³⁾.

¹⁾ Гринченко, Б. „Этнографич. матеріалы“. В. I, с. 278—9.

²⁾ Гуляевъ, С. „Этногр. очерки“, с. 51—2.

³⁾ См. у Е. Якушкина въ „Молитвахъ и заговорахъ...“.

Приведу еще нѣсколько, болѣе отдаленныхъ вариантовъ.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. При морѣ чернемъ столпъ; вышелъ изъ моря святы мученикъ Сисими и св. архангелъ Михаилъ: видеша — на морѣ востали волны; возмутишася морѣ і земля до небеси, і изыдоша изъ моря 12 женъ окаянныхъ і простоволосыхъ. И вопросиша ихъ св. муч. Сисими: „Что есть злыя жены звѣрообразны?“ — Они же рече ему: „Мы изъ моря вышли мучити родъ человѣчески, которыя къ заутрени рано не встають и Богу не молятся, и кто въ праздники Господскіе не ѣстъ или ѣстъ рано, того мучимъ разными муками“. — И вопроси ихъ св. муч. Сисими: „Какія вы, дѣвы окаяныя и какъ вамъ имена?“ — Первая же рече: „Мнѣ есть имя Гнетей... Тресея... Желтей... Пухлея... Огнея... Ледея... Ломея... Тресея... Скорчея... Знобея... Сухота... Невѣя, сестра жъ ихъ страшная, проклятая, которая человѣка поимаетъ и скорбитъ, и тотъ человѣкъ не можетъ живъ быти на свѣтѣ семъ“ ¹⁾.

„Заклинаю васъ, окаянныхъ трясавиць св. мч. Сисиміемъ и св. Предтечею Іоанномъ и четырма евангелистами: М., М., Л. и І.: побѣгите отъ р. Б. (имрака) за три поприща. Аще ми не побѣжите, то призову на васъ св. Сисимію и св. архавгела Михаила хранителя и крестителя Господня Іоанна и учнутъ васъ мучить разными муками и дадутъ по 12 ранъ и будутъ говорить: „Крестъ христіаномъ хранитель, крестъ ангеломъ слава, к. царемъ держава, к. недругомъ и бѣсомъ и трясовицемъ прогнатель и положитель и подаетъ болящимъ исцѣленіе“ ²⁾.

— Перехожу постепенно къ заговорамъ, на которыхъ сильнѣе, рѣзче отразилось знакомство составителя съ книгами религіозно-церковнаго характера.

¹⁾ Тихонравовъ, „Памятн. отреч. л-ры“, II, с. 351—2. (Изъ рукописи XVIII вѣка).

²⁾ Тихонравовъ, *Op. cit.*, с. 352.

Вотъ, напр., современная рукописная „молитва“, вращающаяся въ мѣцанской и купеческой средѣ:

„Есть на морѣ Черномъ столпъ каменный; на тотъ столпъ к. посланъ отъ Бога св. великій пророкъ Елисей изгнать изъ моря щитоша (?) 12 женъ простоволосыхъ, окаянныхъ, водяныхъ дьяволовъ. И вопрошаетъ Елисей: что есть это видѣнiе окаянныхъ дьяволовъ? Онѣ же рекоша: „Мы есть Трасовицы и угодницы царя Ирода. И проси Елисей: окаянные вы дьяволы, почто вы пришли? Онѣ же рѣша: пророче, мы пришли мучити, толкати, кости ломати, сердце и голову разжигати того человѣка, который много спитъ и, ложась, Богу не молится, или кто заутрени просыпаетъ и, вставши, не перекрестится, или кто въ праздникъ блудъ творить, или въ нищегѣ ходить; какъ и угодникъ святой“. — И возмолился Елисей о болящихъ: „Господи, избави родъ человѣческій отъ всякія болѣзни“. И услышалъ Богъ молитву его и прислалъ къ нему на помощь 4 евангелистовъ: Л., Мр., І. и М. И начали евангелисты трасавицъ мучити тремя путьями желѣзными, дающими по 300 ранъ въ день. Онѣ же начали, вопіюще великими голосами, молиться св. христовымъ угодникамъ, архангеламъ и евангелистамъ, не мучить ихъ и отпустить на судьбище ихъ: „Какъ слышимъ мы имена ваши отъ человѣка, побѣдимъ отъ роду и племени его и отъ крови его и никакими вознями не прикоснемся къ нему“. — И вопрошаетъ Елисей: „Какъ ваши имена, окаянныя?“ — Первая рече: мнѣ есть имя Трасовица, отъ меня не можетъ человѣкъ согрѣться. Пророкъ и евангелисты прокляша ее: буди проклята. 2-я рече: мнѣ есть имя Огневица... Іедея... Забывающа... Хрипувита... Пухища... Истома... Костея... Желтея... Корчуша... Гладѣя... Двѣнадцатая рече: мнѣ есть имя на всѣхъ Яда, надъ всѣми сестрами глава и всѣхъ болѣе проклятая, угодница царя Ирода, усѣвшая главу Предтечи, принесшая ее на блюдѣ“. И се прокляша пророкъ и евангелисты. — Убѣгайте вы, ненавистницы, отъ р. Б.: придуть на васъ архангелы, Елисей, 4 евангелиста, будутъ

вась мучить 3 прутьями желѣзными, давать по 300 розогъ на день, приговаривая: „Ненавистницы рода христіанскаго, не ходите вы къ р. Б., никакими муками его не мучайте, ни во главѣ его, ни въ сердцѣ, ни въ утробѣ; ни въ тѣло, ни въ утробу не входите и кости разными муками не мучить“ ¹⁾).

Нижеслѣдующій заговоръ извлеченъ изъ старинной рукописи:

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.—Крестъ хранитель всей вселенной, к. красота церковная, к. царей держава, к. воинственная побѣда, к. вѣрныхъ утверждене, к. ангеламъ слава, а бѣсамъ язва, к. мученикамъ похвала и всѣмъ людямъ помощникъ, к. р. Б. Н. помощь; к. трясавицы отгоняетъ! О крестъ пресвятый, буди и съ нимъ р. Б. Н. О крестъ Гнѣ, такъ буди и съ нимъ р. Б. Н. отнынѣ и до вѣку. Аминь. Небесныхъ силъ всѣ воинства, въ началѣ св. и великій Іоаннъ пророкъ и предтеча, Креститель Гнѣ, а съ нимъ идутъ оо. Синовій, Филиппъ и Огафей, свв. евангелисты: М., М., Л. и І. Б. и проч. всѣ св., — избавьте его, р. Б. Н., отъ злыхъ трясавицъ.— Бысть бо въ черномъ морѣ волненіе и большое возмущеніе, и тогда изъ моря изыдоша 12 дѣвицъ, простоволосыя. Пошли онѣ по горѣ, а навстрѣчу къ нимъ идутъ свв. отцы Зиновей... Іоаннъ Богословъ и вопросиша ихъ свв. отцы: „Что вы за дѣвицы?“—И рекоша тѣмъ: „Мы есть всѣ трясавицы, родныя сестрицы, христіанскій родъ мучительницы; отдася бо намъ человѣческой родъ мучить“. Вопросиша ихъ свв. оо.: „Что вамъ имена суть?“ — И рекоша тѣмъ: Федея, Ивуя, Руниша, Дофея, Синяя, Желтея, Чадлея, Гател, Хампея, Кисленя, Знобица, Трясовица“. — Свв. оо. взяша дванадесять желѣзныхъ прутѣй и начаша ихъ бити и мучити и давати по 12 ранъ. — Возмолишася проклятыя трясавицы: „О св. и великій Іоаннъ, прор. и предт., Кр. Гнѣ, и всѣ св. от-

¹⁾ *Московская Иллюстрированная Газета* за 1892 г., № 65-й.

пустите насъ! Аще мы услышимъ имена ваши написанными гдѣ-нибудь, къ тому мѣсту не прикоснемся“.—Того ради и написаша сію клятву ихъ, да не прикоснутся р. Б. Н. — Аминь“ ¹⁾.

„Шелъ св. Абрамій *путыю* и сынъ его Исакій; наши есину желѣза. Встрѣтили ихъ 77 радовыхъ (= 'Радовыхъ?) дочекъ. Абрамій говоритъ: „Куда вы идете?“ — Онѣ же говорятъ: «Въ мірѣ искушать людей“.—Абрамій говоритъ: „Исакій (bis), возьми есину желѣза, разбей ихъ“. — Онѣ же говорятъ: „Абрамій (bis), не бей насъ, но кто твою заповѣдь будетъ знать, то мы десятого будемъ братъ“. — Во имя Отца... Аминь. — Господи, спаси р. Б. отъ болѣзни. Громъ услышать и молніи всѣ люди боятся и трепещутъ. Однако 77 'радовыхъ дочекъ, созданныя, отъ рода Божія отыдоша во славу Троицы и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.—Отыдоша отъ нихъ,—возмутится вода, всколыхается море, изыдутъ изъ моря 12 дѣвицъ; на встрѣчу къ нимъ св. Пафнутій! Спрашиваетъ ихъ: „Что вы за люди?“ — Онѣ ему говорятъ: Идемъ въ мірѣ людей мучить и терзать. — То послалъ Пафнутій ихъ желѣзомъ побивать, каждой изъ нихъ по 77 ранъ давать.—„Св. Пафнутій, помилуй насъ! Кто твою заповѣдь будетъ знать, то мы отъ того человѣка отойдемъ прочь въ дальній край.—И во вѣки вѣковъ. Аминь“ ²⁾.

„По край моря стоятъ столпъ каменный, на томъ столпѣ св. великій Исай. И возмутися море, и стаха на морѣ волны, и изыдоша 12 женъ простоволосыхъ. И впроси ихъ св. в. Исай: „Что есте вы за жены?“ — „Мы жены-трясавицы вышли мучить родъ человѣческій: кто заутреню просыпаетъ въ середу и въ пятокъ блудъ творить, и во дни Богородицы нечистъ ходитъ,—и того человѣка мы имамъ мучити довольно“. — Св. в. Исай помолися Господу Богу, и посла Господь Богъ 4 евангели-

¹⁾ Овсянниковъ, „Загов. противъ лихор.“

²⁾ См. „Курск. Губ. Вѣдом.“ за 1898 г., № 14-й и перепечатку въ „Этнографич. Обзорѣніи, 1898 г., № 2-й, с. 152—3.

стовъ: Л., Мр., М. и І. Б., и они начаша бить тѣхъ женъ дубцами желѣзными и даша имъ по 3 тысячи разовъ и по 3 тысячи ударовъ. Онѣ же окаянницы возопиша: „Уже вы насъ не бейте, намъ милость свою покажите! Въ коемъ градѣ или въ коемъ родѣ имена ваша прославляютъ, и того града и того рода мы за семь поприщъ и за три дня будемъ бѣгать“. — И вопросиша ихъ св. в. Исай и 4 евангелиста: „Что суть имена ваши?“ — Имена наши суть: Обыдея, Блудея, Ломота, Харкота, Хрипота, Пукота, Желтуха, Глухота, Сухота, Тресея, Невѣя, Грѣста и всѣмъ сестрамъ старѣйшая, что повелѣла отсѣщи главу Іоанну Предтечѣ“. — Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй раба (в. рабу) своего N.! Славу Отцу... Аминь¹⁾.

„Закливаю васъ, нечистыхъ духовъ и трясавицъ всемогущимъ Богомъ О. и С. и Св. Д., отыдите отъ меня р. Б. имарека въ мѣсто пусто и безводно, идѣже Господь не присѣщаетъ, и болѣе меня не мучите окаянныя: Тресея, Огnea, Глядея, Авваркуша, Храпуша, Пухлея, Желтея, Авея, Хамяя, Нѣмея, Глухоя, Каркуша“²⁾. Эти слова читаются 3 раза, затѣмъ символъ вѣры.

„На горѣ Синайской, подъ дубомъ Мавританскимъ стояли свв. отцы, архангелы и ангелы: Михаилъ, Урииль, и Гаврииль, и четыре евангелиста: Іоаннъ, Матѣей, Марка и Лува, и Филиппъ и Косьма и Даміанъ. Тутъ вышли къ нимъ изъ моря семь женъ, растрепаны власы. Свв. отцы вопросиша: „Что за жены и куда вы идете?“ — Онѣ же отвѣщаша: „Мы жены трясавицы, дочери царя Ирода, идемъ христіянъ мучити: огнемъ палити, мразомъ знобити и кости ихъ ломити, а имена наши: Лилія, Навія, Христина, Ежоя, Хулія, Мидія, Невунія, Огненная и Злѣйшая“. — Свв. отцы биша ихъ прутьями желѣзными, даша имъ по три стороны бѣжати и заповѣдаша къ христіаномъ ходити. „О проклятіи жены трясавицы и дочери не-

¹⁾ А. Соколовъ, „Матеріалы“ (въ „Трудахъ И. О. А. И. Э. при И. Каз. Унив.“, т. X, в. 3-й), с. 337-я.

²⁾ *ib.*, в. I, с. 117.

честиваго царя Ирода, не можете вы ни единаго дня, ни единаго часа пребывать, и бѣгите отъ р. Б. Н. за три дня и въ слѣдъ свой не озирайтесь; не можете вы, проклятiи прикоснутися къ р. Б. Н. ни въ градѣ, ни въ селѣ, ни въ подворьи, ни въ дорогѣ, ни на встрѣчѣ! Избави, Господи, р. Б. Н. отъ всякія скорби и трясовичныя болѣзни, всегда, понынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь¹⁾.

„Во имя Отца... Аминь! Пречистая Мати, Госпоже! Поможи мнѣ хрибру отмовити р. Б. Н. — Св. архистратигъ Михаилъ-архангелъ! поможи мнѣ хрибру отмовити р. Б. Н. — Св. Патвиця! поможи мнѣ х. о. р. Б. Н. — Стоить дубъ на распутьи; пѣд тим дубомъ стоить архистратигъ Михаилъ архангелъ, з огненимъ мечемъ. Тамъ грядеть тридевать Иродовыхъ дочекъ. К нимъ рече арх. Михаилъ арх: „Куды, тридевать Иродовы дочки, грядете?“ — Грядемо ми до р. Б. Н., его червонои крѣви розжигати, его костей ламати, его сердце нудити: есть в р. Б. Н. тридевать жрюгѣвъ желѣзних, тридевать прутѣвъ желѣзних; буде вас на т. к. ж. кидати, буде на вас т. прутѣвъ ж. збивати. Пѣдѣтъ собѣ на сухи лѣса, на пустii поля, где люди не заходятъ, где и людскiй гласъ не заходить. Аминь“ (З. р.)²⁾.

Св. Авксентiй заключаетъ сестеръ-лихорадокъ въ колодець, потомъ выпускаетъ, выпросивъ предварительно помѣщаемый ниже заговоръ отъ нихъ:

„Пресвятая мати Бугуродица, пасаби у моимъ нагавори, абъ чомъ тибѣ буду прасить, буду малить. — Пумяни Госпади отца Аксентiя у царстви нябеснымъ, сатвари яму Госпади царства нябесная, свѣтлыи рай. — Скрутилъ iонъ (= отца Аксентiй) 12 систеръ у калодцы. — Сакрути отъ р. 12 сестеръ-лихарадыкъ (Арину, Польку, Катьку...). Отца Аксентiй, тебе пращу, тебе малю: вышли

¹⁾ Шуровъ, „Знахарство на Руси“, с. 163—4.

²⁾ О. Л., „Заговоръ отъ лихорадки“ („Хибры“) — рукопись XVIII вѣка (въ „Кiевск. Стар.“ 1898 г., I), с. 10—11.

лихарадку на чести зъ кастей, зъ мащей, зъ жилъ и съ
суставыу, изъ буйный главы, изъ ясныхъ вачей. Выходит
вы у пуховыя парины, къ гаспадамъ: тамъ вамъ чай, ках-
вьи и стулья мяккая,—а то я буду прасить отца Аксен-
тїа: загавить васъ у маха, у гвилы балота, гвилы ка-
лоды гладить“¹⁾).

„У горыди, у Пулани,
Стать святая яблынка,
Падъ тэю святэю ябланкаю
Ляжить три листа,
У тыхъ листахъ трехъ апостылыу:
У первымъ листу святога Кузьмъ,
У другомъ листъ святога Михайли,
У третьимъ листъ святога Исимана!
Къ св. ка Исиману
Пришло 12 сястриць-дявиць, разныхъ трисяницъ;
Пришли яны ка св. къ Исиману,
Раздѣтыя, распаясаня.
Св. Исиманъ
У ихъ спрашиваетъ: „Буды вы идете?“
— Мы идемъ у христіанску вѣру,
Идемъ бить-калатить,
Къ смерти варатить,
Штобъ іонъ страдаў-скорбѣу
И смертію вумиръ.
— Св. жа Исиманъ на ихъ жа узсирчаўся;
Аны жа цупугалися
И называли св. Исимана Госпыдамъ:
„Святой Исиманъ-Госпыди,
А не бей ты насъ 12-ми зелѣзными дубинами,
А ня будимъ мы бить-калатить
И къ смерти варатить“.
А св. Исиманъ атвѣщаль:
„Хто будить ету воду патереблять

¹⁾ Добровольскій, В. „Смол. Этн. Сб.“, с. 168-я

Три раза у день,
То удалатся и сакратятца 12 сястриць-дывчиць.
И разныхъ трисяницъ
На вѣки вѣшныя. Аминь¹⁾.

— Снявъ у лошади (для женщины — у „кобылы“) съ передней ноги „дичь, самую корачку“, высушить, стереть въ порошокъ, развести водою и, прошептавъ приводимый ниже заговоръ, дать выпить больному.

„Ты лихорадка с....а дочка, Ирадыва ты дочь, пугубила Придтечу Ивана чиризъ сваю пляску,—зрубили яму голыву: но тебе святая галава праклила и паслала питатца кала лѣсу, кала вустоу, кала лошади, кала живы и капытоу... Ты ступай, лихарадка, ать р. Б. Н.,—я тебе высылаю праклятую—ступай ты ни путями, ни дорогами—усе махами и патоками, да кривыми згородами—на ласы на дрямучи,—тамъ ты живи-паживай, да назадъ ни бувай. Питайся ты камарами и машкарою, а только р. Б. Н. астау. Аминь“²⁾.

„На сіянской гори, на брадованьскій земли пидъ Марьяновскимъ дубомъ, тамъ стоитъ два ангелы: архангелъ Гавріиль, архистратигъ Михаилъ; пришло до ихъ 4 апостолы: и Матвій, Лука и Иванъ. Тею путею грядыло 77 дивыць-Йродыць. Взялы апостолы по 70 палыць желѣзныхъ, дали воны имъ по 70 тысячъ ранъ кривавыхъ: не йдять, мыръ и кровь не пьйте, предъ нашимъ Господомъ клялись божылысь; де цю молитву зачумъ, въ домъ не прикоснымось поныни и присно и во вѣки виковъ. Аминь“³⁾. (Читать 3 утра натоцакъ по 9 разъ).

„Сылоу честнаго и животворящаго ереста Господня, молитвами Всепресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и молитвами св. архангела Рафаила и преподобнаго отца Исосимы Соловецкаго, и моли-

¹⁾ *Добровольскій, В. Оп. cit., с. 170—1.*

²⁾ *Иб., с. 172.*

³⁾ *Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 17-й.*

твами свв. 9 мучениковъ, иже въ Кизикѣ чудо сосрѣтоса—двоюнадесять (трясавицъ), и рече имъ св. архангелъ Р—ль: „Что вы окаяннѣйши и како имена ваши?“ — И онѣ окаяннїи отвѣчаста ему: „Мы одинаго отца дщери — царя Ирода, и егда отецъ нашъ Иродъ отсѣче главу Иоанна Предтечи—и тогда земля пожре насъ живыхъ, и прїять насъ къ себѣ сатана; по умертвіи же отца нашего Ирода посла насъ въ мїръ, людей вашихъ мучить, рода человѣческаго. И посемъ намъ всѣмъ имена суть: 1-я — Зябуха, 2 — Гнѣтница, 3 — Плѣтѣя, 4 — Мѣсора, 5 — Шашая, 6 — Чорная, 7 — Тѣнная, 8 — Дидо, 9 — Ладдо, 10 — Олуга, 11 — Утѣха, 12 — Переанда“. И посемъ арх. Р—ль биша ихъ жезломъ немилостивно и даша имъ по тысящи ударовъ; и онѣ окаяннїи рѣкоша ему: „Аще гдѣ будетъ твое имя написано, и мы къ тому человѣку не прикоснемся“. Имя р. Б. Н., такихъ (то) годовъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“¹⁾.

„Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и св. воскресеніе Твое славимъ. — Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ. Спаси Господи и помилуй р. Б. Н. отъ трясавичной болѣзни, — во имя Отца... Духа. Аминь. — Яко съ нами Богъ, — съ р. Б. Н., буди на мнѣ крѣпкая и крестная сила заперта и заключена крестною силою и животворящимъ крестомъ Господнимъ и свв. ангелами: архангеломъ Михаиломъ и Гавріиломъ и молитвами пречистыя Матери и молитвами св. славнаго пророка — Предтечи Крестителя Иоанна и молитвами Артемїя Вернольскаго чудотворца, и молитвами св. Миропачудотворца. Отыдите отъ меня р. Б. Н. проклятыя дванадесять Иродовы дщери: Трасавица, Огневица, Знобѣя, Пералея, Горькуша, Крикуша, Черькота, Пухлѣя, Желтѣя, Дрехлѣя, Дремлѣя (— 12-я не названа —), и не приходите ко мнѣ р. Б. Н. 12 дщерей Иродовыхъ ни по утрамъ, ни въ полдень, ни къ вечеру, ни въ ночь, ни въ полуночь, ни въ...

¹⁾ Тихонравовъ, „Лѣтописи рус. д-ры“, IV, 79—80.

(не разобрано) и во вѣки вѣковъ, аминь (3 р.). Имрекъ дома вѣту — я Василій буду отписывать“ ¹⁾.

„У недѣлю рано, якъ солнце сходило, Христа до Ратуша приведено. Стали его вязати и въ стовпа мордовати. Стоить жидъ, трясеться. „Чого ты, жиде, боишься?“ — Я не боюсь, только въ мене руки и ноги трясуться. Царь Давидъ позагонявъ Иродовы дочки въ каменнѣ горы, ставъ ихъ каменовати и печатовати. Кто те можетъ знати, одъ нынѣ и до вѣку у него не можетъ вона бувати“. (Перечисляя по порядку всѣ извѣстныя женскія имена): „Чи ты N.“ — Тутъ тобѣ не стояты, червоноѣ крови не пити... тряси лугами и очеретами“ ²⁾.

„Св. Михаиле, архистратиге, безплотныхъ силъ воине, ангеловъ начальниче и челоуѣковъ наставниче, стань мени р. Б. N. на помичь! Ты еси знавъ Иродскихъ дочокъ, за камъяны горы ставъ ихъ засылати и ставъ ихъ въ зализо кувати. Кто буде сѣи слова именовати, до вику не буде одъ нихъ напасти мати“ ³⁾.

„Благослови меня Господи раба Василья Исусовы молитвы творити и стихъ проговорити. — Во городѣ, во Ерусалимѣ, во Б. церкви за престоломъ спала Мати Пресв. Богородица, спала-почивала 3 дня и 3 ноци. Не много Ей спалось, много во снѣ Ей видѣлось. — Привидѣлся Ей сонъ страшень и ужасень про Господа Бога и про Сына своего: будто мой Сынъ распяты на горѣ, на лобномъ мѣстѣ злобномъ, на дрѣвѣ кипарисѣ. Руки растящи, ноги прибавши, въ головѣ кедръ возложенъ, сквозь реберьъ копье проложено, бѣги кровь и вода... Въ семь дому чистота... Пойду я р. Б. N. изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, на синее море. На с. м. стоить бѣлый дубъ Маврынскій; подъ тымъ д. Мавронскимъ сидятъ 12 сестеръ Иродовыхъ, всѣ простоволосы. На встрѣчу имъ идетъ батюшка Михаилъ ар-

¹⁾ Тихонравовъ, Ор. cit., с. 80.

²⁾ Ефименко, П. „Сб. мдр. закл.“, с. 11—12.

³⁾ Эвартицкий, „Изъ запис. кн. этн.“

хангелъ и Гавріиль архангелъ и спрашиваютъ: „Что вы за люди?“ — Мы люди Иродовы дочери. — И сталь онъ ихъ батюшка Михаилъ арх. и Гавріиль арх. спрашивать: „Куда идете?“ — Мы идемъ въ міръ кости ломити“ ¹⁾.

Не буду останавливаться на молитвахъ, вошедшихъ въ различные Евхологіи и Требники, — это выходитъ за предѣлы моего изслѣдованія, вращающагося въ кругу произведеній народнаго творчества, а не книжнаго. Конечно и изъ книжныхъ источниковъ многое понадало въ среду народную, но большею частью подвергалось здѣсь своеобразной переработкѣ, видоизмѣняясь подъ вліяніемъ новыхъ творческихъ силъ иногда до неузнаваемости.

Желающихъ ознакомиться съ исторіей развитія врачевальныхъ молитвъ, перешедшихъ къ намъ изъ греческихъ источниковъ и юго-славянскихъ литургическихъ памятниковъ, отсылаю къ интересной книгѣ по этому вопросу А. Алмазова: „Врачевальныя молитвы“. Одесса. 1900 г. — Авторъ пытается прослѣдить исторію развитія этихъ молитвъ, ихъ перехода изъ греческихъ источниковъ въ славянскіе и русскіе требники, вплоть до современныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ, гдѣ, напр., понынѣ сохранилась молитва „на всякъ видъ болѣзни“; а чѣмъ дальше пойдемъ назадъ, въ глубь исторіи, тѣмъ чаще будемъ встрѣчаться съ подобными. Такъ, напр., въ униатскомъ требникѣ 1795 г. встрѣчаемъ „Чинъ лѣченія болѣзнующихъ огневицею: сіе есть фиброу“ ²⁾.

Позволю себѣ привести лишь одинъ образецъ молитвы, заимствованной изъ книжнаго источника, попавшей въ народную среду и еще не переработанной ея жизненными соками.

¹⁾ *Изъ Мамакинъ, „Заговоръ отъ лихорадки, лихоманкой и кумохой въ простонародьи называемой“, (въ „Живой Старинѣ“ за 1892 г., в. 3-й, с. 148-я).*

²⁾ *См. Е. Крымжановскій, „Собраніе сочиненій“, т. I. Кіевъ 1900 г., с. 43-я.*

„Архитонось, рихтонось, токтии, икътиосъ, ѿ тисифе, ѿ еттое, касисе, коситоне, глифенте, сиароуфосе, синиси. Еригосиль, поритестомни, калолистомните, роурестафории, сихаль (3 р.), їс, хс ника. — Михайль, Гаврииль, Оурииль, Рафаиль, Сихаиль, Медохонь, Сисеній, Феѡгни, Роуфа, Антипатре, Феостоуфе, Антимagne, Феѡдотен, Феоума. — Се всѣи свѣтыи, молитъса къ вамъ рабъ божїи(и) імерекъ; да вашим(ми?) молитвами изба(ви)те его ѡтъ ѡдръжащаго недага, ѡтъ проелатои трасавидѣ, въсегда і нынѣ и присно и въ вѣки вѣкѣмъ. Аминь.—Но с Христомъ ѡтъ долѣ (?), заклинаю та, трасавице, Господемъ Нашимъ Ісусъ Христомъ, молитвами свѣтихъ херввимъ, тренецѣтъ, серафими движѣтъса; зачала славы оужасѣтъса. Избѣгни ѡтъ раба Божїа імерекъ, даше нечисти, молитвами пресвѣтыа владычицы нашеа богородица и приснодѣвы Марїа, молитвами свѣтыхъ апостоль, пророкъ, мѣченикъ“¹⁾.

Слѣдя за развитіемъ разнообразныхъ заговоровъ ѡтъ лихорадки, мы можемъ прослѣдить и крайне любопытныя измѣненія въ религіозныхъ взглядахъ, въ міровоззрѣніи русскаго народа. Здѣсь мы встрѣтимся съ лихорадкой и какъ съ живымъ существомъ, вселяющимся въ человѣка и мучающимъ его, — безъ всякаго отношенія къ христіанскимъ воззрѣніямъ. Встрѣтимся, и во многихъ случаяхъ, съ этимъ существомъ, какъ представителемъ темной силы, діавольской, исчадіемъ сатаны, по своему характеру, основному, такъ сказать, тону, стремящимся причинить зло. Натолкнемся и на такіе заговоры, гдѣ лихорадки посылаются, какъ кара за грѣхи людей, за неисполненіе велѣній церкви, забвеніе свѣтыхъ, которые и караютъ за это людей, не чтущихъ ихъ памяти. Видимъ, наконецъ, и такихъ лихорадокъ, которыя вселяются по своей волѣ лишь въ неисполняющихъ обрядовъ и установленій цер-

¹⁾ Смыслу „Отрывокъ млр. травника“, с. 11—12.

кви. Такимъ образомъ лихорадка изъ стихійнаго существа, — съ которымъ человекъ борется всѣми своими силами въ эпоху своего подчиненія природѣ, находясь подъ тяжкимъ ея гнетомъ, — переходитъ, по мѣрѣ просвѣтленія міросозерцанія, въ существо, подчиненное вѣднью свѣтлыхъ силъ, Бога и Его святыхъ, является исполнителемъ ихъ воли и карателемъ человека за грѣхи.

— Такую же, крайне интересную, эволюцію человека по пути отъ мрака къ свѣту, отъ смерти къ жизни, можно прослѣдить и въ другихъ заговорахъ.

ГЛАВА 2-я.

Заговоры отъ сглаза.

Въ близкомъ родствѣ съ лихорадочными болѣзнями стоятъ происходящія отъ „сглаза“, „урока“, „прыстри-та“, „призора очесъ“ и т. п. Вѣра въ такую силу „дурного“ глаза восходитъ въ очень отдаленныя времена языческой древности, но краски ея не полиняли и понынѣ даже у культурныхъ народовъ Запада, — особенно въ Италіи ¹⁾).

¹⁾ Здѣсь вѣра въ порчу глазомъ очень сильна; лучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ нея считаются амулеты въ видѣ роговъ или показываніе пальцами роговъ. Ср., напр., у Бурже въ „Космополисѣ“ слѣдующе мѣсто: „Счастье въ картахъ наканунѣ дуэли — плохой признакъ, очень плохой... — Тѣмъ болѣе плохой, что былъ тутъ *никто...*“ — замѣтилъ Пьетрапетроза, дѣлая пальцами «рожки», ограждающіе отъ *jet-tatura*. Ни за что въ мірѣ онъ не произнесъ бы имени того лица, противъ дурного глаза котораго онъ пускалъ въ ходъ такое средство. Но Чибо понялъ, о комъ рѣчь, и, вынувши изъ кармана панталонъ часы, которые онъ такъ носилъ, по-англійски, на цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ поясу, показалъ между брелоками маленькій рогъ изъ золота. „Я весь вечеръ не выпускалъ его изъ руки“, — сказалъ онъ“ (Въ „Русской Мысли“, 1893 г., кн. III, с. 171—2).

Вѣра эта опирается на глубокіе корни міропониманія, считавшаго глазъ двойникомъ человѣка, сначала въ грубо матеріальномъ смыслѣ, — такъ, напр., *человѣчекъ* въ зрачкѣ принимался за alter ego, позднѣе — за душу обладателя глаза; постепенно это пониманіе одухотворилось, сохраняясь донинѣ въ выраженіяхъ: глаза — зеркало души, въ его глазахъ отражается вся душа его и проч.

Въ современномъ языкѣ, особенно поэтическомъ и народномъ, глазъ надѣленъ множествомъ разнообразныхъ эпитетовъ, сближающихъ его съ живымъ существомъ.

Не удивительно, что менѣе анализирующее, ближе стоящее къ природѣ, пониманіе міра, подмѣчая, какое сильное вліяніе оказываетъ взглядъ человѣка даже на животныхъ (зачаровываетъ змѣй, укрощаетъ дикаго звѣря), приписывало ему самостоятельную жизнь, считало его особымъ существомъ; вселяемымъ въ другое по мановенію злой воли ¹⁾.

Эволюція пониманія этого образа такова: *сглазъ* считаютъ существомъ, надѣленнымъ способностью движенія нѣкоторой степенью своей воли; поэтому къ нему обращаются съ просьбой или приказаніемъ — оставить занимаемое пристанище — тѣло человѣка и удалиться въ мѣста необитаемыя; сначала это достигается силой слова — заговоромъ; позднѣе — обращеніемъ къ божественной помощи, которой исподволь подчиняются всѣ темныя силы,

¹⁾ Ср. у *Крушевскаго*: „Дурное пожеланіе (прозорь, сглазъ, позѣвота, урокъ) и вообще всякая болѣзнь, причина которой сразу не бросается въ глаза, называется у народа порчей.— Порчу производитъ, конечно, существо темное, заговоръ обращается къ болѣе свѣтлой силѣ... Порча — нѣчто матеріальное: отъ нея ставится: «тынь желѣзный, верья булатные на 120 версть»“ („Заговоры“, с. 66). *Jahn* въ „Ueber den Aberglauben des bösen Blicks bei den alten“ тоже приходитъ къ заключенію, что матеріализація „сглаза“ очень распространена.

тяготѣнія надъ челоуѣкомъ въ сумерки его духовной жизни.

„Уроки-урочыща, чоловичи, жиночи, парубочи, дивочи! Идите вы соби на очерета, на болота, у свои миста, де парубокъ огню не креше, де дивка русои косы не чеше, де пивнячый гласъ не заходыть, де витерь вербы не колыше. Пидите соби за витрамы, за дымамы и за темными лисама“¹⁾).

„Уроки-урочыща! булы подумани й погадани, и наслани, й заспани, и вечерни, й прозирни, ночни, й полунични, й свитови, й витряни. Будуть зъ витру и зъ воды и зъ пради. Стала я ихъ вышиптувать и вызывать, и выкыкать, и на густы лиса, и на глыбоки яры одсылать“²⁾).

„Уроки чоловичи, жиночи, парубочи, дивочи, хлопьячи, дивчачи, спытени, зъидени, вызвани, вымовлени, названи, наслани, прозорни! Я васъ вышиптую, я васъ вызываю, я васъ выкыкаю на очерета, на болота одсылаю. Идите соби на очерета, на болота, на свои миста, де витерь не вѣе, де сонце не грѣе, де праведне сонечко сходыть, де людсьый гласъ не заходыть, де люде не хрестяться. — Кома буде сухой дубъ розываться, тоди мольтвяному, хрещеному N. будуть уроки озываться“³⁾).

„Уроки и всѣ банные притки! сойдите съ N. и пойдите на нечистые гады! Будьте вы, мои слова, крѣпки и лѣпки“⁴⁾).

„Сыйди, глаза сѣры,
Буры, кары,

¹⁾ *Милорадовичъ*, „Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ Полт. губ.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1900 г., кн. III, с. 382—3).

²⁾ *Иб.*, 383.

³⁾ *Иб.* §381—2.

⁴⁾ *С. Гуляевъ*, „Этн. очерки Южной Сибири“ (въ „Библ. для чтенія“ 1848 г., т. 90), с. 51.

Надо усими чорный глазъ,
Сыйди уси пирятепы,
Пирясуды, пиригаворы,
Ать старыхъ, ать малыхъ,
Ать вижинатыва, ать перваженца,
Ать другаженца,
Атыйди на етыть часъ,
На ету минуту,
Уси хваробы, уси балъзни,
И съ пальчыкыу, и съ сустаучыкыу
И съ буйнэй галавы,
И съ хрябетный касти,
Ать ретываго сердца¹⁾.

„Уроки водяни, уроки витряни, уроки й подумани, уроки й погадани, уроки спытени, уроки зъидени! Тутъ вамъ не стояты, ии косты не ламаты, тутъ вамъ не ходыты, ии косты не ломыты. Идять соби на очерета, та на велькы болота, де витерь не завивае, де й сонечко не зогривае, де дивка косы не чеше, де парни на улыци не спивають, де дивкы косами не мають—одъ N., рожденной, мольтвяной и хрещеной“²⁾.

„Уроки-врочыща подумани, погадани, истритени, испытени, изъидени, наспивани, насмѣяни, дидовы, бабыны, батьковы, матерыны, чоловичи, жиночи, хлопчачи, дивчачи, понывськы, паламаривськы, цыганськы и жыдовськы! Тутъ вамъ не стояты, за плечыма не знобыты, поперека не ломыты, голинокъ и колинокъ не крутыты, 70 саставивъ не ломыты. Я шепчу васъ, я й вышиптую зъ твоей головы, изъ твоихъ ушей, изъ твоихъ вязей, изъ твоихъ щеленивъ, изъ твоихъ грудей, изъ твоихъ ребиръ, изъ твоихъ рукъ, изъ твоихъ нигъ, изъ твоего хребта, изъ твоего жывота, изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ твоихъ 70 саставъ — вси уроки вышиптую. Я туды цы вроки ссылаю, де еозакъ шаблею не махае, де дивка ко-

¹⁾ *Добровольскій*, „Смолен. этн. сборн.“, с. 174.

²⁾ *Милорадовичъ*, L. c., с. 382.

сою не мае. Нарожденного, мольтвяного, прычащенного р. Б. Н., Господь Мылосердный, на помичъ посылаю!“ ¹⁾

„Прыстрыте и прыстрытыще и врокы и врочыща, витряный и водяной, и подуманный и погаданный и помышлянный и запытанный и зайидянный и прылюбованный и прымылованный и батькивъ и матерынъ, и чоловичый и жиночый и хлопчый и дивчачый и ранний и денный и сутковый и трыдневыи и годовый и лисовый и шляховый! Я тебе вымовляю, я тебе вышепчу: що зъ панивъ, що зъ цыганъ, що зъ жыдивъ, що зъ татаръ, — то я тебе вымовлю, то я тебе вышепчу. Щобъ ты не бувъ въ рукахъ, ни въ ногахъ... очахъ... плечахъ... грудяхъ... жывоти... жовтой кости... червоной крови... сынихъ жылахъ... румяному лыци... веселому сердци у хрещеного, мольтвяного, рожденного р. Б. Н.—Бо тутъ тоби не стояты, часу не теряты, кости не ламаты, крови не розлываты, руса волоса не въялыты, свитлыхъ очей не слыпыты. Пиды соби тыхенько и легенько зъ хаты — зъ дымомъ, а зъ двора — зъ витромъ одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, отъ твоихъ 70 суставивъ. — Вы лисы-лисыща, вы боры-борыща! возьмите соби прыстрытыща и урочыща, занесите йихъ на пуци, на нетри (?) и на сухи лиса, на быстри воды.— Тамъ люде не ходять и куры не поють и тваръ не реве. — А тоби дай Богъ крепистъ и легкисть — не одъ мене, а одъ Самого І. Х. С. Б.— на твои руки, на твои груди, на твой жывить, на твои очы, и на твою кистъ и на твои ноги и на румъяне лыце и на веселе сердце н., м., х. и. Б. Н.“ ²⁾

„Урокы-урочыща! тутъ вамъ не стояты — рукъ не дбираты, пидъ груди не пидступаты, у бокы не шпыгаты, въ чересла не подаваты, -у-поперекъ не рубаты, по жывоту не ходыты, не, знобыты, не тошныты, на очы не наступаты, прозиръ даваты, нарожденному, мольтвяному,

¹⁾ *Милорадовичъ*, Л. с., с. 382.

²⁾ *Ш. Чубинский*, „Труды“, т. I, с. 134—5.

хрещеному рабу ціи прозиры (ср. „приворъ очесъ“) сцилаты, ціи прозиры знычтожаты“¹⁾.

Во имя Отца и Сина и Святаго Духа, аминъ (З р.).
— Урукити, бурукити, да идити ф пугу гору, дегу фтичка ни пеі, дегу чувек не оди“²⁾.

„Фтичка, фжрж пу небѣту, вж устатж си мльаку ноі: Какту сж пржскж мльакуту пубѣлити камжни, тж і да сж пржскжт и на N. уруки сжрцету му, ут свжгатаму и кѡкжлти му; да иджт в пугу гѡри тилилѣіску, дегу пител ни пеі, дегу агни ни блеі, дегу коти не мѣчи, дегу мжгари ни реве. Кўзьмане и Даімене, аз да баіа, виі да цирити“³⁾.

Вотъ заговоры наиболѣе древняго, по типу, происхождения. Этимъ, конечно, не утверждаю, что они древнѣйшіе: они могли образоваться и въ недавнемъ прошломъ (состояніе народнаго міропониманія этому не препятствуетъ), но для жизни ихъ и въ далекомъ прошломъ нѣтъ препятствій: чѣмъ древнѣе по складу своему міровоззрѣніе, тѣмъ привольнѣе въ немъ живется подобному заговору.

Приведу еще нѣсколько заговоровъ этого же вида, а затѣмъ перейду къ ближайшимъ разновидностямъ.

Выломивъ изъ плетня заостренный колышекъ, «бабуся» входитъ къ больному и шепчетъ, покалывая его въ различныхъ мѣстахъ:

„Прыстрить-прыстритыще! Я жъ тебе вызываю, я жъ тебе выкликаю, я жъ тебе выговарюваю изъ твоихъ очей, изъ твоихъ плечей, изъ т. носа, изъ т. рта, изъ т. билого тила! Тутъ тоби не стояты, жовтой кости не лома ты, билого тила не сушыты! Иды соби на очерета, та на болота, де пивни не спивають, де собаки не лають, де дивки косы не мають. Тамъ тоби стояты, тамъ тоби ле-

1) Милорадовичъ, Л. с., с. 383.

2) „Сборникъ за нар. умовъ.“, VIII, 146.

3) Ib., VII, 143—4.

жаты, жовту кисте ломаты, билое тило сушыты. Я жъ те-
бе выкыкаю, я жъ тебе выговарюваю“¹⁾.

Выкачивая свѣжимъ куринымъ яйцомъ по различ-
нымъ частямъ тѣла больного, въ надеждѣ, что болѣзнь
переселится въ это яйцо, говорятъ:

„Прыстрить-прыстритыще, врокы-врочыщи, — изъ ти-
мя, изъ мозгу, изъ выивъ, изъ бривъ, изъ очей, изъ кар-
ка, изъ поперека, изъ слухивъ, изъ вухивъ, изъ пысбивъ,
изъ очей, изъ чоловичкивъ (= зрачковъ), изъ носа, изъ
губивъ, изъ грудый, изъ плечый, изъ асель (= десенъ),
изъ горла, изъ сердца, изъ печинокъ, изъ легкихъ, изъ
жовча, изъ кышокъ, изъ долонивъ, изъ локтивъ, изъ па-
хивъ, изъ колинъ, изъ стопнивъ, изъ передкивъ, изъ всеи
особы, и съ буйной головы... Чи ты чоловичій, чи ты жи-
ночій, чи ты парубочій, чы ты дивочій, чы ты хлопчачій,
чы ты дытячій, чы ты панській, чи ты цыганській, чи ты
жидовській, чи ты собачій, чы ты вольчій, — оставъ, не-
въялы хрещеного, м. р. Б. N.“⁽¹⁾.

„Вызываю прыстрить изъ ёго головы, зъ очей, изъ
рукъ, изъ нигъ, изъ 70 жыль и зъ 70 суставивъ, и вы-
зываю, и выкыкаю: батькивъ и матерынъ, чоловичый
й жыночый, парубочый й дивочый, хлопчачый й малый
дивчачый, витрянный и водяный, полуношный и полуден-
ный, и вечерный и вранишный, и зайиденый и запытанный
и надбанный, подуманный и погаданный и прысланный и на-
сланный одъ лыхыхъ людей и лыхыхъ помысловъ, — иды
соби легенько-тихенько на гныле колоддя, де пивный не
спивають, де гласъ христіанськый не заходе“³⁾.

¹⁾ Д. Эварницкій, „Изъ записн. кн. малорус. этнографа“
(въ „Екатери́н. Губ. Вѣд.“ 1890 г., № 43, в. въ „Этногр. Обзор.“
кн. VI, с. 200). Ср. еще, почти буквально, въ „Новороссійск.
Телегр.“ 1890 г., № 4781.

²⁾ П. Трублавиць, „Крестьянскіе заговоры-врокы“ (изъ
Летичевск. у.)—въ „Подольск. Губ. Вѣд.“ 1868 г., № 16, ч. неоф.

³⁾ В. Ястребовъ, „Матеріалы по этногр. Новоросс. краѣ“
(въ „Лѣтопис. Истор.-филол. Общ. при Имп. Нов. у-тѣ“, т. III).
Одесса, 1894 г., с. 113.

„Полумьяный (?), подуманный, испытанный, изъиденный и заспанный! Я тебе вызываю и выкликаю зъ жылей, зъ крыжей, зъ суставивъ, зъ палцивъ, зъ нигтивъ! Прыстрить чоловичый, жиночый, парубочый, дивочый, хлопчатый и дытячий, батькивъ и матерынь“ ¹⁾).

„Урокъ-урочыще! мужыче, жиноцьке, парубоцьке, дивоцьке, подумане, погадане и стрительне! Я васъ вызываю, выкликаю изъ жылъ, изъ прыжылъ... N.“ ²⁾).

„Уроки, уроки! вы витряни, вы водяни, вы глазни, вы мужыцьки, вы жиноцьки, вы батькови, вы матерни, вы простудни, вы прозирни, вы подумани, вы й погадани, вы парубоцьки, вы й дивоцьки! Я васъ вышиптую, я васъ выкликаю и вызываю зъ ёго N., я васъ высылаю на быстрый огонь, де мали диты, де викна не закрыти: тамъ же вамъ бувати, тамъ же вамъ и гнздо звивати, а въ новорожденного N. въ устахъ не стояти, жовтой кости не ламати, червоной крови не пивати, щирого сердца не вьялити, билого тила не сушити“ ³⁾).

„Первымъ разомъ, добрымъ часомъ прийшла одмолвляты одъ пана р. Б. прыраженіе.— Чы ты прыстрить чоловичый, чи жиночый, чы парубочый, чи дивочый?— Тутъ тоби не буты, тутъ тоби не жыты, червоной крови не пыты, билого тила не вьялыты, червоной крови не пыты, жовтой кости не сушыты. Симдесять ще й шостая стражда. Зъ Божымъ Духомъ“ ⁴⁾).

„Уроки урошныи, пушарешныи и стрѣшныи-пушарешныи, на чомъ вы стали, на чомъ вы пристали? Ни на торный дароги, ни на мягкій постели, ни на питяни, ни на идяни, ай ать злова чилавѣка, нинавистнаго глаза, ать бѣлыга, ать шѣрыга глазу и ать синига глазу и ать

¹⁾ *Комаровъ*, „Нова збирка“. Одесса. 1890 г., с. 113—4.

²⁾ *П. Ивановъ*, „Знахарство, шептаніе и заговоры въ Старобѣльск. и Купянск. у. Харьк. губ.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1885 г., дек., с. 735.

³⁾ *Ив.*, 736.

⁴⁾ *М. Комаровъ*, *Л. с.*, с. 112—3.

бѣлазорыга глаза, ать кривога глазу и ать сляпога глазу, ать бѣкыва волыса, ать русыва волыса, ать чорныга в., ать сивага в., ать рыжига волоса,—атвидится, атваснитесь уроки ать етыва раба-члавѣка, выхидитя изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ... идитя вы за мхи, за балоты, за ржаўцы-патоны! Ни 'трыгатца вамъ ни на маладику, ни на палнатѣ, ни на пирякраи мѣсица, ни на 'сходи витаха" ¹⁾.

„Господзи баслови, Господзи пособи!

Отъ присухъ, отъ недухъ,

Отъ уроковъ, отъ пороковъ,

И двѣнадцати царёвъ,

И 12 королёвъ,

И 12 присухъ,

И 12 недухъ.

И откуда вы прикацилися?

И на что же вы спохвацилися?

Или на радосьцяхъ?

Или на зависьцяхъ?

Или на спорныхъ?

Или на вздорныхъ?

Отъ красныхъ дѣввиць,

Отъ молодыхъ молодиць,

Отъ старыхъ старикоу,

Отъ удалыхъ молодцоу,

И отъ первошонца,

И отъ другошонца,

И отъ чорнаго глаза,

И отъ чорнаго-подзадорнаго,

И съ боку смотрящаго,

Съ боку заходящаго.

Вамъ тутъ не быць, не жыць,

Притки-пристаўки!

¹⁾ В. Добровольскій, „Смоленскій Этнографич. Сборникъ“ (въ XX т. „Запис. Импер. Географ. Общ. по Отдѣл. Этногр.“). С.-Пб. 1891 г., с. 174.

Идзиде вы на мхи, на болота,
 На гнилыя колода,
 На лѣса дремучіе,
 На мѣста топучія.
 Тамъ вашъ родъ-племени,
 Яства сахарныя,
 А рабу N. на здароўя“ ¹⁾.

„Першимъ разомъ, лепшимъ часомъ, поможи мѣ, Господзи, подвіўки зговорици зъ N., зъ гэтаго стану, зъ чорныхъ очей; зъ шырокихъ плечей, зъ синихъ жилъ, зъ жоўтой косьци, зъ румяного лица, зъ чорного волоса. Мо (=можетъ быть) вы подуманные... погаданные... женоцкіе... дцѣвоцкіе... паробадцкіе... свитальныя... змеркальныя... поўночныя... утринныя,— по косьцяхъ дивы не ходзиде, косьцей не ломиде, личка не хмурице. Досюль же вы кололи и пороли, екъ мойго духу не чули, — цепенерь же полюбиде мой духъ: духъ мой легеньки и цѣпленьки. Я жъ васъ прошу, молю, ссылаю и зговораю на сухіе лѣса, на ницья лозы, гдзѣ вѣцерь не вѣе, гдзѣ сонце не грѣе, гдзѣ людзи не ходзюць, гдзѣ пташки не летаюць“ ²⁾.

Во всѣхъ приведенныхъ выше заговорахъ „уроки“ представляются живыми существами, получившими свои имена отъ тѣхъ людей, предметовъ или мѣсть, откуда можно было заполучить эту болѣзнь. Въ воздѣйствіи на болѣзнь это перечисленіе именъ (съ нашей точки — возможныхъ причинъ, источниковъ) болѣзни, для извѣстнаго состоянія міровоззрѣнія, имѣетъ огромное значеніе. Имя человѣка, — и всякаго существа, — его двойникъ; владѣя именованиемъ, можно воздѣйствовать на обладателя его. Отсюда — очень распространенный и понынѣ у различныхъ народовъ обычай скрывать имя новорожденнаго, переименовывать его, особенно — если дѣти часто умирають, т. е. находятся во власти злыхъ духовъ. Такова, думается,

¹⁾ П. Шейнъ, „Матеріалы для изуч. Сѣв.-зап. края“. Т. II. С.-Пб. 1893 г., с. 531—2.

²⁾ Ib., с. 534—5.

основа этого детальнаго перечисленія, къ каковымъ именно „урокамъ“ обращается врачеватель.

Съ этимъ перечисленіемъ мы встрѣтимся еще не разъ и ниже, въ заговорахъ, съ замѣтнымъ вліяніемъ церковности. А теперь обратимся къ такимъ, гдѣ уроки представлены какъ бы въ видѣ предмета, уже неодушевленнаго, находящагося въ тѣлѣ и удаляемаго оттуда при помощи различныхъ существъ, къ которымъ и обращаются съ соотвѣтствующей просьбой или привазианіемъ; иногда лишь разсказывается о воздѣйствіи этихъ существъ на уроки.

„Вылетѣлъ чорный воронъ изъ чорного моря; очи у него червонные, носъ, когти и паногти; отогналъ онъ вроки и вровича отъ Н., стрѣченые и поперечные, мужичіе, женскіе, хлопочіе, дѣвчачіе и всяваго рода“¹⁾.

„Летили сороки, ухватили уроки зъ р. Б. Н., понесли на лиса, на болота. Поты литалы, поки уроки пропалы... Зъ твоихъ рукъ, зъ твоихъ нигъ, зъ твоихъ плечей, зъ карыхъ очей, зъ веселой головы, зъ щирого сердца, зъ увсихъ суставивъ“²⁾.

„Въ чыстимъ поли сыне море. На с. м. стоить чорный явиръ; на ч. я. сыдытъ чорный воронъ, — чорна голова, ч. очи, ч. бровы, ч. кихти, ч. нихти. И винъ крычыть-покрывае, кихтиями-нихтиями погрибае, уроки-урочыща одбирае.— Я знимаю и одбираю зъ хаты дымомъ, зъ двора витромъ.— Идить соби на очерета та на болота, де й куры не ходять, де й дзвонны не дзвонять, де хрестьянськый гласъ не заходьтъ.— Тамъ вамъ пыты й гуляты, й роскошуваты, а тутъ не буты, червоной крови не пыты, жылъ не сушыты“³⁾.

¹⁾ Малорусскія суевѣрія, коимъ мало кто вѣрилъ, собран. 1776 г. (рукопись А. И. Чель) — въ „Кіевск. Старинѣ“, 1892 г., янв., с. 128.

²⁾ П. Ивановъ, „Знах. и шепт.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1885, дек., с. 734. — Ср. Чуб., I, 133.

³⁾ Милорадовичъ, „Народная медицина въ Лубенск. у.“ („Кіевск. Стар.“ 1900, III, с. 381). — Ср. того же автора „Нар. обряды и пѣсни пѣсни“ Луб. у.“, с. 33.

„Ф името на света Божя Маика да иде зечото тамо,
дето петли не пеіат, дето кучета не лаіат, дето пилета
не веджт, дето джрвета не никнат, дето вода не тече,
тамо дето слжнце и месечина негреіат, в пусти гори, в
пусти места и пусти каменаци“ ¹⁾).

„Цржна квачка	Дека куче не лае.
С цржни пилишта,	У пушта гора,
У пушта гора,	У пустелија,
У пустелија,	Цржна квачка,
Дека петел непое,	Цржни пилигита,
Дека вокошка нежца,	Да некопат,
Дека кон не оди,	Да извријат,
Дека магаре не газе,	Да изжцат“ ²⁾).

„Ако е от чолбае,
Ако е от цржни очи,
Да излези прос пржсте,
Да излези прос нехте,
Да са размие, да са размине,
Да му олекне, да оздравее,
Да са избииери, като бисра ода,
Да са очисти, като бисро сребро,
Ако е от вжнкашино,
Да са разнисе по пусти горе,
По пусти планини;
Кжде лжуде нема,
Там да си разнисе,
Там да остане.
Да му улекне, да са очисти,
Да стане като чисто сребро“ ³⁾).

Вотъ еще одинъ вариантъ, гдѣ уроки и уносящія
ихъ „вороны-сороки“ какъ бы отождествляются, смѣши-

¹⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, I, 78—9.

²⁾ Ив., V, 120.

³⁾ Ив., IV, 105.

ваются, — если только не отнести это на счет небрежности въ записи.

„Уроки - урочыща, прыстриты - прыстритыща, сирочи, карыи очи, темныи очи, вымовляю, выговорываю жовты кости, червоныи кости и твоихъ 40 суставивъ, — николю не прыходы. Тьфу, тьфу! — Сорокы-вороны, прылтайте, широко крылами махайте и въ густыхъ лозахъ, по чорныхъ лисахъ, по велыкыхъ берегахъ, по найбильшихъ купывахъ, по найширшихъ очеретахъ, по червоныхъ пискахъ, вышепомянутыхъ мистахъ находиться, а сюды николю не прыходить и не бувайте. Ху, ху, ху!“¹⁾

„У моря калына, подь калыною дивчына. Вона ны знала ни шыты, ни прысты, ни золотомъ вышывати, тилькы умила и знала одь р. Б. урокы и прызоры выкелькаты и вызываты, на сухи лиса насылаты. Урокы и урочыщи, чоловичи, жиночи, дитячи! вамъ, уроки-урочыща, у р. Б. Н. не стоять, жовтой кости не ломыты, горячой крови не пыты, сердца ёго не нудыты, билого лычка не сушыты. Вамъ идты на мхи, на темные луга, на густые очерета, на сухи лиса, куды люды не ходять“²⁾.

„Р. Б. Н.

Встану, благословясь,

Пойду, перекрестясь,

Выйду въ чисто поле,

Въ ч. п., въ океанъ-море.

Въ о. м. стоять черныи островъ,

На томъ ч. о. стоять бѣлыи камень,

На т. к. стоять конь карий,

¹⁾ *E. Rulikowski*, „Zapiski etnograficzne z Ukrainy“ (въ „Zbiór Wiadom.“ III, с. 114. — (Транскрипция русскими буквами). — Ср. почти буквально у *И. Ефименка* „Сборн. малор. заклин.“ М. 1874 г., с. 26:

²⁾ *В. Ястребовъ*, „Матер. по этногр. Новорос. края“ (въ „Лѣтоп. И.-Ф. Общ. при Новор. у-тѣ“, т. III), Одесса 1894 г., с. 56. — Ср. почти буквально *Линденбергъ*, „Нѣсколько заговоровъ“ (въ „Киев. Стар.“ 1894 г., XII, с. 495).

На т. к. каремъ сидитъ красна дѣвица
 Съ острыми ножами, съ саблями, съ рогатинами,
 Выгрызаетъ, закаливаетъ
 Всяки немочи, всяки хворости,
 Все притчи, все призоры
 И вѣтренны переломы.
 Отъ вѣтровъ, отъ вѣхаревъ и отъ всякихъ своихъ
 думъ.

Отъ тридевяти жиль,
 Отъ тридевяти суставовъ,
 Отъ пуца пуцоваго,
 И отъ сердца сердцевого
 Во вѣки вѣковъ. Аминь¹⁾.

— „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Есть славное синее море, есть въ с. с. морѣ синей островъ, есть на с. о-вѣ синей камень, на т. с. к-и сидитъ синей человекъ, у с. человека синей лукъ безтетивной, синяя стрѣла безъ перья. И отстрѣливаетъ синей человекъ синимъ лукомъ безтетивнымъ, синей стрѣлой безъ перья притчи и уроки, переломы и грыжица всякия, надежи и удары, и пострѣлы, всякую нечисть. — Есть славное серебрянное море, на с. м. серебрянный о-въ, на с. о. с-ый камень, на с. к. сидитъ с. человекъ, держитъ с. лукъ, лукъ безтетивный, натягиваетъ с. лукъ, накладываетъ с. стрѣлу безъ перья, отстрѣливаетъ с. лукомъ безтетивнымъ и с. стрѣлою безъ перья притки и призоры, вѣтренные переломы, надежи и пристрѣлы и грыжица. — Есть славное Мугай-море, на М.-м. есть М. о-въ, въ М. о. сидитъ М. птица, прилетаетъ къ р. Б. Н., отдерываетъ ноками, отлевываетъ носомъ, перьями отмахиваетъ притчи и призоры, и уроки, вѣтренные переломы и всякую нечисть. И полетаетъ та Мугай-птица черезъ огненную рѣву, и спорять у р. Б. имрека тыи притчи, при-

¹⁾ *Е. Исполотовъ*, „По горамъ и озерамъ Повѣнецкаго уѣзда“ (въ ж. „Естествознаніе и Географія“ за 1902 г., № 8, с. 17—18.

зоры и уроки, вѣтрыяные перелогы, падежи и пристрѣлы и всякая нечисть. Во вѣкы вѣковъ. Аминь“¹⁾.

„Ас отидох при лев кое мѣиѧ, та ми излева лева брадва, та отидох въ лева гора, та отсекох лево дрѣво, та направих леви бѣжмица, та ѧа напжлних с лево вино, трѣгнах и срезнах лев човек, дадох му та пи, од лево вино зыди испие леви уроки“²⁾.

„Р. Б. N. устаецъ ранешенька, мыецда бялешенька, выходзиць на восточную старону у вароты, изъ варотъ ѱ чыстае поле. На чыстымъ поли рѣка бяжыць, змываецъ травы и карѣння, и камення, и паски вырываецъ и уроки выганяецъ N. и устрѣчныя и папярѣчныя, и радасныя, и зависныя, ать синяга вока, ать шѣрага вока, ать чорнага вока, ать бѣлага вока, ать дзѣвиды касатай, ать младзицы хамлатай и ать женнай, и ать двухженнай, и ать трохженнай, и ать мужчины, и ать женнага, и ать двуженнага, и трохженнага, и ать зубага, и ать бяззубага, и ать двухзубага, и ать трохзубага. Гѣта вадзица царица, ать прыпамянутыхъ уродныхъ памачница“³⁾.

Особенно часто въ видѣ цѣлителя, уносящаго съ собой уроки, является вода, которой, въ разныхъ видахъ, пользуются почти при всякомъ заговорѣ отъ глаза. Здѣсь сошлись оба теченія — языческое, древнее и христіанское, усиливая другъ друга и возвышая значеніе воды, какъ цѣлебнаго начала.

Въ народномъ пониманіи вода *жива*, какъ одушевленное существо: у различныхъ народовъ мы встрѣчаемъ человѣческія имена для источниковъ и рѣкъ, видимъ изображенія ихъ въ видѣ богинь, съ ними говорятъ, съ нимъ и повинѣ обращаются съ просьбой и проч. Въ Новый

1) *Рыбниковъ*, „Пѣсни“, ч. IV. С.-Пб. 1867 г., с. 261.

2) „Сборникъ за народни умотворенія“... I, 79.

3) *Ф. Варенкъ*, „Przyczynek do lecznictwa ludowego“ (цитирую по замѣткѣ *Е. Карскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1900 г., XII, с. 498).

годъ, набиралъ первое ведро (въ Бельгii, напр.), бросають въ колодець щепотку соли и желаютъ „счастливаго года“. Въ заговорахъ нынѣ встрѣтимъ названіе воды тѣмъ или инымъ женскимъ именемъ.

Добрый вечеръ (v. день) водыце-Уляно! Дай мыни урокы-урочыща видшептаты, видигнаты! Пресв. Маты Богородыце. стань мыни на помочи и поможь мыни урокы-урочыща: батьковы, матерыны, чоловичи, жиночы, парубочы, дивочы, хлопячы, дивчачы (— шептаты?). — Урокы-урочыща! вызываю, выкликаю изъ ёго рукъ, изъ его ногъ, очей, плечей, изъ 70 составивъ. Тутъ вамъ не сыдыты, жовтой кости не ламаты, червоной крови не вьялыты, коло сердца не нудыты. Изыйдите на крутыя берега, на жовтыя пискы, видъ хрещеного, мол., рожд. р. Б. N.“¹⁾

„Царица-водзица, — Кацерица, Марина! Омываешъ ты крутые берега, желтые пески, сырые коренья, шерый камень, — омывай, очищай у р. Б. N. на чемъ яму уроцы схватились, на пициньни, на ядзеньни, альбо на гуляньни и на кругованьни или на мягкимъ почиваньни, одъ ясныхъ глазъ и одъ черныхъ бровъ, или одъ беззаконнаго дзѣвичьяго находженья. Будзьця уроцы маленькіе, легонькіе, якъ павлиньни пѣрушки, якъ маково зѣрнушко. Идзиця, бязиця въ чистоя поля, въ цемные лѣса, въ шерые боры. Въ шерыхъ борахъ, въ цѣмныхъ борахъ ёсьць распыкрасны хороши большой лугъ; на широкомъ красивомъ лугу тамъ стоиць ракитовы кустъ; подъ р. к. сѣдзиць маменька, пироги пачець, васъ въ госьци зовѣць, — тамъ вамъ почиванье уроцамъ: по косьцямъ ни ходзиць, касьцей ни ломаць, ретивоя сердце, легкіе печени не сушиць, суставоу не ломаць...“²⁾

Ср. у Чубинскаго названіе воды собственнымъ именемъ святой. „Свята вода Олыяно, очищаешъ лугы и бе-

1) П. Чубинскій, „Труды Этногр. экспед.“. Т. I. С.-Пб. 1872 г., с. 133.

2) П. Шейнъ, „Матеріалы...“. Т. II. С.-Пб. 1893 г., стр. 535—6.

регы и корявня и каминя, очысты, Господы, и твою душу и твое тило, и румьяне лице и веселе сердце нарощденному, м., х. р. Б. Н.“¹⁾).

„Ты земле Тыгяно, а ты вода Уляна, очищала ты корявня и креминья, очищай его сердце и отъ крови, отъ костей, отъ нутра-живота“²⁾).

„Царица-водвица, съ подь утренней зари и съ подь вечерней зари, сѣрый камень обмывала, круты бережки сцирала. Рабъ Б. Н. рукой своей воду брау, рабу N. измывау отъ всякаго глаза, отъ всякаго часа избавляу. Урокамъ по свѣту не ходиць, р. Б. больной не быць. Аминь“³⁾).

„Царица-водвица, красная дзѣвица, вацилася, валилася зъ Йордана-рѣки, омывала, обцисьцала круты берега, било коренье, шерое каменье,— омый, обцисьци р. N. отъ буйной головы, отъ ясныхъ воць, отъ русыхъ кось, отъ румяна лица, отъ редива сердца, отъ хребтовой косьци, отъ еренной цасьци, отъ жилъ, отъ нажилъ, отъ суставау. Уроки и пороки, завистные и радостные, и спереду сустрякая, изъ зъ боку заглядаа, съ заду нагоняа, и старые старики, и молодые молодушки, и дзѣўкинъ сынъ, и дзѣўкина дочь, просцица, благословица р. N. Я васъ посылаю, гдзѣ солнце ня свѣдиць и мѣсяць ня блеснець, ў мхи-болота, гнилыя колоды;— не сама собой,— Господней могутой, Сусомъ Хрестомъ, Матерью Прицистой. Аминь“⁴⁾).

„Вадица, красная красавица! Хто етъю вадицью намыитца, избавитца ать 12 причинныхъ ссудныхъ глазоу... (—Обращаясь къ Богородиць и Зорямъ Марьѣ, Дарьѣ, Марей...—), Утишитя, сакратитя ать 12 причинныхъ и ать чародѣйскихъ и ать асудныхъ глазоу — ать сѣрыхъ, ать бѣлыхъ и ать красныхъ. Што ни юсть на

¹⁾ П. Чубинскій, „Труды“, т. I, с. 135.

²⁾ П. Иванювъ, „Знахарство“, с. 733.

³⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 533.

⁴⁾ Ib., с. 534.

свѣтъ глаза, — усѣ утишитя, сократитя и избаўтя N. — укратитя у яго ў нутрѣ, у живатѣ и ў кастяхъ, и ва ўсѣхъ тѣлесахъ, ува ўсимъ яго сердца..“¹⁾

„Помогаешь бо, вода явленная, очищаешь ты, вода явленная, и луга и берега и середину! Очищай ты, вода явленная, моего нарожденного отъ призора подумана и погадана, и встрѣчена, и водяного, и вѣтряного, и живноцька и мужицька, и парубоцька, и дивоцька. Подити, вы, уроки, на сороки, на луга, на очерета, на болота, за моря“²⁾.

„Ключь-свѣча съ край свѣта выходилъ, круты берега вырывалъ, жолтый песокъ вымывалъ, — у р. Б. суроцы умывалъ съ буйной галавы, зъ русыхъ бравей, съ ясныхъ ачей, съ румныга лица, съ ретивага сердца, съ бялыхъ рукъ, съ барзыхъ нохъ, съ шины, изъ сяредины, съ нальцеў, съ суставыў, — суроца зависная, радосная, падуманая, паглядная, денная, полуденная, нашная, пулунашная, вятохаваая, маладиковая! Па сичасъ, па сию минуту мнѣ свѣтъ свитаить, заря заряить, мѣсиць ўсходить. — Какъ ня будить вѣку канца, у р. Б. N. ни бывать суроцамъ па сій часъ, па сию минуту“³⁾.

Послѣдній варіантъ уже приближается къ тѣмъ, въ которыхъ выдвигается на первый планъ сравненіе, какъ сила слова, непосредственно воздѣйствующая, — куда и переносится центръ тяжести.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому типу, я остановлюсь на трехъ варіантахъ, стоящихъ нѣсколько особнякомъ.

(Кладуть въ сосудъ съ непочатой водой тридевять углей):

¹⁾ *Добровольскій*, „Смоленскій Этн. сборн.“, с. 173. — Ср. *ib.*, с. 179. (обращеніе къ водѣ).

²⁾ *В. Пассекъ*, „Очерки Россіи“, кн. II. М. 1840, с. 19—20. Ср. *Чубинскій*, „Труды“, I, 132). (Почти буквально). — То же у *Ефименка* въ „Сборн. малорос. закл.“. М. 1874 г.. с. 27.

³⁾ *Добровольскій*, „Смоленск. Этногр. сборн.“, с. 177.

„День добрый тоби! У мене дивка, а у тебе парубокъ: посватаймось, побратаймось. Тутъ тоби не стоять, жовтои кости не ламаты, червонои крови не томыты, щирого сердца не нудыты. — Дубе, дубе, нельне (?), я тебе зьбимъ зъ гиллямъ зо всимъ,— гамъ! Уроки-урочыща, пидить соби на луга, на лиса дримучыи, на стени степенучыи, де гласъ чоловичый не заходыть, де пивни не спивають, — пойды соби болисть очная“ ¹⁾. — Быть можетъ, это одинъ изъ древнѣйшихъ по типу образцовъ, гдѣ отношенія челоуѣка (шептухи) и болѣзни (урока) равноправныя, вполнѣ челоуѣкообразныя.

Въ слѣдующемъ заговорѣ сглазъ дѣлится какъ вещь между какими-то тремя братьями.

„Було соби тры браты, шлы соби широкою дорогою, найшлы соби рукавыци-ваганыци и врокы. Пийшлы въ свитлыцю, силы на скамныцю и стали подилятыся: одному рукавыци, другому—ваганыци, а третѣму—врокы подуманы, погаданы, батьковы, матерыны, сиры очи дивочы, хлопчачи и дивочы. Тутъ вамъ не буты, червонои крови не въялыты, сердце не сушыты; идить же соби на очерета та на болота и на велькыи пуци, де пивень не спива, де чоловичый голосъ не заходе“ ²⁾.

Послѣднй вариантъ изъ стоящихъ особнякомъ таковъ:

„Иду мѣжъ миръ муромъ мурованная, а зорями одягненная, мѣсяцемъ пѣдперезанная, пречистая моя тварь, щобъ мѣнѣ р. б. Н. весь миръ радъ. — Я до васъ съ перцемъ та зъ паскою, а вы до мене зъ щирымъ сердцемъ та зъ ласкою, до н., м., хрещ. р. Б. Н., щобъ вы не задумалы, не загадали лыхого слова сказать и подумать“ ³⁾.

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, 132—3. — Ср. почти буквально у Ефименка „Сборн. малорос. закл.“. М. 1874 г., с. 27—8.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 132.

³⁾ П. Ефименко, „Сборн. малор. заклинаний“. М. 1874 г., с. 25. — Ср. (буквально) у Чубинскаго, „Труды“, I, с. 132.

Сравненіе — это основной приѣмъ мысли человѣческой, вырабатываемый въ довольно позднее время, послѣ сопоставленія двухъ или нѣсколькихъ предметовъ в. явленій и продолжительнаго наблюденія надъ ихъ жизнью рядомъ; — это выводъ, умоваключеніе изъ такого ряда предварительныхъ психическихъ процессовъ. Съ различными фазами его мы и столенемся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Наиболѣе рельефные по формѣ тѣ, въ которыхъ союзы сравненія на лицо.

„Якъ навѣдлѣгъ рукою не робыты, такъ моему лицу й тѣлу вѣдъ ныкого не болѣты. — Якъ неба й земли намъ не мѣрять, такъ и мене не врокувати“¹⁾.

„Уробы-урочещя,
Престриты-п-ыщя!
Хоть най будуть уробы чоловичи,
Х. н. б. у. жиночи;
Х. н. б. у. парубочи,
Х. н. б. у. хлопячи,
Х. н. б. у. дивочи,
Х. н. б. у. дивчачи,
Абы зныдили,
Якъ ныдѣ виск на вогни,
Пина на води,
Роса на трави,
Такъ абы зныдили
Вид чистого,
Молытвяного
Хрещеного Н.“²⁾

„Всталъ я р. Б. Н. благословлясь, пошелъ перекрестяся изъ хаты дверьми, изъ двери воротами, да вышелъ

¹⁾ Ів., 28.

²⁾ *Лопачевскій*, „Сборн. пѣсенъ Буковинск. нар.“. Кіевъ 1875 г., с. 106—7.

въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ есть сине море, на тымъ с. м. тихая заводь, на той в. тихій плаваеъ сѣрый гоголь. На т. с. гоголь не держится ни вода, ни роса,— такъ на р. Б. не держались бы ни уроки, ни призоры, ни лихіе заговоры, ни вѣтрены пристрѣлы, ни ночные переполохи. Во вѣки вѣковъ. Аминь“ ¹⁾).

„Заговариваю я р. Б. Н. отъ стрѣшни, и поперешни, отъ озѣвица, отъ притки, отъ приткиной матери, отъ чернаго рыжаго, черемнаго, завидливаго, урочливаго, прикошливаго (= бросающаго нескромныя взгляды на женщину), отъ глаза сѣраго, чернаго, отъ двоезубаго, отъ троезубаго, отъ двоеженца, отъ троеженца. — Какъ заря Амнитрія переходила и потухала, такъ и изъ р. Б. Н. всякіе недуги напущенные исходили бы и потухали. — Какъ изъ булату, изъ синяго укладу камнемъ огонь выбиваютъ, такъ бы и изъ р. Б. Н. всѣ недуги и порчи словами моими выбивало. — Ты притка, приткина мать, болѣсти, призоръ очесъ! подите прочь отъ р. Б. Н. въ темныя лѣса, на сухія дерева, гдѣ народъ не ходитъ, скотъ не бродитъ, птица не летаетъ, звѣрье не рыщетъ. — Соломонида бабушка, Христоправушка, Христа мыла, правила, намъ окатыши оставила. — Запираю заговоръ свой тридевятью тремя замками, т. т. ключами, и слова мои крѣиче кремня, острѣе булату. Аминь“ ²⁾).

„Пролетеше беле јаребице, и пронеше беле млеко: из камена синају, из камена расинају. Сама рука другој рукав везе; сама сикира уроке сече; да се растворе уроци, као челе по цвету, као лој по угљену, као пена по

¹⁾ В. Ястребовъ, „Матеріалы по этногр. Новорос. края“. Од. 1899 г., с. 54.—Ср. буквально въ „Труд. Моск. этн. общ.“, кн. V, в. 2-й. М. 1878 г., с. 217. Ср. тамъ же на с. 218 конецъ заговора, подъ № 99: ...„Какъ съ гоголя вода катится, такъ и съ ней р. Б. Н.—уроки и призоры, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“. (Изъ дѣла 1714 года).

²⁾ Г. Верещанинъ, „О народн. средствахъ врачеванія въ связи съ повѣрьями“ (Вятск. губ., Сарапульск. у.) въ „Этногр. Обзор.“ 1898 г., кн. 3-я (XXXVIII-н), с. 148—9.

мутной воды; воду ћемо прегазити, уроки ћемо утопити: да увену, да усахну, да се више не појаве“ ¹⁾.

„На мори на кјани сјдзидь старушка на камяни зъ вогнивомъ, съ кремьяномъ; суроцы-уроцы отсќкала-отбирала и на мбря отсылала. — Водица-царица! якъ ты латырь-камень разбивала, ницыя лозы подмывала, такъ етому молодзенцу помощи давай, отъ уроцы музќкѣя, жен-сќкїя, ребяччїя, дзявоччїя...“ ²⁾.

„Первымъ разомъ, добрымъ часомъ.—За синимъ моремъ, за ширымъ боромъ, стоиць зялћзныѣ тынъ, подъ тымъ тыномъ рассыпанъ чорныѣ макъ. Якъ того маку никто не собираецъ, такъ р. Б. никто не ўрачець. А-минь“ ³⁾.

„Господи Боже благослови! Вода-водица, красная дѣ-вица, какъ течешъ, омываешъ красны бережочки, желтыя песочки, пенья и коренья, частыя пустовья и бѣлы ка-менья, такъ омой у р. Б. Н. притчи и уроки и моноко-сы и оговоры, вѣтряны переломы, изъ лицъ и изъ косицъ и изъ ясныхъ очей и изъ черныхъ бровей, изъ бѣлаго тѣла и изъ ретиваго сердца, изъ рѣзвыхъ ногъ и изъ бѣ-лыхъ рукъ. — Ключъ и замокъ словамъ моимъ“ ⁴⁾.

„Господу Богу помолюся, Прачистуй-Святой Мацеры поклонюся. — Якъ няжывумъ ня вставаць, вина кубкоу ня упиваць, такъ Н. урокоу ня маць.—Вы сороки-воро-ны хватайце уроки и прыстрѣки, насыце по цемнымъ лѣ-самъ, по частымъ кустамъ, — прыцешныя, прысмѣшныя, прыдуманы, прымоуляныя, прыговорныя, прышиваныя, пры-ѣданыя, поповсќкїе, пансќкїе, жыдоўсќкїе, цыгансќкїе, муж-чыньсќкїе, хлопоцќкїе, жаноцќкїе, дзявоцќкїе: поповскїе —

¹⁾ *М. Милићевичъ*, „Живот срба селака“ (Гласник ерпског ученог друштва, кн. 37). У Београди 1873 г., с. 147—8.

²⁾ *Е. Романовъ*, „Бѣлорусск. сборн.“. В. V. Вит. 1891 г., с. 149.

³⁾ *Иб.*, 147.

⁴⁾ „Труды Московск. Этногр. Общ.“, кн. V, в. 2-й. М. 1878 г., с. 217.

подъ рызами, паньськїе — подъ плащомъ, мужыцкїе —
подъ шапкою, хлопцкїе — подъ оченкомъ, дзявоцкїе —
подъ платкомъ“¹⁾).

„Отговариваю N. отъ колдуна и колдуницы, отъ чернаго и черемнаго (= рызаго), отъ бѣлаго и русаго, отъ дѣвви самокрутки, отъ бабы простоволоски.—И какъ никто не можетъ своего носа да глаза откусить, такъ же бы не могли изурочить и испортить N., и не могло бы заразить его вѣтроносное язво.—Будьте мои слова крѣпки и лѣпки, и будьте мои слова единокупно, не въ договорѣ и переговорѣ; тѣмъ моимъ словамъ губы да зубы — замокъ, языкъ мой—ключъ. — И брошуя ключъ въ море; останься замокъ въ ротѣ. Бросилъ я ключъ въ синее море, и щука-бѣлуга подходила, ключъ подхватила, въ морскую глубину ушла и ключъ унесла“²⁾).

„Пржгвалє са чѹдни бра, чѹдни-почѹдени.

Узєлє чѹдни секирє, чѹдни-почѹдени,

Очєлє ф чѹдна гора,...

Насєклє чѹдни дѣрвета,...

Заградилє чѹдна страга,...

Накаралє чѹдно стадо,...

Надоилє чѹдно млєко,...

Надоилє го ф чѹдни ведра,...

Прецадилє го ф чѹдни чебри,...

Подсилєлє го ф чѹдно сирєнє,...

Сабралє го ф чѹдни цєдила,

Разрєзалє го с чѹдно нѹжє,...

Чѹдно нѹжє чернѹчирєнчє,...

Разнєлє го на дєвєт страни.

Да сє разнєсат почѹдишита N.:

Като прах по пат,

Като магла по Дунаф,

Като жени от черкова,

¹⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, т. II, с. 535.

²⁾ С. Гуляевъ, „Этногр. очерки Южной Сибири“ (въ „Библ. для Чтенія“, 1848 г., т. 90), с. 51.

Като маже от берии,
Като невести от оро,
Като моми от белилкъя,
Като булки от банъа“¹⁾.

„Урокъ седи под клепало,
Урочица надъ клепало,
Сковна урокъ, та фана урочица
За червени калци;
Урочица му се молеше:
„Пушти ме, уроче, жив да си!
Ја къу да се растура,
Като жени низ църква,
Като прах по пат
Та къу да отида в пусти гори,
Дека сжлице не грее,
Дека ветар не духа,
Дека петел не пее,
Дека куче не лае,
Дека овци не блеіат,
Дека вози не врештат“²⁾.

„Турчинъ ходи изъ село, в решето носи урехи;
сжнж сж турчин, ржзснжжж сж урехи; какту сж ржз-
снжжж урехити, тжі да сж ржзснжт и уроки ту на ди-
тету. Аку гу урчасжлж жина, да и улетъж кусжтж; ако
е мжж, да му улетъж мждо-ту“³⁾.

Въ иныхъ заговорахъ форма сравненія не такъ ясно
выражена: то одинъ изъ союзовъ опущень, то нѣтъ обо-
ихъ, а сравненіе выражается при помощи одного и того
же сказуемаго въ сравниваемыхъ предложеніяхъ, то срав-
неніе получаетъ видъ отрицанія или условія, при кото-

¹⁾ „Сборник за народни умотворения“, кн. V, С. 1891 г.,
с. 116.

²⁾ Ib., с. 155—6.

³⁾ Ib., с. 156.

ромъ давное дѣйствіе или явленіе невозможно, но все-же основа ихъ — вѣра въ мощь слова — налицо.

„Уроки-урочыща, прыстриты-прыстритыща! Хоть най будутъ уроки чоловичи, х. н. б. живочи, х. н. б. парубочи, х. н. б. хлопчачі, х. н. б. дивочи, х. н. б. дивчачи, — абы зныдили, якъ нудіе воскъ на вогни, пина на води, роса на трави, — витъ хрещеного“ ¹⁾.

„Ночна-ночныця, пансьеа прывитниця! замыкаешъ ты церкви, города, вси палаты, вси прыпалаты, — замкны (мій двиръ) всимъ врагамъ и звирамъ и видьмамъ, и одъ северныхъ глазъ, — отъ моего двора, отъ мого осла, отъ мого скота, отъ мого близняго кумыра. Аминь“ ²⁾.

„Голубые глаза, зеленые глаза, черные глаза изурочили. Урокъ! если ты можешъ произрасти новые листья на деревѣ, упавшемъ въ полѣ и сгнившемъ, то урочь. Есть 77 птицъ: поцѣлуй у всѣхъ этихъ птицъ всѣхъ дѣтей, и тогда урочь. Есть 77 муравьиныхъ гнѣздъ: когда у всѣхъ муравьевъ перецѣлуешь дѣтей, тогда урочь. На небѣ играетъ Кылчинъ-Инмаръ, играетъ съ золотымъ шаромъ въ рукахъ: если ты можешъ выбросить изъ рукъ Кылчинъ-Инмара этотъ шаръ, то урочь“ ³⁾.

„До тѣхъ поръ, пока ты не вынешъ у чернаго тетерева почки, до тѣхъ поръ я не дамъ тебѣ на съѣденіе. — Когда ты у 1000 медвѣдей когти обратишь въ одно, тогда только можешъ урочить его. — Когда водяную траву и когда земную траву можешъ срастить, тогда можешъ

¹⁾ *Г. Курцзанко*, „*Volksmedicin*“ [въ „*Am-Ur-Quell*“ — („*Monatschr. f. Volksmed.*“) В. II. 1891], с. 63. (Передаю русскими буквами).

²⁾ *Г. Коваленко*, „Къ народн. медиц. малорус.“ (въ „*Этн. Обзор.*“, кн. XI, 1891 г.), с. 177.

³⁾ *П. Богаевскій*, „Очерки религиозныхъ представленій вотяковъ“ (въ „*Этн. Обзор.*“, кн. IV, с. 125—6). — Ср. буквально у *В. Михайловскаго*, „*Шаманство*“ (въ „*Трудахъ Этн. Отд. О. Л. Е. А. и Э.*“ за 1892 г., с. 112).

этого чловѣка урочить. Всего этого ты не сдѣлалъ еще, а потому оставь эту жертву“¹⁾).

Съ тѣми же пріемами мысли мы встрѣтимся еще много разъ, перейдя къ заговорамъ, въ которые исподволь, сначала лишь механически, а потомъ и органически, вростаетъ элементъ церковно-религіозный, приближая постепенно заговоры къ формѣ молитвы.

Старинныя, древнія формы заговора въ болѣе позднее время постепенно прилаживались къ новому міропониманію сначала такъ, что привнесеніе новаго составляло нѣчто выѣшнее по отношенію къ старой основѣ. Имена Божьи и имена различныхъ святыхъ приставлялись къ старому заговору, не оказывая вліянія на его содержаніе.

„Господы мылостывый, святи отци-угодныкы: печерськи, ахтырськи, манастырськи, станьте мени въ помочи одъ Н. очей и одъ ёго головы, и одъ ёго жовтыхъ костей.—Уроки-урочница! тутъ вамъ не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не ссаты, а жыль не тягты, а серця не въялыты. Пидить соби на огни, на дыма, на вельми степы; тамъ парубокъ на билимъ кони не йиздыть, дивка косы не чеше. Тамъ вамъ буде пыття, гуляння и хороше маслування“²⁾).

„Поможы мени, Мыколай угодныкъ, и ты, скоропомошныкъ, и ты, Варвара велькомученыця, одъ сихъ урокывъ шептать. — Я ихъ вызываю и выкликаю: чы воны йесть жиночи, чы воны йе чоловичи, чы воны йе хлопьячи, чы воны йесть насланіи, чы воны йесть подумани, чы воны йе погаданіи, чы воны йе заспаніи: Тутъ вамъ не буваты и жовтои кости не ламаты и червонои крови не ссаты. и билого тила не сушыты. Идить соби на гу-

¹⁾ П. Богавскій, *Op. cit.*, с. 126.

²⁾ Милорадовичъ, „Нар. мед. Луб. у.“ (Кіев. Ст., 1900 г., с. 386.

стіи очерета, на глыбоки болота изъ нарожденного, мольтвянаго и хрещеного р. Б. Н.“¹⁾

„Святи кыивски, охтырьский,
Манастырьськи, печерьськи,
Переяславськи, и ты,
Свята п'ятинко,
Простит и помилуйте.
Господи Мылостывый, Сус Хрыстос!
И сам Бог иде р. Б.
Од урокив шпытаты и вышиптуваты,
Видбавляты, вымовляты,
И врокы-врочыщи,
И подумани и погадани,
И витряни, и водяни,
И хлоп'язчи, и дивочи,
Тутъ вамъ не жыты,
Тутъ вамъ не буты,
Червоной крови не пыты,
Жовтойи кости не ламаты,
Веселого сердца не нудыты“²⁾,

„Стань Господзи на помочь, Пресв. Бугуродзица, ангалы на радость. — Водзица-царица, красная дзявица, красная дзявица, прощаница, — просци р. Н. — Заговарюю я урецы и прор'еды, стр'ѣшныи и попарешныи, зависныи и радосныи, жаноц'ии и дзявоц'ии, — ш'ѣрое воко, красное воко, чорное воко, б'ѣлосорое воко и ўсякое воко, и ўсякаго часу и ўсякой годзины. — Идзица вы, ур'еды, на мхи, на болоты, на гнилыи колоды; тамъ вамъ гуляння-красованья, цесовыи вороты, пуховыи п'арины, — а р. Н. на доброе здоровье. — Ты водзица-царица, обмывала крутыи бяражки и жовтыи п'яски, ш'ѣрое каменья и б'ѣлое ко-

¹⁾ *Милорадовичъ*, *Op. cit.*, с. 386.

²⁾ *П. Иваницко*, „Шептанія“ (прилож. къ рефер., помѣщ. въ I т. Трудовъ 3-го Археол. Съѣзда въ Россіи). Кіевъ, 1878, с. 172.—Ср. у *Чубинскаго*, „Труды“, I, 134, вар. i.

ренья, — обмый р. Н. Табѣ на синимъ мори слава. Во
йма ꙗца и Сына и Св. Духа. Аминь“¹⁾).

„Святая Мать Бугуродица Суса Христа порадила,
ни видала ни криви, ни боли, ни якій муки надъ собою.—
Слауна рика Вутя, слауна рика Саламапида выхадила
съ востока, съ биластока и са ўсихъ четырехъ старонъ,
атмывала крутыи бираги, аткрывала жаўты пяски. — Ат-
крый Н. р. атъ чирна глазу и сѣра глазу, сива глазу и
крива глазу, желты глазу и касѣ глазу, и атъ усихъ раз-
ныхъ глазоу.—Сахрани, Госпыди и помилуй р. Б.“²⁾).

„О Господзи Божа богослови, Г. Б. помози! Г. Бо-
гу помолюся и Пряч. Матцы преклонюся. Пряч. Маць
приступая и отъ притчи помочи давая. — Ты жъ царица-
водзипа, прекрасная дзявица, Божкая помошница, водзи-
ца-помошница, усяму свѣту помошница! выпецкала ты зъ
синяго мора, узнималась со мховъ, зъ болотовъ, съ-подъ
крутыхъ беряговъ, размывала ты жовтыя пяски, обмывала
сырое коренья, бѣлое каменья, черное кременья, —
обмый р. Б. притча и шпадча музьское и женьское, хло-
печчая и дѣвоччая и паньское и цыганьское и жидовьское,
и вѣтряное и внутреное и наливное и наговорное и по-
думное и погадное, и отъ усякихъ отъ выплятковъ-чаро-
дзѣйниковъ.—И я выговарюю, вымовляю у р. Б. изъ буй-
ныя головы, изъ ясныхъ вочей, изъ чарныхъ бровей, изъ
рецивогo сэрца, изъ силнаго живота, изъ кощей — изъ
мощей, изъ жилъ—изъ пажиль, и зъ волосу, и зъ голо-
су. И выговарюю, вымовляю, на рѣки, на сутоки ссы-
лаю. На р. на с. ляжыць бѣлый камень, на томъ б. ка-
мяни стояць столы чесовья, што на тыхъ с. скцерьци бя-
лыя, поналиваны кубки винныя, тамъ стояць короваци че-
совыя, на тыхъ к. подушки пуховыя. Тамъ табѣ, притча,
гуляць, жовтыя пяски вымуваць, за столомъ сядзѣць, вин-

1) *Е. Романовъ*, „Бѣлорусскій сборникъ“, в. V, с. 14.

2) *В. Добровольскій*, „Смоленскій Этногр. сборникъ“ (въ
XX т. Зап. Имп. Геогр. Общ. по Отд.). С.-Пб. 1891 г.

ныя чары сопиваць и па часовыхъ корвацяхъ у пуховыхъ подушкахъ дыхаць, а у р. Б. ня бываць“¹⁾).

„Мать Пресв. Б-ца-Востошница, помощи и на помощь приступи! Водица-царица, всему свѣту помошница, какъ смываешь сырое коренье, сѣрое и бѣлое полѣнье, такъ смой и боль у р. Б. Н. нутраную, головную, сердечную, костявую. — Вы же, уроки пререкающія: встрѣчныя, поперечныя, заднія и поглядныя, жалостныя, радостныя, женскія и дѣвицкія, — идите вы на мхи, на балоты, на низкія лозы, гдѣ пѣвуны не плячутъ и гдѣ люди не ходють, — тамъ вамъ курганы и пуляны, а надъ р. Б. Н. нѣтъ споруганья во вѣки вѣковъ“²⁾).

„Уроки-урочыща! я васъ вышиптую, выклькаю, Господа мылосердного на помичъ призываю! Господь зъ помогамы, а я зъ словамы. Я васъ вышиптую, выклькаю зъ очей, зъ плечей, зъ рукъ, зъ нигъ, изъ 70 жыль, изъ румъяного лыца, изъ шырого сердца. Тутъ вамъ не стояты, буйной головоныкы не ламаты, румъяного лыца не палыты, шырого сердца не нудыты, 70 жыль не спрягаты и пидъ серденько не пидпираты. — Покры вы нудылы, покры вы ломылы, покры я Господа Мылосердного на помичъ не прыклькала, Господь зъ помочамы, а я зъ словамы. — Я васъ вышиптую, выклькаю на очерета, на болота вызываю. Идите соби ца очерета, на болота, — тамъ вамъ столы достлани, кубкы поналывани, тамъ вамъ пыты-гуляты и роскочуваты, а отъ нарожденной, м., х. р. Б. Н. уतिकаты“³⁾).

„Господы! помозы мени прыступыты; не я прыступаю: Пречыста Маты Хрыстова — изъ помощью, я — зъ рукамы и зъ Божымы словамы, сватымы мольтвамы Св. Мыколаю, Божый угодныку, скорый помощныку! стань мени на помощи, — нарожденному, м. и хрещ. р. Б. Н. —

1) *Романовъ*, Ор. cit., с. 16.

2) „Могилевскія Губ. Вѣдомости“ за 1890 г., № 46. — Ср. еще *Добровольскій*, „Смол. Сборникъ“, С.-Пб. 1891 г., на с. 175 и 176.

3) *Чубинскій*, „Труды“, т. I, с. 133.

выговорыты, вышептаты, отослаты нарожд., м. и хрещ. р. Б. Н. прыстриты-прыстритыца, урокы-урочыца: чоловичи, жиночи, парубочи, дивочи, хлопьячи, дивчачи, мислишні, сонешні, шляховіи, витрянїи, водяніи, прозирніи, подумани, погадани, прымовлени, прыговорени, сказани, сшытани, извидани.—Покры вы въ голови стоялы, шумъ робылы, червону кровъ шылы, косты ломылы, жылы сушылы, сердце нудылы, печинку въялылы, покы вы кололы, покы вы поролы, колючкамы бралы, у плечахъ стоялы, пидъ груди пидпералы, стыскамы стыскалы, парусы пускалы, жывоты таскалы, — покы я васъ не знавъ, не вышептывавъ, не выкыкавъ, не вызывавъ. А теперъ я васъ знаю, вышептую, выкыкаю, вызываю, Господа небесного на помичъ прызываю.—Поможы мени, Г. н., поможы мени Маты Хрыстова выговорыты, отозваты, вышептаты, отослаты н., м. и х. р. Б. Н. изъ его шумнойи головы, одъ румъяного лыца, одъ цырого сердца, скорыхъ глазей, изъ въязей, изъ плечей, изъ грудей, изъ реберь, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ жывотивъ, изъ злытивъ (= пол., чеш. jelita, т. е. внутрен. животъ), зъ понятыхъ бовивъ, одъ костей, одъ моцей, одъ жыль, одъ позжыль, одъ 77 суставъ, одъ опуху, одъ чорной мазкы, одъ болисти, одъ тоскы.—Господь Исусъ Хрыстось помагае, помичъ Свою посылае н., м. и х. р. Б. Н. Аминь“¹⁾.

„Господы мылостывый, вси святїи!

Станьте мени на помочи

Р. Б. Н.,

Нарожденому, молитвьяному, хрещеному.

— Там стояло чорне море,

На чорним мори—чорный дуб,

На ч. д.—чорный чоловик,

И чорна одежа, и чорный тупоръ.

Не йде й дуба затынаты,

¹⁾ *И. Манюсурса*, „Сказки, пословицы и т. п., записан. въ Екатериносл. и Харьк. губб.“, X. 1890 г., с. 152.

Не йде й моря запыняты,
 Иде урокив одпираты (врочыть) —
 Чоловичых, жиночых,
 Парубочых, дивчачых, хлопячых.
 —Витрянїи, водяніи, супротивніи,
 Наслани, наказани, прымовлени!
 И тут вам не стояты,
 Жовтой косты не ламаты,
 Червоной кровы не пыты,—
 Из билого тила, из щырого сердца,
 Из жовтой косты!“¹⁾

„Господы праведный, Господы небесный, стань мени на помочи! Чужи жинкы-баранкы, N. (=больная) — ведмедка: ведмежи лапы, вовчи зубы, соколыни очи. Соколыными очамы не дывлюся (—надывлюся?), ведмежымы лапамы одгребуся, вовчымы зубамы одгрызуся. — Хто що подумавъ и погадавъ, хай ёму самому станется зъ N. наррожденной, м., х., — зъ їи очей, зъ їи плечей, зъ жовтой косты, зъ червоной кровы, зъ русой масты; (зъ) N. наррожденной, м., х. ссылаю, выкылаю на очерета, на болота, де сонце не сходыть, витерь не віе“²⁾.

„Пресв. Богородыце! стань мени на помочи, хрещеному, нар., мол. N. прыстрить вышентаты — водяный, витряный, подуманный — изъ очей, изъ плечей, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ суставивъ.— Не сушы, не вьялы хрещеному, нар. и мол. N. серденька“³⁾.

До сихъ поръ мы встрѣчались съ заговорами, гдѣ молитвенное обращеніе стоитъ особнякомъ, ниже увидимъ, какъ эти церковно-религіозныя начала исподволь внѣдряются въ самый заговоръ, становятся его существенной частью.

¹⁾ П. Иващенко, „Шептанія“. Кіевъ 1878 г., с. 171.

²⁾ Малорадовичъ, „Нар. медиц. въ Луб. у.“ („К. Стар.“ 1900. III, с. 383—4).

³⁾ М. Комаровъ, „Нова збирка“. Од. 1900 г., с. 113.

„Пресв. Вѣе Бѣе! благословы и поможы мени. — Идешъ ты золотымъ мостомъ, зустрічавъ іи Самъ Сусъ Хрыстось и спрашувавъ іи: «Куды жь ты, Матирь Божа, идешъ?»—Иду я до врожденного и до молитвяного, до р. Б., до Н. — уроки одсылаты. — Будуть уроки дидовы и бабыны, и батьковы и матерыны, и мужычи, и хлоптячи, и дивчачи, и нападни, и супротывни, и подумани и погадани, и стритени и спытени, и зъидени, и шляхомъ перейдени, и витромъ пиднесени. — И покы вони знобылы, поты обморокъ у головонькы былы.— И я васъ вызываю; выкликаю, и я васъ одсылаю, де витерь не віе и сонце не гріе и де хрестьянский гласъ не заходе,—одъ Н. головы и одъ наголовы, и одъ ёго сердца, и отъ ёго пасерця, и одъ ёго румяного лыця, и одъ ёго карыхъ очей, и одъ ёго плечей, и одъ ёго рукъ, и одъ ёго нигъ, и одъ ёго пальцивъ, и одъ ёго 70 суставцивъ, и одъ ёго жовтой косты, и одъ червоной крови — не буде его серденька нудыты и червоной крови ссаты.— И я васъ вызываю и выкликаю — идить соби, куды огонь та дымъ, то туды й лышечко зъ нымъ¹⁾. — Произнося заговоръ, раскладывають на „прыпичку“ огонь.

„Господы! поможы одъ прызору шептаты и молитву чытаты.—Отче нашъ...— Вода бигуча, вода котюча, и вода Йорданьска берегы потопыла и лугы поломыла, нарожденому, м., х. Н. уроки отходила. А уроки водяни, витряни и прозирниі. Во вики виковъ. Аминь. — Пресв. Бѣя! великая помошныця, св. Николай угодникъ, скорый помошныкъ, свв. апостолы станьте на помочи, Кїивськи, Охтырськи, Печерськи, Святогорськи, св. Митрофанъ Воронїжскый, великый помошныку, Матерь Божа двохручна, трехручна — поможите, благословите одъ усякои болизни, отъ урокивъ. — Вы врокы врочыща—витряни, супротывни, спытени, ззидыни, мужыцьки, хлопьячи и дивчачи—тутъ вамъ ны стояты, щырого сердца ны тошныты,

¹⁾ Милорадовичъ, „Народная медиц. въ Луб. у.“ (въ „К. Стар., 1900, III, с. 384—5).

жовтои кости ны ломыты, червонои крови не пыты. — Хрыстамы забываю, молитвамы выкликаю, вызываю зъ твоихъ плычей, зъ твоихъ рукъ, зъ твоихъ нигъ, зъ твоихъ пальцивъ, 70 суставцивъ, зъ твоеи головы. — Идить соби, врочкы-врочыци, на очерета, на болота, на гныли колоды, де й витерь не заходе, де й пивни не спивають, де й огни не горять, ладаны не курять, христыяньскій гласъ не заходе. — И во вики виеовъ. Аминь¹⁾.

„Свв. угодныкы Божьи! станьте мыни до помочы. Св. Володымеръ, св. Спасытель, св. о. Мыколай, св. Иванъ Крестытель, св. влѣце Варваро, невестка Хрыстова, и вси святии—Кыевски, Печерскы, Почаевскы, Ерусалымскы, монастырски—станте мыни до помочы. Не мій духъ, — Божій духъ, не моя сыла, — Божая сыла, не моя помичъ, не я ликарка, — самъ Господь ликаръ моиы словамы, моиы молитвамы. — Хрещеному, н., м., наименованному р. Б. Н. прыстрить измовляю изъ головы, изъ очей, изъ плечей, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ всёго тила, изъ жовтои кости, изъ червонои крови. — Тутъ тоби не буты, не жыты, кости не ломыты, билого тила не знобыты. Иды соби на очерета, на болота, та на дримучи лиса, де курячий гласъ не заходыть²⁾“.

Начало приводимаго ниже заговора тожественно съ вар. Чубинскаго до словъ: „не знобыты“. — Дальше — иначе:

...„Прыстрить-прыстритыще, врокъ-врочыще—чоловичый, жиночий и хлопьячий и дивчачый, батькивъ и матерынь, зо всякои птыци, зо всякои планеты, зъ витру, зъ воды, шляховый, испытяный, изъядяный, заспанный, насланный, полуднёвый, пидвечирковый — я тебе замовляю, я тебе зсылаю изъ всехъ жылъ, изъ всехъ суставъ. Розийдыся, разложыся, якъ дымъ по полю, якъ витерьъ по морю, якъ мисяць на неби, якъ зори на неби; розийдыся

¹⁾ „Харьк. Сборникъ“, в. VIII, Харьховъ 1894 г. (Материалы для этногр. изуч. Харьк. губ. I. Старобѣльск. у.), с. 35.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, т. I, с. 134.

ты, маковымъ зерномъ отвотыся.—Тутъ тоби не жыты,—иды соби на очерета... заходыть“¹⁾).

„Господи помилуй (40 разъ). Господи І. Х. С. Б. помилуй насъ грѣшныхъ! Пресв. Бѣа, и заступница, и помощница, заступи и помоли за насъ грѣшныхъ.—Стану и помолясь, стану я перекрестясь, выйду изъ воротъ въ ворота, въ густыя поля, въ зеленые луга, въ океанскія моря. Въ океанскомъ морѣ красная Дѣвица, Мать Пресв. Бѣа Богу молилась—за насъ грѣшныхъ трудилась, шелкову нитку вынимала, коверъ вышивала, р. Н. укрывала отъ великаго врага, отъ всякаго глаза,—отъ темнаго, отъ чернаго, отъ желтаго и отъ краснаго, отъ зеленаго и отъ сѣраго.—Подите притки-уроки въ чистыя поля, въ темныя лѣса, на окіянскія моря, за пень-молоду, за бѣлу березу, гдѣ люди не ходять, гдѣ птицы не летають. Аминь“²⁾. (— Читается 3 раза, причемъ плюють себѣ подъ ногу).

„Шла Пресв. Бѣа, Божая Маты, здыбала та три браты.— „Куды идешъ, Пресв. Бѣе, Б. Маты?“—Иду до порожденного, хр., мол., мыромъ помазаного Н.—прыстрить одмовляты.—Прыстрить и прыстритыще, прыча и прычыще, пидвій и пидвійище, перелякъ и перелячыще, вихоръ и вихрыще, бешыхо и бешыхыще,—зъ чого ты взялось, зъ чого зробылось?—Иду на роздорожье, тамъ на роздорожьи — гныла колода, — тамъ тоби бушоваты, а тутъ не буваты, жовтои кости не ломаты, червонои крови не пыты и билого тила не вѣялыты нарожденного, м., именованного Н.— Въ цимъ не моя помичъ, а Самого Бога, не мій духъ, а Самои Матери Божои“³⁾).

1) „Кіевлянинъ“ (газета, издав. въ Кіевѣ) за 1866 годъ, № 24.

2) „Записки Юрьевск. Сельско-Хозяйств. Общества“ за 1862 г., в. II (М. 1862 г.), с. 40.

3) *E. Kulikowski*, „Zapiski etnograficzne z Ukrainy“ (въ „Zbiór Wiadom.“), III, с. 112—3. (Транскрипція).

„Стоить дубъ, на дубови — каминь, на камини — Божая Мати книгу чытае. Прышовъ до Неи Исусъ Хрыстось: „Маты моя! покынь книгу чытаты, ходимо прыстрита замовляты — ранвишого, полуднёго, вечернёго и пивночного, витряного и водяного, подуманнаго и загаданнаго, запытяного, зайидяного, — тутъ тоби не стояты, жовтой кости не ломаты, червоной крови не псоваты, головы не клопотаты. — Иды соби на мхы, на болота, на муравськый шляхы, гдѣ сирыи вовкы не проходятъ“¹⁾.

„N. срепнѣ пламеница, ломеница, чи гу срепнѣ Свѣжта Мати Бугуродица иму каза: «Нидеі гу ломи, нидеі гу вѣрши, чи і крѣстьяну и миросану, Ристу Богу придадену. Иди ф пусту гори, дету слѣнци ни изгріава, дету гадини ни одѣат. Там и свѣжта врачови и Кузман-Дамьан». — Аку е ут мѣш, да са пукни ф слабинити, аку е ут жинѣ, да са пукни и тѣа ф слабинити“²⁾.

— „Прес поле ми птиче лети. От крыла му пресно млеко капе; та капе по дрѣвье, по каменье, та се каменье изнуцаіа и дрѣвье узпосжнаа. От кого іе N. очи вана; аку іе от жена боски и пукнали; аку іе от мома коси іо паднали. N. у црѣкви отнесоіа, у престоле го турпіа, от уроци му пребаіаа, та му се уроци растуриа“³⁾.

„Ишовъ святый Петро и Павелъ зъ Преч. Бѣю vysokыхъ гиръ ворочаты, внызъ воды спускаты, зъ р. Б. уроевь-прывовокъ зниматы — чоловичихъ й живочыхъ, паробочихъ, дивочыхъ, дитячихъ, витряныхъ, водяныхъ, подуманныхъ и примовленныхъ, — зъ очей варыхъ, зъ очей сынихъ, зъ очей красныхъ, зъ очей билыхъ! — Вы зори-

¹⁾ E. Kulikowski, l. c., s. 112.

²⁾ „Сборн. за народни умотвор.“, VII, 146.

³⁾ Ib., III, 142; Ср. ib. XII, 143.

зореныци, божіи помощныци! я — речю, а вы — помочю“ ¹⁾.

„Въ имя Отца и Сына Св. Духа.—Преч. Маріе, М. Б., и зо всѣми свв. небесными силами! будѣте мнѣ на помочѣ—вроки излѣчити р. Б. Н.—заранишніи, полудешніи, вечерешніи, вчерашніи, муженски и женски, дѣвическіи, младенческіи, материнскіи и чужіи, любовны, залежанній, застарѣлый. Не можете ся умножити, а ни плодити въ его тѣлѣ и въ составѣхъ, или въ главѣ, или въ жылахъ, але мусите ся ножемъ обрѣзовати и водою обмывати и огнемъ обжигати отъ всего тѣла его и отъ всѣхъ жылъ его, отъ всѣхъ костей его. Буди во здравіе р. Б. днесь и заутра, на вѣки вѣкомъ. Аминь“ ²⁾

„Въ имя... Духа. Пресв. М. Б. и вси свв.! станѣте мнѣ на помочи —вроки излѣчити р. Б. Н. — ’Становляю три девятій вроковъ р. Б. Н. въ его тѣлѣ, въ его главѣ, въ его мозгу, въ его ставохъ, въ его костехъ, и въ жылахъ и въ всѣхъ члонкахъ, три девятій вроковъ мужескихъ и женскихъ, хлопячихъ, дивическихъ, заранишнихъ, обѣднихъ полуденныхъ, вечернихъ, заспалыхъ, залежанныхъ, бѣлыхъ очій, сѣрыхъ очій, черныхъ очій, сивихъ очій, ненавистныхъ очій. — Духу Святыи! буди мнѣ на помочи, — раждени три девятій вроковъ въ р. Б. Н. моцію Божію и Преч. Матере Божей моцію и всѣми святыми небесными силами моцію — днесь и завсе и во вѣки вѣкомъ, аминь“ ³⁾.

„Ишовъ Исусъ Хрыстосъ черезъ трыдевать небесъ,— па святу землю ступае, уроки выкылае одъ жовтой кости, одъ билого тила. Ишовъ І. Х. дорогою и ставъ изъ

¹⁾ А. Шлиацкій-Иллчъ, „О заговорахъ“ (въ Чернигов. Губ. Вѣдом.“ 1857 г., № 17, ч. неоф.). — Ср. — буквально — а) у Чубинскаго, „Труды“, I, с. 132 и б) П. Ефименко, „Сб. млр. закл.“, М. 1877 г., с. 26 и 26—7.

²⁾ А. Петровъ, „Угроврусскіе заговоры и заклинанія начала XVIII вѣка“ (въ „Живой Стар.“ 1891 г., в. IV, с. 125—6).

³⁾ Ib., 126.

золотою пальцею стричаты—ставъ уроки збираты зъ твоихъ плечей, зъ твоихъ зловтыхъ костей нарожденного, м. р. Б. Н.“¹⁾).

„Господу Богу помолюся и Преч. Матери поклонюся, и всимъ сыламъ небеснымъ и отцамъ Печерскимъ; стойте мени въ помочъ свв. печерськи Антоній и Θεодосій и вси свв. печерськи, угодныкы Божіи, станьте мени въ помочъ.—Иду я на золотый мистъ. Стрила мене Господня Маты: «Буды ты йдешъ?»—Прыстриту топтаты молитвенному, х. р. Б. Н.—На сынему морю на камени воронъ сыдыть, лапамы розгрибае, хвостомъ розмитае, одъ хрещ. р. Б. всякый прыстрить одганяе“²⁾).

„Богъ надъ землею, Богъ подъ землею. Помылуй, Господы, рабу Н. одъ усихъ бидъ и напастей: одъ скотыны и одъ жывотыны, одъ чорного и одъ билого глазу, одъ червоного и отъ сынего, — на всихъ межахъ и на всихъ рубижжахъ, на всихъ хрестахъ и на всихъ перехрестахъ. Сохрани Господи и помилуй р. Н. отъ ковдуна и ковдуныци... одъ мужыцького и одъ жиноцького глазу, одъ парубоцького и одъ дивчачого“³⁾).

„Заря 'Рина, заря Кацярина, ранняя, вечерняя! Вода-водица, красная дзявица! упрашую, уговарую р. Б. Н. отъ притчи, отъ суроцы, скулы болючай, горючай, съ косцей ломоты, зъ живота сухоты, — упрашую не самъ собою — Господними словесами,— ставъ ты, Господзи, на помочъ, ангалы—на пораду, а Пряч. Маци—помочи давади. — На синимъ мори алатырь-камень, на алат.-камни Пряч. Маць сядзѣла, Исуса Христа держала, Ирданскою

¹⁾ *Милорадовичъ*, „Народн. медиц. въ Луб. уѣздѣ Полт. губ.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1900 г., кн. III, с. 384).

²⁾ *Чубинскій*, „Труды“, I, с. 135—6.

³⁾ *П. Ивановъ*, „Знахарство, шептаніе и заговоры въ Старобѣльск. и Купянск. у. Харьк. губ.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1885 г., дек., с. 735).

водою змывала, сцирала р. Б. Н. отъ притчи, отъ суро-
цы, отъ худого, отъ лихого“¹⁾).

„Господзи баслови... А приснилось Богородницѣ сонъ,
гдѣѣ была прибыла во градѣ Ерусалимѣ и ў церкви со-
борной, — присніўся сонъ: Христа муцали, на кунаресо
древо распинали, буйну голову — обруцемъ, ряцивѣ сер-
ца — копьемъ, а Маць Прячисты родала, на зямлю слѣзу
роняла. — А хто судъ судіў? Святый Кузьма-Дземьянъ и
Петръ и Павелъ. А куда слеза упала? — Усю землю про-
шла, ключеву воду дала. — А хто ту воду пьець — отъ Бо-
га не забыть, у Христа не покинуть и на вогнѣ не сож-
жень и водою не затоплѣнъ, и гадомъ не заѣдзень. —
А вы, притки, присухи отъ красныхъ дзѣвицъ, отъ моло-
дыхъ молодзицъ, отъ вудалыхъ вудальцовъ, и ўси при-
сухи, ўси вяснухи, ўси золотухи отвалицесь, откацицесь
отъ буйной головы, отъ хребетной косьци, отъ жилъ, отъ
пажилъ, и отъ мозогъ и отъ пяценокъ и отъ лещенокъ. —
Не я пособляю, а Маць Прячистая Дзѣва — Ена басло-
вляець, Ена помогаець. Аминь“²⁾).

„Басловъ Бжа! (3 раза). — Ёсь три царочки: первый
царь — земляный, другій царь — ракувъ, третій царь —
вовкувъ. — Якъ етымъ царочкамъ за столикомъ не ся-
дзѣць, хлѣба-соли не зьядаць, такъ етому чкѣ уроцы не
браць. — Не сама собою помагаюсь — св. Михайломъ-Ра-
хайломъ, Божимъ угодничкомъ, помошничкомъ. Помози,
пособи!“³⁾).

„Маць Пресв. Богородзице-Востошница! помози и на
помочь приступи. — Водзица-царица, по ўсякому свѣту
помошница. — Якъ жа ты смываешъ сырое коренья, сѣ-
рое и бѣлое каменья, такъ жа и смой боль у р. Б. сяр-
дешную, грудную, головную (— сэрца уперадъ за ўсяго

¹⁾ *Е. Романовъ*, „Бѣлорусск. сборникъ“, в. V, с. 150.

²⁾ *Шейнтъ*, „Матеріалы“, т. II, с. 532—3.

³⁾ *Романовъ*, „Бѣлорусск. сборникъ“, в. V, с. 15.

зачинаетца отъ плоци—), косьцявую, жильную, и пожильную, и утробную, и ў рукахъ, и ў ногахъ. — Такъ жа вы, уроки прорекаюція, устрѣнныя, поцярешныя, жалостныя, радосныя, заднія и погляднія — идзиця вы на мхи, на болоты, на ниця лозы, дзѣ павуны не паяюць и дзѣ люди ня ходзюць. Тамъ вамъ курганы-погуляны, а надъ р. Б. нема споруганья во вѣки вѣкомъ. Аминь“¹⁾.

„Господу Богу помолимся, Пряч. Маці поклонимся. — И Маць Пряч., стань жа Ты на помочь и выговориць етыя сурѣцы и музскія и женскія. — За горами и за полями ляжиць бѣлы камень; на т. к. сядзиць бѣлы лебедь безъ крылья и безъ перья. — Якъ етому лебедзю дзяцей не водзиць, такъ етымъ сурѣцымъ тутъ ня быць. — Заговарую и замовляю пяць вокъ: одно карое, другое лрое, третья щѣрое, чацьвертое бѣлое, пятое дзясвоччье — сына Н.“²⁾.

„Господу Богу напѣрадъ помолюся и ўсімъ святымъ поклонюся, святымъ святоцкамъ, усимъ годовымъ празничкамъ, большимъ, меньшимъ, кійвскимъ, пачерскимъ, усимъ Русалимскимъ, — станьтя мнѣ на помочь. Отцова молитва, мамкино порожденіе, Господне сотвореніе, батькино-маткино благословення. — Якъ ясному мѣсяцу изъ неба не сходить, такъ рабѣ Божаму тому лиха ня мѣть: и уроковъ и прирововъ — изъ жиль, изъ пажиль, изъ косьтей, изъ можжей, изъ усихъ печаней, изъ буйныя головы, изъ ясныхъ вочей, съ черныхъ зъ бровъ, зъ лица румянаго“³⁾.

„Ходзивъ Господзь по межахъ, збравъ косьци мужчиньскія, жаноцкія, хлопацкія, дзясвочкія, коньскія, коровичяя, овеччія и собаччія, кошаччія и птушаччія. — Ъхавъ Сусъ Х. на восливу, пріяжджавъ къ синяму мору, становивсь на бѣлымъ камяни. — Якъ бѣлъ камянь ничего не боитца, такъ р. Б. не бойся ни хромосьци, ни ломосьци,

1) Романовъ, „Бѣлорус. сборникъ“, в. V, с. 29—30.

2) Ів., 21.

3) Ів. 20.

ни злыхъ людей, ни проклятыхъ вочей, ни чародѣйника, ни ч—ицы, ни ўслѣгаго зла.—Спаси-помилуй св. вота Микола, вяликий чудотвораць“¹⁾,

„Помяни Господзи царя Давыда и ўсю кротось яго, и вяликую памяць яго. Судержавъ царь Д. воду и зямлю и наши грѣшныя души, судержай р. Б. уроцы. Здрастуй, водзица-царица, красная дзявица, рѣка Н.— Каццлася водзица по днямъ, по ночамъ и вячернимъ зарямъ, змывала водзица бѣлое каменя, сѣрое каменя,—змый жа, водзица, уроцы р. Б. Н. зъ жылъ, съ нажилокъ, съ косцей, зъ мозжей, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочъ. На синимъ мори, на лукоморъи, на вострови стоиць дубъ безъ сучковъ, безъ розжковъ, безъ вархушки, безъ макушви; на томъ дубу сядзиць ястребъ безъ коццей, безъ нокцей, и войстраго носа и быстраго крыльля. И якъ у етаго ястреба нема ни коццей, ни нокцей, ни носа, ни крыльля, кабъ такъ у р. Н. уроцы не було.—А нехай уроцы хуваютьца на мхи, на болота и ў гнилѣя колоды. Тамъ имъ гулянья, буянныя, а р. Н. не чепаць“²⁾.

„Помолимся Господу Богу, Прачистой Мадери, усимъ свв. апостоломъ, свв. святочкамъ, годовымъ празьничкамъ: устаньця у помочь и молиця Бога за насъ грѣшныхъ.—Ишла Маць Прач. по калиновомъ мосту, сярэбраной тросьщиной попиралася. Сустракая яе Самъ Господзь Богъ и съ Пятромъ съ Павломъ.—Куды йдзешъ, Маць Прачистая?—Иду къ р. Б. Н. уроки замовляць и заговариваць.—Тридзевяць уроковъ: якій ты урокъ?—Ци ты паньскій, ци цыганьскій, ци жидовскій, ци мушиньскій, ци бабьскій, ци хлопоцкій, ци дзявоцкій, удовцовъ и ўдовинь, и ранній, повдзены и вячерній; ци заглядный, ци подзивный, ци приговорный.—Эй ты, урокъ, якій ты урокъ?—И шла рака крутыми берагами, жовтыми пясками. Якъ быстрой раць не стояци, такъ етому р. Б. уроку не держаци. Унаси ихъ, Господзи, на мхи, на болоты,

¹⁾ Романовъ, „Бѣлорус. сбор.“, в. V, с. 27.

²⁾ Гб., с. 145—6.

на ницья лозы; тамъ имъ побываць, тамъ имъ погуляць, а етому р. Б. повѣвъ вѣшний уроку не дзержаць“ ¹⁾).

„Пойду я р. Б. Н. благословясь и перекрестясь изъ избы въ избу, изъ воротъ въ ворота, подѣ часты звѣзды, подѣ свѣтель мѣсяць, на Кіянъ-море. На кіянъ-морѣ, на влатомѣ престолѣ, сидить самъ Господь, крестомѣ крестить, рукой градить отъ причища, отъ урочища, отъ озевища, отъ стрѣчища и поперечища. Какъ Господь укрѣпляетъ небо и землю, такъ р. Б. Н. (больного), укрѣплю отъ 12 болей, отъ 12 скорбей. Слово мои запираю 77 замками, 77 ключами. Всѣ ключи въ воду бросаються, всѣ боли унимаються. Аминь“ ²⁾).

— „Сжбраа са чудна офчаре

С чудни стада,

С чудни кози,

С чудни магарета,

С чудни котичи

Там намериа

С чудна трева.

Чудни офци,

Чудни магарета.

Чудна трева.

Грабниле са чудни манари.

Заградила чудно тжрло,

Направиа чудни кошари,

Там забраа чудно стада.

Чудни магарета, чудни пцета.

Издоиа чудно млеко,

Сжбраа го в чудни цедила,

Награбиа чудни манари,

Насекоа чудни криваци,

Надигнаа чудни цедила,

¹⁾ *Романовъ*, „Бѣлорусскій сборн.“, в. V, с. 13—14.

²⁾ *Г. Верещалкинъ*, „О народныхъ средствахъ врачеванія въ связи съ повѣрьями“ (въ „Этнограф. Обзор.“ 1898 г., кн. 3 (XXXVIII), с. 149.

С чудни офци,
С чудни пцета,
С чудни чжбри,
Отидава в чудна гора.
Чудно ливагье
Там накараа
Чудни кози
Да си насжт
Отишле са чудни офчаре,
Насекао чудно пжркое,
Чудно тжрло, чудно гжрло.
Чудни кошари, чудни буцаци.
Чудни офци, чудни кози,
Пренесоа чудни чжбри,
Подсириа чудно сиренье,
Станаа чудни офчари,
Отидоа в чудна гора,
Доидоа чудни офчаре,
Турнаа ги на чудна рамжнѣа
Занесоа ги в чудни пжркви, в чудни манастире.
Тамо намериа
Чудни попове, чудни дьяконе,
Чудни цедила с чудно сирены.
Чудни егумене, чудни калугере,
Та расчетоа чудно сиренье,
Като неща по воду,
Като моми по мжже.
Чудни егуменье, чудни калугере,
Растуриа чудни офчаре,
Субраа са
Чудни попове, чудни дьяконе,
Като пра по вжзду,
Като лисѣве по гора,
—Така да се разнесжт

укорите от Н. да излезнут из глава, сжрце, плешки, мишке, крака, пети, очи, уста, нос, ковале и от свека става, па да идат у пуста гора телелеиска, дека нема ни-

какво дявие: нити вол да муча, нити бивол да мука, нити сврака да врека, нити петел да пеие, нити ѝагне да блеи, нити мечка да реви,—там има чесни трапези, сви-лени месалы, ведра кована, чаши сребарни, вино черве-но, бели лебове, печени ѝаганца, там да идете, там да ѝадете, там да пиете, а тува немате работа у N., че е кжрстено, миросано и у цурква носено. Аѝде, уроци, из-лезнете на N. из глава... свека става“ ¹⁾.

„Svatý, svatý, svatý pan Bůg zastupú! Uřkla-li tě panna, pomahej tě sv. Anna; uřkhu-li tě mladenec, pomahej tě sv. Vavřinec: uřkla li tě žena, p. tě sv. Maj-dalena; uřknulo li tě dítě, pomahej mu svaty Vite“ ²⁾.

„Święta Zochfija trzy córecki miała: jedná pracka, drugá swácka—a trzecia po świecie chodzila – urzeki odcyniała. Odcyń ze panienecko i temu cłowiekowi grzeš-nemu. Jeśliś pański urzek — wliś-ze pod warkoc, jeśliś kobiecy urzek—wliś-ze pod chustkę.— Zdrowaś Marya“ (3 paza) ³⁾.

„Święta Otolija trzy córecki miała; jedna prała, druga haftowała, trzecia urzek odcyniała“ ⁴⁾.

„Falsche Augen, die dich sehn, sollen bald zu Grun-de gehn! Schlafen Vater, Mutter dein, sollst du still und ruhig sein! Wasche, wasche nnd gedeih', Gott nur, nie dem Teufel sei“ ⁵⁾.

„Ich beschwer dich mail. Pei dem warn und leben-digen und almaechtigen schnepfer himmelreichs und erd-treichs und aller Wasser u. a. geschepfd die dar ynn sein.

¹⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, XII, 142—3.

²⁾ K. Erben, „Česká zařikadla v nemocech“ (въ „Časopis Musea královstvi českého“, 1860, XXXIV), с. 58.

³⁾ W. Siarkowski, „Materiały do etnografii ludu polskiego z oholie Kielc“ (въ „Zbiór Wiadom.“, III. Krakow. 1878, с. 51.

⁴⁾ „Zb. Wiadom.“, т. IX. Kraków. 1889 г., с. 49.

⁵⁾ H. Wlislöcki, „Volks Glaube u. religiöser Brauch d. Zi-geuner“, 1891 г., с. 71.

Und pei seinen ain geporn sun Jhesum Ch-m und pei dem heiligen geyst. daz du mail und aller smertz und wetag, diser augen verswindet und fuder gest. amen¹⁾.

„Aber beschwer ich dich mail und aller wetag pei dem lebendigen Got + pei dem warn Got + p. d. heiligen Got + pei d. Got ellew dich auz nichte beschaffen bei seinem fron chraeutz, pei der rainichait seiner liben muter sant Marien. daz du mayl foder gest und chainen schaden nicht entüst disem menschen, an seinen augen. Amen“²⁾.

„Herre Vater iesu christ enpfüer diesem menschen ab seinen augen, allen seinen gepresten und allen seinen wetagen von aller seinnen finsterhait wann du mit aynem wort elli dinch wol getün macht. amen. amen“³⁾.

— „Le diable venait d’inventer le tonnerre. Le bon Dieu dit aux premiers hommes: ne craindre rien, chaque fois qu’il devra fonner, je vous prévendrai par un éclair; de sorte qu’en faisant un signe de croix, vous purrez conjurer ce mal nouveau. Voilà pourquoi depuis se temps tout bon chrétien se signe quand un éclair a lui“⁴⁾.

„Молюсь (3 р.) противъ сглазыванія. Издалека ли ты, не издалека ли ты, съ бѣлыми ли, съ черными ли глазами ты, съ красными ли глазами ты; какой бы ты вѣры ни былъ, самъ повреди своей головѣ!—Сдѣлай надъ этимъ благодатное знаменіе креста.—Того, кто повредить, пусть вѣнчаетъ рѣка съ ея бѣлыми камнями; пусть горячіе

¹⁾ A. Schönbach, „Segen“ (извлеч. изъ Мюнх. пергам.) въ „Zeitschr. f. deutsch. Alterthum u. d. Litteratur“, т. XXIV). Berlin. 1880 г. с. 66.

²⁾ Ib. 67.

³⁾ Ib.

⁴⁾ „Mélusine“ (Reç. de myth. lit. popul., tradit. et Usages). Paris, 1878, p. 369.

угли разгребуть на груди у твоего сердца!— Сдѣлай надъ этимъ благодатное знаменіе креста“¹⁾).

— „Мати Марія, бабушка Саломонія на пути-дорози стояла, Христа пиджидала, Христа Небесного, Сына любезного. Стали жидаы Христа распинати, въ руки и ноги гвозди забивати. Изъ него кровь текла, якъ быстра рика. Приходили жоны муриносыци и плакали, и ридали, его слезами обливали, и говорили: на кого ты насъ покидаешъ и оставляешъ?—Я васъ покидаю и оставляю на друга Христова Ивана Богослова!—Спаси и помилуй N. отъ всякого дурного глазу, отъ воды-потопа и одъ звири ядущаго“. (Выливая оставшуюся воду подъ пятаву дверей, добавляють): „Щобъ лыхо такъ крутылось, якъ крутяться двери“²⁾).

„Божя Маты на престоли стояла, молитву читала, по всему свиту розсылала и всимъ православнымъ христіянамъ для помощи посылала.—Спасы, Господы, и помылуй отъ урокаивъ нишнихъ и полуношнихъ, отъ вечирнихъ, денныхъ и полуденныхъ.—Хрестомъ охрещаюся, х. ограждаюся, х. це горе проганяю. Одступыся ты, горе нерадывое, отъ четырехъ головъ храменныхъ... Тутъ есть домъ Божій. Тебе, горе, закълнаты живымъ Богомъ, нѣякой пакосты не сдилаты р. Б. N., на ёму Духъ Святы спочивае, Тройця Свята просвищае.—Во имя Отца и Сына и Св. Д. Аминь. — Царыця Преплаженная, надежна Богородиця, прѣятельщице скорбяции радости, помозы, яко немоцна накормы, яко странна бида пса разлушы; яко жыволыше, нема мини помочи ни отъ кого, якъ одъ Бога, Матери Спасытеля небснаго.—Господы Боже, милосердныи, создай же ты, Господы, милость Божу на насъ гриш-

¹⁾ *Гулбіани* (свящ.), „Кр. очеркъ религ.-нравств. состоянія сванетовъ“ (въ „Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, в. X. Тифлисъ 1890 г., с. 90. — Переводъ со сванетскаго).

²⁾ *П. Иванювъ*, „Знахарство, шент. и заговоры“ (въ „Кіев. Стар.“ 1886 г., дек., с. 736).

ныхъ; возрадуй ты насъ, Гдѣ, праздникомъ святымъ, краснымъ лечкомъ, годовымъ праздникомъ, порадуй ты, Господы, р. Б. Н. здоровьемъ. Аминь“¹⁾.

„Стану я благословясь, пойду перекрестясь и выйду я за ворота и на всѣ 4 стороны, шкелюся и помолюся и попрошу я у Господа Бога добраго здоровья на сегоднѣшній день на р. Б. Н.—Гдѣ бы пташечка не летала, гдѣ бы гнѣзда не вила, тутъ бы скорби и боли полетѣли и утихали.—И просимъ у Господа Бога добраго здоровья у всѣхъ свв. ангеловъ, Михаила архангела и Илья пророка, Кузьмы-Демьяна, и прошу я васъ милости: и пособиите, помогите. Ангель мой и сохранитель мой, и сохрани мою душу и сокрѣпи мое сердце, врагъ—отъ меня.—Есть надо мною Божій домъ, въ Б. дому Лука и Марко и за меня Богу молятся... Мати Марія, гдѣ она спала, пришли жида пріятеля, хочуть истиннаго Христа унести, хочуть ему руки и ноги распяты, тростью голову прошибати, св. кровь пропускати.—Кто это будетъ знати, трои въ день перебирати—отъ судьи судящаго, отъ мольны паяцаго, отъ грома гремящаго, отъ змѣи жалючія Н. р. Б., не держались бы у него ни скорби и ни боли не держались бы у него, какъ бы рѣченька бѣжала, ни песками, ни кореньями, ни каменьями не держались... Не ты нужаешься и полошишься, а скорби и боли полошатся и нужаются.“ (Чтобы самому не расслабѣть отъ наговора, добавляють), „Утренняя Марія, полуденная Маремьяна, утреняя Ульяна, — этими словами какъ замкомъ запрешь себя“²⁾.

„Господи Боже нашъ; царю вѣковъ вседржителю, и всесилне, сотвориви всаческал и устройвыи единимъ хотѣніемъ иже седмерицею ражженую печь пламень юже въ вавулонѣ во хладъ преложивыи, отроки цели сохрани-

¹⁾ „Харьк. сборникъ“, в. VIII, X. 1894 г. („Матер. для этногр. изуч. Харьк. губ.“), с. 194.

²⁾ П. Богавскій, „Замѣтки о народной медицинѣ“ (въ „Этногр. Обзорніи“, кн. I. М. 1889 г.), с. 102—3).

выи: врачу и исцелителю душъ нашихъ и покровителю на та надѣющимъ са и тебѣ молимса претвори и проговни всакоє діаволское дѣйство и всякое сатанинское начинаніе и всякое прихотѣніе и придѣйство и желаніе похотное, и вредъ очесъ призора снишедшее ѿ злодѣевъ и лукавыхъ челоувѣковъ ѿ жени ѿ раба твоего има рек: Ты самъ владико челоувѣколюбче, простри руку твою державную и мищцу твою крѣпкую и посѣщаючи посѣти создавіе твое сіе и ниспосли ему ангела мирна державна, души и тѣлу хранителя, мко (да) запретить и ѿженеть ѿ него всакии злодѣйственни свѣтъ, всакии узъ и призоръ ѿ пакостотворнихъ и завистлихъ челоувѣковъ дѣемое; мко да ѿ тебе цѣль и здравъ соблюдаемъ со благодареніемъ поеть тебѣ: Господь помощникъ и не убоюся что сотворить мнѣ челоувѣкъ и паки неубоюся сла мко ты со мною еси. Мко ты еси Богъ державы моя крѣпкій властитель, началникъ міра, отецъ' будущаго вѣка. Еи Господи возглаголи рабу твоему има рекъ и ѿрѣши съ него всякии вредъ и огонь ѿ очесъ призора бывши и преждереченна вса злыя вещи сохрани молитвами преблагословенна и славна владычицы нашея Бѣды и приснодѣвы Маріи и свѣтовидныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ. Аминь¹⁾.

„Ποῦ πᾶς φθαρμέ, ποῦ πᾶς κατέ, ποῦ πᾶς κακαποδεμένε; φύγε ἀπο τὰς 72, φκεβας τοῦ παιδίου μου καὶ ἄμε(?) στὰ ὄρη, στὰ βουνά, ποῦ πετεεινός δέν κράζει καὶ σκόλος δέν γαυγάζει νὰ ὄρῃς τ' ἄγριο θεριό νὰ πηῆς ἀπ' τὸ αἶμα τον: νὰ φασ ἀπ' τὸ κρέας τον (χασμαριέται). ἔλουσθηκ' ἡ κουρά μὰς ἡ παναγία ατενησθήκε καὶ στο θρονὶ τῆς καθεσε καὶ περασασ' οἱ ἄγγελοι, κ' ἄρχάγγελοι καὶ φθαρμισασι τῆν (χασμαριέται). καὶ πάγει ἀφέντης ὁ Χρισθός καὶ τῆς λεγει ἦν τάχης μάνα, ἦν τ. μητέρα; ἔλουσθηκα παιδιμον χτενίσθηκα καὶ στὸ θρονὶ μου κάθισα, καὶ περάσασ' οἱ ἄγγελοι καὶ ἀρχάγγελοι καὶ φθαρμισασί με·

¹⁾ М. Милићевић, „Живот срба сельака“ (въ „Гласник српског ученог друштва“, кн. V, свеска XXII). У Београду, 1867 г., с. 181—2. — Найдено въ книгахъ „цркви конатичкој“.

(αασμαριέται). καλὲ μάνα, καλὲ μητέρα δὲν εὐρεθῆκε χριστιανὸς ἀγιασμένος καὶ τὴν ἀγία Πέφτη λουτουργημένος, νὰ παρ' ἀλάτσι ἀπ' τὴν ἀλική η τρία φυλλ' ἀπ' τὴν ἐλιά καὶ νὰ πῆ μὰ φορά το Πάτηρ ἡμῶν, δύο φοραῖς τό Πατηρ ἡμῶν“¹⁾).

На заговорахъ, близкихъ по формѣ къ молитвѣ церковной, сохранявшихся нѣкоторое время въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, а также на заговорахъ—молитвахъ апокрифическаго характера, останавливаться не буду; ограничусь лишь приведеніемъ двухъ образцовъ этого рода изъ цитированной выше книги г. Алмазова „Врачевальныя молитвы“:

„Ὡ все бывша печана и приобѣгающа к тебѣ оутѣ бже истины единочады твой гмѣ нши ісѹ хмѣ свѣто не мецающи его посла еси в мирѣ про вѣти“. сумранны тмы лютыя ѿ всяко ѡдержанія зла споводити. ти моли ги призри на раба твое імк. приходяща к тебѣ одрѣ ма болѣзнію ѡчною, и ѡсенена мрако темны просвѣти влко свѣто твой истины, і повѣли аггу свѣтлу хрантелю дші и тѣлу соблюсти свѣ очию его. бе всяко вреда и свѣ зрака е исцѣли ѿ одръжащая болѣзни. да во свѣте живый и хвалу тебѣ возаетъ оцов і снов и стму дхоу і црно“²⁾).

„Ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός ἀπέστειλε τοὺς ἑπτὰ παιδας, βαστάζων τὰ χρυσᾶ καὶ ἀργυρᾶ πελέκια καὶ μαχαίρας ἡκονημένους, ἵνα κόψουσιν τὸ λεύκωμα, τὸ αἷμα καὶ τὴν αἱματίζηλαν, τὴν σκοτίαν, τὴν ἀράχνην καὶ τὸν πόνον τῶν οφθαλμῶν καὶ τὸ δάκρυον, καὶ τούτων ἀπερχομένων ἐπεφοίτησεν αὐτόν ὁ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ καὶ ἐρώτησε αὐτοὺς, λέγων· που ὑπάγετε οἱ ἑπτὰ παῖδες βαστάζων τὰ χρυσᾶ καὶ ἀργυρᾶ πελέκια καὶ μαχαίρας ἡκονημέ-

¹⁾ C. Wachsmuth, „Das alte Griechenland in neuem“. Bonn. 1864 г. (Современный заговоръ отъ дурного глаза, читанный старухами на о-вѣ Критѣ).

²⁾ Алмазовъ. Ор. cit., с. 114.—По Требнику, рки. XVI в., Софійской библи., № 1101, л. 236 об.—237 об. (Обиця замѣчанія о молитвахъ этого рода см. у него же на стр. 49—51).

νας· οἱ δὲ εἶπον αὐτῷ· Κύριε, ἡμεῖς ὑπάγομεν εἰς τὸν δούλον τοῦ θεοῦ (ὁ δεινας), ἵνα κέψωμεν αὐτοῦ τὸ αἷμα...
 ...καὶ τὸ δάκρυον· καὶ ἀνταπεκρίθη ὁ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ καὶ λέγει αὐτοῖς· ὑπάγετε, εἶπατε τῷ νοσοῦντι· ἐν ἡμέρᾳ ε΄· εἴτε σαββάτῳ ἄρξαστε ποιοῦντες τὸν τύπον τοῦ τιμίον σταυροῦ, λέγων τὴν ἐδοχὴν ταύτην. — Ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς λογιῶν ἔλαβεν εἰς τὴν πλευρὰν αὐτοῦ καὶ οὐκ ἐπόνθησεν καὶ οὐκ ἐτραυμάτησεν καὶ οὐκ ἐπυρόμασεν, οὔτε κακὸν εἰς τὴν πληγὴν αὐτοῦ οὐδὲ τὸν ἐπήρθηεν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ (ὁ δεινας) μὴτε αἷμα κρατήσωσιν, μὴ αἱματίζῃσαν, μὴ σκοτίαν, μὴ ἀράχνην, μὴ λεύκωμα, μὴ ἄλλον κακόν. Εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος. Ἄμην. — Διὰ πρεσβειῶν τῆς Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας, τῶν ἁγίων εὐδοξῶν καὶ πανευφύμων αποστόλων καὶ τοῦ ἁγίου καὶ θαυματουργοῦ Ἑρμολάου καὶ τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος τοῦ Κυπριανοῦ (?) καὶ πάντων τῶν ἁγίων. Ἄμην. (Πρῶτα λέγε το Πάτερ ἡμῶν φoρας γ΄· ἀνατέλλοντος τοῦ ἡλίου κατα ανατολὰς ποιούοντας τὸν τύπον τοῦ τιμίου σταυροῦ, καὶ διὰ τοῦ θεοῦ χάριτος ἴσται“ ¹⁾).

— Въ заключеніи этой главы приведем нѣсколько мелкихъ заговоровъ, стоящихъ особнякомъ, иногда близкихъ къ поговоркѣ.

„На бѣломъ мори бѣлый камень лежать; на томъ камнѣ двѣ бабки живутъ, яны ни шьютъ, ни вышиваютъ, отъ суроцы помощи даютъ. Дай, Боже, на помощь N.“ ²⁾.

„Ишло 2 бабы по воду съ двумя глеками; глеки побились, ураки минулись и яко маково зерно откатились отъ р. Б. N... И кто урекъ, и той утѣкъ“ ³⁾.

¹⁾ Ib., 115—6. — (По Сборнику, ркп. XVI в., Ватиканской библ., № 1538, ф. 13—15).

²⁾ Э. Вольтеръ, „Литовскія легенды“ (въ „Этногр. Обзор.“, кн. VI, с. 201.—Ср. буквально — въ „Могилевск. Губ. Вѣдом.“, 1800 г., № 46).

³⁾ „Малорусскія суевѣрія...“ (Рукопись А. И. Ченя) — въ „К. Стар. 1892 г., янв., с. 126).

„Избави, Господи, отъ сѣраго глаза, отъ бѣлаго и чернаго глаза, отъ разноглазаго, отъ всякаго зла. Аминь“ ¹⁾.

„Eccittini, affascinu futtu,—
Ca chissu é luoco bruttu,—
Ca bhissu pirecciddu—
E assai bruttariddu“ ²⁾.

— „Господи, Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Помилуй мя, Владыко, отъ 40 языковъ, отъ ты-сячи глазъ, отъ женскаго, отъ мужскаго полу, отъ дѣв-ки отъ простоволоски, Гди I. X. С. Б. и насъ. Аминь“ ³⁾.

— „Кава родила, та тибѣ и отходила рожденнаго, ерещеннаго N. Тутъ тебѣ не стоять, червонной ерови не пить и рожденной и молитвенной“ ⁴⁾.

— „Ябая мати породила, такая и отходила“ ⁵⁾.

— „Лежала собака середь дороги, роскыдала чотыри ноги, пятый хвистъ, шоста голова,—нехай тоби Богъ по-мога“ ⁶⁾.

— „Иди, больо, и у гору, и у воду, у високе висине, у дубоке дубине, где певац не пева, где кока не ко-воѣе“ ⁷⁾.

— „Урокъ седи на столици, урочица под столицом;

¹⁾ *Е. Якушкинъ*, „Молитвы и заговоры“ („Тр. Ярослав. Г. С. К.“, в. V, с. 162).

²⁾ *Th. Trede*, „Das Heidenthum in der römischen Kirche“. Т. П. Гоѣна. 1890 г., с. 247. (Въ переводѣ съ калабрійскаго діалекта. „Уходи, всякое колдовство, п. ч. это мѣсто вѣдъ не-навистно и это дитя достаточно ненавистно“).

³⁾ „Записки Юрьевск. Сельск. Хоз. Общества“, в. II за 1862 г. М. 1862 г., с. 40.

⁴⁾ *С. Браиловскій*, „Способъ лѣченія отъ сглазу“ (въ Азо-вѣ)—(въ „Жив. Стар.“ 1891 г., в. III, с. 224).

⁵⁾ *П. Ивановъ*, „Знах. и шепт.“ (въ „Кіевск. Стар.“ 1885, дек., с. 734).

⁶⁾ *Ив.*, с. 735.

⁷⁾ *М. Милішевскій*, „Живот ерба сельака“ (Гласник ерпског ученог друштва, кн. V св. XXII). У Београду. 1867 г., с. 179.

урок уриче, урочица одриче. Бежи, уроче, у гору, у воду; ту ти место није“ ¹⁾).

— „Бела тица тичаше, бело млеко пушташе, на бело камење капаше; пукле му очи на плочи ко N. урочи“ ²⁾).

— „Урокъ седи над прагом, урочица под прагом. Што урок урече, урочица одрече. Сјер ми ти у очи, а вештица у срце“ ³⁾).

— „Страва оде у гору и у воду! Што си га уплашило, идићи намъ на видело“ ⁴⁾).

— „Од црна ока, од плава ока: урок седи на прагу, урочица подъ прагом. Нит урок чуе, нити урочица види“ ⁵⁾).

— „Излела е змија
Уд ёворову (=яворово) корење,
Ут скъянувиту (=стѣновито) вамање:
С едно оку вољану (=водено),
С другу ову огњану;
Пукна са са вољану,
Угаси огњану“ ⁶⁾).

— „Арачишна, барачишна, да му пукнит две очишта, коі тебе убарачија“ ⁷⁾).

— „Черна крвава
Черно теле отелила.
Сама го отелила,
Сама го олизала
Сама му я леб дала“ ⁸⁾).

¹⁾ М. Милићевих, Ор. cit., с. 180.

²⁾ *Ив.*, 181.

³⁾ *Ив.* (кн. 37, 1873 г.), с. 147.

⁴⁾ *Ив.*

⁵⁾ *Ив.*, с. 148.

⁶⁾ „Сборник за народни умотворения..“ I, с. 90.

⁷⁾ *Ив.*, II, с. 173.

⁸⁾ *Ив.*, IV, с. 97. — Ср. тамъ же. кн. VII, с. 146.

— „Сиви очи мелезбани,
Да испуваат да истръскаат,
Цѣрни очи мелезбани
Да испуваат да испрѣскаат,
Чи е мѣка на чолѣка“ ¹⁾.

— „Сви се змѣна на средорек:
С едно око водено, с едно огнено;
Прѣна се водено, угаси огнено“ ²⁾.

— „Вран (=врагъ, дяволъ) фѣрчи по небото,
Бранъ (=бранителъ, ангелъ) седи на коминѣ,
Брани душа и тело,
Да не иде Н. безредна“ ³⁾.

— „Мишка ходи по полица,
Тиква носы на гѣзицы.
Какъ ја виде сичко село,
Изувај, испувај,
Петко уруци го не фанѣа“ ⁴⁾.

— „Дви зми:
Едната огнена, другата воднена.
Пузна са воднена, изгасна огнена.
Как ги виде сичко село,
Изувај, испувај,
Петко уруци го не фанѣа“ ⁵⁾.

„Діадо оди по грѣдица, тиква носи на брадица, па-
дна тиква от брадица—распускнася. Да са пукнат іо-
ците, воіто поглед наѣ Н., като біал камен на планина“ ⁶⁾.

¹⁾ „Сборник за народни умотворения“, кн. IV, с. 108.

²⁾ Ib., V, 120.

³⁾ Ib., V, 116.

⁴⁾ Ib., XII, 149.

⁵⁾ Ib.

⁶⁾ Ib., 152. — Еѣе около десѣтка подобныхъ мелкихъ за-
говоровъ разбросано на с. 149—152.

При этихъ заговорахъ, кромѣ обычнаго и почти исключительно употребляемаго въ другихъ взбрызгиванія водой, примѣняется слизываніе, подкуриваніе, смачиваніе слюной и др. приемы.

ГЛАВА 3-я.

Заговоры отъ крови.

Нѣсколько особаго вида этотъ рядъ заговоровъ: здѣсь обращенія къ крови, какъ живому существу, сравнительно рѣдки; чаще силою слова, — обыкновенно при помощи параллели, сравненія, — пытаются унять кровь, заставить рану закрыться; позже, не довѣряя силѣ своего слова, потерявъ вѣру въ него, какъ равнозначное дѣлу, обращаются къ инымъ силамъ — природы и божественнымъ — съ просьбой остановить, задержать кровь, какъ вещество (изрѣдка еще съ намеками на существо).

Въ послѣднее время, — уже черезъ научныя воздѣйствія, — снова пріобрѣтаетъ силу вѣра въ могущество слова, въ его способность остановить кровотеченіе или не позволить ему появляться при наличности причинъ, обыкновенно вызывающихъ его.

Такъ, напр., проф. В. Чижъ говоритъ: „Распространенная вѣра въ возможность остановить кровь нацелываніемъ или болдовствомъ, можетъ быть, и имѣетъ разумное основаніе: нельзя отрицать, что подъ вліяніемъ психическихъ причинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ кровотеченіе можетъ остановиться. Я самъ видѣлъ опыты Дельфеба, внушавшаго загнипотизированнымъ, что разрѣвъ но-

жомъ не вызоветъ ни боли, ни кровотеченія, и дѣйстви-
тельно изъ ранъ не было кровотеченія, и загибнотизиро-
ванные не чувствовали боли. Конечно, разрѣзы были не-
большіе. Несомнѣнно, что у нѣкоторыхъ истеричекъ при
глубокихъ уколахъ и даже разрѣзахъ не бываетъ ни ка-
пли крови“¹⁾).

Въ матеріалѣ, мнѣ извѣстномъ, образцовъ древнѣй-
шаго по типу, по приемамъ мысли, вида заговоровъ, —
гдѣ въ крови обращаются, какъ къ живому существу,
просятъ ее пощадить больного, приглашаютъ переселить-
ся въ другое жилище, встрѣтилось немного.

„Кроу-кровоушка, перестань пецы! Будзешъ у здоро-
вумъ цѣлѣ и у жылахъ жици и разомъ Бога хвалици;
а коль не перестанешъ пецы да съ цѣла ици, то цѣбѣ
не будудъ обсарвоваѣци, але собаки будудъ лизаѣци. Го-
дзи жѣ табѣ ици, ици годзи, бо у гэтаго челоувѣка, хво-
рого, посоловѣли очи, да помлѣли руки, ноги“²⁾).

Приложивъ къ большому мѣсту сокъ болиголовы,
смѣшанный съ бобовой мукою, вѣшаютъ эту смѣсь съ
впитавшейся въ нее кровью на дерево и говорятъ:

„Böser, geh' du in den roten Wald, in d. r. Walde
ist ein rotes Haus; in d. r. H. wohnt ein roter Mashur-
dalo; d. r. M. hat ein rotes Ross, d. r. R. hat einen ro-
ten Schweif; geh und wohne im roten Schweif“³⁾).

Въ нижеслѣдующихъ заговорахъ обращеніе къ кро-
ви—внѣшняя форма, не связанная тѣсно съ дальнѣйшимъ
содержаніемъ заговора, цѣлящая сила коего опирается на
другія основанія.

„Blut, du sollst stille stan,
Wie das wasser im Jordan,
Da unser Herr Christus ist in getauft.

1) *Чижъ*, „Тургеневъ, какъ психопатологъ“, с. 770—1.

2) *Шейнкъ*, „Матеріалы“, II, 540.

3) *Wislocki*, „Volksglaube... Zigeuner“, с. 176.

Wart, du sollst nicht bluten oder schwären,
Bis Maria den zweiten Sohn wird gebären.
Im Namen...“¹⁾.

„Blut stehe stille. Denke, das ist Gottes Wille; halte feste, wie ein Stein, das alles möge beisammen sein“²⁾.

„Ich sage dir, Blut, stehe still, es ist Maria ihr Will, es ist Maria ihr Begehr. Seh du mir nun und immer. Im Namen...“³⁾.

„Ich peschwer dich, plut, pey den Vater und p. d. Sun u. p. d. heiligen Gaist das du nicht fließest, alz der Jordan flos, da Christus inne getauft Wart“⁴⁾.

„Sta, sanguis, in te + sicut Jesus stetit in se. + Sta, sanguis, in tua + sicut Jesus stetit in sua + Sta, sanguis infixus, sicut Jesus s. crucifixus“⁵⁾.

„Jo ti comando, sangue, da parte di Giesu Christo, che venne in crocie, che tu stea fermo nella vena tua, come istette Giesu Christo nella fede sua. Amen“⁶⁾.

Встрѣтимся и ниже нѣсколько разъ со словомъ „кровь“ въ звательномъ падежѣ, этимъ намекомъ на былую силу и знаменательность.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ міропониманія кровь — большею частью безъ яснаго указанія, существо ли это или вещество, — пытаются унять словеснымъ воздѣйствіемъ на нее, сопоставленіемъ съ такими предметами и явлениями, гдѣ появленіе крови невозможно.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому разряду, приведу заговоръ, стоящій особнякомъ, гдѣ „лютал“ кровь отлична отъ обыкновенной и въ видѣ особаго вещества можетъ быть изъята изъ тѣла.

„На синѣму морю лютый змій реве.— Чого ты, л. з.,

1) *Bartsch*, „Sagen, Märchen...“, с. 375.

2) *Prahn*, „Glaube u. Brauch...“, с. 195.

3) *Müllenhof, K.*, „Segen, Märchen“, с. 511.

4) *Zingerle*, „Segen u. Heilmittel“, с. 315.

5) *Ibid.*

6) *Веселовскій*, „Замѣтки и сомнѣнія“, с. 282.

ревешъ? — Бо нема мени чимъ дитей годуваты. — Иды, лю-
тый змѣю, у N. двиръ, визьмы одъ р. Б. N., молитвено-
го и хрещеного люту кровъ, и будешъ маты, чимъ дитей
годуваты“ ¹⁾.

Перехожу къ заговорамъ-сопоставленіямъ, куда по-
степенно вполетаются элементы молитвенные, христіанскіе,
церковные.

„Дернъ дерись, земля крѣнись, а ты, кровъ, у р. Б.
N. уймись“ ²⁾.

„Ишла чорна корова чиразъ ровъ, ишла да стала,
кровъ ити перастала“ ³⁾.

„Ишла костяна баба съ камяной горы, съ камяною
дѣйницею до костяной коровы. Колю съ камяной коровы
молоко потече, тодѣ р. Б. N. кровъ потече“ ⁴⁾.

(Наклонившись надъ камнемъ): „Изь-нидъ камяной
горы выйшла камяна дивка въ камяну дѣйницу камя-
ну корову дойти. Такъ якъ зъ камяной коровы молоко
потече, такъ щобъ у N. кровъ потекла“ ⁵⁾.

„Иде дивка на гору, та несе глекъ воды, тай стала.
Дай, Боже, моему парожденому, молитв., хрещ., щобъ
кровъ стала“ ⁶⁾.

„Ишла баба камяна камянымъ мостомъ, зъ камя-
нымъ щипкомъ, зъ в. глекомъ; въ тому глеку вода роз-
лылась, рожденному, хрещ. р. Б. N. кровъ унялась“ ⁷⁾.

„На Оліанской гори тамъ стоявъ колодязъ камяный;
туды ишла дивчина камяна, к—и видра, к—ѣ короми-
сель, к—а коса, к—а она вся. Колю она зъ видти воду
принесе, тогда нехай зъ рожденного, хрещ. р. Б. N. кровъ
потече“ ⁸⁾.

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 140.

²⁾ Забылинъ, „Русскій народъ“, с. 290.

³⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 69.

⁴⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 13.

⁵⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 110.

⁶⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 178.

⁷⁾ Коваленко, „О нар. мед. млр.“, с. 178.

⁸⁾ Rehož, „Lidová léčba“, с. 296 (транскрибовано).

„Ишовъ каменный чоловикъ черезъ каменный мистъ и нисъ каменный ципокъ, та спиткнувся на тыць, и ты, кровь, стань каменемъ тыць“ (3×9 разъ) ¹⁾:

„Легить воронъ черезъ черное море, несеть нитку-шелковику, ты, нитка, оборвись, а ты, кровь, уймись“ ²⁾.

„На мори, на 'кіяни, на острови на буяни, стоиць дубъ, на томъ дубу дванадцать кокотовъ, на тыхъ коко-тахъ нитка. А ты, нитка, уворвись, у р. Б. кровь увой-мись“ ³⁾.

„Летивъ орелъ зъ чорного моря и нисъ руно зъ чер-воной вовны нарожденому, мол. и хрещ. N. затьнуть кро-ваве джерело“ ⁴⁾.

„Ляциць змїя зъ дванадцати гыльвами, зъ войстры-ми носами, — цюркнула у камень. Якъ съ камня кровь не капець, кабъ изъ руки ня канула“ ⁵⁾.

„Ишло три калѣчечки черезъ три рѣчечки. Якъ тѣмъ калѣчечкамъ той воды не носити и не пити, такъ бы те-бѣ, крове, нейти у сего р. Б. N.“ (9 разъ) ⁶⁾.

„Ишли калики черезъ три рики и лозы рубалы: ру-жу сїялы, а розу витгыналы. Якъ тая роза не прынялась, такъ и ты, кровь, не зъявляйся, угамуйся у хрещеного, молитв. и на имя нареченного“ ⁷⁾.

„На неби два цары, на земли два паны сичуться, рубаються, — водяни рики плывуть“ ⁸⁾.

„Бхалъ человекъ старъ, подъ нимъ конь каръ, по рытвинамъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты мать-руда жильная, тѣлесная, остановись, назадъ воротись. Старъ человекъ тебя запираеть, на покой согрѣваеть.

1) *Иващенко*, „Шептанія“, с. 179.

2) *Забылинъ*, „Русскій народъ“, с. 291.

3) *Романовъ*, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 68.

4) *Манжура*, „Сказки“, с. 150.

5) *Чена*, „Малорус. суевѣрія“, с. 125.

6) *Чубийскій*, „Труды“, I, с. 140.

7) *Ив.*, 127.

8) *Рулковскій*, „Mater. do etnogr. Małor.“, с. 112 (транскрибовано).

Какъ коню его воды не стало, такъ бы тебѣ, руда-мать не бывало. Слово мое крѣпко“ ¹⁾.

„Иде чоловікъ руднѣй, кннь руднѣй, узда руда, удила руди, сидло руде, стримена руди, подируга руда. И ты, руда, стій, не иды туда“ (9 разъ не переводя духу) ²⁾.

„Було соби красне море. Йихавъ чоловікъ краснымъ возомъ, красными возама, красни колеса, красне ярмо, красна вѣя, красни прыткы, красне море рубаты, хрещ., нарожд., молитв. N. кровь замовляты“ ³⁾.

„Стану благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, изъ заворъ въ заворора. Выйду въ чистоё полѣ: встрицу несуть мертво, рѣжуть ножами, сѣвуть топорами и пилятъ пилами, — кровь не текѣтъ, не капнетъ. Такъ у сѣя р. N. кровь не текла и не канула чтобъ во вѣки вѣковъ. Аминь“ ⁴⁾.

„Лагу. благословясь, стану перекрестясь; выйду въ чистоё поле, — ѣдетъ изъ ч. поля богатырь, везетъ вострую саблю на плечѣ, сѣчетъ и рубитъ онъ по мертвому тѣлу, — не тече не кровь, ни руда изъ энтова тѣла“ ⁵⁾. (Вторая половина сравненія не договорена).

„Шли плотнички-работнички зъ острыми топорами, кол(ол)и каменя, — зъ-подъ каменя кроу не канула черной волной. Кровь замыкаю и кого заговариваю, р. Б. N., прости и благослови“ ⁶⁾.

„На морѣ на окянѣ лежитъ камень Алатырь; на томъ к—ѣ Алатырѣ есть два орла орловича, два брата родные, — они рубятся, сѣкутся острыми саблями; про-

¹⁾ *Чубинскій* „Труды“, I, 127 (ср. у *Ефименко*, „Сборн. мдр. закл.“, с. 214 (№ 74).

²⁾ „Матеріалы Предварит. Комитета по устр. XII Археологическаго Съѣзда“ (хуторъ Нижній-соленый, Купянск. у., Харьк. г.).

³⁾ *Комаровъ*, „Новая збирка“, с. 109—110.

⁴⁾ *Колосовъ*, „Замѣтки“, с. 183.

⁵⁾ *Забѣлинъ*, „Русскій народъ“, с. 290.

⁶⁾ *Шейнкъ*, „Матеріалы“, II, с. 569.

между ихъ ни руды ни крови, ни щепоты, ни ломоты. Такъ бы у р. Н. не было ни руды, ни крови, ни щепоты, ни ломоты“ (3 раза) ¹⁾.

„Встану я благословясь, лягу я перекрестясь и лягу въ чистое поле, во зеленое, стану благословясь... поморье, погляжу на восточную сторону: съ правой, съ восточной стороны летать три врана, три брата, несутъ трои золоты ключи, трои золоты замки. Запирали они, замыкали они воды и рѣки и синія моря, ключи и родники; заперли они, заменили они раны кровавья, кровь горячую. Какъ изъ неба синяго дождь не канеть, такъ бы у р. Б. Н. кровь не канула. Аминь“ ²⁾.

„Два брата, Лука да Марко, рѣзались ножами да рубились топорами; между ними ни крови, ни руды. Какъ изъ камня воды, такъ бы изъ меня р. Б. Н. не текла кровь. Аминь“ ³⁾.

„Приду я р. Б. Н. въ чистое поле, въ ч. полѣ терновъ кустъ, подѣ т. к. змѣй, и азъ змѣя пересѣку и складу тѣло съ тѣломъ, суставъ съ с—мъ, жилу съ ж—ю, у р. Б. Н. Сколь я переговорилъ борзо тѣ слова, столь бы борзо и скоро перепалась кровь горячая у р. Б. Н. отъ юности и отъ сердца, отъ кости и отъ всякѣя силы сердечныя, во вѣеи вѣговъ. Аминь“ ⁴⁾.

„Отче благослови! Есть гора едонская, лютый змѣй повѣдаетъ (?). На холмахъ дерево упало на землю, не кануло ни крови, ни пѣны, такъ же бы у молитвен. у р. Б. Н. не кануло ни крови, ни пѣны, ни ушиной, ни мякотной. Стань ты, рана, вся въ игольные уши. Аминь“ ⁵⁾.

„Blut, stehe still, still, still, wie der ungerechte Müller am Abend will. Im Namen“ ⁶⁾.

1) *Тихоограговъ*. „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, с. 78.

2) *Даль*, „О повѣр., суев.“, с. 36.

3) *Якушкинъ*, „Молитвы и заговоры“, с. 164.

4) *Ibid.*

5) *Иб.*

6) *Kuhn*, „Sagen, Gebräuche“, II, 197.

„Bei einem Brunnen stand eine Blume, sie hat geblühet, sie blühet nicht mehr- und dieses Blut blutet auch nicht mehr“ ¹⁾).

„Es stehen drei Bäumchen süssen für einer lieber frau Füssen; eine tret den Muth, die andere die Glut, die dritte die stillt das Blut. Im Namen“ ²⁾).

„Ich ging durch eine Gasse, da fand ich Blut und Wasser. Das Blut das thu ich schliesse, das Wasser lass ich fiesse. Im Namen“ ³⁾).

„Zu Kerusalem stedt' en Baum, der hold drei behre, eene heest Zobb, die anner Kobb, die anner Bludsdrobb. Blud du solld steh'n. Im Namen“ ⁴⁾).

„Selig ist der Tag, s. i: die Stunde, s. i. die Wunde, selig, was ich sag. Du sollst nicht bluten, nicht schwären, nicht wehe thun, nicht zehren“ ⁵⁾).

„Ich ging über eine Brücke, worunter drei Ströme liefen: der erste hies Gut, d. zweite hies Blut, d. dritte h. Eipipperjahn. Blut, du sollst stille stahn. Im Namen“ ⁶⁾).

Перехожу къ заговорамъ, гдѣ исподволь, сначала внѣшиве, въ запѣвѣ, а потомъ и въ сущность вылетаютъ церковныя, христіанскіе элементы.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.— Дернъ дернѣть, земля твердѣть, отъ дерна и земли нѣтъ ни ерови, ни руды, ни щипоты, ни ломоты и ни болѣзни, тожь и у р. Б. Н. не было бы крови, ни руды, ни щ—ы, ни л—ы и ни болѣзни изъ 70 суставовъ и изъ 3 суставовъ, становыхъ костей, изъ-подъ пятныхъ жилъ. Аминь Царю небесному“ ⁷⁾).

¹⁾ *Kuhn*, „Sagen, Gebrauche“, II, 198.

²⁾ *Ib.*, 200.

³⁾ *Ib.*, 197—8.

⁴⁾ *Ib.*, 198.

⁵⁾ *Prahn*, „Glaube u. Brauch“, с. 195.

⁶⁾ *Kuhn u. Schwartz*, „Norddeutsche Sagen“ с. 438.

⁷⁾ *Харузинъ*, „Сборникъ свѣдѣній“, II, с. 141.

„Во имя Отца. Аминь. — Доселева было при Агарянѣ царѣ небо мѣдано и земля желѣзна, и не дала плоду отъ себя. — Какъ утихнулись и ужахнулись рѣчки и ручьи и малые источники, таѣ бы утихнулась и у р. Б. Н. кровь горячая и щепота и ломота; и мною пособляеть сѣмъ и моимъ словамъ, какъ ключъ — небо, а замокъ — земля. Аминь“ ¹⁾).

„Плило три рѣчки: одна водяная, другая молочная, а третья кривавая. Водяная протачи, и м — ая протачи, а кровь горучая сунимися и запячися. — Другимъ разомъ, Господнимъ часомъ. Плила рака морамъ, а въ той рацѣ три жилы: одна водяная, другая м — ая, а третья к — ая. — Треттимъ разомъ, Господнимъ часомъ. Плило три рѣчки: одна..... а кровь горучая сунимайся, запикайся“ ²⁾).

„Ишли лики черезъ три реки и лозы рубалы и ружу сажалы: не принялась и кровь унялась. Пускалы водяную, п — ы молошную и кривавую, замовляну и порубану, прыбытую и поризаную. Духомъ своимъ обнимаю, святого Бога упоминаю, св. Миколая Чудотворця. Также я сей крови не пускаю, также я греблю гачу и денно, и полуденно и ночную и зирочную и мисляную. Чоловикъ зъ духомъ, а я зъ помичью“ ³⁾).

„Бигло тры калюжи черезъ тры рички; стали рожу ломать, стали щипать. Рожа не зойшла, християнска кровь не пошла. То проклятый млынъ, шо до службы у воскресивна моловъ, то проклята жинка, шо до службы хлибъ пекла, то проклята рана, шо зъ нею кровь пошла“ ⁴⁾).

„Первымъ разомъ, добрымъ часомъ! Шовъ Сусъ Хр. зъ набѣсъ, вѣсъ сотворацій хрость и сухую трость. Якъ

¹⁾ *Забллингъ*, „Русскій народъ“, с. 290.

²⁾ *Шейнъ*, „Материалы“, II, 540.

³⁾ *Чубинскій*, „Труды“, I, 127. — Ср. почти буквально у *Шиншарного-Ильича*, „О заговорахъ“.

⁴⁾ *Ястребовъ*, „Матер. этногр. Новор. края“, с. 105.

трости ня раскидатца, такъ криви ня разливатца, костей ня ломати, жилъ ня сушити“¹⁾).

„Ишоу Христось на Иорданъ чиразь риву, чиразь мость. Иорданъ стала, кровь пиристала“²⁾).

„In Christi Garten steht ein Baum, er hat geblüht, und blüht nicht mehr.—Bluth, stehe still und lauf nicht mehr“³⁾).

„Blut stand, wie Christus gang. Der im Gericht sitzt und kein falsches Urtheil Spricht“ (говорить 3 раза, потомъ „Отче нашъ“) ⁴⁾).

„Blut verlas dein'n gang, wie unser Herr Got den Mann, der im Gericht sitzt und ein falsch Urtheil spricht. Im Namen“⁵⁾).

„Es stehen drei Rosen auf unsenrs Heren sein Grab. Die erst ist mild, die zweit ist gut, die dritt stellt dir dein Blut“⁶⁾).

„In Gottes Garten stehn drei Rosen, die erste heisst Gottes Güte, die andere Gottes Geblüte, die dritte G—s Wille. Blut, ich gebiete dir, stehe stille. Im Namen“⁷⁾).

„In Gottes heiligen Garten standen drei heilige Blumen: die erste hiess Gottes Gemuth, die zweite h. G. Geblut, die dritte h. G. Wille. Strömendes Blut, stehe stille. Im Namen“⁸⁾).

„Auf unserm Herrn Gott sein Haupt, da blühen drei Rosen: die erste ist seine Tugend, die zweite i. s. Jugned, die dritte i. s. Wille. Blut, steh du in der Wunde still,

1) Романовъ, „Бълор. Сборн.“, V, с. 67.

2) Шейнъ, „Материалы“, II, 539.

3) Prahn, „Glaube u. Brauch“, с. 195.

4) Birlinger, „Aus Schwaben“, I, 443 (ср. Kuhn въ Zeitschr. t. vergl. Sprachforsch.“, XXIII, 49, Volksth., I, 202, 480, Germ, 17, 55).

5) Meier, Deutsche Sagen, с. 522.

6) Birlinger, I, 443.

7) Kuhn, „Sagen Gebräuche“, II, 199.

8) Ib., 200 (ср. Meier, „Gebräuche“, № 474).

dass du weder geschwüre, noch Eiterbeulen gebest. Im Namen“ ¹⁾).

„Auff vnsserss hopft stond 3 röseli, dz erst blümeli, dz haist blüeste, dz ander guetti dz 3 wildi; durch die 3 röseli willen stond du bluott stillen; im Namen. Amen“ ²⁾).

„Auf unserem Herr Gott sein gro wachsen dra Rösala: erstes is Demuth, zweytes is Sanftmuth, drittes stillt dir dein Blut“ ³⁾).

„Ich ging in meines Gottes Garten, darinnen Standen drei Rosen: die eine hiess Blutstropfen, die andere Blutstropfen, die dritte Blutstillstehn. Wenns der liebe Gott will, das zähl' ich dir zu Gute“ ⁴⁾).

„Herr Jesus Christus, dir sind drei Blumen gewachsen unter deinen Herzen: die erste deine Gottheit, die andere d. Gerechtigkeit, die dritte d. göttlicher Wille. Blut, stehe stille“ ⁵⁾).

„Am Himmel stehen drei Blumen: die eine heisst Wohlgemüth, die andere h. Demuth, die dritte h. Gottes wille, Blut, stshe stille“ ⁶⁾).

„Es stehen drei Rosen auf Christi Haupt; die erste ist roth, die zweite ist todt, die dritte heisst Sevilla. Herzgeblüt, steh' stille“ ⁷⁾).

„N. auf unsers Heilands Jesu Christi sein Grab wachsen drei Rosen: die erste ist weiss, die zweite ist roth, die dritte ist Gott, der dir dein Blut stellen thut“ ⁸⁾).

„Auf unsers Herrn Jesu Grab, da wachsen drei Rosen: die erste heisst Hoffnung, die andere Geduld, die

¹⁾ *Müllenhoff*, „Sagen, Märchen“, c. 511.

²⁾ *Lütolf*, „Sagen, Bräuche“, c. 546.

³⁾ *Schönwerth*, „Aus der Oberpfalz“, c. 234.

⁴⁾ *Köhler, J.*, „Volksbrauch, Aberglauben“, c. 405.

⁵⁾ *Ib.*, c. 407.

⁶⁾ *Ib.*

⁷⁾ *Ib.*, 408.

⁸⁾ *Meier*, „Deutsche Sagen“, c. 522.

dritte Gotts Wille. Blut, ich gebiete dir, steh stille. Im Namen“ ¹⁾).

„Es wachsen drei Rosen auf unsers Herr Gotts seinen Grab: die erste heisst Güte, die andere Behüte, die dritte Dein göttlicher Will'. Blut, steh in dieser Wunde still, dass du nicht eiterst und nicht geschwärst, und anch zu keinem Beinbruch werdest. Im Namen“ ²⁾).

„Eß stendt drey rooßon auff vnßeres lieben Herrn gotts grab: die erst häugt guott, die andter haist wollgemnoth, die drit gestellt dier gewüß daß bluot. Im Namen... gausts +“ ³⁾).

„Es standten drey Dügell auf vnßers Jacobs grab: die erst hänst Jugendt, andere tugent, die drit sein Wüll. Blnot standt still. Im Namen... Amen“ ⁴⁾).

„Blut, still dich! So wahr, als sich der Himmel züthet, dass man dem Tagelöhner das Taglohn abnahm. Im Namen“ ⁵⁾).

„Vnßers lieben her gotts 5 wundten, die stunde u. verbundten, sie bluotet nit, sie schweret nit, sie sauret nit, sie faullet nit. Im Namen... Amen“ ⁶⁾).

„Johannes de Evangelist tautte unsern Herrn Jesum Christ am Flusse Jordan, worauf das das Blut blieb still stahn“ ⁷⁾).

„Unser Herr Christus ward verwundet durch sein bitter leiden. Seine Wunden schwellen ihm nicht, sie schworen ihm nicht, sie hatten ihm gar nicht weh. Soll es diesem Menschen auch nicht weh thun“ ⁸⁾).

„Tief ist die Wunde, heilig ist die Stunde, h. i. der

¹⁾ *Meier*, „Deutsche Sagen“, c. 523.

²⁾ *Ib.*, 523 (cp. *Müllenhoff*, c. 511, № 11).

³⁾ *Birlinger*, „Volksthümliches aus Schwaben“, c. 205.

⁴⁾ *Ib.*, 206.

⁵⁾ *Meier*, *Op. cit.*, c. 522.

⁶⁾ *Birlinger*, *Op. cit.*, c. 207.

⁷⁾ *Strackerjan*, „Abergl. aus Oldenburg“, I, c. 68.

⁸⁾ *Prahn*, „Glaube u. Bräuche“, c. 195.

Tag, wo die Wunde geschehen mag. Du sollst nicht weiter schwarzen, bis die Mutter Gottes wird ein kind geboren“ ¹⁾).

„Jhesus fromiet Wind und Meer, das das Blut gestillet wehr, das er nicht eckt (schwärt) und auch nicht steckt und auch nicht kellt (schmertz), und auch nicht zwellt (schwellt)“ ²⁾).

„Blut rinn und rinn nimmer Unser Herr gott ist g'storben und stirbt nimmer“ ³⁾).

„Blut rinn und rinn nimmer, — unser Herr Gott ist gestorben und stirbt nimmer. Glückselige Wunden, g—e Stunden, g—ig und heilig ist der Tag, wo die hl. Juug-frau Jesum Christum geboren hat“ ⁴⁾).

„Christus ist in Betlehem geboren, Gott Vater, S. und hl. Ch—s ist in Jerusalem gestorben.—Gott Vater... Geist“ ⁵⁾).

„Christus ist zu Betlehem geboren, zu Nazareth verkündigt; Christus ist zu Jerusalem gestorben. Diese drei Dinge sin wahr, — soll dir das Blut in deinen Wunden stahn. In Namen“ ⁶⁾).

„Christus war geboren, Ch. w. verloren, Ch. w. wieder funden,—Jesus stel mir dz bluott und hail mir die Wunden. Im Namen... Amen“ ⁷⁾).

„Christus war geboren, der hatt Maria verloren und wieder gefunden, also verstel ich dir dz bluott in deinen Wunden. Im Namen“ ⁸⁾).

„Glücksellig ist die Stundt, da J. Chr. geboren ist, g—ig i. d. S., daß er gestorben ist, g—ig i. d. S., daß

¹⁾ *Prahn*, „Glaube u. Bräuche“, c. 195.

²⁾ *Strackerjan*, „Abergl. aus Oldenburg“, I, c. 68.

³⁾ *Amman*, „Volkssegen“, c. 204.

⁴⁾ *Ib.*, c. 203.

⁵⁾ *Shönwerth*, „Aus der Oberpfalz“, c. 234.

⁶⁾ *Kuhn*, A., „Sagen, Gebräuche“, II, c. 198—9.

⁷⁾ *Littolff*, „Sagen, Bräuche“, c. 545—6.

⁸⁾ *Ib.*, 546.

er wider erstandten ist. In diesen dreyen Stunden segne ich den Menschen... diesen Wunden, daß sie nit weitter bluoten, noch geschwerren, biß daß Maria ein anderen Sohn gefahr, — und sie wirt keinen mehr geboren, darum sollen sie nit bluoten, noch geschweren. Im Namen... Amen“ ¹⁾).

„Es sind drei glückselige Stunden in diese Welt gekommen. In der ersten stund' ist Gott geboren, in der andern Stund' ist Gott gestorben, in der dritter S. i. Gott wieder lebendig worden. Jetzt nenne ich die drei glückseligen St. und stille dir N. damit das Gliedwasser und das Blut, dazu heile ich dessen Schaden und Wunden. Im Namen“ ²⁾).

„Во имя... Духа. Жиды Христа распинали, на крестъ росковали, въ руки-ноги гвоздѣ колотили, въ ретивое сердце желѣзомъ кололи. Какъ у истинна Христа не была кровавая рана и шипота и ломота и опухоль; и какъ печь топится и изъ печи пламя нашеть, — такъ бы у меня р. Б. N. кровь и рана утихала и переставала и во вѣки вѣковъ. Аминь“ ³⁾).

„Во имя... Духа. Лежить Захарей праведный между церковью и олтаремъ, и какъ у святого кровь засыхала и замирала и окаменѣвала въ ручныхъ и въ ножныхъ и въ поднятныхъ жилахъ, щепь и грыжа и разная сѣченая и молодая, такъ бы у меня р. Б. N. засыхала и замирала сѣченая, ветха и молода, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“ ⁴⁾).

— „Господи, Сусе Хрисце, Божа вашъ, прими жертву сию во 'ставленіе грѣховъ р. Б. N. Благослови мнѣ

¹⁾ *Birlingen*, „Volksthümliches aus Schwaben“, s. 205.

²⁾ *Amman*, „Volkssegen“. с. 203 (ср. MSD², IV, 6, XLVII, mit Anm., S. 460 f.; Grimm, Myth., Anh. XXXII, Zs. f. Volkskund von Veckenstedt, II, 4, S. 163; Schönwerth, III, 234—5; Kuhn, W., II, 197 f.; A. Birlinger, Aus Schwaben, I, 442).

³⁾ *Ефименко*, „Сборн. малор. заклинаний“, с. 213 (№ 76).

⁴⁾ *Ib.* (ср. № 73).

кровь замовляць. Ишовъ Сусь Христось чересь калинов-
ый мость, несъ сякиру съ собою; при дорожды стояла
калинка; ёнь тую калинку цюкъ (3 р.). Якъ съ тыя ка-
линка кровь ня канула, такъ кабъ и въ р. Б. Н... кровь
ня канула. Стань, кровь, унимись, жальная и пажильная,
подумная, мысляная, вѣтряная“¹⁾.

Въ этомъ заговорѣ тѣсно переплетенъ христіанскій
элементъ съ древнимъ по типу обращеніемъ къ крови,
съ перечисленіемъ причинъ, отъ которыхъ могла произой-
ти болѣзнь,—съ этимъ своеобразнымъ (какъ указывалось
выше) перечисленіемъ ея именъ, какъ живого существа.

Остальные заговоры изъ имѣющагося въ моемъ рас-
поряженіи матеріала группируются болѣе-менѣе близко,
тѣсно около двухъ мотивовъ—старика, унимающаго кровь,
и дѣвицы, зашивающей рану. Стоитъ ли это обстоятель-
ство въ связи съ мнѣологическимъ освѣщеніемъ этихъ
тайнственныхъ существъ (—какую попытку сдѣлалъ
Крушевскій), таково ли происхожденіе этихъ древнѣйшихъ
„божествъ“, къ коимъ обращался человѣкъ съ моленіемъ
о помощи, отвѣтить категорически трудно. Однако въ са-
мыхъ заговорахъ очень мало данныхъ для прикрѣпленія
этихъ расплывчатыхъ, неясныхъ образовъ къ громовнику
и къ зарѣ. Быть можетъ, на распространенность этихъ
мотивовъ оказывали вліяніе рано попавшіе въ народную
среду писанные образцы. Къ тому же значительная часть
заговоровъ этого рода не содержитъ въ себѣ рѣшительно
никакихъ указаній на мнѣическія существа и создались
тѣмъ же путемъ, какой наблюдали мы и раньше: сопо-
ставленіе раньше имѣвшаго мѣсто случая съ счастливымъ
исходомъ и воздѣйствіе такого сопоставленія, въ силу мо-
гучаго дѣйствія слова, на благоприятный исходъ настоя-
щаго. Дальнѣйшій путь развитія — обычный: обращеніе

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. Сборн., V, с. 69.

за помощью къ силамъ и явленіямъ природы, элементы — молитвенный, христіанскій и церковный.

Во главѣ заговоровъ этого отдѣла по своей древности, моветъ быть поставленъ 2-й изъ „мерзбургскихъ отрывковъ“:

„Phol ende Uodan vuogun zi holza.
du uuart demo Balderes volon sin vuor birenkit.
thû biguolen Sinthgunt, Gunna era suister,
thû biguolen Friia, Volla era suister,
thû biguolen Uodan, sô hê uuola conda:
sôse bënrenkî, sôse bluotrenki, sôse lidirenki:
bên zi bêna, bluot zi bluoda.
lid zi geliden, sôse gelîmida sîn“¹⁾.

Обратимся къ заговорамъ, гдѣ на помощь болящему такъ или иначе привлекается мужское существо.

„Ѣдетъ мужикъ Аникавъ, говоритъ онъ: какъ слюна моя не канеть, такъ кровь у N. не канеть“²⁾.

„Ихавъ старъ дидъ на каримъ кони. Ты, диду, устанъ, а ты, кровь, иты перестанъ...“³⁾.

„Ихавъ дидъ старъ, а пидъ нымъ кивъ старъ, а ты, чирвона кровь, станъ. — На мори два браты сичуцьця, рубаюцьця, сестра прійшла, кровь не пійшла“⁴⁾.

„Ихавъ гистъ черезъ калывивъ мистъ поганенькою кобылкою, кобыла стала и кровь стала. — А не станешъ, буде тоби то, шо тому чоловикови, шо въ пятныцю спива, а въ неділю вѣгти зризуетъ — изъ жилъ, изъ суставивъ“⁵⁾.

1) Цитирую по *Schauffler*, „Altochohd. Litter.“, с. 43.

2) *Крушевскій*, „Заговоры“, № 153 (Другихъ однородныхъ отсюда не привожу: первоисточникъ ихъ — Майковъ).

3) *Иващенко*, „Шептанія“, с. 170 (ср. Чуб., I, 127, 4).

4) „Харьк. Сборв.“, VIII, с. 35.

5) *ib.*, 170.

„Вхалъ св. Георгій. на червономъ конѣ и въ червономъ жупанѣ; сострѣлся со своимъ братомъ-булатомъ (?); втились они острымъ мечемъ, и не втились, втились въ червоный камень. Якъ изъ того камня кровь не текла и рана не болѣла, такъ бы въ N., р. Б., кровь не текла и рана не болѣла“ ¹⁾.

„Йихавъ св. Петро на билимъ кони, кинь бижыть, ажъ каминь сиче. Та буде проклита кровь, котра потече“ ²⁾.

Господы, благослови, Господы поможы! Йихавъ Сусъ Хрыстось камянымъ мостомъ на ослати. Сиче-рубаете, и кровь не протикает. Огонь-горыть и кровь кыпыть, — огонь затухает и кровь залывает нарожд., мол., хрещен. р. Б. N.“ ³⁾.

„Було соби два браты, риднесенькихъ-ридныхъ, та поставылы трость черезъ рѣку. Трость поломылась, кровь затмылась. Бо й ны пиде, бо й ны пиде! Причиста Дива, ны пиде. А якъ идешъ, то такъ тоди буде, якъ тому чоловикови, шо въ недилю дрова рубает, а въ пятницю писню спивает, а въ субботу ны вмываецца, и все дуже прысягаецца. Стань-перестань!“ ⁴⁾.

„На Есіанській гори, на зимли на Таньській, тамъ два браты сичуцьця, рубаюцца. Прыйшовъ до нихъ Исусъ Хрыстось и Матерь Божя. Ни сичуцьця, братци, ны рубайтыся. Якъ будете сиктыся, рубатыся, то такъ вамъ буде, якъ у недилю дрова рубаты, а живци сорочки выкыдаты Во Има... Аминь“ ⁵⁾.

„Йшло тры браты трома дорогамы: идень Девысь, другый Борысь, третій Лывко. Сиклысь, рубалысь и крови не пустылы. Бигло тры рички: идна водяна, друга смоляна, третья кривава. И кажу тоби: стань кривава, а якъ

1) Чена, „Малорус. суевѣрія“, с. 126.

2) Чубинский, „Труды“, I, 126.

3) Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, II, 200.

4) Иващенко, „Шептанія“, с. 178—9.

5) „Харьк. Сборн.“, VIII, 39.

не станешъ, то буде тоби тее, шо тому чоловикови, шо въ недилю до службы Божои въ гаи дрова рубаетъ, шо тій жинци, шо въ недилю на городи до службы Божои моркву копае“¹⁾.

„Ихало три браты: Петро, Павло и св. Гурій, ще иде самъ Господь на свій кобыли. Богъ кобылу мечомъ сиче, кровъ не тече,— такъ и ты, руда нейды; заикайся, кровъ, заговоруйся кровъ, замовляю тебе не самъ своими духами — Господними науками. Ухъ, св. Духъ! Встань, Господы, на помичъ, евангели на радисть, Пречыста Диво поможы“²⁾.

Такова же эволюція мотива о дѣвицахъ, дѣвицахъ-сестрицахъ, о бабѣ, о бабѣ съ тремя дочерьми и проч.

„Ипла дивка Марія по воду, дивка впала, видра виалы, дивка впала, кровъ перестала“³⁾.

— „На Осіаньскій гори тамъ стоявъ колодезь каменный, туда ишла дивка каменна, каменни ведра, к—й коромысель, к—а коса, к—а вона вся, колы вона видтила воды прынесе, тоди съ рожденного, хрещ. р. Б. N. кровъ потече“⁴⁾.

„На морѣ Океанѣ, на о—вѣ на Буянѣ дѣвица краснымъ шолкомъ шила; шить не стала, руда перестала“⁵⁾.

„Ляжиць на сивимъ мори сивій камень, на томъ камяни сидзяць двѣ дѣвицы, шовковыми нитками вышиваюць, у р. Б. N. кровъ замовляюць. Нитка порвалась, у р. Б. кровъ останавлиалась“⁶⁾.

„На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стояла избушка, въ этой избушкѣ двѣ дѣвицы: одна плела шол-

1) Чубинскій, „Труды“, I, 127—8.

2) Ib., 128.

3) Манжура „Сказки“, с. 150.

4) Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 28.

5) Забѣлинь, „Русскій народъ“, с. 290.

6) Романовъ, „Бѣлорусск. сборн.“, V, 160.

комъ, другая—льномъ. Ты, шелкъ, не рвися и ты, ленъ, не рвися; а ты, кровъ, переймися у р. Б. Н. Аминь“ ¹⁾.

„На мыри—на 'кїяни три дѣвушки сидить, нитычки придать. Па нитычки 'тарвали, Н. рабѹ кроу завизали“ ²⁾.

„Тякеть рѣчка крававая, на тѣй рѣчки бѣлѣй каминь, на ѣмъ три дѣвицы; явы шїють красною нитачкью. Нитычка цырвалася, кроу увырвалася“ ³⁾.

„На сивимъ морѣ, во 'кеянѣ ляжыць бѣлѣ камень, на тымъ камни сидѣли три цанны-Ганны, красны шоукъ мотали, кроу остануляли“ ⁴⁾.

„Ишло тры калики черезъ тры рѣкы, тамъ седило тры бабы: одна шыла, друга запошывала, а третья моливенному, рожд. и хрещ. Н. кровъ замовляла“ ⁵⁾.

„Ich ging morgens in einem Trau, da begegneten mir drei heilige Jungfrau'n: die eine heisst Blutwölfe, die andere heisst Blutstölfe, die dritte heisst Blut—stehe—stille“ ⁶⁾.

„Es kamen drei Jungfrauen von der Sündflut her. Die eine sprach: das ist gut, die adere Sprach: d. i. g., die dritte besprach die Wehklage und das Blut“ ⁷⁾.

„Es kamen drei Jungfern... Die ein, die hies Hilfe, die andre sprach: Blut, steh stille“ ⁸⁾.

„Es gingen drei Jungfern 'en hohlen Weg, die erste nahm das runde, die zweite n. d. trull, die dritte drückt es nieder, das es nicht komme wieder. Im Namen“ ⁹⁾.

„Ich ging in Jesu Garten, da Standen drei Jungfern

¹⁾ *Тихонравовъ*, „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, 78.

²⁾ *Добровольскій*, „Смол. этн. сборн.“, с. 203.

³⁾ *Иб.*, с. 202.

⁴⁾ *Шейнъ*, „Матеріалы“, II, 538.

⁵⁾ *Манжура*, „Сказки“, с. 150.

⁶⁾ *Kuhn*, „Sagen, Gebräuche“, с. 199.

⁷⁾ *Frahn*, „Glaube u. Bräuche“ с. 195.

⁸⁾ *Kuhn u. Schwartz*, „Nordd. Sagen“, с. 437.

⁹⁾ *Иб.*, 438.

zarfe: die eine hieß Zibella, die andere Gottes Wille, die dritte — Blut, steh stille. Im Namen“ ¹⁾.

„Стану я р. Б. Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ святъ окіанъ-камень, на св. о.-камнѣ сидитъ красная дѣвица съ шелковой ниткой, рану зашиваетъ, щипъ унимаетъ и кровь заговариваетъ у р. Б. Н. И чтобы не было ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Тѣмъ моимъ добрымъ словомъ ключъ и замокъ отнынѣ и до вѣку, аминь“ ²⁾.

„Воспомяваніе Господа. Господи помилуй (3 р.). Господь помичъ, и я зъ рукою.—Ишла костяна баба зъ камьяной горы, зъ камьяною дѣвницею до камьяной коровы. Колы зъ камьяной коровы потече молоко, тоди зъ р. Б. кровь потече“ ³⁾.

„Отъ ножа, отъ кипариса, отъ синяго желѣза летѣлъ воронъ черезъ гору. Хочеть воронъ не ниткой-суровинкой,—шелковинкой шить-пошивать, кровавыя раны зашивать. Какъ на той горѣ стоятъ 33 комнаты, а въ нихъ 33 дѣвицы — родныя сестрицы. Онѣ шють-пошиваютъ, кровавыя раны зашиваютъ.—Ѣдетъ царь, а ты, кровь, не кань“ ⁴⁾.

„На горѣ на 'Сіянѣ, на рѣкѣ на Ирдани, стоитъ древа-купаресь. Падъ тымъ древомъ купареснымъ стаять стали дубовыи, нитясовыи; за тыми, за столами, за дубовыми, за нитясовыми, сидятъ три сестрицы и дѣвицы-красавицы, и прядутъ красный, разный шолкъ, прядутъ, выпрядаютъ и ўзоры набираютъ. Сястрицы-дѣвицы! прядитя красный, разный шоукъ, вы прядитя — и узоры набирайтя, и красныга шоўка на зямлю ни ўраняити, и съ зямли ни падымайтя. У раба крови ни бывать. Аминь“ ⁵⁾.

¹⁾ *Bartsch*, „Sagen, Märchen“, с. 374.

²⁾ *Забѣлинъ*, „Русскій народъ“, с. 291.

³⁾ *Иваницко*, „Шептанія“, с. 179.

⁴⁾ *Манжура*, „Сказки“, с. 150.

⁵⁾ *Добровольскій*, „Смол. этн. сборн.“, с. 202—203.

„На морѣ на окіянѣ, на св. рѣкѣ на Ерданѣ бѣль-горючъ камень выплываетъ; а на томъ камнѣ три дѣвицы — прекрасныя мастерицы, — въ рукахъ держатъ паяльцы, вся рѣки, вся источники, вся ручьи равны зашиваютъ. Тѣло нѣмо, кость отъ камня, жилы отъ древа-шелковника. Порвися горючъ кровь уймися и запекися, яво у мертваго. Аминь“ ¹⁾).

„Выйшло зъ моря двѣ дивыци — становылось три крыныци. Де І. Х. свѣи вишь постановывъ, тамъ и кровь остановывъ. Якъ не станешъ ты, крове, на тимъ мисти, тамъ и кровь остановывъ. Якъ не станешъ ты, крове, на тимъ мисти, то будешъ ты проклята, якъ той чоловікъ, що зъ дочкою въ Кіевѣ иде, — то винъ и другого въ грихъ уведе“ ²⁾).

„Господи Исусе Христе и Отець и Сынъ и Св. Духъ! — Есть великій окіянь-море; въ томъ в. о. м.—ѣ есть камена изба, въ той к. избы сидитъ три сестры, самому Христу дочери. Большая сестра сидитъ у порогу на золотомъ стулѣ, беретъ иглу булатну, вдѣваетъ нить шелкову, зашиваетъ рану кровавую у р. Б. имрака! Не было бы не раны, не крови, не ломоты, не опухоли. Будь слово мое крѣпко“ ³⁾).

„Во имя Отца... Духа. Аминь. Есть святое море-океанъ, на томъ св. м.-океанѣ сидятъ 33 дѣвицы, держатъ по золотой иглѣ, и въ иглахъ по шелковой ниткѣ и зашиваютъ у р. Б. Н. кровавую рану и его щемоту и всякую болѣзнь сердечную; держатъ по золотому вѣнку, обмакиваютъ въ солену воду, замачиваютъ кроваву рану и его щемотную болѣзнь сердечную у р. Б. Н. во вѣки вѣковъ. Аминь“ ⁴⁾).

„Господи благослови, Отче! Есть св. море-окіянь; на томъ м.-о.—ѣ есть бѣль камень, на т. б. к. есть златъ

¹⁾ Тихонравовъ, „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, 78—79.

²⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 16.

³⁾ Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, 259.

⁴⁾ Якушкинъ, „Молитвы и заговоры“, с. 163.

стуль, на т. з. с. сидить красная дѣвица. Прядетъ она шелковый кужель и шелковыя нитки, и тѣми нитками сшиваетъ жилу съ жилою, кожу съ кожею, кровь съ кровью, и рану сшиваетъ въ игольные уши у р. Б. Н. Унимаетъ та дѣвица кровь и ломотную щепоту, и всякую болѣзнь сердечную р. Б. Н. Во имя... Аминь“ ¹⁾.

„Стану я р. Б. Н. (— больной —) благословесь, пойду перекрестясь и выйду въ чистое поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ и помолюся Господу Богу Нашему Иисусу Христу и Матери Пресвятыя Богородицы и всѣмъ святымъ.—Есть въ чистомъ полѣ океант-море, въ о.-м—ѣ есть алатырь-камень, на а.-к—ѣ сидитъ красная дѣвица и шьетъ золотой иглою и шелковой ниткой, а зашиваетъ всякія моря и рѣки и всякіе мелкіе источники, — такъ же бы у меня р. Б. Н. зашивала кровавую рану и кровь горячую. И не текла и не капала, отъ кости не щипло, отъ жилъ не пухло... Кое слово не договорилъ, то въ постѣнъ (— пользу —) поди, и переговорилъ, — въ постѣнъ поди.—Будьте слова эти сполна и крѣпки на р. Б. Н. Во имя... Духа“ ²⁾.

„Шелъ Господь съ небесъ съ вострымъ коніемъ, — ручьи-потоки запираетъ, руду унимаетъ, стрѣльную, ручейную, ножевую, топоровую. — Выйду я въ чисто поле, на чистое море; на ч. морѣ чистый камень, на ч. камнѣ стоитъ дубъ краколистый, подъ тѣмъ д. к—мъ сидитъ твердая красная дѣвица, самоцвѣтные шелки мотаетъ, руду унимаетъ, не своими, Господи, мудростями, Твоими, Господи, Святыми молитвами.—На землѣ камень не растеть, у р. Б. *имрака* руда неидетъ, крѣпче крѣпкаго камня, камень мѣсто ключа и замка, руду перекладываетъ, вода не канетъ. Аминь. Царя Небеснаго, Госнода І. Христа, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь“ ³⁾.

¹⁾ *Якушкинъ*, „Молитвы и заговоры“, с. 163.

²⁾ *Ефименко*, „Сборн. млр. заклинаній“, с. 211 (ср. ib., №№ 66—69).

³⁾ *Щаповъ*, „Историч. оч. народн. міросозерц.“, с. 56.

— Поздиѣ на мѣстѣ двѣицы появляются Богородица и святая.

„Иихала Пречыста на бильмъ кони, и зъ бильмъ конемъ до билого камня,—каменя рубаты, крови замовляты. И стань, кровъ, каменемъ, а якъ не станешъ к—емъ, то буде тоби те, якъ тому чоловікови, що до службы дрова руба“¹⁾.

„Ишла Св. Прач. Матка Христова горою, нясла воду дугою. Дуга, разогнися, вода, разольлися. Дуга разогнулася, вода разлилася, а у р. Б. кровь сувалася, печаной запаялася“²⁾.

„Ишла Матиръ Божя черезъ калыновый мостъ и нысла въ руди трость, трость поламала, кровь замовляла хрещеному, нарожд., молитв. Н. Не я замовляю, а Матиръ Божя духомъ Своимъ небеснымъ“³⁾.

„Отче нашъ... Ишла Пречыста Маты черезъ мистъ, поставыла трость, трость стала, а кровъ перестала“⁴⁾.

„Пресвятая Мать Бугородица на златую пряслицу прядла, нитьу атарвала, кроу завизала“⁵⁾.

„Аминь. На мори на акіянь, на о—въ на буянъ лежить горючъ камень; на томъ к—ѣ сидѣла Пресвятая Богородице, держала въ рукѣ иглу золотую, вдѣвала нитку шелкову, зашивала рану кровавую: тебѣ, рана, не болѣть, и тебѣ, кровь, не бѣжать“⁶⁾.

„На мори — на окіяни, на острови — на обоани стоить церковь; а въ тій церкви стоить престоль, за п—мъ сидѣть Пречистая Дива Марія, шые вона шовкомъ кроваву рану; шовку не стало и кровь перестала“⁷⁾.

„Господзи баслови! И съ восхода солнца и до запа-

1) Чубинскій, „Труды“, I, 126.

2) Романовъ, „Бѣлорус. Сборн.“, V, 66.

3) Ястребовъ, „Матеріалы по этн. Новорос. края“, с. 103.

4) „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 192.

5) Добровольскій, „Смол. этн. сборн.“, с. 201.

6) Щаповъ, „Историч. оч. народн. міросозерц.“, с. 58.

7) Иващенко, „Шептанія“, с. 179.

да открылось 12 ключей, изъ 12 к—й процекала рѣка и среди той рѣки ляжиць бѣль камень, на б. на к—ѣ сидиць красна дѣвица—ни красна дѣвица, а Маць Пресв. Б—да и ѹ рукахъ Своихъ держиць животворную иголку, а въ ж. и. вздернута красная шелчинка, и животворной иголкой рану прокалываетъ и к—ою ш—ой рану зашиваетъ, и кроваваго поѣска на свѣтѣ не бываетъ и Маць Пресв. Б—да навѣетъ рану заживляетъ.—Лѣтнему цвѣту зимой не распускацца, а боли этой на-вѣкъ прекращацца. Аминь“¹⁾).

„Вхавъ Илья на конѣ, тягъ ноги по землѣ, ноги поднявъ, кровь унявъ. Ишла Пречиста: одна зъ Кіева, друга зъ Чернигова, третя зъ Нижина, — несла сребну голочку, шовкову виточку, рану зашивали, кровь заговляли: «Кровь зъ буйной головы, зъ румянаго лица, зъ ретивого сердца, зъ живота, зъ костей, зъ мозговъ, зъ черныхъ косъ, зъ карихъ очей»“²⁾).

„Ишла я валыновымъ мостомъ, подперлась валыновою пальцею. Застрила мене Божая Маты: «Куды ты, нароженная, молитвяна, N.?»—Иду до народж., мол. N. криви заговляты, Господа Бога прохаты. Мои слова, а Божя помичь“³⁾).

„Чиризь моря-окіянь ишла Божжія Матирь. Стрѣуся зъ ёю Сусь Христось, самъ Госпотъ Бохъ.—„Куда, Божжа Матушка, идешь, куда золоты влючики насешь?“—N. рабу кровь замкнуть“⁴⁾).

„Есть море-кіянъ, на м.-к. стоятъ островъ, на томъ о. воздвигнута церковь Климента, папы Римскаго, въ той церкви св. дѣвица, а имя ей Анастасія. Держитъ она у себя разныя иглы и шольвою ниткою зашиваетъ она

¹⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, 539.

²⁾ Ефименко, „Сборн. млр. заклин.“, с. 14.

³⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, с. 200.

⁴⁾ Добровольскій, „Смолен. этн. сборн.“, с. 201.

рану кровавую, а рагѣ — болѣть и крови — ити заповѣдывааетъ; и никакой скорби и болѣзни отъ тьмы тысячъ и отъ всякихъ враговъ и супостатовъ и отъ нечистаго духа къ нему р. Б. N. прикасатися не велить, чинѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“ ¹⁾).

„Стану я р. Б. N. благословясь“ и проч. и выйду къ „латырю-камню“, на которомъ стоитъ „церковь соборная, въ ц. с—ой влатъ престоля, на з. п. сидитъ бабушка Соломонія — Христа повивала, щепоты-ломоты унимала, садести и болѣзни, порѣзы и посѣвки отъ удару и отъ укладу и отъ булату унимала и запирала. — Какъ отъ латыря-камня воды, такожде у р. Б. ни руды, ни садѣли (?), ни болѣзни; изъ курицы—молока, изъ цѣтуха—не яйца, не у р. Б. N. ни руды; какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки и источники, такожде бы у р. Б. твердо утвердился руда, заключились въ море, ключи на небесахъ, замки достану, эти ключи и замки св. молитвами запру и укрѣплю посѣвки и удары во вѣки вѣковъ“ ²⁾).

Въ заключеніе приведу два образца заговоровъ, стоящихъ на границѣ молитвы (апокрифической).

„Im nomine patris... Sanctus Helyas sass und wainot und floss im das pluot zu den nas löchern us do bedung er ruoten zu Got und sprach: min Got hilf mir, und bezwing das pluot, als der Jordan bezwungen ward ee dich Sanct Johans darin toufft (und sprich 3 Paternoster und 3 Ave Maria)“ ³⁾).

„Истоци кровь язвою изъ ребръ своихъ христе боже нашъ присушили еси вся источники вражя недужныя побѣдилъ еси всю силу неприязненную ты владыко вос-

1) *Щуровъ*, „Знахарство на Руси“, с. 166.

2) *Ефименко*, „Сборн. млр. заклинаний“, с. 212.

3) *Birlinger*, „Aus Schwaben“, с. 458.

хощеши нынѣ присути (присушити) источникъ кровныя
и побѣдити силу огненюю и дати здравіе рабу твоему
імярекъ волею и благодатию твоею отца твоего небесна-
го господа нашего ісуса христа прославиша имя его свя-
того яко благословися и прославися“ ¹⁾.

¹⁾ *Каратыгинъ*, „Апокрифич. молитвы“, с. 445.

ГЛАВА 4-я.

Заговоры отъ зубной боли.

Въ основѣ почти всѣхъ „зубныхъ“ заговоровъ лежитъ мысль объ умерщвленіи того существа, которое, поселившись въ зубѣ, мучитъ больного. Отсюда въ большинствѣ заговоровъ встрѣчаемъ обращеніе къ мѣсяцу (лунѣ), отождествленіе коего съ мертвецомъ само напрашивается: и внѣшній обликъ, и свѣтъ его въ ночное время и народныя повѣрья, (подмѣтившія въ очертаніи лунныхъ горъ изображеніе библейскаго братоубійства). Затѣмъ выступаютъ на сцену его замѣстители: мертвецъ, Каинъ-Авель, заяцъ ¹⁾ и др.

Постепенно существо, сначала неопредѣленное, быть можетъ, таинственное, отливается въ образъ черва, точа-

¹⁾ По индійскимъ повѣрьямъ богъ луны носитъ зайца, Будда помѣстилъ зайца на луну. — Очевидно, въ Индіи „два брата“ (на лунѣ) были воспринимаемы въ образъ зайца. — У Аеанасьева приведенъ цѣлый рядъ аналогичныхъ сказаній у различныхъ народовъ. Шведы, алеуты видятъ на лунѣ изображеніе двухъ дѣтей, несущихъ на палкѣ большое ведро; въ Германіи видятъ тамъ вора съ топоромъ въ рукѣ, онѣмѣвавшего за то, что рубилъ въ чужомъ лѣсу дрова на Свѣтлый Праздникъ и проч. (см. „Поэтич. возр.“, I, с. 250—2).

щаго зубъ. (Такое мнѣніе понынѣ упорно поддерживается даже въ средѣ болѣе-менѣе культурной, отчасти, быть можетъ, потому, что при убиваніи нерва зубного извлекается „жилка“, похожая на тонкаго червя). Противъ этого врага и ополчаются всякими способами: къ нему обращаются съ приказаніемъ или просьбою оставить больного; его выкуриваютъ, его застраиваютъ, его выживаютъ примѣненіемъ неприятныхъ для него средствъ. Отсюда — обращенія къ „зубной травѣ“, къ рябинѣ, къ дубу, грушевому и другимъ деревьямъ и растеніямъ, а также — къ водѣ.

Особнякомъ, на переходѣ къ заговорамъ молитвеннаго характера, стоятъ обращенія къ зарѣ.

Остальные заговоры пытаются уничтожить боль путемъ сопоставленія предметовъ и явленій, которые не могутъ быть собраны во-едино, — путемъ отрицательнаго сравненія, какъ отраженія вѣры въ могучую силу слова.

На позднѣйшихъ, по типу, заговорахъ все замѣтнѣе наслоется элементъ религіозный, церковный, и заговоры сближаются съ отреченными молитвами.

Натираютъ зубъ щепочкой дерева, разбитого молніей, привязываютъ ее ячменной соломенкой къ камню и бросаютъ въ текучую воду, говоря:

„Schmerz, o Schmerz, in meinem Zahn,
Stürme nicht so stark heran!
Geh' von mir o geh hinaus,—
Ist mein Mund doch nicht dein Haus!
Komm' zu mir nicht auf Besuch,
Stets ich dich ja nur verfluch';
Kommt dies Stroh jetzt in den Bach,
Folge du ihm friedlich nach“ ¹⁾.

¹⁾ *Wlislöcki*, „Volkslaube... Zigeuner“, с. 178.

Потирая слегка больной зубъ и давая пить наговоренную воду изъ стакана, не бывшего въ употребленіи, говорятъ:

„О вы, зубы, зубы! чаму жъ вы не бѣлы, да руды? Хиба вы што кепско жевали, што хворобы достали. Перастанце жа вы хворэци, будзѣце якъ вельки павъ ў гарэци. А коль не перастанце болѣци, то мы будземо васъ желѣзомъ цегнуци. Идзи жа ты, хвороба, у шырока поле, ў сухіе лѣса, да ў мокрыя болота, а хворобы намъ жадной не треба, бо ена прышла отъ чорта, але не зъ неба“ ¹⁾).

Поставивъ больного на дворѣ лицомъ къ молодіку:

„Мылодзикъ мылодэй, твой рогъ золотэй! Ци быў ты на тымъ свѣцѣ? — Быў. Ци видзіў тамъ живыхъ и мертвыхъ? — Видзіў. Ци боляць имъ зубы? — Не. — Нихай жа ни боляць и мнѣ“ ²⁾).

„Молодзикъ молодой, у тебе рогъ золотый; ў моры кунаўсе, намъ спознаваўсе. Спрашиваў молодой у старого: „Ци боляць зубу у няжывого?“ — Якъ няжывого зубу не боляць, такъ у р. Б. Н. штобъ ни болѣли“ ³⁾).

„Мѣсяцю молодой, на тобѣ хрестъ золотый! — Пытаецця сынъ батька: „Чи болятъ зубы у нежывого?“ — Нѣ, не болятъ! — Нехай же и у хренченого р. Б. Н. не болятъ“ ⁴⁾).

„Місяцю маю, чогось я тебе спытаю: „Чи болятъ въ мертвого зубы?“ — Ни, не болятъ, не щемлятъ. — Щобъ не болилы и не щемилы у рожден., крещен. и молытв. р. Б. Н.“ ⁵⁾).

¹⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, 541.

²⁾ Ibid.

³⁾ Пь.

⁴⁾ Ефименко, „Сборн. малор. закл.“, с. 5. Ср. Чубинскій, „Труды“, I, с. 124—5.

⁵⁾ Чубинскій „Труды“, I, с. 124.—Ср. Ефименко, „Сборн. млар. закл.“, с. 6.

„Молодыкъ, молодыкъ, де ты бувъ?“—На тимъ сви-
ти.—Шо ты бачивъ?—Мертвыхъ людей.—Шо вони ро-
блять?—Лежать.—У ихъ зубы не болять?—Не болять.—
Щобъ и въ тебе не болилы нарожд., мол. N. “¹⁾).

„Молодзикъ, молодзикъ, дзѣ ты ўчора бувъ? — На
тымъ свѣци.—А што ты бачивъ?—Гробъ.—А у гроби
што?—Раба Б. цѣло мѣртвое.—Ци боляць у того р. Б.
зубы?—Нѣ, не боляць.—Кабъ жа и ў гэтаго р. Б. не
болѣли“²⁾).

(Глядя на луну и звѣзды): „Быў на томъ свѣти?—
Быў.—Мяртвыхъ видіў?—Видіў.—Што жъ яны?—Ли-
жать замартвѣўши.—Штобъ и зубы замартвѣли у N. “³⁾).

„Мисяцю, мисяцю, у тебе роги золоти! чы бувъ ты
на тымъ свити, чы бачивъ ты мертвыхъ людей?—Ба-
чывъ.—Чувъ же ты, чы болять у мертвыхъ зубы?—Хто жъ
скаже, щобъ у мертвыхъ людей зубы болилы?—Дай же,
Господы, щобъ въ мене р. Б., хрещен., нарож. и молю-
твяного зубы николы не болилы.—Тоби на цидповня, ме-
ни на здоровля“⁴⁾).

„Молодыкъ молодой, на тоби хрестъ золотый! кла-
найся старому, мертвому и живому.—Болять у ихъ зу-
бы?—Такъ и у меня N. “⁵⁾).

„Молодыче (bis), чы бувъ ты въ старого, чы болять
зубы у мертвого?—Якъ у мертвого ны болять, то такъ
и у N. не болилы и не щемилы и загамянили“⁶⁾).

„Пытаеця молодой мисяць старого, чы болять зубы
у мертвого?—Якъ буде мертвый ногами ходыть, рукамы
робыть, устамы говорыть, розумомъ думать, тоди будуть
у рожд., мол., хрещ. р. Б. N. зубы болить“⁷⁾).

¹⁾ *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, с. 319.—На этой же
страницѣ ириведено еще 5 почти тожественныхъ вариантовъ.

²⁾ *Романовъ*, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 82.

³⁾ *Добровольскій*, „Смол. этн. сборн.“, с. 197.

⁴⁾ *Ястребовъ*, „Матер. этногр. Новор. края“, с. 50.

⁵⁾ *Реѣшъ*, „Lidová léčba“, с. 286. (Транскрибировано).

⁶⁾ „Харьк. Сборникъ“, VIII, с. 192.

⁷⁾ *Сорокинъ*, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 16.

...„Пытаецца молодыѣ у старога: „Ты бувъ за морямы, ты бувъ за водамы, ты бачывъ мертваго чоловика. Якъ у его не болять, не щемлять зубы, щобъ такъ и у мене р. Б. не болилы, не щемилы“¹⁾.

(Говорится къ мѣсяцу; въ избу возвращаются, пяться назадъ):

„Мисяцю старый, мисяцю молодой! бувъ ты за морямы? — Бувъ. — Лежать люде не жыви? — Лежать. — Не болять у йихъ зубы? — Не болять. Такъ у мене, хрещ., нарожд., молитв. N. нехай не болять“²⁾.

(Обратась къ молодику, говорить не перевода духу, потомъ взять изъ-подъ правой пяты песку и приложить на ночь къ щекѣ, гдѣ болять зубы): „Пытая малады у старога: Ци боляць зубы у няжывого? — Старый говорыць: Нѣ! — Няхай не боляць мнѣ“³⁾.

„Пытаецца мисяць молодой старога: Чы болять зубы у умерлыхъ? — Ни не болять. — То такъ щобъ не болилы зубы порожденному, хрещ., молитвен., муромъ помазанному N. одъ цѣго дня до вику“⁴⁾.

„Батюшка младъ мѣсяць, золотые рога твои! Какъ рога твои золотые, такъ чтобы у р. Б. N. зубной болѣзни не было во вѣки аминь“⁵⁾.

„Стану я р. Б. N. благословясь, выйду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротми. Выйду я на широкую улицу, посмотрю и погляжу на младъ свѣтель мѣсяць. Въ томъ младу мѣсяцу 2 брата родные Кавель и Авель. — Какъ у нихъ зубы не болять и не щипяць, такъ бы у меня р. Б. N. не болѣли и не щипѣли“⁶⁾.

¹⁾ *Ястребовъ*, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 107.

²⁾ *Комаровъ*, „Нова збирка“, с. 108—9. (Говорятъ, увидѣвъ впервые молодикъ).

³⁾ *Демидовичъ*, „Изъ обл. вѣров. бѣлорус.“, с. 130.

⁴⁾ *Rubikowski*, „Zapiski etnograficzne“, с. 112. (Транскрибировано).

⁵⁾ *Минахъ*, „Нар. обыч.“, с. 88.

⁶⁾ „Труды Моск. этн. общ.“, кн. V, в. 2-й, с. 202.

„Мисяцю Адаме молодой! пытае тебе царь старый: Чы болять у мертвого чоловика зубы, чы ни? — Ни. — Колыбъ и въ мене не болицы, мольтв., рожд. и хрещеного“ ¹⁾).

„Мисяцю Адаме, бувъ ты на тимъ свити?—Бувъ.—Бачывъ мертвыхъ людей?—Бачывъ.—Шо въ йихъ зубы болять?—Не болять.—Такъ шобъ и въ р. N. не болилы, не щемилы, а якъ у камини стрымили.—Судъ судомъ, вить викомиъ. Цему слову аминь.—Поможы св. Антоній“ ²⁾).

„Ты мисяцю Адаме молодыкъ! пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертвого зубы не болять?—У мертвого зубы николы не болять.—Кости задубилы, зубы занимилы, николы не болилы“ ³⁾).

„Ты мисяцю Адаме молодыкъ! пытай ты у мертвыхъ: у васъ зубы не болять?—У мертвого зубы николы не болять: кости задубилы, зубы занимилы, николы не болилы.—Даруй, Господы. шобъ у мене р. Б., нарожд., мол., хрещ. N. зубы занимилы и николы не болилы“ ⁴⁾).

„Мѣсяць Каинъ, гдѣ твой братъ Авель?—Твой братъ умре, и у р. Б. N. зубы уйми“ ⁵⁾).

„Каинъ (3 р.)! вели спросить брата своего Авела: не болять ли у него зубы?—Нѣтъ.—Такъ бы у р. Б. N.—нѣтъ.—Во имя Отца... Св. Духа. Аминь“ ⁶⁾).

„Архангелъ Михаилъ, мисяць праведный, бувъ на тимъ свити?—Бувъ.—Бачывъ мертвыхъ людей?—Бачывъ.—Не болять йихъ зубы, не болытъ йихъ жовтая кость, не болытъ и чорная кровь?— N. р. Б. шобъ зубы не болилы и не щымилы, хрещен., нарожен. и мольтовного“ ⁷⁾).

¹⁾ *Ивашенко*, „Шептанія“, с. 177.

²⁾ „Харьк. Сборн.“. VIII, с. 192.

³⁾ *Линденбергъ*, „Нѣск. загов.“, с. 494.

⁴⁾ *Чубинскій*, „Труды“, I, 125. — Ср. *Ефименко*, „Сборн. мдр. закл.“, с. 6.

⁵⁾ *Щуровъ*, „Знахарство на Руси“, с. 163..

⁶⁾ *Тихонравовъ*, „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, с. 77. Ср., почти буквально, у *Добровольскаго*, „Смол. этн. сборн.“, с. 197.

⁷⁾ *Шилишкѣй-Иллитч*, „О заговорахъ“. Ср. почти буквально

„Встану я р. Б. Н. благословясь и перекрестясь, пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, подъ красное солнце. Выйду я въ зеленыя луга, во зеленыхъ лугахъ стоитъ желѣзная баба, на этой бабѣ стоитъ милостивый Ной. Помолюсь и покорюсь милостивому Ною: „Милостивый Ной! Сходи на тотъ свѣтъ: не болятъ ли тамъ зубы, не ноютъ тамъ скулы, не пухнутъ тамъ десны?“ — Вотъ такъ бы у р. Б. Н. не болѣли бы зубы, не ныли бы скулы, не пухли бы десны. — Будь въ моей статьѣ ключи и замки, въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ до вѣку“ ¹⁾).

„Мѣсяцъ ты, мѣсяцъ, серебряные рожки, золотые твои ножки. Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою зубную боль.— Марѳа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, пойдите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Л-я, не болятъ ли у него зубы?— Не болятъ и у меня зубы.— Заговариваю я р. Н., чтобы у него не болѣли по сей часъ, по сей день, по жизнь“ ²⁾).

„Молодыкъ, молодыкъ, тоби вповни, мыви на здоровья“ ³⁾).

„Молодыкъ, молодыкъ! въ тебе рога золоты: твоимъ рогамъ не стоять, моимъ зубамъ не болѣтъ“ ⁴⁾).

„Ich sehe den Mond mit drei Spitzen, meine Zähne sollen weder hitzen, noch schwitzen, weder gären, noch schwären, bis ich einen Mond seh' mit drei Spitzen. Im Namen...“ ⁵⁾).

„Ich seh' den Mond mit zwei Spitzen; meine Zähne sollen mich weder stechen, noch schmerzen, bis ich den Mond seh' mit drei Spitzen“ ⁶⁾).

но у Чубинскаго, „Труды“, I, с. 125 и у Ефименко „Сборн. млр. закл.“, с. 6.

¹⁾ Шустиковъ, „Троицина, Кадник. у.“, с. 129—130.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 124.

³⁾ Коваленко, „О нар. мед. млрус.“, с. 179.

⁴⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 8.

⁵⁾ Kuhn, „Sagen, Gebräuche“, 205—6.

⁶⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, II, с. 519.

„Mond, du spitzst dich, meine Zähne schwitzen mich, spitzst du dich heut oder morgen, meine Zähne soll'n nicht mehr schwitzen“ ¹⁾).

„Ich grüsse dich, Mond mit zwei Spitzen: gieb mir, Mond, das meine Zähne weder schweren, noch sitzen. Im Namen“ ²⁾).

„Ich grüsse dich, du helles Licht (=Vellmond) für die Zahn und für die Gift, für die roten Würmlein, die in meinen Zähnen sein“ ³⁾).

„Der neue Mond am Himmel der glüne Baum in der Erde, Gott gebe, dass mir kein Zahn mehr schwillt, noch schwiert, so lange, bis kein neu Licht mehr am Himmel werde, das zähl' ich mir zur Buss“ ⁴⁾).

(Наговариваемую соль кладуть на окно, чтобы на нее падали лучи мѣсяца; послѣ заговора кладуть соль на больной зубъ):

„Младъ молодвикъ (bis) нарождаецца у цемныхъ вочахъ, ў вечернихъ зарахъ. Ня чулў ёнъ ни стукоту, ни грухоту, ни заносныхъ лунъ, да ни солнышка.—Рабъ N. ў утробѣ мадери зарождаўся,—ни чулў ёнъ ни стукоту, ни грухуту, ни краснаго солнца, ни яснаго мѣсяца. — Дай Господи, щобъ яго зубы не болѣли, и болѣзни въ себѣ ня имѣли. Аминь“ ⁵⁾).

„Маладвикъ—маладый, мнѣ твой рогъ залатый на здароўя, а табѣ на прыбытэкъ. Есць у мори бѣлыи камень, а на-варху сонца; камянь на варху, сонца на перѣи (= на облакахъ) на дно патанула (— Тутъ разумѣется отраженіе солнца на водѣ). — Дай же, Боже, кабъ и мае зубки патанули“ ⁶⁾).

1) *Köhler*, „Volksbrauch, Aberglauben“, с. 407.

2) *Volkmann*, „Volksmedizin“, с. 177.

3) *Prahn*, „Glaube u. Bräuche“, с. 196.

4) *Köhler*, *Op. cit.*, с. 408.

5) *Шейнъ*, „Матеріалы“, II, с. 542.

6) *Карский*, „Библиогр. зам. о трудѣ Варенка“, с. 497.

„Маладзюкь малады, N. свитый, бачыў ты Адама?— Бачыў. — Баляць яму зубы? — Нѣ. — Нехай не баляць и N. — Есць у мори ракъ, а у дубѣ червякъ, калы яны сойдудца медъ и вино пиць, нехай тады N. зубъ забалиць“ ¹⁾.

„Мисяць у неби, мертвецъ у гроби, камень у мори. Якъ тры браты до-купы зберуться и будутъ бенкетъ робыты, тоди у мене зубы будутъ болиты“ ²⁾.

„Первымъ разомъ, Божимъ часомъ.— Мисяць на неби, камень у мори, мертвый у гроби.— Якъ изыдуца си тры браты хлеба-соли глытати, тоди буде болизнь мои зубы ламаты“ ³⁾.

„Молодой молодойче! тоби въ сповни, мени въ здоровьи. — Есть у насъ тры цари: одынь Небесный, другой — земный, а третій у лиси. — Якъ зйдуться воны земли межувать, тоди въ нарожденного, молитв. N. зубы заболыть“ ⁴⁾.

„Мисяць на неби, рыба въ води, медвидъ въ лиси, комаръ на крыши. Якъ си четыре брати вмисти сойдуться, тоди у молитв., хрецен. раба Б. (ч. рабы) N. будутъ зубы болиты. Нехай воны занимають, закамениють, затвердють на вики виковъ“ ⁵⁾.

„Мисяць у неби, рыба у мори, вовкъ у поли. Колы ци браты зойдудца, тоди у мене зубы будутъ болить.— Ангелъ мій изъ Евангелія, съ главы; помощь моя отъ ангела“ ⁶⁾. (Надавливають крестообразно больное мѣсто и сплевываютъ въ сторону).

„Звиръ у поли, каминь у мори, а мисяць на неби— и пособиты новорожденному, старому N. — Колы ци тры

¹⁾ Пб.—Ср. *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, с. 320.

²⁾ *Линденбергъ*, „Нѣск. загов.“, с. 494.

³⁾ *Коваленко*, „О нар. мед. млре.“, с. 179.

⁴⁾ „Матеріалы Предварит. Комитета по устр. XII Археологическаго Съѣзда“. (Дост. свящ. Шостенко).

⁵⁾ Пб. (Изъ слоб. Куземовки, Купян. у., X. губ.).

⁶⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 170.

браты зйдуцця, тоди у новорожденного (?), крещеного N. зубы болитымутъ. Новорожд., крещ. N. червамъ роты замовляты, щобъ ны зудили въ зубахъ“¹⁾.

„Мисяць на неби, а дубъ на гори, а каминь у води.—Колы си тры браты у мисто зйдуцця, то тоди у мене будутъ зубы болиты“²⁾.

„Молодикъ молодой! у тябъ рогъ золотый, на мори кунаўся, намъ показався.—Табъ на темныя вочи, а намъ на свѣтлыя вочи, вамъ на стоянныя, а намъ на здоровья, вамъ на высоту, а намъ на красоту.—Первый царь—ясень мѣсяць на небѣ, другой царь—земянь дубъ у поли, третей царь—бѣлый камень у мори.—Сколько тымъ тромъ царомъ у кучи ня сходитца, столько р. Б. зубамъ ня болѣтъ и кости не щамить и криви ня певать.—Дай Богъ на помочь“³⁾.

„Царь молодзикъ на неби, царь ракъ на мори, царь дубъ на земли. Якъ етыя три царики у кучу ня сходзютца и не воюютца, кабъ такъ раба зубы вѣкъ не болѣли, косьци не ломили.—Ляжиць мартвець у гроби, ня чуець ни боли, ни ломоты, кабъ такъ у р. Б. на-вѣкъ боль не болѣла и косць не ломила“⁴⁾.

„Мѣсяць на неби, мядзвѣдзь у лѣси, рыба на мори. Якъ имъ у кучу не сходзитца, за 'днымъ столомъ не садзитца, съ одныя чары вина ня пиць, съ одныя чаши травы ня ѣсь, такъ и N-мъ зубамъ ня болѣць“⁵⁾.

„Мисяць на неби, а дубъ у земли, а щука у води. Якъ вы вси зйдетесь до-купы, то тоди нехай у мене зубы заболять“⁶⁾.

„Мисяць на неби, каминь на земли, а рыба въ мо-

1) „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 37.

2) *Ивациенко*, „Шептанія“, с. 178.

3) *Романовъ*, „Бѣлор. Сборн.“, V, с. 81.—2.

4) *Иб.*, 164.

5) *Иб.*, 80.

6) *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, с. 319.

ри. Коли вони будуть пыть та гулять, тоди будуть у N. и зубы рвать“¹⁾.

„Мисяць на неби, а ведмидь у поли; а щува въ мори: — Коли си три браты до купы зйдуться, хлиба-соли зьидать, то тоди въ народъ, мол., хрець р. Б. N. зубы заболать. — У мертвого зубы не болят и не щемлять, таеъ въ нар., мол. Христова р. Б. N. зубы не болят, и не щемлять. — Велькомученыкъ Антонію, святой азубамъ, врачъ и исцилителю, избавъ, Господы, р. Б. одъ зубной болисти“²⁾.

„Na niebie miesiać, a w morzu kamień, w polu zając, w dąbrowie dąb. Jak te towarzysze nie zejda się z sobą ani obiadaują, ani wieczerają, ani południają, tak by moje zęby na wieki nie bolały“³⁾.

„Kamień w wodzie, miesiać na niebie, niedzwiedź w lesie. Jak ci trzy bracia w lesie objad jeść będą, albo wieczerają, wtenczas będą moje kości łamać i boleć będą“⁴⁾.

(Обращаясь къ молодикю): „Князь на неби, а царь на земли, а камень на мори. Яеъ ты три браты зйдуться до-купы, таеъ щобъ порожденному, мол., именованному, муромъ помазанному N. зубы ни болилы“⁵⁾.

„Мертвеци во гроби, мисяць на неби и камень въ мори сходылысь до-купы, йилы, пылы, розмовлялы: чого болят зубы у р. Б. N.“⁶⁾.

„Мисяць на неби, мертвецъ у гроби, камень у мори. Яеъ три браты до-купы войдутся и будутъ бепветъ роботы, тоди у мене зубы будутъ болиты“⁷⁾.

1) *Милорадовичъ*, *Op. cit.*, с. 319. Ср. на с. 320-й еще 4 очоень близкихъ варианта.

2) *Ив.*

3) *Rulikowski*, „*Zap. etnogr.*“, с. 111.

4) *Ив.*

5) *Ив.*, с. 113 (транскрибировано).

6) *Чубинский*, „*Труды*“, I, с. 124.

7) *Ив.*, с. 125.

„Мисяць у неби, звирь у лиси, рыба у мори; колы си тры браты до купы зйдуться, тогды у мене р. Б. мол., хрещ. N. зубы будуть болиты“ ¹⁾).

„Мисяцю, молодой княже, чы бувавъ ты въ старого, чы пытавъ ты его: чы болять у ёго зубы?—Щобъ у мене виекъ виекомъ, судъ судомъ зубы не болилы. Заецъ въ поли, а рыба въ мори, мисяць на неби. Колы будутъ тры браты въ куни гуляты, то тоди у мене зубы будутъ болиты“ ²⁾).

„Мѣсяцю князю! васъ тры въ свѣтѣ: одинъ на небѣ, другой на землѣ, а третій въ морѣ — камень бѣлый. Якъ вони всѣ не можуть до купы зйтись, такъ не могутъ въ мене р. Б. N. зубы болѣти“. (— По прочтеніи „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“, заключаютъ словами:—„Нехай тобѣ золота корона, а мѣнѣ счастья и здорovia“ ³⁾).

„Мѣсяць у небѣ, мертвецъ у гробѣ, камень у морѣ. Якъ 3 браты до-купы зберутся и будутъ банкетъ роботы, тоди у мене зубы будутъ болѣти“ ⁴⁾).

„Мѣсяцю, молодой княже! чы бувавъ ты въ старого? чы пытавъ ты ёго, чы болѣли въ ёго зубы?—Щобъ у мене вѣкъ вѣкомъ и судъ судомъ зубы не болѣли. Заецъ въ полѣ, а рыба въ морѣ, мѣсяць на небѣ: колы будутъ 3 браты вкупѣ гуляты, то тоди у мене будутъ зубы болѣти“ ⁵⁾).

„Дубъ дзюравянный, камень камянный; калі яны сайдудца у мѣста, нехай тады р. N. балиць зубы. Не я памачница, а Господзь Богъ стань у помачь и Найсвенная Матка Цудоўная духомъ своимъ, и я своимъ“ ⁶⁾).

„Аминь (3 р.)! Мисяцю молодой! Було васъ тры ца-

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 126.

²⁾ Пь., с. 124.

³⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 4—5.

⁴⁾ Пь., с. 5.

⁵⁾ Пь.

⁶⁾ Карскій. „Библ. зам. о трудѣ Варенка“, с. 497.

ри: одинъ царь земной, другой — небесный, третій — водный. Вы вмисти сыдылы, раду радылы: одъ зубивъ шепталы. Не я шепчу, Пресвята Дива Богородыца шептала своимъ св. духомъ подымала и N. молитвами отъ зубивъ помогала“¹⁾.

(Въ пятницу вечеромъ въ новолуніе): „Gegrüßet seit du mir, o neues Licht, du kannst für die Zahn und für die Gift (bis), du kannst auch für meine Schmerzen. Es wuchsen dem Herrn 3 Lilien am Herzen: die erste war seine Gütigkeit, die zweite seine Barmherzigkeit, die dritte sein' guter Wille. Mein Schmerz stehe stille“²⁾.

„Господи Ісусе Христе, благослови мнѣ р. Б. N. сіе слово говорити и въ добрый конецъ привести. — Первый княжичъ — мѣсяцъ на небѣ Адавъевичъ, другой — червякъ у дубѣ, третій — медвѣдь у логовѣ, 4-й — камень у водѣ, 5-й — щука у водѣ. — Коли ти 5 братѣвъ, до-купы изышавшись, будутъ за однимъ столомъ сидѣти, пити, ѣсти, гуляти, добры мысли мати, суды судити, пересуды брати, тодѣ и въ р. Б. N. зубная кость, жовтая и бѣлая, будетъ болѣти. — И моему слову ключъ и замокъ. Аминь“³⁾.

„Стану я р. Б. благословясь и пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле, подъ восточную сторону, къ синему морю. И есть въ чистомъ полѣ, подъ восточною стороною лежитъ бѣлѣдубова гробница и есть въ той б-ой гробницѣ Іюня-мертвецъ. И какъ у того Іюня-мертвеца зубы не болятъ, мясо не пухнетъ, червь зубовъ не точитъ, такъ же бы у меня р. Б. N. зубы не болѣли, мясо не пухло и червь зубовъ не точила. Въвѣз повѣви, отъ нынѣ и до вѣву. —

¹⁾ „Матер. Предвар. Комитета XII Археол. Съѣзда“ (изъ хутора Соленого Купянск. у., Харьк. губ.).

²⁾ Peter, „Volksthümliches“, II, с. 238.

³⁾ Ефименко, „Сборн. мѣр. закл.“, с. 3 (изъ стар. рукоп. лѣт. 1793 г.).

Будьте мои слова полны, недоговорны и переговорны! Которое слово учитель не доучилъ или самъ ученикъ позабылъ, то слово не отставай, въ тотъ же аминь приставай. Аминь“ ¹⁾).

„За моремъ дубъ, въ мори камень, въ земли мертвецъ; якъ тымъ трёмъ царькамъ вмисти не сходиться, такъ щобъ у сего р. Б. Н. по смерть зубамъ, не болиты“ ²⁾).

(Найдя на улицѣ, кость съ зубами, кладутъ ее въ домъ на сухомъ мѣстѣ и читаютъ заговоръ): „Кость ты моя, кость зубная, избави меня отъ зубной ломовой болѣзни, а я, тебя избавлю отъ мовроты“ ³⁾).

(Найденную на дорогѣ кость завернуть въ тряпку и спрятать, говоря): „Ты, кость, валецъ, а у меня зубы болятъ, — такъ я, тебя, кость, подниму, и сохрѣю въ повоѣ; тогда ты не будешь валеть, а моимъ зубамъ конецъ будетъ болѣть. Кости сей не валиться, а моимъ зубамъ, не балить“ ⁴⁾).

(Накалывая руки около локтя сукомъ дерева, говорить): „Ты, чирвякъ-чирвяница, выходи на верхнія вапно, зъ верхнига вапна — на нижній ванецъ бирла: тамъ табѣ будить тепла, тамъ табѣ будить мякка, штоба табѣ извароту ни было“ ⁵⁾).

1) Пры дорози стоить дерево ясна красна, на тымъ дереви лежить червякъ бидый, ни живъ, ни мертвъ. Хе-

¹⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, кн. V, в. 2-й, с. 201.— Ср. тамъ же №№ 21, 22, 23 и 24 — утопный въ синемъ морѣ; — Иванъ-мертвецъ; убогой Лазарь; мѣсяць Генварь, Май-мѣсяць.

²⁾ *Манжура*, „Сказки“, с. 151.

³⁾ *Тихомировъ*, „Лѣтописи рус. л-ры“, IV, 77.— Ср. буквально у *Забѣллина*, „Русскій народъ“, с. 365.

⁴⁾ *Овсянниковъ*, „Загов. противъ лихор.“.

⁵⁾ *Добровольскій*, „Смол. Этн. сб.“, с. 197.

рьянъ — червякъ билый! поды спытай у мертвого чоловіка: чы не болять въ его зубы? — Не болять (3 р.). — Тавъ щобъ не болилы у р. Б. Н.“¹⁾

„Зубы-зубища, черви-червища! помы вы крутылы, помы вы нудылы, помы вы тощнылы, помы вы горылы, помы вы болилы, помы я тебе (=болѣзнь?) не вызывала, помы я тебе не выкликала, а теперь я тебе вызываю, теперь я тебе выкликаю, вышинтую, и Маты Божы вызывае, и М. Б. выкликае своимъ духомъ позыхае и шептаты, и помогаты, и вызываты, и вылыкаты молитвяного, рожденно Н.“²⁾

Подойдя къ извѣстному дубу въ лѣсу, по дорогѣ отъ „Beisee do Zagórzyc“ и прочитавъ 3 раза „Отче нашъ“ и 3 р. „Zdrowaś Maryja“, говорятъ: „Powiedz-że mi, powiedz, mój kochany dębie, jakim sposobem leczyc zęby w mojej gębie“³⁾.

(Поворачивая направо 3 раза грушевое дерево): „Birnbäum, ich klage dir,—drei Würmer, die stechen mir, der eine ist grau, der andere ist blau, der dritte ist roth. Ich wollte wünschen, sie wären alle drei todt. Im Namen“⁴⁾.

(Прижавшись больною щекой къ кусту бузины): „Meine Zähne thun mir weh, ein schwarzer, ein weisser, ein rother,—ich wollte, dass sie sich verbluteten. Im Namen Gottes des Vaters“ 3 р.⁵⁾

„Въ полѣ дубъ, въ морѣ камень, въ небѣ четыре брата, и когда тые четыре брата сойдутся на тотъ камень и

¹⁾ *Истребовъ*, „Матер. этн. Новорос. края“, с. 49.

²⁾ *Иваницко*, „Щептанія“, с. 177—8. — Ср. *Чубинскій*, „Труды“, I, с. 125, вар. ж.

³⁾ *Starkowski*, „Mater. do etnogr.“, с. 57.

⁴⁾ *Kuhn u. Schwartz*, „Norddeutsche Sagen“ с. 441.

⁵⁾ *Kuhn*, „Sagen aus Westfalen“, с.

стануть рѣчь говорить, тогда у меня р. Б. Н. будутъ зубы болить.—Отъ жовтой кости и отъ червоной кости“¹⁾.

„Дубъ у лиси, камень у мори, пивень на сидали, чорна корова на обори. Якъ ты чотыры братыки до-купы зйдуться, то щобъ тоди кисть заболѣла“²⁾.

„За Ордань-ривою стойить бѣлая береза, на морп-Окіани лежить бѣлый камень, зъ березою никогда не сходитъся, такъ щобъ у сего р. Б. Н. вично зубомъ не болиты“³⁾.

„Иверень-сукъ, Иверень-зубъ, тебѣ на землѣ не стоять, въ землю кореньевъ не пускать и вверху отроетки не давать, а у меня р. Б. моимъ зубамъ не болѣть“⁴⁾.

Даютъ зубную траву со слѣдующими словами: „Ми-сяць у неби, а звиръ у поли, а щука у мори; когда три браты зйдуться, когда девять хлибовъ пойдять, тогда у р. Б. Н. зубы заболѣть“⁵⁾.

Взять 3 корешка земляники, опустить въ воду и сказать 3 раза: „Какъ земляника эта засыхаетъ и завядаетъ, такъ чтобы и у р. Б. Н. зубы замирали и занѣмѣли, чтобы черви и нути занѣмѣли по сей день и по сей часъ“⁶⁾. (Корешки положить на зубъ, а воду наговоренную пить).

„Матушка-крапивушка, святое деревцо! Есть у меня р. Б. Н., есть у него въ зубахъ черви, и ты оныхъ выведи, а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя въ третій день отпущу“⁷⁾. (Привязываютъ верхушку крапивы къ землѣ, а на третій день отпускаютъ).

¹⁾ *Истробовъ*, „Матер. этн. Новорос. края“, с. 107. — Ср. *Чубинскій*, „Труды“, I, с. 125 и *Манжура*, „Сказки“, с. 151.

²⁾ *Вийковскі*, „Зар. etnogr.“, с. 111 (транскрибировано).

³⁾ *Манжура*, „Сказки“, с. 151.

⁴⁾ „Ворон. Юбил. Сборн.“, II, с. 94.

⁵⁾ *Марковичъ*, „Знах. нов. типа“, с. 422.

⁶⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, кн. V, в. 2, с. 202.

⁷⁾ *Тихомировъ*, „Лѣтописи рус. д-ры“, IV, с. 77. — Ср. буквально у *Забиллина*, „Русскій народъ“, с. 364.

„Ich gehe zu den Wasserfluss, still meinen Zahne böses Blut. Die eine ist weiss, die zweite ist schwarz, die dritte ist roth. Morgen sind sie alle drei todt. Im Namen...“ ¹⁾).

„Heute komme ich und böte diesen Fluss, ein Schee wurm und das böse Geglüte, ein schwarzer, ein weisser, ein rother. Es kommt die Mutter des Gottes und schlägt sie, alle drei todt. Im Namen...“ ²⁾).

„Заря, зорюшка, заря вечерняя, какъ ты утихаешь-ся, какъ ты улегаешься, пускай у N. зубъ желанный утихается, улегается, съ буйной головы, съ ясныхъ очей, съ черныхъ бровей, съ ретиваго сердца, съ жилъ, съ поджилъ, съ составъ, съ полуставъ. Зубище, зубище! иди ты на дубище; не пойдете на дубище, пойду къ Господу Богу, къ Михаилу Архангелу. М-ль А-ль возьметъ острую мечу, высъчетъ; вырубить, корень вашъ вырубить съ сучьемъ, съ вѣтьемъ, съ зеленымъ листьемъ. Какъ дубу не стоять, зелеными вѣтвями не махать, такъ этому зубу по костяхъ не ходить, костей его не ломить, бровь его не томить. Во имя Отца и Сына и Св. Духа“ ³⁾).

„Зара-зарица, Божжа помощница и Прачистая Мати! поможи помогати.— На кіяни-мори стоять дубъ, подъ тымъ дубомъ камянь, на камяни жарства, на той ж-и стоять тесовый столъ, на столъ пярчастая скатяръть, на той с-и стоять три кубки вина, перадъ тымъ виномъ сидитъ три царики: первый ц.—раковъ, другій—вовчій, третій—ясенъ мѣсяць. Якъ тымъ царикамъ трохъ кубковъ вина'ня пивать, такъ у р. Б. косятамъ-зубамъ ня болѣтъ“ ⁴⁾).

1) *Bartsch*, „Sagen, Märchen...“, с. 430.

2) *Kuhn*, „Sagen, Gebräuche“, II, 206.

3) *Ушаковъ*, „Матер. нар. вѣров.“, с. 182.

4) *Романовъ*, „Бѣлор. Сборн.“, V, с. 81.

Переходя къ заговорамъ съ молитвенной подкладкою, приведу здѣсь 4 заговора, стоящихъ особнякомъ:

(Ударяя „малко по образу“, мать говоритъ): „Моје дете плаче одъ руке, а не одъ зуба“ ¹⁾.

(Положить на больной зубъ маленькую налочку, предварительно проговоривъ надъ нею): „Фалуима, Іулуима, Адалаима“ ²⁾.

(Положить на больной зубъ смѣсь изъ толченаго чеснока и перца, предварительно проговоривъ): „Ангель, Авгуль, Аминь“ ³⁾.

„Секрень выхрень. Якъ прышовъ, дай попавъ, николи не буде що въ городы“. (Потомъ прочесть „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“) ⁴⁾.

„Помолимся Господу Богу, Прачистой Матотцы Св., Святымъ усимъ апостоламъ и свв. святочкамъ годовымъ празньичкамъ. — Стоить на мори дубъ, а за морамъ камянь. Якъ тымъ двомъ у кучу ня сходитца, такъ у р. Б. зубамъ ня болѣць. — Зубы-зубици, станьця на дници. Якъ камянь окамянѣвъ и онямѣвъ, такъ зубамъ окамянѣць и боли ня чуць. — Водзица-царица, пресвятлица, Уляяна, по усимъ свѣту гуляла, сѣрца узрадовала. — Отыйди! жилю и огонь и жаръ уними. — Баба — Химися — усё лихо унимися“ ⁵⁾.

„Пресвятая Богородице, св. отче Антонію, поврачывавъ Господу Богу отъ велькой болезности, отъ ломовойи косты, одъ семидесятъ суставивъ, — поврачуй нарожд., хрещен. N. отъ велькой болезности, отъ ломовойи косты, отъ зуба! — Щука въ мори, мій батько во

¹⁾ Милићевичъ, „Жив. срба сельака“, с. 139.

²⁾ Щуровъ, „Знах. на Руси“, с. 163.

³⁾ Гб.

⁴⁾ „Кіевлянинъ“ (газета) за 1866 годъ, № 26.

⁵⁾ Романовъ, „Вѣлор. сборн.“, V, с. 80.

грби. Отъ сей поры у нарожд., у хрещен. N. зубы не болитымутъ“¹⁾).

„Во имя Отца... Аминь.—Спроси у Лазаря четверодневного, не болятъ ли у него зубы, не ломить ли голову и не щемить ли сердце?—Какъ у него зубы не болятъ и сердце не щемить, такъ бы у р. Б. *илрка* зубы не болѣли, голову не ломило и сердце не щемило. Аминь (3 р.). По твой вѣкъ, по мою смерть, по мой вѣкъ, по твою смерть“²⁾).

Касаясь мизинцемъ больного зуба, прочесть сначала „Отче нашъ“, а потомъ:

„Ишовъ Христось черезъ раку Иордань, сказавъ рѣкъ Иордань: «Стань!» А ты, зубъ, болѣть перестань!“³⁾.

„Господы милостивый! Св. мисяць на неби. Поможы мени, Маты Божя, си зубы зашептаты и съ пидь йихъ червы вылькаты. Червы-червышныкы! и не я ихъ выкликаю и не я помичъ высылаю—св. мисяць на неби и М. Божя на земли си зубы замовляла, и прызирни, и витряни, и хлопъячи и дивчачи, — и на Дунай—на море зсылала. И на Дунай — на мори и адъ и адыще изъ червонымы головкамы и зъ золотымы зубамы, и си червы повидаты, и си зубы замовляты. И мисяцю молодой, испытайся старого: чы болятъ у мертвого зубы? Ни болятъ, ни щемлятъ, якъ у рожд., хр. р. Б. N.“⁴⁾.

„Ишли три тмѣ поповъ, шили три тмѣ волковъ, ишли три тмѣ калоугеріи. Іакъ тыи три тмѣ не могатъ изытись въ (е)-дино мѣсто и исти из одного блюда и едином оужицемъ, такъ бы не могли мене раба божія імерекъ зоубы болѣти. Силоа и моція божія и пречистой моцю и вѣсѣми сватыми моцю. Въ има отца и сына и святого духа. Аминь“ (3 р.)⁵⁾.

1) *Драгомановъ*, „Малорус. пред.“, с. 29.

2) *Соколовъ*, „Заговоры“, т. X, в. 1-й (Матеріалы).

3) „Этногр. Обзоріе“ за 1899 годъ, кн. 1, с. 163.

4) *Милорадовичъ*, „Народн. медиц.“, с. 320—1.

5) *Сьрку*, „Отрыв. млр. травника“, с. 11.

„Стану благословясь, пойду перекрестясь изо дверей во двери, из ворот въ ворота, из завор въ завор; выйду я въ цистоё полё, приду къ синему морю, стану я на нашатырь-камень, сгляну я на восточную сторону. На горѣ на Ольфофѣ, на деревѣ кипарисѣ жидовѣ Господа Исус' Христа распинали, — кости не болѣли и жилы не скомнули. Тако у сія р. N. кости не болѣли, жилы не скомнули. Какъ къ желѣзу сталь пристаёт, так мои слова къ дѣлу пристали во вѣки вѣковъ. Аминь“¹⁾. (Погрызть больными зубами скотскую кость и, проговоривъ 3 раза: „Въ чес(т)ь св. Лавренція“, — бросить кость въ огонь, гдѣ стгоритъ и болѣзнь).

„Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! — Господня храмина, тебѣ не' гарывать, тебе не гарывать, у р. Б. N. зубамъ не балѣвать — отнынѣ до вѣку, во вѣки, аминь. Святой Духъ — аминь“²⁾.

„Ich nem den Schmerz, wie Gott Vater seinen. Sohn am Kreuze genommen. Im Namen...“³⁾.

„Ишло два планитныкы, два прыстритныкы, дви плапланитныци, дви прыстритныци, и здыбае йихъ Дива Марія, Матинка Хрыстова: „А де жъ вы идете, два планитныкы... пристритныци?“ — Идемъ до хрещен., мыромъ помазаннаго N., вступимъ въ голову, въ зубы, въ 77 суставивъ, костивъ. — Неидите вы, бо я буду вызываты, я буду честный хрестъ прыкладаты въ голову, въ зубы, въ 77 суставивъ. Аминь“⁴⁾.

„Имя свое (?) небеснаго Спасытеля прызываю и р. Б. рожд., мол., хрещ. N. зубы замовляю. — Мисяцю молодой, тоби хрестъ золотый. Мисяцю тоби на пидповня, дай, Господы, N. на здоровья. На мори каминь, на к-и церква, а въ той церкви престолъ, за престоломъ лежить чоловикъ безъ руеъ, безъ ногъ, безъ трехъ-осваты су-

1) Колосовъ, „Замѣтки“, с. 182.

2) Тихомировъ, „Лѣтоп. рус. л-ры“, III, с. 77.

3) Birlinger, „Volksthümliches aus Schwaben“, с. 448.

4) Чубинский, „Труды“, I, с. 126.

ставъ. Колы той чоловікъ устане, та буде говорити, то тоди въ р. Б., рожден., молитвен., хрещен. N. зубы будуть болиты. Имя свое (= святое? — пропускъ титла?) Пречистой Божой Матери Праворучной Почаевской призываю и р. Б., рожд., мол., хрещ. зубы замовляю. Мисяцю молодой, тоби хрестъ золотый, мисяцю, тоби на пидповня, дай, Господы, N. на здоровья. На неби мисяць, а въ поли вовкъ, а въ мори рыба; колы ти тры особы сойдущя и будуть говорити, то тоди у р. Б. рожд., мол., хрещ. N. зубы будуть болить“ ¹⁾. (Заговаривать натощакъ, дуть въ ротъ больному).

„Вы святѣя святители, вы Божія угодники и скорыи помощники пумагитя и пасабитя, абъ чомъ васъ просимъ—выганяеть боль изъ зубоу на щиры бары, на темны лясы, на мхи, на балоты, на гнилѣя калоды.—На щирыхъ барахъ, на темныхъ лясахъ, на мхахъ, на балотахъ, на гнилыхъ калодахъ стоить избенка, у той избенки ляжить тамъ р. Б. (имя послѣдняго похороненнаго на кладбищѣ). „Рабъ Божій мартвецъ! балать ли у тябе зубы?“—Нѣтъ ни балать.—Ну, каму я заговариваю, нихай вѣкъ ни балать.—„Маладикъ маладѣй, што мы тябе три дни ни видали — идѣ ты дасюль былъ? — Быу я далеча — на томъ свѣти.— Каво ты тамъ видіу? — Видіу Бога, усихъ святыхъ, усихъ мартвухъ.— Што ты зъ ими гаваріу тамъ?— Пра зубы.— Ти балать у ихъ зубы? — Нѣтъ, гаварили, ни балать.—Ну на рушь у р. Б. N., и вѣкъ ни балать. Аминь“ ²⁾. (Вечеромъ, послѣ появленія звѣздъ, вывести больного на средину двора, обвести ему больную щеку „явырнымъ“ корешкомъ, разрѣзать, послѣ заговора, корешокъ на три части и велѣтъ положить на зубу одну часть въ эту ночь, другую — утромъ, а 3-ю на слѣдующую ночь).

(Завернуть въ полотно свекловичный листъ, отварить и держать отваръ на больномъ зубѣ, говора): „Во имя

¹⁾ *Ястребовъ*, „Матер. этн. Новорос. края“, с. 108.

²⁾ *Добровольскій*, „Смолен. этн. сборн.“, с. 196.

Отца... Аминь. Сухо дерево въ селѣ, камень на небесахъ; не повреди, Господи, отъ камене кости у р. Б. имрека, сохрани, Господи, и помилуй отъ кости ломоты, скорби и лютой болѣзни. Св. о. Антоніе, зубной хранитель, сохрани и помилуй отъ кости ломоты у р. Б. имрека отъ кости ломоты, скорби и лютой болѣзни. Во имя... Аминь“¹⁾.

(Наговариваютъ на соль, рѣдку или еловый сучокъ): „На морѣ на окіянѣ, на о-вѣ на Буянѣ стоитъ соборная апостольская церковь; въ той соборной ап-ской церкви стоитъ Мать Пресвятая Богородица и преподобный Антипій, зубной изцѣлитель. Онъ просить и молить угодниковъ Божіихъ о рабѣ Б. Н.: Какъ у васъ, угодники Божіи, зубы не болѣли, такъ бы у р. Б. Н. зубы не болѣли. Во имя Отца... Аминь“²⁾.

(Наговариваютъ надъ чеснокомъ, одну половину коего кладутъ на больной зубъ, а другую — на жилу той руки, съ которой болитъ зубъ):

„Во имя Отца... Духа!—Стану я р. Б. благословясь, пойду перекрестясь, отцемъ прощенъ, матерью благословленъ, выйду я р. Б. имрекъ изъ избы въ избу дверми, изъ двора воротми въ чистое поле, въ томъ чистомъ полѣ идутъ путемъ-дорогою три святители Христовы: Авраамъ, Исаакъ и Антипъ, зубной цѣлитель. При пути я при дорогѣ лежатъ мертвецы непогребены. Спросятъ у нихъ святители Христовы: „Что вы, мертвецы, непогребенны, лежите при пути, при дорогѣ? Не болятъ ли у васъ болѣлые зубы, не щепятъ ли кости, не точатъ ли черви; нѣтъ ли въ нихъ щипоты, ломоты и опухоли?“—И говорить мертвецы непогребенны: „Ой вы, святители Христовы, мы есмь мертвецы непогребенны, лежимъ при пути, при дорогѣ. Не болятъ у насъ болѣлые зубы, не щепятъ кости, не точатъ кости (черви?), и нѣтъ въ нихъ щепоты, ломоты и опухоли“. — И такъ я р. Б. имрею помолюсь и поклонюсь тремъ святителямъ Христовымъ: Авра-

1) Соколовъ, „Загов.“, II, с. 116—7.

2) Тихонравовъ, „Тѣст. рус. л-ры“ III, с. 77.

аму, Исааку и Антипу, зубному издѣлителю. Помогите и пособите мнѣ р. Б. Н., чтобы не болѣли мои бѣлые зубы, не щепили бы кости и не точили бы черви, и не было бы въ нихъ щепоты, ломоты и опухоли — въ ста-то трехъ и двухъ составахъ, въ ста семидесяти двухъ и трехъ жилахъ, въ новомѣсяцѣ, въ полномъ и въ перекроѣ, въ новѣвомъ и верховомъ, въ новорожденномъ и въ схожей пятницы. Будьте мои слова и рѣчи сильныя и тѣмъ словамъ въ подтвержденіе ключъ и замокъ. Слава Отцу... Духу, нынѣ и присно и во вѣка вѣковъ. Аминь¹⁾.

„Св. Адамъ, св. Миколай, св. Спаситель, св. Власій, св. Ѳедосій, храбрый Ягорій, св. Иванъ Предтеча, св. Митрій, св. Митроханъ, св. отче Андрій и Мати Марія, и пособите и помилуйте одъ усякой болисты, одъ усякой скорботи р. Б. Н. — И звиръ въ поли, рыба въ мори, звизды на неби; колы си тры брата до-купы зійдудця, тоди у сего нарощен., намолытвяного Н. зубы болиты муть“²⁾.

„Св. Антонію, зубовой цѣлителю, помози мени! Молодыче (bis)! пытаюся старого: чы болятъ зубы у мертвого? — Ни, не болятъ. — Визъ викомъ, судъ судомъ у хреца, рожд. и мол. р. Б. Н“³⁾.

„Св. Антонію, зубовой цѣлителю, помози мѣнѣ! Молодыче (bis)! пытаюся старого, чы болятъ зубы у мертвого?...“⁴⁾. (Кавъ предыд.).

„Господы Боже нашъ безначальный! пошли, Господи, рабу Своему Н. помощи — избавиться отъ болѣзни зубной, и ты, Царица, Госпожа, Пресвятая Богородица, закрой Своею ризою раба Своего Н. — Къ тебѣ прибѣгаю, св. великомученику Антипію, прошу, — защити р. Б. Н. отъ зубной болѣзни. Аминь“⁵⁾.

¹⁾ Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, с. 257—8.

²⁾ Кушелевъ-Безбородко, „Памятники“. с. 167.

³⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 125.

⁴⁾ Ефименко, „Сборн. мдр. закл.“, с. 7.

⁵⁾ Манасъ, „Нар. обыч.“, с. 88.

„Антышъ, святыи угодникъ Божый просивъ Бога отъ болести костей, зубивъ“ (3 р.) ¹⁾.

„Der Herr Jesus warne die Zahnwüthigen; darinnen waren Würmer — drei weisse, drei schwarze, drei rothe. Er nahm die andern zwei und schlug sie damit todt. Das sag' ich dir zu Busse“ ²⁾.

„De hillige st Jost toch oewer dat mehr. Vnd wehenede so sehr. Jost, wat schad du? — O here, mine thenenen dohu me wel! — Jost, ick will se dy segnen. Der worme sindt negen: die söte worm, de graue worm, de brune worm, de witte worm, de brune worm, de witte worm. Alle die ik nicht benömen kan, de schal de Here Christ benömen. Nemet jy water in den mundt vnd spyet de worme vp de grundt“ ³⁾.

„Es kam eine Junfer aus Engelland eine rose trug sie in ihrer hand. Bis die Sonne untergang, die sieben und siebzigsterlei zanrose verschwand“ ⁴⁾.

„S. Appollonia vele Gnade heffista macht du bist weldich dach vnde nacht. Auer dat Tenenwehe, in aller gnade, sta uns by fro vnde spade“ ⁵⁾.

„Sancta Apolonia virgo fuit inclita, cujus pro Christi nomine dentes extracti fuerunt. Et deprecata fuit Dominum Jesum Christum, ut quicumque nomen suum super se portaverit, dolorem in dentibus destruat. Pater et Filius... Amen“ ⁶⁾.

— (Въ видѣ чтенія изъ апокрифическаго евангелія.—
Наузъ на мѣдной бляхѣ):

„Jesus docebat discipulos suos, et ibi sedebat Jacobus maior.. et Petrus, qui sedebat super petram marmoream,

¹⁾ *Rulikowski*, „Zap. etnogr.“, с. 112 (транскрибировано).

²⁾ *Bartsch*, „Sagen, Märchen“, II, с. 428.

³⁾ *Ib.*, с. 427.

⁴⁾ *Gödeke*, „Deutsche Dichtung“, с. 243 (ср. буквально у *Kuhn u. Schwartz*, „Nordd. Sagen“, с. 440).

⁵⁾ *Bartsch*, *Op. cit.*, с. 427.

⁶⁾ *Blant*, „Notes s. form. cabal.“, с. 60.

tenebat manum suam a caput suum e cepit contristari. Dixit Jesus: „Petre, quare tristis es?“— Responditi ei Petrus e dixiti: „Quia vetus vermen, qui vocatur gueta emigranea, devocat dentes meos“. — Responditi ei Jesus: „Aiuro te de vermene per nomen domini nostri Jesu Christi, ut decedat ab se et ab omni homine, non conrodatur; et qui super se portaverit hoc scrittum ab omni dolore dentium liberaretur, et sic dignieris per hunc famulum tuam. Amen + amen. + Agios“ (3 p.)¹⁾.

„Petrus stand unter einem Eichbaum, da kam unser Herr Christus und sprach zu ihm: „Was fehlet dir, — du bist so traurig?“ — Da sprach Petrus: „Warum soll ich nicht traurig sein: meine Zähne wollen mir verfaulen“. — Sprach unser Herr Christus: „Geh hin in den Grund, nimm Wasser in den Mund und spuck es wieder in Grund. Im Namen...“²⁾.

„Sant Peter sas auf ainem stain und hub sein Wange in der hant. Do chom vnser herre vnd sprach czu ymi: „Peter, was hastu?“ — Da sprach s. Peter. „Herre, die würm haben mir, die czende durchgraben“. — Da sprach der herre: „Ich beswer euch czende (l. würm) pey dem vater ond pey dem syn und pey dem heiligen geist, daz er (=ihr) hinfürchainen gewalt mer habt, Petro sein czen-den cze graben.—Ayos (3 p.) tetragmaton“³⁾.

„Петар на камене мраморне нерадосн беше ва себе. Приде к нему Господ и рече Господ: рабе Петре, что ти тако нерадостен? — И рече му Петар: Господе, приде ми чрев и гризе зубе мое. — И запрети Господ чреву и рече: изиди, чреву, из раба моего Петра. — Изиде чрев и бише зуби яко рождени, и рече Петар Господу: да васачоку човеку напишем сију молитву. И рече Господ: на-

¹⁾ *Буславъ*, „О славян. рукоп.“, с. 244.

²⁾ *Kuhn*, „Sagen.. aus Westphalen“, с. 205. — Ср. *Meier*, „Gebräuche“, № 476, *Wolf*, „Beiträge“, I, 255, № 11. — Ср., почти буквально, *Peter*, „Volksthümliches“, с. 208.

³⁾ *Oswald von Zingerle*, „Segen“, с. 175.

пиши, Петре. Запрешта му Христос да не имат чреве уведити тео носи. И рече Господ: амин, амин. Господи, да будет на помошт рабу мојему (каже се име) и шти тропар и кондак месеца Априла дана *с.с.* Сатвори молитву надъ ним“ ¹⁾).

(Положивъ челюсть на камень): „Радуйся, стѣно, и кореніе ея. Измѣни Г^и болѣзнь ѿ моихъ челюстей и зобовъ моихъ, да не оброушатся стѣною въ вѣкъ, Х^е Б^{же} и дажь помощь Х^е и здравіе, исцѣленіе главѣ и челюстемъ рабоу твоему *Н.* мѣтвами стѣно сѣценномѣка Антипы и стѣна Бѣа и стѣнъ безмезникъ Козмы и Даміана и всѣхъ стѣныхъ твоихъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“ ²⁾. (Великому Антипѣ литургію створи и даи на службу по силѣ).

¹⁾ *Милићевѣцъ*, „Жив. срба сельака“, с. 164 (изъ старопечатнаго псалтыря 1570 г.).

²⁾ *Тихонравовъ*, „Пам. отреч. л-ры“, с. 356.

ГЛАВА 5-я.

Заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся.

Въ этой главѣ, представляющей лишь механически соединенное цѣлое, намѣчаются двѣ части: одна, въ которой въ алфавитномъ порядкѣ перечисляются болѣзни и существующія противъ нихъ заговоры (если послѣднихъ большое количество, — размѣщаются по системѣ, соблюдавшейся въ предыдущихъ главахъ); другая, въ которой собраны заговоры, примѣняемые сразу къ нѣсколькимъ болѣзнямъ (повидимому, при неумѣннн поставитъ надлежащій діагнозъ въ виду сложности или новизны болѣзни, или недостаточной увѣренности самого знахаря въ своихъ познаніяхъ, при дѣйствіяхъ наугадъ).

Первая часть представляетъ большія затрудненія при передачѣ народнаго (областнаго, мѣстнаго, иногда случайнаго) названія болѣзни общепринятымъ терминомъ, особенно когда такихъ названій не встрѣчается и въ специальныхъ словаряхъ. Здѣсь, можетъ быть, не мало промаховъ, недочетовъ, исправлять кои усердно прошу всѣхъ, кого интересуеъ выясненіе истины въ данномъ вопросѣ, заранѣе принося таковымъ свою искреннюю благодарность.

Антоновъ огонь (гангрена, воспаление, kalte Brand, Feuer, Brändwunden).

„Christus, der Herr, ging über Land. Es begegnete ihm ein kaltes Gesicht. Christus der Herr sprach: „Wo willst du, hin, kaltes Gesicht?“ — Das k. G. sprach: „Ich will in den Menschen fahren“. — Chr. d. H. s.: „Was willst du in dem Menschen thun?“ — Sein Bein brechen, sein Fleisch essen, sein Blut trinken“. — Chr. d. H. s.: „Kaltes Gesicht, das sollst du nicht thun! Erbsen musst du trinken, Kiesesteine musst du essen, aus einem Brunnen musst du trinken, — darin musst du versinken. — Im Namen...“¹⁾

„Das walt' das bittere Leiden und Sterben unseres Herrn Jesu Christi: Feuer und Wind und heisse Glut was du in deiner elementischen Gewalt hast, ich gebiete dir bei dem Herrn Jesu Christi, welcher gesprochen hat über den Wind und das Meer, die ihm auf's Wort gehorsam gewesen; durch diese gewaltigen Worte, die Jesus gesprochen hat, thu' ich dir, Feuer, befehlen, drohen und ankündigen, dass du flugs dich sollst dich legen mit deiner elementischen Gewalt der Flamm und Glut. Das walt' das rosenfarbene Blut unseres lieben Herrn Jesu Christi: Du, Feuer und Wind auch heisse Glut, ich gebiete dir wie Gott geboten hat dem Feuer und der Glut durch seine heiligen Engel in dem Feuer ofen, als die drei heiligen Münner Gidrach und seine Mitgesellen Misach und Abdenago, durch Gottes Befehl dem heiligen Engel befohlen, dass sie sollen unversehrt bleiben, wie es auch geschehen. Also sollst gleicherweiss' du Feuer Flamme und heisse Glut dich legen, da der allmächtige Gott gesprochen, als die vier Elemente sammt Erde und Himmel geschaffen hat. Fiat. (3 p.) + + +“²⁾

„Господи Боже, спасай отъ огня! Яко же спасавъ еси въ пещи огненной трехъ отроковъ Ан., Аз. и Михаила, не полу-

¹⁾ Annan J. „Volkssegen. Bohmerwald“, с. 208.— Заговоръ очень распространенный: начало ср. „Aus Schwaben“, I, 448—9, 443, 459, 463, конецъ у Gr., Myth., 973, Zs. f. Volkskunde v. Veckenstedt, II, 4, s. 161, 3; Zs. f. deut. Myth., IV, 106; весь текстъ ср. Gr. Myth. 1042, прил. къ 1043; Wolfsthurner Sagen Oben S. 173; Kuhn, Ws. II, 203).

²⁾ Peter, „Volksthümliches“, II, 229—230).

стивъ тимъ не мало вредитися отъ пламени, и Данила отъ устѣ львовыхъ избавивый и Мойсея одъ рукъ фараоновыхъ, соблюдивъ и св. Феклу отъ огня и звирей, такъ же спомли и мени р. твоему N. отъ цѣго огня и страданія, цѣи пламени горящои“¹⁾).

„Feuer, ich gebiete dir,
Dass du sollst stille stehn,
Und nicht weiter gehn.
Im Namen...“²⁾).

„Brand, steh' stille, Es ist Gottes Wille, Brand, du sollst stille stehn Und nicht weiter gehn. Im Namen...“³⁾).

„Bist willkommen, du feuriger Gast.
Greif nicht weiter, als was du hast.
Das zahl ich dir Feuer, in deiner Buss“⁴⁾).

„Brand fall in Sand,
fall in Fahrweg,
fall ganz und gar Weg“⁵⁾).

„Brand, fall in Sand
brenn nicht innenwärts,
brenn auswärts“⁶⁾).

„Ich gebiete dir, Feuer, du wollest legen deine Glut,
bei Jesu Christi teuerem Blut,
das er für uns vergossen hat,
für unsere Sünd' und Missethat“⁷⁾).

„Brand, da ich dich fand, | so sollst du verschwinden, |
wie Tau im Grase, | wie der Tote im Grabe“⁸⁾).

„Ich bespreche diesen Brand in Kraft Gottes: | Brand,
fahr aus die der Wind, | dass dich niemand find“⁹⁾).

„Weich aus Brand | Und geh nicht ein! | Er sei kalt oder
warm, | So lass dein Brennen sein! | Behüte mir (= dir) mein
Blut, Fleisch, Mark und Bein, | Sie seien gross oder klein, |

1) Щербина, „Наговоры“, с. 588.

2) Роеск, W., „Aberglaube.“, с. 118. 3) Ib.

4) Praha, „Glaube u. Brauch“, с. 190. 5) Ib. 6) Ib. 7) Ib. 8) Ib.,

с. 194. 9) Ib.

Sie sollen in Gottes Namen unverletzt und wohl bewahrt sein. |
Im Namen...“¹⁾).

„Der Himmel ist hoch,
Der Krebs ist roth,
Die Todeshand ist kalt:
Damit still ich diesen Brand.
Im Namen“²⁾).

„Hoch ist der Himmel,
Kalt ist der Nebel,
Kalt ist die Totenhand,
Damit vertreib ich diesen Brand“³⁾).

„Brant, Brant,
Du geist oewer Moor in Lant,
Mit myn geseegnete Hant,
Rade ik düssen Brant.
Im Namen“⁴⁾).

„Als ich über den Jordan ging,
Fand ich ein Totenhand,
Damit still ich den Brand“⁵⁾).

„Ich“ ging über Sand und Land
Und fand eine todte Mannshand.
Damit still ich diesen Brand.
Im Namen“⁶⁾).

„Es standen drei Mädchen,
Die hatten drei Briefe in der Hand,
Die eine verschwand,
Die andere verschwand,
Die dritte stille den kalten Brand.
Unser Herr Christus reist durch das ganze Land,

¹⁾ Meier, „Deutsche Sagen...“, s. 517.

²⁾ Bartsch, „Sagen Märchen...“, II, s. 385 (ср. почти буквально у Müllenhof „Sagen, Märchen“, s. 516).

³⁾ Prah n, Op. cit., s. 194.

⁴⁾ Müllenhoff, „Sagen Märchen...“, s. 516.

⁵⁾ Prah n, Op. cit., s. 194.

⁶⁾ Kn h n, „Sagen, Gebräuche“, s. 200.

Damit still ich den kalten Brand.

Im Namen¹⁾.

„Es gingen drei Heiligen wohl über Land,
Da begegnete ihnen der höllische Feuerbrand.

Er sprach: Brand, du sollst weichen und der Schaden
soll schleichen (3 p.)

Im Namen...²⁾.

„Es gingen drei heiligen Wehtag,
auf einen schmalen Weg,
der eine pflückt das Laub vom Baum,
der andre pflückt das Gras vom Weg,
der dritte nam die Wehtag weg.

Im Namen...³⁾.

„Christus der Herr
Geht über das Land;
Er stört, er wehrt.
Für all dein' Brand,
It raus und it' nein.

Im Namen⁴⁾.

„Feuer du heissest Flamme, dir gebietet Jesus Christus,
der werthe Mann, dass du sollst stille stehn und nicht weiter
gehn; im Namen Gottes des Vaters...⁵⁾.

„Unser Herr Jesus Christus ist geboren in Betlehem, er-
rogen in Nazareth, gekreuziget in Jerusalem, die drei sind
wahr. Unser Herr J. Ch. nahm die schönen Jungfrauen an
der Hand, besprach die Schwulst und auch den Brand und
auch die schmerzen⁶⁾.

„Jesus Christus ging über Land, begegnet ihm ein Feuer-
brand; Brand, du sollst verlöschen, sollst nicht weiter fressen,
das zähl' ich dir zu gute. Im Namen...⁷⁾.

„Gott der Herr ging über Land, hat einen feurigen

1) Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, c. 385.

2) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, c. 441. 3) Ib., c. 441—2.

4) Meier, „Deutsche Sagen“, II, e. 517.

5) Köhler, „Volksbrauch, Aberglauben“, c. 407.

6) Prahm, „Glaube u. Brauch“, c. 194.

7) Köhler, „Volksbrauch, Aberglaube“, c. 403—4.

Brand in seiner Hand; Brand brenn' aus und nicht ein, das soll mein Brand sein“ ¹⁾).

„Der liebe Herr Jesus und die Mutter Gottes gingen wol über Land;

Da begegnete ihn'n das wilde Feuer und der kalte Brand,

Sie gingen wol durch ein'n grünen Wald,

Da stand ein Stock mit voller Brand.

Da sprach die Mutter Gottes:

Liebster Herr Jesus, gebiete dem

Wildfeuer und dem kalten Brand,

Dass er stille steh'

Und nicht weiter geh'.

Im Namen“ ²⁾).

„Unsre liebe Frau Mutter ging über Land,

Da fand sie einen Baum, der brannt',

Darauf legte sie ihre rechte Hand,

Ist gut gegen den Rothlauf und den kalten Brand

Im Namen...“ ³⁾).

„Maria, unsre liebe Frauen ging über das Land; was trug sie in ihrer Hand?—Einen Feuerbrand; er brennt uns und brennt nicht, das zähl' ich dir zur Busse“ ⁴⁾).

„Gott und sanct Petrus giengen über Land,

Sie sahen einen Brand.

Brand, du sollst nicht hitzen,

Brand, du sollst nicht schwitzen,

B. d. s. n. geschwären,

Bis die Mutter Gottes einen andern Sohn wird gebären.

Im Namen“ ⁵⁾).

„Unser Herr Gott und sanct Petrus ginger über Land,

Da fanden sie nichts, als Feuer und Brand im Sand,

Da sprach sanct Petrus: strecke aus deine rechte Hand,

Und gesegne den Brand,

¹⁾ Köhler, „Volksbrauch, Aberglauben“, c. 404. ²⁾ Kuhn, „Sagen, Gebräuche“, c. 203. ³⁾ Ib. — (Cp. Wolf, „Zeitschrift“, I, 279; Pröhle, „Harz-bilder“, 81). ⁴⁾ Köhler, Op. cit., c. 404.

⁵⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, c. 517. (Cp. Müllenhoff, „Aus Schleswig-Holstein“, c. 517, № 31).

Dass er nicht ich noch um sich frisst,
Das beschwöre unser lieber Herr Jesus Christ.
Im Namen...“¹⁾.

„Gott und Petrus gehen übers Land,
Sie sehen brennen einen Brand.
Brand, du sollst nicht brennen,
Brand, du sollst nicht sengen,
B., d. s. n. hitzen,
B., d. s. n. schwitzen,
Bis die liebe Mutter Gottes
Ihren andern sohn sollte gebären.
Im Namen“²⁾.

„Petrus ging über Land hatte ein verbrannte Hand, das
zähl' ich zu Gute an deinem Fleisch und Blute“³⁾.

„Petrus und Johannes
Gingen beide wandeln.
Petrus nahm den Stal in die Hand,
Damit still ik dy den Brand“⁴⁾.

*Бешиха*⁵⁾ [рожа, болячка; erysipelos; гербанецъ (въ
тяжкой формѣ); Rose, Hilge, Rothlauf, Ueberröte, Helldink,
Bellrose].

„Бешыхо-бешышыще! подумана й погадана, изъ витру,
воды и пращи, чоловича и жиноча, и парубоцька и дивоцька,
и хлопьяча и дивчача, и попивська, и панська и цыганьска, и
горобыняча, и голубыняча; и вызываю и выкликаю: и розій-

¹⁾ Kuhn, „Sagen, Gebräuche“, с. 201.

²⁾ Müllenhoff, „Segen, Märchen“, с. 517.

³⁾ Köhler, „Volksbrauch, Aberglauben“, с. 404.

⁴⁾ Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 516.

⁵⁾ Потевня сближалъ это слово съ румынскимъ „beșike“; А. Погодинъ („Этимологическія замѣтки“ въ „Рус. Филол. Вѣстн.“, 1898 г., № 1—2, с. 3) сопоставляетъ „бешэга“ (бешиха) съ серб. „bečiti“ = мучить и съ исл. „bechitiss“ = бе(э) + ши = беспокоить. — Иногда встрѣчается форма „бехъ“ (для обозначенія болѣе легкой степени заболѣванія) или „бешиникъ“, какъ названіе существа мужескаго пола, производящаго эту болѣзнь, которая „страхъ не любе мокроты“, которая въ значительной части имѣющагося у меня матеріала представляется живымъ существомъ. У Чубинскаго („Труды“, I, 116) находимъ указаніе, что „бехъ — Иродовъ сынъ, а 11 бешыхъ — Иродовы дочки“.

дыся, и розступыся, иды на глубоки яры и на густы очерета, де дзвоны не дзвоняць, де людскый гласъ не заходить — тамъ садысь и коренысь. Рождений, м-ій N.“¹⁾

„Бешихо, бешипище, може ты жиноцька, а може дивоцька, може парубоцька, я тебе вызываю, я тебе выкликаю, я тебе посылаю — иды соби на болота, на очерета, де витерь не віе, де сонце не гріе, де люды не ходють, де коровы не бродють, куды питушиный голосъ не доитае; тамъ соби коренысь, тутъ тоби не стояты, билои кости не ломыты, червонои кровы не пыты, билого тила не сушыты новорожденного, крещен., молытв. N. не зводыты. Тьфу! сгынь, пропады!“²⁾

„Бешыхо, чирячка, болячка, зализнячка! Тутъ тоби не стояты и не роспухаты, сыпомъ не сыпаты, чырякамы не кыдаты и въ голову не быты, и въ зубы не трудыты, щырого сердца не нудыты, семыдесяты суставъ не ломыты и билого тила не ялыты, новорожденного, м., хрещ., прычащен. N. не сушыты. — Я тебе вышиптую, я тебе выкурюю за дымамы, за витрамы и въ ту пустыню одсылаю, де дзвоны не дзвоняць, де хрыстіянскый голосъ не заходыть. Господы, поможы!“³⁾

„Бешыхо—б-ще! тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ломыты, червонои кровы не пыты! Я тебе вызываю, я тебе выкликаю, зъ ёго плечей, зъ ёго жовтыхъ костей, зъ ёго щырого сердца и одсылаю на очерета, на болота, на велькы лиса,—тамъ соби сельсь, тамъ соби остановысь, и на дыку птыцю нападысь“⁴⁾

„Бѣшиха, цыганка, б. поганка, б. нѣмкѣня, сойды съ рабы Б. N. Иды соби на луга, на болота, на густые очерета, де пивни не спивають, де собаки не брешуть, куды хрыстіянскый голосъ не доходыть“⁵⁾

„Ты бешъ, ты бешиха, ты водяна, ты витряна, ты названа, ты наслана, подумана, погадана, тутъ тоби не стояты, червонои кровы не пыты, жовтои кости ны ломыты, билого

¹⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, VII—VIII, с. 55.

²⁾ „Матеріалы Предварительн. Комитета XII Археологич. съѣзда“; доставлено свящ. Харк. Свято-Духовской церкви Шостенко.

³⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, VII—VIII, с. 55. ⁴⁾ *Ть*, с. 56.

⁵⁾ Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 106.

льця ны сушыты. Иды соби на очерета, на болога, де люды ны ходять, де людський гласъ не заходе, де пивни не смивають, де дивкы косамы ны мають (вар. — не роблять), тамъ йе стара суха (вар.—мала) маты, вона тебе буде годуваты“¹⁾.

„Бешыхо—б-ще, болячка—б-ще! ты й водяна, ты й витряна, и прозирна, подумана и погадана! тутъ тобі не стояты, жовтой косты не ламаты, розійдысь и ростечысь, якъ на сы-
нему морю вода“²⁾.

„Бешыхо—б-ще! рожо—рожыще! а зъ видкиль ты взялася, зъ видкиль сходыла? Чы ты зъ витру, чы ты зъ соньця, чы одъ лыхыхъ людей, чы зъ плечей, чы зъ поганыхъ очей? чы загаданая, чы заспаная, чы запытяна, чы зайидяна? чы чоловіча, чы жиноча, чы дивоча, чы парубчана, чы паньська, чы цыганьська? Я тебе вызываю, вымовляю и Бога благаю, чы ты зъ витра, чы ты зъ соньця, чы ты одъ лыхыхъ людей, чы зъ плечей, чы зъ поганыхъ очей, иды соби на сухой лисъ, на бесплодне дерево, тамъ будешъ сушыты и вялыты, а порожденному, мол., мыромъ помазан. N. зупокій дай“³⁾. (Говорить 3 р., подкуривая дымомъ отъ гороха или пасхальной муки).

(Окуривая и махая „верхомъ“ съ трубы): „Вышышнику, я тебе прошу, видступысь видъ мол., нарожд. N., бо ты тутъ укореньвсь: пустывъ паросты по всіхъ суставахъ и по 77 жылахъ, и покы я тебе не знала, покы я тебе и не зганяла; теперь я стала знаты, стала Матерь Божойи прохаты, стала М. Б. мыни въ помочи стояты. Розійдысь и по полямъ, и по морямъ, и по лисамъ, де люде не ходять, де витерь не віе, де собаки не брешуть, по лугамъ по очеретамъ, де хаты пусти и де замки пусти“⁴⁾.

(Потирая больное мѣсто, отворивъ дверь и 3 р. плюнувъ): „Ты, рожа, рожа! ты выросла и до цѣла грѣшнаго пришла, — хучей жа росьци, да разцвѣтай и звяўшы съ твару (=лица) продай“⁵⁾.

¹⁾ Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 105. Ср. Чубни-
скій, „Труды“, I, с. 116. ²⁾ Ib., с. 56.

³⁾ Kulikowski, „Zapiski etnograficzne“, с. 111 (транскрибировано).

⁴⁾ Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 27.

⁵⁾ Шейнъ, „Материалы“, II, с. 546.

„Рожа, рожа! рожа твоя Божа, кабъ етой рожи у р. Б. ня быць“ ¹⁾ (читать 3 р., предварительно положивъ на больное мѣсто тряпку съ высушенной лягушечьей икрою).

(Подкуривая больного сухими лепестками розы, заставляють его прочесть Отче нашъ, Вѣрую и Zdrávas Kralovno, а потомъ говорить):

„Zaklénám vas, pakostnice, rúžownice, kostnice, do lesa hlubokého, do dubu vysokého, do dreva stojateho i ležateho: tam sebou mlatte a trískejte, a teto osobě N. pokoj deite“ ²⁾.

(Подкуривая синей сахарной бумагой и „шматкомъ каглянки“ съ рогача, кочерги и лопаты, говорить 3 раза каждый вечеръ):

„Бешыха зъ позору, зъ витру, и болючая и сверблючая, и колючая! Я тебе замовляю, иды, соби въ море водою перелываты, пискомъ пересыпаты, де парубокъ бороды не брые, де дивка косы не чеше“ ³⁾.

(Положивъ на больное мѣсто красный шерстяной платокъ, сжигаютъ на немъ 9 кусковъ льна и полученный пепель прикладываютъ къ рожѣ, говоря):

„Бешигга гнила, б. пухка, б. зъ ружи, марена, лыхымъ часомъ, б. замочена, б. запоганена, — тутъ ий не гориты, не болиты, не лупаты, не скипаты, але такъ зныдиты, як ныдіе вискъ на вогни, пина на води, роса на трави. Дымъ се расходе“ ⁴⁾.

„Прыйды, Господы, помогаты, отъ бышыхы шептаты. — Бышыха, б-ыще, болячка, б-ыще, нежить, не-ще, и подумана, и погадана и помыслина и наслана, тутъ тоби не стояты, щырого сердца не тошныты, чырвоной крови не пыты, жовтой косты не ломыты, пиды соби, де гилля ныдилля, де людський гласъ не заходе. Бышыха туркены, б. нимкены, б. руська, б. жыдовська и некрещена, и немолытвяна“ (12 разъ) ⁵⁾.

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, с. 93.

²⁾ Егбец, „Сѣска заѣкадла“, с. 53.

³⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 106.

⁴⁾ Лоначевскій, „Сборн. пѣсень“, с. 104. Ср. буквально у Курзаянко, „Volkmedicin... in Bukowina“, II, с. 61.

⁵⁾ „Харьк. Сборникъ“ VIII, с. 36—37.

„Господы мылостывый, поможи мени, м. Божа, сю бѣшыху одгоньты и витряню, и прозирну, и часову, и мынутну, и подуману, и погадану, и прелюбовану, и зйидену, хлончачу, и дивчачу, и жиночу, и парубочу, одъ рожденюи, м., хрещ. р. Б. Н.—Аминь“ ¹⁾.

„Зара-зараница и вичерница, обыйди вокругъ свѣта, стань на помичь р. Б. болячку выговаривать, духомъ св. иссылати. Прачистую Матирь Божу призываю и своимъ духомъ выдыхаю изъ косьтей, изъ мощей, изъ буйныя головы, изъ щирого сэрца, изъ румянаго лица, изъ русыхъ косъ, — синюху, бялуху, краснуху, весялуху, жиловую, косьтяную, молошницу. Я выговараваю и ссылаю, дѣ и люди ня ходять, дѣ й вѣтры не дуютъ, дѣ й пявни ня пяютъ, — тамъ уже столы Господни позастиланы, кубки поналиваны, и ихъ тамъ ждуть.— Не я шепчу, а самъ Господь Богъ и Прач. Матъ. Дай, Господи, на помочь“ ²⁾.

— „Г. Богу помолюся, Прач. Матцы поклонюся. Зара-зараница и Божжа помошница. Скула-скуланица, жовтая-жовтовица, синяя-синявица, гноявая-гноявица, ня тутъ табѣ ходить, ня тутъ табѣ гулять, р. Б. сэрца ня гноить, горучыя криви ня разливать. Идитка ты на мхи, на болоты и на ницыя лозы,—тамъ твое гулянья и и буйнья, тамъ табѣ столы позастиланы, кубки поналиваны, — отъ тамъ твое гулянья и прасованья“ ³⁾.

„Ишло симъ попивъ, несло по симъ ципивъ, ишло симъ попивъ, несло по семы грабель, и. с. п. н. по семы лопатъ, и. с. п. н. по семы метель, зострилы бышыху водяну, витряню и прыстритну на р. Б. Н. — Мы тебе бышыху ципамы розмолотымо, граблямы розгребемо, лопатамы роскыдаемъ, а метламы розметемо; тутъ тоби на р. Б. небуты, тила нерваты и несушыты, косты неламаты, кровы непыты.— Иды соби на чорни луга, де буйный витерь свиставъ, перебувавъ. — Аминь“ ⁴⁾.

„На мори — на Дунаи пустый млынъ молоть; пусто молоть; пусто борошно падало зъ пустого коша, пусти мирошны-

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, VII—VIII, с. 56.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 91. ³⁾ Гь., с. 92.

⁴⁾ Щербина, „Наговоры“, с. 587.

кы набиралы, пусти мишки набывалы, пустымъ перепичайкамъ дарувалы; перепичайки пустыми видрамы воду носылы, въ пустыхъ чавунахъ окропы грилы, на пусти решета пропускалы, у пустыхъ дижахъ учинялы; пусто учинялы, пусто мысылы, пусто й качалы; въ пусту пичь сажалы; пуста пичь пекла; и пусто выбиралы и той хлебъ пойдадалы и сю бешыху пожыралы. Щобъ ты у выду не стояла, опуху не давала и пузырямы не скидала. Одъ рожденной, м., хрещ. Н.—Аминь“¹⁾.

(Подкуривая кievскими святостями: стружками, обрѣзками съ гробницъ свв. угодниковъ, пасхальными крохами, воскомъ страстной свѣчи и пр., и надавливая опухоль):

„Якъ бувъ чоловікъ пустый и волю пустыи и плугъ п. и п. ныву оралы, и п. пшеницю сiявъ, пуста зыйшла, п. и поспила, п. й жнецы пустыми серпами жалы, у п. ряды стлалы, п. копы клалы, п. возамы возылы, п. стогы становылы, на п. току молотылы, п. ципамы былы, п. граблямь загрибалы, п. лопатамы вiялы, въ п. мишки вбиралы, п. завязкамь завязувалы, до п. миста возылы, на пустому камню молоты, ту бешыху розмолоты, по хатахъ, по болотахъ, по пустыхъ очертахъ. Ты жъ, бешыхо, витряна и водяна, подумана и погадана и помыслыма, и мужыцька, жиноча и хлопцяча, и ниды зъ ёго очей, одъ жызни на жылы, одъ червонои крови, одъ сьмьдесяты сьмы суставивъ“²⁾.

„Первымъ разомъ йихавъ чоловікъ на пусту ныву, пустымъ конемъ, пусту пшеницю сiять. Пустый чоловікъ, пуста ныва, пустый кинь, — и породило пуге кориння. — Тутъ тоби не стоять, жовтои косты не ломыть, червонои крови не смоктатъ Н. — (Говорить такъ 3 раза, надавливая крестообразно больное мѣсто). — Четвертымъ разомъ пособи, Матерь Божя. — Пойихавъ чоловікъ на билу ныву, билымъ конемъ, билои пшеници сiяты. Билый чоловікъ, б. кинь, б. визъ, б. борона, б. ныва, б. пшениця Н. — Тутъ тоби не стоять, жовтои косты не ломыть, червонои крови не смоктатъ“. (Дуть крестообразно на больное мѣсто)³⁾.

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, VII—VIII, с. 56.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 116—7.

³⁾ „Харьк. Сборникъ“, VIII, с. 170.

„Die Rose und die Weide,
die standen beide im Streite,
die Weide, die gewann,
die Rose, die verschwand“ ¹⁾).

„Rose, du bist von Erde und sollst zu Erde werden, wo-
von du genommen bist“ ²⁾).

„Die Rose hat in diese Welt
uns Gott als Königen gesandt.
und über ihr das Sternenzelt
als Krönungsmantel ausgespannt,
Rose + Rose + Rose + Weiche,
flieh auf eine Leiche,
lass die lebenden befreit
von nun bis in Ewigkeit“ ³⁾).

„Rose, du sollst nicht stechen,
Rose, du sollst nicht brechen,
R. d. s. stille stehn,
R. d. s. nicht weiter gehn.
Im Namen...“ ⁴⁾).

„Ik segg: Helldink, Helldink,
Du schast ni stäken,
D. s. ni bräken,
Helldink, Helldink,
Du schast ni kellen (= quälen, plagen),
Du schast ni schwellen.
Dat schast du ny doen
Dat s. d. ny doen“ ⁵⁾).

„Ueberröte Stolz,
Weich durch dein Nadelholz!
Weich durch Standen und Stock,
Dass dir dein Fleisch und Blut blieb unverletzt“ ⁶⁾).

¹⁾ P r a h n, „Glaube u. Branch“, c. 198. — Ср. почти буквально у K r a u s s „Aberglaub. Kuren“, c. 81. ²⁾ Ib. ³⁾ Ib.

⁴⁾ K u h n, „Sagen, Gebräuche“, c. 202.

⁵⁾ M ü l l e n h o f f, „Sagen, Märchen“, c. 514.

⁶⁾ B i r l i n g e r, „Aus Schwaben“, I, c. 446.

„Ich ging über das Wasser,
Da fand ich drei Rosen,
Die eine blüht weiss,
Die andere roth.
Die weisse verblüht,
Die rothe verschwand.
In des Vaters... Hande“¹⁾.

„Rode Ros' und witte Ros',
Dunkle Ros' un helle Ros',
Verschwinn,
Wie de Dau vör de Stünn“²⁾.

„Maria ging wohl über das Land,
Drei Rosen trug sie in ihrer Hand,
Die eine Ros' verschwand,
Die andre Ros' verschwand,
Die dritte Ros' verlor sich aus ihrer Hand.
Und also soll diese Rose auch thun“³⁾.

„Es kamen drei Jungfern vom Berge hinab, die eine pflückt Laub, die andere pflückt Gras und die dritte brach die Rose ab. Im Namen“⁴⁾.

„Es gingen drei Infern auf grünen Wegen,
die ine pflückt die Blumen ab,
die zweite pflückt die Lilien ab,
die dritte treib das Hilge und die Rose ab“⁵⁾.

„Es gingen drei Jungfern den Steig entlang,
Die eine pflückt Laub,
Die andre pflückt Gras,
Die dritte bricht alle Rosen.
Im Namenn...“⁶⁾.

(Обязывая, послѣ захода солнца, болное мѣсто тряпкой, пропитанной кровью снигиря, смѣшанною съ корой бузины, го-

1) Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, c. 418.

2) Müllenhoff, Op. cit., c. 514.

3) Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, c. 417.

4) Kuhn, Sagen, Gebräuche“, c. 202.

5) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, c. 440.

6) Bartsch, Op. cit., c. 415.

ворять нижеприводимый заговоръ, а на-утро тряпку бросаютъ въ рѣку):

„Zwei Augen hab' ich,
Zwei Füsse hab' ich!
Schmerz meiner (Augen)
Steig' in die Füsse;
Steig aus den Füßen
Hinab in die Erde;
Steig aus der Erde
In den Tot“¹⁾.

„Johannes und Jacobus
Gingen über die Strass,
Sie pflückten ab das grüne Gras,
Sie p. ab d. g. Kraut
Und holt die Hielg und Ros' heraus,
Im Namen...“²⁾.

„Peter un Paul gingen oewert Moer.
Wat beegen äer daer?
Helldink, Helldink,
Helldink, „wo wullt du hin?“
— Nah Dörp.
— „Wat wullt du daer?“
— Kellen un schwellen un wee doen.
— Dat schast du ny doen.
Dat behäel ik dy in Gottes Namen“³⁾.

„Petrus und Paulus
Gingen net Kruet to söken
Daer wollen se de Ros' mit verteen,
De Kellers', de Schwellers',
De Stäkeros', de Bräkeros,
De Blätterros',
Awer allens wollen se damit verteen.
Im Namen...“⁴⁾.

1) Vlislocki, „Volksglaube... Zigeuner“, с. 175.

2) Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, с. 415.

3) Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 514.

4) Ib., 514—515.

„Christus und Maria gingen über das Land,
Sie sprach für diese Rose und für den Brand,
Auswärts Rothross, Flussros, Steckros, Brandros,
Blarreros.

Im Namen...“ ¹⁾).

„Ich ging durch einen roten Wald, und in dem roten Wald da war eine rote Kirch, und in der r. K. war ein roter Altar; und am dem roten Altar da lag ein rotes Brot, und bei dem roten Brot, da lag ein rotes Messer. Nimm das rote Messer und schneit rot Brot“ ²⁾).

„Unsere liebe Frau geht über die grüne Wiese, begegnet ihr eine rote Rose. Wo gehst hin?—Geh aus dieser Person.—Geh auf hohe Bühel und Berge, auf hohe Boan und Dorn und ins rinnende Wasser! Im Namen...“ ³⁾).

„Einst ging der Herr Jesus auf einer grünen Viese umher. Es begegnete ihm eine rote, blaue und weisse Rose.—Wo gehst du, blaue, weisse und rote Rose hin?—In den Kopf des N.—Was wirst du dort machen?—Stechen, brennen und brechen.—Lass seinen Kopf in Ruh, geh auf die Berge, und Felsen und in die Thäler und Wälder. Dort breche, steche und brenne! Bis du damit zuende bist, wird unterdessen der jungste Tag“ ⁴⁾).

„Rothe Rose, weisse R., Blatterrose, du sollst vergehen, das Evangelium word dir geprädigt, der Psalter wird dir gesungen, die Glocken werden dir geklungen. Im Namen“ ⁵⁾).

„Sprich, alle Glocken werden geklungen, alle Messen werden gesungen, alle Evangelien werden gelesen; damit se-gne ich die Rose und das Wesen“ ⁶⁾).

„Szedł Pan Jezus przez błonie i niósł w swym ręku trzy róże: jedną zeschlą, drugą zwiędłą, trzecia wniwecz się obróciła. Zgiń i ty, rózo, przez moc boską, w imię Ojca i Syna

¹⁾ K u h n, „Sagen, Gebräuche“, c. 202.

²⁾ B i r l i n g e r, „Aus Schwaben“, c. 446. (Ср. A m m a n, „Volkssegen“, c. 207 — почти буквально).

³⁾ A m m a n, „Volkssegen“, c. 207. — Ср. Gr. Myth., 975, 1091—2 и прилож. къ 1092.

⁴⁾ I b.

⁵⁾ S t r a c k e r j a n, „Abergl. aus Oldenburg“, I, c. 69.

⁶⁾ K ö h l e r, „Volksbrauch, Aberglaube“, c. 407.

i Ducha Świętego. Amen“ ¹⁾. (3 р. плюнуть назадъ и провести раскрытыми руками около больного мѣста).

(Перекрестивъ 9 разъ больное мѣсто и прочитавъ 9 р. „Zdrowaś Marja“): „Jesu królujе, J. wskazuje, J. prowadzi. Szedł Pan J. do cedrowej rześci przez łąkę, napotkał trzy róże: jedna znikła, druga zbladła, a trzecia całkiem przepadła. Stań krew w ranie, jak woda w Jordanie“ ²⁾).

„Пресвятая Богородице! Допоможы и благословы и Божымы молитвами и Б-мы словами. Стань мини до помочи и поможы рожденному, молитвенному N. бешыху пидкурюваты, бешыху выпшипуваты. — Б-а витряна, б. водяна, б. спытая, б. зъиденая, б. подумана, зъ прозору, зъ очей: зъ карыхъ очей, зъ чорныхъ очей, зъ сирыхъ очей; дивоча б-а, парубоча б., жиноча б., чоловича бешыха! Я тебе выпитую й вызываю, й замовляю Божымы молитвами, моймы м-амы. Тутъ тоби не стояты, жовтои косты не ломаты, червоною кровы не пыты, билого тила не сушыты, щирого сердца не вялыты. Зъ рукы, зъ ноги, и зъ жылъ, и зъ суставивъ, зъ костей и билого тила“. (3 бабы 3 вечера шепчуть, одна не зная о другой) ³⁾).

„На Восіянської горѣ стоить комора, у той комори стоиць тридзевяць столы дубовыхъ, на тыхъ т-ць с. д-хъ заслано т-ць скацерыци шавковья, за тыми столами сидзяць тамъ т-ць панны краснухи, чернухи, бялухи и жавтухи, злыя ўнутрянныя золотухи. Якъ гэтымъ тромъ дзевяць скатерыцямъ вѣкъ зъ гэтыхъ столовъ ня вылазить, якъ гэтымъ паннамъ вѣкъ изъ-за гэтыхъ столовъ ня вылазиць, кабъ и такъ у р. Б. ня бываць у яго ни скульлянкамъ, ни гноялкамъ, ни кривавкамъ, ни краснухамъ, ни чарнухамъ и ни жавтухамъ и ни злымъ уреднымъ унутранымъ золотухамъ. Ня бываць у р. Б. на щирымъ яго срці, на черной печани, у буйной головѣ, у горучей кривѣ.—Которое слово запомнивъ, тымъ — аминь“ ⁴⁾).

„Рожи синяй, р. краснай, р. жоўтай цвѣтъ ападзець, и рожа зъ раба N. сойдзець, мѣйса на имъ не найдзець. Бу-

¹⁾ А. Р.; „Изъ польск. суевѣрій“, с. 905.

²⁾ Ів.

³⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 106.

⁴⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 93—4.

дзешъ ты, рожа, зацвѣтаць, а на р. б. N. табѣ не бываць, цѣла его табѣ не гнаиць, жыль не нудзиць и косци не трандзиць (трогать). Исусъ Хрыстосъ самъ гаварыў апосталу Сямену: «Вазьми зъ сабораў сто кіёў (которыи гасяць свѣчи) и агганди гэты рожы и вадзяныя и агнявыя, и вѣтраныя, съ нынѣ до вѣку. Аминь“ ¹⁾.

(Прочтя предварительно молитвы: „Богородице Дѣво“, „Отче нашъ“ и „Вѣрую“):

„Чы ты зъ витру, чы ты зъ сонця, чы ты зъ каменя, чы зъ росы, чы зъ воды, чы турецкый, чы немецкый, чы жыдивскый, чы бахурскый, чы жиночый, чы дивочый, чы чоловічый, чы парубочый? Я жъ тебе вымовляю, я жъ тебе вызываю. Тутъ тоби не буваты, тутъ тоби не роскошуваты, жовтой кости не ломаты, червоной крови не вьялыты, билого тила не сушыты. Иды соби мыжи каминня, мыжи яры, мыжи ямы, — тамъ тоби воюваты, тамъ тоби роскошуваты, каминня перевертаты, жовты пискы пересыпаты, а тутъ тоби не буваты“ ²⁾.

„Я р. Б. прызываю на помічь Матинку Божу. М-ко Б. Сокальска, Шаршасовска, Почаевска, Ченстоховска, стань мыни на помочь, на ратунокъ о ласкы своей и Духомъ Святымъ. — Рожонько-паняночко, уже ты билого тила накрушыла, жовтой кости налачала, червоной крови напыла, сынихъ жыль нассала. Иды соби дубы крушыты, на степа, на очерета и разны дороги! Выйды отъ р. Б. хрещен., именован., а вы, вси свв., поможыть мыни“ ³⁾.

(Подкуривая воциною и кускомъ платка, на которомъ святилась пасха): „Богородице Диво, прошу тебе на помічь—вышептать и вымовыть бехъ и бешыху и престритку и шляхову и витряню и водяну и подуману и погадану и запытяну и зайидену — и вышептать и вымовыть одъ кости, одъ румяного лыця, одъ веселого сердца нарождён., хрещ. и молитв. р. Б. N. — Було васъ одынадцять, а бехъ дванадцятый, а зъ 11

¹⁾ Карскій, „Библ. зам. о трудѣ Варенка“, ЖМНП., ч. 332, с. 497.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 115. ³⁾ Ib.

десять... а зъ одной та не одной нарожденному, мол., хрещен. р. Б. Н.“¹⁾).

(Мажуть больное мѣсто смѣсью изъ деревянаго масла съ камфарой):

„Пійшла Пресв. Богородиця живымъ мостомъ. На встричу йии самъ Исусъ Хрыстосъ съ помощію (одъ мужыцкаго глаза, и одъ парубочого... жиначого, и одъ водяной, и одъ витряной, стричной, пидстричной и выхровой; вамъ тутъ не стоять и мѣста не маты, жовтой кости не ламаты, ретывого сердца не язвыты, червоной крови не пыты. И ты бешыхо-бешыще колючая, стрылючая, выхрвая, витровая, подуманная и погаданная, тутъ тоби, не стоять; иды соби на луга, на болота, де люде не ходють и людскый, хрыстіянскый глазъ не заходе, тамъ тоби бувать и роскошувать одъ едынорожденного, мол., хр. р. Б. Н., и помылуй ёго, Господы, одъ всякой скорбы, лютой болисти.— Выйшлы попы и дякы на Іорданъ воды святыты, освятывшы розыйшлыся, такъ едынороднаго, хр., м. р. Б. Н. бышыха розыйшлась. Господы, прыймы мое малое моленіе, якъ прынявъ удовыци два лепѣта: Св. Антоній, Дмытрій и Мусій и ангелы-архангелы, простите и помолите Бога обо мни“²⁾).

(Обводя больное мѣсто „дрибкомъ“ соли, освященной вмѣстѣ съ пасхой):

„Отче нашъ... Господы, поможы мени! Матерь Божя и вси свв. Киевскы и Печерскы, станьте мени въ помочи бышыху вышентувать. — Выйду я на двирь, та гляну на сыне море; на с. мори сыня рыбалка сыню рыбу ловыть; въ сыній води полоскалы, въ сыни горшкы клалы, въ сыній печи варылы. Десь узялысь сыни люды, сыню рыбу поймалы, якъ найылысь и самы розсылысь. Такъ щобъ розсився бехъ и бешышныця, витряна, водяна и прыстритна и подумана и погадана. Я тебе выгоняю, высылаю и вышиптую зъ головы, зъ очей, зъ плечей, изъ рукъ, изъ нитъ; иды соби на очерета, на болота и на непотребны лиса, де огни не горять и воды не стоять, и куры не спиваютъ, и сонце праведне не сходе. От-

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, 115—6.

²⁾ Ib., 116.

тамъ тоби гулять, о. т. бують, а тутъ тоби не буваты, жовтой кости не ломаты, червоной крови не пыты и семдесять жылъ не вяялыты хрещ., породж. р. Б. Н.“¹⁾

„Ходзивъ Богъ по үсемь свѣци, по чистому полю, цвѣтки рвавъ и намъ на помочъ отъ рожи дававъ; отъ рожи-рожавицы, отъ красной кр-вицы, отъ синей с-ицы, отъ бѣлой б-цы, отъ сухотныя, отъ ломотныя, отъ ирвотныя, отъ косьцявыя, отъ жиловыя, отъ пажильныя, отъ дзянныя и полудзянныя, отъ вячернія, отъ ношныя, отъ полуношныя, отъ заравыя, отъ раннія. Исусъ Христосъ народзився, рабъ Божай пригадзився. Разгони, Божа, горючую кровъ по косьцяхъ, по мозгахъ и поставъ по своихъ мѣстахъ“²⁾

„Господы, благословы! Господы, поможы небеснымы силами! Стань мени, Господы, въ помочи одъ лыхой немочи. Тутъ тоби, бешыхо, не стояты, червоной крови не пыты, бидого сердца не ялыты, рукъ не одбираты, на очи не наступаты, прозиръ даваты и не тошныты и не нудыты, у ротѣ не палыты, не знобыты, снигомъ не осыпаты, въ огонь не вкыдаты, пузырямы не роскыдаты, опуху не даваты. — И була ты, бешыхо, червоная, жовта, била. — Якъ ти священныкы, на Иордань-ричку зійшлыся, такъ и розійшлыся, такъ ся бешыха горячая, болячая изъ лыця выступала нарожд., мол., хрещ. р. Б. Н.“³⁾

„Ишовъ костырь зъ монастыря и встрича бешыху. — Куды идешъ, бешыхо-бешышыще? — Ёе вона стритена, витряна, прозирна, ёе й попивська, дякивська, мищанська и дворянська, ёе й сыня, ёе червона и пуста. Покры я знала, то й Спасытеля не звала. Стала я знаты, усихъ свв. прохаты, одъ бешышыщи шептаты. Я й вышиптую и переклыкаю, и перерубаю, на тры стороны изсылаю, де витры не вюють, де люди не ходять. Господь зъ помичю, а я зъ духомъ“⁴⁾

„Бешыхо-бешышыще! витровая, водяная, урочена, стричена. Тутъ тоби не стояты, червоной крови не пыты, сердца

1) Ястребовъ, „Матеріалы Новорос. края“, с. 104—5.

2) Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 167—8.

3) Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, VII—VIII, с. 56—7.

4) Ib., с. 58.

не в'яляты, жылъ не тягты. Не я вышиптую, Матерь Божа вышиптуете, М. Б. выклькае, М. Б. вызывае, на болота ссылае, де витерь не віе, де сонце не гріе, одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нигъ, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твоеи головы, нарожденной, молитв., дара Божого, Н.¹⁾

„Ишла Н. трѣма шляхамы, зострила трѣхъ святыхъ; стали пытаты: „Куды ты идешъ? — До Н. бешыхы шептаты. — Первый святой—Матиръ Божа, другой св.—Спасытель, третій св.—Мыколай, Божый угодныкъ, Б. преподобныкъ. Стали стричаты, ставъ винъ помогаты. — Бешыхо-бешышыце! водяная, витряная, огняная, подумана и погадана, раба Б. Н.“²⁾

„Пресв. Богородыця, всему мыру помошныця! поможы мени народж., мол., хрещ. Н. вышиптувать бешыху. Я тоби вышиптую, я тоби й вызываю, я тоби й выклькаю изъ твоихъ рукъ, изъ твоихъ нигъ, изъ т. жылъ, изъ т. пажылъ, изъ т. 70 суставивъ, изъ т. грудей. Бешыхо-бешышыце! водяная, витряная, спытена, зыдена, вызвана, вымовлена, названа й наслана, прозорна, йды соби на очерета, на болота, де витерь не віе, де сонце не гріе, де дубъ не розывається, народж., мол., хрещ. Н. бешыха не озывается“³⁾.

„Господы мылостывый! поможы мени, М. Б., сю бешыху зарубаты, изъ руки выклькаты. Не я йи выклькаю и не я вызываю, самъ Господь вызывавъ, анголивъ на помичъ посылавъ; Матиръ Божа въ помичи стояла и сю бешыху одбирала, на Дунай, на море зсылала. На Дунай — на мори змя гнздо свыла и сама въ гнздо лягла и своихъ дитей забрала и сю бешыху одбырала и своихъ дитей годувала. И диты крычатъ, верещать и йисты хотять. И не крычить, и не верещать и йисты не хотить, и одбирайте пусту бешыху. Якъ вона пусто прыйшла, дакъ возьмить пусту пойижте, пожерите и понесите на мудре та на медре (=п. мадръ), де витерь не віе, де мисяць не свитытъ, де людскый гласъ не заходытъ. Тамъ соби гуляйте и буяйте, сухе дерево ламайте. Одъ рожденной, мол., хрещ. Н.“⁴⁾

¹⁾ Милорадовичъ, Op. cit., с. 57.

²⁾ Ib.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Ib.,

„Першимъ разомъ, добрымъ часомъ! Прячистая Мамочка, поможи и пособи выговариваць у рабы Божкїя зъ груди, съ цыцки скулу бѣлую-бѣлугу, красную-краснюгу, синюю-синюгу, жовтую-жовтугу. Идзи ты на моря на лукоморья, — тамъ твое сѣстры ни пьюць, ни ядуць, ни работаюць — дорогимъ каменьямъ качаюць, цябе къ сабѣ гукаюць“ ¹⁾).

(Два утра и вечеръ по три раза подкуривая кизякомъ или „онучею зъ правои ноги“): „Ишла Матирь Божа золотымъ мостомъ, подпираясь з-мъ костылемъ. Зостривъ йии Кузьма и Дымьянъ, Христытель Иванъ. — Куды ты, Матирь Божа, идешь? — На Сїянъску гору — чадо рятувать, бежа и бешыху вымовлять. — Бешыха била, б. синя, б. динна, б. полуношна, свитова, вихрова, — тутъ тоби не буваты, червонои крови не шыты, жовтои кости не ломыты, цырого сердца не вялыты порожденному, мол., хрец. р. Б. Н.“ ²⁾).

„Sed(l) Pan Jesus z Najświętszą Panną Maryją bez ogród i bez cierniowy rózy krzácek: Ta kobiéta z roza — ockami se zmuza.— Idź ze ty, kobieto, z tym bólem i z tą rózą do wody, niech nie mają grzészni ludzie przeszkody. Ta Najświętsza Pannienka z aniołkami na chór, zeby ta kobieta z tym bólem i z tą rózą zyła na powtór. Idź ze ty, kobieto, z tym bólem i z tą rózą do wody, niech nie mają grzészni ludzie przeszkody. Sed(l) Pan Jesus z Naświętszą Panną Maryją do nieba, téj kobiecie z tym bólem i z tą rózą żyć trzeba. Idź ze ty, kobieto, z tym bólem, z tą rózą na październice, na kunopie, na kunopne siemie, niech sie ta róza na lasach, na borach rozplynie“ ³⁾).

„Сщєсливы был день, киды sie Pan Jesus narodzie, щєслива была godzina, киды Najświętsza Panna porodzila syna. Zeby taka była щєслива godzina, киды бєдє те róze (называя мѣсто, гдѣ боль) zazegnawać. Nie swoją mocą, tylko Boską mocą, Najświętszej Panny i wszystkim świętych pomocą“ ⁴⁾).

„Róza piła, pastoralis, patersna, róza sie pali, a święty Josef, Najświętsza Panna Pana Jezusa chwali. Błogawio-

¹⁾ Романовъ, „Бѣлорус. сборникъ“, V, с. 166. (Ср. тамъ же №№ 34, 35, 37 и 40).

²⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 17.

³⁾ Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, III, с. 52.

⁴⁾ Ib., с. 56.

ny Pan Bóg, który stworzył Najświętszą Pannę Niepokalanie poczętą, Matkę Boga Jezusa Chrystusa“¹⁾).

„Святи Къивьськи, Охтырьськи,
Монастырьськи, печерьськи,
Переяславськи, и ты,
Свята п'ятинко,
Простить и помылуйте.
Господы милостывый, Сусь Хрыстось!
И самъ Богъ иде р. божого
Одъ болячки шпытаты,
И видбавляты, и вымовляты.
И бышыха, бышыще,
Подумана и погадана,
И чоловича, и хлопьяча,
И жиноча, и дивоча!
Покы я не знала,
Поты йии не шытала,
Стала йии знаты,
Стала йии шпытаты,
И Бога прохаты.
Господь зъ помиччу,
Я зъ ручцю.—
Вышиштувать и видбавлять
И зъ його головы, и зъ його очей,
И зъ його рукъ, и зъ його плечей,
И зъ його нигъ, и зъ його щирого сердца,
И зъ його билого тила,
И зъ жылъ, и зъ пажылъ (= нервовт),
И зъ його суставцивъ, и жылъ, и пальцивъ“²⁾).

Бородавки (Warzen, bradvice).

(Натирають бородавки говядиной и зарывають ее „род окар“; когда засохнетъ, бородавки пропадутъ):

¹⁾ Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, IX, с. 49.

²⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 177.

Hrana zvoní, nevím koniu:
bradvice, jdete z domu!
az tam toho pochowaji,
at vás take zakopaji“ ¹⁾).

„Zvoni hrana, nevím komu,—bradavice jděte domů“ ²⁾).

„Nerosti, znameni,
jako neroste kameni
od pana Ježíše narozeni“ ³⁾).

„Jetzt gang i mit der Licht

Bis an das Grab;

Warza nehmet ab,

Wie der Tod im Grab“ (3 раза, а въ концѣ — „Отче нашъ“ ⁴⁾).

(Натирають бородавки мертвой ногой, относятъ ее, гдѣ взята, и бѣгутъ домой безъ оглядки, или — сваривъ въ горохѣ кусокъ сала, обмазываютъ имъ бородавки, кладутъ сало въ водосточный жолобъ; когда сало сгнѣтъ, бородавки пропадутъ):

„Im Namen der allerheiligsten Dreifaltigkeit schmiere ich euch ein. Entfernet euch im Namen... Amen“ ⁵⁾).

(Услышавъ отпѣваніе покойника, иди къ текучей водѣ, обмой бородавки и говори):

„Jetzt lautet man zu einer Leich'. — Und was ich Wasch, das weich! Im Namen...“ ⁶⁾).

(Положивъ на прыщи кожу древесной лягушки, снимають ее черезъ нѣсколько часовъ, говоря): „Kannst du Böser die Haut nicht finden, so sollst du von meiner Hand“ (u. s. w.) verschwinden“ ⁷⁾).

„Lieber Mond, ich sehe deine zwei Spitzen.

Wenn ich die dritte sehe, soll meine Warze verschwinden“ ⁸⁾).

¹⁾ Erben, „Česká zařikadla“, с. 54.

²⁾ N., „Zařikaci formule“, с. 147.

³⁾ Erben, Op. cit., с. 54.

⁴⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 445.

⁵⁾ Amman, „Volkssegen“, с. 202.

⁶⁾ Ib.

⁷⁾ Wisłocki, „Volks Glaube... Zigeuner“, с. 177.

⁸⁾ Praha, „Glaube u. Brauch“, с. 196.

„Reckholder, gieb dich gefangen, dass den feine Warzen
vergangen“ ¹⁾).

„Sett man de Licken in dat Graff,

Wask ick mi mine Waarten aff.

Se leggt den Doden... all de waarten aff.

Se bringt de Licken woll... mi...

Se lúdet den Doden int Graff

ick wash' mine Waarten aff“ ²⁾).

„Was ich sehe, das ist eine Sünde.

Was ich fühle, da verschwinde“ ³⁾).

„Was ich sehe, ist eine Sünd,

Und was ich greife, das verschwund.

Im Namen...“ ⁴⁾).

(Смотря на восходящую луну и разглаживая бородавку):

„Was ich ansehe, nimm zu,

Was ich überstreiche, nimm ab“ ⁵⁾).

(Смотря на неполную луну и крестя бородавку, говорить
3 раза).

„Wat ik anseh, dat gewinn'

Wat ik wasch, dat verschwinh'.

Im Namen“ ⁶⁾).

„Wat ik kníp, vergeiht

Un wat ik seh, dat bliut.

Im Namen“ ⁷⁾).

(Когда выносят трунъ, обращаясь къ нему):

„Nimm meine Warzen auch mit“ ⁸⁾).

Веснушки (Ластовиння).

(Увидѣвши весной первый разъ ласточку, говорить при-
водимый ниже заговоръ, а потомъ умыться):

¹⁾ Roschfolz, „Aargauen Besegnungen“, с. 115.

²⁾ Strackerjan, „Abergl. aus Oldenburg“, с. 79.

³⁾ Prahп, Op. cit., с. 196.

⁴⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, с. 518.

⁵⁾ Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 515.

⁶⁾ Поеск, „Aberglaube“, с. 118.

⁷⁾ *Иб.*, с. 119.

⁸⁾ Schönwerth, „Aus d. Oberpfalz.“, с. 237.

„Ластивко, ластивко! на тоби веснянки, дай мени блянки“ ¹⁾).

Видмънъ (Английская болѣзнь).

Народъ считаетъ уродовъ дѣтьми „нечистой силы“ разныхъ родовъ, которыхъ эти злыя силы стараются положить въ колыбель вмѣсто новорожденныхъ младенцевъ. Въ огражденіе отъ этого несчастія народъ принимаетъ рядъ мѣръ: избѣгаетъ называть ребенка его собственнымъ именемъ, даетъ новорожденному имена, которыя могли бы отпугнуть „нечисть“ и проч.; наконецъ, прибѣгаетъ и къ заговорамъ.

Чтобы заставить чортиху возвратить дитя, оставленнаго ею урода сѣкутъ на кучѣ сора вѣникомъ и приговариваютъ:

„На тобѣ твоє, оддай мѣнѣ мое“ ²⁾.

„Engelsche Krankheit verschwinne,

Wie de Dau an de Sünne,

Wie der Kukuk vör den Soevenstern“ ³⁾.

„Im Namen... Unterwuchs (—въ Zs. f. deut. Myth., IV, 108—„unterwachs), Auswuchs, Herr gesperr (—ср. Gr. Myth., 970—1. и прилож.), englische Krankheit geh von dem N. weg, wie Christus von seiner Krippe gegangen ist. Nun weiss ich für gewiss, dass du wieder gesund wirst. Jesus gab dem Petrus solche Macht, dass der lahme Bettler Lazaro ward wieder gesund und gerade“ ⁴⁾).

¹⁾ Номнѣъ, „Украинськи прыказкы“, с. 5 (ср. Ефименко, „Сб. мпр. закл.“, с. 30, Lud Ukr., II, с. 129).

²⁾ Ефименко, „Сборн. мпр. закл.“, с. 4.—Ср. „Lud Ukr.“, II, с. 161.

³⁾ Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 513.

⁴⁾ Амшанн, „Volkssegen“, с. 208.

Волосъ ¹⁾ (волосень, волосникъ, ноготь, ногтеѣда, *paran-
grium, Fingerwurm, Adel, Fick*).

„Волосъ водяной, витряный, прозорный! я тебе выльваю, я тебе вызываю, въ чужи земли одсылаю, де наши люде не ходять, тамъ хрестивъ не носятъ, — и не нападай на хрещеныхъ людей“ ²⁾.

„Волосъ-волосыще! тутъ тоби не стояты, червоной крови не пыты, жовтой косты не ломаты, щырого сердца не нудыты, рожденной, мол., хрещеной N.“ ³⁾.

(Омочивъ 7 ржаныхъ колосковъ въ свяченой водѣ и слегка прикасаясь ими къ больному мѣсту):

„Выльваю волосъ на жытній колосъ; волосъ водяной, витряный прыстритный, дивочый, парубочый, жиночый и чоло-

¹⁾ Болѣзнь происходитъ отъ того, что во время купанія волосатикъ (живой волосъ) забирается подъ кожу и ползаетъ тамъ, — преимущественно на рукахъ“ (Романовъ, „Бѣлор. Сб.“, V, с. 96). — Нарывъ на пальцѣ или другой части тѣла, происходящій будто бы отъ человѣческаго волоса, потоптаннаго и врослаго въ тѣло; почему знахари и заставляють его выйти изъ больного и обвитья вокругъ пальца (Ефименко, „Сборникъ млр. закл.“, с. 8). — Ногти—живыя существа: ихъ выманивають „на питерь (=питье) и идеръ (=ѣду) слаще и падше меда и патоки“. (Крушевскій, „Заговоры“). — Волосъ—застарѣлыя или внезапно открывающіяся, будто бы отъ прикосновенія мертвеца—раны (Шейнъ, Матеріалы, II, с. 544).

²⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, VII—VIII, с. 60.

³⁾ Пь.

вичый, мышачый и мышыный, гусячий и гусыный; вовчий и вовчыный, лысячий и лысыный, курачий и курыный! я тебе высылаю, я тебе выганяю, тутъ тоби не гуляты, жовтои кости не ломаты, крѣпкихъ жилъ не вялыты и не сушыты. Иды соби на болота, на очерета, де люде не ходять, де рыбы не грають, пивни не спивають. Тамъ тоби ходыты, тамъ крутыты повикъ выкы. Аминь. Тѣфу!“¹⁾

„Ты волосъ, волосъ коловой и в. ломовой и мозговой и разсыпной, и в. жильный и трехжильный и в. денный и в. нотьной и в. сербуций и в. ломуций и в. знобуций! Отцаго ты колишь, отцаго ты ломишь? У буйной головѣ, ў ясныхъ воцахъ уцѣшися, умирися, и не коли, не ломи ни ў молодзикахъ, ни у ветохахъ (=начало и исходъ), ни на сходзѣ красна сонца, ни на закацѣ красна мѣсяца. Ступай ў землю цемную, ў цьму кромѣшную, не къ людзямъ живымъ, а къ попурамъ (=непокойныя души усопшихъ) лихимъ“²⁾.

(Положивъ большое мѣсто на 27 ржаныхъ колосковъ и поливая теплой водою):

„Лыйся, волосъ, на колосъ водяный, витряный, прозирный, подуманый, погаданыи, пидстритынный. Тутъ тоби ны стоять и ны бувать, а жовтои кости ны ломыть, и билого тила ны сушыть, и червонои крови ны мутыть и сустава ны крутыть“³⁾.

(При той же обстановкѣ): „Волосъ! иды соби на колосъ. Я жъ тебе выываю, выкыкаю зъ жылей, зъ крыжей, изъ суставивъ, зъ пальцивъ, зъ нигтивъ. И полумляный и подуманый, и спытеныи, и зьиденыи, — выкыкаю Божымы словами, своимы молитвами“⁴⁾. Прочитавъ заговоръ три раза, дають больному пить воду съ колосковъ, и волосъ окажется на колоскахъ „якъ навутыння“.

„Волосный волосныче! Богъ тебе клыче на свое мисто, на свое крисло, тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ломати,

¹⁾ Ястребовъ, „Матеріалы этногр. Новорос. края“, с. 106. (Ср. Чубинскій, „Труды“, I, с. 124 и „Сборникъ Харьк. Ист.-филол. Общества“, IV, с. 277).

²⁾ Шейпъ, „Матеріалы“, II, с. 543—4.

³⁾ „Харьк. Сборникъ“ VIII, с. 36.

⁴⁾ Комаровъ, „Новая збирка“, с. 106—7. Ср. Ефименко, „Сборн. млр. вакл.“, с. 9.

червоной кровы не пыты, билого тила не сушыты. Выкотыся, якъ ясне сонечко выкочується зза горы, то такъ ты выкотыся зъ семидесятъ семи жилъ, и зъ 70 сугавъ. Покры я не знала, покы я тебе не выклькала, а теперь стала знаты, стала Матиръ Божои прохаты, стала мени Маты Божа въ помочи стояти.—Розійдыся такъ, якъ по лугамъ и по берегамъ витерь шумыть, якъ по води хвыля росходыться, такъ у молитвен., нарожд. N. волосъ зйде“¹⁾.

„Чорный волосень, красный в., бѣлый в., русый в., прошу я цябе, выходи съ косыци, зъ живота, зъ р. Б. N., зъ яго нутря. Ци придзивный, ци приговорный, ци присмѣшний, ци придумный, ци водзяный, ци вѣтряный, покорись мойму приказу“²⁾.

„Якъ на неби мѣсяць, такъ у лѣси дубъ, на синимъ мори бѣлый камень, на б. камяни пятахъ. Якъ тѣй пятахъ не пяецъ, такъ табѣ, волосень, по косыци не ходзиць, косыци не ломыць“³⁾.

„Волосный волосныче, въ тебе сынъ Максимъ, въ мене дочка N.—будь мени сватомъ. Йихавъ чоловикъ пустою дорогою, пустымы воламы на пусту нывку, пустого жыта жаты, у пусти коны класты. У пусти коны клавъ, на пустый визъ клавъ, пустою дорогою визъ — на пустый тикъ, пусти молотныкы молотылы, у пустый млынъ молоты носылы, пуста перепечайка у пустій джижы учыняла и въ пустій печи пекла, пусти люде пустый хлибъ йили п съ пустою, молитв. N. волосъ зйили. Якъ пусто я говорю, такъ пусто зъ молитв., нарожд. N: волосъ зйде“⁴⁾.

„На мори на кяни, у ракитывымъ кусыци, на бѣлымъ камни, на латыри камни, тамъ волосьйѣва маци жила-проживала. Нихто яе не знавъ, нихто ня ’твѣдавъ, нихто до яе не дохаджувавъ, — только я рабъ Платонъ (знахарь) яе знавъ, яе отвѣдавъ, до яе дохаджувавъ и р. Б. помочъ дававъ“⁵⁾.

„Звѣдклия ты взялося, звѣдклил прилѣзло, я тебе выга-

1) Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 25.

2) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 96. 3) Ib., с. 97.

4) Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 24—25.

5) Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 169.

няю, ви́кликаю, прокли́наю, иди прѣчь, та йды на лѣсы, на очере́ты, та на лу́гы, та на пу́щи, та на трапезы, та влѣзь въ га́дюку, та влѣзь въ жабу́! Прѣчь, прѣчь!“¹⁾

(Варя урину больного и окунувъ туда 3 раза палець):

„Der Adel und die Fuler
Schlugen sich beid um den Schuler,
Adel verschwund,
Schuler gewundt“²⁾.

„Adel, ich will dich stillen,
Du sast nich hell'n din'n Willen,
Du sast nich reifen,
Du sast nicht stechen“³⁾.

„Adel und Weidag, sta verga,
Du sollt nich riten,
Du sollt nich spilten,
Du sollt stan, wie die Pal,
Du sollt vergan, wie die Tode in Grab.
Helf Gott der Vater“⁴⁾.

„De Adel un de Stoel
De gunhen beid an enen Poel.
De Adel de verswunn,
De Stoel de gewunn.
Im Namen...“⁵⁾.

„Ik rad'en Baten,
Mit Heisterknaken,
Mit Kreienföten,
Schal dy de Weedag'uten Finger staken“⁶⁾.

„Wurm, ich beschwöre dich bei dem heiligen Tag!
W. i. b. d. b. d. h. Nacht!
W. i. b. d. b. d. fünf Wunden!
W. i. b. d. b. d. h. drei Nägeln Christi!
W. i. b. d. b. d. Kraft Gottes!

1) Ефименко, „Сборн. мѣр. закл.“, с. 8.

2) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, с. 443.

3) Bartsch, „Sagen, Märchen“, I, с. 369. 4) Ib.

5) Müllenhoff, „Sagen Märchen..“, с. 515. 6) Ib.

Du seiest gleich grün, blau,
Weiss, schwarz oder rot,
Dass du liegest in dem Finger tot,—
Das sei dir zur Buss gerähet!

Im Namen...“¹⁾.

„Gott dor Vater

Ging z' Acker.

Er that 3 Fürch

Er fand 3 Wurm

Der erste war ein Streitwurm,

Der zweite war ein Gneitwurm,

Der dritte war ein Haarmurm.

Fahr aus diesem Fleisch,

Gott Vater, G. S., G. Hl. Geist“²⁾.

„Ich tödte den Wurm im Namen... Ich löse die Nerven wie der Sohn Gottes am Kreuz gelöst worden ist.—Im Namen des Vatters... Amen.—Roter Wurm, wisser Wurm, Schwarzer Wurm. — Ueçh allen muss diss mentschen bluot und fleisch, marg und gebain als unser sin ze bissen, ze brechen und ze frinken, als unser lieben frowen, Sant Marien ist der mentsch uemer, dran unsers herren Jesu Christ, grossen bitteren marterer Kain glauben wil haben“³⁾.

„Christus foard zin Ackar,

Petrus foard nach,

ackert drey Würm heraus,

einen weissen, einen schwarzen, den dritten raud,

die siebenunsiebzigerloy Wurm und Würm han daud,

sua helf ma Gott... Geist“ (3 креста, 7 разъ V. U. и 7 разъ A. M.)⁴⁾.

„Christus der Herr fährt zum Acker,

äckert drey Beet,

spannt er ab,

¹⁾ Amman, „Volkssegen“, c. 203. — Cp. MSD², XLVIII, 2 u. Anm.; E. Meier, Sagen № 464—5; Grimm, Myth. 968 u. Nachtz. zu 967 u. Anh. XV, XXVIII, XXIX; Kuhn, in Za. f. vergl. Sprachf. XIII, 135 f.; Birlinger, Aus Schwaben, I, 445—6, 461).

²⁾ Birlinger, „Volksth. aus Schwaben“, c. 444.

³⁾ Ib., 404—5.

⁴⁾ Schönwerth, „Aus d. Oberpfalz“, c. 250.

Blutwurm, Brandwurm, Fleischwurm,
den Her W. ausgenommen“ ¹⁾).

„Christus ist gestorben,
Ch. stirbt nicht mehr,
Der Wurm, der gibt dir Schmerzen,
Soll sie dir geben nicht mehr.
Christus der Herr fährt in den Acker;
Was wird er ackern?
Dreyerley Würmer:
erstens den Fleischwurm,
zweytens den Beitwurm,
drittens den Markwurm“ ²⁾).

„Ich beschwure dich Wurm und Würmel und Wurm-
mung, das dir in dis ross flaisch und in seinem gebain und in
allem seinem lieb sye, als Wind und als we und dir darinne
sye als laid, als laid sant Petern Unseres Herren Jesu Christi
marter was do er in vor dem richter und vor den Juden
sach“ ³⁾).

„Der hl. Petrus foart zin Ackar as
ackert 77-erloy Würmin heras,
dar ayarscht is raud,
da zwaut ist däud,
da dritt is weiss,
helf Gott Vater... Geist“ ⁴⁾).

„St. Petrus mit deinem Schlüssel
Vertilg allen Würmen seinen Rüssel“ ⁵⁾).

„Sant Jakob lag auf einer Miste,
Da rufft er an den lieben Herrn Jesu Christi:
Ach Gott! (3 pasa)
Warumb hast du mich so gar vergessen?
Dass sie die leidige Wirm wendt fressen?
Sie sind schwarz gra bla, weiss oder rot,

¹⁾ Schönwerth, Op. cit., c. 251. ²⁾ Ib.
³⁾ Birlinger, „Volksth. aus Schwaben“, c. 445.
⁴⁾ Schönwerth, Op. cit., c. 250.
⁵⁾ Ib., c. 251.

Dass sie seinen alle todt.

Im Namen Gott des Vaters...“¹⁾.

„Упрашаю и умáлю дванатцаць царей, дванатцаць королей и царя Давыда и ўсю кротосць яго. Уговарую я волосня вѣтряного, водзяного, подумнаго, погляднаго, поцѣшнаго, посмѣшнаго, срѣшнаго, попярешнаго и шѣро воко и бѣло воко и чорный волосць и бѣлый волосць изъ жилъ, изъ пажиль и рациваго сердца. Тутъ табѣ ня быць, р. Б. ня сушиць. Идзи ты на синя моря, на бѣлый камень, корення копаца, вѣццямъ шугаца, по синимъ морю гуляца. И идзи ты на мхи, на болоты, на гнилыя колоды, дзѣ людзи ня ходзюць, вѣтры ня шугаюць, буйныя дожджи не замáчиюць. Станьця ангалы, на радосць, св. вотча Миколай на помочь и ўси празьнички, Божія угоднички, скорыя поможники, поможца мнѣ у корысьци, у радосьци, у добромъ здоровьи. — Якъ сукъ нѣмъ, кабъ и волосень такъ занямѣвъ“²⁾.

Взвихъ (=звихъ, выбой, ударъ, вихъ, звихъ, Verrenkung, Beinverrenkung).

„Бхавъ звихъ по зеленому лугу, а тамъ дѣвки краски рвали, звихъ поймали. — Звихъ ты мой хорошій, звихъ ты мой пригожій! датуль ты гарѣвъ, датуль ты балѣвъ, пакуль я тебя не стрѣвъ, а теперь ты и балѣть и гарѣть перестань. Дай же, Боже, помощь N.“³⁾.

„Звихъ-звихице, навихъ-навихице, въ суставахъ N. р. Б. тоби тутъ не стоять, не болить, жовтой кости не ламать, горячои криви не смоктать, румяного тила не пушить, вонъ пора тоби выступить на ныщи лозы, на быстрыи воды, на сухыи лиса, на крутыя горы, и тамъ соби гуляй и буйай ныщи лозы, сушы быстрыи воды, смычь сухыи лиса, камни и съ N. р. выступы, румяного тила не пушь и не палы“⁴⁾.

¹⁾ Birlinger, Op. cit., с. 445.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 97—8.

³⁾ „Могилы. Губернск. Вѣдом.“ 1900 г. № 46. — Ср. (буквально) въ „Этногр. Обзор.“, кн. VI, с. 217.

⁴⁾ Шидцацкій-Илличъ, „О заговорахъ“. — Ср. буквально у Ефименка, „Сборн. мдр. закл.“, с. 30, № 87.

„Зьвихъ, зьвихъ, ня будзь лихъ, жилы не цягни, косьци не ломи. Ъхавъ царь Давыдъ на вороныхъ коняхъ, — конь спотыкнувся, зьвихъ зьвихнувся; конь уставъ, зьвихъ на мѣсьци ставъ, на мѣсьци на стану, у своимъ дому“¹⁾).

„Первымъ разомъ, Господнимъ часомъ. Господу Богу помолюся и Св. Прачистой поклонюся. — Звихъ пристрѣшный и навитый, працовитый. Звихова мати по полю ходила, звиха сына будила: „Устань, звиху, поможи етому лиху. Табѣ тутъ ня стояти, кости ня ломати; сэрца ня знобити, живота ня тошнити“²⁾).

„По Сіаньской горѣ Матка Прачиста ходила, свойго сына-звиха будила; „Охъ ты сынъ мой, звиху, устань ты къ етому лихому лиху!“—Бдя самъ Сусъ Христось по Сіаньской горѣ, вода р. Б. по крутой горѣ, по шавковой травѣ, по сильной росѣ. — Якъ тые кругыя горы ня топтати, ш-ья травы ня зѣдати, сильныя росы ня 'ббивати, такъ звиху-лиху у р. Б. ня бывати.—Потуль ты стояло, покуль я табе ня знала, а тыперъ я стала тябе ўхожати, кость на кость наставляти и жилу на жилу и кожами прикрывати, ядрость и вопухъ выпгонять, горучую кровь разгонять“³⁾).

„Господзи Божа, благослови, матка поможи, св. суботычка-матычка, стань на помочь. Упрашаю увесь міръ Господній и упрашаю хозяинывъ домовыхъ и полявыхъ и заговариваю вихъ. — Вихъ, вихъ! ня будзь ты лихъ не ходзи ты пы косьцяхъ, не ломи косьцей.—Якъ сухой игруши на корени не стоять и вѣтьцемъ не махаць, такъ у р. виху пы косьцяхъ не ходзиць и косьцей не ломиць. Зыговарюю вихи женьскія и муциньскія (и т. д.) и вѣдьмацкія и чаровницкія“⁴⁾).

„Якъ сухой ели отростку не пуцаць, такъ етому чаловѣку злomu звиху ня бываць, буйной косьци не ломиць, рациваго сэрца не знобиць. Етаго чаловѣка не ломиць, не крышиць осинникъ, бярезникъ, олешникъ“⁵⁾).

„Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолюся и Святой Прачистой поклонюся, св. Миколи, Троицы

¹⁾ Романовъ, „Бѣлорус. сборникъ“, V, с. 70 (№ 101).

(№ 109).

²⁾ И., с. 78—79 (№ 152).

³⁾ И., с. 162—3 (№ 18).

⁴⁾ И., с. 163 (№ 21).

⁵⁾ И., с. 71

й Покрови и ясному мѣсяцу, правядному сонійку и частымъ звяздѣмъ, усѣй св. сили нябесной. — (Треба узять тресочку и прикласть къ больному мѣсту). — Якъ етому древу на пни ня стояти и расой ня пропадати и отъ вѣтру ня шатати и отъ солища ня зяти, такъ р. Б. ни звиху, ни побою ня знати у горячай крывѣ и ў жовтой косьтѣ и ў жилахъ и ў сұставахъ. — Потуля ты было, якъ я тебе не знала, а тынеръ я тебе знаю, вышентую и выговарую зъ горячія криви, зъ жовтыя косьти, изъ синихъ жилъ. — Якъ потухаютъ и улягають зоры ранняя и вячерняя, такъ потухай, улягай звихъ и побой, вопухъ и ядрость у горячай крывѣ, у жовтой косьтѣ, у жилахъ и ў сұставахъ. Господь ись помоччу, а я съ словами“¹⁾.

„Ишовъ звихъ теразъ калиновый мостъ; мостъ зыбнувся, а звихъ звыхнувся, а сұставъ на мисти ставъ“²⁾.

„Ik hol'myn Folf in'n Kattengang (= wo die Katzen durchspringen können)

So still ik' Wolden Gnirrband“³⁾.

„Бхавъ Сусъ Христось чаразъ зялѣный мостъ на сивымъ конѣ, зъ зялѣнымъ списомъ. — Мостъ проломився, конь спотыкнувся, р. Б. звихъ проминуся“⁴⁾.

„Ишовъ Господь Богъ по калиновомъ мосту. — Якъ тому мосту ня разыходитца, такъ у р. Б. звиху и удару ня бывати. — Ишовъ Богъ по калиновомъ мосту, мостъ поломався, Богъ вярнувся, — звихъ и ударъ минуся“⁵⁾.

„Бхаў Богъ чыгразъ калиновый мостъ, мостъ сколыхнуўся, конь спотыкнуўся и звихъ минуўся“⁶⁾.

„Иихавъ Господь на осляти, а св. Петро на лошади, а Юрыхъ (= Георгій Побѣдоносець) на коньку, на пузыку. — Конькъ звыхнувся, а звышекъ мынувся“ (З р., не переводя духу)⁷⁾.

„Господу Богу помолимся, св. Прачистой Божой Матери поклонимся и всѣмъ Святымъ, Кіевскимъ, Пячерскимъ. — На

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 73 (№ 115). ²⁾ Ib., с. 77 (№ 143).

³⁾ Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 515.

⁴⁾ Романовъ, Op. cit., с. 72 (№ 111). ⁵⁾ Ib., с. 74 (№ 120).

⁶⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 538.

⁷⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 171.

мори на лука-мори, на мори на кіяни сама Прачиста Божжа Матирь ходила, шавковую траву ирвала, рабу Божія Н. и ко звиху прикладала, помочи давала. — Ёхавъ извихъ по калиновому мосту, — мостъ проломився, конь спотикнувся, суставы и суставины (?). А христіанину р. Б. Н. извихъ минись¹⁾.

„Иштоу Бохъ мяжою, па чистыму полю. Святэй Михайла Архангиль сталь Богу на нагу. Ни пашатнулся, ни пакіу-нуўся: сустау суставымъ, кость костію, жила жилыю. Царь Давидъ сакратилъ неба и землю — сакрати и насъ грѣшныхъ. Аминь“²⁾.

(Направляя вывихнутую ногу или руку): „Ишла корова черезъ мистъ, — золоти рогы, з. ногы, з. зубы, з. губы, з. и хвистъ. — Исцилы, Господы, свихнутую, зломленую, тревоженую кистъ“ (читать 9 разъ)³⁾.

„Es ging ein Hirsch auf seiner Heide
Und lugt nach seiner Weide,
Stosst sein Fuss an einen Stein,
Verrenkt ihm all seine Bein.
Im Namen des Gottes Vatters...“⁴⁾.

„Du hast dein Bein verrenkt.
Jesus Christus ward aus Kreuz gehängt.
Thut ihm sein Henken nichts,
Thut dir dein Verrenken nichts“⁵⁾.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. — Гдесъ-недесъ на сы-нему морю лежыть камень билый, на билому камени ктось седьть, высижа, изъ жовтой кости цвиль выклькае: „Жовтая кость, легова духъ! Якъ у льву духъ не держитя, то шобъ такъ у жовтой кости р. б. Н. звихъ не держався. Миколаю угодныку, скорый помощныку, мисяцю ясный, князю прекрасный, стань мени у помощь, у первый разъ, у третій разъ. Аминь“⁶⁾.

1) Шейнъ, *Op. cit.*, с. 538.

2) Добровольскій, „Смолен. этн. сборн.“, с. 198.

3) „Харьк. Сборникъ“, VIII, с. 37.

4) Meier, „Deutsche Sagen...“, II, с. 516.

5) Frahn, „Glaube u. Brauch“, с. 134 — Ср. почти буквально у Roschfolz, „Aargauen Besegnungen“, с. 117.

6) Даль, „О повѣр., суев.“, с. 38. — Ср., почти буквально, „Харьк. Сб.“, VIII, с. 9.

„Phol und Wodan fuhren zu Holze,
Da ward dem Füllen Balders sein Fuss verrenkt,
Da besprach ihn Sinthgunt (und) Sunna, ihre Schwester,
Da besprach ihn Wodan, so gut ers wusste,
So (ob der) Beinverrenkung, als (ob der) Blutverren-
kung, als (ob der) Gliedverrenkung.

Bein zu Beine Blut zu Blute,
Glied zu Gliedern, als ob sie geleimet sein“ ¹⁾.

„Petus und Maria ritten zusammen auf ein Pferd und ritten über eine Brücke, da vertritt da Pferd einen Fuss. Petrus sprang herunter und bat zu Gott dem Vater, dass er möchte geben, dass alle Litt (= Glieder) bei Litt, Sehnen bei Sehnen, Aders bei Aders, Knochen bei Knochen... und dasselbige begehre ich hier auch“ ²⁾.

„Also Susanna hat geboren
sant Anna, sant Anna hat geboren
unsere liebe frau hat geboren
unsern lieben herrn Jesus Christus.
Oblat, oblat, oblat.
brich bald, brich (3 p.),
wenn du bist zwischen haut und fleisch,
brich in deich und nit ins fleisch“ ³⁾.

Глазныя болѣзни

чаще всего бываютъ отъ попаданія въ глазъ посторонняго тѣла („запорошить“), отъ простуды, заразы, золотушнаго происхожденія. Въ имѣющемся у меня матеріалѣ есть заговоры отъ бѣльма, когда запорошить глазъ, отъ осненныхъ нарывовъ, отъ ячменя и болей неопредѣленнаго характера; на эти группы я и разбираю подобранный матеріалъ. — Покровителемъ глазъ считается св. Пимонъ (= Пывонъ) и св. Отилія.

а) *Бѣльмо* (= бильмо, łuszczki, Nail, Flecken). Оно закрываетъ человѣка въ зрачкѣ, — чѣмъ человѣкъ видитъ, — от-

¹⁾ Köhler, „Volksbrauch, Aberglauben“, с. 703. (Изъ Мерзебургской рукописи Х.вѣка).

²⁾ Strackerjan, „Aberglaube aus Oldenburg“, I, с. 69.

³⁾ Roschfolz, „Aargauen Besegnungen“, с. 117—8.

сюда заговоры, гдѣ срывая бѣльмо, слѣшать „чоловика въ око вставляты“ ¹⁾).

„Ишло ты соколы черезъ клены-мосты. Первый сокиль кровь хлябае, другой сокиль бильмо зганяе, третій сокиль черную галку чыстыты зъ р. Б. Н.“ ²⁾).

„Ишовъ старецъ изъ трѣма торбамы, изъ трѣма ципкамы, изъ трѣма хортамы: черный стежку показуе, сирый слезу вылизуе, а бильгый свитъ показуе“ ³⁾).

„Ихавъ Юрій на кони, за нимъ бигло тры хорты: одынь сирый, другой бильгый, третій черный. Сирый склыкае, бильгый сзыбае, а черный злызуе“ ⁴⁾ (9 разъ).

„Ихавъ пресв. Юрій на вороному кони, на золотому сидли, золотою нагайкою поганя. За нимъ бигло тры псы: одынь бильгый, другой червоный, третій черный. Бильгый бижыть бильма зобаты, червоной крови хлоптаты, а черный бижыть чоловичка въ око вставляты“ ⁵⁾).

„Ихавъ святыи Юрій

на бильгымъ кони

Въ червонымъ жупани.

За нимъ биглы чотыри собаки:

Одынь бильгый, другой черный,

Третій червоный.

Гей, гей собаки, згоните тейе бильмо“ ⁶⁾ (3 р. плюнуть и 3 р. проч. „Отче нашъ“).

¹⁾ Припомнимъ въ повѣсти Дала „Гофмаиская капля“ относящееся сюда мѣсто: „...Его водили то Ефрема, то Малахій Поликарповичи... Если они стояли рядомъ, то ихъ не трудно было отличить: Малахій былъ пониже, похудошавѣ и поблѣднѣ лицомъ, но порознь никто почти ихъ не различалъ. Народъ утверждалъ, что если хорошенько взглянуть въ старшаго, въ Ефрема, то за нимъ всегда стоялъ Малахій; что даже изъ глазъ Ефрема, если въ нихъ пристально всмотрѣться, выглядывалъ на глубинѣ братъ его Малахій. Эта странная сказка была какъ то сплетена съ общимъ у насъ народнымъ повѣрьемъ, что въ глубинѣ глаза каждаго человѣка сидитъ другой человѣкъ, почему и самый зрачокъ иногда называется человѣчкомъ. Разрѣшеніе загадки этой, впрочемъ, очень просто и заключается въ томъ, что въ зрачкѣ всегда отражаются какъ въ зеркалѣ окрестные предметы и каждый изъ насъ можетъ видѣть себя въ зрачкѣ собесѣдника“ (Сочин., I, с. 255—6. Изд. Вольфа).

²⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 8.

³⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, III, с. 378.

⁴⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 37.

⁵⁾ Манжура, „Сказки“, с. 150.

⁶⁾ Руликовскій, „Записки этногр.“, с. 111. (Транскрибировано).

„Йихавъ св. Юрій на билимъ кони, въ билимъ брыли. За нымъ бигло тры псы: билый песь, и чорный песь, и сирый песь. Чорный злызавъ чорне бильмо, сирый злызавъ сире бильмо, билый з. б. бильмо, понисъ за море на очерета та на болота“. (Проговорить 3 р. и 3 р. плюнуть)¹⁾.

„Йихавъ Юрій на билимъ кони, били губы, били зубы, самъ билый — у било одягся, билимъ пиднерезався и за собою тры хорты веде — одинъ билый, другый сирый, третій червонный: билый злыже бильмо, сирый — слизу, а червонный — кровь“. (Промывая больныя глаза „Юровою водою“)²⁾.

„Йихавъ св. Юрій на Сіаньску гору, биглы за нымъ тры хорта: идень чорный, другый червонный, третій билый. Чорный чорне бильмо засцявъ, билый биле б. з-въ, червонный червоне б. засцявъ“³⁾. (Плюнуть больному въ глаза 3 раза).

„Иихавъ Юрій на билимъ кони, за нымъ бигло тры псы: одынъ билый, другый сирый, третій чорный. Билый стъ била ока слёзу спывае, тьму заклынае рожд., мольтв., рабови Б. Н. бильмо сганяе. Третій чорный... сганяе“ (3 утра по 3 раза, дую и сплевывая за каждымъ разомъ)⁴⁾.

„Йиде св. Юрій черезъ золотый мистъ на билимъ кони, а за нымъ 12 хортивъ: одынъ бижыть — бильмо лыжыть, другый бижыть — бильмо лыжыть... дванадцатый бижыть — бильмо лыжыть“⁵⁾.

„Помощъ моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю.— Ъхавъ св. Юрій на воронныхъ коняхъ, на чотырехъ колёсахъ: кони розбѣглись, колеса роскотылись по синему морю, по чистому полю. Н. я изгоняю бѣльмо отъ хрещеного р. Б. Н., выговорую зъ костей, зъ мощей, зъ тѣсныхъ плечей, изъ буйной головы, изъ чуткихъ ушей, изъ щирого живота, изъ ретиваго сердца, зъ горячої крови, зъ жовтыхъ костей, зъ солодкого мозгу. У р. Б. Н. слеза изъ ока, и бѣльмо изъ ока“⁶⁾.

¹⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 104.

²⁾ Номис, „Укр. прик.“, с. 161 (ср. Милорадовичъ, „Нар. медиц.“, III, с. 378).

³⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 139.

⁴⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 15.

⁵⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 38—9.

⁶⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 9.

„Господу Богу помолюся и Прач. Матцы покланюся и мѣсячку ясному и сонняйку правядному. И зара-зараница, Божая помощница! призываямъ тебе на помочь къ р. Б. — Ъхавъ св. Юрій на трохъ хортахъ: одинъ сѣрый, другой бѣлый, а третій красный: красный кровъ залиая, сѣрый бяльмо згоняя, а бѣлый вочко ўставляя и боль сунимая“ ¹⁾.

„Ъздить Григорій на бѣломъ конѣ, бѣлымъ степомъ, бѣжитъ за нимъ три псы: одынъ сѣрый, другой бѣлый, третій чорный. Чорный лизне (— дую въ глазъ —) слезу ронить, бѣлый лизне — бѣльмо сгонить, сѣрый лизне — бѣльмо сжене“ (Плюнуть въ глазъ, — бѣльмо выйдетъ со слюною) ²⁾.

„Ишовъ Іосыпъ черезъ золоту гору, знайшовъ Іосыпъ золотый рижокъ, склыкавъ І. тры хорты. Взявъ у Н. бильмо, давъ всимъ хортамъ по бильму: чорному—чорне, червоному—червоне, билому—биле“ (Говорить три дня по 3 раза) ³⁾.

„Ъихавъ Рахайло и Михайло на билому кони — вивъ тры хорты: одынъ—билый, другой—червоный, третій—чорный. Билый бижытъ—слезы лыже, чорный бижытъ—кровъ лыже, а червоный бижытъ—бильмо лыже.—Тьфу!“ (3 р.) ⁴⁾.

„Пресв. Богородица, Мати Бога нашего! просимъ — стань намъ у помочи. — Туды бигло тры хорты: одынъ—червоный, другой—билый, третій—чорный. Червоный повалывъ билого, билый повалывъ чорного. Сорока на лози — съ р. Б. Н. бильмо злизавъ“ ⁵⁾.

„Въ полѣ дубъ, въ морѣ скрыня, на морѣ луно, а въ скрынѣ бѣльмо. Изшыптую, изганяю, Божымъ духомъ пошыбаю — отъ жовтой кости, отъ червоной крови“ ⁶⁾. (Читать не переводя духа).

(Высѣкая изъ кремня сталью крестообразно огонь):

„Hier schrieb ik enene Rink

¹⁾ Романовъ, „Бѣлорус. сборн.“, V, с. 102 (№ 259).

²⁾ Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 46. (На с. 45 вариантъ, сходный съ Чуб., I, 139).

³⁾ Комаровъ, „Новая збирка“, с. 104—5.

⁴⁾ Кеңоі, „Lidová léčba“, с. 283.

⁵⁾ Драгомановъ, „Малор. пред.“, с. 29.

⁶⁾ Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 45.

Mit en Stalern Messer,
De Rink is sunt (=gesund)
Dat Hildink verschwund¹⁾.

„Господы благословы, Г. поможы нарожд., мол. р. Б. Н. сие бильмо изъ ока зганяты, Матери Божои прохаты. — Ишла М. Божа горою, стала я йии пытаты: „Куды вы, М. Б., идете?“ — Иду я помочи даваты нарожд., мол. Н. — бильма зъ ока зганяты, — выламы сколоты, граблямы сгрибаты, митлою змитаты нарожденому, мол., хрещ. изъ ока бильмо зганяты“²⁾.

„Ийшла била дивка
Билою дорогою:
Нижкы въ нейи били,
Ручки въ нейи били,
Головка въ нейи била.
Здыбала йии Пречиста Дива:
„А куды йдешъ, дивко била?“
— Генъ-генъ — бильма зганяты,
Граблямы згрибаты.
Фукъ, фукъ!
Не мій духъ — Божый духъ!“³⁾.

„Выйшла дивка зза биллойи горы съ бильмы рукамы, зъ бильмы ногамы, зъ б. очыма, зъ б. плечыма. Зустритыла ю Матыръ Божа: „Де ты идешъ, дивко била? Иды ты та прыступы до Божого, мольтв., хрещ. Н. Иды ты та пытай го, зъ чого винъ бильмо дйставъ: же зъ роботы, же зъ охоты, же зъ урокивъ. Та поскалымъ выкопай, а лопатовъ выкыдай, а митловъ вымыты...“⁴⁾.

„Es gingen drei heiligen Jungfrauen
Wohl über einen grünen Stieg
Die eine pflückte das Gras aus dem Steig;
Die andre nahm das Blatt vom Palmbaum;

1) Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 516.

2) Михайловичъ, „Народн. медиц.“, III, с. 378.

3) Иващенко, „Шептанія“, с. 179 (ср. Чуб., I, с. 139).

4) Курзанко, „Volksmedizin“, II, с. 62.

Die dritte nahm das Fleisch- und -Blutmal vom Auge.
Im Namen“ ¹⁾).

„Daer seten die Jungfern an den Weg.
De een de puest dat sant uten Weg,
De ander de puest dat Lov vannen Boem,
De drürr de p. d. Mael von Oeg.

Im Namen...“ ²⁾).

„Sła Najświętsza Panna Otololija, napotkała Najświętszą Pannę Maryją.— Cego ty chces cłowiece?—Co ja chce?— Zeby łuscka oka nie psuła.—Co ksiądz mówi przy mszy świętej: „Maryja, dopomóz mi ty“ ³⁾).

„Idzie święta Otolijá prosa siać, napotkała ją Panna Maryją. — „Gdzie to idzies, gdzie, święta Otolija? — Ide ja se prosa siać. — Nie chodź-ze go tam siać, bo tam nie będzie rośło, ani wschodziło, ani sie syrzéło, bo ci Maryją Panna zakażała, zebyś Uliwnéj góry nie psowała. — Ja cie, łuscko, zażegnuję wietrzną rubiá, rzymoba skłaná, jaglaná, i jakás jéno jest na świecie, nie swoją mocą tylko Bożą pomocą i Najświętszej Panny; zebyś sie rozchodziła, jak sie janieli rozchodzą po Bozych domach, po B. kościołach, jak woda po morzu, jak gwiazdy po niebie“ ⁴⁾).

„Posła święta Rozalijá na górę Lilijową,
Spotkała sie z panem Jezusem.

Kaj to idzecie Rosalio Lilijowo?

— Po łusckę zganiać.

— Jak sie mse święte po kościołach rozchodzą,
nie strzykała, nie łupała,

tym źrenickon nie zakrocała (sic!);

W imię Świętej Trójcy ja cie zegnám

Pana Jezusa mocą

I najświętszej Panny dopomocą“ ⁵⁾).

¹⁾ Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, c. 359.

²⁾ Müllenhoff, „Segen, Märchen“, c. 516.

³⁾ Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, IX, c. 48. (Св. Отылија помогаеть отъ глазныхъ болѣзней; къ ней есть и особая молитва: „W książęcym domu ślepa urodzona, od ojca swego będąc pogardzona, módl się za nami, Otolija święta, by dusza nasza nie była zacięta“. — Ib.).

⁴⁾ Siarkowski, Op. cit., III, c. 53—4.

⁵⁾ Ib., c. 51.

„Sed(1) Pán Jezus z Najświętszą Panną Maryją bez łąckę,
Zazegnywał kobiecie łuskę.

Chuchnał Pán Jezus trzy razy w oko,
Ur-zys kobieto daleko.

Najświętsá Panna trzy razy w coło,
Pódzies, kobieto, do domu wesoło!

Wsycy świącia (sic) powtórzyli,
Od kobiety łusckę oddalili.

Pódzies, kobieto, do domu,

Nie będzies cula w oku bolu“ ¹⁾.

„Sed(1) Pan Jezus z Najświętszą Panną drózką,
Spotkał sie z ryzim pazurem i łuscką.

— Kaj dy idzies ryzi pazure i łuscko?

— Idę ludziom ocy zasłaniać,

— Nie chodź ty ryzi pazure i łuscko ludziom ocy zasłaniać, idz ty na bory, na lasy, za Pana Jezusa mocą. Najświętszej Panny i wszyćkich świętych pomocą“ ²⁾.

„Sed(1) Pan Jezus z Najświętszą Panną drózką,
Spotkał sie z ryzim pazurem i łuszczką.

Wezmę sobie rusckie brzozową,

Na tego ryziego pazura i łuscki siekanie, rzezanie,

Bo ten ryzi pazur i łuscka słoniowa (= słoneczna), gwia-
zdeczna, rzymna, dymna, wrzodatá, zapamiętała.

Zegnám cie, zegnám, Pana Jezusowa mocą,

Najświętszej Panny i wsytkich świętych pomocą“ ³⁾.

„Nie łuska, tylko łuscyca,

Nie samiec, tylko samica,

Zegnám cie, zegnám, Pana Jezusa mocą,

Najświętszej Panny i wszyćkich świętych pomocą“ ⁴⁾.

„Zegnám cie, bolu, Bożą mocą,

Najświętszej Panny dopomocą,

Najświętszej Maryi Częstochowskiej,

Piotrkowskiej, Piekosowskiej.

¹⁾ Siarkowski, „Mater. do etnogr.”, c. 54.

²⁾ Ib.

³⁾ Ib., c. 56.

⁴⁾ Ib., c. 54.

Jak się wanilija rozchodzi po kościele,
Tak się i ty, bołu, rozejdź po świecie“¹⁾).

„...Sanctus Nicasius der heilig martrer gotes het ain mail in den augen vnd er versuchet ob yn got daunon erledigen wolt, und unser herre erlediget yn dauon. Da pater vnsern herren, wer seinen namen ob im trüg oder hett, daz der selb erlost wúrd von allen mailen vnd prechen, wie die wärn, und unser herre erhoret yn. Also pesmer ich dich, mail, pey dem lebentigen got, daz du verswindest von den augen des dieners gots N., du seust swarz, rot oder weiss. Christus mach dich hin gen, amen. Im namen des vaters vnd suns und des heiligen geistes, amen. Vnd sprich V pater noster uud V aue maria in unsers herrn funf wunden“²⁾).

б) *Отъ оспенныхъ нарывовъ на глазахъ* (Blatter in den Augen):

„Was traget die Mutter auf ihren Armen?—Das liebe Jesulein, Welches die Blattern vertilgen und vernichten kann“³⁾).

в) *Если запорошишь глазъ:*

„Ebbeis im Aug,
A Brickele Brand (=Brot);
Wer thut mirs heraus?
Unser Herrgott und seine liebe Frau“⁴⁾).

(Поднявши вѣко, говорить):

„Выплынь, бабко, дамъ тоби ябко“⁵⁾).

г) *Отъ ячменя* [= hordeolum — воспаление сальной желѣзки вѣка; нарывъ на глазу, въ видѣ ячменнаго зерна; ячмень, наметъ въ око, Weren (=Blutgeschwür im Augenliede sogenanntes Gerstenkorn — по объясн. Schmeiler, „Bayr. Wörterbuch“, II, 1002)]:

„Weren, Weren!
Lass dich scheren,

1) Siarkowski, Op. cit., IX, с. 49.

2) Oswald von Zingerle, „Segen“, с. 175—6.

3) Amman, „Volkssegen“, с. 201.

4) Meier, „Deutsche Sagen“, II, с. 518.

5) Ефименко, „Сборн. мѣрус. закл.“, с. 10 (№ 32).

Oder ich scher' dich

Mit einer Trogscheren“¹⁾ (= Schereisen, womit der Bäcker den Trog ausscharrt; schereren von scherren, — Schm., I, 451—2). Заговоръ произносятъ три раза, обводя всякій разъ больное мѣсто пальцемъ или ложкою.

(Перворожденный или послѣднимъ рожденный изъ братьевъ и сестеръ говоритъ, показывая больному глазу кукишь такъ, чтобы никого при томъ не было):

„Ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишь, что захочешь, то себѣ купишь; купи себѣ топорокъ, пересѣкись поперекъ“²⁾. — (Проговоривъ 3 р., проводятъ пальцемъ по нарыву крестообразно).

„Ячминець, ячминець! на тоби кукишь, — що хочешъ купишь. Купи собі шабельку, зрубай головку“³⁾.

„Ячмень, ячмень! Вотъ табѣ кукишь, што хочишь, то и купишь; купи сабѣ тапарокъ, сяки сябе пушарекъ“⁴⁾.

„Одно каже: «Ячминець!», а въ кого ячминець на оцѣ, одказуе: «Брешешъ». Такъ трычи, по тимъ, хто каже: «Ячминець», трычи плюе“⁵⁾.

„Ячминь, ячминь, на тоби дулю“⁶⁾.

(Бросая въ печь 3×9 зеренъ ячменя, говорятъ):

„Якъ сей ячминь згорае, такъ нароженому, мол., хрещ. N. ячминець изъ глазъ исхожає“⁷⁾.

(Смочивъ слюной указательный палець, мажутъ больной глазъ, приговаривая):

„Господи благослови! Солнце на западъ, день на исходъ, сучокъ на глазу на изводъ, самъ пропадетъ, какъ чело (= устье печи, откуда пламя и дымъ идутъ въ трубу) почернѣетъ. — Ключъ и замокъ моимъ словамъ“⁸⁾.

¹⁾ А т т а н, „Volkssegen“, с. 201.

²⁾ Даль, „О повѣр., суев.“, с. 84.

³⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 140.

⁴⁾ Добровольскій, „Смоленск. этн. сборн.“, с. 199.

⁵⁾ Ефименко, „Сборн. мдр. закл.“, с. 10 (№ 30). Ср. Номисъ, „Укр. прык.“, с. 161. ⁶⁾ П., (№ 31).

⁷⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, III, с. 377.

⁸⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, кн. 2-я, с. 203. Ср. — буквально — у Забылииа, „Русск. народъ“, с. 367.

(Обводя вокругъ головы чеснокомъ, говорятъ 3 раза):

„Што е въ око-то — на лука“ ¹⁾.

(Брызгая на ячмень женскимъ молокомъ, говорятъ 3 р.):

„Излези, воле, отъ око,

Да флезе крава ꙗ око.

Да измазѣм отъ крава млеко,

Да блажимъ с' него око“ ²⁾.

(Надавливая глазъ полотенцемъ, смоченнымъ въ холодной водѣ):

„Schaukel die Augen mal,

Schaukel die Blautstrahe,

Schaukel die +.

Im Namen... Geistes“ ³⁾.

„Es kamen drei gesegnete Mädchen,

Die erste stösst den Stein aus dem Wege,

Die zweite stösst das Laub vom Baum,

Die dritte s. das Mal vom Auge“ ⁴⁾.

(Ср. „Nordd. Gebr., № 333; Wolf, „Beiträge“, I, 260, № 36).

„Belle pomme d'or à la rövérance,

Nous n' avons plus qu'un Dieu en France,

Un, dux, trois,

Belle pomme d'or, sorte de France“ ⁵⁾.

„Oú est le petit Jesus?

Dans mon coeur.

Qui l'a mis?

C'est l'a grâce.

Qui la ôte?

C'est le péché.

Qui on ôte.

Le petit Jésus

De dedans mon coeur!

Revenez, revenez, petit Jesus

¹⁾ „Сборн. за нар. умотъ“, IV, с. 106.

²⁾ *Ив.*, XII, с. 148. (Это конецъ очень длиннаго заговора, помѣщеннаго на с. 146—8).

³⁾ *Kuhn, Sagen, Gebräuche*, II, с. 206—7.

⁴⁾ *Ив.*, с. 207.

⁵⁾ „Mélusine“, за 1878 г., с. 170.

Dedans mon coeur,
Je ne péchard plus¹⁾.

д) *Отъ боли въ глазу неопредѣленнаго происхожденія* (stôt, Reissen, очеболъ).

„Растраси са самодива,
Та растраси синьи облак,—
Са напраши N. око.
Сама му и лек дала“²⁾.

(Больной, брызгая водой изъ рѣки на глаза, по заходѣ солнца, говорить):

„Слѣнци зѣд гурж — учибол из вудж. Два бивулж сж би-
ѣт; черниѣж (преставлява здрави очи) нѣдвивѣж нѣж сж рвениѣж
(преставлява болни очи“³⁾).

„Из главе очи боле, па не могу лека наѣи. Братимим вас
два листиѣа, дѣте мени лека наѣ’те! Долетеше два листиѣа, па
овако говораху: „Које оче сенку носе, нек се нама потуже; ми
ћемо сенку под крилима однети у висину, па метнути под об-
лаке, и скинути две звезднице и метнути на оче“. (Бајач гово-
ри даље): „Једва јадан ниже сиѣох, док очима лека наѣох;
у крикима воду донех, те очима лека наѣох, да прогледе у јар-
ко сунце — у!“⁴⁾.

Ve jméno svateho Rance-Kus mazance, —

„At oučej přestane —
A zdraví nastane.

Dopomahajež mu toho sv. Kondrat“⁵⁾.

(Слегка надавливая больной глазъ маленькимъ камнемъ,
который потомъ кладутъ на мѣсто, откуда взять):

„Es gingen drei Junfern auf grünen Wegen,
die eine hob die Steine aus den Wegen,
die zweite hob das Laub vom Baum,
die dritte hob das stôt aus dem Auge.
Im Namen...“⁶⁾.

1) „Mélusine“ за 1878 г., с. 172.

2) „Сборник за народни умоть“, IV, с. 97. 3) *Иб.*, VIII, с. 158.

4) Мил и ѣвић, „Живот срба сельака“, с. 158.

5) Zibrť Č., „Staroč vyročnĭ obyčje“, с. 250. (Ср. *иб.*, с. 251).

6) Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, с. 442.

(Обвязывая глазъ чистой повязкой, налитанной сокомъ изъ внутренней стороны коры можжевельника и липы):

„Guter Gott im Himmelreich,
Komm' und hilf du mir sogleich!
Schwarze Weiber haben mich angespeien,
Weisse wollen mir entfliehen,
Wollen mir nicht helfen!
Schwarze Kuh' am Berge,
Weisse Kuh' im Tale,
Wollen mir nicht helfen!
Guter Gott im Himmelreich,
Komm' und hilf du mir sogleich“ 1).

(Привѣщиваютъ къ больному глазу записку такого содержания):

„Σάντου (bis) νικᾶς ἡμῶν, ἀβιμακοῦλε, ἡνοῦλε, πέργατον, δειδομεκειον, καλοῦσα ὄντως. ἀβηρεκουσιε, ἡτινοῦλε, αμῆν. στωμεν... θεοῦ, ἀμῆν“ 2).

„Ο ἅγιος Ναζάριος καὶ ἡ αγία Θέκλη ἐπὶ θαλάσσης ἐκάθισαν. εἶπεν ὁ α. Ν. ὑπάγωμεν. εἶπεν ἡ α. Θ. οὐαί, ἀλλὰ ἄς ἐπαίρω (μεν) πᾶσαν ἀσθένειαν τῆς κεφαλῆς τοῦ δούλου... ὀδεῖνα καὶ ἀπὸ τοῦς ὀφθαλμοῦς αὐτοῦ καὶ καθαρῶσωμεν τοῦς ο. α. καὶ τὴν α. τ. κ. α. εἰ ξανθὸν ἄς λύεται, εἰ μαῦρον ἢ ἄσπρον νὰ τὸ ἐξυλοθρεύσῃ ὁ θεὸς. ὀρκίζω σε ἀρρώστια καὶ πόνε, ἐν (ὀνόματι) πατρὸς... πνεύματος, ἵνα μὴ ἔχῃς ἐξουσίαν εἰς τὸν δ... ὀδεῖνα ἅγιος (3 p.), σάντα (bis), Κύριε ἐλέησον τὸν δούλόν σου ὀδεῖνα. ὁ ἅγιος Κωσμάς καὶ Δαμιανὸς ὡς ἔβροσκον το ἀν(ν)α τοῦ θεοῦ καὶ βροσκόμενος ἔπεσεν κλάδος (sic)“ 3).

„Εἰς τὸ ὄνομα... πνεύματος. ὡς ἐδιάβαιναν ὁ Κύριος ἡμῶν Ι. Χ. μετὰ τῶν ἑβ' μαθητῶν αὐτοῦ καὶ ἀκουσεν βαρεμὸν καὶ εἶπεν τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ· ὑπάγητε, ἴδετε, μάθετε μὴ χήραν ἀδικοῦν, μὴ ὀρφανὸν παραπονοῦν ἢ μὴ τὸ μισθᾶριον κρατοῦν. ὑπήγαν καὶ ἔμαθαν οὐδὲ χ. α. οὐδὲ ο. π. οὐδὲ τὸ μ. κ. καὶ ὑπέστρεψαν εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ εἶπαν· Κύριέ μου (sic), οὐδὲ χήραν α..... κρατοῦν, ἀλλὰ ὁ δούλος τοῦ θεοῦ

1) W'islocki, „Volks Glaube... Zigeuner“, с. 161—2.

2) Васильевъ, „Anecd. Gr.-Byzan.“. I, с. 338—9.

3) Ib., с. 338.

ὁ δεινα ἐκατέβη τὸ ρεῦμα, τὸ λεύκωμα, τὸ τράχωμα, τὸ πάχωμα. καὶ ἔδωκαν εἰς τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτοῦ καὶ οὐ δύνатаи τὸν πόνον ὑπομένειν. καὶ εἶπεν ὁ κ. η. Ι. Χ. τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ. ὑπάγετε, σταυρώσετε καὶ εἶπατε· ἐξαιρέτως τῆς παναγίας, ἀχράντου, ὑπερευλογημένης δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας ἐξερευξάτω τὸ ρεῦμα, τὸ τράχωμα, τὸ αἷμα, τὸ λεύκωμα, τὸ πάχωμα ἀπὸ τοῦ ὀφθαλμοῦ τοῦ... ὁδεῖνα, ὅτι τὸν πόνον οὐ δύνатаи βασιτάζειν οὔτε ἡμέραν οὔτε ὥραν οὐδὲ ἐκτὸς τοῦ Χριστοῦ λέγοντος· σῶμεν, καλῶς... θεοῦ. ὕγιης ἅπαν τὸ βάρος καὶ ὁ δοῦλος... ὁδεῖνα τὴν ρῶσιν...“¹⁾.

Головная боль.

(Глядя на луну):

„Ой мѣсяце, млади младяче,

Стари старяче!

Када тебе уѣла змиа,

Ижа елова паня,

Онда и мене заболѣла глава,

Нити тебе уѣла змиа,

Ижа елова паня,

Нити мене заболѣла глава“²⁾.

(Ходить три зари на могилу, класть три поклона, взять щепоть земли и, потерявъ ею больное мѣсто, положить обратно на могилу, говоря):

„Кто на семъ мѣстѣ погребенъ, мужескъ или женскъ полъ; какъ ты лежишь безболѣзненъ, такъ бы и я р. Б. имркъ былъ безъ болѣзни“³⁾.

(При заходѣ солнца больной, обратившись лицомъ къ западу, говорить):

„Сунце за гору, а главоболя у гору!“⁴⁾.

1) Васильевъ, Op. cit., с. 337—8.

2) Krauss, Fr., „Volks Glaube“, с. 15.

3) А. С., „Заговоры и паговоры“, с. 116 (Изъ „Сказанія о немощахъ чело-вѣческихъ“).

4) Милићевичъ, „Живот срба сельака“, с. 144.

(Смотря на луну):

„Was ich sehe, nehm zu,
Was ich streiche, nehm ab“¹⁾.
„In der Krippe tret ich,
Das Hauptgeschoss heb ich,
Niemand ist, der mir helfen kann,
Als der Mann,
Der in der Krippe seine Ruhe fand.
Im Namen...“²⁾.

(Выполняя на дѣлѣ это, что говорится):

„Ich steh auf Holz
Und seh durch Holz,
Ich sehe durch einen grünen Zweig,
Gott der Herr behüt' mir meinen Hauptscheit.
Im Namen...“³⁾.

„Der Himmel ist hoch,
Die Wolken sind hell,
So wie sich der Himmel zertheilt,
Zertheilt sich der Schwindel.
Im Namen...“⁴⁾.

„Der Himmel ist hoch,
Die Wolken hell,
So wie sich der Himmel zertheilt,
Zertheilt sich der Schwindel.
Im Namen...“⁵⁾.

(Положивъ руку на больное мѣсто):

„Du oll leidig Schwindelfluss,
Wo quälst dat Minschenkind?
Ik will di stillen in Gottes Namen
Und der heiligen Dreefaltigkeit:
Sast stan un sast vergan
Un sast im Leben mich wedderherkamen.
Im Namen...“⁶⁾.

¹⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 448.

²⁾ Meier, „Deutsche Sagen...“, II, с. 516.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, с. 442.

⁵⁾ Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, с. 425.

⁶⁾ Ib.

„Schwindbein, streich dich mit dem Schienbein!
Wenn du nicht gleich ausgehst,
So streich ich dich mit dem Schienbein,
Helfe Gott Vater...“¹⁾.

„Schwindel (bis), du thust schwindeln,
Du sollst aber nicht schwindeln!
Du hast Fleisch und Bluth,
So wie unser Herr Gott in Himmel fahren thut.
Im Namen... Amen“²⁾.

„Helfe unser Herr! Seine Wunden haben nicht geschwiert
und nicht geeitert. Fleisch und Blut, Haut und Bein steh wie
Stein! Helfe Gott Vater, Gott... Geist“³⁾.

„Христосъ распяся и погребесе и воскресе, и вси радуем-
ся воскресению Его, такъ бы у сего р. Ё. имрека голова не бо-
лѣла, возрадовался бы и возвеселился о здорově своемъ“
(3 р.)⁴⁾:

„Ve jméno Otce: šlo 72 stříláv,
Potkal se z nimi pán Bůg:
«Kdež to jdete, střílové?»
— Jdemo Janovych kostí lamati.
— Jděte na drivi a skály a lamajte je,
A tohoto Kuby nechte s pokojem“⁵⁾.

(Сначала произносится 3 раза „абракадабра“⁶⁾), въ кото-
рой перечисляются имена нечестивыхъ духовъ, „који могу да
буду у човеку телу“):

¹⁾ A m m a n, „Volkssegen“, с. 207. ²⁾ Ib. ³⁾ Ib. (Ср. Gr., „Myth.—Bemerk. z. 2 Merseb. Zauberspr.“, 1030 и прил., B i r l i n g e r, „Aus Schwaben“, I, с. 442).

⁴⁾ Л. С., „Заговоры и наговоры“, с. 116.

⁵⁾ Z i b r t Ā., „Staroč. vугоčnĭ obučeje“, с. 250 („Střily v hlávě“).

⁶⁾ Въ прошломъ году вѣмецкĭй ориенталистъ Кронеръ попытался (см. „Вѣстн. и Библиот. самообр.“ за 1904 г., № 26, с. 1033—4) дать объясненіе значенія прототипа подобныхъ формулъ — самаго слова „абракадабра“, перевода его съ др.-еврейскаго, какъ „она исчезла наляпая горячка, она исчезла“. Нѣсколько раньше Н. В о л о д к е в и ч ъ (см. „Миръ Божій“ за 1899 г., кн. X, с. 60, „Алхимія и алхимикѣ“) такъ объяснялъ происхожденіе слова „абракадабра“: „Четыре первыя буквы еврейскихъ словъ: аѣ, бенъ, рухъ, аодешъ — что значить: Отецъ, Сынъ, Духъ Святой; три среднія—начальныя буквы греческихъ словъ, σωτηρία ἀπὸ θανάτου — спасеніе отъ вѣры. Т. о. значеніе этого мистическаго слова будто бы таково: спасеніе достигается вѣрой въ Отца, Сына и Св. Духа“.

„ш а т о р

а р е п о

т е н е т

о п е р а

р е т а ш⁴“

(Потомъ говорится): „Нежид иде путем; срете го анђео Гаврило и упита: „Куд идеш, Нежиде?“ — Идем у човекову главу, да је сваком муком мучим.— Не можеш тамо ићи, но иди у воду.— Нежид рече: „Ја ћу из воде у рибу, из рибе у траву, из траве у свињску сурлу, свињу ће појести човек, па ћу опет отићи у нога“¹⁾.

(Молитва, помѣщенная „у конатичком молитвослову, а и у часловцу у истој цркви“):

„Гди Боже нашъ, приклонилъ еси главу на крестѣ, покланяюсѣмъ вса видимаа и невидимаа, сокрушилъ еси силне главы повинныхъ грѣхми, многомилостиве, ты сокруши болѣзнь главную раба Божія N. и исцѣли его ѿ немощи и болѣзни главныа, яко ты (еси) исцѣление да мудръ идетъ (же) нежитъ ѿ моря чермнаго и срѣте Господь его и рече: гдѣ идуть Нежиде? И рече Нежитъ: иду на челоуѣка въ плоть кости ломити ему, мозакъ изгнетовати, зубы искоренити. — И рече Господь: запрещамъ ти, Нежите, именемъ моимъ да не дерзнешъ на раба Божія има рекъ.— Благословеніе Господне на его и людіе мои знаменами во вѣки. Аминь“²⁾.

„Κόριτε Ἰησοῦ Χριστέ, ὁ θεός, ἐλέησον ἡμᾶς. Τρεῖς ἄγγελοι διηπόρουν τοῦ Σινᾶ τὸ ὄρος εὐρόντος τὸ ρεῦμα ἠρώτησαν αὐτὸ ποῦ ἀπέρχη, ρεῦμα; ὁ δὲ ἀποκριθεὶς εἶπεν· ἐγὼ ἀπέρχομαι εἰς τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων ὥστε βραχίονας καὶ πόδας καὶ σαρκός σὺν τῇ κεφαλῇ καὶ τοῖς σώμασι τὰ μὲν ξηραίνω, τὰ δὲ κρῶσω, τὰ δὲ ρεύματα πιεῖν ποιήσω. Εἶπα(ν) δὲ οἱ ἄγγελοι τοῦ θεοῦ· ἐξορκίζομε(ν) σέ, ρεῦμα, εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος καὶ διὰ τῶν ἐπουρανίων δυνάμεων καὶ διὰ τῶν δ' εὐαγγελιστῶν καὶ τῶν δώδεκα ἀποστόλων τοῦ Χριστοῦ καὶ διὰ τῶν ἁγίων πάντων τοῦ θεοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν μὴν (=μῆ) ἔχειν ἐξουσίαν κακοποιῆσαι ἢ βλάψαι τὸν δοῦλον

1) М и л и Ѡ е в и Ѡ, „Живот срба селяка“, с. 174.

2) Ib.

τοῦ θεοῦ ὀδεῖνα. ἢ τὴν δοῦλην λέγε τοῦ θεοῦ, μήτε βραχίονας αὐτοῦ ξηρᾶναι μήτε ὀδόντας μήτε σάρκας κρούσει(ν) μήτε μέλον ρεύμασι. (sic) ποιῆσαι μήτε κεφαλὴν πονέσει(ν). Στῶμεν καλῶς, στῶμεν μετὰ φόβου θεοῦ ἡμῶν, ἀμήν. (Λέγε τὸ τρισάγιον, παναγία, Τριάς, τὸ Πάτερ ἡμῶν, δόξα καὶ νῦν, τὸ τραπάριον τῶν ἁγίων ἀναργύριον (Жосьмы и Даміана) ἐκ τρίτον, ἢ ἐλπῖς μου ὁ θεός, καταφυγή μου ὁ Χριστός καὶ τὰ ἐξῆς“¹⁾).

„Приклони(вый) главу на распятіи, преклонишася тебѣ всяческаа, видимаа же и невидимаа, сокрушилъ еси главы сихѣ и силы. Съкрушилъ еси главу всякоя болѣзни и оуничжилъ еси силу ея, главы повиновенныя грѣхы болящихѣ. Ты нынѣ владыко Господи изволи призрѣти на раба твоего сего, имярекѣ, поклоншаго главу свою, съкруши главу болѣзни одержащи его главу, исцѣли отъ одержащяя его болѣзни. Яко ты еси глава наша, и глава твоя здравіе наше і тебе славу возсылаемъ“²⁾).

Горючка (огневица, паль).

„На морѣ бѣлъ горючъ камень, на камнѣ Божій престолѣ, на немъ сидитъ пресвятая Матерь; во бѣлыхъ ручинькахъ держитъ бѣлаго лебеда, обрываетъ у него бѣлое перо; какъ отскокнуло бѣлое перо, такъ отскокните огневицы“³⁾).

Грудница (нежить = воспаление грудной желѣзы — mastitis, соединенное съ изъязвленіями, ссадинами и трещинами грудного соска).

„Нежить витряный, водяный, чоловічый и парубочый, и жиночый и дивчачый! Я жѣ тебе вызываю своими трудамы, Божымы словамы, одѣ рукѣ и одѣ нигѣ, одѣ очей и одѣ плечей, одѣ щырого сердца и одѣ румьяного лыця народжен., мол. р. Б. Н.“⁴⁾).

¹⁾ Васильевъ, „Апосд. Gr.-Вузан.“ I, с. 331—2.

²⁾ Каратыгинъ, „Апокрифич. молитвы“, с. 442.

³⁾ Крушевскій, „Заговory...“, № 97-й (Богородица = заря = облачная нимфа. — См. у Аванасьева, „Поэт. возр.“, II, 568).

⁴⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“ (1900 г., VII—VIII), с. 59.

„Господы мылостывый! Поможы мени, М. Божя, одъ нежыду шентаты. — Нежыде-нежыдыще! и витряный, и прозирный, и часовой, и минутный, и хлопьячий, и дивчачый, и чоловичый и жиночый. И не я ёго вызываю, и не я выкликаю, и не я помичъ даваю. Самъ Господъ вызывавъ и выкликавъ — ангаливъ на помичъ посылавъ. М. Божя въ помичи стояла и сей нежыдъ одбирала и св. Давыдови дарувала. И було у Давыда девять сынивъ, а зъ девяти восимъ... та ни одного. И возьмитъ, и пожеръте и понеситъ на мудре та на медре, де витерь не віе, де місяць не свитытъ, де людскый гласъ не заходытъ. Тамъ соби гуляйте и буйайте, и сухе дерево ламайте, одъ рожденной, благослов. р. Б. Н.“¹⁾

„Родила лёска до дѣвет лёшныци: от дѣвет осум, от осум седум, от с. шест, от ш. пет, от н. чѣтыри, от ч. три, от т. двѣ, от д. еднѣ, от еднѣ нѣ едно“²⁾.

„Соф-софа през поле бега,
Видѣа те козаре,
Видѣа те говедаре,
В. те телчаре,
В. те свинаре;
Без куче те фанѣа
Без нош те заклѣа,
Без огин те испѣкоа,
Без уста те изѣдоа,
Таа душа от мѣата полѣка“³⁾.

(При этомъ опускають въ воду 3 крупинки соли, гдѣ онѣ таютъ).

(Привишиваютъ къ груди записку):

„Τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τὸ σῶμα ἐν τάφῳ ἔμεινεν ἀκοπον καὶ ἄσηπτον καὶ ἀβρωτον οὕτως νὰ μείνη καὶ ὁ αἶτος τοῦ δούλου τοῦ Θεοῦ ὁ δεῖνα εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος νῦν“⁴⁾.

¹⁾ Милорадовичъ, Op. cit., с. 59.

²⁾ „Сборникъ за народни умота.“, II, с. 173.

³⁾ Ib., VII, с. 145.

⁴⁾ Васильевъ, „Anecd. Gr.-Byzant.“, I, с. 334.

Грыжа (грызь, грызица, кила, хомуть = боль или опухоль въ желудкѣ).

(Родильница, или первенецъ въ семьѣ, или родившійся послѣднимъ, пригрызая черезъ ветошку у больнѣхъ дѣвочекъ пуповину, а у мальчиковъ — дѣтородный членъ, говорятъ 3 раза отвѣты на вопросы повивальной бабки):

„Что ты дѣлаешь?

— Грызь пригрызаю.

— Грызи, грызи больнѣе, чтобы грызь не заводилась. — У нашей грыжки не бываетъ отгрыжки“¹⁾.

Въ заговорахъ, приводимыхъ у Крушевскаго на с. 54-й, грыжа понимается матеріально: а) дѣвица красная вынимаетъ изъ больного грыжу и кормитъ ею какого-то желѣзнаго чело-вѣка, сидящаго на сыромъ дубѣ (№ 124); б) грыжу поѣдаетъ щука изъ-подъ бѣлаго камня на окіанѣ морѣ (№ 128); в) приглашаютъ грыжу переселиться въ различныя деревья, камни, въ животныхъ (№№ 125 и 127).

„На мыри, на кіяни,
На тэй рѣчки на Сіяни,
Ляжау каминь Латырь,
На томъ к. Л-и
Двѣ сестры Марьи,
Третій братъ Микифѣрь,
А у б. М-и конь карь.
Грызь пиристань
На етый часъ,
На ету минуту у р. N.“²⁾.

„Грызь, грызица, идѣшь-идетя вы пу путяхъ и па дарогахъ и ни спускаитя вы ни стрѣшному, ни люпарешному и приключаетисъ вы па вѣтри и па дыму и па вадѣ. Утишитися и сакратитися — нутрянній, кашавый, асудный и причинній. А если вы ни сакратитися, ни утишитися, то я буду просить усѣ святыхъ: и св. зарю, Зарницу, Марью, нашую Дарью, вутринную Мархву и светога маладика. Пумяни, Госпиди,

¹⁾ Д. Успенскій, „Род. и крестины“ („Этн. обозр.“, кн. XXVII), с. 84.

²⁾ Добровольскій, „Смоленск. этн. сборн.“, с. 193.

Царь-Давида, царя Кастьянтина, и мать ихъ Алену, и сына Саламона! Вы укратили зямлю и ваду, — укратитя рабу и 12 гризй-грызицу. Утишаю я и сакрачаю всёми святыми, всею силою небесною¹⁾.

„Бабушка Саламанидушка у Пресвятой Багародицы грыжу загаваривала (или заѣдала) мѣдными щиками, зялѣзными зубами, — такъ и я заговариваю у р. Б. имярекъ“²⁾.

„Господи Исусе Христе, Сыне Божій! Во имя Отца и С. и Св. Духа! Ста р. Б. *Абпидив* въ на улицу на вѣ(ста) сторону, на вѣстой сторонѣ есть пристоль, на томъ на п-ѣ самъ Исусъ Христоръ, Царь небесной съ громовой и молоньей, и громовыми стрѣлами, и громомъ отбиваетъ, и молоньей ожигаетъ, и стрѣлами отстрѣливаетъ уроки злые, прикосы всяки, винокосы (валокосы?) кие киликеи, всяки-превсяки зды, лихіе недуги, грыжи. Подите старому атаману на яту, гдѣ состигнете и достигните починника и урочника, завидника, еретика, клеветника, грыжника, икотника, ропотника. Какъ злой человекъ не можетъ крови своей пить и мозгу своего сать, чевъ изъ утробы добыть, морской глубины провѣдать, земной широты, небесной высоты, всей земной окружности, такоже не могъ ни меня р. Б. имярека ни злымъ конемъ, ни дѣвольскимъ мошеніемъ, не бѣсовскимъ помысломъ“³⁾.

„Господи Боже благослови! Стану я р. Б. Н. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле. Есть въ чистомъ полѣ акянъ-море и есть на а.-мори бѣлой камень и есть подъ б. к. щука золотая и перье золотое и кости з., и зубы з., и приди щука къ р. Б. имяреку и выгрызи у р. Б. имярека своими золотыми зубами грыжу вѣтрианую, г. напущенную, г. жильную, г. костяную, сосцовую г., красную г., мокрую г., отъ отца г., отъ матери г., всякую выбывающую; и спустись, грыжа, къ поясу и мочью и шулятами, на древесянь-камень и поживи 3 часа денныхъ и поиди, грыжа, въ темное мѣсто, гдѣ сонце не огрѣваетъ, гдѣ люди не ходять и не бывають, гдѣ птицы не летають, гдѣ вѣ-

1) Добровольскій, „Смолен. этн. сборн.“, с. 193—4. 2) *Ив.*, 194.

3) Рыбникѣвъ, „Пѣсни“, IV, с. 255—6.

ри не заходятъ, и поиди, грыжа, за быстрыя рѣки и поиди, грыжа, за гремучіе ручьи, и когда будетъ Христово второе пришествіе, обратись, грыжа, вспать. Тѣмъ словамъ во вѣковъ аминь“¹⁾.

*Грызъ*²⁾ (=ревматизмъ, ломота въ костяхъ; гостецъ, костолома, (-ъ), Wasdaumkrankheit, Reissen, Rheumatismus, вѣтъръ, церма).

Наиболѣе распространенное лѣченіе этой болѣзни — грызеніе зубами (*simile-simili*), въ чемъ особенный успѣхъ имѣютъ первенцы, или мезинцы, или незаконорожденные.

„Не ты мене грызешь, а я тебе грызу. Тѣфу, тѣфу! я и тебе загрызаю“³⁾.

„У мене зубы щучыни. Я не тило грызу, а я грызъ загрызаю. Тутъ тоби не стоятъ, суставивъ не грызти. — А въ сего грызю девять зубивъ, а зъ девяти — восьмы... а зъ двоухъ до одного, а одъ одного — ни до одного“⁴⁾.

„Ты грызъ-грызыще! А въ грызи два зуба, а въ мене — одынъ; я й тымъ загрызу. Ты грызъ, выхова, ты грызъ и трудовна и прыстритна. Тутъ тоби, грызъ, не стоятъ, суставивъ не крутыты и жылъ не сушыты. Я тебе выгрызаю одъ р. Б. одганяю“⁵⁾.

„Грызъ, грызъ! подумана, погадана, испытана, изъидена, чоловича, жиноча, парубоча, дивоча! Одна грызъ, друга грызъ... девять грызей нарожд., мол. Н.“⁶⁾.

„Грызъ-грызыще! тутъ тоби не стоятъ, жовтои косты не грызты и серденька не сушыты и червонои кровы не шыты. Иды соби на очерета и на болота и на ведыке кунья. Тамъ соби оселыся, тамъ соби остановыся, тамъ соби болы, тамъ соби й грызи, а М. Божа прыступае, свои слова посылае: шобъ давъ Господъ Мылосердный на здоровья чоловикови“⁷⁾.

1) „Тр. М. Эти. Общ.“, V, кн. 2, с. 201 (ср. №№ 16—18).

2) „Грызъ“ черѣдко смѣшивается съ „грыжей“, иногда — съ „днои“, т. е. эти болѣзни въ нѣкоторыхъ симптомахъ схожи („грыжа“ грызетъ въ желудкѣ, „грызъ“ — грызетъ и ломить кости; „дна“ — ломить кости, иногда — боль въ маткѣ).

3) Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, V, с. 161.

4) Ib., с. 162.

5) Ib.

6) Ib.

7) Ib.

(Грызя тихонько через платокъ большое мѣсто): „Грызь, грызь, не грызи жъ ты тутъ, бо у мене зубы щучи, я тебе зубамы выгрызу, а губамы вышенчу“¹⁾).

„Я не биле тило грызу, а грызь загрызаю. Грызь подумана, погадана, испита, изъидена, подорожня, полупична, витряна, прозира! я тебе выклькаю, я тебе загрызаю зъ червонной крови, зъ жовтои кости у мол., крещ. р. Б. Н.“²⁾).

„Зубы, зубы! не хочете хабы йисты — грызить грызь, а не кистку, грызь зъ колочкою грызовою и встричною и подуманою. — Якъ писокъ на вылахъ не вдержытѣся, такъ и колочка въ нарожд. и хрещ. Н. не вдержытѣця“³⁾).

(Передъ клиномъ, вбитымъ въ стѣнную щель или передъ сучкомъ въ стѣнѣ): „Якъ етому дереву не 'тростаць, не зелянѣть, на корани не стояць и кораня не пускаци и вѣтьцямъ не махацци, такъ р. Б. животу не болѣць, косьци не ломиць, криви не мяртвиць, яду не пусьциць. (— Вынувъ клинъ —) — Якъ етому суку на корани не стояци, зяленымъ вѣтьцямъ не махацци и бѣлаго коренья у землю не пускаци и бѣлаго иверня (=щепы) не сѣкаци, такъ етому животу не болѣци, грызи не гуляць, не ходзиць, живота-серца не тошниць. — (Закусывая пупокъ черезъ тряпочку)—Уцекай, грызь,— у мяне зубы рысьсця, я цябе зѣмъ“⁴⁾).

„На мори на кіяни два молодойцы гуляюць, сабѣ грызи жалаюць, у этаго р. Б. отбираюць и къ сабѣ принимаюць. Прошу у цябе грызица, красная дзявица, — выходзи ты на щирья боры, на сухія ласы, тамъ табѣ цесовая корваць, пуховыя пяринны, цвилѣвыя подушки; тамъ табѣ жиць и быць и роскошуватца, сяго р. человекъ буйныя головы не ломиць, румянаго лица не сушиць, чорныхъ бровей и ясныхъ вочей и нутрей и печаней и легяней. Якъ жа нѣмъ сукъ у древа, онямѣй нямѣй этаго сука и ня встрычайся ни молодзика, ни сходу, ни повнаго мѣсяца“⁵⁾).

„Ты грызь (3 р.), а я коза (3 р.), я цябѣ зѣмъ (3 р.). —

¹⁾ Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 48.

²⁾ Ивановъ, „Знах. и шепт.“, с. 742.

³⁾ Ив., с. 743.

⁴⁾ Романовъ, „Бѣлорус. сборникъ“, V, с. 169 (№ 48).

⁵⁾ Ив., с. 169—170 (№ 50).

Такъ ты, сукъ-ябловникъ, якъ табѣ отрыги нѣту, такъ кабъ и табѣ отъ грызи отрыги ня було“¹⁾). (Говорить, плюнувъ на сукъ въ стѣнѣ).

„Грызъ грызу, ёсь хочу, вовчимъ зубомъ, зѣмянымъ жадомъ. (—Зачарциць кругъ коло пунка и сучка).—Якъ на етомъ древи-сучу ня 'тростаць, такъ на етомъ р. Б. на живоцѣ грызи ня бываць“²⁾).

„Господу Богу помолюся, Пряч. Матцы поклонюся и ўсимъ свв. апостоламъ. Ангалы на помочь, ангалы. И не самъ собой: Пряч. Маць со мной! — Закусую грызъ и заговарюю и зубу и губу и рода и племя и губицу и перегубицу.—Якъ етому древу на корени не становитца, не коренитца, не кокоцитца, такъ у етаго р. Б. грызи ня быць.—И высылаю и выдымаю на мха и на болота и на цѣмныя лѣса, зъ румянаго лица, зъ ясныхъ вочъ, съ чорныхъ бровъ, съ широкия косьци, по животу не ходзиць, косьци не ломиць, криви не сушиць“³⁾). (Провести крестъ по сучку въ стѣнѣ).

„Помолимся Господу Богу Исусу Христу Сыну Божаю, св. воскресѣйнику. Заговарюю р. Б. Н. грызъ вѣтряную, водзяную, уцѣшную, посмѣшную, ўряджимую. — Ты грызъ, а я вовкъ, а я цябе зѣмъ (кусая животь). — Якъ етому древу на пни не стояць и зяленому не бываць, — у р. Б. грызи не бываць и живота-сэрца ня ўзрываць.—Господи, люби духъ мой“⁴⁾).

(Обводя три раза яйцомъ вокругъ головы больного):

„Ако е дошло зло отъ дьявол, да иде по черенъ чарван и по черна мечка, дето ходят по пусти гори, по пусти места; ако е дошло от хубавата и медена леличка, с мед што го намажим, пчели с мед да го изнесат по дѣрветата, по лозвата, по дренте, по крушите, по цветата; ако е дошло от веички 'светии, да го изрине Божа Маика, да го фѣрли по дьяволи, по камене, по звезда те, дето не може човьяк, да иде, пиле да кацне и дивбач да живее“⁵⁾).

(Въ послѣднюю четверть луны лѣчатъ листьями „кж-пина“):

¹⁾ Романовъ, Ор. cit., с. 98 (№ 239).

²⁾ Ib., с. 99 (№ 246).

³⁾ Ib., с. 98 (№ 24).

⁴⁾ Ib., с. 99.

⁵⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, I, с. 83.

„Цермо, Ермо!
 Гиди проклета урусниа!
 Што сж си разбучала,
 Разбучала, разехтала,
 Като нер по свинките,
 Като бик по кравите,
 Като пастух по кобилите,
 Като вълк по кучките,
 Като которок по котките,
 Като петел по кокошките,
 Като мишок по мишките.
 Ела земи тузи листо капинѣ,
 Та иди на Доспатската планина,
 Кжде слѣнце ни изграва;
 Ела земи... капинѣ,
 Та иди на Смиѣнишката планина,
 Кжде вѣатѣр ни дунова;
 Ела зими... капинѣ,
 Та иди на Ширин планина,
 Кжде са ништо ни свѣтра“¹⁾).

„Господу Богу помолюся и Матари Божай приклонюся. Стань намъ, Господи, на помочъ и ангели на радость. Святѣя ангели хранитали, святѣй Анохъ и Садонъ и Ягорѣй, призываемъ васъ на помочъ и св. Матари Божѣя ѣси поможитѣ мнѣ выговорить ѣси скулы и ѣси болячки и ѣси ломоты и ѣси костоломы и ѣсю урѣдностъ; тридевѣять скулъ, т. болячакъ, т. болючихъ, т. колючихъ, т. залозухъ, т. золотухъ, т. рѣпяшныхъ, т. залозовыхъ, т. обжорныхъ, т. обносныхъ, т. простудныхъ, т. зелѣзнячакъ, т. трепятливыхъ, т. грызныхъ, т. шумныхъ, т. працовныхъ, т. журбовыхъ, т. подивныхъ, т. верадовыхъ, т. обложныхъ, т. колючыхъ, т. болючихъ, т. водяныхъ, т. вѣтряныхъ, т. подумныхъ, т. старськихъ, т. бабськихъ, т. жаноцкихъ, т. паробоцкихъ, т. носмѣшныхъ, т. жидовськихъ, т. поповськихъ, т. московськихъ, т. цыганьскихъ, т. знающихъ и т. нязнающихъ, — выговаруй р. Божаму зъ буйныя головы,

¹⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, III, с. 105.

изъ жовтыя косьти, изъ горучія криви, и съ палцовъ, исъ суставовъ, изъ жилокъ, исъ полужилокъ, исъ косьтей, изъ мож-
джей, изъ ясныхъ вочей, изъ горячай криви.—Спаситаль у по-
мочь, а мое — руки и духъ“¹⁾).

„Fruchtboom, ik klag di,
De Wasdaum dei plagt mi,
De irst Vagel dei dor kümmt
Dei nem et unner de Flucht,
Un fleig dormit in de Luft“²⁾).

„Christus durch den Wunden dein
Entziehen allen Unglück dein,
Fünf Wunden Gottes helfen dir,
Denn bin ich deine Arcenei für und für (?)
Im Namen...“³⁾).

„Guten Morgen. Frau Ficht,
Ich bring dir meine Gicht,
Ich hab si getragen bis auf heufigen Tag,
Und du sollst sie tragen bis an den jüngsten Tag“⁴⁾).

(Схватывая правою рукою сучокъ на деревѣ):

„Nimm von mir alle schwere Last,
Das Reissen, Schwinden und die Gicht;
Dies alles sollst du haben und ich nicht.
Das zähle ich mir zu gute. Im Namen“⁵⁾).

(Три дня сряду, до восхода солнца, прикасаясь къ бузинѣ):

„Holunder, ich habe die Gicht,
— Und du hast sie nicht.
Nimm mir sie ab, —
Dass ich sie nicht hab'!—Im Namen“⁶⁾).

(Поворотившись лицомъ къ устью рѣки, выпить изъ нея
3 ложки воды, бросить ложку черезъ голову и уходить, не
оглядываясь, со словами):

1) Романовъ, „Бѣлорус. сборн.“, V, с. 79 (№ 154).

2) Bartsch, „Segen... Meklenb.“, II, с. 426.

3) Müllenhoff, „Sagen... aus Lauenburg“, с. 513.

4) Prahn, „Glauben... Brandenburg“, с. 194.

5) Amman, „Volkssegel... Böhmenwald“, с. 212 (о передачѣ болѣзней де-
реву см. Grimm, Myth., 979 и Kuhn, Ws., II, 205).

6) Ib. (Ср. Gr., Myth, Anh. XLIV).

„O Wassermann, ich klag es dir;
Die reissende Gicht vergehe mir“¹⁾.

„Guten Abend, Fichte,
Nimm mir meine Gichte,
Rheumatismus und auch Reissen
Soll aus meiner Körper Weichen“²⁾.

„Gott der Herr ging über das Feld, da kam der Hosti Hostis. Gott der Herr sprach: „Wo willst du hin?“— Ich will in diesen Menschen und will in ihm ressen, wüthen und toben. — Got d. H. sprach, „Das sollst du nicht thun un in ihm reissen, wüthen und toben, sondern gehe hin in diesen wilden Wald daselbst ist ein Brünnelein milch und Honig beffossen, da sollst du hingehen und nicht wieder kommen“³⁾.

„Ve jméno sv. Ducha: — Jel pan Ježiš na oslíčku, — Sv. Petr na koníčku: „Petře, pospěš!“ — Pane, ne mogu — Zlamal mi kůň nohu.—Nu, seidiž se kost' k kosti,— Kloub k kloubou, srst k srsti.—At' jest rase tato bolest celá jako kámen,—Dejž to duch sv. Amen“⁴⁾.

„Jesus ging aus auf allen Wegen und Strassen. Es begegneten ihm 77 Gichteu und das Kalvergiff. Jesus sprach: Stehet stille und gehet aus“⁵⁾.

„Заклынаю тебе, гостецъ, самця и самыцю, велькымъ именемъ Господа нашего І. Х. и Пречистою вирую нашою Божою и приснодивою Марією и свв. архистратигами и свв. отцамы и свв. апостоламы и свв. мученыкамы. Заклынаю тебе, огненный гостецъ, самецъ и самыцю, Ньколаемъ Мирлыкійскимъ, Умылосердыся, Господы, о рани сей и исцилы болизны души и тила, абы ты, гостецъ самецъ и самыця, та жаднойи шкоды не учынивъ рабу Б. N.: ани въ брови, ани въ очахъ, ани въ шыйи, ани въ плечи, ани межы плечамы, ани въ грудяхъ, ани въ серци, ани въ селезинци, ани въ легкихъ, ани въ жылахъ, ани въ мозку, ани въ жывоты, ани въ костехъ, ани

1) P r a h n, Op. cit.. c. 194.

2) Ib.

3) K ö h l e r, „Volksbrauch... in Voigtland“, c. 404.

4) Z i b r t, „Staročeske. obuceje“, c. 249. (Этотъ заговоръ ближе къ заговору отъ излома кости, вывиха).

5) A m a n, „Volkssegen... Böhmerwald“, c. 211.

въ коллинахъ, ани въ голеняхъ, ани въ руку, ани въ ногу, всимъ суставамъ ани въ тили,—абы гостецъ сей, самецъ и самыця, яко каминь на свойимъ мисци лежавъ, ныни и присно и по выки аминь“¹⁾).

(Взять чашку, положить въ нее пять различныхъ хлѣбныхъ зеренъ и красныхъ суконныхъ нитокъ и обратясь къ иконамъ говорить):

„Присвятая Бугурудица, азбау, абъ чомъ тибѣ буду прасить и малить: N. избау ат боли, ат ламоты кастанѣй, жильный, сустауный. Асвятитя сваей святѣю рукою пять хлѣбыу ибсѣить свайми святыми зирнятными челавѣка. Скачиваитца съ яго пять хлѣбы съ галавы — и скатися ламата изъ кастей, изъ мащей и жилъ, и суставыу, изъ ачей, изъ глазъ и буйный галавъ! — Пресвятая Бугурудица, вазми атъ свайво сына слацайшига свае залаты ключи и атъ Господа Бога и замкни яму ломуту ламотню болѣсть на вѣки вѣпныя. Аминь балѣсти“²⁾).

(Перевязать наговор. нитками кисти рукъ и ногъ, завязать по 4 узелка и 5 р. перекрестить).

„Не иду я до Матинки Божои съ хрестомъ святымъ, зо всимы свв. апостоламы, щобы ся не взяли жадни биды хрещ., пород. N. Я жъ тебе замовляю Господомъ Богомъ С. Хр. съ Преч. Дивою и зъ маткою найсвентшою Тыненскою, Соколецкою и Почаевською, — Господа Бога и С. Хрыста. Очыстывъ свою душу Господь Богъ сотворяще и сотворивъ и на сей свить пустывъ проситья и молитья Господа Бога поратунку. Господы Боже, вызволы гостецъ, прыстритъ и очысты мою душу. Господы Боже сотворящей, съ чого ты почався? Съ чого ты почався гостецъ? Чы ты почався зъ витру, чы ты почався зъ холоду... охоты... роботы... съ поганныхъ очей? Чы зъ ранняго свитання, пивночного, вечирнѣго, полуденного? Чы зъ сонця, чы чоловичыхъ, чы жиночихъ, чы дивочыхъ, чы дытячихъ очей? Я жъ тебе замовляю, видгынаю зализнымъ ножомъ зъ пятема пальцамы, щостою долонею, самъ собою, Божею волею. Господы Боже очысты мене своею ласкою святою пре-

¹⁾ R e n o f, „Lidová léčba“, с. 491—2.

²⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 192—3.

найсвітлыішаго и явися намъ. Очищае Господь Богъ своею ласкою весь свитъ, весь новитъ, очищае горы, моры, каминня, лисы, — очысты, Боже, и твою душу. Ишлы черныци, биглы до кирныци, бралы соби водыци. Помагай тоби Богъ, водыце-Ерданыще, перебуваешъ ты въ лугахъ-берегахъ, очищаешъ, очысты и сю душу. Аминь“¹⁾.

„Заклинаю тя, гостецъ, самця и самыцю, велькымъ именемъ Господа нашего І. Хр. и преч. вѣрою нашею и приснодѣвою Маріею и св. архистрастигами Михаиломъ, Гавріиломъ, Рафаиломъ со всѣми умными небесными силами, св. Іоанномъ, пророкомъ и крестителемъ Божіимъ и всѣми отцами: Авраамомъ, Исакомъ, Іосифомъ—Маріи обручникомъ и всѣми прежде закона и въ Законѣ Христа проповѣдаваша и св. славными и всехвальными апостолами Петромъ и Павломъ и проч. апостолами и учениками, Христова евангеліе проповѣдавшими; свв. мучен. Стефаномъ, Лаврентіемъ, Игнатіемъ, Григоріемъ, Димитріемъ заклинаю огнений гостецъ, самецъ и самыцю, Николаемъ Мврлик., Григоріемъ Неокесар. Умилосердися, Господи, о-ранѣ сей и исцѣли его болѣзни души и тѣла, абы ты, гостецъ самецъ и самыця, ты жадной шкоды не учинилъ р. Б. Н., ани въ бровѣ, ани въ очахъ, ани въ шиі, плещу, ани въ сердцу, ани во всемъ тѣлѣ, абы гостецъ сей, самецъ и самыця, яко камень на своемъ мѣсцу лежалъ нынѣ и присно и во вѣки аминь“²⁾.

„Ich lege meine sündige Hand auf deinen Leib und spreche dich mit dem wort Gottes an durch Jesum Christum sein Schweres Kreuz, durch die eisernen Nägel, d. seine Schmerzen, dass N diese schmerzen ganz vergehen, Schwindel und kalte Gicht, und gleich authören, wie die Steine, zu wachsen nach Christi geburt aufgehört haben. Ich spreche dich Gicht von Fleisch und Blut, v. Mark und Bein hinweg, weiter lass ich dich nicht. Du musst dich verlieren auf ewige Zeit, wie sich der Teufle nach der auferstehung Christi verloren“³⁾.

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 136—7.

²⁾ Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 40—41.

³⁾ А м т а н, „Volkssegen.. Böhmerwald“, с. 21—2.

(Взявъ больного за руку и называя по имени):

„N. ich begreife deine rechte Hand in Gotts des Vaters und des Sonnes und d. heiligen Geistes. Da wird dir gewendet mit dem gekreuzigten Heiland. N. ich begreife deine Gicht, die Markgicht, Fleischgicht (— другіе виды болѣзней см. у Gr., „Myth.“, 967 f. und Nachtz.; Birlinger, „Aus Schwaben“, I, 448—9 —) so wirst du gewendet werden durch Jezum Christum. N. glaube du dass Christus am Kreuze gestorben ist. Glaube du N., dass er die dornende Krone auf seinen heiligen Haupte trug und mit einer Lanze gestochen wurde. Er trug das schwere Kreuz, fiel dreimal auf sein Angesicht, wurde mir drei Nägeln geschlangen so begreife N. diesen Schmerz! Welchen Schmerz (bis) empfand er! Wie du in deiner Markgicht... Fleischgicht, so wirst du gewendet werden.—Wie Petrus und Johannes kamen vor die Tempelthüre, da sass einer an dem Wege, welchen sprach. „Brüder, erbarmet euch meiner!“ — Da sprach Johannes: „Was willst du, dass ich gebe?“ — Petrus sprach: „Geld und Gut habe ich nicht, steh auf in Jesus Namen!“ — Im Namen“ ¹⁾).

„Im Namen... Ich N. beschwöre dich Gesicht oder Gicht bei den heiligen fünf Wunden und beim unschuldigen Blut meines Herrn Jesu Christi, welches aus seinem heiligen fünf Wunden uns Menschen auf Erden zu Gott geflossen ist. Im Namen... — Ich beschwöre dich Gesicht oder G. beim jüngsten Gericht und heim bitterm Urteil das Gott über alle Menschen und Sünder und Sünderinnen erteilt, dass du mir am Gehirn, an den Augen, an den Schultern, am Rücken, am Herzen, an den Lenden, an den Waden, an d. Füßen, an d. Zehen und an allen Gliedern meines ganzen Leibes (nicht schadest). Im Namen... — Ich beschwöre dich Gesicht oder Gicht durch die drei Nägel, welche J. Christo d. seine h. Hände und Füße Geschlagen worden, bei d. Heiligen, die auf beiden Seiten des Kreuzes unseres Erlösers J. Ch. bei seiner Kreuzigung Standen, nämlich der seligsten Jungfrau Maria, des heiligen, die bei der Kreuzigung unseres Herrn Jesu Christi zu-

¹⁾ A m m a n, op. cit., c. 209.

gegen waren. Im Namen... — In diesem Vertrauen hoffe ich, Gott werde von mir durch die Fürbitte der heiligen Barbara, wenn es zu meinem Seelenheile erspriesslich ist, die Gicht abwenden und alles gute erteilen. Ach, ich bitte dich, o gütigster Herr, dass du mich von dieser Krankheit des Gesichtes oder Gichtes erlösest.—Ich bitte dich durch die Stricke, Bande und Nägel, mit welchen unser Erlöser gefangen, gebunden und an das Kreuz genagelt worden, dass er im Namen... seinem Martern zu Liebe mir and allen Menschen diese Gnade verleiche. Im Namen...— Ich beschwöre dich G. oder G., dass du abweichest bei der göttlichen Liebe im Himmel und auf Erden. Im Namen... — Es weiche von mir jede Art dieser Krankheit, es sei das kalte Gicht, das laufende G., d. brennende G., d. reisende G., d. tobende G., d. fliegende G., d. Lendengicht, die sieben und siebenzig Gichter, dass sie mir an meinem ganzen Leib nicht schaden. Dazu helfe mir die göttliche Kraft, mit welcher J. Ch. seinen Martern tod am Kreuze gelitten, in seinem Grabe, in welchem er selbst gelegen und von da glorreich erstanden ist und das menschliche Geschlecht erlöset hat. Liebster Herr und Heiland! Mache mich gesund an Leib und Seele! Das werde wahr! Im Namen... — Wer ein Gesicht oder G. hat, der komme und wende sich zur Rückerinnerung des Lebens J. Ch. und an den Namen J. Nazarenus Rex Judeorum.— Wer es liest oder gelesen hat er sei unser Teind oder Treund Bruder oder Schwester, und dieses Gebet bei sich trägt und sich nach dem Inhalt desselben einrichtet, wird von Gesicht oder g. betreit und keineswegs davon befallen werden.—Denn der nächtlichen Tod am Stamme des Kreuzes gelichten hat war unser liebster Herr J. Ch. Dieser ist der Herr Himmel und der Erde. Er würdigt sich uns zu helfen und das Gesicht oder G. von uns abzunehmen, dass wir es nicht bekommen oder uns gänzlich zu bewahren. Man bete, solange man lebt, alle Tage zu Ehren des gelibten J. Ch. fünf Vaterunser und f. Avemaria nebst dem Glauben“¹⁾.

„Im Namen... Ich beschwöre dich du Gesicht oder

¹⁾ A m m a n, Op. cit., c. 209—210 (Cp. Gr., „Myth.“, Anh. S. 497, XIII).

Gicht bei dem unschuldigen Blut unsers H. Jesu Ch. Im Namen... Ich b. d. du G. und G. b. dem bittern Ort, bei dem jüngsten Gericht, dort werden alle sünden erteilt (verurteilt) werden. Ich beschwöre dich du G. und G. durch die Stricke und Banden... Ich... bei d. heiligen fünf Wunden, die der H. J. Ch. für mich und dich empfangen hat... Ich... durch die Kraft des h. Grabes, wo der H. J. Ch. selber darinlag... O gütiger Herr, ich bitte dich, du wollest dich nicht weigern, w. ihn erlösen von dieser Krankheit, von der kalten Gicht, v. d. laufenden G., v. d. brennenden G., von d. reissenden G., v. d. fliegenden G., v. d. sieben Gichten, v. d. siebenundsiebzig G. Lilbster Hiland und Herr mache ihn gesund an Seel und Leib! Das werde wahr! Im Namen... (Man zähle nun von 77 bis o). Ich beschwöre dich, du G. und G. durch dein Kreuz und Marter, so J. Ch. auf Erden angestanden hat... Ich.. durch dein heiliges Kreuz und d die Fürbitte der seligsten Jungfrau Maria und des s. Johannes, und alle die bei dem h. Kreuz gestanden sind, wollen dich erlösen von dieser Krankheit, v. d. k. G., v. d. laufenden G., v. d. breenenden G., v. d. reissenden G., v. d. fliegenden g., v. d. sieben g., von d. s-u-s-ig Gichten. Ich... bei dem Sohn Gottes und bei d. h. Wandlung unsers H. J. Ch., bei d. h. fünf Wunden unsers lieben H. J. Ch... Ich... b. d. jüngsten Gericht, b. d. lebengigen Gott, das Gott sein heiliges Leiden wegen uns Menschen auf Erden litt... Ich... b. d. Marien u, H. J. Ch. Ich... b. d. vier Menschen, die auf Erden standen, als die wahre Mutter Gottes Maria samt Elisabeth, s. Johann u. Jakob. Die sprachen zusammen, weil u. lieber H. J. gefangen, gebunden, gegefresselt, gekrönt, mit drei Nägeln an das schwere Kreuz geschlagen worden ist, darum stirbt er für uns Sünder und Stündeinnen und für die ganze Christenheit... Ich... durch die Kraft Gottes, die du im Himmel und auf Erden hast, dass die gesicht und G. ihr kein Schaden mehr thut an Augen, Zähnen, Kopf, Händen und Füßen, Schultern und Lenden, Bauch und Rücken, und alles, das auf Erden ist, kommt zu dir um Hilfe. Im Namen“ 1).

1) A m m a n, Op. cit., c. 210—211.

„Въ имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Ишолъ Самъ Милостивый Госнодь Богъ райскіими путми и гостинцѣ и стрѣтилъ гоща и гостицу и со гощаты и рече имъ: где и камо идете. И рекоша ему: Милостивый Госноди, идемо мы въ человѣчую главу, власы его крутити, главу и мозокъ его сушити, кости ломити, жылы торгаты, тѣло его псоваты. Тогда рече имъ: окаянныи, не можете и дойти и достигнути до моего р. Б. Н., бо я тамъ былъ, святыми ангелы и арханг., херувими и сераф., и съ свв. апостолы, и положилъ есмъ на немъ печать свою, пресв. честный крестъ, и не можете вы дойти и достигнути до м. р. Б. Н., до его главы, до его власовъ, до его костей, до его жылъ, до его сердца и до всего тѣла его. — Заклинаю тя моцію и благодатию св. Духа, да отступите въ свой тартаръ, бо тамъ есть окно, на томъ окнѣ есть камень, на т. к-и сѣдите черный человекъ, пойдѣте вы до того ч. ч-ка, немолитвеннаго и некрещеннаго, кровь его пійте, власы и главу его крутите и мозокъ его сушите, кости и жылы его ломлѣте, и вшидко тѣло его псуите. — Тамъ вамъ есть допущенный всякій гостецъ со гущицею и со гощаты, съ вѣдмы и съ вѣдаты, съ восточными и западными, съ южными и сѣверными, съ мертвыми и слѣпыми, тамъ перси его подлѣгайте, подступуйте, духъ залѣгайте, уха его фукайте, зрокъ очій его зрываите и гласъ его утрѣйте, и тамъ ся веселѣте, по всемъ тѣлѣ его, власы главу его крутѣте, тѣло его псуите, ставы его змѣтуйте, жылы его зрываите; тамъ васъ замыкавъ и запечетую, всякій гостецъ, крутый гостецъ, ставы змѣтающій гостецъ, кости змѣтающій гостецъ, сердцеболящій, ставы студящій, бѣлмо творящій и полудотворный. — Стала Пречист. Марія мати Ис-съ Х-ва съ св. своимъ сыномъ на водѣ Иорданстѣй, на Иорданск. камни, и змѣвы главы спалилъ силою своею и писаніе шатанское потеръ, такожь силою и моцію божественною вшелякой гостецъ. Госноди, помози ми закляти и замкнути, замыкаю его до дне судного, аминь. Силная есть моцъ и лютая болезнь, сперечены гостецъ и рушенный отъ нечистаго духа и отъ нечистой вѣды, лукавой лукавицѣ, упирѣ оупирѣцѣ и дягъ дяговицѣ и вшелякій боль рушенный и спереченый укладаю тихо лехко. Милостивый Госи. Богъ заирѣгилъ пресв. св. словомъ, абы немогль

ся на высоту высити и въ широту ширити, вшелякій гостецъ и гостицу и гощата, заклинаю васъ и запечетую васъ отъ сего р. Б. Н. Богомъ живымъ и всѣми свв.— Милост. Господи, буди мнѣ на помочь, гостецъ умертвити и силу его утратити и всю мощь его утратити, по сто нохтій его нероспустити, абы крещенное тѣло его не шемоталь и въ немъ не играль, а ни сердце его не палиль, жылы его не торгаль, очи его незрываль.— Ишюль Г. Б. путемъ и обрѣте человека прокаженного и болного. Рече ему человекъ: Господи аще хощу, можешъ ли мя очистити. Яль его Г. Б. за десну руку и глагола ему: очистися и утвердися, змоцнѣлся и утвердился тоєю благодатию Божію (sic!).—Господи, запрети т (300) болевъ и девять, абы очи его незрываль, гласъ нетратиль и воздухъ незалѣгалъ, власы некрутиль, главу незаверзаль госцу стрѣковатый, дощковатый, вонсоватый, гостецъ пушный, завротистый, трудоватый, запрѣцаю тебе Богомъ живымъ именемъ его святымъ, да невозможеша, южь болше р. Б. Н. слабѣти, трапити, разпалати, студити, пушити, вшелякій боль неможетъ ся въ немъ рушити. Гды б. извиоль и заразиль оного первозданнаго человека Адама дѣволъ, которій ся подносиль противно Бога отца небесного, которій сътвориль седмъ десять и седмъ болестій. Повстанъ, судія праведный, лѣкарю моцный, ты бо, вѣмъ, имаешъ мощь запрѣтити всякій гостецъ и всякій боль, токмо словомъ св. святымъ, не токмо словомъ, но волею св. свят., да уложитса всякій гостецъ, подвитый, подвиненый, подлятый, преступленый, сѣденный, испитый и всякій нечыстый духъ и гостецъ. Заклинаю тя мощію св. преч. д. богородицеи всѣхъ васъ, елико васъ есть, гостецъ и гостицу и гощата и со внучаты и правнучата; будѣте запрещенными по шестидесяти и по три десяти болестей отъ сего р. Б. Н., отъ его главы, отъ его власовъ, отъ тѣмени, отъ мозгу, отъ очій и зѣницъ и отъ ухъ, отъ горла, отъ его жыль и составовъ и отъ сердца его и отъ чрева его и отъ костей его и отъ всего тѣла его, отъ рукъ его, отъ ногъ его и палцій его, яко Г. Б. запрѣтиль каменеви, абы неросъ, и неростеть отъ того часу, такожь презъ благодать и запрещеніе св. св. Духа и пр-ои Маріи (sic!) Матере Божей и всѣхъ свв., неможетса ширити и въ высоту высити вшелякій боль и гостецъ

въ рабъ божій имрекъ, будѣте запрѣщенныи и прокляты и избѣглы, и ктому, нікогда же возвратныи, запрѣщаю вамъ отъ сего р. Б. Н. отъ его главы, отъ е. власовъ, о. е. очій, о. горла, отъ всѣхъ съставовъ его, отъ персій его, отъ сердца его, отъ утробы его, отъ бедръ его, отъ предѣль его, отъ колѣнъ его, отъ ногъ его и палцій его, отъ бедръ его, отъ всѣхъ съставовъ тѣла его крещеного; запрѣщаю ти, абы есъ былъ невозвратный къ р. Б. Н. и заутра ажъ на вѣки вѣкомъ, аминь⁴⁾).

Дна (еармеатикъ = ломъ въ костяхъ, подагра, иногда боль матки, происходящая отъ нечистаго духа).

„Яка болячка—ломовая, костяная, золотушна, — шобъ не палыло, шобъ не свербило, не щемило, прысичу и засичу“¹⁾).

„Ишла Маты Божя золотымъ мосточкомъ, (съ?) золотымъ ципочкомъ. Дванадцять ангеловъ, Евангелысты, Хранысты, подайте меча съ подъ правого плеча, баби (v. диду) подати, хрещеному N. прысикаты, шобъ не ломыло, шобъ зъ ногъ не валью; трычи по трычи прысикаю, вырубаю и зарубаю“²⁾).

„Еарьму, еарьмеатичеа, каде си, Еарьму, торнал, вас селу и нис селу. — Тоарнал ми сам, тоарнал N. глава и роаки да строшеам.—Воарни са, Еарьму, воарни; еасам прис там ходил, та гу сам миру миросал и коарстум гу сам коарстосал“³⁾).

„Во има Оѣа и Сѣа и Стго Дѣа. Заклинаю та Бѣомъ живымъ червленаа и чернаа власы и ногты свазана Ѡ г ѡгль. Что рыкаеши ꙗко левъ, ꙗко волъ ꙗциши (=ревешъ), ꙗко козлище возыграеши, тако же и ты въ двѣти твориши. Нъ великыи Бѣ архистратизи Бѣи еже о тебе ходатъ двѣству твоему кажи путь даи же исцѣленъ рабу Бѣю имркъ. ꙗко твоя дръжава и твое црѣтво. Слава Оѣю“⁴⁾).

Жаба (angina, Frosch, болѣзнь горла, при которой увеличивается миндалевидная желѣза, глотать трудно; кажется,

1) А. Петровъ, „Угрорус. заг. и закл. нач. XVII в.“, с. 125.

2) Шарко, „Изъ обл. суев. Черн. г.“, с. 173. 3) Ib.

4) „Сборн. за нар. умовъ.“, кн. IV, с. 103—4.

5) Порфирьевъ, „Апокр. мол. по рук. солов. б.“, с. 10,

будто что-то твердое сидитъ въ глоткѣ; послѣднее обстоятельство, быть можетъ, стоитъ въ связи съ названіемъ этой болѣзни «дубоглотомъ», т.-е. будто проглоченъ дубъ).

У Крушевскаго приведено 5 заговоровъ (№№ 98—102) почти одинаковыхъ: на сухомъ дубу сидитъ птица съ „булатыными когтями“ и „теребить жабу“; на это дерево прогоняютъ жабу.

(Въ звѣздную ночь шептуха выводитъ больного во дворъ, опускаетъ въ сосудъ съ непочатой водой 4 куска „готварской“ соли; вытащивъ одинъ изъ этихъ кусковъ, натириетъ имъ распухшія желѣзы, произноситъ приводимый ниже заговоръ, разбрасываетъ остальные куски соли, выливаетъ воду на то мѣсто, гдѣ стояли, и идетъ домой не оглядываясь):

„Сегá и звездá и жлогá
Зарана ни звездá, ни жлогá.
Как са топи, таа сол,
Такá и жлогите да са стопат“¹⁾.

(Взять 9 пучковъ соломы, обмотать всѣ вмѣстѣ 9 разъ ниткой, завязать 9 узловъ; изъ каждаго угла 3 раза брать паутину, положить ее на пучокъ, зажечь солому и заставлятъ больного вдыхать дымъ, говоря):

„Уроцы (bis), скацидеса, звалидеса зъ буйнэй головы, зъ горячей криви; такъ и ты, жаба: падю цябе павучиной и огнемъ“²⁾.

„На морѣ, на кіяні љжау бѣль камень, ляцѣла жаба, वालीса жаба, вдалиса жаба объ вострый камень, разбилиса жаба на мелкія часъци, на маковы зерна, а штобъ у р. N. разбилиса жаба на мелкія части, на маковы зерна по моему слову во вѣки. Аминъ“³⁾.

(Поить водой съ медомъ, говоря):

„На кіяні на морѣ, на островѣ, на бережку выростала тросць изъ земли до неба. Кто тую тросць вырвецъ? — А вырвецъ ту тросць Михаилъ Архангель, Петръ и Павель.

¹⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, IV, с. 96—7.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 88 (№ 197).

³⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 543.

И не я помогаю, не я пособляю, — пособляецъ самъ Господъ Богъ, самъ Исусъ Христосъ. Амень¹⁾.

„Есь на мори-окіяни выспа, на той выспи ляжиць золотэй пранникъ, подъ тымъ и-мъ ляжиць золотое гнѣздо, у т. з-мъ гнѣздѣ ляжиць жаба. Жабица-царица! унимай своихъ жабъ-жабенячь и дзѣть-дзѣценячь молодзиковыхъ, ветховыхъ, минутныхъ, часинныхъ.— Неупрошу я цибе, упрошу св. Михаила архангела. Св. М-ъ А-ль будзець васъ усихъ собираць, Кузьмъ-Дземьяну у кузьню передаваць. К.-Д. будзець свое жажло распекаць, а вамъ зубы-губы выпекаць“²⁾.

„У горыди Русалими, на рякъ Ирдани, стаить древа купаресь, на томъ древи сядить птица арѣль, щипить и тирабить кахтями и нахтями и надъ щиками и надъ зябрами у р. Б. Н. жабу. Ва имя Отца и Сына и Св. Духа“³⁾.

(Говорить, тыкая въ горло указательнымъ пальцемъ):

„Въ г. Иерусалимѣ, на р. Ерданѣ, стоить древо Кипарись, на т. древѣ птица-орель сидить, щиплетъ и трепить когтями и ногтями, и подъ щеками и подъ жабрами у р. Б. Н. Во имя Отца и Сына... аминь. Св. Духъ аминь (3 р.)“⁴⁾.

„Frosch, krieche aus! Gott gebs, dass du nicht länger bleibst, bis hinter der Essenzeit. Im Namen...“⁵⁾.

Желтуха (жовтяныци, разлитіе желчи).

(Выдолбить средину моркови⁶⁾, наполнить пустоту мочою и повѣсить морковь въ трубу со словами):

¹⁾ Шейнъ, *Op. cit.*, с. 543.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 165 (№ 33).

³⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 198.

⁴⁾ Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 395. — Ср. почти буквально у Тихонова, „Лѣтописи“, IV, с. 78.

⁵⁾ Ашманъ, „Volksegen.. Böhmerwald“, с. 205.

⁶⁾ Ср. замѣчаніе А. А. Потебни въ ст. „Малорус. дом. лѣчебники XVIII в.“ (въ „Кіевск. Стар.“, 1890 г., I, с. 94): „Въ нынѣшней престонародной медицинѣ правило „*similia similibus curantur*“ понимается не только въ смыслъ „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись“ (напр. „мозгомъ укусившей змѣи мажутъ укушенное мѣсто“ Чуб., I, 122), но и такъ, что болѣзнь, характеризуемая извѣстнымъ признакомъ, колотьемъ, краснотю, синевою или желтизною опухли или сыпи излѣчивается приемомъ, иногда мнимальнымъ, даже идеальнымъ (въ приглядку), вещи, характер-

„Нехай збйде жовтаниця зъ N. скорѣйшъ, нѣжъ сй сди-
клины высохнуть“¹⁾).

(Употребл. различные желтые предметы: морковь, сукон-
ный поясъ, яичный желтокъ и проч.):

„Зори зоряныци, возьмать р. Б. N. жовтяныци — ранни и
повранни, денны и повденны, вечирни и повечирни, ночныи и
повночныи“²⁾).

(Даютъ 7 дней ѣсть больному тѣсто, испеченное изъ млеч-
наго сока Wolfsmilch, бѣлаго собачьяго помета, бобовой муки,
желтой рѣпы и нечетнаго числа вшей, а пить — уксусъ, развед-
денный водою или вино съ куринымъ пометомъ. На 7-й день
больной долженъ выдолбить рѣпу, наполнить ее мочой своей,
повѣсить до восхода солнца на дерево и говорить):

„Gelbe Kûhe auf den Berge zerstampfet den gelben Bô-
sen, der in mir ist! Gebt ihm die Rûbe zu fressen, gebet ihm
mein Wasser zu trinken Wenn ihm neunmal (zum neuntenmal)
auf die Weide kommt, so soll er die Rûbe gefressen, mein
Wasser getrunken haben! dann zerstampft ihn, ihr gelben Kû-
he auf dem Berge“³⁾).

„Йихавъ Юрїй маленькымы ослятамы

Зъ молодымы дивчатамы —

Зилля копаты, жовны замовляты.

Выйдите, жовны, де вы есть:

Зъ сердца, зъ печинокъ,

Зъ мняса, зъ кистокъ;

На верхъ выйдить и замрить

Тутъ вамъ ны буваты,

Тутъ вамъ ны гуляты,

Червонойи крови не пыты,

Жовтойи косты не ломыты,

И мняса ны въялыты.

вуемой тѣмъ же признакомъ, напр. „отъ жовтяницъ — коралі, крокіс, жовток“
(Чуб., I, 113), или—смотреть въ вычищенный мѣдный тазъ, въ которомъ плаваеъ
красноперый окунь“.

¹⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 31.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 118.

³⁾ Wlislowski, „Volks Glaube... Zigeuner“, с. 167.

Я васъ замовляю,
 Я васъ заклянаю,
 И на темъ вичный
 Ножемъ зарубаю“¹⁾).

„Призываю Духа Святаго на всяке добре дило.— Творче, Создателю всяческихъ, Боже, дѣла руку нашихъ ко славѣ Твоей начинаемъ, яко единъ и всесилентъ чловѣколюбець

Господы, поможы, и вси святы,
 Станьте мени въ помочи,
 Мыколай, Божый угодникъ,
 Нарожденному и молитвяному
 Рабу Божому N.

Одъ близны шынтаты.

Вызываю, выкликаю

Отъ молитв., нарoжденного

И хрещеного жовтяныци —

Витряни, водяни, прыстритни,

Подумани и погадани,

Ночни и полуночни,

Денни и полуденни,

Хлопячи, дивчачи,

Дивоцьки и парубоцьки,

Чоловичи и жиночи.

Тутъ вамъ не бывать и не роскошувать

И жовтойи косты не ламать.

Ссылаю и посылаю васъ

Въ землю пусту, безконечною,

Де козакъ не гуляе,

Де дивка косою не мае,

Де чоловическый голосъ не заходить,

Де скотына не ходыть

И де птыця не литае“²⁾).

¹⁾ Иващенко, „Шептания“, с. 173—4.

²⁾ Ив., с. 274.

Жовна (золотуха; иногда смѣшивается съ „желтухой“, и заговоры отъ одной болѣзни попадають въ заговоры отъ другой — ср. Чуб., I, 113):

(Послѣ новолунія на томъ мѣстѣ, гдѣ рубяць дрова):

„Бувъ соби чоловікъ жовна, мавъ соби винъ девять жинокъ, зъ девятой — восьму... зъ идной — жодну“¹⁾. (Дунуть на больное мѣсто).

„Була така жовна, мала дванадцятро дитей, тьи диты малы вси по 12 дитей.—Скилки всихъ було?—Всихъ сто симдесять симъ. Якъ не знаю, де ся взяли, щобимъ не знали, де ся подили“²⁾. (Надавливать боль мизинцемъ).

„Мавъ жовнаръ девъять синивъ, мала жовнаръка девъять донѣкъ; сваталыся, браталыся, мистылысь, не помистылысь, розійшылся, ростеклыся. Якъ ся жовнаревы сыны розійшы, ростеклы,—йихъ тутъ не выдать, йихъ тутъ не слыхать, такъ абы ся видъ Божого, хрещен., мол. N. жовны розійшы!—Ху! (3 р.).—Тѣфу! (3 р.)“³⁾.—Весь заговоръ читается 9 разъ.

Въ заговорѣ, приводимомъ у Крушевскаго (№ 93),—обращеніе къ зарѣ и рѣкамъ съ просьбой — смыть золотуху.

(Говорить на 3 зоряхъ): „На морѣ Океанѣ, на островѣ Буянѣ лежитъ камень сорока сажонъ; а на этомъ камнѣ сидитъ дѣвица, придуваетъ золотуху: Золотуха-красотуха! Тебѣ тутъ не быть, тебѣ тутъ не жить; костей не ломить, суставовъ не гноить“⁴⁾.

Завалки. (Дифтеритъ).

(Заговариваетъ баба, задавившая 2 пальцами правой руки „зиньске щеня“; говоритъ 3 р. и давитъ больное мѣсто):

„Прыйшла баба зъ девъятьма дочкамы. Прывела девъять, повела висимъ, прывела висимъ, повела симъ... прывела одну, не повела ни одной. — Нехай же у хрещ., нарожд., мольтвен. N. завалки забере“⁵⁾.

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 149.

²⁾ Ib., с. 139—140.

³⁾ Курезанко, „Volksmedicin... Bukovina“, с. 44. (Транскрибировано).

⁴⁾ Успенскій, „Род., крестины“, с. 84.

⁵⁾ Комаровъ, „Новая збирка“, с. 108.

Икавка. (Икота).

(Говорить, не переводя духу): „Икавко, Икавко, де була?— У Киевѣ.— Що ѣла? — Кобылыну. — Де дѣла? — Покынула. — Покынь и мене“ ¹⁾.

„Ишло черезъ 12 ланѣвъ, и одинъ каже: «Ланъ, ланъ!», другбй каже: «Ланъ, ланъ!» ²⁾.

(Крестяць кружку съ водою и дають изъ нея пить крестообразно: „Хыковка, хыковка! пиды до воды, кого-небудь напады, хотъ вола, хотъ корову, хотъ дивчину чорноброву“ ³⁾).

(Говорить, не переводя духа):

Schluckop!

Loep lank Buekop,

L. I. Redder (einen eingezäunten Weg),

Kumm nich wedder“ ⁴⁾.

„Schluckop un ik,

Wy stegen doer en knick.

Ik kœem daerdoer,

Schluckop bleef dafoer“ ⁵⁾.

„Schluckop un ik

Gingen oewern Weg,

Schluckop full' rin

Un ik leep Weg“ ⁶⁾.

„Hukup, Schlukup!

Loep lang' de Hæg',

Kum nimmer to Wæg',

Hukup da Weg!

Ga vör min Nabers Doer,

Maek'en lättes Knickchen foer,

Hukup da Weg“ ⁷⁾.

¹⁾ Ефименко, „Сборн. мдр. заклин.“, с. 24. — Ср. Комаровъ, „Новая збирка“, с. 109 (буквально). ²⁾ Ib.

³⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 171.

⁴⁾ Müllenhoff, „Sagen, Märchen“, с. 512.

⁵⁾ Ib.

⁶⁾ Ib.

⁷⁾ Ib.

Колтунъ.

„Господу Богу помолюся... А прошу я цябе, старшій колтунъ, унимай своихъ слугъ подзвивныхъ, подуманыхъ, памовныхъ, сурошныхъ, урошныхъ, водзяныхъ, нутряныхъ, дзяныхъ, полудзянныхъ, ношныхъ, полуношныхъ, часовыхъ, поминутныхъ. Выговарю я цябе зъ ясныхъ вочей, зъ горючія криви, зъ лехкихъ печаней, зъ лёхка, зъ палехка, съ жилъ, съ пажиль, кашей, мощей, пакощевъ, — при ясныхъ зоряхъ, при краснымъ сонцы, при раннихъ заряхъ, при вячернихъ, при вутреннихъ“¹⁾.

Колыка [= частое покалываніе въ груди и бокахъ, родъ плеврита (Милорад.); боль отъ неправильнаго кровообращенія вслѣдствіе простуды (Крушев.); колюшка, колюха, колотье, колючка, *kolik, zastrzał, stříle*].

Болѣзнь, понимается матеріально: колетъ какой-либо острый предметъ, попавшій въ тѣло; отсюда — употребленіе въ качествѣ лѣкарственныхъ средствъ — ножа, бороньяго зуба, рогаца (Ивановъ), стрѣлы (Крушевскій) и т. п.

(Прикладывая къ боку больного деревянную посудину, знахарь засучиваетъ рукава, ходитъ съ лукомъ и стрѣлами вокругъ больного; произнося приводимый ниже заговоръ, стрѣляетъ 3 раза въ посудину, и боль унимается):

„Куда идешь? — (спрашиваетъ одинъ изъ присутствующихъ). — Я иду стрѣлять колотье. — Да гдѣ жъ оно? — Вотъ гдѣ“²⁾.

„Сѣку рублю колотье острымъ ножикомъ. Какъ брусокъ исчезаетъ отъ желѣза, такъ исчезни колотье...“³⁾.

(Слегка касаясь ножомъ больного мѣста): „Колочка водяна и витряна, прозирна и подумана и погадана, пидстритына,

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 161.

²⁾ Рашидъ-бегъ-Эфендіевъ, „Нѣск. свидѣній о селеніи Куткрашиль“ (Сборн. матер... Кавк., IX), с. 146—7.

³⁾ Крушевскій, „Заговоры...“, № 88.

спытына, ззидына, отъ лыха и отъ чоловика и отъ работы и отъ усякой заботы. Во вику викувъ. Аминь“ ¹⁾).

„Колючка витрияна, к. водяна, прозирна, подумана, погадана, молвина, мужицька, жиноцька, парубоцька, дивоцька, хлопьяча, тутъ тоби не стояти, жовтой кости не ломыты, сердца не вьялыты, N. не сушыты; ты пиды соби на очерета, на болоты, де нихтѣ не ходе, нихто не говоре и людскій гласъ не заходе“ ²⁾).

„Колюшка, колюшыще! витрияная, водяная, огняная! Чого ты вселылася, чого вкоренылася? Тутъ тоби не стояты, кость жовту не колоты, кровь червону не шпыгаты, сердца не забываты; нарожденій, мол. р. Б. N.“ ³⁾

„Колюшка прозирна! де ты взялась? Одъ витру, — то пиды на витерь! Чы ты взялась одъ людей, — то пиды ты на буйни витры. — Колюшка подумана й погадана, тутъ тоби не стоять, жовтой кости не ламать, а жылъ тоби не вьялыты— Но я помагаю, а Матирь Божа помагае“ ⁴⁾).

„Колюшка, колюшыще! водяна, витрияна, спытена, зйидена, вызвана, вымовлена, названа, наслана, прозорна! Я тебе вышинтую, я тебе й вызываю и я тебе выкликаю, на быстририки одсылаю“ ⁵⁾).

„Колюха, колюха! Тамъ тоби не стояты, червоной крови не пыты, серденька не сушыты. Иды на свои миста, де тебе маты твоя вродыла, де тебе остановыла“ ⁶⁾).

„Ишоу Богъ дорогою и сустрѣу колюку. — Куды ты идзешъ? — Иду колоць и пороць. — Идзи у цемный лѣсъ, тамъ стоиць чорный волъ, — идзи, коли и поры, а етаго челоуѣка N. не коли и не поры“ ⁷⁾).

„На мори, на океани, на о-ви на Буйни стоявъ золотый мистъ, а на мосту золотый дубъ, а на дуби золоте кресло. Тамъ сыдивъ св. Иосифъ. Къ ёму приходила Мати Марія. «Годи тоби тутъ сыдиты, иды съ золотымъ своимъ посохомъ колюч-

¹⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 36.

²⁾ И в а п о в ъ, „Знак. и шепт.“, с. 741—2.

³⁾ М и л о р а д о в и ч ъ, „Народн. медиц.“ VII, с. 314.

⁴⁾ Иб. ⁵⁾ Иб. ⁶⁾ Иб., с. 315.

⁷⁾ Ш е й н ъ, „Материалы“, II, с. 543.

ку приколюваты». — Колючка, колючице! ты з'ючна, ты врочна, пидвіяна, подумана, погадана! пиды на дыки стѣны, на болота, на очерета де люды не ходять, собаки не брещуть, пивни не сливають¹⁾.

(Поставивъ на голову миску съ водою и положивъ на нее ножъ):

„Chodili strelci, strellice
po horách, po krajnach;
potkala je svatá Apolena,
ta se jich tázala:
«Strelci, strellice, kam jdete?»
My jdeme k té, a té osobe N.
mozek jisti, krev piti,
maso dráti, kosti lámati».
Rekla jim svatá Apolena:
«Strelci, strellice! vrat' te se,
A té osobě pokoj dejte»²⁾.

„Był tu pan zastrzał z panią zastrzałową, mieli dziewięcioro narodu. Od dziewięciorga — ośmiorgo; od ośmiorga — siedmiorgo; od siedmiorga — seściorgo; od seściorga — pięciorgo; od pięciorga — cworo, od cworga — trójgo, od trojga — dwoigo, od dwoiga — jedno. Od jednego do jednego, bodéj nie było jednego. Nie moją mocą, Boską mocą i Panny Maryi pomocą³⁾.

„Господы, благословы! Г. поможы небесными сылами народженному, мол., хрещ. N. рабу сюю кольку унычтожаты не разъ, не два, не тры, не чотыри, не пять, не шість, не симъ, не восимъ, не девъять⁴⁾.

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божа, сю колючку зарубаты и одъ бокивъ выклькаты. И не я йии вызываю, и не я выклькаю, — самъ Господь вызывавъ, выклькавъ, Маты Божа въ помочи стояла, си колючкы збирала, на перекресну дорогу одсылала. На перекресній дорози царь Да-

1) Ивановъ, „Знахарство, шент.“, с. 742.

2) Erben, „Česká zřikadla“, с. 53.

3) Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, III, с. 52.

4) Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, VI, с. 315.

выдѣ стоявѣ и си колючкы одбиравѣ и своимъ сынамъ дарувавѣ. И въ Давыда царя девять сынивѣ по девять жинокъ держалы, и сю колючку одбиралы одъ ёго бокивѣ, одъ ёго грудей, одъ ёго очей, одъ ёго головонькы, одъ ёго голосу, одъ ёго й волосу, одъ ёго ручокъ, одъ ёго нижокъ, одъ рожд., мол., хрещ. р. Б. Н.“¹⁾).

(Перекрестить миску непчатой воды ножомъ или „мотузочкою“, помочить этой водою мѣсто, гдѣ колетъ, и дать напиться; говорить три дня сряду по 3 раза):

„Господы, помогай новорожденному, мол. одъ колькы роботы. — Колючко-мистючко! я тебе вызываю, я тебе выкликаю изъ жылей, изъ крыжей, изъ палцивѣ, изъ нигтивѣ. Тутъ тоби не буваты, жовтой кости не ламаты, билого тила не вьялыты, червоной крови не сушыты“²⁾).

„Idzie postrzał ze swoimi postrzałętami, spotyka się z Najśw. Marją Panną na lipowym moście. Najświętsza Panna się zapytuje: «Gdzie idziesz, postrzale?» — Idę Najświętszej Pannie kości łupać, Przenajświętszą krew rozlewać. — Idź-że, postrzale, na bory, na lasy, suchy dąb, suchy grab łupać, przenajświętszej krwi nie rozlewać“³⁾).

„Sed(1) Pán Jezus z świętym Pietrem bez wode,
Uscypił go postrzał w noge,
«Weś-ze ty święty Pietrze piac i wody,
Zetrzyj postrzałowe jady.

Niech nie mają grzeszni ludzie ty N. przeszkody“⁴⁾).

„Господу Богу помолюся и Прачистай Матцы поклонюся, св. Мать плащаница, помогала добрымъ людямъ, помози р. Б. отъ колотья ношного, дянного, полуношнаго; и прошу тябе и ўговарую, сыйди зъ бѣлаго лица, чорныхъ бровъ, сѣрыхъ вочей, зъ бѣлыхъ плячей: тутъ табѣ ня быть, косьтей ня ломить и сэрца ня знобить“⁴⁾).

„Ein alter Schurrenkopf (въ Zs. f. deut. Myth., IV,

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 315.

²⁾ Комаровъ, „*Нова збирка*“, с. 109.

³⁾ Siarkowski, *Op. cit.*, III, с. 55.

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ Романовъ, „*Бѣлор. сборн.*“, V, с. 102.

109, — «Schorenschopf»; cp. E. Meier, „Sagen“, № 481)

Ein alter Leibrock

Ein Glas voll Rautenwein, —

Bärmutter (cp. Grimm, Myth., 969, Zs. f. Myth., IV, 109) lass dein Grimmen sein.

Im Namen...“¹⁾.

„Kolk (вм. kolik) ik rade dy mit en
Füerfatt ult dat Hues.

En brave Mann un en böse Wief,

Damit rade ik dy de Kolk uet dynen Lief.

Im Namen...“²⁾.

„Mutter heg di,

Mutter leg di,

leg dich an dieselbe wand,

Wo dich Gott hat hingesandt“³⁾.

„Ich seh zum Fenster 'naus,

Ich seh ins Gottes Haus,

Ich seh einen Mann,

Der mir von meiner Kolik helfen kann.

Im Namen...“⁴⁾.

„Богородице Дѣво радуйся (3 раза). Съ усердіемъ про-
шу Тебе, Пресвятая, стань въ помощь ежечасно, и минутно,
изжени ци злые помыслы — колючку-колючице! Подумана,
погадана, витряная, мужича, жиноча, хлопьяча, дивоча и при-
стритная: тебе вышиптую и выговарюю Божою помощію, щобъ
ты въ цимъ р. Б. не стояла, червонои крови не пывала, билого
тила не отягала. Изойды соби одь р. Б. на чорній луга, на пе-
репалы, де буйный витерьъ свыставъ, перебувавъ“⁵⁾.

(Прикладывая громовыя стрѣлы):

„Господи Исусе Христе!

Спаси и помилуй

1) A m m a n, „Volkssegen... Böhmenwald“, с. 208.

2) M ü l l e n h o f f, „Sagen... aus Lauenburg“, с. 512.

3) R o s c h f o l z, „Aargauen Besegnungen“, с. 109.

4) M e i e r, „Deutsche Sagen...“, с. 520.

5) Щ е р б и н а, „Наговоры“, с. 587.

Отъ всякихъ недуговъ,
Денныхъ и ночныхъ,
Полуденныхъ и полуночныхъ,
Ангельскую душку,
Младенца Н.“¹⁾

Криклицы [крыксы, плаксивыци, несплячки, ничныци, ночница, полуношницы, вельки стыскы, мышныци, горска майка = безсонница у дѣтей, осложненная громкимъ крикомъ и запрокидываніемъ головки назадъ (Милорад.); „если мать забудетъ на ночь перекрестить ребенка, злой духъ забирается внутрь его и мучить“ (Шейнъ); ночница представляется „въ образѣ женщины въ темномъ или бѣломъ одѣяніи, тихо сядущейся на постель и касающейся спящаго руками, отъ чего послѣдній лишается сна, слабѣетъ и умираетъ“ (Шейнъ); нерѣдко отъ безсонницы обращаются къ зорямъ (быть можетъ, потому, что на зарѣ — самый сладкій сонъ?), но пѣтухъ зоветъ зарю, — отсюда (метонимически) обращеніе за сномъ къ курамъ²⁾). Возможно, мнѣ думается, обращеніе за сномъ для ребенка къ курамъ и потому, что куры очень рано засыпаютъ].

(Посыпать цвѣткомъ „дремой“ постель ребенка, положить его на порогъ, закрыть глаза и, не глядя на порогъ, говорить): „Нотъница (bis), нотъная! набяру я траўки мураўки, какъ иглоцка вострую; станецъ ена цябя колоць, станецъ ена цябя зецъ (= жечь)—отцого ты рабу Н. и знобишь и сушишь и покою не даешь ни у ноцуську, ни ў зорюшку. Заря-зарица, заря вутрення и з. вячерня! возьмица отъ р. Н. худобицу и дайце добродзицу, сонъ ўсю ноць и пиценье и ѣдзенье Зарѣ-зарюшкѣ краснѣць, р. Н. здорѣвѣць“³⁾).

¹⁾ Успенскій, „Родины, крестины“, с. 85.

²⁾ Ср. у Квитки-Освовьяненка: „Какъ то случилось, что Романъ Тихоновичъ три noci, да еще съ-ряду, худо почиваль... „Это не даромъ“, подумаль онъ, и отвеся къ матушкинымъ бабусямъ. Тѣ, потолковавши и погадавши, рѣшили: „Поѣзжай, паныченьку, въ городъ, закажи отыскать черную курицу, прикажи зарѣзать ее при себѣ, оципать, перья возьми съ собою, а курицу брось, чтобы никто не ѣлъ ее. Воротисься, мы тебя перьями подкуримъ, и будетъ почивать по прежнему“ („Герой очаковскихъ временъ“, Сочин., т. 3-й, с. 262).

³⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 337—8.

„Вѣжала крикса зъ надворья, стала крикса младзенцоу пугаць, а стояць ли младзенцоу два ардандела (= архангела): одзинь а-ль дзѣтокъ кацаець, а другой криксу отгоняець: ступай, крикса, ў цемное дупло, ў совиное гнѣздо, а сюда не идзи и робяць не будзи“ ¹⁾.

Несуть дитя „пидь верхъ“ (дымовая труба) и, встряхнувъ головою внизъ, говорятъ 3 раза, слезывая:

„Вы крыкльвици,
Вы плаксывци,
Пидить у верхъ!
А на мою дытыну

Пошлы, Господы, сонъ та дримоты“ ²⁾.

„Крыкльвыци и плаксывци! я васъ вызываю, я васъ и выкликаю зъ ёго очей, зъ ёго плечей, зъ ёго жовтыхъ костей, зъ ёго щирого сердца. Я тебе й вызываю, я й выкликаю, я й одсылаю на очерета и на болота, и на вельки лиса, и на дыку птыцю. Тамъ соби й оселься, остановыся; тамъ соби ячить, тамъ крычить, а Ты, Господы милостывый, и вси святи, станьте ему на помощи, щобъ воно не крычало, щобъ воно мовчало, щобъ ёму й спалося, щобъ ёму лыхо мыналося. Дай, Боже, ему здоровья“ ³⁾.

(Взявъ пустое сито или „манара“ (ножъ?), говорятъ):

„Ти, горска маква! Ти си грозна, умразна! Бегаі, не плаши дѣтето, че имам сито, че те пресеіем“ (в. „че имам манара, че те посѣчем“) ⁴⁾.

(Берется „мальчѣашна вода“, въ нее опускается 3 горящихъ угля. Одинъ изъ домашнихъ спрашиваетъ шептуху):

„Какво гасишъ? — Дѣатіе су има три плачіе: двоета угасеам, адін уставеам“ (отвѣчаетъ бабка, выноситъ воду и выливаетъ ее съ вышеприведенными словами по направленію избы, гдѣ свѣтится огонь) ⁵⁾.

¹⁾ Шейнъ, *Op. cit.*, с. 537.

²⁾ „Матеріалы Предварительн. Комитета XII Археологич. съѣзда“ (хуторъ Нижній-Соленый, Куляск. у., Харьк. губ.).

³⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“, III, с. 394.

⁴⁾ „Сборн. за нар. умовъ.“, XII, с. 144.

⁵⁾ *Op. cit.*, II, с. 171.

(Надъ той же „мальчешна вода“ произносится 3 раза заговоръ):

„На кучеату аѣ,
 На кошеа-ту мѣак;
 На кукѳшки креак;
 На лъудѣ вик;
 На гувѳоода реѣ;
 На деаѣтеа-су мир“.

(Послѣ заговора вода выливается по направленію того дома, гдѣ еще свѣтится, со словами):

„На ти, оганъу, плач,
 Пак нам да доіде мир“ ¹⁾.

„Ти горска маква! Ти си грозна, омразна, зжбеста; главата ти като на бик, очите ти като на бивол, да не доідеш да уплашиш ноштеска детето! Че ти дадем девет джрва, додека петлите пропеіжт да ниг преброиш вжровете, коренъете, клонквите и лискъето (—посочва дѣтето къмъ дърветата и говори—) едно джрво, две джрва, три джрва... девет джрва; като свършиш работа да доідеш, детето ис постилките да дигнеш. Че ти дадем просо ноштеска, да го преброши, до дека петлите пропеіжт, да после да доідеш детето ис постилки-те да дигнеш. (Кладутъ ребенка въ постель, сыплютъ около него просо; потомъ, взявъ въ руки цвѣтокъ «горска маква», повторяють заговоръ еще два раза) ²⁾.

„Лисе лисе, лебедыне! Посватаймось, побратаймось! Бо у мене сынъ (v. донька), а у тебе донька (v. сынъ); возьмы вить моего сына (v. донькы) плаксывыщи, пасылныщи, неспокойныщи! Дай моему сыну (v. д.) легеньке спаничко и спочиваничко, абы легко снавь, спочывавъ и здоровый вставъ“ ³⁾,

(Выносить ребенка 3 раза по заходѣ солнца и утромъ, до восхода къ курамъ на насѣстье, и поддерживая его подъ спящими курами, говорить 3 раза):

„Якъ пиду я въ лисъ,
 А въ лиси Зміивна,

¹⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, II, с. 171.

²⁾ Ib.

³⁾ Курзанко, „Volksmedizin...“, с. 75.

А въ неи сынъ Максимъ,
 А въ мене сынъ (в. дочка) N.
 Мы жъ покумаемось,
 Мы жъ посестрымось,
 Зміивно, Зміивно!
 Возьмы у мого сына (в. дочкы) N.
 Мышныци и раньни, и пиздни,
 И ничьни, и полуничьни,
 И зоряни, и вечерни“ ¹⁾.

(Вынести ребенка въ такое мѣсто, откуда виденъ дубовый и березовый лѣсъ и говорить):

„Дубе, дубе! ты чорный: у тебе, дубе, бѣлая береза, у тебе дубочки—сыночки, а у березочки дочки. Табѣ, дубъ и береза, шумѣтъ та густы, а рожден., хрещен. р. Б. N. спать да рости“ ²⁾.

(Взявъ ребенка, шентуха идетъ на «смитныкъ», обращается лицомъ къ лѣсу, говоритъ 3 раза нижеприводимый заговоръ и оставляетъ ребенка на «смітныку», пока не придетъ за нимъ мать):

„Добры-вечіръ тоби, лисе-недоборе, побратаймося! Я маю сына, а ты дочку, посватаймося: на мого сына дрымльвыци, сонльвыци и сплячкы, а на твою дочку сверльвыци, плакывыци и несплячкы, бо мій сынъ хрещеный, р., именованый, кныжный, молитвованый“ ³⁾.

(Выйдя вечеромъ на дворъ):

„Лисы, лисы, лебедыны! Я маю дочку (в. сына) и ты маешъ сына (в. дочку). На твого сына (в. д.) плаксывыци, дрымльвыци, сырльвыци и вся нечистота, а на мою дочку (в. сына) чыстота, красота и сонъ со всихъ сторонъ“ ⁴⁾.

„Господы поможы отъ нищныць шептаты, молитвы чытаты. Отче нашъ... Драстуй дубе, въ тебе сынъ Максимка, въ мене дочь N., ныспывка, возьмы собы нишныци, ныспывци, шо нысплятъ денно и ношно, я ихъ изсылаю на очерета и на

¹⁾ „Матер. Предв. Ком. XII Арх. Съѣзда“ (хуторъ Нижній-Солевый, Кул. у., Харьк. губ.).—Ср. почти буквально Ивановъ, „Шепт.“, с. 737—8.

²⁾ Ефименко, „Сборн. мѣр. закл.“, с. 3 (№ 7).

³⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 112.

⁴⁾ Ib.

болота, де куры не сивають и собаки не брещуть и дытчиный голосъ не заходе“¹⁾).

„Господу Богу помолюся и Прач. Матари поклонюся. Добрыдянь, ношничка! У тябе сынъ Максимъ, а у мяне дочка Катярина: будемъ съ тобой свататца, брататца. Отбяроть у р. Б. криксы и плаксы и дяння и нолудяння и ношныя, полуношныя и ўтѣшныя, потѣшныя и ўрошныя и приговорныя и заглядныя и подумныя“²⁾).

(Ввечеру баба стучитъ подь окномъ, а ей отвѣчаетъ кто-нибудь изъ находящихся въ избѣ):

„Добрыдень вамъ!“

— Хто теперь выдавъ, щобъ добрыдень казано?

— „Хто теперь выдавъ, щобъ дытына плакала?“

— „Добрыдень вамъ! Чы тутъ ночныци та плаксывыци?“

— Тутъ.

— „Нехай же идуть до дивчатъ та до хлопчатъ на вечерныци“³⁾).

„Вамъ (— обращаясь къ образамъ —) хороше стояты, нашей дытынонці крипко спаты! Дай, Боже, переспаты, здоровенькымъ статы, Божу волю маты, само себе забавляты!... Тыхо стиль стоять (— поворачиваясь къ столу —), тыхо хлибъ лежыть, подь столомъ земля спыть; тымъ сномъ поздоровляю, крыкъ и зыкъ отбываю... День добрый тоби, дубе (— обратившись къ порогу). На тоби, дубе, крыкльвець и плаксывець; ты крыкльвець соби, дубе, заберы, а сонъ крипкый прыделы. Тоби, дубе, крипко стояты, а нашей дытынонці крипко спаты!“⁴⁾).

(Пересылають болѣзнь сосѣду, увидѣвъ вечеромъ огонь въ окнѣ):

„Сынку, иды жъ соби до тойи хаты, зогриешъ соби ручки, нижкы и головку и лышышь тамъ плаксывыци, сбирлывы-

¹⁾ „Харьк. Сборникъ“, VIII, с. 36.

²⁾ Романовъ, „Бѣлорус. сборн.“, V, с. 32 (ср. ib., № 115).

³⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 173.

⁴⁾ Шарко, „Изъ обл. суев. мѣр.“, с. 173.

ци, а звидти возьмешъ красоту, чистоту, сонъ зо всихъ сторонъ и будешъ спаты“¹⁾).

„Дубе, дубе зеленый!
Я тебе ззімъ
Зъ гиллямъ и кориннямъ.
Дубино зелена,
Посватаймося и побратаймося,
На тебе плаксывци,
Ныдримлывци, нысонлывци,
А дай мойй дытыни сонъ
Зо всихъ сторонъ.
И спання до билого дня,
До смыркання,
Видъ смыркання до сіяння,
Видъ сіяння до Божого взихання.
Вы, плаксывци,
Вы, нысонлывци,
Вы, недрымлывци,
Выситъ, хочъ лежыть,
А на истри, на очерета йдить.
Тамъ вамъ буваты,
Тамъ вамъ гуляты,
Жовтымы пискамы пырысыматы
И водою пырышлываты,
Очеретамы крутыты
И болотамы мутыты.
Ма цѣму сыну то ныпырыхидъ,
А чужымъ дитямъ та ныпырыглядъ.
Стырыжы, Боже, цюю дытыну
Въ злую годуу.
Сыло тухны, а поле грай.
А ты, дытя, спы и дримай
Видъ свитання до смыркання,
Видъ смыркання до сіяння
До Божого взихання“²⁾).

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 112.

²⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 172—3.

„Ишла я киснымы вульцямы,
 Та зострила два чоловики,
 Далы мыни (воны) хлиба-солы,
 А я йимъ — стыскы-стыскы,—
 Витрянїи, водяніи, супротивніи,
 Подумани, погадани,
 Наслани, наказани, прымовлени.
 Тутъ вамъ не стояты,
 Жовтой кости не ламаты,
 Червоной крови не пыты
 И зъ билого тила, и зъ щырого серця,
 И зъ жовтой косты.

Идите соби на лугы на долы,
 На очерета, на болота,
 До сынёго моря гуляты,
 А моему нарожденному,
 Мол., х-му
 Дайте спаты.

Пока я не знала,
 Поты я не шытала,
 Поты я Господа Бога не прохала,
 А якъ стала я знаты,
 Стала я Бога прохаты,
 Пречисту Матиръ зываты“¹⁾.

„Стоиць Прачиста Мацеръ Божїя на покуци, а идоль на порози, а слуга (= ангель-хранитель) на сторожи. Прачистуй Мацеры Божэй—молитвы, а идолу—крыксы и плаксы и ночницы, а дзицяци на прысыпанья, штобъ спало, прыдало и цѣлу прыбувало“²⁾.

„Господы мылостывый! Поможы мени си плаксывыци одходьты и денни, и вечерни, и полунишни, и свитови; и не я ихъ вызываю и не я выклькаю. Зори-зоряныци, васъ на неби тры сестрыци. И одбирайте си крыкльвици и денни и вечерни и наслани, и витряни, и прозирни. Матиръ Божа въ помо-

¹⁾ Иващенко, „Шептаня“, с. 172.

²⁾ Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 536.

чи стояла, си крыкльвыици одбирала и дивчатамъ на вечерныци одсылала. И зори-зоряньци, на неби тры сестрыци! и насылайте мени сонльвыици и дремльвыици 'дъ рожденной, хрещ., 'дъ мол. Н.“¹⁾

(Вынося ребенка 3 зари на улицу и обращаясь утромъ на востокъ, вечеромъ на западъ):

„Заря-заряница,
Красная дѣвица,
Возьми отъ младенца
Н. крикъ,
А дай ему некрикъ“ (3 р.)²⁾.

„Вячерная зарица, Божія помошница, поможи етому дзици криксы замувляци. Отсѣкаю криксы и плаксы дзянныя и полудзянныя, ношныя в полуношныя, часовыя, минутныя, помѣшныя, пострѣшныя, подуманныя, погаданныя, зѣ естаго дзицици, зѣ буйныя головы“. (Подъ насѣстомъ 3 прутами ударить ребенка по 3 раза и сказать заговоръ 9 разъ)³⁾.

„Стань, Господь Богъ, на помочь! Добрывечаръ, зара-зарица! У мяне хлопчикъ, у тябе дявица. Возьмитя отъ мойго хлопчика ношницы своей пракрасной дявицы. Курки-сокотерки⁴⁾, вамъ усю ночь сокотать, а р. Б. усю ночь спать. Вы, собачки-брахуны, возьмите отъ р. Б. крикуны. Дай Богъ на помочь“. (Говорится подъ насѣстью)⁵⁾.

„Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолимся Пресвятой Бугуродицы поклонимся. Стань Ты, Господи, на помочь. — Выговариваю криксы-плаксы дянныя, полудянныя, урошныя, приговорныя, вѣтраныя, водяныя, придумныя, пригадныя, жанокцкія, дявоцкія, рабяцкія, хлопцяцкія. Куры крычатъ (bis), а табѣ р. Б. велять спать, мувчатъ“⁶⁾.

(Вынести вечеромъ дитя въ курникъ и говорить):

1) Милорадовичъ, „Нар. медиц.“, III, с. 394.

2) Успенскій, „Родны...“, с. 85.

3) Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 151.

4) Переходъ отъ зари къ курамъ, можетъ быть, метонимически: пѣтухъ зоветь зарю.

5) Романовъ, Op. cit., с. 32—3.

6) Ib., с. 34.

„Добрыдень вамъ, куры-курыци! Натѣ, вамъ плаксывыщи“ ¹⁾.

„Куры, куры рябенъки! въ васъ головы маленьки, а у рожд. и хрещ. р. Б. Н. велика голова. Скрыкните вы сонъ изъ усѣхъ сторонъ на рожд., хрещ. р. Б. Н.“ ²⁾.

(Вынося ребенка въ подолѣ подь куриную нашестъ 3 раза по зорямъ):

„Куры бѣлыя,
Куры сѣрыя (и т. д., кромѣ черныхъ),
Возьмите отъ младенца Н. крикъ,
А дайте ему угомонъ“ ³⁾.

(Несутъ ребенка „подь куры“, послѣ заговора 3 раза сплевываютъ):

„Добрый вечеръ, дѣбрычки-чорненъки, биленьки и рябенъки курочки. Возьмитъ у насъ крыкльвыщи, а намъ дайте сонльвыщи. Куры чорни, к. били, к. ряби! мы до васъ прыйшли на вечорныци; возьмитъ изъ нашего нарожден., мол., хрещ. Н. плаксывыщи, крыкльвыщи, наслани, подумани, погадани, витромъ повіяни, а намъ пошлите сонъ со всехъ чотырѣхъ сторонъ“ ⁴⁾.

„Добры-вечиръ вамъ, куры! — Здорово. — Чы вы спыте? — Спымо. — Чорни, ряби, попыльнасти, били, возьмитъ у насъ крыкльвыци и плаксывыци, а намъ дайте сонльвыцивъ, дремльвыцивъ, новорожд., хрещен., молитвыяному Н.“ ⁵⁾.

„Чорни куры, били куры, возулясти куры и семенасты и сидласты, возьмите крыкльвыци, плаксывыци и подумани и погадани и помыслени, наслани и переслани, и сонцеви и дощевы, витряни; тутъ тоби не стояты, щирого серця не тошныты, жовтой косты не ломыты, пиды соби де гилля негилля, де гусы не ходять, де людскый гласъ не заходе. Куры, курыци, возьмитъ одѣ хрещ., мол. Н. ношныци“ ⁶⁾.

„Куры мои, цокотухы, возьмитъ вы крыкльвыщи, плаксы-

¹⁾ Иващенко, „Шептаня“, с. 173.—Ср. Чуб., V, с. 38.

²⁾ Ефименко, „Сборн. мл. закл.“, с. 3.—Ср. Номисъ, с. 161.

³⁾ Успенскій, „Родины“, с. 85.

⁴⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 9.

⁵⁾ Ив., с. 17.

⁶⁾ Ив., с. 36.

выщи, а дайте нарожд., мол., р. Б. Н. сонлывыщи и дрымлывыщи“¹⁾).

„Добры-вечірѣ тоби, Матвію півню. — Здоровѣ (отзываясь самъ себѣ). — Прыйшла я до тебе зъ крыкльвыцями и безсонныцями. — Куры-курыщи! нате вамъ крыкльвыщи: вечирни, полувечирни, полуночныи, свитови и ранови; а мой дытыни дайте сонлывыщи, дрымлывыщи“²⁾).

„Куры, курыщи! Прыйшли мы до васъ на вечерныци; нате вамъ ночныци и крыкльвыци и плаксывыци и ночни, и деньни, и подумани и погадани, и наслани и наснани, и зъидени, — зузульнасти, пепельнасти, и чорни, и били, и ряби! — на ваши, куры, очыци нате вамъ ночныци“³⁾).

„Крыкльвыци-плаксывыци! пидить на вечерныци, де огни горять, де бесиды творять, тамъ и гуляйте, а одѣ нар., мол., хрещ. младенця Н. геть одійдить.—(Прійдя къ курамъ).— Курочки (bis)! симинастенъки, попилястенъки, рябесенъки и билесенъки, и жовтесенъки, возьмите мышныци и крыкльвыци, и плаксывыци одѣ нар., хрещ. младенця Н... Яка его породыла, то та ёго й отходыла одѣ крыкльвыцивъ и одѣ плаксывыцивъ и одѣ мышныцѣ“⁴⁾).

„Устрѣшныя криксы, пупярешныя к., падумныя к., батькины к., маткины, маладиковы, витаховы, вячерніи, ранньіи, дяньи, нашныи, палуношныи, рябиччи, дявоччи к.! Рябыи куры, бѣлыи куры, крапаястенъки куры, чорныи куры, жолтыи к., хахлатыи куры! — Царь Давидъ, сакратилъ свѣтъ, — сакрати и криксы!“⁵⁾).

(Взявъ голень, идуть на „крусадню“ и приговариваютъ, слегка ударяя ребенка)

„Криксы, вярексы отхаживаго младенцу Н. — Курки бѣлыя и сѣрыя, курки рябыя, к. жоўтыя, кричитя вы на крусадни, а младенцу Н. дайтя сонъ на ўсе время!“⁶⁾).

¹⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 17.

²⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 141.

³⁾ Ивановъ, „Щептаня“, с. 738.

⁴⁾ Пь.

⁵⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сборн.“, с. 1178.

⁶⁾ Пь., 179.

Предполагая, что ребенокъ плачетъ отъ испуга, что „му іе сарцѣту измеастеану отъ страха“, говорятъ):

„Слоанце на боарце,
Соарце на меасту“ ¹⁾.
„Соаньу, мѣдеан соаньу,
Засани гу соаньу,
Зáмами гу соаньу,
Кайнѹ рильцеа фæф гнѣахцса,
Кайну оѣцеа ф кушеарса,
К. сагнеа пуд ма́ика,
К. деа́теа на б́иска,
К. мо́ми ут хору“ ²⁾.

(Въ банѣ трутъ ноги ребенка о потолокъ, говоря):

„Какъ эта матица съ потолочками спитъ и молчитъ и никогда не кричитъ, такъ и самой ребеночекъ спалъ бы и молчалъ, никогда не кричалъ, не ревлѣ“ ³⁾.

„Богородице, Дѣво, радуйся (3 р). Съ усердіемъ прошу Тебе, Пресв. Диво, стань на помочи ежечасно, минутно цему младенцеви N., изжени ціи злыи помыслы — крикливици, плаксивци, ночници, полуночници, денници, полуденници и несплячки, помыслени, погадани, витрянѣи и наслани, — я васъ изсылаю на очерета, на болота, щобъ вы въ цимъ младенци не стоялы, головы его не ламалы, семьдесяты семи суставивъ не ламалы и червоной крови не пывалы. Вышинтую и выговорюю Божою помощію и Пресв. Богородыцею со всимы свв. во вики аминь!“ ⁴⁾.

Лиша ѡ (Zitteroch, Flechte, Schwinde, Ziedera, прѣшове):

(Водя свѣжей терновой вѣткой по разогрѣтому топору):

„Лышаю, лышаю, я тебе зъ свынѣмы змишаю! Свыня тоби ны маты, ны дасть тоби цыцькы сосаты. Часъ тоби, лы-

¹⁾ „Сборникъ за народни умоть.“, II, с. 171.

²⁾ Ор. cit., IV, с. 104.

³⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, кн. 2-я (№ 9), с. 199.

⁴⁾ Щербина, „Наговоры“, с. 588.

шаю, засыхаты, часъ тоби, лышаю, пронадаты“ (Плюнуть на полъ 3 раза) ¹⁾.

(Вытирая лишай потомъ со стекла):

Lišeji, lišeji divokej! nedelej se širokej!
Židi v pátek maso jedi,
at te, lišeji, take snědi“ ²⁾.

„Иду я ў гумно и бяру полову и свиньямъ мяшаю, а ты, лишай, рабу Б. не мяшай, и выходи зъ яго и съ косьтей, изъ мажджей, изъ ясныхъ вочей, изъ горячай криви и съ усяго тѣляси, и съ чистаго тѣла, и коренья ня пускай. И здымала тябе Матиръ Божа духомъ своимъ и ссылала тебе на мха и на болота и на дикія люди, — тамъ яны гуляють и столы застилають и усихъ лишаевъ дожидаять: и красныхъ и бѣлыхъ и дупляныхъ и колянныхъ и подивныхъ и простудныхъ и посмѣшныхъ и вѣтраныхъ и водяныхъ и знающихъ и ня знающихъ. И цуръ тябе храцонаго, нарожонаго!“ ³⁾.

„Лышай ты и вовчий, ты и сухой, ты гнояный, витряный, ты й подуманый! Тутъ тоби не стоять, билого тила не ламать, жовтой кости не крутыть, по тилу не расходиться. Геть соби зійды, геть соби счыстыся зъ билого тила, зъ жывой кости“ ⁴⁾.

(Послюнивъ палець, набрать имъ щеплу и, прикасаясь къ больному мѣсту, говорить вечеромъ): „Добрж вечжр, лишопжршо. Какту си добжр, тжі дж їдиш дету имж чѣтир систрі, у наї малкжтж“. (Утромъ): „Дубрутру ти, лишопжршо. Какту си добжр, тжі дж їдиш дету иму чѣтир систри, у наї малкжтж“ ⁵⁾.

„Лышай, лышай! г...ъ змишай. Якъ кинь лоша прыведе, тоди лышай нападе“ ⁶⁾.

(Переходя мѣсто, гдѣ конь качался):

„Якъ кинь лоша прыведе, тоди мене лышай нападе; а якъ кинь лошади не прыведе, мене лышай не нападе“ ⁷⁾.

¹⁾ Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 52.

²⁾ Егвен, „Česka zařikadla“, с. 54.

³⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 95 (№ 229).

⁴⁾ Милорадовичъ, „Нар. медиц.“ (июль—авг.), с. 64.

⁵⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, VIII, с. 159.

⁶⁾ Милорадовичъ, Op. cit., с. 64.

⁷⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 140.

(Въ четвергъ, натирая пелломъ, говорить):

„Шара бѣра гуштеричка,

„Утре петжк загуичка“ ¹⁾.

„Die Zeter und die Weide giengen beid' im Streite, die Weide die gewann, die Zeter die verschwand“ ²⁾.

„De Hechel un de Flechel

De gingen all beid oewer Stechel.

De Hechel de gewunn,

Un de Flechel verschwunn.

Im Namen...“ ³⁾.

„Flechte, du sollst dich mit der Asche verbinden,
Flechte, du sollst über das Rote Meer verschwinden,
Flechte, du sollst mit der Asche kommen Wieder“ ⁴⁾.

„Ich streiche deine Flechte,

Das thu ich dir zum Rechte.

Drum muss ich streichen.

Sie soll weichen.

Jesus Christus, Gottes Sohn.

Wird dir davon helfen schon“ ⁵⁾.

(Погладивъ лищай 3 р. ивовымъ прутомъ):

„Die Zeter und die Weide

Die wollen beide streiten,

die Weide die gewann,

die Zeter, die verschwand.

Im Namen...“ ⁶⁾.

„Die Flechte und die Weide

Gingen beid' im Streite,

die Weide, die verging,

der Flechte, die verschwindt“ ⁸⁾.

„Der Mond und die Flecht,

die liegen beid im Recht,

die Flechte und der Mond,

¹⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, IV, с. 106.

²⁾ G o e d e k e, „Deutsche Dichtung“, с. 243.

³⁾ M ü l l e n h o f f, „Sagen, Märchen“, с. 513.

⁴⁾ P r a h n, „Glaube u. Brauch“, с. 194.

⁵⁾ Ib., с. 194—5.

⁶⁾ K u h u u. S c h w a r t z, „Norddeutsche Sagen“, с. 441.

⁷⁾ Ib.

fangen beide an zu gehn,
der Mond, der gewann, ,
die Flechte, die Ferschwand“ ¹⁾).

(Рано утромъ, молча, отломивъ вѣтку ивы и обводя ею
вокругъ лишая, говорить):

„Die Wichel un de Flecht,
De geh beid gerecht,
De Wéchel de gewinnt,
De Flecht de verswinnt.
Im Namen...“ ²⁾).

(Посыпая лишаи бѣлымъ пепломъ перегорѣвшаго дерева):

„De Flog-Asch und de Flecht,
Dei flögen tausam Weg.
De Flog-Asch, dei kem wedder,
De Flecht dei blew weg“ ³⁾).

(На ущербѣ мѣсяца, у текучей воды, глядя лѣвой рукой
лишай):

„De Man un de Flechten
Gan oewer dat Water,
De Man' kommt wedder,
De Flechten nich“ ⁴⁾).

(Въ сухую погоду, въ послѣдней четверти луны [— лѣ-
чебное время, — ср. Grimm, „Myth.“, 595—6, Kuhn,
„Westf. Sag.“, II, 192], сдавливаютъ лишаи крестообразно
большимъ и указательнымъ пальцемъ, троекратно дуютъ на
сдавленное мѣсто [тоже лѣчебный приемъ, — см. Grimm,
„Myth.“, Nachtr. zu 973, A. Birlinger, „Aus Schwaben“,
I, 441, Zs. f. deut. Myth., IV, 118—9, 416, 973], затѣмъ про-
износятъ заговоръ):

„Unser Herr Gott seine heilige fünf Wunden,
Haben nicht geeitert und nicht geschwiert.
Es helfe Gott Vater, Gott Sohn u. Gott Heilige Geist“ ⁵⁾).

¹⁾ Kuhn u. Schwartz, „Norddeutsche Sagen“, с. 441.

²⁾ Bartsch, „Sagen, Märchen“, II, с. 398. (На с. 398—9 помѣщено еще 6
оч. близкихъ вариантовъ).

³⁾ Bartsch, Op cit., с. 400.

⁴⁾ Ib., 401.

⁵⁾ Amman, „Volkssegen“, с. 202.

(Смочивъ пальцы правой руки потомъ съ окна, обводятъ ими лишай кругомъ, говоря):

„Wieder Ziedra! (3 p.) — Mach dich nicht breit, Die Juden essen am Freitag Fleisch. (— Ср. Schönwerth, III, 267, 26; Birlinger, „Aus Schwaben“, I, 446), Und wenn sie keins haben,— so essen sie dich zusammen“¹⁾. (При этомъ крестятъ лишай 8 разъ, со словами: „Im Namen...“⁴⁾).

„Dass walte Gott: ich thu dir dein Schwäune; schwaunige Fuess, schwäunet so lützel als Gott des Vatters 'seine Füess; schwäunige F., so I. als G. d. Sohns s. F.; schwäunige F. so I. als G. d. heiligen Geistes s. F. — Schwäune aus dem Mark, ...Beine, ...Nerven ...Flaksen... Fleisch... Blut... allen Gädern... der Haut... dem Haar. Und der Luft u s. w. Im Namen...“⁴⁾).

Отъ металля [=родъ трахомы] (Когда то око то се зачервява и се явява въ зеницата бѣло зрънце). (Баячката исправя на срѣща си болния, туря палеца отъ дѣсната си ржка на горния клепачъ на болното око, а палеца отъ лѣвата — на долния слѣдъ това почва да движи клепаштѣ и духва въ око то болния подиръ и сквазванието на слѣднето):

„Од дол иде самодѣва,
Растраси си дѣсно крило,
Десно крило, сѣнъо крило,
Та напращи дѣсно око,
Дѣсно око, нѣино око;
Самá го напращила,
Самá му лек дала“³⁾.

Младенческа (= родимецъ). (Родимецъ бываетъ у каждаго ребенка; ихъ 12 — по частямъ тѣла: родимецъ пуповой, внутренней, суставной, жильный, костяной, волосяной, ножной, ручной, глазной, ревунъ, говорунъ. Поятъ и обмываютъ

¹⁾ Ашман, I, с.

²⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 450.

³⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, VI, с. 99.

больного наговорной водой и произносятъ нижеприводимый заговоръ):

„Грызу я загрызаю, уйму я унимаю на р. Б. № 12 родимцевъ (перечисляются вышеприведенныя имена ихъ). — Какъ мертвый отъ могилы неворочается, такъ бы и на р. Б. Н. эти 12 родимцевъ никогда бы не ворочались, вѣкъ по вѣки, отнынѣ и до вѣки“ ¹⁾.

(Умываться св. водою, куда положены нашатырь и ладанъ росный, смиренный и херувимскій, читая молитвы и заговоръ):

„Господи помози—пособи, пресв. Троица, Мати Богородица, своимы словами, своимы устами и своимъ Св. духомъ.— Кто на тебе подумавъ, х. на т. погадавъ, х. на т. щелепы рознимавъ, х. на т. языки обертавъ. — Ты, вода вечерняя, смутылася ты зъ вечера до пивночи и до билого свита, надъ тобою хрестъ умочалы, надъ тобою евангеліе читалы, бисы—дѣволы заклады, изъ хрестьянской виры высылалы. И ты, лукавый, чы ты водяной, чы ты витровый, чы ты выхровый, чы ты подуманный, ... погаданный, ... насланный, ... наспанный, ... найденный, ... напытый, ... мисцевый, ... прытчовый, ... прызирный, ... въ часу, ... получасу, чы въ дни, чы въ полудни, чы въ пивночи,—поты ты стоявъ, поты ты буявъ, покы я не знала; стала тебе знаты, с. т. съ кости высылаты. — Пиды соби, де собаки не брешутъ, де куры не поютъ, де хрестьянскый голось не заходе. — Не я тоби помагаю, — помагае самъ Господь Хрыстось, а Маты Божа прыходыла, здоровья прыносыла, одъ усякою болисти, одъ усякою скорботы: нарожд., намолытвяному Н. пособи, поможы“ ²⁾.

Морз (морвое повѣтріе).

„Становляю морз огненный, водяной и желѣзный отъ землѣ ажъ до небесъ, отъ вѣдій, отъ вѣтрениць, отъ насланцовъ, отъ всего морового повѣтря, отъ вѣдій живыхъ, отъ в. умерлыхъ, отъ в. вышнихъ и нижнихъ и отъ тыхъ, што суть

¹⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, 2, с. 199.

²⁾ Безбородко, „Памятники“, III, с. 767—8.

въ роду, отъ в. хотарникъ и задевятохотарникъ, отъ лукавцовъ, отъ насланицъ отсылаю вѣди и видята, виирѣ и виирята и всякій дюгъ и дюговицу, содомское и гоморское повѣтря, моровое и сходное и западное и сѣверное и полуденное, отсылаю отъ всего: и отъ себе, и отъ своего дому, и отъ обходу, и отъ своихъ домочадцѣй, и отъ св. жены, и о. с. дѣтей, и о. с. има- ня, и о. всего скота своего, о. волювъ, о. коній, о. коровъ, о. овецъ и свиній, о. гусій и курій, и отъ пчель, отъ всего при- тяженія. Отсылаю Духомъ свв. и Пр. Маріи моцію и вс. свв. неб. силами моцію. Тамъ васъ отсылаю, где черный вюръ не- дорогочей, где черный куръ недопоетъ, где ч. песь недобре- шеть, где ч. буюкъ недоборичеть. Запекую васъ и заповѣдую вамъ всѣмъ остудамъ и волхованымъ словомъ, набаяванымъ или принесеннымъ, или поднятымъ или разсѣяннымъ, или за- копанымъ въ моихъ переходехъ, во моихъ стежкахъ, или въ дому или въ вратѣхъ или въ углѣхъ; или спитыхъ или заѣден- ныхъ или переступленныхъ или самопришлыхъ и заповѣдаю вамъ, абы тако сталося, яко Духъ Б. каменю заповѣдѣль и за- кляль его, и пересталь расти, и неростеть отъ того часу отъ его св. милости росказаня, закляль его словомъ своимъ свв. Также и я днесъ заповѣдаю именемъ Б. отъ всего морового повѣтря огорожаю домъ свой отъ сего року до седмого року и докля ихъ есть на роду.—Въ и. О. и С. и св. Д.“¹⁾

Баяние за мламوسی.

„Дж излѣзжт мламуси ут глжвж, ут кржкѣ, ут ржцѣ, ут гжрдї, ут сжрцѣ, ут жїли... и дж сж сжбѣржт ф туї гжрнѣ“²⁾.

Na nádchu.

(Дохнувъ 3 р. на больное мѣсто):

„Rozejděte se všecky zlé | podiviny, ostudiny, | nákažli- ny, uhraněliny | jako se rozchází můj duch, | ty a ty N. | po tvem životě!“³⁾

¹⁾ Петрушевичъ, „Угро-русск. заг.“, с. 126.

²⁾ „Сб. за нар. умовъ.“, VIII, с. 158.

³⁾ Erben, „Česká zafikadla“, с. 56.

Отъ нароста.

(Положивъ на него палець и отвернувшись):

„Was ich seh, was wäehst | Was ich seh, das vergeht. |
Im Namen“ ¹⁾).

Отъ нароста подъ языкомъ (Schwamm = ranula)
у дѣтей:

„Der rothe und weisse Blätterhund | Liegt hier auf die-
sem weissen Bl-d | Den mill ich besprechen, | Der soll gleich
zerbrechen“ ²⁾).

Na nataženou žílu.

(Приложивъ кусокъ сукна намоченнаго въ чел. мочу):

„Maso k masu, | kost k kosti, | krev k krvi, | voda k vo-
dē, | svatý (3 р.) | Jachym, Josef, Anna“ ³⁾).

Нежить (нежилъ, насморкъ, согуза; см. выше подъ
этимъ названіемъ понимается другая болѣзнь — „грудныця“ =
воспаленіе грудного соска), — по опредѣленію Порфирьева, —
страшная боль въ головѣ, ушахъ и глазахъ):

„Во има Оца и Сѣна и Стго Дха. Икоже (у) Адама перво-
зданнаго не болитъ ни глава, ни ѡчи, ни зубы, ни оуши и ни-
киже оудъ тѣла его, ико да растаетса нежить, ико пѣна морь-
скаа, ико дымъ ѡ вѣтра и воскъ ѡ огна, роса ѡ солнца, тако
растаетъ нежить ѡ раба Бѣа іѣркѣ, да бѣжить въ пусты горы
и въ лѣсы, во еленю главѣ. Тамо та посылаетъ Гѣ Бѣ І. Хѣ Оцъ
всеи твари емѣ же слава со оцемъ и стымъ“ ⁴⁾).

Обжогъ (или обваръ).

(Поглаживая больное мѣсто):

„Wie hoch ist der Häben,
Wie roth ist der Krebs,
Wie kalt ist die Todtenhand,

¹⁾ Müllenhoff, „Sagen aus Lauenburg“, с. 515.

²⁾ Bartsch, „Segen... Meklenb.“, II, с. 414.

³⁾ Ервев, Op. cit., с. 57.

⁴⁾ Порфирьевъ, „Алокр. мол. по рук. солов. б.“, с. 11.

Damit stille, stille ich den Brand.

Im Namen...“¹⁾).

„Во имя Отца... Идетъ красная дѣвка съ мокрымъ вѣнкомъ, тушить-гасить огненную рѣку, огненные искры, огненное пламя“²⁾).

Во имя Отца... Свѣтъ до зори, а зоря до свѣту, а ожогъ (в. обваръ) до словъ. Во вѣки вѣковъ. Аминь“³⁾).

Отъ нѣмоты (Mundfäule):

„Job zog über Land, er hatt' den Stab in seiner Hand; da begegnete ihm Gott der Herr und sprach zu ihm: „Job, warum trauerst du so sehr?“— Er sprach: „Ach Gott, warum soll nicht trauern, mein Schlund, und mein Mund viel ich abfaulen“. Da sprach Gott zu Job: „Dort in jenem Thal, da fiesse ein Brunn, da heilet dir N. dein's Schlund und dein'n Mund“⁴⁾).

Огники (вогныкъ, Haarwurm, сухъ гребень, пѣпчици, пейнерджикъ, руса) = водянистая сыпь, волдыри, молочный струль, — преимущественно на подбородкѣ.

„Огнику, огнику! Я тебе вышинтую, я тебе й зшинтую, я тебе вызываю, я тебе выкликаю. Иды соби на очерета, на болота и на вельке купья, — тамъ соби оселылся, тамъ соби остановыся, тамъ соби розитльвайся, тамъ соби розкыдайся, а Маты Божа своими словами и своими молитвами посылае на здоровья“⁵⁾).

(Говорить, обводя „кружка вогника первымъ угарочкомъ зъ лучины“):

„Огнищи, огнищи! возьми свое вогнища. Якъ егому огню згорѣть и потухнуць, ничего ня быць, такъ и етаи боли у р. Б. Н. кабъ ня було,—обсохнуць и обсыпатца“⁶⁾).

„Агонь, агонь, гарючий, балючий, табѣ макрата, а мнѣ сухата.—Па етый часъ, па ету минуту“⁷⁾).

¹⁾ Kuhn u. Schwartz, „Nordd. Sagen“, с. 442.

²⁾ „Труды Моск. этн. общ.“, V, 2, с. 215 (№ 81).

³⁾ Иб. (№ 79).

⁴⁾ Peter, „Volksthüm. aus Schlesien“, II, с. 229.

⁵⁾ Милорадовичъ, „Нар. мед.“, (июль—авг.), с. 61.

⁶⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 95 (№ 227).

⁷⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 198.

(Говорить натошакъ, придавливая больное мѣсто ножомъ, которыми предварительно „торкать навхрестъ челюсти“):

„Ишла баба черною дорогою. Сама баба чорна, чорна плахта, ч, запаска. Та не рубы ни дуба, ни явора, ни березы, а тилькы рубы огныкъ“ ¹⁾.

(Говорить 3 раза, затапывая огныкъ сажей изъ „челюстей“, взятой „тымъ вихтыкомъ, що мыють горшки“):

„Ихала баба лисомъ, чорна запаска, чорна сорочка, — чорный лисъ рубаты, вугилля палыты, вогныкъ затоптуваты“ ²⁾.

„Es ging ein Mann zacker
Auf einen rothen Acker,
Da zog er drei Fürch,
Da fieng er drei Würm;
Der erst, der war der Neidwurm,
Der zweit, der warder Giftwurm,
Der dritt, der war der Haarwurm,
Da gieng es dem Kindlein gut,
Und da war es gut“ ³⁾.

(Въ заключеніе читаются молитвы, безъ чего — заговоръ недѣйствителенъ).

„Gott der Herr gieng zacker,
In einen guten Acker.
Er that drei Fürch,
Er fieng drei Würm:
Der erste ist der Streitwurm,
Der andere der Geitwurm,
Der dritte der Haarwurm.
Streitwurm, Geitwurm und Haarwürm
Fahren aus diesem Fleischwurm!
Im Namen Gottes...“ ⁴⁾.

(Стребая гребенкой сверху внизъ):

„Отгребох сух гребен от куче от ма́чка, от вѣлк, от ле-
сица, от вралчѣ, от жаба, от враны, от сврана, от човек, от
жены, от кравы, от кокошка, от вол“ ⁵⁾.

¹⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 111.

²⁾ Комаровъ, Op. cit., с. 111.

³⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, II, с. 520,

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ „Сборникъ за нар. умотво.“, VIII, с. 153.

„Запали сж костен градж. — Сжс кжкво да гу угасим. — Сжс зиленж трава и студена вжда... Кугату вии цж внити в кугитутж, тугас да излъажт гагалки на N. ну устата“ ¹⁾.

(Обводя огникъ житнымъ колосомъ):

„Ти, русо, си много грозна.
 Да ксаанеш кату тоа клас
 Да извенеш кату тва лаино,
 Да се сковеш кату таа пара!
 Света Макъе Богородичко!
 Свети Петре,
 Свети Иліе,
 Свети Иване,
 Свети Никола,
 Приидите, приидите!
 Да кажете на таа руса,
 Да беге от N.“ ²⁾. (Говорить на 3 утреннихъ зоряхъ).

Отъ опухолу (Geschwulst):

„Es gingen drei reine Jungfrauen | Sie wollten ein' Geschwulst und Krankheit beschäuen. | Die eine sprach: „Es ist heisch“; | Die andere sprach: „Es ist nicht“ | D. d. s.: „Ist es dann nicht, | So kommt unser Herr Jesu Christ“ ³⁾.

Отъ простудной опухолу (Winterbeulen).

„Bein, | Du sollst so wenig geschwellen und geschwären, | Als wie der Stein. Im Namen“ ⁴⁾.

„Hautfasser, Fleisch und Bein, | Du sollst so wenig schwellen, | Als der Stein. Im Namen...“ ⁵⁾. (Обводя рану голышемъ).

Отъ жара и опухолу:

„Unser Himmellischer Vatter Stath Vnder Seinem hümethor, da Sahe er in disser welt, Ein feyr auff disser welt

¹⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, VII, с. 144.

²⁾ Petir, Op. cit., с. 231—2:

³⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, с. 521.

⁴⁾ Ib., XII, с. 145—6.

⁵⁾ Ib.

brönnen, Da huob er auff Sein haüllige handt, Vnd Segnet den Brandt + brandt du Solt nit weüter brinen, weiter die haüllige Sonen Amhimell Stath, Im N... Gattüsts, Amen“ ¹⁾.

„Well gott dass du der Schadten So wenig Schadt, Alss Christus Schadt, da die Kriegsknecht haben in ge Stochen und geschlagen, dass ess nit ge Schwoll Und nit ge Schwar Und iaar, biss Maria die liebe Muoter gottes, Ein Anderen Sohn gebahr, Im Namen... gattüsts + Amen“ ²⁾.

Отъ оспенныхъ прыщей въ глазу (g. Blättern im Auge):

„Unsers Herrngotts sein Athem | Vertreibt dir dein Blattern; | Unsers H-s sein Blut | Ist für die Augen gut“ (3 р. сказать, дунуть и перекрестить больные глаза) ³⁾.

Наговоръ отъ остуды:

„Добрый вечіръ тобі Уляно, святая, орданск., ангельск. и архангельская! Ты прибуваешъ изъ горъ и долынъ, лугивъ и берегивъ, щобъ такъ и до мене рабы Божои N. прибували добрыи люди и дивчата (или женихи); ты очищаешъ и обливаешъ долины, луга, берега, каминья и креминья,—очысть же и обмый одъ мене N. р. б. остуду, студище, клевету, клеветыще, поговоръ, поговорище и прозоръ-прозорыще—чоловичи, жиночы, хлопьячы, дивочи, подумани, погадани, попивски, дякивски, діяконски и одъ всякоя скверноты — колдунника, колдунницы, снатныка, снатныцы и еретыка и еретыцы“ ⁴⁾.

Од отока:

(Окруживъ больное мѣсто „мртвачки чешаль, грумен соли и зрно тамнана“, говорить утромъ):

„Добро вече! колико било вече, толико те било до вече!“ (Говорить вечеромъ): „Добро јутро! колико било јутро, толико те било у јутру“ ⁵⁾.

¹⁾ Birlinger, „Volksthüml.“, с. 206.

²⁾ Ib.

³⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, с. 515.

⁴⁾ Шефбина, „Наговоры“, с. 586.

⁵⁾ Милићевих, „Живот срба сельака“, с. 153.

„Раствори се небо, да видиш свакојакe бољке, да однесеш свакојакe бољке у Лелејску гору, где овца не блеји, где вб не буче, где мајка детету колач не меси. Без мајке си се родило, без оца си се задело, ту ми места немало! Да си чисто, као чисто сребро; да си благо, као благо млеко; да си лако, као лако перо — љ!“¹⁾.

Гуке око врата.

(Укува се доста беле репе, па онако врућом облаже се врат и баје се овако):

„Пошло 9 браће, 9 Југовића: сви су 9 изгинули и само је остало од 9—8; од 8—7... а од 1 ни један“²⁾.

(Ако ли отеку жлезде око грла, треба изаћи увече пред кућу, и све прсте од обе руке саставита тако, да један у друга боде, на кроза све редом пљувати, говорећи):

„Вечерас и звезде и жлезде, а сутра ни звезда, ни жлезда — љ!“ (3 р.)³⁾.

Отз паралича, апонлексиу (Mord, Schlagfluss):

„Mord, du hest ær daelschlaen: | Unse H. Ch-s segt, | Du schast wedder upstaen“⁴⁾.

„Uns H. Ch-s un de Moert | De güngen tosamen dar en enge Poert. | U. H. C. de gewann, | De Schlag un de Moert verschwand“⁵⁾.

Перещецз (сильная опухоль, первоначально имѣющая видъ бородавокъ):

„Пүху, пүху, што отпүхваш?

— Отпүхвам на (името) перештѣц:

— Отпухај го да го нѣма:

Вода го отнѣла, вѣтар го оддүхал,

От нѣго се отнемало (-ла)“⁶⁾.

1) Милићевих, „Живот срба сељака“, с. 153.

2) *Ib.*, с. 154. 3) *Ib.*, с. 155.

4) Müllenhoff, „Sagen, Märchen...“, с. 512.

5) *Ib.*

6) „Сборица нар. умотв.“, с. 154.

Переполохъ (перелякъ, лякъ, испугъ, ушудъ, сѣпнь, страхъ, пивдїй, *strava* (родъ паралича отъ испуга, ушлахъ, *wścieklizna*).

Переполохъ — „нервное возбужденіе отъ испуга, произведеннаго грозой, пожаромъ, паденіемъ въ воду, дурными вѣстями, привидѣніемъ, — выражающееся сонливостью, головными болями, лихорадочными припадками и отчасти душевными разстройствами. «Зъ переляку въ чоловика може вкынуться нечыстый духъ; бѣе въ голову, троццить у середины, у голову обморокъ забыва. Ума тронется той чоловикъ, балака, плете, чого не нада. Бува, шо нечыста сыла пидъ тинь (т.-е. тѣнью) пидходьтъ и ляка» ¹⁾.

„Обвѣяніе вѣтромъ и вихремъ, признаваемое Чубинскимъ („Труды“, I, 131) особой болѣзнью — *пидвїемъ*, въ Лубенской народной медицинѣ считается однимъ изъ видовъ переполоха (коимъ объясняются случаи ложной беременности, отчасти выкидыши и душевное разстройство беременной — см. Милорадовичъ, „Народн. обр. и пѣсни Лубен. у.“, с. 14). — «Якъ витерь и вихорь пидбижыть, то въ голови шумъ, обморокъ вдарыть. Може той чоловикъ тронуться умомъ» ²⁾.

„Общее недомоганіе у взрослыхъ и особенно у дѣтей, — нервное возбужденіе, пученіе живота и пр., извѣстное подъ именемъ *переполоха*, лѣчится присѣканіемъ топоромъ у порога хаты 12 палочекъ изъ вѣника. Отъ „переполоха“ же и „завирчуютъ“. Дѣлается это такимъ образомъ. Приглашенный знахарь измѣряетъ ниткою длину больного дитяти, ширину — по протянутымъ въ стороны рукамъ и голову — въ окружности; срѣзываетъ ногти на рукахъ и на ногахъ и часть волосъ на головѣ. Все это вмѣстѣ съ ниткою, которою производились измѣренія, знахарь заливаетъ въ дырочку, просверленную въ „глухому кинци“ дверной лутки, и сверху забиваетъ осиновымъ кольшкомъ ³⁾. При этомъ читаетъ заговоры о томъ, чтобы болѣзнь больше не мучила «билого тила, жовтой кости,

¹⁾ Милорадовичъ, „Народн. медиц.“ (1900, III), с. 386—7.

²⁾ Ib., с. 377—8.

³⁾ Ср. очень сходное указаніе у П. Иванова, „Шептанія и знахарство“, с. 737. (Когда ребенокъ перерастетъ это мѣсто, выдоровѣтъ).

очей, плечей и всихъ суставивъ». Болѣзнь, снятая съ больного, „заверченна“ и заколоченная осиновымъ колышкомъ, не должна уже больше возвращаться“ ¹⁾.

„Переполохъ «завиртуютъ», т.-е. смѣриваютъ ниткой больного, проверчиваютъ въ ростъ больного дырку въ луткѣ дверей, вкладываютъ туда нитку и забиваютъ колышкомъ; когда больной переростетъ дырку, — выздоровѣетъ; или «вымыываютъ»: ставятъ миску съ водой на головѣ, груди, ногахъ больного, всякій разъ вливаютъ въ нее растопленный воскъ и по получающейся фигурѣ (чаще всего «гусакъ» или «нечистый») заключаютъ о причинѣ переполоха“ ²⁾.

Во многихъ болгарскихъ заговорахъ „страхъ“ представляется грубо матеріальнымъ: ворожка гонитъ его изъ одного члена тѣла въ другой. (См. „Сборн. за нар. умот.“, IV, с. 117). Таково же представленіе „переполоха“ и во многихъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ заговорахъ.

(Перевязавъ обрѣзки волосъ и ногтей больного красной ниткой и замазавъ ихъ въ глухой конецъ дверей, говорятъ):

„Якъ сему глухому концу дверямъ не одыняться, такъ переполохови не обзывать. Я жъ его осиновымъ коломъ забываю и своими устами заклинаю. А цему домови всему аминь“ ³⁾.

„Винъ йестъ батькивъ и материнъ, титчинъ, и дядькивъ, и дивчачый, и стритяный, витряный, и громовый, и блискавчинъ, и сонный, и зляканный, и вечерній, и зирній. Йестъ волячый, коровьячый, свынячый, овечый, ягнячый, гусячый, утячый, курячый, ношный и витровый, и вѣхровый. — Поки я не знала,—не шентала; якъ стала знать, одъ переполоху шептатъ. И я шенчу, и выльваю, и прысикаю, и прерубаю, и зываю, и на тры стороны изсылаю, де люде не ходять, де витры не вѣють. Господь зъ помицію“ ⁴⁾.

„Переполохъ, переполошыще! Ты не жиночій, ты чоловічый, въ тебе голова здоровая. Ты можешъ чоловіка розтри-

¹⁾ Коваленко, „О народн. медиц. мѣр.“, с. 171—2.

²⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 174.

³⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 390.

⁴⁾ *Иб.*, с. 391.

бушыты, ты можешъ оселю розирваты. Тутъ тоби не стояты, головочки не ламаты, у жывоти не трибушыты. Иды соби за огнямы, за витрамы, за густымы дымамы, де собаки не брешуть, де люде не говорятъ, огни не горять“¹⁾. (Очевидно, вожжа глядитъ на получившееся въ водѣ изображеніе изъ растопленнаго воска или олова).

(Ставятъ на голову больного черепокъ со свяченой водой и выливаютъ туда растопленную смолу; по полученной изъ смолы фигурѣ судятъ, чѣмъ испуганъ больной):

„Отче нашъ... Все святіи Отци... — Я тебе выкликаю, я тебе прогоняю: одійды жъ ты, огненный, паленый, заклятый, проклятый, бо я душу й тило очищаю, а нечысту сылу выганяю, у безодню заганяю. Ты тамъ згынь, пропады, души й тила не сушы“²⁾.

(„Сѣюць бабы золу, водой поливаюць и тоды галочками по животу качаюць... разламуюць галочки и глядзяць: коли ёсь волосься, дыкъ спужанъ, — полѣгшлець, а коли нема, — дыкъ такъ отчаго, — шукай другаго зелья“):

„Выговарію прыполохъ музыкій, женьскій, дзявоччій и ребяччій, коньскій, коровскій, свиньяччій, овеччій, кошеччій и собаччій, огнянный и водзянный, и звольнный, и повольнный, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочь...“ (и проч.)³⁾.

(Наливъ въ миску непочатой воды, набранной со словами: „Здравствуй, вода Уляна, и земля Тытыана, я прышла до тебе воды набратъ и здоровья попытатъ“, — выливаютъ туда растопленный воскъ и говорятъ):

„Выльвайся, переполохъ, на дороги, на очерета, на болота, на пустіи миста, де люды не ходять, чоловичій гласъ ны заходе; и батькивскій, и матерыньскій; денной и ношной, полуношнный, дидовскій, бабивскій, крылящій и тренеташчій, — до хрыстыянына ны доступыть, и крови ны побушувать и кости ны зломыть, пьци ны отбыть, и хрыстыянского тила ны стрывожыть. — Да воскреснетъ Богъ...“⁴⁾.

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 392.

²⁾ Ястребовъ, „Матер. Новорос. края“, с. 111 (=53).

³⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 151 (№ 47).

⁴⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 34.

(Выливъ растопленное олово въ воду):

„Выходы, переполохъ, съ головы, съ кости, съ мозку, съ русыхъ волосъ, съ бѣлого лыця, съ твоего сердца, я тебе заклинаю на очеретахъ и на болотахъ, на густыхъ лыстахъ, де люды не ходять и чоловичый гласъ не заходе“ ¹⁾).

(Читая нижеприведенный заговоръ, окатывать все тѣло больного куринымъ яйцомъ, потомъ выпустить изъ этого яйца бѣлокъ въ стаканъ и смотрѣть на получающуюся при этомъ фигуру: если — священникъ или могила, — больной не выздоровѣетъ; иногда фигура можетъ напоминать изображеніе предмета, вызвавшего испугъ):

„Туть тоби не стояты, жовтои кости не ломаты, червонoi крови не пыты, щырого сердца не вяляты, бѣлого тѣла не сушыты, хрещеного, рожд. р. Б. Н.“ ²⁾).

(Окачивая больного яйцомъ, которое затѣмъ отдается собацѣ):

„Перелякъ-перелячыще, я жъ тебе яйцемъ выкачюу, а водою выльваю, на пуци й на сухой лисъ высылаю, туть тоби не буваты, червонoi крови не спываты, сынихъ жылъ не потягаты, жовтои кости не ламаты“. (Плюнуть 3 раза и разорвать „пазуху“ у больного) ³⁾).

(Окачивая больного яйцомъ):

„Стань мені першымъ разомъ, Ліншымъ часомъ, Стань мені, Гдѣ, До помощі! — Препавъ нічний, північний, препавъ зъ роботы зъ сухоты... іданья... пыття,... гулянья... буянья,... поклыку... помыслу... погляду; препавъ зъ хмары зъ вітру.. сонця, нічний, північний, полудневый, сходовый, нудяный и сердешный! Яжъ тебе вымовляю, водою выльваю, яйцомъ выкачюу, на пуці и на сухой лісь відсылаю. Тамъ тобі гуляты и буяты, гнылы холоды вывертаты, жовты піскы пожираты, сыне море выпываты, щобъ туть тобі червонoi крові не спываты, сынихъ жылъ не потягаты, жовтоi кості не ламаты, и тѣу (3 р.)! (Яйцо—собакѣ, которая все поглощенное зло „выбрешеть“) ⁴⁾).

¹⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 34.

²⁾ Ib.

³⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 131.

⁴⁾ Ib.

(Дѣйствія тѣ же):

„Перелякъ, п-е! Я жъ тебе яйцомъ выкачую, а водою выльваю, на пуци и на сухой лисъ видсылаю; тутъ тоби не буваты, червоной крови не спываты, сынихъ жылъ не потягаты, жовтой кости не ламаты“ ¹⁾.

(Параличъ можетъ, но народному повѣрью, произойти отъ испуга при подвѣяннн вѣтромъ; больного выкачиваютъ яйцомъ, которое потомъ отдается собакѣ):

„Препавъ нічний, пивночный, зъ роботы, зъ сухоты, зъ ядня, зъ пытя.. я жъ тебе вымовляю, водою выльваю, яйцемъ выкачую, на пуци и на сухой лѣсъ видсылаю“ ²⁾.

(Разсматривая олово, говоритъ 3 раза):

„Vješi stravo! goni te materina para i očeva sila u sivo kljuse, u raževu slamu, u trulu panjinu“ ³⁾.

(Держа надъ головой больного миску съ водою, лить въ нее растопленный воскъ и говорить):

„Господы, поможы мыни новорожыты, переполохъ выльваты N., хрецен., нарожд. — и найденный, и напытаный (?), подуманный, погаданный, отъ всякой звырыны“ ⁴⁾.

(Когда звонять по мертвому и несутъ его къ могилѣ, — ѣсть артосъ и пить св. воду со словами): „Тоди мій переполохъ зостане, якъ оцей мертвый N. встане“ ⁵⁾.

„Змываю я *сцльнъ* собаччій, кураччій, коциный, и дзяциный. Отсылаю я на бярозое лисця, съ б. на кляновое, съ к. на мѣсячку. Мѣсячка овсѣщається, рабенкова кровь очищаетца“. (Подкурить больного паутиной, собранной изъ 3 угловъ) ⁶⁾.

„Заря 'Рина, заря Кацярина! посватаемся, посходатаемся: у мяне сынъ, у цябе — дочка. Возьми у мойго сына *пярэпологи* ношныя и полуношныя, дзянныя и полудзѣнныя и цѣнныя и ляканыя и зависныя и радосныя и собаччія и кошаччія. Выговариваю *пярэпологи* зъ буйныя головы, съ хрыбѣтной косыци, зъ румянаго лица, зъ ясныхъ вочъ, съ чорныхъ бровей.

¹⁾ Ефименко, „Сборн. мдр. закл.“, с. 32 (№ 92).

²⁾ Ib., с. 31 (№ 90).

³⁾ Глѣск, „O stravi“, с. 72.

⁴⁾ Ивановъ, „Шент. и знахар.“, с. 737.

⁵⁾ Id.

⁶⁾ Романовъ, „Бѣлор. Сборн.“, V, 34 (№ 123).

Потуль походили, потуль погуляли, покуль я коло ихъ не по-
ходзивъ“¹⁾).

„Господу Богу помолюся, Матцы Прачистой поклонюся.—
Выговаруетца р. Б. *злякъ* — жаноцкій, музчиньскій, дявоцкій
и парубоцкій и хлопоцкій и подтѣнный. И зсылаемъ злякъ
етый на нятворную гору, на нехращоную зямлю, дѣ й пѣвни
ня пяють и люди не ходять. Тамъ табѣ, злякъ, роскошаватца,
а у р. Б. (або рабыни) ня бувать, косьци ня ломать, жилъ ня
сушить, сэрца ня крушить. — Св. водица-царица, р. Б. помош-
ница“²⁾).

„Adama zaboljela glava; Adam predade Evi, Eva preda-
de zmiji, zmija p. jabuci, jabuca p. suncu, sunce p. moru, mo-
re p. vjetru, a vjetar raznese“³⁾).

(Въ Болгаріи народъ думаетъ, что при испугѣ сердце
сходитъ съ своего мѣста, поэтому при появленіи перваго сол-
нечнаго луча 3 утра сряду говорятъ по 3 раза):

„Слжнце отмешка,
Сѣрце намешка“⁴⁾).

„Изместили са сорце	Ут кучешту лаіанье,
Ут пилешту форканье,	Уд мечкину реванье,
Ут кукошкин крекутъ,	Уд волькуву виенье,
Удъ гувьожди ревуть,	Удъ лесаче жешканье.
Ут козье врасак,	Слонце на борце,
Ут конски виштенье,	Сорце на месту“.
Ут котешту меканье,	

(Послѣднія 2 строки — трижды)⁵⁾).

(Берутъ веревку, свиваютъ ее въ кольцо, затѣмъ 3 раза
читаютъ заговоръ и развиваютъ веревку):

„Измеастили се, са N. соарцеа, ут вутреашна вутрина,
пладънишна пладънина, вечерашна вечера, на наш пулунаш;
кукоши креакут, кучеашти лаіут, котеашти меакут, чимашти

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. Сборн.“, V, с. 35 (№ 125).—Ср. №№ 126 и 127.

²⁾ Ib., с. 38 (№ 136).

³⁾ G l i e k, „Q stravi“, с. 72.

⁴⁾ „Сборн. за нар. умотъ.“, кн. XII, е. 143.

⁵⁾ Ib., I, с. 92.

рукут, да са на меасти, да заспи, каіну сагнеа на матъу слоан-
цеа, каіну деатеа на маічина биска“ ¹⁾).

Кржс на глава,
Богородица на гърди,
Мир на сърцето,
Уплах низ нозето“ ²⁾).

„Избаіах страх низ глава, низ уста, низ очи, низ нос, низ
заби, низ уши, низ раце, низ пърсти, низ сръдце, низ полови-
на; низ ног, низ колена, низ пети, низ стапали, низ пърсти“ ³⁾).

„Уплашил са е N.	Ут пилешту пиканье,
Уд волчу вианье,	Ут чилешту рьуканье,
Ут кукошу кречанье,	Ут конску виштенье,
Уд гувьожду ржванье,	Уд магарешту реванье,
Уд мечкину ржванье,	И уд вулче виенье.
Ут кучешту лаіанье,	Сорце на месту,
Ут кокъашту меканье,	Ангелъ на месту“ ⁴⁾).
Удъ змиину фученье,	

(Шептуха заставляетъ больного лечь на траву, обкапы-
ваетъ занятое его тѣломъ мѣсто, вынимаетъ это пространство
земли вмѣстѣ съ травой, а по окончаніи заговора кладетъ на
мѣсто):

„Както таа упласи се копа,
Така и уплата от тоа човек да излезе.
Както упласата излезе,
Така и уплаата да излезе.
Когато таа упласа се обжрне како била,
Тога и уплаата да се вжрне в тоа човек.

(Наговаривая воду и выливая ее въ ручей).

Ты, водиче, идешъ отъ планини,
От планини, от вишини,
Дето ручат, дето вечерат.
Ти ке кажеш, водиче, на тоа човек,
От што му е таа уплаа.
Бжрзаі по скоро, водиче!

¹⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, IV, с. 104.

²⁾ И., VII, с. 154.

⁴⁾ И., с. 90.

³⁾ И., VII, с. 146.

Да кажеш на морето,
Да каже то на самовилите,
Да извадет таа уплаа от тоа човекъ.

Ка се преѣжрле таа вода,
Така да се преѣжрли и уплаата;
Ка не може таа вода веке да се вржне,
Така и уплаата да се не вржшта“¹⁾.

„Wer hat dich verschreien oder vermalt?
Ist es ein Mädl oder ein Knäbl,
Ist es ein Mann oder ein Weib,
So seher dich von mir!
Gott Vater... Geist“²⁾.

„Bist du verschreien N.,
Durch Kirn, Fleisch, Mark und Bein,
So stell es der nämlichen Person wieder heim!
So helf dir Gott... Geist“³⁾.

„Hat dich verschreien Mann oder Weib,
So scher dich Gottes Mund wieder aus dem Leib“⁴⁾.

„Bist du vomoind obar varschria,
Van hintn obar van voarn,
Gott ist auserkoarn,
Gott der V. ...Geist helf dir“⁵⁾.

„Vaich, bist vorschria,
Mon, Wei, Bou obar Dirn,
Wieb i's wegwisch obar okirn“.

(Въ заключение V. и., U. L. Frauen и 3 раза перекреститься)⁶⁾.

(Зима се паница съ вода и китка направена отъ босилекъ, вързана съ червенъ конецъ. Натопва баячката китката въ водата и ръси лицето на болния, като исказва слѣднето баяние):

„Од дол иде страшен страшиник,
Страшен с-к, бѹен буѹник:
Една му джѹна на небо,
Една му джѹна на земи

1) „Сборн. за нар. умотв.“, XII, с. 148.

2) Schönewerth, „Aus d. Oberpfalz.“, с. 260.

3) Ib.

4) Ib. 5) Ib., с. 261. 6) Ib.

И за поіаса крупа сол.
Насрѣшта му света маікѣа Б-ца:
— Кадѣ отиваш, страшен страшник,
Страшен страшник, буен буѣник?
Една ти джуна на́ небо,
Една ти джуна на зѣми
И за поіаса крупа сол!
Отговора страшен страшник:
— Шта ида у Цѣлови (N.)
Да му ф сѣрца влѣза,
Да му крѣѣ испиѣа,
Да му мош (= сила) зѣма,
Да му чѣрва пригрѣзам.
Отговара света Маіка Бг-ца:
— Не одѣ, страшен страшник,
Не одѣ, буен буѣник,
Че е цѣло крѣстен и мирѣсан,
Ристу́ Богу предаден,
З Божѣ повѣи оповѣт,
И на незул (издигнѣто мѣсто при огнището) турѣн;
Там нѣма да іадѣш,
Там нѣма да пиѣш.
Ами иди ф пусти гѣри телелѣиски,
Дека петѣл не нѣе,
Дека секѣра не сечѣ,
Дека рѣло не оди,
Дека човѣк не живѣе;
Там да іадѣш,
Там да пиѣш“¹⁾.

„Ściężliwa godzina była, kiedy Panna Maryjia syna porodziła. — Słó trzech braci rozbójników i rozbójną drogą nadśedł ich sam pán Jezus: «Kaj wy, rozbójnicy, idziecie?» — Na lwową gŃrę, wścieklizny zazęgnywać. — «Idziecie ułamcie gałązkę cisową i wełenki jarzającę, idźciez óswiećcie, dopięro

¹⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, VI, с. 98—99.

weście święconej wody, dopiero kropcie, zazegnajcie, a nie swoją mocą, tylko Boską mocą, wszystkich świętych dopomo-
cą». — A ja też kropię, a ja też zegnám nie swoją mocą, tylko
Boga mocą. Panie Boże, dopomóż mi i wszyscy święcia (sic!),
Matko Boska Cęstochowska i Piekosofskia dopomóż mi“¹⁾.

„Упудь-упудзица, выговариваю я цябе зъ буйной головы,
зъ русаго волоса, зъ руциваго сэрца, зъ жилъ, зъ пажилокъ, съ
косьцей, съ покосьцей, съ суставъ, съ суставокъ, зъ р. Б. Н.
Святый свѣтлый дзянѣчекъ стань на помочь! Св. Микола, стань
на помочь, свята пяцинка..., св. Узнесенья... св. Пятрокъ-Па-
вель... св. Ильля, стань на помочь, св. Снась..., св. Прячиста...,
св. Покровъ..., св. Кузьма-Дземянъ стань на помочь. — Упудь-
упудзица, высылаю я цябе на мха, на болоты, на гнилыя коло-
ды, на бѣлыя каменя, на ракитовыя коренья“. (Смѣрить
ниткой суставъ и послѣ каждаго измѣренія завязать узель и
столько разъ читать заговоръ)²⁾.

„Господы мылостывый, поможы мени! Маты Божа, и
стань мени у помочи сей переполохъ выльваты изъ ии голо-
воньки, изъ ии ручокъ, изъ ии ножокъ, изъ ии палецывъ, изъ ии
суставцывъ, одъ ии 70 суставъ. Не я его выльваю, не я вы-
клькаю, самъ Господъ выльвавъ и выклькавъ, и Маты Божа
въ помочи стояла, си переполохы одбирала, на Дунай на море
зсылала. На Дунай-на-мори 70 языковъ стрепенулысь, св. ми-
сяць на неби и Маты Божа на земли, и си переполохы зби-
рала, и витряни, и блыскوفي, и громови, и конячи, и волячи, и
собачи, и гусячи, и курячи, и гадючи, и жабьячи, и потайни, и
хлопьячи, и жиночи, и дивчачи, — и не я йихъ вызываю, и не
я своимъ духомъ подымала,— самъ Господъ вызывавъ и своимъ
духомъ подымавъ одъ жовтой кости, одъ червонои крови, одъ
ии голосу, одъ ии волосу и одъ рожденной молытв. и хрещ. р.
Б. Н. Аминь“³⁾.

„Творче-Создателю всяческихъ,
Боже дила руку нашихъ

¹⁾ Siarkowski, „Mater. do etnogr.“ (въ Zb. wiadom.), с. 53.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 34 (№ 120).

³⁾ Милорадовичъ, „Нар. медиц.“ (1900 г., III), с. 393.

Ко слави Твоёй начинаемъ.
 Поможы, Боже, и вси святїи,
 Станьте мыни въ помочи,
 Мыколай, Божый угодныкъ,
 Наврожденному, молитвяному
 Рабу Божому Н....
 От переполоху шыптаты.
 Вызываю, выкликаю переполохъ
 Овечый, скотячый, киньскый,
 Козячый, собачый, заячый,
 Лысычый, вовчый, видмежый,
 Ящырыный, жабьячый, черепаховый,
 Гадючый, сорочый, воронячый,
 Курачый, утячый, гусячый,
 Индычый, голубьячый, ластивьячый,
 Перепеловый, орловый, шуличый,
 Сынычый и соловьиный,
 И ссылаю тебе, злый душе-переполохъ,
 Въ землю пустую, безконечную,
 Де козакъ на кони не гуляе,
 Де дивка косою не мае,
 Де чоловичеськый гласъ не заходыть,
 Де и птыця не залитаеть.
 Есть за моремъ у вышь-высоко,
 У глыбь-глыбоко дубъ,
 Пидъ тымъ дубомъ коринъ,
 Пидъ тымъ корнемъ есть копыть-ключъ;
 Винъ у ёго землю одмыкае,
 Уси немоци одбирае.
 Одберы у наврожденнаго, молитвяного
 И хрещеного немоць¹⁾.

Перелогн.

„На мори, на окїани, на острови на Буяни, тамъ стоить дубъ зеленый, на томъ дуби галочъ сыдыть. Вамъ тутъ, га-

¹⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 174—5.

лочь, не сидиты, вамъ тутъ, перелогы, не буваты, разной шерсты, жовтой косты не ламаты“¹⁾).

„Ишовъ св. Авраамъ по крутыхъ горахъ, по мхахъ, боло-тахъ, по ныщихъ лозахъ, замочывсь, заросывсь, нигде ёму спочыгть; прышовъ, сивъ-спочывъ на сиримъ кони; уставъ и пошовъ, за собою перелогы, урокы, прымовни понисъ“²⁾).

„Ишовъ св. Авраамъ по крутыхъ горахъ, по мхахъ и боло-тахъ, по нызкихъ лозахъ, замочывсь, заросывсь,—нигде ему спочытъ, прийшовъ, сивъ, спочывъ на сиромъ кони; уставъ и пошовъ, за собою перелогы, сояшныци, урокы, прымовкы по-нисъ“³⁾).

„На сынимъ мори билый камень лежыгть, на тимъ камени два престолы стоить, на тихъ престолахъ Петро съ Господомъ сыдытъ. Уналы, перелогы дидькови у ноги. Беры ци перело-гы, несы, де куры не ходять, пивни не спивають,—тамъ пере-логы бувають“⁴⁾).

„Ишовъ Богъ и св. Петро. Найшовъ Богъ рукавычку, а св. Петро—мыгычку, а чортъ—перелогы. Взявъ мижъ ро-гы, та понисъ на очерета, на болота“⁵⁾).

Перехидъ (родимецъ, дѣтинець, судороги, обморокъ, припадки, падучая, пивдѣй, нара(я)дка, бѣснованіе, статья, по-вѣтріе, звѣдъ, сухота, паскудникъ, надворштина, эпилепсія, *Siehtag, Sucht, Fraisen*).—„Перехидъ—понятіе сложное. Сю-да входятъ: родимецъ, *eclampsia infantum*, судороги отдѣль-ныхъ мускуловъ или всего тѣла съ потерей сознанія и способ-ности ощущенія, припадокъ не повторяющійся, падучая, «би-лый» несмертельный перехидъ, бывающій иногда на третьей четверти каждый мѣсяць, и предсмертный первый ударъ, «чор-ный перехидъ навмыруще»⁶⁾).

Эта болѣзнь роднится съ „переполохомъ“ (см. выше) и „шаломъ“ (см. ниже), на тѣхъ ступеняхъ міропониманія, гдѣ

1) „Харьк. Сборникъ“, VIII, с. 8.

2) Шишадкѣй-Илличъ, „О заговорахъ“.

3) Чубинскій, „Труды“, I, с. 115.

4) Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 16.

5) Комаровъ, „Новая збирка“, с. 111 (№ 22).

6) Милорадовичъ, „Народн. медиц.“ (1900, III), с. 395.

источникомъ, причиною заболѣванія считается злой духъ, всѣлившійся въ человѣка; въ неопредѣленныхъ, неясныхъ обликахъ этого злого существа — возможность приписывать ему происхожденіе различныхъ болѣзней; (къ тому же симптомы этихъ заболѣваній очень сходны).

Такъ, напр., у зырянъ такое таинственное существо, злая сила, которая портитъ людей, вселясь въ нихъ, носитъ названіе „шева“. „Эта *шева*, по мнѣнію народа, культивируется колдунами какимъ-то образомъ въ головномъ мозгу ящерицы“; поэтому въ настоящее время у зырянъ ящерица — злое, ненавидимое существо, какъ видимый образъ, воплощеніе этой таинственной злой силы ¹⁾.

„Однимъ изъ самыхъ страшныхъ проявленій порчи считается «скуда». Повѣрѣ о скудѣ представляетъ собою попытку придать порчѣ болѣе опредѣленный характеръ, олицетворить эту послѣднюю въ такой осязательной формѣ, что всякое сомнѣніе становится почти невозможнымъ. Это, въ сущности общее многимъ народамъ, повѣрье о порчѣ посредствомъ пропусканія въ тѣло человѣка змѣи, лягушки или какого-то особеннаго существа, обладающаго своеобразными жизненными отравленіями, одно смутное представленіе, о которомъ заставляетъ содрогаться и не очень легковѣрнаго крестьянина“ ²⁾.

„Коли колдунъ хоча кого спортить, а людей такихъ нямашъ, дакъ ёнъ, поганецъ, на вѣтяръ посылаа! Дакъ той вѣтяръ кого попаде, — скрутя, зломаа, нѣума, — што станя, — и забяретца нячистый духъ у сяредину“ ³⁾.

„Я тебе выкашляю, вымовляю, враже-вражыще, пидвѣю-пидвѣище, очеретяный, болотяный, водяный, я тебе зсылаю въ очерета, въ лиса, въ багна, въ дебри; тамъ тоби войоваты, тамъ тоби бушоваты, я тебе вымовляю, я тебе мечомъ рубаю и водою оддываю; въ голови не шумы, сердца не вьялы, печеней не сушы“ ⁴⁾.

1) Жаковъ, „Языч. міросозерп. зырянъ“, с. 79.

2) Лозинскій, „Психол. знахарства“, с. 58.

3) Романовъ, „Вѣлор. сборн.“, V, с. 3.

4) Руликовскій, „Записки этногр.“, с. 113.

„Немитници, недојеници, невснчаници, виле, ветрови и некама-болести (=падајућа болест), вама се молим ја N. бајалица,—изидите изъ N. главе, из мозга, из памети, из косе, чела већа, носа, зуба, усница, чељусти, ушију, из гуше, гркљана, рамена, мишица, лаката, чланака, руку, прета, ноката, грибне, крстина, груди, ребара, слабине, из црне и беле цичерице, изъ пупка, желудца, црева, бубрега, мехура, бедра, колена, из цеварика, из ногу, из пета, прста и ноката, молим се ја вама, анатемници, устѹ, уступите, раступите се, разнесите се, као прах по путовима, као сунце по пољу, као ветар по гори, као сабор из манастира, као пазар из чаршије; устѹ, уступите, анатемници“¹⁾).

„Бегајте, надворшинье,
 Од оваа, мачна душа;
 Оти секоаш ке ве чадала,
 Со сваа лоша миризба;
 Да поидите во гора зелена,
 Кај Гѹургѹа самовила,
 Пот таја сенка ладовна
 До маја вода студена,
 Смилени китки да китите,
 Ако не ките та да поидите,
 Поидете во некоја кукоа богата,
 Тамо пала (=спокойствие) да праите,
 И в душеци от пердуф да лежите“²⁾).

(Выкатать хлѣбнымъ мякишемъ больному грудъ, руки и ноги, въ полночь отнести этотъ мякишъ на перекрестокъ, положить здѣсь въ чистой тряпочкѣ со словами: „Святъ Доброхоть, хлѣбъ-соль прими, а раба Б. просъци“; выкатывая, произносить заговоръ): „Выкачую, выговарюю притчу урошную, приговорную, музъкую, женъскую, стрѣшную и понярешную, завистную и радостную, зъ буйныя головы, зъ румянаго лица, съ косъцей, зъ можчей, съ печаней, съ леганей, изъ рециваго

¹⁾ М и л и ћ е в и ћ, „Живот срба сельака“ (изд. V, св. XXII), с. 166—7.

²⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, I, с. 96.

серца, зъ бѣлыхъ рукъ, зъ борздыхъ ногъ, — не сама собою, — прачистыми словами¹⁾).

„Грызу я загрызаю, уйму я унимаю на р. Б. N. 12 родимцевъ: пунового, сердцегового, внутреняного, суставного, жиленого, костяного, ручного, глазного, ревуна, говоруна. — Какъ мертвый отъ могилы не ворочается, такъ бы и на р. Б. N. эти 12 родимцевъ никогда бы не ворочались, вѣки по вѣки. Отнынѣ и до вѣка“²⁾).

„Allhorn, ik klag di,
De Suchten bei plagt mi,
De Gelsucht, de Ledsucht,
De Lungensucht,
De Jungensucht,
De Bungensucht“³⁾).

(Взявъ въ руки „срп, метлу и перушку, па додидујући болного“, говорить):

„Болан ми је N., а сретоша га анатемници: глава им као сено (велика), очи као сито, зуби као срп; главом га уплашише, очима га испише, зубима га изедоше. Пишти N. од земље до неба. Зачу га Божја Мајка, немитна Богородица, па пита: „Што пиштиш N. од земље до неба?“ — Пиштим, вели јој N., сретоше ме анатемници па ми сначу строшише, кости поломише, а кров попише. — Не пишти N., не цвиле, вели му Мајка Богородица, него иди N. бајалици, нека ти душом одуха, нека ти руком омаше, нека басмом одбаје, нека травом отрује, па ће ти лакнути и заспаћеш као младо јагње на зеленој трави. — N. дође N. бајалици, а она се овако замоли“⁴⁾. (Остальная часть, какъ самостоятельная и иная по типу, помѣщена мною выше).

„Першимъ разомъ, добрымъ часомъ! Господу Богу помолюся, св. Матцы Прачистой поклонюся и ўсимъ святочкамъ, годовымъ празничкамъ и царамъ и князямъ и сонцу и мѣсечку и ўсимъ православнымъ настоятелямъ. Якъ у Бога на дворѣ,

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 138 (№ 6).

²⁾ Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 391.

³⁾ Bartsch, „Segen Meklenb.“, с. 367.

⁴⁾ Милићев ић, „Живот срба сельака“ (кн. V, св. XXII), с. 166—7.

на сіяньской на горѣ, тамъ стоитъ яблонка, на той яблонцы висить яблочко, у тымъ яблочку няма ничего. Якъ у я-у няма ничего, няхай у р. Б. ня будя ничего: съ костей, зъ можжей, и съ жилочакъ, и съ пожилочакъ, изъ жовтыя кости, изъ горачія криви, изъ буйныя головы, зъ румянаго лица. Чуръ табѣ, Господи“¹⁾).

„Отче нашъ... Якъ Христось народився, на Ярданѣ рѣцѣ хрыстывся, хрыстывъ воду и землю и сею воду — на увесь свѣтъ брызки лятѣли. Якъ етыхъ брызокъ никому ня собратъ и корѣнныя ўсяго ў зямлѣ ня порвать и звѣздъ зъ неба ня познимать, и камяня ня ўгрызнуть, и неба языкомъ ня лизнуть и зямли ўсяе ня пожрать,—такъ р. Б. вѣдьмаку ня звѣдать“²⁾).

„Прашу Господа Бога и Духа Св., стань, Боже, у помочь, ангалы на радость, и пособиця мнѣ вымѣраць, выговарицаць зъ р. Б. и статьице огняное притчо-статыце водзяное, статьице земляное, с. вѣтраное, с. огняное; земляное—ў зямлю, а водзяное — у воду, а огняное — на 'гонь, а вѣтраное — на вѣдерь. — Тутъ табѣ ня быць и р. Б. ня сушиць. Чурайся, отракайся р. Б. Н.“³⁾. („Тройча на водзѣ. Першій разъ ниткой вымѣраць зъ головы до ногъ, другій разъ коло грудзей и голову, а третій разъ — руки“).

„Становлюся я р. Б. и заговарюся и замовляюся отъ чаровника. Становлюся на мѣдзянымъ тазу, закрываюся золотымъ т., обгорадживаюся зялѣзнымъ тыномъ, замькаюся тридзевяць замками, т. ключами и заговариваюся, и замькаюся отъ чаровника и отъ чаровницы и 'тъ разлушника и отъ разлушницы. Положу я тѣя ключи у Божжимъ храми на престоли; — нехай етыя моѣ ключи ляжаць нярушими на престоли у Б. храми. — Ляжиць бѣлый камень на горѣ Сіяньской. Якъ того бѣлаго камня злыи ўрагъ ня ўгрызець,— и р. Б. злымъ помyslomъ своимъ ни во вѣки вѣковъ ня ўвоймець на его ўремя и на ўсякій часть. Аминь“ (З р.)⁴⁾).

„Добры дзень табѣ водзица, прекрасная дзивица! Цячешъ ты, процекаешъ, мѣнешъ, вымываешъ сырое коренныя,

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 3—4.

²⁾ Ib., с. 4.

³⁾ Ib., с. 9.

⁴⁾ Ib., V (Доп.), с. 140 (№ 12).

бѣлое каменя, — вымый зъ мого р. Б. Н. вутча, притча, зъ яго косьцей, полукосьцей, изъ жилъ и съ нажилъ, зъ нутряного живота, сэрца творящаго, цѣплаго мяса, зъ горючай криви, зъ жовтаго мозку, отъ вутча, отъ притча, отъ урошнаго, отъ отъ наноснаго, отъ вѣтряваго, отъ годзиннаго, отъ подзивнаго. И ссылаю, збавляю, вутча-притча отъ р. Б. я не самъ собою, — Господомъ Богомъ Исусомъ Христомъ, Михайломъ арханіемъ, страстскимъ вяликимъ судьдею праведнымъ. Аминь“ ¹⁾).

„Михайла архангалъ, богатырь нябесный! Якъ собивавъ уражжію силу сы нябѣсъ у сыру зямлю, такъ уражжію силу зъ р. Божжаго“ ²⁾. (Прійдя въ полночь въ баню съ двумя сосудами, поставитъ одинъ подъ печь, а другимъ литъ воду на печь, читая 3 раза выше приведенный заговоръ).

(Положивъ больного въ избѣ „на перерубѣ“, опоясать 3 поясами, умытъ св. водою, разбить горшокъ надъ головою больного и говорить):

„Господи, помилуй р. своего Н. Не я тебе помогаю, помогаетъ тебѣ Пречистая Богородица, нѣгѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“ ³⁾).

„Господу Богу помолюся, Прачистой Матари поклонюся и усимъ свв. божжимъ пранодобнымъ, кіявськимъ, пачерськимъ, Антонію и Хвядосію, — станьтя уси на помочь р. Б. уродимца уходитъ и ўговоритъ. — На Сіяньской горѣ стоявѣ лѣсъ, а ў томъ лѣсу ходивѣ дѣдъ и низянькій и малянкій, си-вобородянькій, лѣсъ ломивѣ и ўродимцяцъ заговоривѣ и при-тѣшний и присмѣшний и примовный и приговорный и лица-вый и лобовый и кутравый и жиловый и косьтяный и поты-лошный. — Потулъ ты стоявѣ, п. ты буявѣ, покуля я ня знала и Госнода Бога призывала, вышенгавала яго и выговаровала исъ косьтей, изъ мощей, изъ ясныхъ вочей, и ссылаю я на моха; на синяя мора, по крутомъ ложкѣ да по широкомъ пяску“ ⁴⁾).

„Чершимъ разочкомъ, Господнимъ часочкомъ! Господу

1) Романовъ, „Бѣлор. Сборн.“, V, с. 142 (№ 18).

2) И., с. 143 (№ 19).

3) Щуровъ, „Знах. на Руси“, с. 165.

4) Романовъ, „Бѣлор. сборникъ“, V, с. 9—10 (№ 24).

Богу помолюся, Св. Прач. Матары Божжай попрошу. М. Божжа, царица нябесная, прыступыся у р. Б. *параходу* гаворыти, прыдуманнаго, утѣшнаго и посмѣшнаго, батькинаго и маткинаго, и жаноцкаго, паробоцкаго, жалостнаго и корыстнаго, колючаго и болючаго. Ёнъ стоявъ и коловъ, якъ я ня гаворыла, а тяперъ я гавору и выговарую. Изъ города Русалима по калиновымъ мосту ѣхавъ св. Яковъ и съ сыномъ сы Сакомъ и стрѣли св. прекраснаго Воспица. — Куды идешъ, прекрасный Восипе? — Иду я къ р. Б. и къ младенцу параходу гаворыти свѣтоваго, заравога, колючаго, болючаго. — И ёнъ тогды стоявъ и коловъ и горѣвъ и болѣвъ, якъ я яго ня гаворыла, а тяперъ я яго гавору и выговарую и съ жилъ и съ суставъ, изъ горячай криви, изъ буйныя головы, и съ щираго сэрца. И посылаю на синяя мора, на мха, на болота, на ницыя лозы, на жовтыя пяски, — тамъ табѣ гулять, бушавать и р. Б. покой дать.—Св. Онопрый и св. Иванъ Богословъ, Краститаль Христовъ, дай, Господи, на помочь¹⁾).

„[Du solt warten (вм. warter) der weile, so yn die sucht begreift, so nym ain hyrssein ryemen (=Riemen von Hirschhaut) vnd pint yn den vmb den hals vnd sprich]: „In den namen des vaters vnd des suns vnd des heyligen gaistes so pint ich hie den siechtumb des menschen in disem knopf, den ich daran chrüppfe“. — [Vnd dem selbem sol der menschen dem siechten nit ledigen von dem paine vnd von dem fleysche, hünner daz (=bis dass) er chöm, do man ainen toten begrabe, so sol man den riemen ledigen ab des menschen halse vnd sol man dan den riemen mit den riemen mit den toten begraben vnd sol der riem dem toten gelegt werden unter sein schulter vnd wer den riemen lediget, der sol sprechen]: „In dem namen der vaters vnd des suns vnd des heiligen gaistes begrab ich mit disem riemen den siechtumb nymmer berür vnd das der leichnam am jungsten tag erstee“. [Mit den worten sol man den riemen begraben dem toten unter die schultern. Ist ainer da nicht, der den riemen am ersten vmbpant, so mag

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 10—11 (№ 27).

yn ain ander ledigen vnd begraben, alz hie mit worten geschriben steet“ ¹⁾).

„Das wolle Gott der Herr Jes. Chr. heut auf diesen Tag auf dass ich alle sieben und siebzig (Ср. К u h n в ъ З s. f. vergl. Sprach., H. XIII, 128) Frais töten möge (mag?). Ich töte durch Gottes grosse Macht, den heiligen Namen Christi alle siebenundziebig Frais' reissende Frais, rote F., abdorrende F., zitternde F., kalte F., fallende F., geschwollene F., spitzende F., stille F., schreiende F., wütende F., schwitzende F., gestossen (stossende) F... Ich wende dirs N. durch Gott den Herrn Jesu Christi und durch seine heilige fünf Wunden. Ich wende dirs N. d. sein heiliges Sakrament, Ich w. d. N. d. Gott u. H. J. Ch. seine heilige Hände und Füße. Ich w, d. N. d. s. heilige pforten des Himmels. Aus der gnade Gottes geschöpfe, durch den lieben Namen J. Ch., dass ich luch verbiete (—gebiete—) alle s. Frais!

Ich w. d. N. durch alle Berg und Thal.

Und durch die fliessenden Wasser ab,

Auf dass der Leib ruhen und rasten mag

Bis auf den jüngsten Tag.

Darin unser lieber Herr Jesu kommen wird und aufwecken die lebendigen und die Toten durch die Verdienste, da er sein heiliges Haupt geneigt und seinen Geist auf gegeben. Das helfe dir N. Gott der Vater, der dich erschaffen hat, und der Sohn, der dich erlöset hat, und G. d. heilige Geist, der dich in der Taufe geheiligt hat. Amen“ ²⁾).

Пльснявка (пльснивка, молочница, соог).

„Пльснивка, линывка! въ роти тоби не буваты, языка тоби не ламаты, у помьи сходьты и свынямъ им выносыты, а свыни словывають и пльснивку одбырають. Я свое слово составляю и пльснивку зъ рота выганию“ ³⁾).

„Господы, благословы! Господы поможы нарожденому,

¹⁾ Oswald von Zingerle, „Segen“, с. 175.

²⁾ Ашман, „Volksegen“, с. 208—9.

³⁾ Милорадовичъ, „Народн. медц.“ (1900, VI), с. 322.

„Господы, благословы! Господы поможы нарожденному, мольтв. р. Б. сю плиснявку шептаты, сю плиснявку зганяты. Свыни до корыта, череда до дому, плиснявка — зъ дому. Якъ дымъ зъ дымаря, такъ плиснявка зъ языка нарожд. мольтв. младенцю N.“¹⁾

(Намазывая больное мѣсто женской мочой, говорить):

„Тѣмъ родила, тѣмъ ѿ видходыла“²⁾.

Na psotník.

„Šel pán Ježíš Kristus | šel svou svatou cestou. | Potkal jeho psotník, | ptal se ho pán Kristus: «Kam ty jdeš, psotníku?» | — Ja jdu do života | té a té osoby N. maso jisti, | krev píti, | žily trhati, | kosti lámati, | chutik jídlu k pítí bráti, | a spaní mu odjímati. | — Řekl jemu pán K.: | «Ja tobě prikazuji | pod mým těžkým umučením, | p. m. slavným z mrtvých vstáním, | p. m. na nabe vstoupením: | vystup ze života | tohoto člověka N.; | neměj k němu moci | ve dne ani v noci! | k tomu?!...“³⁾.

Почки (νεφρά).

“Нлие, ἀνάτειλε, καὶ ἠλίωσον τὸ σίον ἀπὸ τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ ὀδεῖνα καὶ ἀπὸ τὰ νεφρά τοῦ, ὅτι τὸν πόνον οὐ δύναται βασιλεύει(ν) οὔτε ἡμέραν οὔτε νόκτα“⁴⁾.

„Феῦγε σίον, φεῦγε ἡμίσημον, βασιλεὺς τὸν ἄδον (sic!) σε δεσμεύει“⁵⁾.

Баяние за пощенки („когато нѣкое дѣте или трудна жена не може да вземе да хапне нѣщо, което ѿ се е поревнѣло много“).

„Пуштѣнки, питѣнки

Ржнѣсти сж, пржнѣти сж;

Ржнѣсти сж кжтѣ пьянж пу вудж,

Кж тѣ облаци, пу нибѣту,

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 321—2.

²⁾ Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 30.

³⁾ Егъев, „Сeská zařikádkla“, с. 55—6.

⁴⁾ Васильевъ, „Сборн. пам. виз. л-ры“, I, с. 334.

⁵⁾ *Ib.*

Къ тѹ прѣхжт пу земé тѣ,
Чи і душѡа Пжнтилéи пжтник
И Симиѡн стѣлпник,
Чи сж сéннжли нж кржстѹм пжт
Дж си сжбírжт пуштéнки и питéнки
Да ги вѡджт в свитá гурж,
Дéту фтичкж ни фжркж
Дету мумá ни пéи,
Дету уфцж ни блéи.
Там сж мéси и готви
Пржсна́ питж пристжргжнж,
Клжстá пáткж припечинж,
Руинѡ вину чжрвэну
И вжрлá бистра ржкíж.
С пузлжтэну вилушки,
С чжмширжни лжжици“-(3 р.)¹⁾.

Притка (притча) довольно сходна съ нѣсколькими изъ предыдущихъ болѣзней; происхождение ея — отъ „злого духа“.

(Клянясь низко въ землю на всѣ 4 стороны и не крестясь говорить):

„Жіу быу Захаръ Магдалиновичъ, жана Дарья, а сынъ Никита. Памагитя и пасабитя челаѣкѹ у кистяхъ, у нутряхъ, у жилахъ и у пажилкахъ, прашу я тибé. Также прашу дамавога и пылявога и лисавога и водяного; хазяюшекъ: дамавую, палявую, лисавую, вадяную; дѣтыкъ вашихъ: князей и кнѣгинь абъ етымъ чилаѣки“²⁾.

„Куры рябыи, хахлатыи, разнаперыи! выбирайтя боль и притча изъ жилъ-суставыу у р. Б. Н.“³⁾. (Взявъ 9 вербовыхъ сучковъ, отварить ихъ, наваръ остудить, а ирутѣя высушить, обдать ребенка теплымъ наваромъ и подкурить вербою).

(Взять красныхъ суконныхъ нитокъ, пять разныхъ хлѣбныхъ зеренъ, перевязать нитками суставы, а зерна, обсыпавъ ими больного, отдать курамъ): „Пресв. Бугородица по саду гу-

¹⁾ „Сборникъ за народни умовъ.“, VIII, с. 158.

²⁾ Добровольскій, „Смож. этн. сборн.“, с. 214.

³⁾ Ив., с. 199.

ялла, ить Господа Бога Сына ключи брала и замыкала притча: костянные, нутряные, жильные, сустаўные“ ¹⁾).

„Спасъ свѣтъ и пречистая Богородица! Помоги, Господи, шипоту снять и ломоту снять, избавити и соблюсти, отговорити отъ чирья, отъ вереду. Ложится сей рабъ Б. имрекъ благословясь, стану глаза перекрестясь, пойду въ далече, въ чистое поле и буду въ чистомъ полѣ у бѣлаго камня; и идетъ на стрѣту старъ-матеръ мужъ, и съ нимъ идетъ Никола — всѣмъ скорбящимъ въ скорби помогаетъ, за нимъ идетъ св. честный Козма и Дамьянъ, хитромудрыя мастера, на рукахъ несутъ мису золотую и на мисѣ золотое перо. Я приду р. Б. Н., Николѣ помолюся и покорюся, поклонюся своей (?) буйной главы, всѣмъ скорбящимъ скорый помощнику отъ Николы. Всѣхъ всѣмъ скорбящимъ скорби помощитель! помози, Господи, пособи, Господи, со всѣми силами небесными, Никола всѣмъ скорбящимъ избави, сговори чахотку, сухоту, притчи, болѣзни отъ чирья, отъ вереду, которыя пристали днемъ и ночью и вечеру поздно, поутру рано, отъ воды, отъ земли, отъ байны, отъ вѣтра, отъ вехоря, отъ мужескаго и отъ женскаго полу и отъ худыя помысли челоуѣческія. И Никола всѣхъ всѣмъ скорбящимъ скорби помогатель, избавитель и отговоритель изъ ретиваго сердца, изъ бѣлаго тѣла, изъ костей, изъ мощей, изъ жилъ и суставовъ, и отъ ушей, изъ ясныхъ очей и отъ всея буйныя головы. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“ ²⁾).

Прыстритъ.

„Шло 12 прыстритивъ, якъ 12 бративъ; браталысь не побраталысь, сваталысь не посваталысь, винчалысь не повинчалысь, стельлысь не постельлысь, мостылысь не помостылысь, такъ и такъ одступылысь. Всеи святыи, Оссіянскійи, Ерозалемскійи, Кіевскійи, Печерскійи и Почаевскійи, станьте мени на помичъ, допоможыть мени хрець. и мол. свять, свять, самъ Господь, слава Богу отцу. Аминь“ ³⁾).

¹⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 199.

²⁾ Рыбниковъ, „Піснѣ“, IV, с. 254—5.

³⁾ Rulikowski, „Zap. z Ukr.“, с. 112.

Баяние за пжнъ.

„Гурж са развива, пжк на Н. пжна му завива“¹⁾.

Пьянство (запой, похмелье).

„Господине еси хмѣль, буйная голова! Не вейся внизъ головой, вейся посолонь, но .., а язъ тебя не знаю, гдѣ ты живешь,—вверхъ сыра древа влѣзи къ своему господину въ мѣдныя бочки и пивныя; какъ не жить на огнѣ, такъ на семъ чело-вѣцѣ лихія словеса Н., аще изопьешь чашу сію, доколѣ мои словесе изъ меня сіи изошли, изъ его р. Б. Н., похмелье. Господине хмѣль, какъ царь, сядетъ во царствіи своемъ, такъ и ты сиди на своемъ мѣстѣ, гдѣ родился“²⁾.

„Заря-зарница, красная дѣвица, сама мати и царица; свѣ-тель мѣсяць, ясныя звѣзды, возмите у меня безсонницу, без-дремотницу, полуношницу, среди ночи приди ко мнѣ хотъ красной дѣвицей, хотъ матерью царицей и сложи съ меня и отведи отъ меня окаянную силу и дай мнѣ Спасову руку, Бо-городицынъ замокъ. Ангелъ мой, архангелъ мой, сохрани ду-шу мою, скрѣни мое сердце, врагъ сатана, откажись отъ меня. Крестомъ крещуся, крестомъ ограждаюсь, к. ангела призываю, к. лукаваго отгоняю. Во имя Отца... Аминь. Знаю святыя зна-менія“³⁾.

Ракъ, knochenschäden (krebsschaden).

„Bei Deinen siben Wunden, bei Deinem Blute roth | Be-
freie mich, Herr Jesu, von meiner schmerzensnoth. | Im Na-
men“⁴⁾.

„Grün wie Gras, roth wie Blut | Mach' bald mir meine
Wanden gut. | Im Namen“⁵⁾.

Отъ ripplisucht.

„Ripplisucht im unterwachs | rib dem chind vom herz

¹⁾ „Сборн. за нар. умоть“, III, с. 147.

²⁾ Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 341—2 (изъ Пермск. Сборн. 1860, II).

³⁾ *И.*, с. 341.

⁴⁾ Краусс, „Abergl. Kuren“, с. 8.

⁵⁾ *И.*, с. 82.

ewegg, | wie du aus dem kripplein | gehst vom Jesukind-
lein“ ¹⁾).

Од болести русе.

(Дува се у ране и говори): „Женио се стуб, звао русу на
свадбу: Добро јутро русице! Хајде, русо, пиј и једи! Нећу пи-
ти, нити јести, ни на свадби седети, већ ћу лека тражити: два
листића калопера, и два жуте травице. Калонер ћу сушити,
русне рани завити, да усахну, да увену, и унатраг ударе“ ²⁾).

Свинка (Schweine, опухоль).

„Heute ist Freitag,

Glückseliger Freitag!

Ich habe wider dich ein jammerliche Klag;

Ich biete dir aus dem Fleisch.

Ich biete dir aus dem Blut,

Ich biete dir aus dem Mark, der Lagerstatt“ ³⁾).

„Das walt Gott, der Vater hat nie geschweint; Gott der
Sohn auch nit; Gott der hailig Geist auch nit; nit im Mark, nit
im Bein, ...Bluet ...Floisch. Im Namen Gottes...“ ⁴⁾).

„Es gingen drei reine Jungfrauen,

Sie wollten eine Geschwulst und krankheit beschauen.

Die eine sprach: es ist frisch;

Die andre sprach: es ist nicht;

Die dritte sprach: is es denn nicht,

So komme unser lieber Herr Jesus Christ.

Im Namen...“ ⁵⁾).

„Du sollst nicht schwillen,

Du s. n. quillen,

Sondern du sollst stille stehn.

Und nicht von dieser Stelle gehn.

Im Namen...“ ⁶⁾).

¹⁾ Rochholz, „Aargauen Besegnungen“, с. 108.

²⁾ Милићевић, „Живот срба сељака“, с. 163.

³⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 449 (Ср. Кuhn, Zs., XIII, 63 ff.).

⁴⁾ Ib., с. 449—50.

⁵⁾ Bartsch, „Segen... Meklenb.“, II, с. 409.

⁶⁾ Ib., с. 410.

„Es war eine Jungfrau,
Die wollte ein Geschwulst beschaun,
Sie ist heiss,
Sie sticht heiss

Geschwulst, steh still,
'S ist Gottes Will“¹⁾. (Крестить опухоль 3 раза и читаютъ „Во имя Отца...“).

„Es sitzten drei Jungfrauen auf einem Marmorstein, die dritte spinnet grob, die andere fein, die dritte spinnt ein Imvindel (= Elnwickeltuch) fürs Harnwindel.— Es helfe dir Gott Vater...“²⁾.

(Выйдя изъ избы, дѣлаютъ тупымъ концомъ ножа 3 раза знакъ креста на больномъ мѣстѣ, говоря):

„Schaden, du sollst nicht schwären, haben unseres Herrgotts Wunden auch nicht geschwärt“³⁾.

Сибирская язва (сибирка, геленджикъ).

(Обводя больное мѣсто выпавшимъ сукомъ): „Какъ у маушки сухой сосны сохнуть и посыхаютъ сучья и коренья изъ бѣлой болони и красного сердца, такъ бы сохло и посыхало у N. уроки и призоры и притки съ буйной головы, съ русскихъ волосъ, съ крови горячей и трепущаго тѣла“⁴⁾.

(Обводя больное мѣсто „мертвымъ мыломъ“, которымъ обмывали покойника): „Какъ у мертваго мертвеца колѣютъ руки и ноги, зубы и губы, трепущее тѣло, такъ бы колѣли у N. уроки и призоры и притки“⁵⁾.

(Больной и знахарь передъ лѣченіемъ должны весь „ильинскій“ постъ жить въ чистотѣ души и тѣла; передъ произнесіемъ заговора очерчиваютъ больное мѣсто мезиннымъ пальцемъ): „Встану я р. Б. N. благословясь, пойду перекрестясь, умоюсь утреннею росою, утрусь тонкимъ бѣлымъ полотномъ,

¹⁾ Amman, „Volkssegen . . Böhmerwald“, с. 204. (Ср. Grimm, Myth., Anh. XXXII; Kuhn, Ws. II, 212; Aus Schwaben, I, 469, Zs. f. Volkskunde v. Veckenstedt. II, 4, с. 162).

²⁾ Ib. (Ср. Birlinger, „Aus Schwaben“, I, с. 447.

³⁾ Schönwerth, III, с. 254.

⁴⁾ Гуляевъ, „Очерки Южн. Сибири“, с. 83.

⁵⁾ Ib.

и пойду изъ избы въ двери, изъ дверейъ въ ворота, подь восточную сторону, къ окіану морю, на томъ ок.-мори стоить Божій островъ, на томъ островѣ лежитъ бѣль-горючъ камень-алатъръ; а на камени св. пророкъ Илія съ небесными ангелами.— Молюся тебѣ, св. пророче Божій Илія, пошли 30 ангеловъ въ златокованномъ платьѣ, съ луки и стрѣлы, да отбиваютъ и отстрѣливаютъ отъ Н. уроки и призоры, щипоты и ломоты, потяготы и позѣвоты и вѣтраносное язво, туда, куда крылатая птица отлетаетъ, на черныя грязи, на топуція болота, и встрѣчно и попереочно, стамово и ломово! На молоду, на вѣтху и на и на перекроѣ мѣсяца“¹⁾.

(Описаніе болѣзни, приводимое на с. 146, сходно съ признаками „сибирки“):

„Калесуват та на царьувите коначи,
Там да јадем, там да пием,
Там конач да фанеш.
Там ако не бендисаш,
Да са покачиш на високо дѣрво;
Там да седиш от високо да порукаш,
От там да слезеш, да идеш
На становит камен да седнеш,
Там да седиш, да се не вржшташ“²⁾.

Сирма (видъ „настинка“).

Шептуха растираетъ руку, приговаривая:

„Сирма, іарма	Срештнал іа вжлк,
На ражен іаздила,	И зел іи без уста,
На пазар одила;	И зерал іа без дупе“ ³⁾ .

Современный, новѣйшій заговоръ — *отъ скарлатины* (сочиненный въ 1899 г. знахарками *Сквирского уѣзда* по случаю скарлатинной эпидеміи):

¹⁾ Гуляевъ, *Op. cit.*, с. 52—3. — У Крушевскаго относящіяся сюда заговоры (№№ 131, 132 на с. 54) объясняются, какъ происходящія отъ солнца-громовника.

²⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, XII, с. 146.

³⁾ *Иб.*, VIII, с. 153.

„Сотвори, Господы, болящому мылостыню,
 Нехай пресв. архангелъ возьме хворостыну,
 Изъ пресвѣтлого золотого райского тыну,
 Да прожене отъ дытыны злую шкарлатыну,
 Отъ р. Б. у купели хрещеного,
 Отъ усихъ гриховъ Хр. Богомъ одпущеного.
 Попрошу я св. Матиръ Божу Гыдильску,
 Щобъ прогнала ш-ну, злу хоробу дѣтську.
 Св. Хрестытелю Иване, славный Предтече,
 Очысть одъ шкарлатыны груди, шню и плечи.
 А вы вси святи угодныкы Божии многи,
 Очистить слабенькому одъ пухлятыны ногы,
 Нехай р. Б. болящый, въ купели хрещеный,
 Пиде у храмъ Б., молитвамы освященный,
 И тамъ нехай винъ щиро Г. Б. молыть,
 Да на викъ Господь того одъ болисти уволыть“ ¹⁾.

Скорбутъ (цынга, Schörbuck, Vosse, Mund-und-Durch-
 faule, гніеніе рта и десенъ):

„Den leidigen Schörbuck (v. Vosse) schäl so wehe geschen,
 Wann he dem Minschen sin Fleisch fret,
 Sine knaken gnadet, sin blatt sücht,
 Als idt der Ingfern Marien leitt is,
 Wann de minsche uf enen sonnabent föhret,
 Und uft enen Nachmittagk tod eiden schweret“ ²⁾.

„Job zog über Land

Und hatte den Stab in der Hand.

Da begegnet ihm Gott der Herr und sprach:

Job, warum erst du sich sehr?

— Job: „Ach Gott, warum sollt ich nicht trauern!

Mein Schlund und Mund will mir verfaulen“.

Da sprach der Herr zu Job:

„Dort in jenem Thal fließt ein Brunn,

Der heilet dir N. den Schlund und der Mund“ ³⁾.

¹⁾ „Кіевская Старина“ 1900 г., II, с. 17.

²⁾ Bartsch, „Sagen... Meklenb.“, с. 153.

³⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 446.

Na škrkavky.

(Стирая животъ больного слюной):

„Svatá Lucie tři dcery měla: | první přídla | druhá vila, | třetí motala. | Dej, Bože! aby této osobě N. | ty škrkavky pomínuly: | tak jako pomínul | křivej richtár, | k. šafár, | křivá kn...ská kuchařka!“ ¹⁾

„Byla panna Maria přecistá, | měla tři vlastní sestřičky: | jedna předla | druhá vila, | třetí na škrkavky žehnala; | žehnala srdečným, | jaterním, plíčním, | krevním, střevním | té a té osobě N. | aby jí masa nejedly, | krve nepily, | a té osobě pokoj daly. | K tomu dopomáhej Bůh otec, B. syn, B. duch svatý, Amen“ ²⁾.

Баяние за слеза:

„Добър вѣчер, звизда и слиза! Какту се добър тос вѣчер, тѣи да си добра и ти, слезо; но тѣзи вѣчер звизда и слиза, ѹтра вѣчер звизда бес слиза“ ³⁾.

Сояшницы (сояншницы, „сонци, завійны“ = желудочно-кишечный катаръ, спазмы въ животѣ, вздутіе живота, желудочная корча; боль въ животѣ, сопровождающаяся тошнотою и головою болью; „Rewkau“, „Refko“, Darmgift; различаютъ с. водяныя (поносъ), — ихъ „завариваютъ“, — и сухія (съ тошнотою).

Водяныя „сояншницы“ завариваютъ такъ: больной ложится на спину, на его животъ ставится миска, въ ней зажигается „клочья“; миска быстро переворачивается вверхъ дномъ; такъ продѣлываютъ 3 раза. Затѣмъ въ мискѣ съ наговорной водою моютъ ножъ, веретено и брусокъ и даютъ больному выпить этой воды 3 ложки; на полосканныя въ мискѣ вещи „все лыхо перейде“ ⁴⁾.

(На животъ больному ставятъ миску съ водою, кладутъ туда веретено, ножъ и ложку; по произнесеніи приводимаго

¹⁾ Еггев, „Česká zafikadla“, с. 54.

²⁾ Ib., с. 55.

³⁾ „Сборн. за нар. умовъ“, VІІ, с. 143.

⁴⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 175.

ниже заговора веретено ставится больному на ладонь, льется на него ложкою вода, и воду эту выпивает больной; такъ же поступаютъ и съ ножомъ); „Сояшныци нудни, сояшныци тошни, витрови и водяни, тутъ вамъ не стоять, жовтой кости не ломыть, червоной крови не вьялыть. Идить на очерета, въ болота, де люды не ходять, куды хрыстыяньскый гласъ не заходе“¹⁾.

„Сояшныци водяны, с. витряны, с. насланы, подуманы, погаданы, тутъ вамъ не стоять, жовтыхъ косьтей ны ломать, у р. Б. молитв. N. 2).

(Вольной лежитъ на спинѣ, на животъ ему ставится миска съ водою; на ней: 2 ложки крестомъ, веретено и ножъ; зажигается пакля, кладется въ кувшинъ и опускается въ миску 5 разъ; въ воду бросаются зерна пшена и крупинки соли; содержимое миски разбалтывается, и больной его пьетъ. При открытїи кувшина говорится): „Сояшныци и витрови и водяни и подумани и погадани! идить соби па хла (?) и на болота, де люде не ходять и пивни не спиваютъ; тутъ вамъ не стоять, червоной крови не пыты, жовтой кости не ломыты, сердца не сушыты“²⁾.

(Переворачиваютъ ведро вверхъ дномъ, наливаютъ на него воды, посыпаютъ солью, мѣшаютъ крестообразно ножомъ и ставятъ подъ глухой край двери со словами): „Вси свв. на помочи! Идить помогаты хрец., мол. видъ завинѣ шептаты. — Завина водяная, завина витровая и стритеная, и подуманная, и подуманная, и погаданная, и въ смакъ соби зьидена, и въ смакъ соби сыгтая, пиды соби на очерета, на дыки степа, на темни лиса“³⁾.

(Набрать въ кувшинъ воды, бросить туда зажженной пакли, поставить больному на животъ и по окончанїи заговора обмыть этой водой все тѣло; заговоръ же произносится надъ стаканомъ непечатой воды, которую даютъ потомъ пить больному): „Пресв. Богородице, стань мени до помочи. Допоможы

¹⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 171.

²⁾ Ястребовъ, „Матер. этногр. Новорос. края“, с. 115.

³⁾ Иващенко, „Шептаня и вѣв.“, с. 743.

⁴⁾ Ib.

мыни рожд., мол. р. Б. Н. соняшныци заварюваты: и стенови и лисови и подорожни, заспани и зайидени и запытени, и чоловічи и жиночи и парубочи, и дивочи, и дытячи, и хлопчачи, и водяни, и витряни, и подумани и помысляни, погадани, заспани, прозорни! Я васъ вызываю, я васъ выклекаю, я васъ вышпитую, изъ семьдесяты жылъ, зъ с. суставивъ, зъ черныхъ очей, зъ карыхъ очей, зъ сирыхъ очей! Тутъ вамъ не буваты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не спываты, щирого сердца не вяляты. Идить соби на очерета, на болота, на густи лиса, на густи терна. Тамъ вамъ буваты, т. в. гуляты, пискомъ пересыпаты, водою перелываты, де парубокъ борода не брые, дивка косы не чеше“¹⁾.

(Сварить въ маленькомъ горшочкѣ пшено, перевернуть его въ миску, поставить больному на животъ и, вода по дну горшка, говорить): „Святителю Мыколаю, угодныку Божій, помошныку скорый, допоможи мыни ласкою своею небесною вымовыты и выговорыты и сояшныци и веретильныци и заспани и наслани и ранни и позни. Я васъ вымовляю, я васъ вышпечу, я васъ зварю, бо тутъ вамъ не стояты, часу не теряты, кышкамы не воёваты. — Въ другой разъ, въ добрый часъ. (—Потопляя въ миску ножъ, ложку, веретено и гребенку, дуютъ въ миску —). Не мій духъ — Господній. Господы мылосердный и св. Варвара, мученыця великая, допоможи мыни вымовыты“ (Вынимають положенные предметы, поливаютъ ихъ водою, изъ которой 3 ложки даютъ выпить больному“²⁾).

„Сояшныци, с. витряни, водяни, подумани, погадани, чоловічи, жиночи, дивочи, парубочи, пидить соби, де витерь не віе, де сонечко не гріе. Нарожд., мол. помогаю. И вы помочь, вси свв. помошныкы“³⁾.

„Сояшныци водяни, витряни, прозирни, наслани, подумани, погадани, запытени, зайидени! Тутъ вамъ не стояты, жовтои кости не ламать, сердца не вяляты, червонои крови не ссать. Идить соби на огни, на дыма, на великы стена. Тамъ вамъ буде гулянья!“⁴⁾.

1) Комаровъ, „Нова збирка“, с. 114—5.

2) Чубинскій, „Труды“, I, с. 114.

3) Милорадовичъ, „Нар. мед.“, (1900, VI), с. 324.

4) П., с. 325.

„Сояшныци витрови, водяни, учынены, встричени, прозирни, несказани, тутъ вамъ не стояты и не боляты, червонои крови не пыты, сердца не вялыты. Не я вышиптую, — Маты Божя вышиптуе одъ твоихъ рукъ, одъ твоихъ нитъ, одъ твоеи головы, одъ твоихъ очей, одъ твоихъ плечей, одъ твого ровняного льця, нарожд., мол., хрещ. Н.“¹⁾

„Господы мылостывый! Поможы мени, Маты Божя, си сояшныци заварыты. *Сояшныжи, сояшныжи*, и витряни, и прозирни, водяни, и спытени, и зъидени, и завинни, и колючи, и болючи, и прыговорени, и прылюбовани, и дрыслыви, и сухорляви; и то мы въ неи не бувалы и серденька не буялы, и билого тила не палылы, червонои крови не пылы, и жовтои кости не ломылы, одъ рожденои, мол., хрещ. р. Б. Н.“²⁾

„Сонишныци, мисяшныци, гыдки, брыдки, ранишни, обиднишни, полуднишни, опивнишни; не я вызывала, не я выкыкала. Вызывала, выкыкала святица-дивица, — симдесять и симь! Зъ билои кости, зъ чорнойи крови вызывала-выкыкала, на море посылала. Тамъ би се й веселыты, кореныты, а чыстого, Бож., мол., хрещ. Н. лышыты! А бы й въ пуна не кружляло, въ серци не вядыло“³⁾

„Святїи кыивськи, охтырьськи,
Монастырьськи, печерьськи,
Переяславськи и ты,
Свята Пятинко,
Простить и помылуйте.
Господы Мылостывый, Сусъ Хрыстось:
И самъ Богъ иде р. Божого
Од сояшныць шытаты
И видбавляты, вымовляты.
Сояшныци подумани, погадани!
И витрянїи и водянїи!
Тутъ вамъ не жыты,
Тутъ вамъ не буты;

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 325.

²⁾ *Ив.*

³⁾ Лоначевскій, „Сборн. вѣс. Буков. народа“, с. 105—6. (Ср. *букваль-но. К и р е з а п к о*, „*Volksmedicin*“, с. 62).

Идите соби на очерета, на болота,
Тамъ вамъ жыты,
Тамъ вамъ буты!“ (3 р.)¹⁾.

(При „соишницахъ“ сухихъ, съ тошнотою, такъ наз. „завійнѣ“, говорятъ, какъ бы растирая что то качалкой на столѣ):

„Завійна глазна, з. прозира, з. водяна, з. витряна з. полуношна! Матери Божій, царицы небесной и всихъ святыхъ прошю и молю нособыты новорожденному, хрещен. N.“ (Обмокнувъ тряпку въ деготь и обсыпавъ солью, прикладываютъ къ пупу больного)²⁾.

(Торкая ножомъ въ дно стакана съ непочатой водою, говоритъ три раза, не переводя духа, нижеприводимый заговоръ, а воду дать выпить больному): „Це не разъ, це не два... це не девять“³⁾.

„Bipahl, ik klag di
De Rewkau dei plaget mi,
De irst Tagel,
Dei hiroewer flücht
Dei nem s' mit sik in de Luft“⁴⁾.

„Jerusalem, du iudische Stadt,
Darin J-s Ch-s gekreuziget ward,
Das ist aus seiner Seite geflossen,
Wasser und Blut,
Ist für Seibel und Darmgicht gut.
Im Namen...“⁵⁾.

„Es walt Gott; ich weiss nicht, was dir fehlt,
Und weiss nicht! was dir ist,
So helfe dir der liebe Herr Jes. Christ!
Hat's dir gethan ein Mann,
So komme es denselben an!
Hats d. g. e. Weib,
So fahre es in ihren Leib!

¹⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 175.

²⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 33.

³⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 108.

⁴⁾ Bartsch, „Sagen Meklenburg“, II, с. 414.

⁵⁾ Kuhn, Sagen. . aus Westphalen“, с. 207. (Ср. Meier, „Gebr.“, № 80).

Ich hab's übersehn zwei böse Augen,
So überseh dich es drei gute!
Das erste war Gott der Vater,
Das andere war Gott der Sohn,
Das dritte war Gott d. H. Geist,
Der helfe dir wieder zu dinem rechten Bein, Blut und
Fleisch.

Im Namen "... (Говорить 3 раза, глядя по животу) ¹⁾.

„N. hast du Grimmen oder das Darmgicht,
So lass dir nicht so unehr sein,
Wie der Mann im Gericht,
Der ein unrecht Urteil spricht.

Im Namen" ²⁾.

Ierusalem, du judische Stadt,
Darin Jesus Christus gekreuzigt ward,
Daraus ist geflossen Wasser und Blut,
Das ist für Grimmen Kolik und Darmgich gut.

Im Namen" ³⁾.

„Ein alter Leibrock,
Ein alter Scheurenschopf (=навѣсъ)
Ein Glas mit rothen Wein,
Ei Grimmen, lass dein G. sein" ⁴⁾.

Стыскы (=затрудненное дыханіе, воспаленіе бронхъ и легкихъ, судороги голосовой щели, удушье, кошмаръ, Alrdrücken, Asthma, Herzspannen (сердцебиеніе), задышка, запаль).

„Стыскы витряни, прозирни, супротывни и стритени!
Я васъ шенчу и вышинтую, одсылаю на охта (=луга), на болота, на'че рета. Тамъ вамъ буваты, а нарожденного, мольтв.
р. Б. N. не сушыты" ⁵⁾.

„Стыскы витряни, прозырни, вы подумани, вы погадани,
туть вамъ не стоять, паростивъ не роспускаты, а жылъ не тягты,
а сердца не вялыты. Пидить соби на огни, на вельки стена,
тамъ вамъ буде пыння, гуляння, хороше буде вамъ провиданья!" ⁶⁾.

¹⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, II, с. 524—5.

²⁾ Ib., с. 525.

³⁾ Ib. ⁴⁾ Ib., с. 525—6.

⁵⁾ Милорадовичъ, „Нар. медц.“ (1900, VI), с. 312

⁶⁾ Ib.

„Господы мылостывый! Поможы мени, Матиръ Божа, си стыскы, одходыты. Стыскы, стыстыща! и витряни и водяни, и прозирни, и часови, и мынутни, и подумани; и погадани, и прылюбовани, и стритени, и зьидени, и хлопъячи, и дивчачи. Не я жъ васъ вызываю, и не я выкликаю, самъ Господь вызывавъ и выкликавъ, Матиръ Божа въ помочи стояла и си стыскы 'дбирала и зализному дидови дарувала. И зализный дидъ и зализна баба! посватаймось и побратаймось. Въ тебе дочка, а въ мене — сынъ — и возьмитъ си стыскы и пожерите и понесите на очерета, на болота, та на густы лиса, де мисаць не свитыть, де людскый гласъ не заходыть! Тамъ соби гуляйте и сухе дерево ламайте. Одъ їи грудей, одъ їи головонькы и одъ їи ручокъ, и одъ їи ножокъ, и одъ рожденои, одъ молытв. р. Б. Н.“¹⁾

(Цыгане представляютъ удушье, задышку въ видѣ злыхъ духовъ, поселившихся въ груди, поэтому угощая ихъ утромъ и вечеромъ нѣсколькими шариками изъ горчицы, смѣшанной съ сокомъ рѣдьки, говорятъ):

„Jesus hat man geschlagen, die Juden sind ihm auf der Brust gegessen, Gott hat sie vertrieben. Ein böser sitzt mir auf der Brust weisse Frauen vertreibt ihn, legt einen grossen Stein auf ihn“²⁾.

„Herzspannen rühr dich, Schaf kuchen verlier dich“³⁾.

Herzspannen von der Rippe,

Wie das Kind von der Krippe“⁴⁾.

„Fruchtbaum, | ik klag di, | Dat Hartspann, dat Lewerspann dat plagt mi. | Dor kem en Vugel ut de Luft | Ўn nem dat mit ich sine Flucht“⁵⁾.

(Крестя 3 р. грудь ребенка): „Herzspann, weich: von des Kindes Rippen | Wie der Herr Jesus in der Krippen“⁶⁾.

„Ich greif dich an mit meiner rechten Hand, du reissender

¹⁾ Милорадовичъ, Л. с.

²⁾ Wlislöcki, „Volksglaube... Zigeuner“, с. 160. (Переводъ съ цыганскаго языка).

³⁾ Франц, „Glaube. Brandenburg“ с. 195.

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ Bartsch, „Sagen Meklenburg“, II, с. 411—5.

⁶⁾ Роеск, „Aberglaube“, с. 115.

Krampfен, du Krampf, du sollst Stille stehn, d. s. nicht weiter, d. s. vergehn; geschwind wie der Rauch vom Wind, wie der Nebel von der Sonne sollst du gehn von dannen“¹⁾).

Супротивникъ (=младенческая немочь; сплѣшникъ).

„Я тебе вызываю и воскресною молитвою (— по произнесѣніи заговора читается: „Да воскреснетъ Богъ...“) заклинаю, поименно называю: Грыцько Кандыба! тутъ тоби не стоятъ, жовтои кости не ламаты, червонои крови не спываты, буваты тоби на мори на окіяни, тамъ живе гадына царьця; пора тоби туды давно явытьця“²⁾).

„Господы мыни поможи нарожд., хрещ. и мол. Н. отъ младенческаго поворожыты. — Младенческаке найдене, напытане, подумане, м-е погадане, витрове, водяне, я тебе выговоряю изъ очей, изъ плечей, изъ грудей-пагрудей, изъ сердца-пасерця, изъ живота-пажывота, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ кости-пакости, изъ крови-пакрови, изъ семыдесяты суставивъ. Я тебе выговоряю, молитвамы выклыкаю, ножемъ прысикаю, тутъ тоби не буваты, крови не спываты, наглою смертыю помыраты: я тебе высылаю на очерета, на болота, — тамъ тоби накупать-ся, тамъ тоби нагулять-ся, съ братчиками повидать-ся“³⁾).

„Добрыдень, вода Уліана! — Здоровъ рожденый, молитв., крещен. р. Б. Н. — Дай воды на помочь отлякать всякого супротивныка и сплѣшныка. — Дай Богъ стилкы помочи, якъ попамъ на Велькдень добычи“⁴⁾).

Суровець.

„Стану я р. Б. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, во чисто поле, за воромъ (?) въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ есть сине море, въ синемъ морѣ синей камень, на томъ ли на синемъ камнѣ сидитъ Пречистая Богородица. Взмолюсь, поклонюсь я р. Б. Н. той ли Пречистой Богородицѣ: «П-ая Б-це, вынь и выложи изъ р. Б. Н. суровець, непросыпъ, головной, глазной, пупной,

1) Köhler, „Volksbrauche“, с. 408.

2) Ивановъ, „Шепт. и знахар“, с. 738.

3) Иб., с. 739.

4) Ефименко, „Сборн. мдр. закл.“, с. 33.

изъ сахарныхъ усть, изъ горячей печени, сердечный и подсердечный, закожной и подкожной, нутровой, пузырьной и истовой, костовой и мозговой, жильной и составной, изъ 70 жилъ, изъ 70 составовъ, изъ 70 жилъ подпятныхъ, съ головы да въ тулово, изъ тулова въ ноги, изъ ногъ въ подошвы, изъ подошвъ въ сыру землю, за темные лѣса, за дики острова, гдѣ птица не залетаетъ, гдѣ звѣри не забѣгаютъ, добрые люди не загуляютъ, и воронъ кости все заноситъ. Нынѣ и во вѣки вѣковъ, аминь“¹⁾.

Сухоты (болѣзнь у дѣтей, въ родѣ чахотки, Abzehrung, úbyti (oubytĕ).

(Въ новый горшокъ складывается вся перемѣна ношенago бѣлья ребенка и варится. Больного ребенка слегка обмываютъ надъ этимъ горшкомъ. Горшокъ несутъ къ рѣкѣ, при чемъ мать ступаетъ по слѣдамъ шентухи, чтобы сухоты не нашли назадъ дороги. Тряся прибрежную вербу, шентуха говоритъ: „Трушу, трушу грушу, оттакъ хотилы сухоты вытрясты зъ твоего сына душу“ — и велитъ матери пустить горшокъ въ воду и бѣжать безъ оглядки домой. Обмывая ребенка говорятъ заговоръ): „Сухоты, сухоты, дитячи ломоты! я вамъ кажу, я васъ прошу р. Б. Н. не ломыть, не сушить, червоной крови не жовтыть. Идите соби, сухоты на рикы глыбоки, въ густы очереты, въ жовты лозы, де пивни не спиваютъ, диты не плачуть, люде не зайижжаютъ. Тамъ соби живить, тамъ соби плодицца, отъ младенца р. Б. Н. прыгожого геть отступниця. Аминь“²⁾ (3 раза, дую на лицо, руки и ноги больного).

(Положивъ возлѣ больного котенка или щенка, на котораго должна перейти хворь): „Згоняю, вымовляю сухоты, нудоты изъ пород., мольтв. р. Б. Н.“³⁾.

Посадивъ ребенка въ котель съ водою, подогрѣваютъ воду на легкомъ огнѣ. Одна изъ женщинъ, изображая кухарку, мѣшаетъ воду деревян. палочкой и на вопросъ другой: „Was

¹⁾ Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, с. 258—9.

²⁾ Ястребовъ, „Матер. Новорос. края“, с. 58 (то же въ „Лѣтопис. Новор. ун-та, с. 116).

³⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 17.

kocht Ihr“? — отвѣчаетъ: „Dörrerfleisch, dass er soll dick werden“. Вопросъ и отвѣтъ повторяются 3 раза...¹⁾.

Сажаютъ ребенка въ негорячую печь; кто-нибудь изъ домашнихъ спрашиваетъ: „Чи можна жъ дытыну у пичъ сажаты“? — (Въ отвѣтъ): „Чи можна жъ сухотамъ дытыну наладаты“? — Проговоривъ такъ 3 раза, вынимаютъ ребенка изъ печи, несутъ въ ровъ, гдѣ вырываютъ сквозную дыру и черезъ нее протягиваютъ ребенка. — „Чи можна дытыну скризь землю протягаты“? — Чи можна жъ сухотамъ дытыну наладаты? (Сбросить съ ребенка сорочку и оставить на мѣстѣ. Придя домой, взять непочатой воды, сдѣлать 3 × 9 варениковъ, сварить ихъ и въ отварѣ выкупать ребенка. Воду вылить и вареники выбросить²⁾).

(Вынести ребенка въ новолунье во дворъ): „Мисяцю новый, князю молодой, на тоби боклагъ порожный, дай мени боклагъ повный“³⁾.

(Впродолженіе 3 пятницъ, взявъ „симня калыны и сала“, столочь и мазать ребенка, говоря): „Господы, помогай! Росты въ гору, якъ коноплына, будь червоный (v. ч-а), якъ калына, набирайся сытности, якъ кабанъ сала“⁴⁾).

(Посадивъ больного надъ сосудомъ съ отваромъ изъ „oubu-tove koženi“, говорить утромъ и вечеромъ):

„Oubytě, souchotě,
Stůjte tak tiše,
Jako stala voda
V Jordaně u pana Ježíše;
ze srdce, ze žil i z plic
Odejděte pryč.
K tomu...“⁵⁾.

„Proszę cie mój święty, żebyś nakarmił te kości N. (имя и отчество). — Jak je nie nakarmis, to je weś do swojej miłości“⁶⁾.

1) Праhn, „Glanben... Brandenburg“, с. 191.

2) Чубинскій, „Труды“, I, с. 123.

3) Ib.

4) Комаровъ, „Новая збирка“, с. 115.

5) Erben, „Česká zařikadla“, с. 57.

6) Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, с. 55.

„Wychodzi słonecko z za góry,
Wychodźcie suchoty z za skóry.
Jako Bóg na niebie,
Przywróci zdrowie do ciebie,
O Maryjo z wysokości
Daj ze mięsa na te kości.
Boże prosimy Cie o przemienienie —
Lub na śmierć, lub na zdrowie“¹⁾.

Te(u)мянной зубище (зубище — темянникъ = особая дѣтская болѣзнь, при которой чувствуется общее расслабление, бываетъ рвота и поносъ).

„Зубищи, зубищи! выходзица на дубищи. Сухій дубища! возьми егья зубища отъ егаго дзицязи, цеменныя, ѣменныя, боковэя, горловэя и колючія и болучія, и подуманныя и погаданныя и поглядныя и посмѣшныя и пострѣшныя и попяренныя и радосныя и жалосныя, — зъ буйныя головы, зъ русаго волоса, зъ румянаго лица, зъ ярыхъ глазъ, зъ чорныхъ бровъ, зъ дванатцати жилъ, съ сороку суставъ и съ сороку полусуставцевъ. — Выходзица вы на мхи на болоты, на тонкія потоны, — тамъ вамъ цесовыя корвацы, пуховыя ляринки, цвилёвыя подушки, — тамъ вамъ стаць и гуляць, красувацца, а ня ў етымъ дзицязи, р. Б. Н.“²⁾

— „Якъ мой таточка зъ мамочкой (и наоборотъ) по свѣту ня ходзя, росицы ня топча, такъ цемяннымъ, потылошнымъ зубомъ ня болѣць, ня шумѣць, ня 'трыгатца, ня 'тъякатца. — Я съ словомъ, Богъ съ помоччу“³⁾.

(„Помацать зубища, потомъ сучокъ у стѣнцы налцемъ обвесьци и говориць“): „Якъ етому древу на пни не стоять, золотымъ вѣщьямъ не махаць, птушачкамъ не сядзѣць, гняздечки ня виць, дзѣтокъ ня выводзиць; — р. твоя Б., — такъ етому зубищу у роци ня быць, ни боковэй, ни висковой, ни нижній, ни висучій“⁴⁾.

¹⁾ Siarkowski, Op. cit., с. 55.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. Сборн.“, V, с. 164—5 (№ 29).

³⁾ *Иб.*, с. 86—7 (№ 187).

⁴⁾ *Иб.*, с. 88 (№ 196).

„Ранная зара отходжця, а вячерняя находжця, такъ цемная, потылишня субища отходжця“¹⁾).

„Св. четъвергъ! стань мнѣ на помощь зубищи уговаривать. — На мори — на лукоморы стоятъ три дубенячки, на тыхъ д. сидятъ 3 голубенячки. Якъ етымъ дубенячкамъ не стоять, гольлѣмъ не метать, такъ у р. Б. зубищу ня бывать“²⁾).

„Зара-зараница, Божая помощница! Прачистая Мати! Поможи помогати. Якъ пону подъ стовпомъ ня стояти, хростовъ ня поднимати, звоновъ ня бивати, харуимы ня ўспѣвати, такъ у р. Б. зубищамъ ня бивати, ни темянышку, ни висковымъ, ни груднымъ, ни подиятымъ, ни подиашнымъ. И урошныя и приговорныя зубища! идитя на старыи дубища“³⁾).

(Отыскавъ „дубовыя шула съ сукумъ“, — на который и пойдетъ болѣзнь, — набрать непочатой воды, поставить поблизости, взять на руки ребенка и, надавливая больной зубъ, говорить): „Вы зубы-зубища, идитя на дубища, но ты тимянной зубъ! ступай на зеленый дубъ! На зяленымъ дубу, на девятымъ суку, тамъ царица Мареея и присвятая Прасковеея. — Аны шатры разбивали, кровати становили и вяночки савивали: но ты, тимянной зубъ, ня будь тупъ, паснишай туда; саўють и табѣ, — а то табѣ бясѣдывать зъ ими некъда. — Я тебе пувяду на чорныя моря, — на ч. мори тамъ стаить вострыў. — На томъ вострыви ляжиць сѣрый камень. Тамъ ты стань, приживись, вальнойю ты умувайся, рыбу ты питайся; — толька рыбы ѣшь тотъ сортъ, якей ня ѣсть хрощоный народъ. — Штоба табѣ и звароту аттѣль ни було“⁴⁾).

„Господу Богу помолюся, Прачистой Матцы поклонюся, — ко мнѣ Богъ на помочь, Прач. Матаръ на радость. — Уговарую я зубищи боковыя, горловыя, стисковыя, потылошныя, грудковыя, батьковы. магкины, завистныя, корыстныя, мовныя, приговорныя, дявоччія, паробоччія, хто и чувъ, хто и бачивъ. — Якъ табѣ, дубя Данила, бяроза Катярина, якъ табѣ на корни ня стоять, гольлямъ ня махаць, корѣнна ня пускать, такъ у р.

1) Романовъ, „Бѣлорус. сборн.“, V, с. 87 (№ 188.)

2) Иб., с. 85 (№ 179).

3) Иб., с. 84 (№ 176).

4) Добровольскій, „Смолен. этн. сборн.“

Б. молоденца зубищу-темяньнику ня бывать, боковому, горловому. Уговариваю, умовляю дубища у р. Б. м-ца. Не я говорю, Господь Богъ Сусъ Хр. янгельлимъ словомъ, св. Духомъ. — Дубя, дубя, возьми свое зубы боковыя и горловыя“ ¹⁾.

При трескъ въ локоть (knacken im Ellenbogen).

„Ich Fecke meine Hand durch die Lehmwand | Und bitte für mein Quarrband“ ²⁾.

Отъ уграръ (нагаза).

„Ако стар, да ми си башта,
Ако си стара, да ми си маква,
Ко си млад, да ми си брат,
Ако си млада, да ми си сетра
Ние сме ксобрави и не видѣше
Дека да ѣдеме;
Прощавайте ни вие“ ³⁾.

Угрюмая скулка. (Принеся чистой воды, набранной въ одинъ прѣемъ по теченію рѣки въ чистую посудину, и вымывъ руки, говорить приводимый заговоръ надъ принесенной водою): „Ва имя Итца и Сына и Святова Духа. Аминь! — Ты заря-зарица, ты раса-расица, раннія и вечернія, ты скулища, ты, асудища, ты скула бѣлая, ты скула черная, ...синяя, ...багровая, ...жоутая, ...зависная, ...радосная, ...урошная, ...угрюмая, ...грудища, ...залотница, а коя бы ты ни была, — ну я р. Б., я тебе вупрашаю, я тебе высылаю изъ касти, изъ мащей, изъ ясныхъ вачей, изъ буйный галавы, изъ ретивога сердца, изу ѳсихъ жилъ, изу ѳсихъ пулусустаѳу, штоба р. Б. болѣсть ниристаѳу. — Ты ступай, скила, на синія моря, на синимъ мори ляжить бялой каминь, на б. к. сядить тамъ дявица, ана ни шѣить, ана ни мыить, ана ни ткеть, ана ни прядеть, только р. Б. помащъ атъ скуль даетъ. — Мы же просимъ: «Красная дявица,

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 83—4 (№ 172).

²⁾ P r a h n, „Glaube.. Brandenburg“, с. 126.

³⁾ „Сборн. за нар. умотъ.“, VII, с. 146.

сама чистая вадица, ты йшла зъ марскога ключа, изъ зимлянога нутра, ты размувала жалтыи пяски, ты падмувала крутыи биряжки, змѣй зъ р. Б. Н. скѣлу угрюмую и ў ўсю балѣсть“¹⁾. (Отлить 21 ложку воды и давать больному пить и мочить ему грудь 7 зорь утрен. и вечерн.).

Отъ удара (f. den schlagk).

„Nym ain federküs vnd legs auf ain drischeufel (=schwelle) vnd leg den fus oder die haut, daran du den schlag hast, auf den küs vnd nym ain schlegel hagken in die hant vnd heb die nagken mit der schneid in die hoch vnd shrich drey malen nach einander): «Gott der her beschuff den tag, der teufel beschuf den schlag; der den tag beschueff, der sey dir N. heut fur den schlag gut, in nomine patris et fyly et spiritui sancto»—(Als oft du den segen sprichst, so mach zum lesten dreu creutz über den schaden vnd zeuch die hagken von der noch gemacht mit dem ör auf den fus. Probatum est“²⁾).

Од улога (костоболье) (секавина).

„Секо, секавино, што сецаш, што стрецаш, што вратиш по костима? Машем секиром и сечем те; махнух ножем пресекох те, махнух метлом пометох те; устај на помоћ Мајко Бђе, милостивна“³⁾).

Укушеніе змѣи (гада, в. бѣшеной собаки).

Огромное большинство этихъ заговоровъ заключаютъ въ себѣ обращеніе къ царицѣ (в. царю) змѣй (иногда и къ самой змѣѣ) съ просьбой или приказаніемъ унять своихъ слугъ, подчиненныхъ. Крушевскій и этотъ типъ заговоровъ пытается перевести на рельсы старинной мифологической теоріи: „черная грозовая туча и быстро сверкающая молнія=небесному змѣю, дракону... Перунъ своими стрѣлами преслѣдуетъ дракона — тучу, силу темную или земную змѣю... Отсюда — змѣя лежитъ

¹⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 105.

²⁾ Oswald von Zingerle, „Segen“, с. 174.

³⁾ Милићевичъ, „Живот“, с. 188.

подъ «баранымъ чернымъ руномъ» (т.-е. въ тучѣ), а это руно — «подъ ракитовымъ кустомъ или дубомъ, на морѣ-океанѣ» (т.-е. на небѣ)¹⁾ и проч. — Проще разсматривать все это реально: у змѣй, при пониманіи ихъ въ человѣкообразномъ видѣ, можетъ быть царица, къ ней и обращаются; змѣи живутъ, дѣйствительно, подъ кустомъ или дубомъ и т. д. — Почти всѣ эти заговоры примѣняются безъ измѣненія текста и къ животнымъ и къ людямъ.

„Лизла рохля травою	А зъ кости въ отробу,
Та зализла въ волосся,	А зъ отробы въ лежки,
А зъ волосся въ шкуру,	А зъ лежкивъ въ сердце.
А зъ шкуры въ мясо,	Вылизъ, рохле, зъ волосся
А зъ мяса въ кровь,
А зъ крови въ кисть,	Вылизъ, рохле, зъ сердца“ ¹⁾ .

„Прийшовъ Вонъ, пустывъ желце въ шкуру, зъ шкуры въ мясо, зъ мяса въ печинкы, зъ п. въ селезинкы, зъ с. въ печинкы, зъ п. въ мясо, зъ м. въ шкуру, зъ ш. въ Вонъ“²⁾.

(Привязавъ къ укушенному мѣсту кусокъ желѣза или мѣдную монету, надавливая ею, говоритъ 9 разъ):

„Олено, царыце! закажы своему вѣйськови стеновому, полювому и водяному, щобъ выняли удо дерево“³⁾

(Прочитавъ предварительно молитвы: „Воспоминаніе Господа Бога нашего, Богородыце Диво и Господы помылуй“ 3 раза):

„Господь поможы, и я зъ рукою.
 По сынему морю озыряемына,
 По озыряемыни грушевыня,
 На грушевыни гниздыще,
 На гниздыци царыця Ляга.
 Царыця Ляга, царыця Лягыще!
 Собирай свое вѣйсько горюцьке и гадюцьке,
 Собирай и спынай зубы, губы и уста
 Отъ звираного лыцца,

¹⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 180.

²⁾ Курсзакко, „Volkmedicin.. in Bukowina“, с. 75—6.

³⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 180. Ср. Чуб., I, 122.—Ср. Ефименко, „Сборн. млр. закл.“, с. 16 (№ 49).

Отъ билои косты, отъ червоной кровѣ
Р. Б. Н. (Если у животнаго—по шерсти)¹⁾.

(Надавливая пальцемъ укушенное мѣсто):

„На Есіанскій гори совыначе гнзздо, и въ тимъ гнззди царыця Совыця; выймай свои слугы, выймай свои зубы сиры и били, смугнасти и полосасти, хатни, загатни, лугови, лисови, зымляни и водяни и жовти жовтяныци“²⁾ (9 разъ).

„На морѣ на окіянѣ, на о-вѣ Буянѣ стоитъ кровать новая, тесовая; на кровати лежитъ перина пуховая, на перинѣ лежитъ змѣя шкурная Осаха-Солоха; пустила свой плодъ по пнямъ, болотамъ, по лѣсамъ, по желтымъ пескамъ. Вынимай, змѣя, свое острое жало, и какъ не выймешь, то пойду къ Кузьмѣ и Дамьяну, то К. и Д. и самъ Господь пошлетъ на тебя громъ и молнію: громъ убьетъ, молнія сожжетъ и пыль вѣтромъ по полю развѣетъ“³⁾. (Обводя пальцемъ укушенное мѣсто).

(Обмывъ опухоль непочатой наговоренной водою и давая ее больному пить): „Ганно, Ганнусько, ты вкусылась, въ ногу впустилась; иди до сердца, а съ сердца — въ кишкы, съ кишокъ — въ кровъ, съ кровы — въ кисть, съ косты — въ шкуру, съ шкуры вонъ выйдуть“⁴⁾.

(Говорить 3 раза, дунуть и плюнуть):

„Въ первымъ рази, лучшимъ часи! Надъ жуковымъ полемъ тамъ стояла груша, а въ тій груши — цариця Елена. Царице-Елено, закажы своимъ тридевять дванадцатемъ сестрыцямъ по колющому и по болющому, а якъ не скажешь, то мы тому чоловіку скажемъ, що въ недѣлю воза маже и дрова рубает, то винъ васъ посиче и порубает“⁵⁾.

„На Сіаньскихъ горахъ, на морскихъ плитахъ стоявъ дубъ, на томъ дуби Семеново гнзздо, у Сем. гнззди Оленова змія. Прыхожу я до ясного сонця: «Олена-змія, зберы всихъ

¹⁾ Иващенко, „Шептания“, с. 180.

²⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 87—8. [Ср. почти буквально у Ефименка, „Сб. мдр. закл.“, с. 16 (№ 48)].

³⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 121. ⁴⁾ Ив., с. 122. ⁵⁾ Ив.—Ср. почти буквально у Ефименко, „Сборн. мдр. заклин.“, с. 17 (№ 50).

лютыхъ, зберы, роспытай, кетора люта змя упустыла жало, нехай вона выйме жало, рану залыже, опухъ потушить“¹⁾.

(„Въ воспоминаніе Господа Бога нашего, Богородице Диво, Господы помылуй“ 3 раза) — „Господь помощь и я въ рукою. По сынёму морю озыраемна, по озыраемни грушевина, на грушевыни — гниздыще, на гниздыщи цариця Лага. «Цариця Лага, ц. Лягыще! собирай свое вйсько гадюцькее и гадежськое, собирай и спынай зубы, губы и уста одъ звирного лыца, одъ билои кости, одъ червоной крови р. Б. Н.“²⁾.

(Ставь лицомъ къ западу и обращаясь къ хлѣбной коркѣ):

„Вужу-гичу гадь!	Скажы и прыкажы
Прыймы свой ядь.	И выннюю выдай.
Вужъ надъ вужамы,	А если не прыкажешъ,
Гадъ надъ гадамы,	То я пойду до Господа Бога
Круль надъ крулями!	Исуса Христа Бога нашего,
Зберы своихъ семъ сотцивъ:	Попрошу огненнаго меча,
Домовые, луговые,	Мечемъ высѣку,
Боровые, межевые и луже-	Огнемъ высмолю“ ³⁾ .
вые,	

„Заклынаю васъ, гадюкы, именовъ Господа нашего Исуса Христа и св. влкмч. и побѣдоносца Георгія и всѣми небесными силами. — Заклынаю тры царицы: Куфію, Невію, Палію, чтобы не вредылы Н. волосамъ, (такого-то) цвѣта“⁴⁾.

„Ишло тры Марьи и тры Дарьи калинавымъ мастомъ, а падь тымъ мастомъ расцець калинавый кустъ, а ў тымъ кусцѣ сядзиць гадъ. «Гадъ, гадъ! возьми свой ядь отъ цара Есьмана, атъ царици Есьманицы. Адаминъ»“⁵⁾.

„Помолымся Господу Богу и Матери Бож., Преч. Св. и всимъ свв. прендобнымъ. — Пидъ солнцемъ, пидъ жорстькымъ, пидъ лисомъ, пидъ чорнымъ, пидъ высокимъ, тамъ стоять верба; пидъ тоєю вербою симсотъ коренивъ, а на тій верби симсотъ канативъ, а на тихъ канатахъ сыдыть царь Ханъ и цариця Ханьця. И прошу я царя Хана и царици Х. и власны-

1) Чубинскій, „Труды“, I, с. 122.

2) Ib.

3) Ib., с. 121—2.

4) Ib., с. 121. — Ср. Ефименко, „Сборн. мл. закл.“, с. 19 (№ 54) — почти буквально. — Ср. еще Пассекъ, „Очерки Россіи“, II, с. 19.

5) Карскій, „Библ. зам.“ въ Ж. М. Н. Пр. 1900, XII, с. 498.

кивъ йихъ, и да поможыте и вышлите тры зубы лыкихъ зъ р. Б, зъ крови чорной, зъ кости жовтой, зъ шерсти рыжой. (Шлюнуть 3 р.). — Дай, Боже, помочъ“ ¹⁾.

„Царь Кудька, царь Мудька, унимай вужа, страшнага мужа; и унимай и вынимай юнысти, ярысти, гадысти (съ такей-та скатини)! — Ня унимаешъ и ня вынишъ сваю янысть, ярысть, гадысть — што пайду къ усимъ святымъ, буду прасить Господа Бога Исуса Христа и Масіера (?) съ нябесными силами. — Нашлетъ Госпади три тучи грозныхъ: одну камяную, другую витравую, третію агняную, — агнемъ пуналить, каминимъ разабеть, вѣтрымъ попилъ разнясетъ“ ²⁾.

„Царь-змѣй Скуруней, царица-змѣица Скуруняица, сабирайтя сваихъ змѣй и спрашивайтя, каторыя хадили, каторыя брадили и такую та животную кусали и злая жигало пускали и лютую ярысть. — И вы сабирайтя и спрашивайтя, змѣи баютныи, змѣи лугавыи, и змѣи куставѣи, и змѣи падкалодныи, и змѣи падкурчѣженныи, и змѣи дамавѣя падугольныи, и з. чорныи и з. рудыи и з. пирипялѣсыи и ты, лютія змія, злая вирятенница. Сабирайтисъ, уси змѣи, вынимайтя свае злая жигала и лютую ярысть, штобъ вамъ тутъ ня быть и ня жить и такую то животную скатину ни нудить и ни марить и яе кожу ни кусать и вопуху ни пуцать. — Вынимайтя свае лютыя жала и лихую ярысть ать етый животный изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, изъ нажилокъ, изъ сустауцьѣу, изъ поль-сустауцьѣвъ и малинькихъ с-въ и ать буйный галавы, и ать быстрыхъ нохъ, и ать хрябетный кастеи и ать длинныга хваста,—то мы будимъ прасить святога Михаила Архангила и нябесныи силы, напраганяющихъ усѣхъ урагоу и супостатыу. Св. М-ль Ар-ль и нябесныя силы усѣхъ змяевъ пажгеть, пупякеть св. своимъ кошимъ, пасякеть; сями огниная кадила ангель запякеть и витрами и вихрами у паганья моря попилъ знясетъ“ ³⁾.

„На ржанамъ на жнивищи стаить кустъ ракиставый, падь тымъ кустымъ ракитивымъ стаять кровати тисавыя, перины

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 121. — Ср. Шышадкѣй-Илличъ, „Черн. Губ. Вѣд.“ 1858 г. № 17, ч. н.; Ефименко, „Сборн. млр. ваклин.“, с. 18 (№ 52).

²⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 179.

³⁾ Ib., с. 188.

пухавыя, адіялы шелкавыя, ляжить руно шерсти, и ў томъ руни шерсти сядить змя Шкурунея, з. Партунея, з. Настасея, з. Марэя. И прашу я васъ всѣхъ змѣевъ набальшыхъ, унимайтя вы всѣхъ сваихъ змяёу: падкутныхъ, вуглавыхъ... и летающихъ на воздухахъ: што аны ходя збродничаютъ, распутничаютъ: укусили скатину разный шерсти и сваё змяинныя жала упустили.— И скажита вы имъ, штобы аны взяли къ себѣ свае жало“... Въ противномъ случаѣ угрожаютъ, что Михайль Архистратигъ накажетъ ихъ ¹⁾).

„На мыри, кіяни, на вострови Буяни, стаить дубъ.—Падъ тымъ дубымъ стаить ракитыў кустъ; падъ тымъ кустомъ ляжить бѣль каминь алатырь; на тымъ камни ляжить рунець; падъ тымъ рунцомъ ляжить змѣя Скарпея. — Іостъ у ней сестры: Арина, Катерина.—Мы Богу памалаямся, на усѣ чатыри сторыны пакланяемся — вазьмита сваю лихысть ать раба или ать скатины (сказ. цвѣтъ шерсти), на сей день, на сей часъ! — Нахристь дунуть“ ²⁾).

„На мари (bis), на бѣлымъ лукамари, стаить ракитывый кустъ; у тымъ ракитывымъ кусти есть змѣинныя гняздо; у тымъ гнѣздѣ ляжить змя Шкурнея, Палагея, усимъ змямъ мати (старая змя съ природку). — Змя ты, Ш., П., унимай сваихъ гадыў, падкурчижныхъ, падкалодныхъ, надстѣнныхъ, паднавозныхъ... А ежели ты ня унимишь сваихъ гадыу, будимъ прасить апостылыў, Ильлю надиляцага, штобъ тябе ня толька штобъ громымъ убить, — ну и маланьёю бѣ спечъ... А ня вынишь ты жала съ гнядѣй лошади ядъ свой, то будить табе на ўсихъ сястеръ на вашихъ аканчѣніе: на Палагею, на Сихвею, на Малгариту, на Стипаниду. Унимайтя сваихъ гадыў, а то будимъ прасить Махайлу-Архангилу залѣзнымъ жезлымъ, штобъ васъ и пасѣчь и пурубить и у прудахъ пупалить“ ³⁾).

Стать къ образамъ, прасить о помощи Богородицу, змѣѣ же „Шкурнеѣ“ велѣтъ унять своихъ дѣтенышей, въ противномъ случаѣ Мих. Арх. „прїѣдитъ съ голымъ меччимъ, съ молнію и

¹⁾ Добровольскій, Ор. сіт., с. 183—4 (ср. очень близкій вар. № 7 на с. 185).

²⁾ Ib., с. 184.

³⁾ Ib., с. 186—7.

гразоу, пасякыть вась и парубить и молнію пажгётъ и попилъ размятеть“¹⁾).

„Бхавъ черезъ поле Михайло-Рыхайло на бѣломъ конѣ и зъ гострымъ мечемъ, черезъ афтыгыне поле, а на а-мъ поли и тамъ бѣлый камень лежитъ, а подь к. Агына-царыця лежыть, и весь гадъ и шчувае, и тамъ ставъ Михайло-Рыхайло, ставъ ее сѣкти, рубаты и по тимъ камени кровь еи мазаты“²⁾).

„Господы мылостывый, Господы праведный! На мори на окіяни, на гори на Осіяни стоить дубъ гилчастый, на тому дубу сорокъ сорокывъ гилывъ. На тому гилли змѣево гнездо, и Маруся тамъ. Уставай, Маруся, и пидіймайся и збырай свои вѣйська лисови, лугови и пискови и пидпокутни и изъ ныхъ зубы вынимай“³⁾).

„На морѣ на Окянѣ, на островѣ на Буянѣ стоить дубъ. Подь тѣмъ дубомъ стоить ракитовъ кустъ, подь тѣмъ к. лежитъ бѣлъ камень Алатырь⁴⁾); на томъ к. лежитъ рунецъ, подь т. р. лежитъ змѣя-Скорпія; есть у ней сестры: Арина, Катерина. Мы Богу помоляемъ, на всѣ четыре стороны поклоняемъ — возьмите свою лихость отъ р. Б. Н. (в. скотины Н. шерсти)—по сей день по сей часъ“⁵⁾).

„На мори на лукомори стоявъ дубъ дупластый, а въ тымъ дуби Авель. Авель (bis)! мылуй опухъ; мени одъ тебе не шептаты, тоби самому видцедва выпадаты“⁶⁾).

„За моремъ гора, а на той гори дубъ стоить, а въ тымъ дуби бараново руно, а въ томъ р. лежитъ змѣя скорпія Марья; прошу я выйти змю скорпію, погуляй на инша, на болота, на очерета, на осенній покосы, на холодны воды; отзови свой лютыи гадъ изъ гноевъ, изъ приспѣ, изъ хлибовъ, изъ лисовъ, изъ черной и билой и рябой и половой и сироквой и перистой,

¹⁾ Добровольскій, *Op. cit.*, с. 184—5.

²⁾ Ефименко, „Сборн. мѣр. закл.“, с. 18 (№ 53).

³⁾ Манжура, „Сказки“, с. 150—1.

⁴⁾ „На Воздвиженъ змѣи собираются въ кучу, въ ямы, пещеры, яры, на городищахъ и тамъ-де является бѣлый и свѣтлый камень, который змѣи лижутъ, насыщаясь имъ и вливаютъ весь, это и есть бѣлъ-горючъ-камень Алатырь“ (Даль, „О повѣр.“, с. 39).

⁵⁾ Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 395.

⁶⁾ Манжура, „Сказки“, с. 151.

гнидистой и зузулястой: выймы жало-жалище, а не выймешъ ты жало-жалище, то буду я просить ангела, архангела, щобъ тебе избыть громомъ и молніей. А не послушаешъ цѣго, то буде тоби то, шо тому чоловіку, шо въ 'оскресный день дрова рубывъ, а не послушаешъ цѣго, то буде тоби то, шо тому чоловіку, шо въ 'оскресный день дрова ломавъ“ ¹⁾.

„Посылала Пречыста черныцю на Сіоньську гору; на тій гори Вавылонъ-городъ, у В. г. царыця Вольга. — «Царыце Вольга! чому ты не учышъ р. Б., щобъ (гадюка) не кусала?» — Не тилько свій потомокъ поучю, ать и сама передь Господомъ Богомъ крыжемъ паду“ ²⁾.

„Пресвятая Богородыця... На Осіяньськимъ мори стоить дубъ, а въ тимъ дуби — Яруславъ Лазурувичъ. Я-въ Л-чъ! не будешъ ты свою гаду збираты, изъ жовтои кости зубы выниматы — полёвойи, медовойи, травьянойи, болотянойи, — побье тебе день Середа. Аминь“ ³⁾.

„Гада (З р.)! уними свой яде, а не унимишь свойго яду,— буду гаду заклинать яснымъ солнцемъ, дробными звѣздами и всѣмъ міромъ православнымъ, Михаиломъ Архистратигомъ, чуднымъ Іеремою и вечернею зарею“ ⁴⁾.

„Вѣрую во единого Бога... Ой на мори — на окіяни, на о-ви на Буяни стоить дубъ, а въ тимъ дубу срубъ, а въ срубѣ — змінный зубъ. Змій окатиха, опалиха, одилиха, омижиха! Въ чистомъ поли на рябому кони Господь самъ поизжае, искае змій окатихи... омижихи. Выймать изъ р. Б. (в. ихъ худобы) змінный зубъ, та положить гадови въ срубъ, а не вынете, выновати будете“ ⁵⁾.

„Господу Богу помолюся, Матери Божой Пречистой поклонюся. Изъ-видки сонечко сходытъ, изъ видты я приступаю, Маты Божа помогае и я помогаю, гадыну замовляю. На гори, гори Іонской, на води Іорданской, тамъ лежала гадына Зофія. Гадыно Зофія: прыкажы гаду, щобъ не роспускавъ яду до жовтои кости, до червоной крови, до щирого сердца, до румяного

¹⁾ „Харьк. Сборн.“, VIII, с. 72—3.

²⁾ Драгомановъ, „Малорус. пред.“, с. 30.

⁴⁾ „Могилев. Губернск. Вѣдом.“ 1900 г. № 46.

⁵⁾ Щербина, „Наговоры“, с. 587.

³⁾ Іб.

лыца, до р. Б. крещен., священ., молитв. Н. — На Иосафатовой долини, на перекрестному шляху тамъ стояли: Сава и Варвара и Мыкола и Покрова и св. Благовищенье. — Ясныя свичи по-свитылы, Господа милосердного просылы и молились и благо-словились за хрестьянску виру за р. Б. Н.¹⁾

(Прикладывая кислаго молока и „непочатой“ воды): „Сто-явъ дубъ Точка(?). На дубови гадюка Вильга, усѣму гадови пе-кельныця и голова. И позволъ мини, Вильга, одъ гадыны шеп-таты: и одъ черной и одъ рябои и одъ жовтой и одъ крутиль-ныци-веретильныци“²⁾).

„На чорнимъ мори чорна кула, въ чорній куши чорна гру-ша, въ чорній груши золоте гнздо, въ тимъ гнзди Мла га-дюка, вужъ и вуженята, гадюка й гадюченята. Мла гадюка! збе-ры вужи и вуженята и гадюкы и гадюченята, встромы жыло въ землю“³⁾).

„На Сіянскій гори стоить золота груша, а въ той груши — золоте дупло, а въ тимъ дупли — золоте гнздо, а въ тимъ гнзди сыдыть царыця — золота Рыце! Якъ не выймешъ ты свое жало изъ чоловика, р. Б. Н., то буде тобі шо тому чоло-викови, що въ субботу по заходи сонця дрова руба, а въ неді-лю отца, неньку проклина“ (3 р.)⁴⁾).

(Надъ водою, которую даютъ пить больному): „На морѣ-океанѣ, на быстрой Боянѣ — тамъ есть гнѣздечко, въ томъ гнѣздечкѣ — царица, веретенница, Елена-гаденица. Скотина по полю ходитъ, скотина не знаетъ, скотина наступитъ, скоти-на умретъ, тебѣ грѣхъ будетъ, — приходи помощь подавать: изъ черной шерсти зубъ вынимать; если не придешь, то закла-ну тебя на семь лѣтъ“⁵⁾).

„Господу Богу помолюсь, Пречистой въ ноги поклонюсь. — Есть у меня рава, въ той равѣ стоить яблонь золотая, на той яблони кора золотая, голъе золотое, въ томъ голѣ гнѣздо зо-лотое, въ томъ гнѣздѣ сидитъ царъ Вивъ. Царъ Вивъ! унимай

¹⁾ „Кіевское Слово“, № 558.

²⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 107.

³⁾ Пь.

⁴⁾ Сорокинъ, „Мѣстечко Дмитровка“, с. 16.

⁵⁾ „Курск. Губ. Вѣдом.“ 1898 г., № 14. (Записано въ слоб. Пѣвѣ, Обоянск. у-отъ знаменитаго знахаря. Перепеч. въ „Этногр. Обзор.“ 1898 г., кн. 2, с. 152).

своихъ слуговъ, какіе на свѣтѣ есть: степовыхъ, лѣсовыхъ, водяныхъ, межевыхъ. Если не будешь ты унимать, то я буду отъ тебя слово знать. Есть у меня день четвергъ, въ который я рожденъ, то я заговорю тебѣ зубъ“¹⁾.

„Господи Боже нашъ! помоги и допомоги мнѣ грѣшному человѣку, а ты змѣя, царице Листрице (вар. — Мистрице) созови свои сестры и посестры, выйми свой синій зубъ и синія жилы и Н. р. Б. бѣлокураго ли, черноволосаго ли, русаго ли“²⁾.

„Рей-гадина, обитающая на бѣломъ морѣ, на кудрявомъ деревѣ, запрещаются отъ Матери Б. Преч. Приснодѣвы Маріи, чтобъ ея команды гады, укусившая Н. человѣка (—в. скотину такой то породы и цвѣта шерсти) ничѣмъ не вредила, и язва исцѣлена да будетъ силою и молитвами Матери Б., которая повелѣваетъ уязвленному человѣку Н. омитись непочатою чистою водою“³⁾.

„Первымъ разомъ, лепшимъ часомъ. Господи Боже! мнѣ поможи и допоможи. — Харіе и ты, Хавріе, и ты веретѣльнице, въ мор(н)ѣ на днѣ все воздвиженіе на тебѣ, — закажуйте всему гаду рябому, половому и всему пресмикающемуся на земли отъ р. Б. Н. (в. отъ скотины Н. шерсти), отъ бѣлой кости, жилъ и крови“⁴⁾.

„Змія Корпія, змія Квирита, на што своихъ дзѣцей распусцила? Пойду я къ Іисусу Христу. Х. возьмець острый мечъ, пойдзець твоихъ рубиць и сѣчь. — Человѣче Божій! нейдзи къ І. Х-у! Я своихъ дзѣцей уйму и имъ жало замору“⁵⁾.

„Во имя Тца и Сына и Св. Духа. Аминь. Ёдзя св. Юры-Ягоры на нябаси, на золотомъ кони, выстрѣжая, выгрожая отъ ужа и ярыци, отъ гада таранея (=видъ ужа). Выпусьци своё жало трусьимъ пяромъ, рассынься маковымъ зярномъ“⁶⁾.

(Обмывая рану наговор. водою): „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Нынѣ небо было мѣнно (=мѣдное), а змѣя была желѣзна; на небѣ потускнѣло, на землѣ поцарнѣло, зыла змѣя, зыла яго, изъ-подъ липова куста, р. Н. Змѣи вы, змѣи! всѣ вы,

1) Ор. cit.

2) „Рукопись А. И. Чепы“, с. 126.

3) Шейнъ, „Матеріалы“, II, с. 547.

4) Ib.

5) Ib., с. 128—7.

6) Ib.

моховыя, лѣсовыя, боровыя, ползущія, лягуція, збирайцесь, злетайцесь, къ своему царю змѣиному Суходыму, а ёнъ васъ гониць желѣзнымъ прутомъ къ самому Христу, что вы, не спросившись, бросаецесь, кусаецесь, на цаловѣка кидаетесь. Вуймицесь, вуймицесь, въ землю пропадзице и во вѣки вѣкоу. Аминь“ ¹⁾.

Царь змѣиный Ирѣ,

И царица Ирица!

Лютыхъ своихъ змѣй унимай:

Первую змѣю дворовую,

Втору змѣю лѣсовую,

Подмежницу, корежницу,

Полевицу, водяницу.

Не будзешъ унимаць,

Напусьциць на цябя

Самъ Господь Богъ,

Самъ Илля пророкъ,

Тучу цемну, пелену огненну

И пожнець ты и поцнець ты

И по вѣтру разнесецъ ты;

И будзешъ унимаць,

Будзешъ сокращаць, —

Будзешъ жиць, цариць,

Дзяцей выводзиць“ ²⁾.

„Во ймя 'Тца й Сына и Св. Духа. Аминь. Помолимся Господу Богу, Мацеръ Божію просимъ на помощи. Царь Семень, возми жало до сибѣ, — не возмешъ до сибѣ, пойду до Г. Б., до Духа Св., до Кіеўскихъ, Печерскихъ, до ўсѣхъ преподобныхъ. Выпусьци свое жало трусимъ пяромъ, маковымъ жарномъ“ (3 раза) ³⁾.

(Обмывая рану и давая пить наговоренной воды): „Гадъ Яковъ, гадзина Яковица! Гадъ, Гадъ! возьми свой ядъ. А ня возьмишь свойва яду, я пойду на 'Кіянъ моря. На 'Кіяни мори ляжытъ Латырь-камень. Я съ латыря-камня возьму огню, съ питуна кровви, выжгу вси мхи, вси болоты, вси крутыи береги. Ня будзиць вамъ ни пристанища, ни прибѣжища. Вѣтка и млада Марто, мая мѣсяца — во вѣки вѣкомъ“ ⁴⁾.

„Гада (3 р.)! Уними свой яде, а не унимешъ своего яду, буду гадю заклинать яснымъ солнцемъ, дробными звѣздами и всѣмъ міромъ православнымъ, Михаиломъ Архистратигомъ, чуднымъ Геремою, утреннею и вечернею зарею“ ⁵⁾.

(Бросивъ въ чашку съ водой хлѣбныхъ зеренъ и кусоч-

¹⁾ Шейнъ, Ор. cit., с. 548.

²⁾ Ib., с. 548—9.

³⁾ Ib., с. 549.

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ „Этн. Обзор.“, кн. IV, с. 217 (Ст. Вольтера).

ковъ печенаго хлѣба, дають больному пить): „Св. Георгій храбрый распущенъ по всей земли на звѣри, на гады лютыя. Гадина водзяная, земленая, слѣпни и вужи, змѣи и вужаки, ярица переярица! Отдайце и возьмице свою жалосць и яросць у р. Б. Н. (в. у скотины Н. шерсти). Если не отдадице своей жалосци и яросци, то не будзець вамъ сбудища ни подь кустомъ, ни подь листомъ, ни подь корнями. Солнце и яркій мѣсяць не будуць вамъ свѣщиць и не будзець принимать васъ маць сыра-земля“ ¹⁾.

(На хлѣбѣ или водѣ—3 раза): „Пусиха, Росиха, Сохва-Ворохва! Ты ярая, гнойная, гниловая, колодная, болотная! узними жегало свое. А не узнешь, то пойду до Господа. Господзь Богъ Исусъ Христосъ пришлецъ ангела-архангела зъ ойстрымъ мечемъ. Ень цябе мечемъ посѣчець, огнемъ поднечець и пепель твой разодець“ (3 р. здуць отъ сябе) ²⁾.

„Помяни, Господзи, царя Давыда и ўсю кротось яго и великую памяць яго. Судержавъ царь Давидъ воду, зямлю и наши грѣшныя души, судержай жа змѣй скурлуней подпешныхъ, запешныхъ, защитныхъ, гнойныхъ и подмежныхъ, лѣсовыхъ. — На синимъ мори, да на востровы бягиць рѣка Смородзина, черезъ тую ряку ляжиць дубъ гнилый дупленястый, а ў томъ дуби сядзиць змяиный царь Сокатынъ. Унимай жа ты, царь Сокатынъ, своихъ дѣтей скурлуней, унимай и жало вынимай и вопухъ полегай, и пользу давай. А ня будзешъ унимаць, будзець Господзь грозу насылаць, каменнемъ побиваць, градомъ засѣкаць“ ³⁾.

„На Кыяньской горѣ, на Трыянськой травѣ стоиць яблыня, на той яблыни зылатое гняздо, у т. гняздѣ змѣя-царица Елена. Унимай ты своихъ змѣй водзяныхъ и полявыхъ и лѣсовыхъ, подмежныхъ, подстрѣшныхъ, подкутныхъ и лятучихъ и рябыхъ и черныхъ и перепелѣсыхъ. А ня будзешъ ты унимаць, будземъ кожу твою чартвовать (=четвертовать).—Синій огонь раскладися и рана залячися и жало залякися“ ⁴⁾.

¹⁾ Шейнъ, „Материалы“, II, с. 550. ²⁾ П., с. 550—1.

²⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 176 (№ 72).

³⁾ П., с. 180 (№ 87).

„Выйду я въ чистое поля, гляну на кіянь-моря, на к.-м. стоиць ясенъ, на ўсё моря красенъ. Я цябе, ясенъ, ссяку, зрубаю и корення твое пораськидаю. — За што ты мяне будзешъ сѣчь и рубаць и корення моё раськидаць? — А за то, што подь тобою ляжиць сливень-сливицовый и ящеръ-кащеръ. — Сливень-сливицовый и ящеръ-кащеръ! унимай своихъ слугъ и заговаривай жалы болючія и зубы кусючія. — Ня будзешъ унимаць, то я буду просиць Ивана Прячечаго, то ёнъ васъ побѣецъ и посячець, и ня будзя васъ ни сливня, ни ящера“ ¹⁾.

„Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь. — На мыри, на кіяни, на гарѣ на Сіани, тамъ стаить ябланъ, залатая ябланка и серебряная. Тамъ хадила и гуляла Мать Присв. Багародица са сваимъ сынымъ Исусымъ Христомъ“. Дальше — просьба къ ней заговаривать. Богор. обѣщаетъ послать трехъ св. Іоргія, Николу Чуд. и Мих. Арх., которые уймуть змѣй. (Обычное перечисленіе мѣстъ жительства ихъ) ²⁾.

„Господзи помилуй, баслови Господзи! На мори на 'Кіяни, на быстрымъ Буяни стоиць липовый кустъ; подь тымъ кустомъ ляжиць бѣль камянъ, у бѣлымъ камни чорна руна, у ч. руни змѣя-шкурлупея, сестра Палагея, цѣтушка Авѣхимья. А ты, змѣя-шкурлупея, сестра П., цѣтушка А., змирай своихъ змѣй, а то буду просиць Михайла-архангела, -- ёнъ цябе громомъ забѣецъ, молоньею спалиць, буйнымъ, буйнымъ попяль разнясець. Уними своихъ змѣй сипучихъ, лятучихъ, повзучихъ, земляныхъ, водзяныхъ, навозныхъ, дзерновыхъ, крышачныхъ, берновыхъ, подколодныхъ, корчавыхъ, подмежныхъ, запечныхъ, кочарежныхъ.—Господзи помилуй, баслови Господзи“ ³⁾.

„Змѣя жъ ты вереница, змѣя первовая и друговая, трещевая ...дзесятовая — уними свою войску, пухлицу, яросць и жаросць. Ня ўнимешъ жа ты, я ўниму: Господу Богу помолюся, Исусу Христу поклонюся, св. Михайлу-архангела зъ неба спрошу. Раскопаю я ваши пняки, горы и пщеры, выведу я вашъ

¹⁾ Романовъ, *Op. cit.*, с. 184 (№ 100).

²⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 180.

³⁾ Романовъ, *Op. cit.*, с. 107 (№ 276).

родъ и племяна. — Ты водзица-царица, обмый р. Б., — табѣ на синимъ мори слава“¹⁾.

„На мори на Кіяни стоиць дубъ, подъ тымъ дубомъ липовый кустъ, у томъ кустѣ ляжиць змѣя шкуронея. Ты змѣяшкуронея, а я р. Н. (знахарь): собирай свой народъ съ усихъ сторонъ, со мховъ, зъ болотовъ, зъ нятлѣнныхъ гноевъ, съ темныхъ лясовъ, съ щирыхъ боровъ, исъ крутыхъ межъ; и вынимай змяинный ядъ съ костей, съ моцей зъ русыхъ волосъ. Не послухаешъ того, пашле на тябе Господь тучу, громъ и молонью“²⁾.

„Змя-гадыня, старая скоролоница, судержай свой ядъ проклятый — подмежныхъ, водзьяныхъ, полявыхъ, лѣсовыхъ, домовыхъ, усихъ дванатцаць. Не уговоримъ цябе, уговориць цябе Кузьма Дземьянъ, будзець цябе сѣчь зялѣзнымъ кнутомъ. На синимъ мори ляжиць камень, на томъ камени лежаць подушачки, на тыхъ подушачкахъ сядзиць Маць Прячистая, сядзицьвысиджаецъ и шовкъ выпрядаецъ и р. Б. помочи даваецъ и раны зашиваецъ“³⁾.

„Хадилъ Бохъ съ Мать-Прячистый на зялѣнымъ лугамъ, сабирали и рвали разны травы и прикладали къ змяинной рани. Божжія тростъ абламилась, змяинная жала атвалилась ать раба... Ать скатины (такой-то шерсти“⁴⁾). Въ началѣ и въ концѣ заговора — Отче Нашъ. Обращаться къ востоку.

„Поля-полѣмъ, ѣдзя св. Ягорій сивымъ конѣмъ, зъ золотымъ кошемъ. Енъ ѣдзя-проѣжжая, усихъ гадовъ побивая, болотныхъ, подколodныхъ, моховыхъ, земляныхъ, дворовыхъ, гноявыхъ, подбуголныхъ, лѣсовыхъ, полявыхъ, водзьяныхъ, межавыхъ, подкаменныхъ. Есь самая старшая Пуцимѣя, Расхоцамѣя, старая Соломонида, — вынь это жигало зъ р. Б.“⁵⁾.

Ишовъ Августъ по широкой дорози, узыйшовъ на крыжавую дорогу; на к. дорози стоиць дубъ, у тымъ дубу змяинный зубъ — кусавъ и рвавъ р. Б. цѣло. — Я твой ядъ вынимаю,

¹⁾ Романовъ, Op. cit., с. 107 (№278). — „Перечисленіе змѣй основано на повѣрѣхъ, будто изъ множества рождаемыхъ змѣю дѣтеншей остается въ живыхъ не болѣе десяти—остальныхъ она поѣдаетъ точась по рожденію“ (Ib.).

²⁾ Ib., с. 109—10 (№ 285).

³⁾ Ib., с. 119 (№ 305).

⁴⁾ Добровольскій, „Смолян. этн. сб.“, с. 186. ⁵⁾ Rom. V, 117 (№ 322).

коноплянымъ и маковымъ зернямъ отсыпаю, цѣбе проклиною и отсылаю къ дубу, къ змяиному зубу“¹⁾.

„Бхала царица на комази (?), сустрѣвъ яе высокосъ годъ: ты царица-сипуха, а другая хрипуха, а третьтяя салопаха, сунимай своихъ слугъ старыхъ и малыхъ, близникъ и дальнихъ, бягучихъ и повзучихъ, хлявныхъ и сероновыхъ, крапивныхъ и подтынныхъ, земляныхъ и водяныхъ; коли зубъ, то выкинь, коли жало — выпустъ, вамъ тутъ не стоять, кости ня ломать, кривы ня псовать и сэрца ня сушить. Икупъ и Икупина, сунимай своего братя жало, — коло р. Б. — слово. Дай Богъ на помочь“²⁾.

„Дѣсь-ня-дѣсь, на моры, на лукоморьи стоить яворъ, а на томъ яворы гняздо, а у т. г. голá (=змѣя).— Гола-голица! сунимай свой гадъ повзучій и лятучій и крапивный и подтынный, водяной и земляной и сирановой и гноявый. — Богъ на няби, а зубъ на зямли. (Сказавъ 3 р., дунуть). — Якъ мой духъ лепокъ, щобъ и табѣ тихенько було да лягенько“³⁾.

„Сливянь-сливянистый, россучій, повзучій, колозовистый, полозовистый, сляпый, нявидущій! на што ты етаго християнина покусавъ, на што ты яго обидивъ? — Пойдемъ къ Богу судитца зъ ранняя зары до вячернія, а зъ вячернія до звѣздъ, отъ з. до мѣсяца, отъ м. до яснаго сонца, отъ я. с. до Господа Бога. Вотъ тамъ будя вужу мука и тресканья, лопанья и вяликое выстянанья“⁴⁾.

„Во имя Отца... Ой Самасуй боровай, Гладомиръ моховой! скоро приходи, унимай свои лютыя яды (съ коровы Н. шерсти), изъ бѣлыи кости, изъ червоной креви р. Б. Н.— Уговариваю, умовляю у дни подъ солнцемъ, у ночи подъ мѣсяцемъ, передъ ранними росами, передъ вечерними зарами“⁵⁾.

„Во имя Отца... Пресвятый день и святой (название дня недѣли). Въ чистомъ полѣ на таковицѣ (= мѣсто, гдѣ водятся змѣи), тамъ высокій курганъ, подъ тымъ высокимъ курганомъ сидеть царь Халиманъ и царица Ягипа. Туда ѣдитъ св. Миха-

1) Романовъ, Op. cit., с. 119 (№ 335). 2) Ib., с. 120 (№ 340).

3) Ib., 122 (№ 347). 4) Ib., с. 123 (№ 352).

5) „Могилевск. Губерн. Вѣдом.“ 1889 г., № 2. (Перепечатано въ „Этногр. Обзоръ“, 1889 г., кн. I, с. 162).

иль архангелъ съ острымъ мечомъ съ небесною силою. Помогай Богъ, царь Халиманъ и царица Ягипа. Доброе здоровье, св. Михаилъ архангелъ, унимай своихъ лютыхъ змѣевъ — летучихъ, ползучихъ, подпечныхъ, падрѣшныхъ, калиновыхъ, рябиновыхъ, осиновыхъ, суничныхъ, брусничныхъ, межавыхъ, гноявыхъ, водяныхъ, болотныхъ, калодныхъ; унимай лютые яды, рыжеи, ярые жалы р. Б. Н. съ чорнаго волоса, съ бѣлой кости, изъ червоной крови — у дни подъ сонцемъ, у ноци передъ мѣсяцемъ, передъ ранними росами, передъ вечерними зарями. Не будешь унимать, буду золотымъ крестомъ побивать, острымъ мечомъ голову зрубить, по полю мяса расторкать, по сырой землѣ кровь разливать¹⁾.

(Вступленіе). „О пророкъ Сулейманъ, единый пророкъ С-нъ (= Соломонъ, который, по преданію, зналъ языки животныхыхъ, птицъ, насѣкомыхъ и проч.),

Вызываю тебя на помощь.

О пророкъ Даудъ (= Давидъ, отличавшійся необыкновенною силою), выжимающій жиръ (изъ желѣза),

Обладающій необыкновенной силою, жду тебя.

О пророкъ Ана-діаръ, о пророкъ Аша-діаръ,

Внемлите моему зову, спѣшите ко мнѣ на помощь!

(Приказаніе). „Обращаюсь къ тебѣ, фаланга, выходи (изъ норы) скорѣе.

Ты во власти Камбара (= величайшій заклинатель змѣй);

Спѣши, не медли своимъ появленіемъ,

Онъ предсталъ предъ тобою;

Если даже на нору твою обрушится каменная гора,

Не зриай на то, выходи смѣло,

Выходи, вцѣпившись въ верблюжью лапу,

Если въ это мгновенье попадетъ она въ твою нору.

(Похвалы) „О фаланга! движенія твои быстрѣ пущенной

Бѣжишь ты быстрѣ быстротекущей воды. [стрѣлы,

Вылети же (изъ норы) быстрѣ полета ласточки,

Прилети ко мнѣ словно ястребъ-перепелятникъ,

И явись передо мной, какъ на ладони.

¹⁾ Л. с., с. 161—2.

О кленгеръ (bis)! Баба-назаръ-кленгеръ! (слова, обозначающія дородность, мощь)

Выходи съ трескомъ, съ шумомъ и громомъ,

О мой быстрохватающій, истребляющій, ретивѣйшій!

О кленгеръ (bis)! норка твоя уподоблена

Цестрой, черной и разузоренной ножиѣ.

(Угрозы) „Я изображаю собою жилище фаланги,

Я кровь кара-курта,

Я каска-курбашъ (представитель ядовитыхъ насѣкомыхъ),

Я болѣзнь, посланная Имъ (= Богомъ),

Я клещъ, вливающійся въ фалангу,

Я лезвіе алмасной (= острой) шашки,

Я полная луна (—заставляющая выползати змѣй),

Я сѣмя адрасбана (= дикая рута),

Я цвѣтъ ала-буты (= лебеды),

Я конецъ остраго ножа!

Предстань же предо мною, какъ по дуновенію Сулеймана;

Иначе искалѣчу тебя, какъ калѣчить иногда Всевышній,

И опущу въ быструю рѣку.

О кленгеръ! выходи же на зовъ

Опрокидывающаго вверхъ дномъ всю вселенную.

Джилау (= трава), росгущій подъ джингилдомъ (= гребенчикъ),

Джалбызъ (= мята) душистый и кекре (= противоядіе)

Найдутъ тебя и уничтожатъ.

О фаланга, фаланга, ты почернѣла отъ моихъ заговоровъ,

Подобно уроду съ растерзанной селезенкой!

О фаланга! привязалъ я тебя

Силою волшебнаго заклинанія,

Заковалъ я тебя цѣпями Сулеймана!“¹⁾

„На морѣ на лукоморыи стоитъ куня, а на тѣй кунѣ лежытъ гадюка: я тую гадюку посѣчу, порубаю и щыре сердце Н. замовлю“²⁾.

¹⁾ Изъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ перепечатано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ за 1893 г., № 48.

²⁾ Ефименко, „Сборн. мр. закл.“, с. 19 (№ 55).

„Ой чи не въ того лукоморья зелена лоза! Зелену лозу вѣ-теръ сушить, сушить, листы разносить: одинъ листочекъ въ море внавѣ, другій л. до сердечка принавѣ, третему л. рану лѣ-чыты, рану кѣроваты“¹⁾.

„Змія! у тебя слюна въ ротѣ и у меня — въ ротѣ, у меня слюна въ ротѣ, а у тебя въ морѣ. Вѣкъ по вѣкъ и до вѣки вѣ-ковъ. Аминь“²⁾. (Плюнуть 3 р. и помазать укушен. мѣсто).

„Баі бабу, баеа ти са, зло ти не мисли, дупеа ти чисти. Га са са воарнеа сува, перу не таеа кукошька, та прусаде, та пру-неае, та прунеае, тугаф и саса болька да доідеа на сува меа-сту“³⁾.

„Земля землю јела: ни съ ватком ручала, ни съ ватком ужи-нала, ни съ ватком вечерала; ни са зла човека, ни са зле жене. Глогов колац и ражан колач. (— Дуя въ ротъ укушенному—). Изиди, Марија, зове те кадија“ (3 р.)⁴⁾.

(У молитвослову конатичком): „Земля землю полюбила (3 р.): рогом ручак, рогом вечера, рогом постела — не поради оне зле жене, но поради оног доброг човека“⁵⁾.

(Взявъ изъ дома больного кусокъ хлѣба, растиратъ его безымяннымъ пальцемъ на ладони и говорить при восходѣ или закатѣ солнца или въ полдень): „Жинау аш гос ня біау, гос есатя трияос девиняриос, аджинги ир аш гос Іонас (имя при мі-ропомазаніи) — Салямонас (имя при крещеніи) аджинги ир аш жинау Іонас—Салямонас“⁶⁾.

„Da User Herr Christus sprach,
Da mich der böse Wurm stach.
Hätt' Christus nicht gesprochen,
hätt' mich der böse Wurm nicht gestochen“⁷⁾.

(Въ Великій четвергъ до восхода солнца говорить у воды):

„Ir Nottan an Schlanga
Ir wesst ni waa ich haite wääs,

¹⁾ Ефименко, „Сборн. мѣр. закл.“, с. 19 (№ 65).

²⁾ Аршиновъ, „О нар. лѣч. въ Каз. у.“, с. 140.

³⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, кп. IV, с. 102.

⁴⁾ Милићевичъ, „Живот срба сельака“, с. 190.

⁵⁾ Пь., с. 190—1.

⁶⁾ М. Геленсъ, „Литовскія повѣрья“ (въ „Ж. Стар. 1890 г., в. I), с. 17—18.

⁷⁾ P g a h n, „Glaube. Brandenburg“, с. 196.

Dass der haitighe Taag
Grin donn'r schich hääst.
Wänn'r mich watt saan ääw'r richa,
Sellt'r 10 Klottan ai d'tade naikricha“ ¹⁾.

(Прижимая маленькую вѣточку ели, положенную на хлѣбъ,
острымъ ножомъ къ ранѣ, заговорить безъ передышки):

„Dokąd, zmijo, pędzi,
Przez krze i zarośla?
— Syn wylatyje, —
Odrodka nie będzie“ ²⁾.

(Передъ восходомъ или по закатѣ солнца больной раздѣ-
вается до-нага):

„Die reissende, laufende Gicht
ich beschwöre dich bei dem höchsten Gericht,
ich beschwöre dich bei dem höchsten Mann,
der dir die reissende, laufende Gicht stillen kann. —
Im Namen...“ ³⁾.

„Guden Abend, Herr Fecht,
Ik bring em hundert nägenunnägentig Gicht.
Nümm se mann an,
So bün ik daewan“ ⁴⁾.

(Взявшись за дубъ или молодой побѣгъ срубленнаго дуба):

„Ekenhessen, ik klag dy
All de ryten Gicht de plagt my.
Ik kann dar nich foer gaen,
Du kannst damit bestaen.
Den eersten Vagel, de oewer dy flügt,
Den gif dat mit in de Flucht,
De näem dat mit in de Lucht.
Im Namen...“ ⁵⁾.

„Des Morgens vor der Sonn.
In Christi Garten, da ist ein Brunn,
In dem B. liegt ein Stein,

¹⁾ Peter, „Volksthüml. aus Schlesien“, с. 289.

²⁾ А. Р., „Изъ польск. суев. въ Литвѣ“ (въ ж. „Wisła“, 1891 г., IV), с. 905.

³⁾ Kuhn u. Schwartz, „Nordd. Sagen“, с. 442.

⁴⁾ Müllenhoff, „Sagen aus Lauenburg“, с. 513,

⁵⁾ Ib.

Unter dem Stein liegt ein verguldeter Wurm.

Du sollst nicht reissen,

Du sollst nicht beißen,

Du sollst nicht gauhl.

Im Namen¹⁾.

„Eichbaum (вар.—Apfelbaum, Feigenbaum, Fruchtbaum
и др.), ich klage dir,

Die weisse Jicht plaget mir,

Die schwarze Jicht,

Die gelbe Jicht,

Die blaue mehr.

Der erste Vogel, der über diesen Baum fliegt,

Nimmt alle meine Jichten mit²⁾.

„Christi Wunden,

Seid nicht verschwunden,

Seid nicht verhalten,

Auch nicht gekalten,

Auch nicht geschwollen³⁾.

„Gicht, weich aus,

Du reissende, laufende, kalte, Krampf = Blut = und — 77
Gicht.

Das sag ich dir zur Buss.

Im Namen der heiligen Dreifaltigkeit,

Weichen musst im Namen...

O Gicht, Gicht! weiche von mir N. im Namen Jesus Chri-
stus,

Du laufende Gicht, weiche von mir N. im Namen J. Ch.

Christus Jesus herrscht, Ch. J. gebietet von mir.

B. B. D. 77 Gicht im Namen Gottes. + Amen.

Gott segne mich hier zeitlich und dort ewiglich.

L. S. A. O. R. | VcRAREPO | KroEEea |

V. J. Z. R. V. | OEAS. | R.⁴⁾.

¹⁾ Bartsch, „Sagen... Meklenburg“, II, с. 401. (На с. 402—3 еще 9 мел-
ких заговоровъ). ²⁾ Ib., с. 403. ³⁾ Ib., с. 407.

⁴⁾ Ib., с. 408. (Носить эту записку на шеѣ 10 дней, потомъ бросить въ воду).

Omъ яѡа (Wirem).

„Der güt her sant Jop uf ainer misti lag, bis in die maden assind, maden vnd die wirm ie das crist geboren ward von ainer rainin magt zart, vf hüb er sin hand, er sprach: ir maden vnd ir wirm, ir si gind gra oder schwarz oder wiss oder rött, ir misint vor mir al ligen tot: der hilf mir min frow sant Maria vnd der hailig crist wen sü disz pferit noffdirfit ist. Ich beschwer dich aietter vnd dropfgicht vnd gesicht bi der hailigen frucht, die Maria bar ze Bethalem ainem Stal, dar du sibrist daz gebain az suber vnd az rain az daz häment, da Maria Gotz Mütter ir liebз trutz kind ingeband an disser welt a Gotz namen, amen“ ¹⁾.

„Ich beschwer dich hüt, blat (— Geschwür anter er Zunge... das Schulterblatt mit der Gicht —) vnd gesperr (kurzer Athem, Engbrüstigkeit), daz dich der wil hailig aubem derr (=dürre machen, verderben) der Gott uz sim vil göttlichen mund gieng, do er an dem vil hailigen fron crüz hing vnd gand vs blatt als vnwer (= unheimlich, unliebsam —) sy dir hüt die stat alsz unserm lieben herren der richter waz do er an dem rechten Rechten sasz vnd ain falsch vrtail sprach, in dem namen des vaters vnd d. S. und d. h. Gaist. In Gotz namen, amen. Du gangist hüt vf die waid oder vf die haid oder vf die haid oder ze holz oder ze veld, daz dir hüt dü waid alb lüzel müg kain schad sin als unserm lieben (hern) der richter waz do er an dem rechten Rechten sasz vnd ein valsch vrtail sprach, an Gotz namen, amen“ ²⁾. (Cp. Mones Anzeiger, VI, 463).

(Рана отъ укушения бѣшеной собаки выжигается и засыпается порошкомъ шпанской мухи; этотъ порошокъ и часнокъ даются больному и внутрь; затѣмъ на рану кладется повязка съ медомъ, мелкоистолченнымъ корнемъ цикорія и поваренной солью; заговоръ произносится 9 разъ, при чемъ правая рука лежитъ на больномъ мѣстѣ, а лѣвая на головѣ собаки): „Weisser Hund im Totenreich o komm' zu uns; weisser Hund im T.

¹⁾ Birlinger, „Altd. Besegn.“, с. 507—8.

²⁾ Ib., с. 508.

belecke diese Munde; trage das Gift den Toten; sie sollen das Gift verbrenen. Wir brennen und klagen jammern und schreien, und du wirst unsichtbar kommen, damit du uns helfest! Die Urmen lieben uns, die Urmen helfen, sie bringen uns deinen Speichel“ ¹⁾.

(Иногда выжигаютъ раскаленнымъ гвоздемъ нарывчики подъ языкомъ, говоря): „Ich steche dich, ich töte dich, weil du nicht der weisse Hund des Totenreiches bist! Sieben Ketten fesseln dich und siebenmal zerreißen wir sieben Ketten. Gott im Himmel helfe uns“ ²⁾).

„Izan + Iiran + kyrian + capharan + cakapharan + stolidon“ ³⁾.

(Написать на хлѣбѣ и дать съѣсть): „Gryzia gryzda dropty fibren et Deus meus item ira Dei kirikion stolidus“ ⁴⁾.

„Maria ging in einen Grund, behielt den Namen Gottes in ihren Mund, und schlug damit den bösen Hund“ ⁵⁾.

„Hund, du halst deinen Mund
Und deine Zähn',
Und lass mich gehn“ ⁶⁾.

„Als Mutter Maria geboren war
Und als sie den ersten Hund sah,
Da sprach sie: Hund! sei stille,
Gottes Wille, G. Wille“ ⁷⁾.

„Mutter Maria ging über Sand und Land,
Sie hatte einen Stab in ihren Hand;
Sie führte Gottes Wort im Mund,
Damit schlug sie den bösen Hund.
Im Namen...“ ⁸⁾.

(На запискѣ дать проглотить въ хлѣбѣ): „Bell + Visa + Cass + Choro + Homo + Natus +“ ⁹⁾.

¹⁾ Wliskoeki, „Volksglaube... Zigeuner“, с. 162—3.

²⁾ Ib., с. 163.

³⁾ Lubicz, „Dwa zamawiania starożytne“ (изъ рукописи XV в. — въ „Wisła“, 1891 г., в. III), с. 570.

⁴⁾ Ib., с. 571 (изъ рукоп. XVII в.).

⁵⁾ Praha, „Glanbe... Brandenburg“, с. 197.

⁶⁾ Ib.

⁷⁾ Ib.

⁸⁾ Bartsch, „Sagen... Meklenburg“, с. 449.

⁹⁾ Ib.

(Зажать большіе пальцы межъ ладоней): „Hund (3 p.), |
Leg du deinen Mund | Auf die Erden! | Mich hat Gott erschaf-
fen | Und dich werden lassen. | Im Namen...“¹⁾).

(До восхода солнца взять камень рукой, обернутой въ платокъ, и этимъ камнемъ гладить рану; потомъ камень положить на мѣсто):

„Oll Slang stekt
Spitzmus bitt!

Es gingen drei gottselige Mägde aus, Blumen zu pflücken:

Was fanden sie?

Eine Adder, eine Schnack und eine Spitzmaus.

Du bist mit Gift belegt!

Hiermit still ich dich im Namen...

Gift sta,

Treck' af un verga“²⁾).

„Adam un Ew gingen an Strand,
Da stünen sie vel Addern un Schlang.
Adam un Ew gingen to rechten Hand,
Adder un Schlang gingen to linker Hand:
Damit de Gift verschwand“³⁾).

„Die Adder beisst,
Die Schlang die sticht,
Die Spitzmaus sticht,
Mutter Maria bespricht,
Die zwölf Apostel
Sollen den Geist heraus nehmen.
Im Namen...“⁴⁾).

„Въ Краковѣ стоитъ Пресвятая Богородица въ золотой головѣ (— вѣроятно, по польски стояло *złotogłów* — золотая ткань, парча). Собирайтесь теперь всѣ ужи, змѣи и гады, отпустите свои яды, ибо всѣмъ вамъ сотру, свершу головы“⁵⁾).

¹⁾ Meier, „Deutsche Sagen“, с. 518.

²⁾ Bartsch, Op. cit., с. 453.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Ib., с. 454.

⁵⁾ „Этн. Обзор.“, кп. IV, за 1890 г., с. 218 (перенеч. изъ „Виленск. Вѣстн.“, 1890 г., № 76).

„Zostyną szyfela zara niegiedy karna zos. Jedycą pestyca Czynuise pestryce dy plice, pemolice dy karne-karna zos istet jejszmel polos dosz kontiku-kontiku de le mendre lekcene ades zaseszy szy waca nu ara“ ¹⁾).

„Sarp nutes Sirkiwajen,
Nutes sarp Sirkiwajen,
S-n nutes sarp“ ²⁾).

„Sta, serpens, uti stabat Sanctus Johannes, dum Christum baptisavit“ ³⁾).

„Sedł Pan Jezus ze świętym Pietrém drogą,
Święty Pietr sie pozostał, a Pan Jezus oberziol:
— Chodź Pietrze!
— Nie mogę, bo mie ukąsiła zmiżá w nogę.
— Zatrzyj piaskiem, wymyj wodą,
Zadne zmiżowe jady tobie nie zaszkożą“ ⁴⁾).

„Ακουε, φειδιν (= υφειδιον), τι μας εμηνυσεν η κυρα μας η αφιγωτια(σ)α (sic!) επαρε τον λαον σου και το γενολογιον σου και ελα να υπαμε (= υπαγωμεν) εις την πηγην. μητε ελθης μητε φανης εις κλινεν σου απομεινης απο ημεις (sic!) εφετα αμπαχα αυτου φαγειν, στωμεν καλωσ, σ. μετα φοβον θεου, αμην“ ⁵⁾).

„Πόρρω, πόρρω, ξανόν, πόρρω ποπανόν, πεκαμαζάκι, τó πλήρες Σαβαώθ, ώρα παρερετέμι, άκή παρακατάρατε, ζάζαρε ζαπερτούρα ποτιμαιου κλαίσμα θείου πανάριστε“ ⁶⁾).

„Молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери, благодатный Свѣтъ міра, отступи отъ меня, нечестивый, змѣя злая, подко- лодная, гадина люта, снѣдающая людей и скотъ. — Яко комары отъ облаковъ растекаются, тако и ты, опухоль злая, разойдись, растянишь отъ р. Б. Н. — Всѣ свв. и всѣ монастырскіе братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святыя лики! станьте мнѣ на помощь, яко в дни, тако и въ ноци, во всякомъ мѣстѣ р. Б. Н. Аминь“ ⁷⁾).

1) Руликовскій, „Зал. этн.“, с. 113.

2) Ib.

3) Ib., с. 114.

4) Siarkowski, „Mater.“, с. 52.

5) Васильевъ, „Пам. Виз. л-ры“, т. I, с. 334—5.

6) Ib., с. 335.

7) Даль, „О повѣр., суев.“, с. 37—8.

[Dum serpens venit ad te pro morsura sua, vt non mouet pedem dextrum et fac signum et forma pedem dextrum cum cutello in foruo incipiendo, sic inferius continens (= continuans —) in forma pedis, dicendo Pater noster, aue Maria, tribus vicibus, et sic circumda pedem cum cutello tribus vicibus. Hys omnibus factus et operatus (= factis et operatis), tunc tolle aquam in vna patella et pone inter dictam aquam hanc pulueram et facua dictam ista camisa dicendo]; «Inferis vobis vnum fiat teguum (— regnum —), vnum venilum (— venenum —), carra caruze sanum tolle raduse ei hic et manuell»: Talis vinita (— finita —) tunc fernis (— fernis —) moriatus et sic facua tribus vicibus decemb (— dicens —) his verbis et postea da bibere aquam in sitim et liberetur. Plus dico tibi, quos (— quod —) si non fuisset licidum (— licitum —), quid iget pueri (— quod iget puer? —) ad te et mitteret vnum nuntium, tunc dicas: «vis accipere malum?» — Sy dicat: „non“, tunc dicas: „accipe secure“, et fac eum dicere: „volo accipere“. Quando tunc fac (— facit —) omnia supra dicta, tunc venit venenum statim ab illo et dicaret supra sanibus et continuo et qui morsus fuerit et ista litera similiter est certissime probatum est“¹⁾.

(Во многихъ мѣстахъ Сициліи обращаются къ св. Павлу съ такою молитвою): „St. Paolo du Zauberer, töte dies Tier, welches Gott feindlich ist und rette mich, denn ich bin Sohn der Maria“²⁾).

(Изъ уставн. сербск. требника 1423 г., Моск. синод. библ. № 307, л. 196 об.—197 об.): „Въ име ѿца и сѣна и стго дѣа. — Иногда гонитель нѣмъ же чѣтныи съсоуд изыдохъ ѿ обытелища моего въ Сикелию и сыграмажъшоу ми соухы розгы и абіе ехидна изышьши оуѣкну ме въ десную роукоу и ѿбѣсисе. Аз же имѣе въ себѣ силу стго дѣа и сію ѿрѣсь въ рожѣни пламене, и съжежена бы вьса до конца. И нѣ единуже пакость пріемль ѿ оуѣкновеніа іе въ сѣнь прѣложихсе и пришь агль великыи Михайль и възгласи глѣе: «Савле, Павле, вьстани и вьсприими сію книгоу и ѿбрѣщеши слово написано, сице глѣюци

¹⁾ Oswald von Zingerle, „Segen“, с. 317.

²⁾ Tred e, „Das Heidentum in der römischen Kirche“, с. 177.

заклинаю ва^а бывшихъ ѿ. и половину рѡвъ, звѣри пользающи по земли въ Бѣ сѣтворшаго нѡо и землю и въ непоколѣбимыи прѣ-столь. Зміа пакостнаго заклиная те въ рѣку ѡгннью, иже ис-ходитъ ѡ поножіа ногоу гнѡ, и Бѡу и Спѡу нашему Іу Хѡу и въ нѣговѣхъ бесплѣтны аггль, и василинскаа зміа рѡмъ, зміа тетрахалина, з. додекахалина, з. лагодрома, з. и ехидну, иже имать въ десной странѣ идѣ. Що же либо аще оуметь немошно ѣ^е ему ѡжити. Еще же кѣд (=24) рѡдъ свалкъ, идѣже пости-гнѣтъ вѣрнаго и стго апла мѣтва и запрѣщеніе сіе въ кои абіе ча^а оухапавши зміа оумреть члкъ же оумзвлєнь ѡ нѣе живѣ боудеть: въ славу ѡцу и сѡу и стѡму дхоу ннѡ и прѡо и въ вѣ-кы вѣко^а 1).

Напоить больного наговоренной водой и помазать рану (изъ ркп. сб. XVII в.):

„Во имя О. и С. и Св. Д. Се азъ Павелъ, преже наре-ченнѡй Савль, бысть гонитель и каменіемъ вся сосуды св. Д. побивахъ, а нынѣ рабъ и апл хрѣвъ: плывущу ми по морю къ странамъ ликинскимъ и, ко острову потщавшєся, изыдоша вси изъ корабля; изыдохъ и азъ, еже собрати рождіа нѣкая. И скочивши отонуду, ехидна нѣкая обѣси ми ся на десной ру-цѣ. Азъ же, имѣя въ себѣ Св. Д., и отрясохъ ю на восходя-щій пламень, и сожжена бысть до конца, и ни единыя же на-кости пріяхъ отъ усѣкновеціа ея, и въ сонъ предложихся. И явися во снѣ архн. Михаилъ и возгласи ми, глѡ: «Павле, рабе гдєнь, возстани и пріими книгу сію и обрящєшь въ ней вообра-женіе написано не о единомъ страждущемъ, но о многихъ». — И возставъ, пріимъ книгу, обрѣтохъ въ ней написано еще: «за-клиная васъ ѿ и ѿ и ѣ (=465) и половину рѡдъ звѣринъ, пол-зающихъ по земли, во имя Гда нашего І. Х. сотворившаго небо и землю и въ престоль его недвижимый и во огненную рѣку, исходящую отъ подножіа Гда нашего Іс. Х. и во множество свв. ангель его, пріимшихъ отъ него власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію, змію вредящую и васили-ска и асида, и змію облаковидную, з. огневидную, з. власяно-видную, з. дубовсходную, з. врановидную, з. слѣпую, з. стрѣль-

1) Тихонравовъ, „Пам. отречен. л-ры“, II, с. 353—4.

ную, з. черную, з. триглавую, з. уядающую жены, ехидну морскую, имущую ядь въ десной челюсти, еще же и скорпию, духовеніе діаволе». Идѣже приспѣтъ св. апѣла Павла прещеніе, еже проповѣдася звѣри ради всяко всегда умреть звѣрь, а врененный исцѣлѣтъ во славу божію. Аминь“¹⁾).

„Во имя Отца и С. и Св. Духа. — Азъ Павель гонитель быхъ, и камене метяхъ на честныя съсоуды і изыдохъ крѣпостію своею викликаю и собрахъ ячесынья (?) много і абіе тоу ехидна изыде отъ теплоты и обѣсилась на деснѣи руцѣ. азъ же духъ свѣтый имый. оттрясохъ на восходящій пламень, азже ничтоже не примѣ зла отъ сея вещи на сонъ се обрати мися. и пришедъ архангелъ михаилъ возгласі мѣ глаголя савле. савле вѣстани примми книги сия. и обрящеши внихъ писаніе. писаное. не о единомъ стражоущемъ. но и о мнозехъ—и оутро воставъ. прияхъ писаніе. и бѣ написано сице. заклинаю васъ оу и во родовъ звирѣнихъ. пакостящихъ на земли. въ бога сотворшаго небо и землю и престоломъ его истиннымъ и огненною рѣкою. исходящая исподножия. Господа Бога спаса нашего Ис. Х. и множествомъ свв. его аггелъ. змя пакостящия, змя дванадесетеузднаго. змя на доубъ восходящая и василиски зміи родного. змя облакозрящія змя слѣпоока безоочиваго змія врановидца. Тажъ и ехидну лютоую. имущія ядовы в деснѣи ланитѣ. іже аще оухопитъ чѣа не возможно есть исцѣлѣти емъ. еще же 24 родове негиблящійся“²⁾).

(Апокрифич. молитва св. Павла отъ укушенія змѣи):

„Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐγὼ Παῦλος διώκτης καὶ λιθοβολιστῆς γέγονα τῶν τιμίων σκευῶν καὶ ἐξῆλθον ἐν τῇ θάρασει μου εἰς Σικελίαν καὶ συνάξας φρουγάνων, πλήθος ἐξαίφνης ἐκείθεν ἐχιδνα ἐξελεθούσα ἐκ τῆς γῆς ἐκρεμάσθη εἰς τὸν δεξιὸν μου ἀνατάκτυλον. ἐγὼ δὲ πνεῦμα ἅγιον ἔχων ἀπετίναξα αὐτὴν ἐν τῇ φλογὶ τῇ ἀναφθείσει καὶ ἔκαιεν μετὰ τῶν φρουγάνων, ἐγὼ δὲ μηδὲν παθὼν δεινὸν ἐκ τοῦ δειγματος εἰς ὕπνον ἐτρέπην. Καὶ ἐλθὼν ὁ ἀρχάγγελος Μιχαὴλ ἐξεφώνησε μοι λέγων. Παῦλε (his); ἔγειρε καὶ δέξαι τὴν βίβλον

¹⁾ Тихонравовъ, „Пам. отречен. л-ры“, с. 364—5.

²⁾ Каратыгинъ, „Апокрифич. молитвы“, с. 447.

ταύτην καὶ εὐρήσεις ἐν αὐτῇ ἱστορίαν γεγραμμένην οὐκ ὑπὲρ ἑνὸς πάθοντος, ἀλλ' ὑπὲρ πολλῶν. Καὶ περὶ ὄρθρου ἀναστὰς ἐδεξάμην τὴν βίβλον ταύτην ἣς ἐνουπήραεν γεγραμμένον οὕτως. ἔξορκίζω ὑμᾶς, τὰς ἐξήκοντα πέντε ἡμισυ γενεὰς τῶν θηρίων τῶν ἐρπόντων ἐπὶ τῆς γῆς εἰς τὸν θεὸν τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ τὴν θάλασσαν, καὶ εἰς τὸν θρόνον τὸν ἀληθινὸν καὶ εἰς τὸν πυρινὸν ποταμὸν τὸν ἐξερχόμενον ἐκ τοῦ (ὀ)ποποδίου τῶν ποδῶν τοῦ Κυρίου τοῦ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ εἰς τὸ πλῆθος τῶν ἁγίων ἀγγέλων αὐτοῦ ὄφιν τὸν βιάπτοντα καὶ τὸν βασιλίσκον δράκοντα τὸν γενναῖον, ὄφιν τετραχάλινον, ὄφιν τὸν δε(ν)δρωναβάτην, ο. τ. δωδεκαχάλινον... λαγοδρόμονα νεφελοειδῆν... τυφλὸν καὶ ἀόμματον... κορακσειδῆ καὶ ἔχιδαν τὴν σκοκίαν τὴν ἔχουσαν τὰ φάρμακα εἰς τὴν δεξιὰν αὐτῆς σιαγῶνα: ὃν ἂν δάκνη ἄνθρωπον ἀδύνατόν ἐστιν τοῦ ὑγιᾶναι. ἔτι δὲ καὶ ὄφιν τὸν σκόρπιον τὸ ἀποφύσιμα τοῦ διαβόλου, ἐπεὶ δὲ καὶ τὰς εἴκοσι τέσσαρας γενεὰς τοῦ ἀσπαλάγγον. Ἔως αὐτῆς φθάσῃ τοῦ πιστοῦ καὶ κεχαρισμοῦ Παύλου τοῦ ἀποστόλου τὸ ἀφύσιμα καὶ ἡ ἐπιτίμησις δειχθῆ, εὐθέως ἰαθήσεται εἰς δόξαν θεοῦ, ἀμήν. (Αὐτὰ ἐξόρκισον ὕδωρ καθαρὸν, πότισον καὶ ἀλειψον τὸν ἀδικηθέντα, εἰ δὲ ἔστι μήκοθεν ὁ ἀδικηθεὶς, τὸν λαλήσαντα πότισον καὶ ἰαθήσεται ὁ ἀδικηθεὶς)“¹⁾.

Уразъ (болѣзни матки, смѣщеніе матки послѣ родовъ или тяжелыхъ усилій; матица, золотникъ; при затруднительныхъ родахъ и выкидышѣ, при неисправности менструацій; поруха, Mutterweh; при затруднительномъ выходѣ послѣда).

„Матка“ у мужчинъ — органъ, помѣщающійся въ здоровомъ состояніи вправо отъ пупка, а когда сойдетъ съ мѣста, — производитъ разнообразныя боли въ брюшной полости; поэтому при заговорахъ его стараются заставить стать на свое обычное мѣсто (Милорадовичъ). — Къ „золотнику“ (матка у женщины) обращаются, какъ къ существу живому, прося его „отыскать свое дорогое мѣсто“ (Крушевскій, с. 44).

„Уразъ-уразыще! Божій чоловиче! тутъ тоби не стояты и паростивъ не пускаты, по-за кульшамы не зайидаты, у попе-

¹⁾ В а с л я в е в ъ, „Сборн. пам. Виз. д-ры“ . I, с. 330—1.

реку не ломыты, щырого сѣрця не нудыты, за плечыма не знобыты и въ голову не быты, и билого тила не ялыты. Я шепчу, я и вышиптую изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажылъ, изъ рукъ, изъ нигъ, изъ твоеи головы, съ плечей, съ карыхъ очей, изъ твоего хребта, изъ твоего поперека, изъ твоего живота. И я тебе вышиптую, я тебе зъ крыживъ и чересель выбираю, тебе на мистечко, на золотому крыслечку проты пупа тебе остановляю. Тутъ тебе Господь зародывъ, т. т. Г. узакониви; тутъ тоби, вразыку, йисты й пыты, роскошно на свити жыты, нарожденного, м., крещ. прычашенного р. Б. Н. не сушыты“¹⁾

„Уразъ-вразочку, пунивъ браточку! Тоби тутъ не стояты, въ головоньку не быты, по жылахъ не ходыты, серденька не тошыты. Сгорныся, скотыся, на золотимъ кресли коло пупа посадыся“²⁾.

„Уразъ-уразыще! тутъ тоби не буваты, тутъ тоби не стояты! Де ты народывся, де ты нахрестывся, тамъ соби уставыся, тамъ соби й ократыся. Ты на мори родывся, на Ордани рички хрестывся, нароженному, м., хр. р. Б. Н.“³⁾.

„Уразу, уразу! ты ёго й князю. Тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ломаты, червонои крови не пыты и серденька не сушыты. Иды на свои миста, де тебе маты вродыла, я тебе остановыла. Тамъ соби оселься и остановыся. Матиръ Божа остановляе, чоловику здорovia посылае“⁴⁾.

„Уразу, уразыку, ты мій братыку! де ты родывся, тамъ ты окоренься. Вразу-вразыку, ты не парубокъ, а я не дивка. Станъ соби на мисти, на мистыщи, на нарубоцькому крылыщи. Тамъ тоби селытыся, тамъ коренытыся, тамъ тоби золотытыся, тамъ тоби стояцы и напусы свои пускаты. Нарожденного, м. N“⁵⁾.

„Уразу, уразыку, мій братыку: ты рожденый, ты молытвяный, ты хрещеный! Тутъ тоби не стоять, паростивъ не роспускаты, жовтои кости не ламаты, пидъ груди не пидступаты. Не я тебе вызываю, а Матиръ Бога тебе вызываю, и святи угодныкы станьте мени въ велькій помощи!— Покы я тебе

¹⁾ Милорадовичъ, „Нар. мед.“, с. 327—8.

²⁾ *Иб.*, с. 328.

³⁾ *Иб.*

⁴⁾ *Иб.*

⁵⁾ *Иб.*

не знала, то я тебе не вызывала, я тебе не выкликала. А теперь я тебе вызываю и выкликаю: та брось м., р. N., стань соби на мистахъ“¹⁾).

„Матка-матыще! стань на мисци—на мистыщи, на дивоць-кому крыслыщи. Тутъ тоби не стояты, въ жылы не шыгыаты, свое дило сполняты. Тутъ тоби не селыться, т. т. не кореныться, а тутъ тоби золотыться и на своёмъ мисти окорениться“²⁾).

„Иду я золотымъ мостомъ изъ золотою натерыцею: патерыцею подпираюся, матки пытаюся: де ты народылася, де ты охрестылася, де ты й святылася, — на те мисце садыся, на те мисце крипостися. N. народжений, м., хрещений“³⁾).

„Уразу-уразу! ты хрещеный и мотытвяный, ты зъ маткою хрестывся. Тутъ тоби не стоять, жовтои кости не ламать, червонои крови не ссаты. Се не я вызываю, а се М. Божа выкликае. Г-ды мылостывый, Святги угодныкы Петро и Павло, Андрею и Мыколаю“⁴⁾).

„Г-ды, поможы мени. М. Божа, Мыкодай угодныкъ Б., велькый чудотворче, поможы мени, народжений, м., хр. N. вышинтувать уразъ! Я тебе й вышинтую, я тебе й выкликаю и зъ твого живота, одъ билого льца, одъ щырого сердца. Уразе-уразочку! Надинь биленьку сорочку та покотыся маковымъ зернышкомъ. Тутъ тоби не стояты, жовтои кости не ламаты, червонои крови не пыты, льца не тошныты, сердца не вялыты. А иды соби на свое мисто, на золоте кресло, де тебе Г-дъ узаконывъ, на мисти постановывъ. Тамъ тоби пытинье, тамъ тоби йидинье, тамъ тоби легке одночивания. — Ишла баба мостомъ, пидпиралася золотымъ цинкомъ. И ветричае самъ Спаситель и Маты Божа. Куда ты, бабо, идешъ? — Иду народжений, м., хр. N. шептаты, одъ уразу помагаты“⁵⁾).

„Ишла я мостамы, золотымы костамы, зострила мене Божая Маты: куды ты, нарoжена, молитвяна, хрещена N.? — Пиду нарoженои, м. N. одъ уразу шептаты, Г. Бога прохаты. Уразъ-уразыще, поруха-порушыще! Якъ тебе Г-дъ завязу-

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 328.

²⁾ *Иб.*

³⁾ *Иб.*

⁴⁾ *Иб.*

⁵⁾ *Иб.*, с. 333.

вавъ, сядь соби на мисти, на золотому кресли. Тутъ тоби не стояты, червонои крови не пыты, сердца не вялыты, жылъ не тягты. Не я вышиптую, М. Божа вышиптуете, М. Б. выкльикае одъ твоихъ ногъ, одъ твоеи головы, одъ твоего ровного (= румянаго) лыця, н., м., хр. р. б. Н.“¹⁾

„Поможы мени М. Б. сю матку прыпыныты и сею уразу остановыты и золотныка, Б. чоловика, уякорыты. И не я жъ ихъ вызываю и не я помичъ посылаю. Покры не стала я знаты, одъ Бога помочи прохаты; и вси небесни апостолы станьте мени у помочи. Поможы мени, М. Б., сего уразу остановыты. Ишла М. Б. золотымъ мостомъ и золотымъ ципочкомъ на Осіаньску гору пидпираючысь и до р. Б. Н. поспишаючи и сего враза прыпыняючи. И ты уразъ, уразыще! И ты ему братъ и сестрыця, изъ матычныкомъ, изъ Б. чоловикомъ, не зустричайсь и на свое мисто зостановляйсь. Ты, матишныче, ты и Б. чоловиче! Ты, струбована, ты спрощевана, ты насередна, ты й колюча, ты болуча, ты солпротывна, и сустритена и позавыдувана. Аминь, и судъ судомъ, и вискъ викомъ. Ты, золотныче, Б. ч-че, оставайся на своему мисци, на золотому кресли“²⁾

„Г-ди И. Х-е. Во имя О. и С. и Св. Д. — Жидове самого Христа понимали, на кипарисномъ дровѣ—на крестѣ распинали, жезломъ ребро прободали, а не видѣлъ самъ Исусъ Х-съ и Царь небесный на себѣ не видѣлъ не крови, не раны, не щепоты, не болѣзни и не опухоли. А такожь на мнѣ на р-бѣ б-мъ имрекѣ не быдъ не крови, не раны, не ш-ты, не б-и и не опухоли“³⁾

(Глади крестообразно животъ): „Всѣ святыя святочки, годовые празднички, прійдите мнѣ на помощь, а ей на поратункъ. — Золотый золотнычокъ! чога ты забывся, изъ миста звалывся, чы ты зъ подымкивъ, чы ты зъ подавкивъ, чы ты молошный, чы ты урочный, чы ты паньскый, чы ты цыганьскый, чы ты попивськый, чы ты жыдивскый, — сядь ты на

¹⁾ Милорадовичъ, *Op. cit.*, с. 334.

²⁾ *Иб.*

³⁾ Рыбниковъ, „Шѣсни“, IV, с. 259.

своему мисти, на золотымъ креслечку, где тебе самъ Господь Богъ посадивъ зъ апостолами“ ¹⁾).

„Господы мыни поможы! Першимъ разомъ, луччимъ часомъ. Стань мини на помочи видъ великой немочи. Ты вразувразочку, Божій чоловічку! посунься и покатыся тыхесенько й легесенько. Тутъ тоби не стояты, червонои крови ны сушыты, жовтойи косты ны ломыты. Я тебе вызываю, я тебе выкликаю, я тебе вышиптую, видъ II рукъ, видъ II нигъ, видъ II пальцивъ, видъ сымыдысяты суставцивъ, видъ III русоий косы, видъ II щырого сердца. Иды соби на очерета та на болота, де дивка косы не чеше, де парубоцькый голосъ не заходе“ ²⁾).

„Залатникъ, залатый, не хадзи на касцяхъ, не лами касцей, ня пий криви, стань на своимъ мѣсцѣ, на залатымъ креслѣ, гдзѣ Господь Богъ б(л)агаславіу якъ на гѣтый свѣтъ нарадзіу, абярнися маковымъ зерниткамъ“ ³⁾).

(Говорить 3 × 9 разъ, «выбираючи», т. е. устанавливая матку на мѣсто):

„Вызываю, выкликаю,
Зъ жовтойи косты,
Зъ червонои крови,
Зъ 70 суставивъ матку.
Тоби, сухой дубе,
Не розывацця,
Тоби, матко, тутъ
Не розживацця,
А тоби, матко,
На золоте крисло сидать“ ⁴⁾).

„Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Господу Богу помолюся и Матцы Прач. поклонюся съ усими силами нябесными. Кіевскія, пичерск., уси правяднички праподобныя, станьта жъ вы, господухночки на помочь р. божай. — Хилица ты царица, родила жъ ты двананцать сыновъ, съ дван. одинанцать, съ од.

¹⁾ Чубинскій, „Труды“, I, с. 129—130.

²⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 176.

³⁾ Ф. Варенкъ, „Przyczynek do lecznictwa ludowego“ (Цитир. по ст. Е. Карскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1900 г., XII, с. 496).

⁴⁾ Иващенко, „Шептанія“, с. 177.

10, съ десятѣхъ 9, съ дѣвятѣхъ восьмъ, зъ восьмехъ семь, съ сямехъ 6, съ шастѣхъ 5, съ пятѣхъ чатыры, съ чатырохъ тры, съ трохъ два, зъ двохъ одинъ. Той жа одинъ старшій и большій поможи и подыми и на мѣстячку золотничокъ постанови.— Да ня жъ тябе пару, да ня яжъ тябе отбавляю, а тябе Св. Сохвея пара и отбавляя, золотыми ключами замыкая и нямецкими замками запирая. И золотыя шыны затынитися и золотыя ключи замкнитися и царскія вороты зачинитися и ко ўрэмю отчинитися.— И ти рыбочка, ты вокунецъ выдяржи, покуля табе выйде твой рачанецъ, безъ мойго числа, безъ мойго вѣдома.— И прасв. Мать Бугародица сама ты раждала и насъ создала и намъ помочи дала и царскія вороты отчиняла и зачиняла. Св. Серада стань, господиночка на помочь рабѣ божай. Отъ Бога помочь, а мой духъ“¹⁾.

„Золотникъ золотнича стой на своемъ мѣсци на золотымъ кресли. Якъ мяртвому ня ўставать, по зямлѣ ня ходить, росы ня топтать, такъ табѣ съ свойго мѣста ня сходить, кости ня ломить, жилъ ня сушить, живота ня топнить“²⁾.

„Госп. Б. помолюся и матари божай прикл. и съ сыномъ яе. Ишовъ Г. Б. Сусъ Хр. по золот. горѣ нясли золотые ключи. Зол. ключи замкнитися, р. б. косьти сыйдितися, а животы остановитися на свое на мѣсто на золотое кресло.— Якъ китъ рыба на мори не боитца ни тучи ни хмары, такъ и ты р. б. не бойся ни убиванья, ни валянья, чижолаго подыманья, такъ и вы животы становитися на свое на мѣсто на золотое кресло.— Якъ дубъ на корани надвяжимъ, нярушимъ, такъ у р. б. надвяжимо, нярушимо и съ свойго мѣсто ня трогаецца“³⁾.

„Матаръ б. цар. нябесн. приступися р. божаго золотника подымати. Золотникъ-золотница и ты животъ-животица стань ты на своемъ мѣсти на золотомъ кресли, якъ тябе мати родила на золотомъ кресли садила у краснянкомъ ковначку и шавковьянкой шапочцы. Красн. поясомъ потпяразався, у боки узався, по животу ходивъ и сэрца знобивъ, подъ боки подлягавъ, и дыхатъ ня пускавъ, якъ я тебе не говорила; а тперъ я говорю

¹⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 53 (№ 1).

²⁾ Ib., с. 60 (№ 34).

³⁾ Ib., с. 55 (№ 8).

выговарую, — табѣ золотникъ на стоянныя, а рабѣ божай на здоровья“ („Можно и мушци якъ надорвѣтца“)¹⁾.

„Водзица царица божжа помолница. Якъ гэтой водзѣ на мѣсьци не стояць, не гуляць, такъ гэтому золотнику по животу не ходзиць, у косьци не стояць; стояць яму ў кресьци у золотымъ мѣсьци. — Св. Михайла-архайла на помочь р. Божжай Матруни“²⁾.

„На неби вясёлъ мѣсяць, на мори бѣлыи камень, а ў лѣси чорный мядзвѣдзь. Якъ тымъ тромъ царикомъ не сходзигца, не воеватца, так у рабу божаму золотнику ня 'трыгатца“³⁾.

„Господзи Божка богослови, маць прач. помози. Заговору ю р. божай Агани золотникъ золотый: стань ты ў кресляхъ, на своихъ мѣсьцяхъ. Якъ яна ў дзѣвкахъ бувала, цябе не знала, такъ цяперыцька на стани ставися. Якъ цябе подъ хрѣстъ подносили, у Бога доли щасья просили, а я ў Г. Б. добраго здоровыйка“⁴⁾.

„Господзи Божка богослови и Маць Пряч. помози! Отпращаю Г. Б. и Яна Хрясцицеля. Закрываюця, заберегаюця своимъ часнымъ Хрястомъ. — Якъ на морьи, на лукоморьи тамъ ляжиць бѣлы камень, а на т. камни сядзиць Мацерь Божия Бугуродзица Триярушница, господня, божия преподобница. Упращую жъ я Г. Б. кажную часиночку, к. годзиночку, — опростай Господзи р. б. Матрюну; пусьци Г. ету душухну нарожденую сотворѣную на етый свѣтъ на будущий вѣкъ. — Живъ Богъ — жива и душа“⁵⁾.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Изъ города Иерусалима идетъ Исусъ Христосъ. — Мати Марія родила сына Исуса Христа, не болѣвши, не стонавши и люде не слыхавши“⁶⁾ (Наговоренную воду дать больному выпить).

„Отпирайте, отпирайте. — Отперли, отперли. — Запрягайте, запрягайте. — Поѣзжайте, поѣзжайте. — Поѣхали, поѣхали. — Ъдутъ, ѣдутъ!“⁷⁾.

1) Романовъ, Op. cit., с. 55 (№ 10).

2) Ib., с. 60 (№ 35).

3) Ib., с. 61 (№ 44).

4) Ib., с. 62 (№ 48).

5) Ib., с. 64 (№ 60).

6) „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, кн. 2, с. 197.

7) Ib. (Ср. у Буслаева изображение родовъ свадобнымъ поѣздомъ).

Mutter hekte,
Mutter legte,
Leg dich in dieselbe Wand,
Wo dich Gott hat hingesandt“ ¹⁾.

„Ich peut dir, permueter, bey der Macht vnd bey der heyligen gottes Kraft das du dich legest vnd nit mer regest, dan regest du dich, so stirbt N., so legt man euch pede in ain Grab, da müst ir in ligen bis an den jungsten tag“. (Du solt der frawen nabel stargk in die hant nemen vnd den segen drey malen daruber sprechen vnd alsoft i pater noster. Der Wundssegен ich auch gut dafur zu sprachen) ²⁾.

„Fuer den wetagen der muter. Schreib die nammen an ein junek fraw perment vnd las die frawenn alltzeit pey ir tragenn: el + eloy + eloe + anexi + andriary + Nun + compunctary + ammen“ ³⁾.

(Написать на запискѣ и положить на животь больной): „De viro vir, de virgine virgo, vicit leo de tribu Juda, Maria peperit Christum, Elisabeth sterilis Johannen baptistam. Adjuro te, infans, per patrem et f. et sp. s., si masculus es uel femina, ut ex eas de wulua. Exinanite, exinanite!“ (Vnd wann das kint geboren ist, so soll mann alsbalde die zedel von der frawennleyb nemmen mit den geschribenen Worten) ⁴⁾.

(Написать на запискѣ и положить на голову): „Per + ipsum + et cum ipso et + in ipso“ ⁵⁾.

[Безплодность, желая имѣть дѣтей, собирая нити паутины во время т. наз. „бабьяго лѣта“ (— летающая паутина — волоса одной изъ Урмь *Keshalyi*, которая, тоскуя по мужѣ, умирающемъ обыкновенно осенью, вырываетъ изъ головы волосы и разбрасываетъ ихъ по ветру —) вмѣстѣ съ мужьями и уничтожая паутинки, говорятъ]:

„Ihr Keshalyi spinnet, spinnet,
Bis noch Wasser in den Bächen rennt

¹⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 447.

²⁾ Oswald von Zingerle, „Segen“, с. 176.

³⁾ Ib., с. 176—7.

⁴⁾ Ib., с. 177 — Ср. почти буквально у Birlinger

„Bairische Besegn.“ („Germania“, 1879, в. 24, с. 74, вм. exinanite здѣсь стоитъ exmamte).

⁵⁾ Ib., с. 177.

' Euch zur Kindstauſ' wir einladen,
 Wenn den roten Glückesfaden,
 Ihr gesponnen, ihr gesponnen,
 Für das Kind das wir gewonnen
 Haben von euch, ihr Keshalyi“ ¹⁾.

(Когда послѣдъ долгое время не выходитъ, убиваютъ нѣ-
 сколько птицъ, которыхъ потомъ вмѣстѣ съ вышедшимъ дѣт-
 скимъ мѣстомъ мужъ роженицы зарываетъ въ глубокой ямѣ,
 говоря): „Grösster Her im Himmel, blick auf uns arme! Du
 hast un jetzt das Gute lebendige (Kind) gegeben und das
 Schlechte (Nachgeburt) genommen. Drei Urmen schicke uns
 her, damit sie dies, in der ersten Nacht bewachsen! Kein Mu-
 lo soll es stehlen, kein Pluwush soll es stehlen! Keine Hexe
 soll es kochen und kein Teufel braten! Grösster Herr im Him-
 mel, erhöre uns“ ²⁾).

(При послѣродовыхъ боляхъ, подкуривая больную гни-
 лушкою ивы):

„Rasch und rasch fliegt der Rauch,
 Und der Mond der fliegt auch!
 Haben sich gefunden,
 Du sollst drum gesunden;
 Wenn der Rauch vorbei,
 Sei von Schmerzen frei,
 Sei von Schmerzen frei“ ³⁾.

(Взявъ за конецъ брошеннаго надъ больной клубка крас-
 ныхъ нитокъ): „Die heilige Mutter Maria ging auf den Berg,
 es floss das Blut aus ihrem Leib auf den Berg. Es kam die
 Cuma und wolltees auflecken, aber ein Engel warf vom Him-
 mel den roten Faden herab und zog das heilige Blut hinauf.
 Die Cuma ärgerte sich und spie aus und es kam die Pest.
 Komm', Cuma, hier hast du Blut, frisses, doch nimm auch die

¹⁾ Włisłocki, „Volks Glaube der Zigenener“, с. 14. (Ср. еще заговоръ на
 67 стр. отъ безплодія, гдѣ прибѣгаютъ къ чародѣйской помощи заколд. змѣи. —
 Паутины — нити Парки, ср. нѣм. „drei Maraten“).

²⁾ Ib., с. 172. (Urmen = богини судьбы, двѣ добрыхъ, одна злая, объ этомъ
 см. стр. 2, 3 и слѣд.).

³⁾ Ib., с. 170.

Rehmerzen des Weibes mit dir. Im Namen der heiligen Mutter Maria“¹⁾).

(Желая оградить родильницу отъ злого духа Ави-сули, поселяющагося въ домѣ во время родовъ и преслѣдующаго родильницу и новорожденнаго):

„Али ули али выучила, женщину (родильницу)
Кинжалъ, сѣть и гребень подложить подъ голову.

Поймала Али скверную, мерзкую,

Отрубила кинжаломъ голову, прогнала на дворъ.

Петръ сидитъ у дверей, Павелъ же на кровлѣ

Цѣпь лежитъ на порогѣ, а крестъ на кровати.

Господи, оснѣни крестомъ здѣсь лежащую родильницу“²⁾).

(Въ XVI—XVII столѣтіяхъ въ храмахъ и домахъ были иконы, «представляющія Богоматерь въ мукахъ рожденія и бабку, повивающую младенца Спасителя. Это представленіе видѣно и въ молитву бабкѣ, пріемшей отрока». Такъ, въ Стрятинскомъ требникѣ 1606 г. находимъ): „Господи Иисусе Христе Боже нашъ, рождейся прежде вѣкъ отъ Отца... бабою повить пеленами“³⁾). Послѣднія три слова въ требникѣ Петра Могилы уже выброшены. Однако, подъ вліяніемъ этихъ молитвъ, въ народномъ обиходѣ сложилось не мало подражаній имъ.

(Положить роженецѣ „у пазуху“ бумажку со словами): „Пумяни, Госпыди, сыни Едомскіи, въ дни иерусалимскіи глаголющія: истацайтя да асаванія яго“⁴⁾).

(„Егда начнетъ жена родити не борзо“): „Иже обрѣтъ иисусъ христосъ со іоанномъ бословцемъ обрѣли жену рождающую не можетъ родити. и рече господь нашъ іоанну богослову вгряди, іоанне, рцы еи въ правое оухо. отъ Бога рождающисъ, отъ Бога питающисъ выйди младенче Христовъ Хрис-

¹⁾ Wlislöcki, „Volks Glaube der Zigenener“, с. 171. (Cuma = лѣсной духъ, Pesifrau; о немъ см. у F. Krauss „Volks Glaube und religiöser Brauch der Südslaven“, с. 57).

²⁾ Хахановъ, „Мески“ (древняя мескія нынѣ Ахалцихскій у. Тифлисск. губ. населена преимущественно грузинами) — въ „Этн. Об.“, кн. X, с. 11.

³⁾ Крыжановскій, „Собр. сочин.“, I, с. 43.

⁴⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 203.

тосъ тя зоветь помяни господи сыне едемскія. во дни іерусалимовы глаголющая истощайте ите (sic) до основанія земли нынѣ и присно“¹⁾).

(Изъ подууст. сб. 1476 г. Кирил. Бѣлоз. библ. № 6/1083, л. 112 об. — При трудныхъ родахъ): „Гѣ блѣви ѿче. Ѡбрѣте Гѣ нашъ Іс Хс на стѣмъ іѡанѡ и ѡбрѣте жену N. родащюу и чрево болащюую. и не могоущюу родити еи, и рѣ Гѣ нашъ Іс Хс стому іѡанноу бѡсловоу: «Иди, іѡанне, и рци еи во правое оухо: Ѡ Бѣа родимое, и Ѡ Бѣа питаемо выиди младенецъ ко Хоу; Хсъ та зоветь». Во и. О. и С. и св. Д. в. н. и п. и в. в. в. а... Помани Гѣ сны едомьскія в днѣ іерлмдѣ глѡщам истощайте, истощайте“²⁾).

(Изъ полууст. требн. XVI в., Троицк. Серг. л. № 227, л. 276 об.—277): „Се и срете Гѣ Ісъ Хъ Іѡанномъ Бѡслово ѡбрѣли жену рожающи, срѣемъ болащюу: не може рѡти, и ре Гѣ нынѣ Иванну Бѡслову: «Грл Иване и рци еи во правое оухо: Ѡ Бѣа рожающеиса вын, млчче Хвѣ, Хъ та зоветь. — Помани сны едемьскыя вои ерлмовы глѡщюу: истощайте, истощайте до ѡснованіа земли нынѣ и и пно“³⁾).

(Когда женщина не можетъ родить, говорить ей на ухо): „Φόρουρος (=φο-) ἐγένετο εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ἔτρεχον οἱ ἄγγελοι καὶ οἱ ἀρχάγγελοι. Καὶ ὁ Χριστὸς ἠρώτησεν. τί ἐνὶ ὁ φόρουρος εἰς τὸν οὐρανὸν; Κύριτέ μου, γυνή πονεῖ καὶ κοιλιόπαγει, καὶ οὐ δύναται γεννήσαι. Λέγει αὐτοῖς ὁ Κύριος· ὑπάγετε εἰπατε εἰς τὸ δεξιὸν αὐτῆς ὅτιον τέξε, γυνή, ὡς ἡ Μαριάμ τὸν Χριστὸν, ὡς ἡ Ἐλισάβετ τὸν Πρόδρομον, ἐξέλθε τέκνον, καλεῖ σε ὁ Χριστὸς καὶ ἡ γῆ σε περιμένει, στώμεν καλῶς. [λέγε αὐτῇ ἐκ τρίτου. Εἰ δὲ τὸ κοιτάριον οὐ πεσεῖται, λεγε οὕτως]· Ὁ χαριστὸς καὶ ὁ Πέτρος ὑπάγαινον ἐν τῇ ὁδῷ καὶ ἐστράφη ὁ Κύριος καὶ τῷ Πέτρῳ ἔφη· Πέτρε, τί κλαῖαυον ἐν τῇ κόμῃ, Κύριε μου, γυνή κοιλιόπαγει (= -νει) καὶ οὐ δύναται γεννήσαι, ἔλα, Πέτρε, κάλεσαι αὐτὴν ὧδε καὶ εἰπέ· γυνή καλεῖ σε ὁ Χριστὸς. σάρρα (3 р.) καὶ σὺ, κοιτάριον, πέσε ὅτι καλεῖ σε ὁ Χριστὸς καὶ ἡ γῆ σε περιμένει“⁴⁾).

1) Каратыгинъ, „Апокрѣф. мол.“, с. 443.

2) Тихомировъ, „Память отреч. л-ры“, II, с. 355.

3) Ib., с. 356.

4) Васильевъ, „Сборн. пам. виз. л-ры“, I, с. 339—40.

Урама.

Да кажете, мољѣм ви са,
Шта ва на мѣка кладѣт;
Как шта трасте лепената мѣка?
Шта ва посеѣт,
Шта вадыѣт три месеца,
Та шта ва умѣкнѣт;
Шта ва кладѣт в одата,
Да гниете три нидели;
Шта ва извадыѣт от одата,
Да сѣхнете на слѣнцето,
Да исѣхнете хубаво;
Шта ва кладѣт на копане,
Шта ва свалѣт главата;
Шта ва кладѣт на меници,
Шта ва извадыѣт от меници;
Шта ва кладѣт на дѣрцалката,
На дѣрцалката на дарѣка;
Толко време как шта трасте?

Показахѣ са до три дружини,
От кѣде сѣ нѣт навѣрвили.
Отидохѣ си на Самокова (= Фѣто ковѣт желѣза бли-
зу до селоте Кѣрчово),

Огѣн да си терат;
Огѣн си нема, там да вичерѣт.
Станѣкѣ и у Стамбулове (= фамилия вѣ Кѣрчово)
доидохѣ,

Постоѣахѣ, погледахѣ,
Неиде огѣн да наидѣт;
Неиде огѣн не наидохѣ.
Хрипнѣхѣ отидохѣ на Комерва (мѣстность край се-
лато),
Де видехѣ Ильо (= N. заговариваемаго) излѣзѣл
с огѣн;

Варкахѣ да го стигнѣт,
Ни го стигнѣхѣ.

Отидохъ на вартата му;
Една си друга велѣт отговарѣат:
— Мѣр хад да вичерем на Ильови порти.
Кладохъ си да вичерѣат.
Дето беше Туркуменката,
Тва имаше малинко дете.
Льулка закачихъ на вратата,
И прола Ильувото куче,
Та излезе Ильо да си гледа,
И да види што има на порти,
Та хми льулки раскѣца,
И хми на трепеза стѣни,
И хми месур истури,
И хми лѣп настѣни.
Тиѣ са много раздинѣ.
Нѣзи дето беше Туркоменката,
Тѣа го удари в срет с нагата,
Та му кѣре искѣнѣ;
Дето беше чафутката,
Тва го удари в главата;
Дето беше каурката,
Тѣа го удари в ношите.
Сѣбрахъ вечерѣа да вичерѣѣт,
И вичерѣѣт и си вревѣат:
Този чульак ни с ударикме,
Дал му маѣна дадеме,
Ил да му душа извадиме.
Каурката вили, провреви:
— На пек сѣ деца дребни,
И му сѣ денѣа глеги,
Даѣ да му лековете кажеме.
Ако тегли да си стане.
Мѣр, от мен му е млаго лесно:
Мѣр, да си иде, да сѣ земе
От цѣрквата от три кандила:
От Христозоото, св. Илиѣото,
Св. Илиѣото св. Атанасоото,

Да са мироса да си стаџе.

Туркуменката отгоори:

— Мжр, от мене е много лесно:

Да си иджт от три дола,

Дето нема канка ода,

Кога джш да си фатн,

Уплавиче да си снисе,

От нек да си земжт,

Мжр и да наточат три мајки оди,

Та да го сваржт,

И да го просинжт.

Шта си озравее.

Чухутката вили:

— А ми и јас ви кажм ште е лека:

Мжр, мене ми е на Сланарјувдол (м. близу до с. Кърчово)

Там има траи Јулым,

На трапа има габер висок,

Там ходжм да си пикжм,

От пикота ми е биле изљало,

От нек да земат,

Да го сваржт, да са омие,

До там шта си го глава боли“¹⁾.

Усови.

„Г. Г. Х. С. Б., помилуй р. Б. Н., сподоби его, благослови, Отче! Есть море золото, наз. м. золотъ корабль, на зол. к. ѳдетъ св. Николае, помогаетъ р. Б. Н. отъ усостей; есть море золото, на з. м. золото древо, на з. д. золоты птицы — носы желѣзны и ногти желѣзные, деручъ, волочатъ отъ р. Б. Н. на мхи, на болота; есть море золото, на з. м. бѣль камень, на бѣль к-и сѣдитъ красная дѣвица съ палицею желѣзною, тепеть, обороняеть, отлучаеть отъ р. Б. Н. усови на мхи, на болота; есть море золото, на з. м. золотъ корабль, на з. к. ѳдетъ тридцать царей и 70 цариць, помогаютъ р. Б. Н. отъ усостей; есть

¹⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, IV, с. 106, 107.

море золото, на м. з. зедоть корабль, на з. к. ѣдетъ св. Николае, отвораеъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзные ворота, а залучаетъ отъ р. Б. Н. усови — аду въ челюсти“¹⁾).

Утинъ (=дѣтская болѣзнь, боль въ спинѣ, въ крестцѣ вслѣдствіе вывиха; уцинъ, даланъ, арменци, самодиви, прѣсакъ).

Младшій или старшій въ родѣ долженъ потоптаться по спинѣ, и боль унимается. Тотъ же результатъ достигается тупымъ ударомъ по спинѣ. Кладутъ на спину больного голикъ, ударяютъ по немъ топоромъ. Больной думаетъ, что знахарь сѣчетъ утинъ (существо) и спрашиваетъ: «Что сѣчешь?» — Утинъ сѣку. — Сѣки горазже, чтобы вѣкъ не болѣло. Известно, что отъ вывиха можно вылѣчиться быстрыми движеніями всего туловища, наклоняясь къ землѣ и быстро выпрямляясь. Въ связи съ этимъ стоитъ языческой обрядъ каенія землѣ съ формулой: „Прости меня, матушка земля, въ чемъ согрѣшилъ“; та формула и приросла къ простому лѣчебному средству (Крушевскій, с. 48 сл.).

(Положивъ на спинѣ больного накрестъ двѣ соломины, прикладываютъ къ нимъ елегка топоръ и говорятъ): „Бабушка, бабушка! что ты дѣлаешь? — Учинъ рублю. — Руби его хорошенько, чтобы его не было“. (Плюнуть и разорвать соломенки на 3 части)²⁾).

„Сѣкачтъ зема брадва въ дѣсната си рѣжа ужъ да сѣче поставеното на далачения коремъ дръвце. Болниамъ го пита: «Какво ще сѣчешь?» — Делакъ сѣча, отговаря сѣкачъ. «Сѣчи та го отсѣчи», отговаря болниятъ. Сѣкачтъ въ това время удря съ острото на брадвата дървото на корема. Това се повтаря на три пѣти, слѣдъ косто болния си отива“³⁾).

(Кайто има набрана вода въ стомаха, та го подпира и страда, легне на прага на кѣщнитѣ врата, главата му извънѣ

¹⁾ Майковъ, „Великорус. заклинанія“, с. 457 (№ 90). — Объясненія, что такое „усови“, не дано.

²⁾ Якушкинъ, „Молитвы и заговоры“, с. 164.

³⁾ „Сборн. за нар. умоть“, II, с. 86.

вратата, а ногитѣ му на вжтрѣ въ кѣщи, на воазнакъ, съ лицето си на горѣ. Бабата му тури на корема копанѣтъ, а връзъ копана биліе (особна трева наречена отъ бабитѣ за далакъ). Тогавъ зема брадвата и завъртѣва ѣк силно отъ първо, като ще прѣсѣче човѣкътъ, та пресича трѣвата на три пѣти и накарва до лъца да ѣк пита, или пѣкъ другъ нѣкой отъ домашнитѣ): „Какво сеачеш?“ — Далакъ сеакам, да гу отсекам, да гу нѣма, отговоря бабита. Трѣвата връзватъ отъ вжтрѣшната страна на каминя и назватъ: «касѣ соахне тревао-са и далака-с соаі да исоахне»¹⁾.

(„Кагато нѣкого заболи кръстѣмъ, наіде го прѣасакъ, повика жена, коя то е рождала близнаци за да му бае. Болниятъ лѣча, нахлупъ съ лицето къмъ земята, на прага на кѣщнитѣ врата. Жената зема, кобилицата, а съ десната нога настѣва полегка връзъ кръста му на три пѣти едно слѣдъ друго, завива кобилицата като да го удря и го пита на трижъ): „Прѣасак ли иштиш или близнакува маіка? — Ништоа прѣасак, близнакува маіка шти, отговаря на всѣко питание болниятъ“²⁾).

„Какво сичеш? — Арменци. — Сичі да ги утсичеш! — Да излѣзут ут главатѣ ти, учіти ти, вѣждити ти, клѣнкити ти, сѣрцѣту ти, кокѣлти ти, рѣцѣти ти и прѣстити ти, тѣкѣ нѣма да іадѣт, нѣма да пийѣт; да іадѣт в пѣсту гѣри зилѣну, там да іадѣт, там да пийѣт, там да увивѣт. Акѣ сѣ мѣжки, братѣа да ти сѣ, аку сѣ женски, сѣстри да ти сѣ; ут мѣни лѣак ут св. Бугурѣдица здрави“³⁾.

(Потереться ночью объ уголь овина): „Овинь, овинь! возьми мой учинь, отдай мое здоровья“⁴⁾.

Ушибы и контузии.

(Надавливая ушибленное мѣсто ножомъ 3, 7 или 9 разъ и втыкая потомъ ножъ въ землю то же число разъ): „Werde (3 p.) weich, | Und verschwinde gleich! | In die Erde sollst

1) „Сборн. за нар. умотв.“, кн. II, с. 170.

2) И., с. 170—1.

3) И., VII, с. 143.

4) Шей и ѣ, „Матеріалы“, II, с. 545.

du gehen, | Nie soll ich dich wiederschen! | Messer, Messer
zieh's heraus, | Giebs der Erde über!“⁵⁾

Ушная боль.

(Прикладывая дитя къ «угловому кресту», — образующе-
муса отъ пригрѣванія солнцемъ рубленныхъ изъ дерева избѣ,
говорить): „Уголь рубленъ, и крестъ дубовъ. У того креста не
болѣло, не щипѣло и уха не вертѣло; и такъ бы у р. В. Н. не
болѣло, не щипѣло и уха не вертѣло, ни въ день, ни въ ночь,
ни въ утрею зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на ветху и
ни на церекрою мѣсяцу. Во вѣки вѣковъ. Аминь“²⁾.

При шумѣ и боли въ ушахъ.

(Приложивъ къ уху еще теплый трупъ птицы, сжигаютъ
его на кострѣ изъ можжевельника, и этимъ дымомъ больной
должець быть подкурень, произнося): „Rauch, o Rauch dehn'
dich, | R. o R. streck' dich. | Böser, Böser schwinde, | B., B.
springe, | Schring' aus meinem Ohr, | Komm' so gleich her-
vor! | Flieg' weg, wie der Rauch, | Flieg' weg, w. d. R.! | Im
Namen Gottes“³⁾.

При течении тоя изъ уха.

(Вливъ въ ухо настоя ромашки и вытеревъ тряпкой, боль-
ной затыкаетъ послѣднюю въ разщелину дерева): „Wenn der
Baum Ohren hat, so hat er gewiss grosse; darum Böser, geh'
in den Baum! Wenn der Baum aber keine Ohren hat, so mach'
ihm Ohren und wohne du hier in diesem Baum“⁴⁾.

Отъ флюса.

„Es gingen drei Jungfern in Jordan; | Die eine pflückte
Laub, | Die andere p. Gras | Lit der dritten stille ich diesen
Fluss ab“⁵⁾.

¹⁾ Wlislöckl, „Volks Glaube Zigeuner“, с. 174.

²⁾ Майковъ, „Великор. закл.“, с. 456 (№ 85).

³⁾ Wlislöckl, „Volks Glaube... Zigeuner“, с. 173.

⁴⁾ Ib.

⁵⁾ Bartsch, „Sagen Meklenburg“, II, с. 401.

Од хала.

„Биће од саставака, биће од ветра, биће му направљено, биће нагазио, биће вам дожицу сломио, биће вам каленицу разбио, биће вас чим год увредио, молим се вама: Смиљано, Огршћано, Қалино, Магдалино! да му опростите и лек да му дате“ ¹⁾.

(Протисли долазе... од тога, што је болесник радио на каква светац): ...„Амин (bis), Господе, лек да буде Павлу моја басма. Биће од поңедеоңика, б. од уторника... среде... четвртка... петка... суботе... недеље.— Биће кола терао; б. макар шта здетовао. О, устима ћу бајати, руком ћу узети, у гору ћу пратити. Нека остане чист као сребро, нека буде здрав као од мајке рођен“ ²⁾.

(Ворочая болѣзнь туда, откуда пришла): 1) „Бајем Павлу да му буде лек. Врѐм овај конач; врѐм овај траг: нека се врну чини од њега. Ако је од Бога, молим та се Боже, опрости му; ако је од душмана, нека иде одакле је дошло“.— 2) „Амин (bis). У име свете Б-це! Како је лек из њених уста нека је лек и од мога бајана. Ко ми прати ову болест једном руком, врѐм му са обадве; нека она не сме више на мене доћи; врѐну је у глухо доба, у по ноћи“ ³⁾.

Холера и понынѣ понимается какъ живое существо, могущее принять тотъ или иной человѣческій образъ. Позволю себѣ привести характерную выдержку о судебномъ процессѣ, разбиравшемся въ 1895 г.,—изъ „Харьк. Губернск. Вѣдомостей“ (отъ 3-го іюня 1895 г.):

Человѣкъ-холера.

1-го мая 1895 г. въ Томскомъ Губернскомъ судѣ разбиралось дѣло о 13 крестьянахъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ неизвѣстнаго человѣка, принятаго ими по суевѣрїю за болѣзанъ холеру. — Изъ доложенныхъ на судѣ обстоятельствъ дѣла видно, — по словамъ „Томск. Лист.“, — что въ 1892 г. крестьянами дер. Трубачевой, нижекулундинской волости, бар-

¹⁾ Милићевић, „Живот срба сѣљака“, с. 195—6.

²⁾ *Иб.*, с. 196.

³⁾ *Иб.*

наульского округа, было совершено убійство неизвѣстнаго чело-
вѣка, принятаго за болѣзнь холеру. При осмотрѣ мѣста про-
исшествія оказалось: изъ дер. Трубачевой въ с. Тюменцово
идеть дорога, подъ названіемъ Селивановская; по той дорогѣ
въ одной верстѣ отъ деревни влѣво дорога поворачиваетъ въ
боръ. По этой дорогѣ замѣчены были слѣды крови и „утолка“,
отъ которой пошелъ „таскъ“, т.-е. дорожка съ придавленной
въ одну сторону травсй. Въ разстояніи 46 саж. отъ этого
мѣста въ согрѣ (болотная мѣстность, заросшая лѣсомъ) найде-
на могила, изъ которой и былъ вырытъ убитый чело-
вѣкъ.— Спрошенный при дознаніи 12-го октября 1892 года киргизъ
Мукушъ Неязовъ Жантомовъ показалъ, что около педѣли тому
назадъ въ дер. Трубачеву пришелъ неизвѣстный чело-
вѣкъ, который ночевалъ въ домѣ Якова Малышева; оттуда онъ пошелъ
по улицѣ къ Игнатію Серебренникову, гдѣ и былъ взятъ кре-
стьянами, проводившими его до большого моста. Нѣсколько чело-
вѣкъ крестьянъ привели этого чело-
вѣка на то мѣсто, гдѣ
найдена была кровь, и здѣсь Матвѣй Огарковъ выстрѣдилъ въ
неизвѣстнаго ему чело-
вѣка изъ дробовника, Сидоръ Фроловъ
выстрѣдилъ изъ винтовки и онъ палъ, затѣмъ Абрамъ Малы-
шевъ нанесъ нѣсколько ударовъ стягомъ, вмѣстѣ съ Абрамомъ
Важенинымъ. Потомъ на ноги убитаго была надѣта веревка и
Симонъ Фомичъ Еремѣй Безпаловъ и Фролъ старикъ притащили
его къ тому мѣсту, гдѣ онъ и найденъ зарытымъ. Зарывали
трупъ въ землю, онъ, Жантомовъ, Агній Трофимовъ, Симонъ
Фоминъ, Фролъ съ сыномъ Сидоромъ. Абрамъ Малышевъ,
Абрамъ Важенинъ, Маркъ Латкинъ и Матвѣй Огарковъ. Его,
Жантомова, послалъ помогать убить неизвѣстнаго чело-
вѣка сельскій староста Яковъ Безпаловъ. Объ этомъ убійствѣ знало
все общество дер. Трубачевой; убили неизвѣстнаго чело-
вѣка потому, что подозрѣвали его въ порчѣ людей. — Федоръ Ша-
хуринъ показалъ, что неизвѣстнаго чело-
вѣка, найденнаго въ
бору убитымъ, онъ видѣлъ на сходкѣ крестьянъ дер. Трубаче-
вой, читалъ паспортъ неизвѣстнаго и помнитъ, что имя его Го-
аннъ; а такъ какъ у неизвѣстнаго была найдена записочка съ
названіями деревень, то крестьяне дер. Трубачевой говорили:
„ты выписалъ деревни, ходишь и ладишь уморить“, на что об-

щественники замѣтили: „его нужно совсѣмъ проводить, т.-е. убить“. Во время этой сходки у Матвѣя Огаркова было ружье и еще ружья стояли у городьбы. Незвѣстный впоследствии оказался убитымъ. — Иванъ Дупленскій показалъ, что осенью прошлаго 1892 г. въ концѣ дер. Трубачево, по дорогѣ въ село Тюменцево, онъ строилъ избу. Около полудня мимо него проходили крестьяне (указалъ фамиліи) — Симонъ Чановъ и Матвѣй Латкинъ были верхомъ, а остальные пѣшкомъ; у Чанова и Матвѣя Огаркова было по ружью, а у остальныхъ были палки. Эти лица вели какого-то неизвѣстнаго человѣка, впоследствии найденнаго убитымъ въ бору. На вопросъ: кого ведутъ, кто-то изъ нихъ сказалъ: „вотъ захватили неизвѣстнаго человѣка, ведемъ къ засѣдателю. Этотъ человѣкъ—вредный, скотъ и людей морить. Вчера онъ прошелъ въ Ермачихѣ мимо табуна и скотъ началъ падать; да у него выписаны деревни, которыя онъ хочетъ морить“. Затѣмъ всѣ они пошли дальше по Тюменцовской дорогѣ, въ боръ; къ нимъ подошли Фроль и Сидоръ Киселевы, которые также пошли въ боръ, причемъ Фроль взялъ колъ изъ поскотины. Спустя полчаса времени, приблизительно въ одной верстѣ отъ деревни, въ бору раздался выстрѣлъ, а затѣмъ другой. Вскорѣ послѣ этого крестьяне, провожавшіе неизвѣстнаго человѣка, стали возвращаться въ деревню одинъ за другимъ, а не кучей. Изъ возвращавшихся крестьянъ, онъ обратился къ Фролу Киселеву съ вопросомъ: „проводили, что-ли?“, на что послѣдній отвѣтилъ: „кто его знаетъ, и ходилъ на болото смотрѣть траву“; Сидоръ же Киселевъ на такой же вопросъ отвѣтилъ: „я не знаю, онъ скрылся отъ насъ“. Когда неизвѣстнаго впоследствии нашли въ бору убитымъ и слѣды, бывшіе на могилѣ, вполне подошли къ сапогу Кабыша, то онъ сказалъ старшинѣ: „все расскажу и всѣхъ укажу“.

Къ сожалѣнію, заговоръ отъ этой болѣзни въ моемъ распоряженіи очень мало, потому нельзя иллюстрировать это положеніе текстами. — Вотъ одинъ изъ таковыхъ.

(Написавъ на нѣсколькихъ запискахъ приводимую ниже молитву, привѣшиваютъ записки надъ каждымъ окномъ, надъ каждой дверью, куда только можетъ войти непрощенная гостья):

„Иисусъ Христосъ съ нами уставися, вчера и нынѣ и днесь, той же и во вѣки вѣковъ. Христосъ ненависти прогоняеть, Христосъ въ семь домѣ въздесуций у твоихъ рабъ всегда, нынѣ и присно. Аминь“¹⁾.

(Въ видѣ разговора двухъ женщинъ):

„Hossa (= названіе горы около Brzezín), Hossa, będzie piwko po dwa grosza, a gorzałeczka będzie po trzy, człek cie na człeka nie parątrzy. — Nie będzie im nic, będą biedrzeniec z drzięgielem pić“²⁾.

Од црвеног ветра.

(Узьме баба ватраль и угреје га на пшееничим мѣкиѣма и сирѣетом окади болѣсника и онда маше вручим ватраљем и говори у себи): „Пошао св. Никола на сињем коњу; сињим га седлом оседлао, сињи му колан потегао, сињом га уздом зауздао, сиње море прегазно, сињи ветар однео“. (Ово по три нута изреди на онда продужи): „Пошао св. Никола на црвеном коњу, црвеним га седлом оседлао... црвени ветар однео“. (И то три пута, на онда): „Пошао св. Н. на белом коњу... бели ветар однесе. Устук биче; ту ти мѣста нема; ти да идеш у Галилеј-поток, где цркве нема, где попови не чате, где се свеће не пале, где се колач не сечѣ, где ђаци не певају, где говѣда не ричу, где овце не блеје, где свиње не грде, где петли не поју, где пси не лају, где нигде ништа нема. Враћах те, врнух те; устук, да устанеш као земља. Црво, црвенице; румо, руменице; ти се расцрвени, ти се разрумени. Изгорех ти оца, изгорех ти мајку,... брата,... сестру,... стрица и стрину... ујца и ујну,... сагорех те: сагорех ти сав род“ (На ако је доста завала док је то говорила држи се да ће бити болеснику лакше)³⁾.

„Павила мајка Богородица на срела N. — Што ти је синко, N.? — Дођоше на мене добри гости, д. гости, невидени црвени ветрови, све врте, свуда болу; него их раздели по води, по гори Галилеји, куд петао не нева, куд кокош не крека, ку-

1) Щуровъ, „Знах. на Руси“, с. 167.

2) Siarkowяki, „Mater. do etnogr.“, с. 68.

3) Миланѣвић, „Живот срба селака“, с. 168—9.

да нас не лаје, куд пушка не пуца, куд човек не живи, куд поп не чати: тамо да идете ви црвени ветрови на студену водицу, на зелену травицу, на црвену јабуку; да сте благи као мед, да сте хладни као вода, да лакне као леко перо, као чисто сребро“ (говорить 9 разъ на день, сжечь „кучине“, пепломъ посыпать больное мѣсто) ¹⁾.

(Взявъ „ватраль, угреју га“ и махая надъ больнымъ говорятъ): „N. иде уз поље низ поље, плаче и цвили гласом до неба, суздама до земље.— Срете га божја мајка, света Б-ца и пита: Што плачеш N., што цвилиш? — N. јој одговори: како да не плачем и да не цвилим, кад ми је ушао црвени ветар у главу (или где га боли) на ми неда ни стојати, ни лежати.— Врни се, рече му мајка Б-ца, и иди N. бајалици, она је лаке руке, благе душе; извела ја тридесет квочакас с црвеним кљуновима, тридесет пилића с црвеним ноктима на црвеном буњишту. Квочке ће кљуновима раскљуцати, пилићи ће ноктима разгребати, остаће црвени ветар чист као чисто сребро, а њи ћеш остати здрав као челик и спаваћеш као јагње на зеленој трави“ ²⁾.

Чемери (v. чемири).

„На мыри, на кыаніи, ляжитъ каминь Ардынъ; на тымъ камни сядитъ сиззй арель съ зялѣзными каптюрями.— «Полона табѣ, арель Ардынъ, каминь драть!»— Михаилъ Архангилъ на памычѣ — пиристанъ чемирь битъ“ ³⁾.

„Басла Божа (3 р.)! Есть у свѣти (3 р.), три цари (3 р.): первый царь (3 р.) — мѣсицъ на неби (3 р.), утарой ц. (3 р.) — ракъ у мори (3 р.) (ср. мр. заг. у Ея. отъ зубовъ); третій ц. (3 р.) — сѣрый воўкъ у болоти (3 р.). — Какъ етыи цари адинъ у аднаго ни бывають и нашитки и наѣдки ни кушають и ни бесѣдывають — такъ етый чемири у р. б. ни бывають и р. б. ни нудитъ, и марить и пу румяному тѣлу ни хадить и бѣлую кость ни ламить и гарючу крофъ ни разганять, пухавова волоса ни раздумать.—И ты выходи чймирь злая, ч. лихая атъ еты-

¹⁾ Милићевић, „Живот срба сељака“, с. 169—70.

²⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 180.

³⁾ П., с. 170.

ва раба, изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, изъ пажилыкъ; ать буйный галавы, ать быстрыхъ глазъ, ать рабочихъ рукъ, ать быстрыхъ нохъ, ать нутринастей чилавѣчскихъ! — Ни трыгатца тябѣ, чемири, ни на маладику, ни на полнатѣ, ни на ширякрои мѣсица, ни на сходи востока“ 1).

„Ишла Божжія Матирь сы усимъ сваимъ архангельскимъ саборымъ на ярскія лури гулять, вылыхъ твятоу сарвать, раба такога прикладать, у Ярдани ряки вадицы набирать, такова рабацію умывать“ 2).

„Падъ карянемъ карянистымъ, падъ листымъ ширакистымъ, сядить ванерь, рылымъ пашеть, зубами рветъ. Што ета онъ дѣлаить: искить таго кариня, што выганять ать асудныхъ причинныхъ двинадцить чемерей, зъ буйный галавы, съ чуткихъ вушей, зъ наздѣръ и зъ жилъ, изъ пажилыкъ, изъ сирядины, изъ нутря, изъ живата, и су ўсяго сердца, зъ нохъ, са калытоу. Рыжая, буланая (разнаго цвѣта). Аминь“ 3).

„На синимъ на мори стаить церкыу Саламанида; на тѣй церкви Саламаниди стаить Божжія Матирь, въ рукахъ дѣржитъ (= вм. дяржить) живатварящій крестъ. — Ина сваимъ живатварящимъ крястомъ атганяить три раза (вм. три разы) чемирь дянную, пулудѣнную, нашную, палунашную, зъ буйнѣй галавы, зъ ретивога сердца, съ чуткихъ вушей, зъ нутри изъ животѣ и съ сярѣдини и су ўсихъ разныхъ тѣлесъ (—о челоуѣкъ—) и рясныхъ ачей са ўсихъ разныхъ калытоу (о скотѣ) атгонъ три раза чемеръ зъ разный шерсти! Ну, не самъ я собою утѣшаю и сакрачаю. 12 чемерей, а Божжію Матирью: чисавыхъ и полчасаовыхъ, минутныхъ и полминутныхъ и усякыхъ. На вѣки вѣчныя. Аминь“ 4).

„На мари (bis) на икѣни стаить ракитывый кустъ, на тымъ кустѣ ляжить галь каминь, на тымъ камни сидятъ 12 малладцоу, 12 багатырѣу, диржатъ 12 малатоу, бьютъ, какъ день, какъ ночь, выбиваютъ чемирь зъ рыжій шерсти, изъ буйный галавѣ, изъ яркихъ вачей, изъ жилъ, изъ пажилъ, изъ лехкыга въздыханія... И просимъ тебе Прасвятую Багародицу... —

1) Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 189.

2) Їв., с. 190.

3) Їв.

4) Їв., с. 191.

О, Господи, закрой и помилуй. Ать усякыга упадку! Михаила Архаила су ўсею небесною силою... Пумяни!“¹⁾

• *Черви.*

По Крушевскому, черви — материальная причина разных болезней (не только в русских заговорах, но в западно-европейских и в Вѣдах)²⁾, народъ сблизилъ червей съ мифическими змѣями, а потомъ чертями. Ихъ пугаютъ молніей, солнцемъ, вообще сожженіемъ. Средство противъ червей называется *чертополохомъ*; его (растение) пригибають къ землѣ и прижимають камнемъ, приговаривая: „Если выведешь (червей), я тебя отпущу, а если не выведешь, изъ корня подерну“. Другой способъ изгнанія червей: уменьшать на словахъ число заговариваемыхъ предметовъ, вѣ ожиданіи, что они и на дѣлѣ исчезнутъ: „У Н. 9 женъ; послѣ 9 женъ 8 женъ... послѣ одной жены — ни одной“.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. У раба Н. тридевятъ три червяка и три червоточкины; одинъ выпадаетъ и всѣ пропадутъ. Черви, черви! Подите вонъ, да не мѣшайте. Какъ у меня р. Б. между перстовъ земля сыплется-высыпается, такъ изъ нашего р. Б. Н. сыпѣтесь-высыпайтесь, черви. Дастъ Богъ вѣтеръ, холодъ, солнце. За лѣсъ, черви, вонъ. Аминь“³⁾.

(5 p. paternoster и 5 p. ave Maria): „Du seyst ein wurm oder ein wûrmin, so bute ich dier by der kraft got des vaters, got des sunsz vn got des hailigen gaist, dz du dem flaisch un blût vn kain schad syest. — Ich nem—bomöl—nägiln muskartnus roswasser zu dim fuswasser nem granilken vn ebhoc v—an den—stat oder“⁴⁾.

„Ich beschwör dich Speckwurm, i. b. d. Reitwurm, i. b. d. Fress- und liegender Wurm, an diesen N., dass du musst sterben und in deinem Lager verderben. — Das zähl' ich dir. Zu gute an deinem Fleisch und Blut“⁵⁾.

¹⁾ Добровольскій, *Op. cit.*, с. 191.

²⁾ Это — современное учение о микробахъ.

³⁾ „Воронежск. Юбил. Сборникъ“, с. 97.

⁴⁾ Piper, „Segen aus S.-Gallen“, с. 68.

⁵⁾ Köhler, „Volksbrauch im Voigtland“, с. 408.

„У недилю рано ишлы люде до церкви, а зъ церкви — до дому, выпадайте, червы, до долу“ (3 × 9 разъ) ¹⁾.

„Ich beschwer dich wurm by dem vatter vnd by dem sun vnd by dem hailigen gaist das du also vnmär syist in disem laisch vnd in disem gebain als unserm Herren iesu vist ist der man, der ain falsch vrtail Spricht vnd ain besser kan des helff mir gott der vatter und der sun vnd der hailig gaist vnd bett drü pater noster und drü ave maria“ ²⁾.

„Червякъ, червякъ! Ты мавъ девъять жинокъ. З девъяти осталось висимъ... изъ одной — ни одной. Такъ щобъ и червей ни одного не осталось“ (3 дня по 3 раза) ³⁾.

„Бувъ соби Ивъ, мавъ соби девъять сынивъ. А зъ тыхъ девъяти перейшло на висимъ... а зъ того одного — ни одного. Казавъ вамъ Ивъ, щобъ вы вылизлы видсиль, бо якъ вы видсиль не вылизыте, то буде вамъ те, що тому чоловікови, що въ недилю до службы меле, а другый кабана коле“ (3 р. не п. д. „затоптывать тымъ борошномъ, що въ недилю до службы жорнуть, або выкрутыть пятою земли и нею затоптаты“ ⁴⁾).

„Svaty Petr leží v hrobě,
devet červů ma při sobě;
osm červů ma při sobě...
žádného červa nema při sobě“ ⁵⁾.

„Отче нашъ. Господь помощь (3 р.) и я зъ рукою. — Бхавъ св. Юрій на бѣлому конѣ черезъ лѣсъ, а за нимъ бѣгло три псы: 1-й чорный, 2-й червоный, 3-й бѣлый: чорный — кровь облызавъ, червоный — бѣле тяга, а бѣлый червы вылизавъ, на языкъ забравъ. — Червы! тутъ васъ 10, изъ 10 — 9, изъ одного — ни одного“ (Сплюнуть по угламъ по 3 раза) ⁶⁾.

„Отче нашъ. Господы помылуй (3 р.). — Господь помичъ изъ рукою.

Йихавъ св. Юрій на билому кони черезъ лисъ,
За нимъ бигло тры псы,

¹⁾ Ефименко, „Сборн. мр. закл.“, с. 15.

²⁾ Köhler, „Volksbrauch im Voigtland“, с. 68.

³⁾ Комаровъ, „Нова збирка“, с. 116.

⁴⁾ Ив., с. 115—116.

⁵⁾ Erben, „Česká zřítka“, с. 58.

⁶⁾ Ефименко, „Сб. мр. закл.“, с. 20 (№ 58); конец ср. съ № 59-мъ.

Першый — чорный, другый — чырвоный,
Третій — билый.

Чорный кровь облизавъ, червоный...

А билый червы вылизавъ, на языкъ зибравъ:

Червы тутъ заберы изъдесятыдесять,

Зъ девяты девять, зъ восьмы висимъ

. изъ йидного

Ны лычы ни йедыного²⁾.

(Пригнувъ верхушку „bodlak“ къ землѣ и наваливъ камень, говорить 3 раза):

„Bodlačku, bodlačku!

nepustim tobě hlavičku,

dokud nepustíš

(к. р.) kravě červičkū.“³⁾

„Der Herr Christus ging in den Acker, er ackerte drei Würmen aus der eine sah weiss, d. a. schwarz, der dritte roth, das zähe ich dir zu gute an deinem Fleisch und Blut“⁴⁾.

(Руки. Сб. XVII в.). (Надъ масломъ или солью, плюнувъ на камень): „Сѣдла гремятъ, узды бренчатъ, въ порожнии мѣха ѣхати по хмѣль, по легкой товаръ червямъ, и полетите за море, тамъ у червей свадьба, овча яловица печена, а здѣсь червямъ огонь, сѣра горячая и смола кинучая, — побѣгите черви отселѣ за море“⁴⁾.

„Татаринъ (bis) злодѣйской породы, уродъ изъ всѣхъ уродовъ, зачѣмъ т-нъ сѣешь червей, у моей лошади изъ такого-то мѣста? Если не выведешь, то вырву тебя съ корнемъ, загребу въ синюю даль, ты засохнешь, какъ порошокъ. Вспомнишь свою ошибку, да будетъ поздно“⁵⁾.

„Petrus und Jesus führen auf dem Acker, ackern drei Furch, ackern auf drei Würmer. Der eine ist weiss, d. a. ist schwarz, d. dritte ist roth: Hiermit tot. Im Namen“ (3 р.)⁶⁾.

1) Иващенко, „Шептанія“, с. 150.

2) -Erben, „Česká zafikáda“, с. 58.

3) Köhler, „Volksbrauch... in Voigtland“, с. 405.

4) Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 372.

5) Ib.

6) Amman, „Volkslegen... Böhmerwald“, с. 206. (Ср. MSD.³ IV, 5, XLVII, 2 и с. 466; Meier, „Sagen“, №№ 464—5; Grimm, Myth., 1402 и Nachtr. Anh. XLII;)

„Petrus und Jesus fuhren aus den Acker, ackerten drei Furchen, ackerten auch drei Würmer; der eine war weis, d. a. schwarz, d. dritte war roth, da waren alle Würmer todt“ ¹⁾).

(Въ пятницу или субботу, «weil an diesen Tagen das Wurmhaus offen ist»):

„Ii sölt mi füren to Holt,
Dor steit en Bönken Köhl und kolt,
Dorin will ik ju versenken,
Erkränken. — Im Namen“ ²⁾).

(Передъ восходомъ солнца больной, обливая мочой жгучую крапиву, говоритъ:

Guten Morgen (bis)!
Ich hab' viele Sorgen:
Würmer hat mein...
Dir geklagt soller sein!
Weiss sind sie schwarz oder rot,
Bis Morgen seien sie tot“ ³⁾).

„Jerusalem! du heilige Stadt,
Da Jezus Christus gekreuzigt ward.
Er hat vergossen Wasser und Blut,
Das ist für euch, Würmer, gut“ ⁴⁾).

„Im Namen Gottes... Dies thu ich für euch alle und lass euch dampfen zur Buh“ ⁵⁾).

„Job + tridanson + zerobantis“ ⁶⁾).

(Написать на запискѣ нижеприводимыя слова, обертывать запиской больныя мѣста, потомъ сжигать): Albo + albut + al-bubuc + Zabulantes + ypedie + Transonie + abantrostē“ ⁷⁾).

„Sant ann Sant osann min trow sant maria die hailigen dry frowē gingent uber ainen gewichten kilchoff. Die ain sprach dis ist das fliegenh Die ander sprach es einst. Die dritt

Schönwörth, III, c. 251; Kuhn, III, 207; Zs. f. d. Myth., IV, 111—2; Birlinger, Aus Schwaben, I, 459).

¹⁾ Peter, „Volksthüml. aus Schlesien“, c. 234.

²⁾ Bartsch, „Sagen... Meklenburg“. II, c. 426.

³⁾ Wlislöcki, „Volks Glaube... Zigeuner“, c. 177.

⁴⁾ Prah, „Glaube. Brandenburg“, c. 195.

⁵⁾ Ib.

⁶⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, c. 460.

⁷⁾ Ib.

sprach es sig oder es sig nit So bütz uns der gutt herr Sant marti vnd der uie hailig xist won du sin not vnd notturfftig bist das du nit hôher hebist vnd nit wytter flekisl noch kainen totten gestrekist noch in disem kilspel nit beli bist das butt dir der uil hailig xist der uber vns gewalttiger herr ist an gotz namen amen. [Vnd strich din Hand uber den schaden xutzwysz so du Inn segneg willt und ist der schad geschwollen so nim von ainen holder ainen ast vnd schab die grawen rinden hupschlich ab vnd tu sy enweg vnd nim vnd schab die grünen rinden suber herab vnd bind ims ubir den schaden untr er geuiszt er an zwifel. vnd wen du inn signest als bick haiszt Inn betten Dru pater noster und dru aue maria]" 1).

Чесотка (короста, шелуди, Repp, Kretz, Mayern, Friesel, Krätze, припаль).

(Во время полноводья, когда пойдет ледъ, взять ломоть хлѣба, крѣпко посолить его и бросить въ воду, говоря):

„Хлѣбъ-соль честная, плыви, куда хочешь, тебѣ добрый путь, а мнѣ оставь доброе здорovie“ 2).

„Встану я р. Б.... Въ чистомъ полѣ стоитъ баня, въ этой банѣ сидитъ чистая баба,—она схватываетъ, она споласкиваетъ уроки со ясныхъ очей, съ буйной головы и съ черныхъ бровей р. Б. Н. Не будь не уроковъ, не будь не призоровъ, не будь и завидости. Не будь и переговоровъ. Аминь“ (3 р.) 3).

(Въ мѣсячную ночь выходятъ подъ открытое небо, протягиваютъ руку, чтобы свѣтъ падалъ на нее, и говорятъ):

„Was ich sehe, das ist Sünde,
Was ich greife, das verschwinde“.

(При этомъ схватываютъ больного за руку и читаютъ „Отче нашъ“ и „Во имя Отца...“) 4).

(Мажутъ ребенка сливками и говорятъ): „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. — Идетъ красная дѣвица съ сухимъ вѣни-

1) Piper, „Segen aus sant-Gallen“, с. 68—9.

2) Майковъ, „Великорус. закл.“, с. 475 (№ 137).

3) Шустиковъ, „Троицкая Кадн. у.“, с. 128.

4) Амман, „Volkssegen“, с. 202.

комъ, тушить, гасить банную нечисть, мокры коросты.— Какъ у этого вѣника листки сухи, такъ были бы и коросты сухи.— Какъ у этого вѣника листки падутъ, такъ бы и чесотка спала“¹⁾).

(Беруть „парче сопринено, кое-то е ископано отъ гробъ, кога раскопавать коститѣ на умрѣль“, и говорятъ):

„Припалѣам та,
Приварѣам та,
Да ма ни привариш“²⁾).

Om̄ Friesel (?): „Das Friesel ging über den Land, begegnete ihm Christus der Heiland, und sprach: „Friesel, wo willst du hin? — Ich N. will hin reisen und des Herrn seine Werke besehen, dich zu vertreiben. Christus der Her sprach: Du sollst den Herrn meiden, bis ich den Samen, selber abscheiden, das sei dir zur Busse gezählt“³⁾.

Отъ *Repp*, oder *Kretz*, oder *Mayern* у дѣтѣй.
(Потирая спину больного кожей съ ветчины):

„Die Juden essen kein Fleisch
Die J. trinken keinen Wein,
Ey Mayern lass du dein Nagen
Lass du dein Beissen auch sein“⁴⁾).

Чирей (нарывъ, вередъ, пунышъ, болетокъ, болячка, до-
брина, цирей, Afel, Citer).

„Болячка гнила, б. пухка, б. зъ роци, б. зъ марена, б. зъ
лыхымъ часомъ, б. зъ гистцемъ, б. зъ роботы, б. зъ охоты, б.
зъ урокивъ, б. зъ лыхой воли, б. наслана, б. прислана, б. витро-
ва, б. полѣва! Тутъ ей въ голову не лупаты, въ уха не стріля-
ты, зубы не лупаты, кроввовъ не роняты, мяста не шукаты,
але иты соби на шыроки броды, на глыбоки воды, — тамъ ей

1) „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, 2, с. 200.

2) „Сборн. за нар. умотвор.“, IV, с. 106.

3) K ö h l e r, „Volksbrauch... im Voigtland“, с. 404—5.

4) B i r l i n g e r, „Aus Schwaben“, с. 446.

пискы пересыпаты, воды зміргаты, каменье лунаты, броды росшыряты,—яки за глибоки, яки за шыроки — а чесного, Божого, молитвянаго, хрещеного N. лышыты. Якъ го (ейи) матиръ на свѣт породыла, абы го (ейи), такъ злічыла Божымы молитвами. Отъ Бога на вѣкъ, а вѣтъ мене на ликъ“¹⁾.

„Afel vnd äffin gingen vber ein wisen weitt, da begegnet in die weich fraw (= heilige Trau) sand Amarey. «Afel vnd äffin, wo welt iz hin mit den siben kinden, mit denn syben vnd sibentzick schlüsslingen?» — Da will ich hin N. haws da will ich vel reissen vnd pain prechen vnd plut lapffen (=schlütten, trinken), vnd auf dem fletz will ichs recht besetzen und vntter dem dach ain gros geschray machen». — «Afel vnd äffin, ich gepeut dir bey der weich fraw sand Amarey, das du hind farrest vber mer mit den siben kinden mit den siben vnd sibentrig schüsling, da fiessen derey prünn, der ein ist gut, der ander ist plut, der dritt ist äffig; da peut ich dir in mit den siben kinden, mit den siben vnd sibentzig schuslingen. Des helff mir den vil gut Jhesum Christum vnd sein mueter, das helff mir die weich fraw s. A., das helff mir den man, der dott vnd marter am stam des heiligen kreutz nam, im namen des vater vnd des svn vnd des heiligen heist²⁾.

(Обводя сукомъ дерева): „Какъ сукъ сохнетъ, такъ бы сохъ у р. Б. N. чирей, изъ земли въ землю, въ три сажени. Будьте слова мои крѣпки...“³⁾.

(Земи 40 зрна черен боб-бжкла, да гу упукия вогжнъа, да го натри на цирейти си, да гу тури ньакуі камжк и да кажи): „Кугату изникни този боб, тугас да ми изнакнжт цирей“⁴⁾.

Баяние за дубрина (=кога се разболѣе човѣкъ и му излѣзжтъ пришки по лицето):

„Хубава дубрино

Наі-хубава ут сички,

Ут дубра маіка, уд добар башта,

¹⁾ Курцзанко, „Volksmedicin... in Bukowina“, II, с. 44—5.

²⁾ Oswald von Zinglerle, „Segen“, с. 173—4.

³⁾ Гуляевъ, „Очерки Южи. Сибири“, с. 58.

⁴⁾ „Сборн. за нар. умотв.“, VII, с. 144.

Уд добри сестри, уд добри братъа!
Аку е бела пу белу цвете;
Аку е синъа, пу синъу цвете;
Аку е жолта, пу жолту цвете,
Аку е червена, пу червену цвете;
Та да уљокне, кату љоку перу;
Да са учисти, кату чисту сребру;
Да са утроси, кату рожен клас;
Та да стане кату машку детенце
На маџина биска;
Кату младу ѳгне на летну слону“ ¹⁾.

„Не отъ угля, не отъ каменя не отростаеъ отростень и не разцвѣтаеъ цвѣтъ; также бы и у меня р. б. N. не отростали бы на семъ тѣлѣ ни чиры, ни вереды, ни лишаи и никакіе пупыши“. (Это наговаривать на уголь, коимъ 3 р. обвести чирей, ткнуть въ средину нарыва, а потомъ выбросить на от-машь на улицу, говоря): „Съ вѣтра пришло, на вѣтеръ поди, отколь пришло, туда и поди“ ²⁾.

„Проводятъ на нарывѣ черты ножемъ, а потомъ на сукѣ въ стѣнѣ и говорятъ: «какъ у этого сучка нѣтъ ни плоду, ни роду, такъ бы и у этого пупышка (нарыва) небыло ни плоду, ни роду, вверхъ бы не поднимался и въ ширину не раздавался“ ³⁾.]

(Наговоренными сливками мажутъ чирей): „Р. Б. N. (больной) вставалъ благословясь и пошелъ перекрестясь изъ избы дверьми съ двора вор., вышелъ въ чист. поле: Есть въ чист. п. сухая шалга, на т. ш. трава не растеть и цвѣты не цвѣтутъ и также у р. б. небыло ни чирія, ни вереда, ни баенной нечисти. Очищается р. б. N. Во имя О. и С. и св. Д.“ ⁴⁾.

„O mój bólu, o mój piękny, mój najpiękniejszy, mój najślicniejszy, prosę cię imieniem Panny Maryi, prosę cię imieniem Krystusa, Ducha Świętego, Świętej Trójcy nierozdzielnej ze wszystkimi świętymi, zeliś ból kołtynowy, zastrzałowi,

¹⁾ „Сборн. за нар. умовъ.“, I, с. 92.

²⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, кн. 2, с. 210 (№ 48).

³⁾ Op. cit., с. 210 (№ 49. — Ср. №№ 51 и 52).

⁴⁾ Ib. (№ 50).

albo różowy, albo boląckowy, upatrz se miejsce na Szklanéj, górze, na Pérzowéj górze, i na Włoscowéj g. Jak się wanielijá rozchodzi po kościołach, tak sie i ty bólu, rozeiść po gałęziach, po tarninach, po kamieniach, po korzeniach. Wyjdz z ciała i kości. Proseę cię do Boskiej miłości“ ¹⁾).

„Nie ból, ból, bolák, bo ci Najświętsza Panna kázala, ze byś się nie budował, ze byś się rozchodził cichusko, legusko, po tym grzesnym cieie, jak święta wanielija po kościele Boską mocą, a wszyckich świętych dopomocą“ ²⁾).

(Взявъ печины, говорятъ заговоръ, потомъ угли разбрасываютъ въ дому по угламъ): „Proseę Pána Jezusa i syćkich świętych. | aby ten bolák tak się osedł po cieie, | jak świętá wanielija po kościele“ ³⁾).

Na uhrančivost: „Pán Bůg veků veků — | předivné jsou jeho milosti! | Tý a ty N. | já tobě dělám vodu: | na nadchu, | na přehlídku, | na uhrančivost: | jest-li tě napadla | bud' z vody nebo z větru, | bud' z leknutí, nebo z přejití, | jest-li te kdo uhranul | jakýma koli očima: | bud' modrýma, | neb zelenýma, | bud' černýma, neb červenýma; | bud' muž, nebo žena, | bud' mládenec, nebo panna, | bud' pachole, nebo děvče. | K tomu mi...“ ⁴⁾).

Чума представляется народомъ въ видѣ женщины, собаки и пр.; иногда эвфемистически называется „кумою“.

(Въ покрывку съ горящими углями кладутъ стружекъ съ кочерги, кусокъ помела и немного пшена): „Во имя Отца и С. и Св. Духа. Аминь.— Чума-чумыще, видьма-видьмыще. огненная, водяная, витряная, пойды соби одъ р. Б. Н. нарощен., молитв., хрещен., одъ ёго краснойи крови, одъ жовтои кости, одъ билото тила, пойды соби за быстрый Днистръ, за сыне море, на пустыи рикы“ ⁵⁾).

¹⁾ Siarkowski, „Mater. do etnogr.“, с. 54—5.

²⁾ *Иб.*, с. 56. ³⁾ *Иб.*, с. 58.

⁴⁾ Еггев, „Česká zafikadla“, с. 55.

⁵⁾ Чубинский, „Труды“, I, с. 128.

„Чума-чумица, вѣдьма-вѣдьмица, сукъ-сукица! поиди ты на мхи, на болота, на сухой лѣсъ, на чортову мольку отъ р. Б. Н., отъ его желтой кости и красной крови. Хукъ, св. Духъ!“¹⁾

„Бога ти, како ти мориш људе?—Бог је све људе, које ћи поморити, одговори она, записао у један тевтер, па их дао мени, и ја их после морим. Молим те, настави чобанин, јесам ли и ја ту записан?— Чума извади тевтер, погледа у њега, и каже му да није. Чобанин је онда тресне батином: Кад ме Бог није записао, ти ме не можеш ни уморити“²⁾.

Въ книгѣ *Шарко* и *П. Рише* „Уроды и больные въ искусствѣ“ приведенъ случай возникновенія апокрифической молитвы противъ чумы:

„Зачумленные! призывайте имя св. Роха и вы выздоровѣете“.

„Въ началѣ XIV столѣтїя, когда чума производила страшныя опустошенія въ Италиі, Рохъ, простой пилигриммъ, сдѣлался врачомъ и утѣшителемъ несчастныхъ; но скоро самъ заболѣлъ и, несмотря на отсутствіе помощи, выздоровѣлъ. — Когда онъ умеръ, по преданію, около него нашли записку съ вышеприведенною молитвою“.

Шалъ (= delirium, бѣшенство, помѣшательство, сумасшествіе; водобоязнь; стиклизна; полуканя, в. улуканя, ср. польск. obłąkanie).

„Устану я рано, раненько, умыюсь бѣло бѣленько, узыйду на крутую гору, зирну подъ ясную зарю, — тамъ стоиць дѣдька лябедька, старый, бородатый. Дѣдька л-ка, унимай свайго собаку кусаку, крутяку и вяртяку: укусивъ ѣнь р. Б.; вынимай шаль изъ костей, изъ мощей, изъ чорныхъ пяченей, изъ синихъ жилъ, зъ горучія криви и буйныя головы, штобъ у р. б. косьти ня ломило, гор. к. ня морило, ясныхъ вочей ня крутило“³⁾.

„Заря, зараница, божая помощница, поможи мнѣ, Госпо-

¹⁾ Романовъ, „Бѣлорус. сборн.“, V, с. 143 (№ 22).

²⁾ Милићевић, „Живот“, с. 167—8.

³⁾ Романовъ, „Бѣлор. сборн.“, V, с. 104 (№ 266; ср. № 265).

дзи, шаль заговариваць. (Приласць хлѣбъ къ полѣнцу). Якъ етому древу на семь свѣци ня шумѣци, ня мѣци зяленыя квѣци, такъ чаловѣку (ци худобини) шалу ня мѣци. — На Сіянъской горѣ стоиць хатка, у тэй хатци дзѣдзка лябедзка, по ймяню Авдзѣйка, зялѣзной пугой силистая, ярый зубъ замовляя, зъ буйныя головы зъ горація криви шаль выбивая. Выговарую съ косьцей, зъ мощей, зъ жилъ зъ пажиль, зъ горючія криви, зъ жовтыя косьци, зъ ясныхъ вочь¹⁾.

„На мори, на кіяни стоиць войструвъ, на тымъ в-и сядзиць сивый дзѣдъ, калину ламаю, синій огонь пропуця, отъ шалу помочи даваю. Мижъ горъ стоиць волъ; якъ тому волу зъ горъ ня выходзиць, такъ гэтому шалу вѣкъ ня бываць“²⁾.

„Кручу свѣрдломъ сухое древо, выгоняю шаль изъ души, изъ цѣла у щирый боръ, ў зялений боръ. Якъ у сухому древу и ў щиромъ бору отростку ня 'тростаць, такъ у божжу уздыханьню шалу ня бываць и ня 'трыгатца“. („На хлѣби. Церезъ воду нельзя несць яго“)³⁾.

„Помяни Г-дзи царя Давыда и ц. Косцянцина, Вѣру, Надежду, животы вѣшныя. Судержаешъ царей-королей, сильныхъ могучихъ богатырей, зямлю и воду, удзѣржи егу ярную шалосць. Выговарую ярную шалосць разныхъ шарьцей изъ буйныхъ косьцей, изъ рэциваго сэрца, зъ буйныя головы — вятхомъ и молодзикомъ и чеснымъ днемъ суботою: оставайся ярная шалосць, на неспособныхъ мѣстахъ, на сухихъ деравахъ, на дымовыхъ трубахъ“⁴⁾.

„Царь Давыдъ скряпивъ небо, зямлю, зори и ясныи мѣсяць, скряпи и мою прозѣбу. — Съ вусходу сонца на западъ сонца идзець старичокъ—самъ зъ ногоць, борода по поясъ, пуга семь сажаней, пуговѣ зъ локоць. Ето самый шаль. Вынимаю свою дурусць съ косцей, мощей, суставовъ, буйныя головы, ясныхъ вочь, зъ горючія криви, съ р. Панаса.— А ня будзешъ вынимаць, будзець цябе св. Ягорій сѣчь и рубаць, копѣмъ пробываць, твою кровь разливаць“⁵⁾.

¹⁾ Романовъ, Ор. cit., (№ 268).

²⁾ И., с. 105 (№ 274; ср. № 271).

³⁾ И., с. 107.

⁴⁾ И., (Доп.), с. 171 (№ 56).

⁵⁾ И., с. 175 (№ 67; ср. №№ 66, 68—69).

„На синимъ на мори стаить дубъ карявый, падъ тымъ д. к. стаить кравати тисавыя и залаты пярины пуховыя и адіилы шалкавыя. У тыхъ у пяриныхъ пухавыхъ ва діялахъ шалкавыхъ ляжить руна шерсци, у той руни шерсци сядить птица Садяржица и Сакратица, —каторая садиржаить и закричаить всёхъ сваихъ птицъ палезныхъ и сабакъ забѣжныхъ и захожихъ, разныхъ шарстей, што ины ходя збродничаютъ, распутничаютъ: укусили скатину, свае жала упустили. Скажита имъ, штобъ ины ўзяли къ сабѣ, а если яны ня возьмутъ яго къ сабѣ, то я буду прасить Михайлу, Вяликуга Архистратига. Онъ придить судить сваймъ страшнымъ и грознымъ судомъ, съ завломъ зялѣзнымъ, — разабѣть кравати тисавыя, и пярины пухавыя, и адіилы шалковыя, и руку шерсти, и будить васъ бить на галавахъ малатами, и будить ваши матать кишки на калясо, и агнемъ палить, штоба васъ не было на земли и вашига шалу. Аминь“¹⁾).

„На мыри, на кіяни, на востриви, на Буяни, стаить домъ, на томъ доми стаить старица и держить ана жала.—Ты старица, вазьми свае жала и приди къ р. б. N. вынь изъ р. б. N. жала смертныя! — Загаварию раны калючія на рукахъ, на нагахъ, на галавѣ, ва ўду, на затылки, на брывяхъ и на падбародки. — Будѣтя ва вѣки вякоў на собаки чорный, сѣрый, красный, сядой, рыжій, бѣлый — сядитя и ва вѣки ни хадитя“²⁾).

(Даваля пить больному отваръ „косы“ въ непочатой водѣ): „Шло собі трохъ братівъ, балакалы, вѣстыклаго собаку пыталы. Иды правою дорогою, черезъ Орданьску ріку, на высолянську гору: тамъ ходыть баранъ зъ велькымы рогамы, и выстрыжы ему вовну межи рогамы и вернысь назадъ. Орданьскоі воды наберы, білого камня зъ скалы влупы. И да поможать мыні всі свв. хранытели замовляты, заклянаты, відъ стыклого собаки“³⁾).

(Даютъ непочатую воду переваренную съ зельемъ Матери Б. [коса] съ слѣдующими словами):

¹⁾ Добровольскій, „Смол. этн. сб.“, с. 188 (№ 2).

²⁾ Ib., с. 188—9.

³⁾ Чубинскій, „Труды“, с. 129.

„Шло собѣ трѣхъ братѣвъ
 Балакали, встѣклого собаки пытали:
 «Иди правою дорогою,
 Черезъ орданську рѣку
 На высолянску гору:
 Тамъ ходитъ баранъ
 Зъ великими рогами,
 И выстрижи ему вовну
 Межѣ рогами
 И вернись назадъ:
 Орданьской воды набери,
 Бѣлого камня зъ скалы влупи.
 И да помогать мнѣ всѣ Св. хранители
 Замовляти, заклѣнати,
 Водъ встѣклого собаки»“

Читать 7 р. Отче нашъ и Богор. Дѣво. ¹⁾.

„Въ и. О. и С. и св. Д. а.—Пр. М. Божіа и вси свв., стан-
 те мнѣ днесъ на помощи улуканя залѣчити р. б. N. — Стоить
 черная гора, на т. г. лежитъ черный камень, на т. ч. к. сѣдитъ
 каменная жела, держитъ она камяную дѣтину.—Отсылаю я къ
 той горѣ черной... камяной дѣтинѣ, отсылаю вѣдѣи и видята,
 вѣтрѣнїцѣ и вѣтреники и вѣдунъ и впирыта. Я васъ тамо от-
 сылаю, абы улукали кам. жену и кам-ю дѣтину, а р. б. N. да
 ли какой, абы былъ здоровъ. Отсылаю дюга и дюговицу къ той
 женѣ и къ той дѣтинѣ и упирыте тѣмя и сердце и члонки и пе-
 ченѣ, живымъ и мертв, вѣдемъ выпійте сердце, а рабу Б. N.
 дайте покой днесъ и и заутря и на вѣки вѣчныи, аминь“ ²⁾.

„Въ и. О. и С. и Св. Д. а.—Пр. М. В. и вси святїи, стан-
 те мнѣ днесъ къ помочи улуканя излѣчитї рабу Б. N. — Три
 девятїй потоковъ, ишли съ нихъ три девятїй дѣтїй лукавцовъ,
 три девятїй впирювъ, т. д. сѣвцовъ, т. д. торгавицъ и стрѣ-
 кавцовъ.—Тогда стрѣтила ихъ Пр. М. Б., извѣдовала ихъ: да-
 леко вы идете? Они ей такъ повидѣли: о Пр. Марїе, М. Б., бы-
 ло намъ не задековатї, бо мы ишли до того имрекъ, его серд-

¹⁾ Ефименко, „Сборн. мдр. закл.“, с. 15—16 (№ 47).

²⁾ Петровъ, „Угро-русск. закл.“, с. 125.

це розкравати, и его кровь выпити, изъ его сердца выссати. — Тогда рече имъ страшное слово: Я васъ заклинаю Б. живымъ и св. Д. и всѣми свв. небесными силами! не можете вы приступить къ р. Б. Н. къ его тѣлу, але идѣте вы назадъ на свою дорогу въ три девятій потоковъ; тамъ жадають васъ и побагають васъ, такъ (-мъ) ся на васъ готовятъ три девятій варовъ пива, т. д. печива хлѣба. Тамъ вы идѣте и поживайте и пйте, а р. Б. Н. дайте покой днесъ и заутра, ажъ на вѣки вѣкомъ, аминь“ 1).

Вотъ нѣсколько абракадабръ — записокъ, которыя даютъ больному съѣсть:

ш	а	т	о	р
а	р	е	п	о
т	с	н	е	т
о	п	е	р	а
р	о	т	а	с

2).

„Саторъ, Арепо, Тенет, Опера, Ротас“ 3).

„Амидоръ, Лидонъ, Колая, Фялонъ, Студидонъ“ 4).

„Шалаю, Лараю, Жалокъ, Цюнъ, Соцоро, Перо, Оренератусъ“ 5).

(3 дня подрядъ водить больного въ самую жаркую баню и дать съѣсть кусокъ нагов. хлѣба): „Господзи, баслови! Идзецъ I. X. по пуци по дорогѣ съ своимъ со апостоломъ. И X-съ Апостоль вернися, на раба N. оглянися, и шумъ и шаль въ головѣ и сердцѣ уймися, и рабъ N. на свѣтъ здоровый явися. Аминь“ 6).

„Ὡς ὑπήγγαιναν τὴν περιάωρον διάνοιαν καὶ ὑπήνητησαν σκολίν λυσιάρικον καὶ ἐρώτησαν αὐτὸ τί(ς) σε ἐπήρην, σκολίν; ἢ μήτηρ μου ἢ Ἐξεκελλία τίς σου, ἔδωκεν τὴν λύσ(σ)αν; ὁ Ἀχάμ- τίς σου ἔκοψαν τὴν λύσ(σ)αν; ἄνθρωποι. τίς κύριος ὀνοματα (sic) βεριανὸς, βρίσκεν, βρίσκαβδες, βδεῦρ, σουρσοῦρ. ἐγὼ γητεύω καὶ ὁ θεὸς θεραπεύει“ 7).

1) Петровъ. Op. cit., с. 125.

2) Милићевичъ, „Живот срба сельака“, с. 166.

3) Шейнъ, „Материалы“, II, с. 547.

4) Ib.

5) Ib.

6) Ib., с. 552.

7) Васильевъ, „Сборн. пам. виз. л-ры“, I, с. 335.

„Ἀναγὴλ. εἰςβιήλ, ἀμπεδοῦρά, μαμαίναντι, ἐκτιλες, ἐκτιλε, βίρκα, δειαδὲ, ἀδεδαίουτως, ἀφουσατόδιος, ἠύρισην, ἀπηύφηκεν τὴν λύσ(σ)αν ταύτην, βρονιγκάταδε, βρονικάκαδε, δεδηῆ, ἠύρισην, ἠύρισαδὲ“¹⁾.

„На Аліанской горѣ и на Абраминской горѣ пречистая Вл-ца мать—Б-ца какъ породила Христа, единаго Г-да, — при томъ дѣлѣ не было ни колдуна, ни к-ницы, ни еретика, ни съ мужескаго полу, ни съ ж. п., ни съ ребячьаго п. и ни зъ дѣвчьяго, — не испортишь и не сглазить ни чернцу, ни ченцу, ни попу, ни дьячку, ни великому грамотнику. Огради его Г-ди силою честнаго креста, рожденнаго молитвеннаго, крещенаго исповѣданнаго, причащанаго, вѣнчанаго (— если женать —) р. б. N.“²⁾.

„Jerusalem (bis) | Du iüdische Stadt! | Wo man unsern lieben Herrn | Jesum gekreuziget hat! | Zwischen Mörder ihn aufhängen that | Ist für gicht und Grimmen und Darmgieten gut“³⁾.

„Ich klage Gott über Gicht und Gichter | Und den allerhöchsten Mann | Der den Tod am Stamme des heiligsten Kreuzes annahm! || Die Gicht und gichter wanderten über ein Grund. St. Anna begegnete ihnen. St. Anna sprach: G-t und G-er, wo wollet ihr hin? — Die G-er sprachen: Wir wollen dahin, in des Menschen leib fahren; wollen fein Fleisch dräthen (?) und sein Blut saugen.— Da sprach die hl. Frau Sankt Anna: G-t und G-er, ich gebiete euch in das wilde Gehör woraus ihr gekommen | eidt! Du laufendes Gicht! Du tobendes g... stechendes... brennendes... Markgicht... hitziges... kaltes... Hauptgicht... Hirngicht... krampf... fressendes... Armg... Being... Darmg... Fleischg... merkliches... verzaubertes Gicht und Gichter. Ich verbiete euch und Dir bei der Kraft Gottes und bei der höchsten Bant (Bann?) in das wilde Gehör woraus ihr gekommen seid!“⁴⁾.

¹⁾ Васильевъ, Op. cit., с. 335.

²⁾ Безобразовъ, „Пам. стар. л-ры“, III, с. 168.

³⁾ Birlinger, „Aus Schwaben“, с. 448.

⁴⁾ Ib., с. 448—9 (Ср. 17 олицетворенныхъ ядовъ съ Grimm „Myth.“, с. 1109).

„O heiliger Andreas mein | Lass dich doch gebeten sein |
Treib aus das böse gicht | Das mich so Leibe sticht | O beses
Gicht (bis) | Fahre in die Herde Säu | Mache mich von Schmer-
zen frei“ ¹⁾.

(Очертивъ больного 3 раза ножомъ, надъ водою): „Отъ
Духа Св-аго, отъ печати Х-вой, отъ Спасовой руки, отъ чест-
наго креста, отъ В-цына запечатнаго замка. Ангелъ хранитель,
сохрани его душу, укрѣпи его сердце. Врагъ-сатана, отступи
отъ него, отъ р-а Б-ія Н., а самъ Исусъ Х-съ приступи къ р. б.
N. Запрестольная Мати Божья, Пресвятая Б-ца, съ р. Б. N.
сохрани и очисти всяку болѣзнь, всяку скорбь, в. немощь, в.
нечисть бранныхъ словъ и своей лихой думы, притчи, уроки,
переполохи, оговоры, одумы и призоры съ р. б. имрека, съ
буйной головы, съ ясныхъ очей, съ сахарныхъ усть, съ рукъ
и съ ногъ и могучихъ плечъ и съ бѣлыхъ грудей, съ ретиваго
сердца, съ бурой печени, съ легкихъ и съ селязня, съ 70 жилъ,
съ 70 составовъ, съ 70 жилъ подпятныхъ, съ головы да съ ту-
лова, съ тулова въ ноги, съ ногъ въ подошвы, а съ п-евъ въ
сыру землю, на темные лѣса, за синіе моря къ богатому кре-
стьянину не безъ отрыжки пива пить. Во вѣки, аминь“ ²⁾.

(Ножъ кладется больному подъ головы, водою обмываютъ
его и даютъ пить; если заснетъ—не будить). [Заговоръ новѣй-
шаго времени]: „Изыди злой духъ, полный кривды и беззаконія,
изыди, исчадіе лжи, изгнанникъ общества, ангеловъ, изыди,
змѣя, супостатъ хитрости и бунта, и. изгнанникъ рая, не-
достойный милости Б-ей, и. духъ ереси, исчадіе ада, пригово-
рен. къ вѣчному огню; изыди, негодное животное, худшее изъ
всѣхъ существующихъ, и. воръ, хищникъ, полный сладостра-
стія и стяжанія, и. дикій кабанъ и злой духъ, приговоренный
къ вѣчному мученію, и. грязный обольститель и пьяница и т. д.
рядъ бранныхъ словъ“ ³⁾.

¹⁾ Birlinger, Op. cit., с. 449.

²⁾ Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, с. 261.

³⁾ Рише, „Сомнамбулизмъ...“, с. 386.

„Во имя Отца... Богъ Господь и явися... Слава Отцу...
Аминь. Богъ Г. и явися (3 р.).

Богъ Боговъ и Г-дъ Г-дей, огненныхъ чиновъ творецъ и
безплотныхъ силъ хитрецъ, небесныхъ и поднебесныхъ ху-
дожникъ. Его же ни видай ни одинъ же отъ ч-къ, ниже видѣ-
ти можетъ, Его же убояся вся тварь, — разгордѣвшаго иногда
архистратиха и своею службою, послушаніемъ отвергшагося
свергій на землю и отступльшихъ съ нимъ ангелы, бѣсы зло-
бою бывшая во тьму глубины преисподняя предавыи, даждь
заклинаніе мое, о страшномъ имени твоемъ совершаемо, — гроз-
но быти ему, владычѣ лукавствія и всѣмъ спослѣшникомъ его,
спадшимъ свышняя свѣтлости, обрати я побѣжданіе и запо-
вѣждь ему отыти отъ р. б. Н. дабы и тому никто вредно въ
образѣхъ знаменоваемыхъ содѣяль, но да прииметь себѣ крѣ-
пость знаменоваемую державную наступать на змію и на скор-
пію и на всю силу вражію имъ же Еси повелѣль, якое Твое
поется и величится отъ всякаго дыханія и славится со стра-
хомъ пресв. имя твое отца... (нѣсколько молитвъ и псалмовъ)...

Встану я р. б. Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ
избы во двери, изъ воротъ вороты подь восточную сторону ко
св. морю океану. Въ того моря лежитъ бѣль латырь камень;
на тѣмъ камнѣ стоитъ св. соброн. апостольская церковь, у церк.
вратъ стоитъ Петръ апостоль съ золотыми ключами. Пойду я
р. б. Н. поближе, поклонюся пониже, — бо еси, батюшка П. а.,
отмкните, отогрите соб. ап. ц., благословите взять правую ру-
кою за булатную скобу, отворить правую рукою, переступить
правую ногой, достигнуть до престола Г-дня, до лика Божія,
крестъ сложить по писанному. Помолюсь и поклонюсь престо-
лу Г-дню и лику Б-ію.

Ахъ ты, самъ Г-дъ Саваохъ и матушка пресв. Д. Марія,
какъ ты родила себѣ чадо, едиnorodнаго Ис. Х. С. Б., какъ ты
не имѣла скорбей и болѣзней и силы дьявольскія, Вл-ца М-ка
Пр. Б-ія Б-ца возьми своею владыческой рукою изъ р. б. Н.
скорби и болѣзни, злыя дѣла, помрачительныя, и силы дьяволь-
скія поверзи въ огонь лютый до суда Г-ня.

Икоты-икотницы — шепотную икоту, ломотную и., потя-
готную и., клокотную и., смѣхотворную и., плачь неутолимый,

усовники, болетки, внутренняя огневь, тонорки, глухую тоску, подданную, поддѣльную, подвивную, взглядную, сплюбовную, съ буйной головы, съ сѣмя, съ мозгу, съ ясныхъ очей, съ черныхъ бровей, съ длинныхъ рѣсницъ, изо рта, изъ носу, изъ губъ, изъ десенъ, изъ зубъ, съ языку, съ могучихъ плечъ, изъ бѣлыхъ рукъ, изъ завитей, изъ костей, изъ перстовъ, изъ-подъ ногтей, съ бѣлой груди, съ ретивого сердца, съ черной печени, съ бѣлаго легка, съ сѣраго желудка, изъ желтой желчи, изо всего чрева, челоуѣческаго, съ поясницы, съ подколѣнныхъ жилъ, съ понятныхъ ж., изъ лопастей, изъ перстовъ, изъ-подъ ногтей, изъ крови горячей, изо всего тѣла ч-скаго.

Благословите меня достигнуть до силы небесной и Мих. Архангела. Батюшка М. А., какъ ты подымался на св. золотой колесницѣ, на золотыхъ своихъ крыльяхъ съ седьмого небеси къ шестому, какъ ты сшибъ сатану лукаваго своимъ острымъ железомъ, поверзилъ въ огонь лютый до суда Г-ня Б., л. р. воздайте мнѣ своей рукой помощи, воздайте своего востраго жезла подсѣчь и подколоть въ р-бѣ б-мъ N. скорби и болѣзни, злыя дѣла, помрачительныя и силы дьявольскія поверзить въ огонь лютый до суда Г-ня.

... Благословите... Егорья Храбраго, Г. Е. X. — какъ ты приколотъ змія-аспида своимъ вострымъ железомъ ко сырой землѣ къ сіонской горѣ, въ огонь лютый до суда Г-ня. Г. Е. X. воздай м. с. р. помощи, в. с. в. ж. п. и п. въ р. б. N. — и силы вражія прогнать и поверзить въ огонь лютый до суда Г-ня...

... Благословите м. д. до седьмого небеси, до Ильи пророка съ Енохомъ. Б. И. н. и Е. какъ вы попускаете громы лютые, молоньи палочія, стрѣлы огненныя. Отъ этого грому лютого м-евъ п-ихъ, стрѣлъ огненныхъ потрясается мать сырая земля, море и мелкія озера всколышутся, текучія рѣки возмутятся, цари, власти, роды, хр-скіе устрашатся, а сила дѣяв. укроется въ свѣтлыя воды, ухоронится въ горы, пещеры, въ стоячія деревья, подъ лежація колоды; а въ дома хр-скіе у чистаго христіанина за Божія муки нигдѣ не можетъ сила дѣяв. ухорониться отъ н. и до в. Б. И. пр. и Е. воздайте мнѣ съ своихъ рукъ... побить, поразить, попалить въ р-бѣ б. N. скорби и бо-

лѣзни, злыя дѣла... силы д. поверзить въ огонь лютый до суда Г-ня...

...Благословите доступить до седьмого небеси до св. мощей... подъ ногами его, подъ бѣл. латыр. камнемъ, на днѣ — морской глубинѣ ходитъ сѣрый морской пѣтухъ съ 30 курицами: выскребають своими вострыми когтями желтые пески выклевывають своими вострыми носами морскую червь, ѣдятъ, выжирають всю нечистоту. Подойду я р. б. N. поближе, поклонюся пониже: Ахъ ты с. м. п-хъ, не выскребай св. в. к. ж. п., не выклевывай с. в. н. м. дресву, не ѣшь и выжирай морскую червь, не чисти носомъ море, а ѣжь и с. изъ р. б. N. скорби... Г-дня.

Выходитъ м. и. единожды въ годъ на Благовѣщ. заутреню. Становись на три латыря камня. У твоихъ остр. к-ей, у т. паногтей разсыплются б. три л. к. Вострепещешь своими крыльями и воспоешь: отъ твоего пѣтушьяго гласу потрясется мать-сыра земля, море и морскія о-ва всколышутся, текучія рѣки возмутятся, соборная и апостольская церковь восколеблется, а силы небесныя возрадуются и возвеселятся, а сила дьявольская изгонится и исчезнетъ въ огонь лютый. Аминь. Слава въ вышинахъ Богу... и міръ просвѣщаяй, слава Тебѣ. Аминь¹⁾.

Заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся, и принимаемые въ нѣсколькимъ болѣзнямъ сразу.

Въ началѣ 5-й главы я уже отмѣтилъ, что въ народной медицинѣ бываютъ, и нерѣдко, случаи, когда болѣзнь не опознана, когда діагнозъ ея, въ силу разныхъ причинъ не установленъ, когда знахарь, при недостаточной увѣренности въ своихъ силахъ, идетъ на угадъ. Въ подобныхъ случаяхъ иногда соединяются воедино нѣсколько отдѣльныхъ заговоровъ, а иногда создаются и особыя, новыя, неопредѣленно очерчивающіе

¹⁾ Кирилловъ, „Интересъ изученія народн. медіц.“, с. 117—120.

болѣзнъ или назыв. опред. болѣзнъ съ прибавленіемъ и другихъ, или прямо „отъ всѣхъ болѣзней“.

Вторая часть настоящей главы и даетъ обзорѣніе подобныхъ заговоровъ.

Колъ (= „болестъ, която ненадѣйно и изведнѣж се явява, обикновенно въ зѣбитѣ, нозѣтѣ или пѣкъ въ корема, бозъ да има нѣкакъвъ вѣнкашен признак на мѣстото на болестета и на болнията осѣща нетърпими болки“):

„Хоінов кол, [дол ѣси ти удирил? *повторяется*]

Габров кол... Дѣбов кол... Орехов кол...

Крушов кол... Сливов кол... Древанов кол...

Лисницов кол... Канликов кол...

Тополов кол... Брвастов кол...

Чи шта ва мѣчѣт много мѣка!

Шта ва закарат, та шта ва карат

Прис дѣвѣат мланини:

Как шта си вис пламини приварвите?

И шта ва прикарат прис дѣвѣат морета;

Как шта си вис морѣа припливате?

Прис десетото бѣал Дунаѣ;

В Дунаѣ коі флезе лесно ни излъва,

Тога си каза Гуда Гилинджика:

Да си ходѣх от хѣшта в кѣшта,

Каде да си постелива наїдѣм.

Кат ма беше маїка испратила,

Да, си наїдѣм работа да си работѣм.

Ача фивазох в Танкина кѣшта,

Да си наїдох Танка на рагозина,

Да си седнѣх на нехини ноги,

И си седнѣх и сѣ ударих:

Мѣр та ни е мѣка да ѣ излекѣвате:

Да си земете от три картуни,

От т. к-и ложите,

И да си з. о. т. крави,

От т. к. прѣасно мѣлако.

Да сварите кратунови ложки,

Да повжрзете Танкини ноги,
Тога шта са познае чи шта си излековати“¹⁾.

Отз „ограамѧ“ (= „кад здрав човек на један мах занеможе“): „Заспала мајка код (Јована) N., заспао отац кад N. па притискоше његовога анђела (— држи се да сваки човекима анђела на десној руци—), анђео се расрди и одлете од N. Кад то видаше доњоземци истрчаше и почеше му кидати дирку по дирку од срца, од трбуха, од главе, од уста, од језика и играти се тим. То видеше божји анђели па сечетеше с небеса и почеше да отимају и да моле да им дамо да једу и да пију благо, сладко и хубаво. Одобровољише и дадоше; дирку ол срца, дирку од трбука, дирку од уста и дирку од језика“²⁾.

Од ѡдѧти, трбоље, наступа:

„Ој, чумице, што си косу расплела, што си лице наградила? Како да не расплетем косу, како да не наградим лице, кад ме боду црнокрастим ножем. Они мене једним, а ја њих с два; они мене с два, а ја њих с три; они мене с три, ја њих с четири (и тако до десет иде и три пут се повтори и иза свакога десетог рече се: Усту! а кад се и после треће десетине рече: Усту! држи се да ће наступ проћи“³⁾.

„Амин, амин, бајем у свете Ђ-це: Пошао болан N. горе доле кукајући. У путу се сретне с Калином бајчлицом. Бајалица кидиса на његову болест и поче бајати ѧ издат наже бегати из костију, из снаге N.“⁴⁾.

Од оспа, чирева, мицина (усова) и отока:

„У мице мицине три брата рођена: један глух, други слеп, трећи хром; глух не чује, слеп не види, хром не ходи (духне се у рану устук бес; ту ти место није“ (3 раза надъ перцемъ, затѣмъ сољю и наконецъ „чешљем“)“⁵⁾.

(Держа вѣ рукѣ перецъ и „чешал“): „Девет девојака чувају усов (мицину): три неме, три глухе, три слепе. Док нема

1) „Сборн. за нар. умотвор.“, IV, с. 107—8.

2) М и л и ћ е в и ћ, „Живот срба сељака“, с. 190.

3) Ив., с. 178.

4) Ив., с. 179.

5) Ив., с. 183.

проговорише, док глухе прочуше, док слепе прогледаше, залете се бесан вук те поједе усова“ („Док се год баје пипа се брусомъ у место које боли па у земљу“ 3 р. на день¹⁾).

(Отъ опавшихъ желѣзокъ за ушами). (Бросивъ въ воду 3 р. по 9 камешковъ „узме се девет каменчића па се једним па једним пипа па заушкама“): „Зажени се (место удаје се) Ника девојка; дође камени свекар те је испроси, доведе камене кумове, доведе каменитог старојка, каменитог девера, камени-те сватове, и каменитог младожењу“ (Беретъ изъ воды 9 новихъ камешковъ). „Устај Нико, девојко; дође ти каменити свекар да те испроси... каменитог младожењу“ (Такъ и въ 3-й разъ²⁾).

(Взявъ 9 маленькихъ камней въ руку и „пљуцкајући“ больного): „Пошао усов с кросном (вратилом) на војску. Сретне га девет младих девојака па га вратише; сретгоше га девет младих момака па га оставише; сретне го Дона бајалица па гу устукну: усту! Уступи, усове: да си мањи од маковог зрна“³⁾).

„Пошао путем наметан човек: наметне опанке носи; наметне кајише завија; наметну кошуљу носи, наметну калу носи. Среча га мајка Б-ца. Куд идеш наметни човече?— Идем да задам N-у чирове, красте, оспу и свакојаку болестицу. Врни се натраг наметни човече, ја сам мајка Б-ца: душом ћу духнути, пером ћу махнути, то ће N-у проћи“⁴⁾).

„Пошла подљута по песку, убола се на треску. Ода шта јој је лек? Од паднога пера, од благога млека. Лака рања као перо, блага рана као млеко, чиста рана као сребро. Усту!“ (3 раза)⁵⁾).

„Потекоше три реке: једна река огњуша, друга р. подљутуша, трећа р. благуша. Блага рана као млеко, лака р. као перо, чиста р. као сребро. Не бојсе, дете, то ће теби проћи“⁶⁾).

¹⁾ Милићевић, Оп. cit., с. 183—4.

²⁾ Ib., с. 185.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Ib., с. 786.

⁵⁾ Ib..

⁶⁾ Ib.

Отъ крови (внутренней), бильма и пристрѣта:

„Ишла дивка Марія золотымъ мостомъ зъ зол. крестомъ, за нею бигло три псы; первый чорный, др. червоный, тр. билый. Чорный одъ прыстрѣту, червоный одъ крови, билый одъ бильма; зъ 77 сугавивъ р. б. Н. чоловичойи косты“ (Александр. у.)¹⁾.

Заговоръ отъ бѣлой грыжи и зубовъ:

„Стану я р. б-ій благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами во чисто поле — путемъ дорогою по край синя моря. Въ синемъ морѣ есть Святой б-ій островъ; на с-мъ б-мъ о-вѣ Святая б-я церковь; въ той с. б. ц-и есть престоль Г-день; на томъ п-ѣ Г-нѣ есть священно мученикъ Х-въ Антипа, изцѣлитель зубной; и безсребренники х-вы Козьма и Даміанъ. Помолюсь и поклонюсь р-бъ Б-ій имрекъ: «Священномученикъ Х-въ Антипа и б-ки х-вы К. и Д. изцѣлите скорбъ и болѣзнь зубную и грыжу бѣлую». И речеть св.-м-къ А.: „Есть въ той б-ей ц-и Адамово тѣло, не слышитъ ли Адамово т., звону колокольнева, пѣнія церковнаго — въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи“. И отвѣщаетъ мертвое тѣло А-во: «Я не слышу звона к-ева, пѣнья церковнаго, въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи, тильной, жильной, пуповой, суставной, становой, подкожной, ушной, глазной, зубной». — Такъ же р-тъ Б-ій Н. не слышалъ бы въ себѣ — въ бѣломъ тѣлѣ ходячей грыжи отъ нынѣ до вѣка, вѣкъ по вѣку(вѣковъ, аминь “²⁾.

Отъ зубной болѣзни и шипоты и отъ грыжи:

„Г-ди Б. И. Х-е, С. Б. помилуй мя грѣшнаго, аминь (на соль). Во имя О... аминь!—Вечерняя заря, утренняя Маримьяна (Уговори и утоли) у меня р. б. имрека сего грыжи и щипоту и зубную щипоту и костяную ломоту и червія неусыпающія, и всякой болѣзни, и уразы тѣлесныя и жилныя, и костяныя и сердечныя, отнынѣ и до вѣка и до второго Х-ва пришествія. Аминь.—Младъ молодъ мѣсяць у меня уговори и утоли

¹⁾ Ма и жура. „Сказки“, с. 180.

²⁾ Рыбниковъ, „Пѣсни“, IV, с. 286—7.

у р-а Б. и-ка грыжи, и щипоты, и болѣзни, и уrazy тѣлесныя и жильныя и зубную щипоту и косяную ломоту, и грыжу, и червей неусыпающихъ отнынѣ... пришествія. Аминь. — Рече Каинъ брату своему Авелю: встанеть ли братъ нашъ Авель отъ мертвыхъ? И никако же не востати брату нашему изъ мертвыхъ! — Также бы и не чета сему р. б. и-му ни грыжи, ни щипоты... пришествія. И како же убитой мертвецъ Авель лежитъ отъ начала свѣта и не чуетъ въ себѣ ни грыжи... ни червя неусыпающаго, также бы у сего р. б. и-ка ни грыжи... пришествія и суда. Аминь“ ¹⁾).

Отъ грыжи слазу и баенной нечисти:

„Во имя... аминь. Сходить Егорій съ небесъ, по золотой лѣстницѣ, сносить Е. съ небесъ 300 луковъ златополосныхъ, 300 стрѣлъ златоперыхъ и 300 тетивъ златополосныхъ, и стрѣлаеть и отстрѣливаетъ у р. б. N. уроки, прикосы, грыжи, баенной нечисти, и отдаваетъ черному звѣрю, медвѣдю, на хребетъ, и понеси черный звѣрь медвѣдь въ темные лѣса, и затопчи, ч. з. м. въ зыбучія болота, чтобы вѣкъ не бывала, ни въ день, ни въ ночь... во вѣки вѣковъ, аминь“ (3 р. и 3 р. сплевывать“ ²⁾).

Отъ отухолы и головной боли:

„Es ist ein gutte stund da unser H. J-s Ch-t geboren ward. Und i. e. g. s. da er am Crütz stärb. Und das ist noch ein besser s. da er vom Tod wiederum vfferstund. Das sind die 3 guten stunden, die wellen dieser person den presten vnd die wunden das sy weder plüttend oder schwärend, bis das Maria Ein anderen son gebäre. Im Namen Gott...“ ³⁾.

Отъ окоржу и порчи:-

(Найти траву прострѣлъ и заставить больного ясно про-

¹⁾ Рыбниковъ, *Op. cit.*, с. 262.

²⁾ Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 369—370.

³⁾ Lütolf „Sagen, Bräuche“, с. 546—7.

изнести): „Я знаю траву прострѣль, у меня есть трава прострѣль“. (Стереть траву и дать на чемъ-нибудь вышить) ¹⁾.

Отъ зубной и головной боли:

(G. Zahn- und Kopfschmerzen, Gr. Myth., Nachtr. zu 970; Birlinger, Aus Schwaben, I, 448). „Ich beschwöre dich bei dem lebendigen Gott, dass du aus des N. Leibe gehest und ihm so wenig schadest, als es Christus dem Herrn am heiligen Kreuze geschadet hat. Das befiehlt, dir Gott Vater, Sohn und heiliger Geist“ (говорить 3 р.) ²⁾.

Б. на трѣска и други болѣсти:

„Ти грѣзнице! Ти подавнице! и ти сѣкаква болесту, да си одиш от коде шо си дошла; како шо те незнаема отъ каде си дошла, така да те незнаема и кода къа си поеш. От коде да си дошла: от вода, от ветор, от око, или от завист, да си одиш, да те невидиме; со дѣнь си дошла, во злѣ дѣба да си одиш; те тѣрат жѣна дорѣдена. Како шо бѣгат тѣрчин от свиншчѣа, така ти да бѣгаш от хрисъаншчѣа. Кѣлку стѣит слѣна спрѣти сжлѣце, кѣлку стѣит ветор на рѣд, тѣлку ти да имаш мѣсто на ѳвоѣа снага. От Бѣга целба, от ѳвие рѣботи здраве“ ³⁾.

Боячки отъ баба Евда:

„Пѣможи му, Господи,
И си светци небесни,
И вие мои безстребѣрѣници
Да ѣа испратам болѣста,
Од ова мачна душа,
Со колак и бѣрдѣче,
И со голем бакшиш кѣшула,
Да си оди на тучѣа тучина,
Преку девет морѣнѣа,
И преку деведесет и девет планинѣа

¹⁾ А. С., „Заговоры и наговоры“, с. 117.

²⁾ А т т а ц, „Volksegen“, с. 206—7.

³⁾ „Сб. за нар. умотв.“, II, с. 173.

Да поїди дори во Тилимса,
 Тамо да си напраї нова кукѣа
 Во другега чоека;
 Доста веке го мачи ової сиромах
 И мачен чобец¹⁾.

„Аї ми со здраве, брате, ої (оди, иди си) ми си и земи го бардачето, та го окѣрши и вака речи: «Како што ке го окѣршам бардачево, така да се здробит во мене болеста, ако неизлезит». Ої ми си дома малчѣики, легни си, спи си и утре здрав биди си²⁾».

Аккадійское заклинание:

„Богъ злой, демонъ з., д. пустыни, д. горы, д. моря, д. болотъ, геній злой, громадный Уруку, вѣтеръ самъ по себѣ худой, демонъ злой, охватывающій тѣло, волнующій т., клянись небомъ, к. землю. Демонъ, овладѣвающій ч-комъ, Гигимъ, причиняющій зло, происходящій отъ злого демона, клянись небомъ, клянись землею³⁾».

Авестическое заклинание:

„Мы благословляемъ все это, мы желаемъ всего этого (для блага) тѣлу людей, мы почитаемъ все это, чтобы побороть болѣзнь, ч. п. смерть, ч. п. обжогъ, ч. п. горячку... головную боль... лихорадку... Ажана,... Ажагва,... Куруга,... Аушвака,... Дурука,... Астайря,... зловоннаго Агаши, сотворенныхъ Ангро-Майнїусомъ противъ тѣла людей. — Болѣзнь, я тебя заклинаю, о смерть, я закл. тебя... о зловонный Агаши. (Дай) намъ, о Агура, могущество сильное, чтобы мы могли побить Друдусъ, побьемъ Друдусъ этой силой. Я побораю болѣзнь, побораю Агуйри... людей, побораю всѣ болѣзни и смерть, всѣхъ Ятусъ, всѣхъ Пайрика, всѣхъ нечестивыхъ Джайни. Пусть (— Ср. аккадійское заклинание изъ Ленормана с. 8: „пусть выйдетъ злой демонъ, пусть оба они вступятъ въ единоборство. Духъ благоприятный и исполинъ благоприятный, пусть проникаетъ въ его тѣло. Клянись небомъ, к. землю“ —) Айряманъ-Ишья побо-

¹⁾ „Сборн. за нар. умотвор.“, I, с. 94—5.

²⁾ П., с. 95.

³⁾ Дилленъ, „Дуал. въ Авестѣ“, с. 225—6.

раеть болѣзни на радость мужчинъ и женщинъ (послѣдователь Заратустры, на радость чистаго духа, пусть законъ дастъ желанное вознагражденіе. Я желаю вожделѣннаго благословенія чистоты: пусть возрастить его Агура Мазда. Пусть А.Ишья побораеть всѣ болѣзни, смерть, всѣхъ Ятусъ, всѣхъ Пайрика, всѣхъ нечистыхъ Джайни“¹⁾.

„Передъ всякимъ заговоромъ произносится обыкновенно слѣдующая молитва: «Николай угодникъ Божій, помошникъ Б.! Ты й у поли, ты й у доми, у пути й у дорози, на небеси и на земли; заступы и сохраны одъ усякого зла»²⁾.

Чтобы вынать болѣзнь изъ тѣла: „Де люди неходятъ, де півень непіе, де сонце несходитъ, де хрыстьянскій голосъ незаходить, — на очерета, на болота, на быстрые воды! Тамъ соби гуляй, дозою хилай, пескомъ посышай! Тамъ тоби гулять, роскоши мать!“³⁾.

Отъ враговъ, болѣзней, и несчастій:

„Der Segen der vom Himmel von Gott dem Vater kommen ist, da der wahre, lebendige Sohn Gottes geboren ward, der gehe über mich allzeit. Das heilige Kreuz Gottes, so lang und breit als Gott seine so bittere Marter daran gelitten hat, gesegne mich heut und allezeit. Die heil. 3 Nägel, die Jesu Christo durch seine heiligen Hände und Füß' geschlagen wurden, die gesegnen mich heut und zu allen Zeiten. Die bittere Dornenkrone, die Christo Jesu seine heil. Seiten geöffnet worden, gesegne mich heut und allezeit. Dein rosenfarbes Blut das sei mir vor alle meine Feinde gut und vor alles; was mir schaden thut an Leib und Leben oder Hofgut. Es gesegnen mich zu allerzeit die heiligen fünf Wunden, damit alle meine Feinde werden vertrieben oder gebunden. — Also muss ich so gut und das Brot, das Jesus den 12 Jüngern an dem Gründonnerstag Abends gab. Alle, die mich hassen, müssen mir alle stillschweigen. Ihr Herr sei gegen mir erstorben, ihre

1) Дилленъ, Op. cit., с. 229—30 (изъ Венд. XX, 3—11).

2) Шарко, „Изъ обл. суев. мдр.“, с. 172.

3) П., с. 172—3.

Zunge verstumme, das sie mir gar nicht in Haus und Hof oder sonst schaden können; auch alle, die mich mit ihrem Gewehr oder Waffen wollen angreifen und verwunden die sein vor mir unsieghaft, lax und unwehrsam. Das helfe mir die heilige Gotteskraft, die machet alle Waffen und Geschütz unbrauchbar" 1).

Если у ребенка что заболитъ, дѣя на больное мѣсто:

„Hadd (bis) Sädgd, | Drdi Täg Rädgd, | D. T. Schnai, | Idz thüet's nimmd waih“ 2).

Кадъ удари каква рѣдња у народ.

(Когда услышать, что въ окрестностяхъ народилась какая-либо болѣзнь, крестьяне становятся кругомъ; одна изъ женщинъ обвиваетъ ихъ поясомъ и, дойдя до послѣдняго, ударяетъ топоромъ въ землю „логов колац“ и, обратившись къ западу, говоритъ): „До кбца дошла (болести), а колац не перешла, нити мојој кући доспела“ 3).

Шептанія при неизвѣстности болѣзни:

„Стань ты, Пречистая, зъ помощами, а я со словами: видь твоихъ очей, видь твоихъ плечей, видь билого тила, видь жовтихъ костей, видь червонои крови, видь щирого сердца. Тутъ тобі не стояти, билого тила не псувати, червонои крови не пити, жовтои кости не ломити. Иди соби на очерета, на болота, де сонце не сие, де місяць не свите, де люди не ходять“ 4).

„С. Божій, Сусъ Хр., отци св. кѣвьски, печерски, затворники святогорьски, пособите й поможите, визволяйте и пристривайте цюю болисть прескверную, преноганую, а я ии стала узнавати, стала ии пристривати пріятными словами, Господними молитвами; а ще пристриваю отъ скверныхъ ричей, отъ поганихъ очей. Тутъ тобі не бувати... щирого сердца не тошни-

1) Peter, „Volksthüml. aus Schlesien“, с. 236.

2) Birlinger, „Volkshümliches“, с. 211.

3) М я л и ѣ в и ѣ, „Живот срба сельака“ (37), с. 141.

4) И в а н о в ѣ, „Шепт. и знахар.“, с. 173. (Ср. Чуб., I, с. 3).

ти, карихъ очей не мутити. Теперъ я стала васъ вызывати на очерета, на болота, де люди не ходять, звонны не звонять, де християнскій гласъ не заходе, де й собаки не брешуть, де й дивка косою не мае, — тамъ тоби и вить викувати“¹⁾.

„Г. Б. помилуй! Мисяць на небесахъ, а ведьмидь у поли, а камень у мори. Якъ ти три браты збигаця, то тоди на тебе болисть буде нападаця“²⁾.

Отъ всѣхъ недуговъ: „Какъ вечерняя и утренняя заря станеть потухать, такъ бы у моего друга милого всѣмъ недугамъ потухать“³⁾.

Отъ болѣзни вообще:

Ворожка изъ села Подорожнаго (за Райгородкомъ, на Во-лыни). (Обкатывая тѣло больного куринымъ яйцомъ): „*Utikáj na oczerety, na lisá, na bolota, na netry (= oczerety)*“ (разбиваетъ яйцо, взбалтываетъ въ стаканѣ бѣлокъ и желтокъ и говорить больному, что его хвороба смѣшалась съ яйцомъ; потомъ, обращаясь къ дьяволу (наславшему болѣзнь) и проклиная его, выливаетъ содержимое изъ бутылки за плетень⁴⁾).

(Ставъ около больного, касается его головы 4 р. ладонью, креститъ ножомъ и, опустивъ его въ сосудъ съ водою, говорить): „*A z widkil ty sia wziął, wyklinaju. Idy procz, idy na lisá, na oczeretá, ta na łuhu, ta na puszczy, ta na trepezy, ta wliź w hadiuku, ta wliź w żabu. Procz, procz!*“⁵⁾.

Атъ усихъ хваробъ:

„Хади, уси хваробы, съ пальчыкыў, сустаўчыкыў и съ кастей и съ мащей и съ буйнзй галавы, и съ хрябетный касте и ать ретивога сердца!“⁶⁾.

„Хазяинушка дамавой и межавой и лисавой и гуменный (рейскій). — Хазяинушки и хазяюшки и прашу пакорна: при-

¹⁾ Ивановъ, „Шепт. и знах.“, с. 173. (Ср. Чуб., I, с. 3).

²⁾ Ib.

³⁾ Аванасьевъ, „Поэт. возр.“, I, 226.

⁴⁾ Rulikowski, „Zap. etnogr.“, с. 110.

⁵⁾ Ib., с. 111.

⁶⁾ Добровольскій, „Смолен. этн. сборн.“, с. 198.

дитя ўси хваробы вазьмитя на махи, на балоты, на гнилыя калоды“¹⁾.

Отъ всякой болѣзни:

„Oh, udarcu, oh rogancu,
Haid' otale udarčino,
Na najvišu planinu,
Na debelu vlaninju,
Gdje vò ne buče,
Gdje krava ne riče,
Gdje ovca ne bleči,
Gdje koza ne dreči,
Gdje oroz ne pieva,
Gdje kokoš ne kokoče“²⁾.

Общје отъ всякъ болѣзней:

„Во и. О. и С. и Св. Д. аминь (3 р.). Царь-батюшка рѣка! Какъ ты ц.-б. течешь со востока на западъ своими струями-колодезями съ горъ, съ холмъ, съ суходоловъ, крутые берега омываешь, древесныя и травесныя коренья ломаешь, омой и оторви отъ р. б. Н. всякія болѣзни отъ головы, отъ его очей, отъ его плечей, отъ ногтей и всей крови“³⁾.

(Заговоры младенцевъ): „Г-ды поможы, пособы Пр. Троиця, М. Б-ця своїмы словами, с. устами и с. Св. Д. Кто на тебе подумавъ, хто н. т. щелепы рознымавъ, хто н. т. языки обертавъ. Ты вода вечірня, случылася ты зъ вечера до півночі и до білого свѣта, надъ тобою хрестъ умогалы, надъ тобою Евангелію чыталы, бісы-дьяволы заклыналы, изъ хрыстыяньской віры высылалы. И ты лукавый, чи ты водяный... вітровый... вихровый, чи ты подуманый... погаданый... насланый... наспаный... найденый... напытый... місцовый... прыччовый... прызырный... въ часу... получасу... въ дні... въ полудні... ночі... півночы?—Поты ты стоявъ, поты ты буювъ, помы я не знала.

1) Добровольскій, *Op. cit.*, с. 198.

2) Гііск, „Q stravi“, с. 72.

3) Чубинскій, „Труды“, I, с.

Этала тебе знаты, с. т. зъ кості высылаты. Піды собі, де собаки не брешуть, де курі не поють, де хрестіянський голось не ходе. Не я тобі помагаю, п-є самъ І. Х. и М. Б. прыходыла, здоровья прыносыла отъ усякої болісті, отъ у. скорботы. Нарожоному, м. Н. поможы Г-ды“¹⁾.

Баячка одъ баба Ивана (отъ всякихъ болъзней):

„Спорет марта нокъта, во глуха доба, ке баит баба Ивана вака. Земат един конец отъ пусти ништи (=нищолки) (од некоіа жена што е умрена) и ке застани во дворъ и ке го вѣдвои концецо, та ке наслуша пжрво, за да нетропни или шумни некоі нешто, или некоі глас да се чуе. Тогаі ненавжрзуат концецот и небаит, чунки требало во глау доба. Ако го вжрзала и го забаила, до пет іазли (=вжзели), да речиме, и уште за еден останело, нечинело баенъето; се расипуало; требало ништо, да нечут, тогаі баенъето бидуало салам. Кога ке заватит да баит и да навжрзуат, на секоі чоек во кукъата, каі што му баит, ке велит вака:

«Како што го вжрзаф іазолов на концецо од пустите ништи, така да се вжрзат сите болести, што ке му идат оваа година, на старио Марка. Треека да не го вакъа: жолтица, приш и іаникара; чума, буица (тежка болестъ), бодежи и наоди во очита и ни една друга машіа».

„Така ке вели баба Ивана за сите луге, што се во некоіа куква, каі што ке баит и ке го законат концецо пот праго од вратата, за да го чекорат“²⁾.

Отъ всякой болъзни:

„Господи Боже благослови! Во и. О. и С. и Св. Д. аминь. Какъ Господь Б. небо и землю и воду и звѣзды и сыроматерной земли твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той сыр. земли нѣтъ ни которой болъзни, ни кровныя раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, такъ же сотворилъ Госп. мена р. б. Н. — Какъ сотворилъ Г. твердо утвердилъ и крѣпко

1) Чубинскій, „Труды“, I, с. 111—2.

2) „Сборникъ за нар. умотвор.“, I, с. 93.

укрѣпилъ жилы моя и кости моя и билое тѣло мое, также у меня р. б. имр. не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретив. сердцѣ, ни на костяхъ моихъ ни которой болѣзни, ни крови на раны и ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли.—Единъ архангельскій ключъ; во вѣки вѣковъ аминь“¹⁾).

„Mit gott dem Vattir such ich Dich + Mit g. d. son find ich Dich + M. g. d. hailigin gaist vertrib ich dich + bül ös vnd gischwir ich biswir dich + by dem hailigin gisper das gott durch seine hailige sitte ward gistochin das mir nitt wat Eittir gift und blud + ich bischwir Dich by Din hailigin 3 nigil die gott durch seine nend sind geschlagen + ich bhschwir Dich by Dine hailigin fünf Wunden Das du seyist am andir thag virschwunden + ich b. D. by Dim hailig crütz Daran din almächtig gütig gnedih gott Alli sine minsche erlostit ich b. D. by Dim hailigin crütz dar an Din allmächtig göttig gnedig Gott alli sini gilidin zirris Dasz Du aus gangist zu Die stund aus minin lib und mir kain schadin nimir mir bringist. Im namin gott Dis + im n. g. Dis sons + im n. g. D. hailigin geist +“²⁾).

(Изъ старинной рукоп.). „Г-ди Б-е благослови. Во имя... аминь. Какъ Г-дъ Б. небо и землю, и воду, и звѣзды и сыроматерной земли, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той с-м-ой землѣ нѣтъ ни которой болѣзни, ни кровныя раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, такъ же сотворилъ Г-дъ Б-гъ меня р. б. N., какъ сотворилъ Г., твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ жилы мои и кости мои, и бѣлое тѣло мое, такъ же у меня р. б. N. не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретивомъ сердцѣ, ни на костяхъ моихъ, ни которой болѣзни, ни крови, ни раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Единъ архангельскій ключъ, во вѣки вѣковъ аминь“³⁾).

Молитва на всяку немощь:

„Владыко Вседержителю, врачи душъ и тѣлесъ, смиренны

¹⁾ „Труды Моск. Этн. Общ.“, V, кн. 2, с. 192. (Ср. ib. № 2).

²⁾ P i r e r, „Sagen aus Sent-Gallen“, с. 71.

³⁾ Забылинъ, „Русск. народъ“, с. 381.

вознесай и наказуй, паки исцѣли еси брата нашего N. немощствующаго; посети милостию твоею, и простри мышцею Твоею исполнено исцѣленіе отъ вражды, и исцѣли его возставлена отъ одра немощи, запрети духу немощи, отстави отъ него всякую язву, в. болѣзнь, в. рану, в. огневицу и трасовицу, и сице въ немъ согрѣшеніе, беззаконіе ослаби и остави, прости Твоего ради человѣколюбія. Ей, Господи! пощади твое созданіе во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, съ нимъ же благословенно еси во вѣковъ. Аминь.—Во имя О. и С. Св. Д. аминь.—Ты еси окающая Тресея... Гнетея... Ледея... Гнедея... Глухія... Пухія... Грудница... Желтая огнея... Ломея... Корноша проклятая... Неveja... Иоанну Предтечу“¹⁾.

Отъ всѣхъ недуговъ:

(Кирилл. библ. № 6/1083, л. 86 об.): „Гѣ Престыѣ ѿче Всемогаи вѣчныи Бѣ, ѿ жени недоуг и всакоу болѣзнь ѿ члѣка сега ѿ раба твоего сѣ N., ѿ главы, ѿ власъ, ѿ тѣмене, ѿ мозга, ѿ лица, ѿ очію, ѿ оушію, ѿ оустъ... зуубовъ... носа... нозрью... вѣкоу... кровію... чела... скраніа... горла... шіа... перси... плечю... хрепта... ребръ... срца... оутробы... селезни... бокоу... тоугоу... роукоу... мышцю... локтоу... пазоухоу... дланію... входа... исхода... мысли... смысла... гласа... ладвей... бедроу... дымью... ногоу... стегноу... лыстовъ... глезноу... членовъ... пачеленокъ... ноготъ... жиль... жилиць внѣоудоу и внутръюдоу и ѿ всѣхъ оудовъ его, и всего съвершенія его и стое имя да дѣтса в немъ по твоему члѣколюбію; ѿими Гѣ ѿ него всако напрасно вреженіе и дажь емоу свою державноюу цѣлбоу, да блгтъ тебѣ воздасть дѣанія ра^м единочадаго Сна Твоего Га нашего Іс Ха, тои бо есть ненависти прогонитѣ и нападеніемъ избавитель и сплщимъ хранитель, прибѣгающимъ к немуу хранитель и застоупникъ“²⁾.

(Полууст. требн. XVI в. Троицк. Серг. л. № 225, л. 166 об.—168): „Гѣ силъ Бѣ нашъ и прмѣтиве Бѣ нашъ, Хѣ стѣи црю ѿ жени всакъ недоугъ ѿ раба твоего N. и ѿ дши его и ѿ

¹⁾ Вохинъ, „Нар. заговоры“, с. 491.

²⁾ Тихонравовъ, „Пам. отречен. л-ры“, с. 357—8.

тѣла и ѿ гѣвы и ѿ власъ и ѿ чела, ѿ мозга... крови... вѣкоу... рясницъ... очію... оушію... лица... носа... оустоу... языка... подѣмычыи... гортани... глѣна... гласа... ши... перси... плещу... мышци... лохти... ребра... оутробы... поупа... люча... срѣца... слезъ... селезеніи... перепоны... желюудка... бокоу... тоуги... входа... исхода... питіи... ѿвоца... юноси... осна... спаньи... ноци... мысли... дѣи... помысла... грѣхавотча и мѣрна и своего і ѿ соблазна, ѿ ладви... бедроу... голени... лыстовъ... лезноу... перстовъ ручныхъ и ножныхъ... ноготь... длані... предѣлъ естѣвенныхъ... лона и ѿ и всѣхъ ставовъ ѿ крови... жилъ... жилищъ... возраста и ѿ свершении силы ѿ сна... лѣпоты внѣоуду и вноутрѣоуду приложи ѿ немощи въ силу, ѿ пренемогланіи во оутѣшеніе; болѣзнь его и недоугъ его исцѣли, ты бо еси Гїи плачь мироносицамъ на расть прѣложивы. Тыже приде на Ерданъ къ Іоанну крѣтиса ѿ него, исполнити всакоу правду. Тыже црю приде в Вифанью, воскресивы Лазаря изъ мртвѣи ты нѣ възвигни раба твоего N. ѿ одра немощнаго и ѿ постела болѣзнымъ и ѿ жени ѿ него всакоу болѣзнь главную и ѿбычноую и полоудѣнную и всеѿобразною оужасною ѿгненою и стоуденоую и приведеную ти и всеименованною болѣзнь, избави Гси ѿ всакого недоуга і болѣзни, плотскимъ и дѣшевнымъ немощи, даиже емоу зравье и силоу, блгѣтью Хѣ твоего, ты бо еси истинныи врачъ дѣшмъ и тѣломъ и исцѣлитель болѣзнемъ нашимъ Хѣ Бѣ нашъ и Тобѣ слѣву высылаемъ ѿдію и сїоу и стмоу.— Моѣ томѣ: Аламъ, семъ, вартовать, витарь, витажъ, Бѣ велики Гс Хс еже еси разрѣши по Твоему воскресію соуть были в гробѣ ѿ вѣка, всѣ разрѣши Гїи и исцѣли глѣву и срѣце раба твоего N. и болѣзнь соущоую в немъ яко блгѣвиса и прослависа велелѣнье ѿца и сѣа“ 1).

(Сербск. рук. XV в.): „Ѡче Стгы въсемоги прѣвечни Бѣ ѿрини въсе болѣсти ѿ чѣка сего: ѿ глави... власи... врѣха... тѣмена... очіи... оуши... воустъ... езика... подѣзика... грѣта... ручѣ... прѣсти... срѣце... жили... телѣси въсего... все съставѣ чльновнихъ... внутрь... езу... гла. юноности... въсакотоу тела раба Блѣа имѣ въ имѣ ѿца и сѣа и стго дѣа аминъ“ 2).

1) Тихонравовъ, „Пам. отр. л-ры“, II, с. 358—360.

2) Ib., 360.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Настоящею (5-ю) главою заканчивается 2-я часть моей работы, и вмѣстѣ съ тѣмъ завершается и одинъ циклъ мыслей, придавая нѣкоторую законченность работѣ. Въ первоначальной черновой редакціи у меня разработано 4 части труда: 3-я — о заговорахъ отъ болѣзней у животныхъ и насѣкомыхъ и 4-я — разговоры на случаи различные — въ домашнемъ обиходѣ, а также присушки, привороты, отвороты и проч. (заговоры о любви). При дальнѣйшей разработкѣ 3-я часть все разрасталась, и постепенно создавалось убѣжденіе въ необходимости снабдить ее обширнымъ введеніемъ о пониманіи животнаго (насѣкомаго), какъ человѣка, въ различныхъ ступеняхъ міропониманія; это дѣлало 3-ю часть все болѣе и болѣе самостоятельнымъ цѣлымъ¹⁾. Въ виду этого, — да и по нѣкоторымъ менѣе важнымъ соображеніямъ, отчасти личнаго характера, отчасти отъ меня независящимъ, — я рѣшился выпустить введеніе и 2 первыхъ части отдѣльною книгой. — Что касается 3-й части, то ее предполагаю выпустить тоже отдѣльно, или какъ продолженіе работы, имѣющее и самостоятельный интересъ, или даже подъ особымъ заглавіемъ, т. к. въ прежнее изъ этого матеріала не все укладывается. Дальнѣйшая, детальная обработка этой части опредѣлитъ окончательно тотъ или иной путь. Что до 4-й части, наименѣ мною отдѣланной даже вчернѣ, то она представляется теперь мнѣ лишь въ видѣ дополненія къ изслѣдованію, (заговоры, касающіеся домашняго хозяйства и обихода, я нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ перенести въ 3-ю часть),

¹⁾ Въ ней уже образовалось 4 главы: а) з. отъ болѣзней у домашн. животн. и пастушьи, б) з. пчелиныи и шелководовъ, в) Охотничьи в-ы и г) в. примѣн. въ дом. ков. (частн. бытъ).

выясняя въ немъ нѣкоторые лишь поставленные вопросы и частности, но не представляя собою органической части цѣлаго. Впрочемъ, при ближайшемъ разсмотрѣннн выяснится точнѣе,—б. м. этотъ отдѣлъ можно совсѣмъ опустить, замѣнивъ ее дополненіями къ отдѣльнымъ главамъ и примѣчаніями.

Нахожу необходимымъ приложить списокъ источниковъ и пособій, которыми воспользовался для работы, съ указаніемъ сокращеній ихъ въ текстѣ работы, что необходимо было дѣлать, т. к. подробныя заглавія нѣкоторыхъ источниковъ и по собій очень длинны, а встрѣчаются нерѣдко.

Не могу не отмѣтить съ глубокою благодарностью того доброжелательнаго отношенія, той готовности итти на помощь, каковыя я встрѣчалъ у всѣхъ лицъ, къ которымъ приходилось обращаться съ тѣми или иными вопросами, такъ или иначе относившимися къ моему изслѣдованію.—Н. Ө. Сумцовъ въ выпускномъ въ свѣтъ своего указателя литературы о заговорахъ натолкнулъ меня на мысль заняться этимъ вопросомъ, который глубоко заинтересовалъ меня еще въ лекціяхъ А. А. Потебни (особенно когда пришлось ближе познакомиться, при переписываннн и при готовленнн къ печати — вмѣстѣ съ другими слушателями Потебни послѣднихъ годовъ, — между прочимъ, частей записокъ по теоріи словесности, относящихся и къ данному вопросу).— Когда созрѣлъ первоначальный планъ работы (въ первый годъ по окончаннн курса въ ун-тѣ), я обратился за совѣтомъ и мнѣніемъ по этому вопросу къ Н. Ө. Сумцову, и вотъ съ тѣхъ поръ, на протяженнн многихъ лѣтъ я злоупотреблялъ его любезностью, доставая у него то нужную мнѣ книгу, то наводя ту или иную справку. — При воспоминаннн о первыхъ шагахъ въ работѣ, въ моей памяти ярко встаетъ образъ маститаго академика Бычкова, въ то время бібліотекаря С. П. Публичной Библіотеки, необыкновенно ласково принявшаго меня, когда я передалъ ему карточку моего бывшаго учителя и профессора М. Е. Халанскаго, знакомившую почтеннаго старца со мной. Съ большимъ интересомъ разспрашивалъ онъ меня о планѣ работъ, о сдѣланномъ мною и о томъ, что я предполагаю найти въ П-гѣ; далъ рядъ цѣнныхъ указаній и устроилъ мнѣ возможность работать въ бібліотекѣ продуктивно и съ удобствами.

Миръ праху твоему! — У колыбели моего дѣтища стоитъ другой старикъ, съ которымъ я лично не былъ знакомъ, но вель оживленную переписку и получилъ по нѣкоторымъ частностямъ цѣнныя указанія. Это былъ, — нынѣ покойный, — редакторъ „Русск. Фил. Вѣстника“ проф. А. И. Смирновъ. Теперь у этой колыбели стоитъ проф. Е. Θ. Карскій, заинтересовавшійся работою еще въ началѣ ея и любезно открывшій для меня страницы своего журнала. — Неоднократно приходилось мнѣ обращаться за справками, съ тѣми или иными вопросами, къ проф. М. С. Дринову, Е. К. Рѣдину, М. Е. Халанскому, Н. К. Грунскому, къ Г. Ю. Ирмеру и нѣкот. другимъ лицамъ, всегда охотно шедшимъ навстрѣчу. — Прошу всѣхъ ихъ принять мою искреннюю благодарность за духовную поддержку.

А въ заключеніе — грустная нотка. На протяженіи всей многолѣтней работы мнѣ приходилось, къ несчастью, оставаться одинокимъ: не съ кѣмъ было посоветоваться, обсудить тотъ или иной шагъ въ самомъ процессѣ работы. Отсюда, кромѣ этого жуткаго чувства, — масса погрѣшностей, опущеній, недосмотровъ и промаховъ, которые, конечно, будутъ сильно тормозить работу слѣдующему работнику на этой нивѣ. Да проститъ онъ мнѣ мои невольныя согрѣшенія. *Fecit, quod potui...* Всякія критическія замѣтки, дополненія, разъясненія моихъ недочетовъ будутъ для меня большимъ утѣшеніемъ: мысль въ этомъ направленіи пробуждена, и дальнѣйшая работа, при лучшей, чѣмъ моя, оснасткѣ духовнаго корабля, не можетъ не дать благотворныхъ результатовъ по пересмотру и переустройству прежняго духовнаго уклада на новый ладъ.

ИСТОЧНИКИ и ПОСОБІЯ

(съ указаніемъ сокращеній ихъ при цитированіи).

Живущему внѣ столицъ при разысканіи матеріаловъ по какому-либо вопросу приходится встрѣчаться со множествомъ затрудненій, затрачивая, и нерѣдко по напрасну, огромное количество времени и силъ на доставаніе, перечитываніе или просмотръ книгъ, иногда въ данномъ случаѣ совсѣмъ не нужныхъ (съ обманчивымъ, напр., заглавіемъ). Не говорю уже о томъ, что очень многихъ книгъ въ провинціи и совсѣмъ негдѣ достать. Имѣя свободнымъ лишь каникулярное время, я нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ изъ всѣхъ источниковъ и пособій, не имѣвшихся у меня на мѣстѣ подъ руками, (а таковыхъ оказалось очень много), сдѣлалъ на карточкахъ выписки, каковыми и пользовался въ дальнѣйшей работѣ. Конечно, въ этихъ выпискахъ возможны описки (особенно въ текстахъ, на областныхъ нарѣчіяхъ и въ особенности иностранныхъ), каковыя попадали и въ печатный текстъ работы, и наряду съ корректурными недосмотрами могутъ исказить нѣкоторыя мѣста. Усердно прошу всѣхъ, кто таковыя замѣтитъ, сообщать мнѣ лично или печатно; всѣ таковыя указанія будутъ приняты съ искренней благодарностью. — Для движенія науки впередъ крайне желательно и необходимо составленіе липами, стоящими близко къ крупнѣйшимъ книгохранилищамъ библиографическихъ указателей по разнообразнымъ вопросамъ того или иного отдѣла наукъ. — Въ настоящей работѣ большимъ подспорьемъ при разыскиваніи матеріаловъ служилъ мнѣ одинъ изъ такихъ указателей („Заговоры“. — Библиографическій указатель. Харьковъ, 1892 г.), составленный проф. Н. Θ. Сумцовымъ настолько обстоятельно, что можно было бы даже ограничиться ссылкой на него. Но такъ какъ кое-что изъ указаннаго проф. Сумцовымъ мною не разыскано, или не использовано по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, а иное подыскано вновь, да къ тому же многія изъ цитируемыхъ статей носятъ очень длинные заголовки или помѣщены въ рѣдко цитируемыхъ, — мало извѣстныхъ, періодическихъ изданіяхъ, нахожу умѣстнымъ приложить приводимый ниже списокъ болѣе крупныхъ сборниковъ, статей и замѣ-

токъ, коими воспользовался при работѣ ¹⁾, и ихъ условныхъ сокращеній при цитированіи. Мелкія замѣтки, а равно подбираемыя во время печатанія будутъ цитируемы полностью.

Азбукинъ, М. „Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ“. (XI—XIV вѣка). — См. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ за 1896 г., № 2, с. 222—272. = *Азбукинъ* „Очеркъ л-рной борьбы“.

А. Р. „Изъ польскихъ суевѣрій и въ Литвѣ и Бѣлой Руси“. — См. журналъ „Wisła“ за 1891 г., ч. IV, с. 905. = *А. Р.* „Изъ польскихъ суевѣрій“.

Аршиновъ. „О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ“. — См. Харузина „Сборникъ матеріаловъ для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“, с. 140. = *Аршиновъ* „О нар. лѣч. въ Казан. у“.

А. С. „Заговоры и наговоры“ (Изъ книги „Сказаніе о немощахъ человѣческихъ“). — См. „Извѣстія Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ“ т. X, в. 1. = *А. С.* „Заговоры и наговоры“.

Афанасьевъ, А. „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“. Т. I. М. 1865 г. = *Афанасьевъ* „Поэтическія воззрѣнія“.

Безбородко. „Памятники стар. литературы“, В. III. = *Безбородно* „Памятн.“.

* *Березинъ.* „О миеологическихъ вѣрованіяхъ австрійскихъ южныхъ славянъ“. — См. журн. „Знаніе“ за 1877 г., IV, с. 51—84. = *Березинъ* „О миеол. вѣров.“.

Будде, Е. „Мѣсто и значеніе духовныхъ стиховъ въ исторіи русской народной словесности“. Воронежъ. 1883 г. = *Будде* „Мѣсто и знач. дух. стиховъ“.

* *Буслаевъ, Ѳ.* „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“. Т. I. С.-П.-гь. 1861 г. = *Буслаевъ* „Историческіе очерки“.

Буслаевъ, Ѳ. „О славянской рукописи въ Пармской библіотекѣ“ — См. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ за 1875 г., ч. CLXXX, с. 238—244. = *Буслаевъ* „О славян. рукоп.“.

¹⁾ Исслѣдованія, коими воспользовался для тѣхъ или иныхъ заключеній, общихъ выводовъ, но которыя не цитируются въ текстѣ работы, здѣсь не приводятся.

Звѣздочкой отмѣчаются помѣщен. въ „Указателѣ“ Н. Ѳ. Сумцова.

Буше-Леклерк. „Изъ исторіи культуры. Истолкованіе чудеснаго въ античномъ мірѣ“. (Переводъ Мищенко). Кіевъ, 1881 г. = *Буше-Леклерк*, „Изъ ист. культуры“.

Веселовскій, А. „Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса“. — См. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ за 1868 г., ч. CLX, с. 281—359. = *Веселовскій, А.* „Замѣтки и сомнѣнія“.

Веселовскій, А. „Изъ введенія въ историческую поэтику“. — См. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ за 1894 г., кн. V, с. 21—42. = *Веселовскій, А.* „Изъ введенія“.

Веселовскій, А. „Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля“. — См. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ за 1898 г., кн. III, с. 1—80. = *Веселовскій, А.* „Психологич. параллелизмъ“.

Веселовскій, А. „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“. Вв. VI—X. С.-П.-гв. 1883 г. — См. „Сборникъ Отдѣленія русск. языка и словесности Императорск. Академіи Наукъ“. Т. XXXII № 4. = *Веселовскій, А.* „Разысканія“.

Воеводскій „Введеніе въ мифологію Одиссея“. Одесса, 1881 г. = *Воеводскій* „Введ. въ мифол. Одиссея“.

* „*Воронежскій* Юбилейный Сборникъ въ память 300-лѣтія г. Воронежа“. Воронежъ. 1886 г. Т. II-й. = „*Воронежскій* Юбил. Сб.“.

* *Возинъ, Н.* „Народные заговоры противъ болѣзней начала XVIII в.“. — См. журналъ „Русская Старина“ за 1878 г., т. XXII, с. 490—2. = *Возинъ* „Народ. загов.“.

Галаховъ „Исторія русской словесности древней и новой“. Т. I. 1880 г. = *Галаховъ* „Ист. русск. слов.“.

„*Грамотъ*“ (народный журналъ) за 1864-й годъ., кн. 6-я. С.-П.-гв. „Грамотъ“.

Гринченко, В. „Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ“. В. I. Черниговъ. 1895 г. — См. Приложение къ „Земскому Сборнику Черниговской губ.“ за 1895 г. №№ 1—3. = *Гринченко* „Этнографич. матеріалы“. I.

Гуляевъ, С. „Этнографическіе очерки Сибири“. — См. „Библиотеку для чтенія“ за 1848-й годъ, т. 90-й. = *Гуляевъ* „Этн. очерки“.

* *Даль, В.* „О повѣрьяхъ, суевѣрьяхъ и предразсудкахъ русскаго народа“ (изд. 2-е). С.-П.-гв. 1880 = *Даль* „О повѣр., суев.“.

Демидовичъ, П. П. „Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ“. — См. „Этногр. Обзоріе“ 1896 г., кн. XXIX—XXX. = *Демидовичъ* „Изъ обл. вѣров. бѣлорус.“.

Демичъ, Ѳ. „Очерки русской народной медицины“. (Лихорадочныя заболѣванія и ихъ лѣченія у русскаго народа). С.-П.-гв. 1894 г. = *Демичъ* „Оч. рус. нар. медиц.“.

* *Дилленъ, Э.* „Дуализмъ въ Авестѣ“. (Разборъ дисциплинарныхъ предписаній). С.-П—гь. 1881 г. = *Дилленъ, Э.* „Дуализмъ въ Авестѣ“.

* *Добровольскій, В.* „Смоленскій этнографическій сборникъ“. — См. „Записки Императорскаго географич. общества по Отдѣленію этнографіи“. С.-П—гь. 1891 г. = *Добровольскій* „Смол. этн. сб.“.

Добротворскій, М. „Русская простонародная медицина сравнительно съ народной медициной сахалинскихъ Айновъ“. Казань. 1874 г. = *Добротворскій* „Русск. простонар. медиц.“.

* *Драгомановъ, М.* „Малорусскія народныя преданія и рассказы“. Кіевъ. 1876 г. = *Драгомановъ* „Малорус. пред.“.

* *Ефименко* „Описание обычаевъ и правовъ жителей Архангельской губерніи“. — См. „Труды Этнографич. Отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ ун-тѣ“, кн. V, в. 1-й. Москва. 1877 г. = *Ефименко* „Опис. обыч. Арханг. губ.“.

* *Ефименко, П.* „Сборникъ малорусскихъ заклинаній“. — Оттискъ изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ ун-тѣ“. — М. 1874 г. = *Ефименко* „Сб. млр. заклин.“.

Житецкій, А. „Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ“ — См. „Труды Этнографическаго Отдѣленія“, т. XIII, в. 1. — Москва. 1893 г. = *Житецкій* „Очерки быта Астраханск. калм.“.

* *Забѣлинъ, М.* „Русскій народъ. Его обычаи, обряды, преданія, суевѣрія и поэзія“. Москва. 1880 г. = *Забѣлинъ* „Русскій народъ“.

Зелинскій, О. „О заговорахъ. (Исторія развитія заговора и главные его формальныя черты)“. — См. „Сборникъ Харьк. Истор.-Филологич. Общества“, т. X, с. 1—58 = *Зелинскій* „О заговорахъ“.

Золотницкій, Н. „О старой чувашской вѣрѣ“. — См. „Труды IV Археологическаго съѣзда—въ 1877 г.“, т. II.—Казань. 1891 г. = *Золотницкій* „О стар. чув. вѣрѣ“.

* *Ивановъ, П.* „Знахарство, шептанье и заговоры“ (въ Старобѣльскомъ у. Харьк. губ.). — См. „Кіевская Старина“, 1885 г., XII, с. 730—44. = *Ивановъ* „Знахарство“.

* *Иващенко, П.* „Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-русскихъ шептаньяхъ“. — См. „Труды 3-го Археологич. Съѣзда въ Россіи — въ Кіевѣ 1874 г.“ Т. I. — Кіевъ. 1878 г. = *Иващенко* „Слѣды языч. вѣров.“

* *Иващенко, П.* „Шептанія“. — См. 2-й томъ тѣхъ же „Трудовъ“ = *Иващенко* „Шептанія“.

* *Калачевъ, Н.* „Архивъ историч. и практическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи“. С.-П—гь. 1859 г. = *Калачевъ* „Архивъ“.

* *Каратыгинъ, И.* „Апокрифическія молитвы въ рукописныхъ требникахъ“. — См. „Христіанское Чтеніе“ за 1874 г., № 3—4, с. 441—8. = *Каратыгинъ* „Апокрифич. молитвы“.

Карскій, Е. „Библиографическая замѣтка“ о трудѣ *Ф. Варенка* „Przyczynek do lecznictwa ludowego“ (матеріалы собраны въ Борисовск. у. Витебской губ. и въ части Лепельскаго у. Минской губ. и служатъ дополненіемъ изслѣдованій Романова и Никифоровскаго), — помѣщенномъ въ 1-мъ томѣ „Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydane staraniem komisji antropologicznej Akademii umiejętności (замѣтившихъ съ 1895 г. „Zbiór Wiadomości“) w Krakowie 1896—1900“. — См. „Журн. Мин. Нар. Пр.“. 1900 г., XII, с. 495—500. = *Карскій* „Библ. зам. о трудѣ Варенка“.

Кирилловъ, Н. „Интересъ изученія народной и тибетской медицины въ Забайкальѣ“. — См. „Этнографич. Обзорніе“ за 1894 г., кн. XIX, с. 84—120. = *Кирилловъ* „Интересъ изуч. нар. мед.“.

Кирпичниковъ, А. „Очерки по миеологіи IX вѣка“. — См. „Этногр. Обзорніе“ за 1894 г., кн. XXIII, с. 1—42. = *Кирпичниковъ* „Очерки по миеол.“.

Коваленко, Г. „О народной медицинѣ малоруссовъ“. — См. „Этногр. Обзорніе“, кн. XI. = *Коваленко* „О нар. мед. мдр.“.

* *Колосовъ, М.* „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія“. — См. „Сборникъ Академіи Наукъ“, т. XVII, в. 3-й. = *Колосовъ* „Замѣтки“.

* *Комаровъ, М.* „Новая збирка народныхъ малоруськихъ приказокъ, прислывививъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь“. Одесса. 1800 г. = *Комаровъ* „Новая збирка“.

* *Крушевскій, В.* „Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи“. Варшава. 1876 г. = *Крушевскій* „Заговоры“.

Кушелевъ-Безбородко, Г., графъ „Памятники старинной русской литературы“. В. III. С. II—гъ. 1862 г. = *Кушелевъ-Безбородко* „Памятники“.

Леманичъ, А. „Иллюстрированная исторія суевѣрія и волшебства“ (переводъ подъ ред. В. Линдъ). Москва. 1899—1900 гг. = *Леманичъ* „Илл. ист. суев. и волшебства“.

Линденбергъ, С. „Нѣсколько заговоровъ“. — См. „Кіевская Старина“ за 1894 г., XII, с. 493—5. = *Линденбергъ* „Нѣск. заг.“.

* *Лоначевскій, С.* „Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа“. Кіевъ. 1875 г. = *Лоначевскій* „Сборн. пѣсенъ“.

* *Майковъ, Л. Н.* „Великорусскія заклинанія“. (Сборникъ). — См. „Записки Императорскаго русск. географич. Общества—по отдѣле-

нію Этнографія". Т. II. С.-П—гь. 1869 г. (с. 417—580). Съ дополнен. на с. 747—8). = *Майковъ* „Великорусск. заклинанія“¹⁾.

* *Манжура, И.* „Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринбургской губ.“. Харьковъ. 1890 г. = *Манжура* „Сказки“.

Мансветовъ, И. „Византійскій матеріалъ для сказанія о 12 трясовицахъ“. Москва 1881 г. = *Мансветовъ* „Визант. матеріалъ“.

Марковичъ, В. „Знахарки новаго типа“. — См. „Кіевская Старина“ 1891 г., XII, с. 413—29. = *Марковичъ* „Знах. нов. типа“.

* *Милићевичъ, М.* „Живот срба сельака“. — См. „Гласник српског ученог друштва“, кн. V, св. XXII; кн. 37. — Београд. 1867/1873 гг. = *Милићевичъ* „Жив. срба сельака“.

* *Миллеръ Орестъ* „Опытъ историческаго обзорѣнія русской словесности“. Ч. I, в. 1, (изд. 2-е). С.-П—гь. 1865 г. = *Миллеръ, Ор.* „Опытъ“.

Милорадовичъ, В. „Народные обряды и пѣсни Лубенскаго уѣзда“. = *Милорадовичъ* „Нар. обр. и п. Лубенск. у.“.

Милорадовичъ, В. „Замѣтки о малорусской демонологіи“. — См. „Кіевская Стар.“. 1899 г., кн. VIII, с. 204. = *Милорадовичъ* „Зам. о малор. демонологіи“.

Милорадовичъ, В. „Народная медицина въ Лубенскомъ у. Полтавской губ.“. — См. „Кіевская Стар.“, 1901 г.; кн. 1—3, 5, 7—8 = *Милорадовичъ* „Народн. медиц.“, I, V, 2, 3, 5, 7, 8.

* *Минхъ, А.* „Народные обычаи, суевѣрія, предрасудки и обряды крестьянъ Саратовской губ.“. С.-П—гь. 1890 г. = *Минхъ* „Нар. обычаи“.

Номисъ. Украинскіи приказки, прислівья и таке инше“. С.-П. 1874 г. = *Номисъ* „Украин. приказки“.

* *Овсянниковъ, К.* „Заговоры противъ лихорадки и зубной боли“. — См. „Ярослав. Губ. Вѣдом.“ 1869 г., № 18, ч. неоф. = *Овсянниковъ* „Заг. противъ лихор.“.

Овсянко-Куликовскій, Д. „Опытъ изученія вакхическихкихъ культовъ“. Ч. I. Одесса. 1883 г. = *Овсянко-Куликовскій* „Опытъ изуч. вакх. к.“.

¹⁾ Этотъ сборникъ я цитировалъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ (когда, напр., находилъ заговоры отъ болѣзней, не встрѣчавшихся въ другихъ источникахъ, какъ отъ „шелудей“ (коросты), отъ „усовей“; когда находилъ варианты, дававшіи новую черту и т. п.); воспользовался имъ для общихъ выводовъ, отчасти при классификаціи матеріала, а также нѣкоторыми частностями, какъ-то особыми названіями болѣзней: „волосель“ (=волосы), „хомуть“ (=грыжа), „болетопъ“ (=чирей); перепечатку же хотя части этого огромнаго матеріала считаю нецѣлесообразнымъ: всякому, занимающемуся вопросомъ о заговорахъ придется имѣть эту книгу настольной; изъ авторовъ, коихъ Майковъ не цитируетъ (Сахаровъ, Калачовъ, Рыбниковъ и др.) по ихъ общезвѣстности, я извлекаю заговоры, чѣмъ-либо отлич. отъ другихъ вариантовъ.

Овсяннико-Куликовский, Д. „Очерки изъ исторіи мысли“. — См. „Вопросы философіи и психологіи“ за 1890 г., кн. V. = *Овсяннико-Куликовский* „Изъ ист. мысли“.

* *Петровъ, А.* „Угродрусскіе заговоры и заклинанія начала XVIII вѣка“. — См. „Живая Старина“ за 1890 г., в. 1-й. = *Петровъ* „Угродрусск. заг.“

* *Помяловскій, И.* „Эпиграфическіе этюды“. (I. Древніе наговоры—*tabulae defixionum*.—II. Римскіе колумбаріи). С.-П.—гь. 1873. = *Помяловскій* „Эпигр. этюды“.

* *Порфирьевъ, Я.* „Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой бібліотеки“. — См. „Труды IV Археологическаго съѣзда въ Ригѣ — 1877 г.“. Т. II). Казань. 1891 г. = *Порфирьевъ* „Апокриф. молитвы“.

* *Порфирьевъ, Я.* „Исторія словесности“. Ч. I. 1886 г. = *Порфирьевъ* „Ист. слов.“.

* *Потебня, А. А.* „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка“. Воронежъ. 1877 г. = *Потебня* „Млр. нар. пѣс.“.

* *Потебня, А. А.* „О значеніи нѣкоторыхъ символовъ въ славянской народной поэзіи“. Харьковъ. 1860 г. = *Потебня* „О знач. н. с.“.

* *Потебня, А. А.* „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень“. Т. I. Варшава. 1883 г. = *Потебня* „Объясн. млр. пѣсень“.

Приклонскій, В. „Три года въ Якутской области“ — См. „Живая Старина“, за 1891 г., в. III, с. 48—84. = *Приклонскій* „Три года въ Якут. обл.“.

Пыпинъ, А. „Начатки русской литературы“. — См. „Вѣстникъ Европы“ за 1893 г., XI, с. 251—93. = *Пыпинъ* „Нач. рус. л-ры“.

Рескинъ, Джонъ. „Искусство и дѣйствительность“. (Избранныя мѣста въ переводѣ О. Соловьевой). — См. „Сѣверный Вѣстникъ“ за 1896 г., X, с. 80—81. = *Рескинъ* „Иск. и дѣйств.“.

* *Романовъ, Е.* „Бѣлорусскій сборникъ“. В. V. — Заговоры, апокрифы и духовные стихи“. Витебскъ. 1891 г. = *Романовъ* „Бѣлор. сборникъ“, V.

* *Рыбниковъ, И.* „Пѣсни. Ч. IV. Народныя былины, старины, побывальщины, пѣсни, сказки, повѣрья, суевѣрья, заговоры и т. п.“.—С.-П.—гь. 1867 г. = *Рыбниковъ* „Пѣсни“, IV.

Рыльскій, Ѳ. „Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія“. — См. „Кіевская Старина“ за 1888 г., XI. = *Рыльскій* „Къ изуч. украин. міровоззрѣнія“.

* *Сахаровъ.* „Сказанія русскаго народа.— Народн. дневникъ. Праздн. и обычай“. С.-П.—гь. 1885 г. = *Сахаровъ* „Сказ. рус. нар.“.

* *Сборникъ за народни умотворенія наука и книжница*“. (Из-

дава министерство-то на народно-то просвѣщение). Софія. Кн. I—VIII. = Сборникъ за нар. умотвор.“, I (ч. II, III...).

Соколовъ „Заговоры“. (См. „Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этн. при Казан. ун-тѣ“. Т. II, в. 2—3. = *Соколовъ* „Заговоры“.

* *Соколовъ*. „Заговоры и наговоры“.—См. тѣ же „Извѣстія“, т. X, в. 1-й, матеріалы). = *Соколовъ* „Заговоры и наговоры“.

* *Сорокинъ, Г.*, свящ. „Мѣстечко Дмитровка“. (Херсонской губ., Александровскаго у.). Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія“. = *Сорокинъ* „Мѣстечко Дмитровка“.

* *Спенсеръ, Г.* „Основанія соціологіи“. Т. I—II. 1876 г. = *Спенсеръ* „Основ. соціологіи“.

Спенсеръ, Г. „Развитіе профессій“. (Перев. Т. К-ль). — См. „Міръ Божій“ за 1896 г., I. = *Спенсеръ* „Развитіе профессій“.

Спенсеръ, Г. „Тайственный міръ“. (Переводъ Ралгофа). С.-П.—гѣ. 1899 г. = *Спенсеръ* „Тайств. міръ“.

Сперанскій, М. „Дѣленіе исторіи русской л—ры на періоды и вліяніе русской литературы на югославянскую“. — См. „Русскій Филологич. Вѣстникъ“ за 1896 г., № 3—4. = *Сперанскій* „Дѣленіе ист. русск. л—ры“.

Сумцовъ, Н. „Очерки исторіи южно-русскихъ сказаній и пѣсенъ“.—См. „Кіевская Старина“ за 1877 г., VI—VII; и отд. отд. = *Сумцовъ* „Очерки“.

Сырку, П. „Отрывокъ малорусскаго простонароднаго травника и два заговора“. (По рукописи начала XVII вѣка).—См. „Филологическія записки“ за 1883 г., I. = *Сырку* „Отрывокъ млр. травника“.

Тихонравовъ, Н. „Лѣтописи русской литературы и древностей“. Т. IV. М. 1862 г. = *Тихонравовъ* „Лѣтописи русск. л—ры. IV.“

* *Тихонравовъ, Н.* „Памятники отреченной русской литературы“. Т. II. М. 1863 г. = *Тихонравовъ* „Памятн. отреч. л—ры, II.“

Томъ, Ф. „Внушеніе и его роль въ дѣлѣ воспитанія“. (Перев. Максимовой).—См. „Образованіе“ за 1898-й г, XI = *Томъ* „Внушеніе“.

Трубецкой, С., кн. „Психологическій детерминизмъ и нравственная свобода“. — См. „Вопросы филос. и психологіи“ за 1894 г., кн. 25-я. = *Трубецкой, С.* „Психологическій детерминизмъ“.

„Труды Этнографич. Отдѣленія Московск. Общ. любит. Естествознанія и Этнографіи“. Кн. V, в. 2-й, М. 1878 г. = „Труды Этногр. Отдѣл.“.

Успенскій, Д. „Родины, крестины“.—См. Этнографич. Обзорѣніе“, кн. XXVII, с. 84. = *Успенскій* „Род., крестины“.

Ушаковъ, Д. „Матеріалы по народнымъ вѣрованіямъ великороссовъ“.—„Этнографическое Обзорѣніе“ за 1896 г., кн. XXIX—XXX. = *Ушаковъ* „Матер. нар. вѣр.“.

Фаминицынъ, А. „Современное естествознаніе и ближай-

шая его задача".—См. „Мирь Божій“ за 1899 г., XII, с. 1—12. = *Фамининъ* „Современ. естествознание“.

Харузинъ, Н. „Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“. В. I. М. 1889 г.; в. II. М. 1890 г. — См. „Труды Этнографич. Отдѣленія“, — т. XI. — О Вологодской губ. = *Харузинъ* „Сборн. свѣдѣній“.

„*Харьковскій Сборникъ*“. В. VIII. Харьковъ. 1894 г. — Матеріалы для этнографическаго изученія Харьк. губ. — Гл. I. — Старобѣльскій уѣздъ“. = „*Харьковскій Сборникъ*“, VIII

Чепъ, А. И. рукопись (съ предисловіемъ Н. Стороженка): „Малорусскія суевѣрія, коимъ мало кто вѣрилъ, собранныя 1776 года“. — См. „Кіевская Старина“, за 1892 г., I. = *Чепъ* „Млрус. суевѣрія“.

Чижъ, В. „Тургеневъ, какъ психопатологъ“. — См. „Вопросы филос. и психологіи“ за 1899 г., кн. 50-я (V-я) = *Чижъ* „Тургеневъ, какъ психопатологъ“.

* *Чубинскій, П.* „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край“. Т. I. С.-П.—гѣ. 1872 г. = *Чубинскій* „Труды“, I.

Шарко, Е. „Изъ области суевѣрій малороссовъ Черниговской губерніи“. — См. „Этнографич. Обзор.“, кн. VIII. = *Шарко* „Изъ обл. суев. млр.“.

Шейнъ, П. „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края“. Т. II. С.-П.—гѣ. 1893 г. = *Шейнъ* „Матеріалы“, II.

* *Шимацкій-Иллчъ, А.* „О заговорахъ“. — См. неоф. ч. „Черниговск. Губернск. Вѣдом.“ за 1858 г., № 17. = *Шимацкій-Иллчъ* „О заговорахъ“.

Шустиковъ „Троицина Кадниковскаго уѣзда“. — См. „Живая Старина“ за 1892 г., в. III. = *Шустиковъ* „Троицина Кадник. у.“.

* *Щаповъ* „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія (православныя и старообрядческія). — См. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1863 г., ч. CXVII—CXIX. = *Щаповъ* „Историч. оч. народн. міросозерцанія“.

* *Щербина, Ф.* „Наговоры отъ болѣзней у Черноморцевъ“ (Кубанской обл., Ейскаго у., Новоминской стан.). — См. „Кіевская Старина“ за 1883 г., VII. = *Щербина* „Наговоры“.

* *Щуровъ, И.* „Знахарство на Руси“. — См. „Чтенія въ Императ. Общ. Ист. и Древностей россійск. при Московск. ун.—тѣ“. Т. IV—окт.—дек. — Изд. Бодянскаго = *Щуровъ* „Знахарство на Руси“.

* *Эварницкій, Д.* „Изъ записной книжки этнографа“. — См. „Екатеринославск. губ. Вѣдом.“ за 1890 г., № 43. = *Эварницкій* „Изъ записн. кн.“.

* *Якушкинъ, Е.* „Молитвы и заговоры въ Пошехонскомъ

уѣздѣ“. — См. „Труды Ярославскаго Губерн. Статистич. Комитета“, в. I. — Ярославль. 1869 г. = *Якушкинъ* „Молитвы и загов.“.

Истробовъ, В. „Материалы по этнографіи Новороссійскаго края“. — См. „Лѣтописи Истор.-филологич. Общ. при Императ. Новоросс. ун-тѣ“, в. III. — Одесса. 1894 г. = *Истробовъ* „Матер. этногр. Новоросс. края“.

Васильевъ, А. (Vasiljev) „Anecdota Graeco-Bysantina“ (Сборникъ памятниковъ Византійской литературы“. М. 1893 г., ч. I. = *Васильевъ* „Anecd. Gr.-Bysant.“.

* *Ammann, J.* „Volkssegen aus dem Böhmenwald“. — См. „Zeitschr. d. Ver. f. Volkskunde“ 1892 г., в. 2—3. = *Ammann* „Volkssegen“.

* *Bartsch, K.* „Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg“. В. II. Wien. 1880. = *Bartsch* „Sagen, Märchen“, II.

Birlinger, A. „Altd. Besegnungen“. — См. „Germania“, в. 25-й. — Wien. 1880. = *Birlinger* „Altd. Besegnungen“.

* *Birlinger, A.* „Aus Schwaben. Segen, Legenden, Volksaberglauben“. В. I. Wisbaden. 1874. = *Birlinger* „Aus Schwaben“, I.

Birlinger, A. „Volksthümliches aus Schwaben“. (Sagen, Märchen, Volksaberglauben). В. I. Trieburg im Breisgau. 1864. = *Birlinger* „Volksthümliches aus Schwaben“, I.

* *Blant, E.* „Notes sur quelques formules cabalistiques“ — См. „Revue archéologique“ XXIV. — T. I. Par. 1892. = *Blant* „Notes s. form. cabal.“.

Erben, K. J. „Česka zařikadla v nemocech“. — См. „Časopis musea královstvi českého“, XXXIV, 1860 г. = *Erben* „Česka zařikadla“.

* *Glück, L.* „O stravi“. — См. „Гласник земаљског музеја у Босни и Герцоговини“. Кн. I. 1882 г. = *Glück* „O stravi“.

* *Goedeke, K.* „Deutsche Dichtung im Mittelalter.“ Dresden. 1871 г. = *Goedeke* „Deutsche Dichtung“.

Jahn „Ueber den Aberglauben des Bösen Blicks bei den alten“. — См. „Berichte über die verhandlung der Königl. sächsischen gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. — Philologische-Historische Classe“. В. VII. — Leipzig. 1855 г. = *Jahn* „Ueber den Aberglauben“.

* *Köhler, J. A. Ernst* „Volksbrauch, Aberglauben, Sagen und andre alte Ueberlieferungen im Voigtlande“. Leipzig. 1867. = *Köhler* „Volksbrauch, Aberglauben“.

* *Krauss, E.* „Aberglaubische Kuren und sonstiger Aberglaube in Berlin“. — См. „Zeitschr. f. Ethnologie“, H. I. 1883. = *Krauss, E.* „Aberggl. Kuren“.

Krauss, Fr. „Volks glauben in religiöser Brauch der Südslaven“. 1890. = *Krauss, Fr.* „Volks glauben“.

Kreck, Gr. „Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte“. Graz. 1887 r. (c. 800—8, 826). = *Kreck* „Einleitung“.

* *Kuhn, A.* „Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westphalen“. B. II. Leipzig. 1859 r. = *Kuhn* „Sagen, Gebräuche“.

Kuhn, A. und Schwartz, W. „Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche Meklenburg. 1848 r. = *Kuhn u. Schwartz* „Norddeutsche Sagen“.

Kupczanko, G. „Volksmedizin... in Bukowina“. — *CM.* „Am. Ur-Quell“ za 1891 r., t. II = *Kupczanko* „Volksmedizin... Bukowina“.

* *Lutolf,* „Sagen, Bräuche, Legenden aus fünf Orten: Luzern“. — Luzern. 1862 r. = *Lutolf* „Sagen, Bräuche“.

* *Meier, E.* „Deutsche Sagen, Sitten, und Gebräuche aus Schwaben“. T. II. Stuttgart. 1852 r. = *Meier* „Deutsche Sagen“.

„*Mélusine*“. Recueil de mythologie, littérature populaire, traditions et usages. — Publié par MM. H. Gaidor et E. Rolland. — Paris. 1878 r. T. II. Paris. 1884—5 r. = „*Mélusine*“ za 1878 r., v. za 1884—5.

Müllenhoff, K. „Sagen, Märchen und Lieder aus der Herzogthümer Schleswig-Holstein und Lauenburg“. Kiel. 1845 r. = *Müllenhoff* „Sagen, Märchen“.

N. ... „Zařikaci formule mezi lidem českým, a jak se od nemoci pomáhá“. — *CM.* „Květy“. Narodni zabavnik pro Čechy, Moravany, Slowaky a Slezany. — 1847 r. V Praze. = N. ... „Zařikaci formule“.

* *Peter, A.* „Volksthümliches aus österreichische - Schlesien“. B. II. 1867 r. B. I. Troppau. 1887 r. = *Peter* „Volksthümliches“, I (v. II).

* *Piper, P.* „Sagen aus Sanct-Galleu“. — *CM.* „Germania“, вып. 25-й. W. 1880 r. = *Piper* „Segen aus S.-Gallen“.

Poek, W. „Aberglaube und Beschwörungsformeln aus der Lüneburger Haide“. (Собраны въ 1888 r.). — *CM.* „Germania“ za 1892 r. I. Wien. = *Poek* „Aberglaube“.

* *Prahn, H.* „Glaube und Brauch in der Mark Brandenburg“. — *CM.* „Zeitschr. des Vereins f. Volkskunde“ za 1891 r., H. 2. Berlin. = *Prahn* „Glaube u. Brauch“.

* *Řehoř, F.* „Lidová léčba u haličských Malorusů“. — *CM.* „Časopis Mus. Kral. českého“ za 1891 r., t. LXV, v. II—IV. = *Řehoř* „Lidová léčba“.

Rochfolz, L. „Aargauen Besegnungen“. — *CM.* „Zeitschr. f. deutsche Mythologie und Sittenkunde“. B. II. H. 2. = *Rochfolz* „Aargauen Besegnungen“.

* *Rulikowski E.* „Zapiski etnograficzne z Ukrainy“. — *CM.* „Zbiór Wiadomości“, III. = *Rulikowski* „Zapiski etnograficzne“.

Schaufler, Th. „Althochdeutsche Litteratur“. Stuttgart. 1893.
= *Schaufler* „Althochd. Litteratur“.

* *Schönwerth, Fr.* „Aus der Oberfalz. Sitten und Sagen“. Ansburg. 1869 г. = *Schönwerth* „Aus der Oberfalz“.

* *Siarkowski, W.* „Mater. do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc“. — См. „Zbiór Wiadomości“, т. III. 1879. Kraków. — и т. IX. 1885 г. = *Siarkowski* „Mater. do etnogr.“, III (v. IX).

* *Strackerjan, L.* „Aberglaube und Sagen aus dem Herzogthum Oldenburg“. B. I. Oldenburg. 1867 г. = *Strackerjan* „Abergl. aus Oldenburg“.

Volksmann, H. „Volksmedizin“. — См. „Am-Ur-Quell“ за 1891 г. т. II. = *Volksmann* „Volksmedizin“.

Wackernagel, W. „Geschichte der deutschen Litteratur“. B. I. Basel. 1878—9 г. = *Wackernagel* „Geschichte d. d. Litter.“.

Wlislöcki, H. „Volks Glaube und religiöser Brauch der Zigeuner“ 1891 г. = *Wlislöcki* „Volks Glaube... Zigeuner“.

Zibrt, Č. „Staročeské výroční, obyčeje, pověry, slavnostia zabavy prostonárodní, pokuda o nich vypravují pismné památky az do náš věk“. V Praze. 1889 г. = *Zibrt* „Staroč. výroční obyčeje“.

* *Zingerle, Oswald, von* „Segen und Heilmittel aus einer Wolfsthurner Handschrift des XV Jahrhunderts“. — См. „Zeitschr. d. Vereins f. Volkskunde“ за 1891 г., H. 2. Berlin. = *Zingerle* (или *Oswald von Zingerle*) „Segen u. Heilmittel“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение (с. 1—6).

Крайняя малочисленность монографій и особыхъ работъ о заговорахъ въ русской и иностранной литературѣ (с. 1—2). — Причины недостаточности обслѣдованія заговорнаго матеріала (с. 2). — Задача изслѣдователя при данномъ положеніи дѣлъ (с. 2—3). — Связь этого вопроса съ медициной (внушеніе, гипнотизмъ) (с. 3—5). — Отношеніе современной науки къ таинственному, мистическому, къ суевѣрію (с. 5—6).

Часть первая.

Глава I (с. 7—40). Мнѣнія ученыхъ и изслѣдователей о заговорахъ: Мнѣніе ходячее, вошедшее въ учебный и житейскій обиходъ: Буславца (7—9), Афанасьева (9—12) и его послѣдователей — Иващенко (с. 12) и Помяловскаго (12), Амман'а (с. 12), Ор. Миллера (с. 12—18), Гримма (15), А. Веселовскаго (17), Галахова (18), Порфирьева (20), Wackerpigel (21). — Новая постановка вопроса у Крушевскаго (21—5). — Своеобразно глубокое опредѣленіе заговора А. А. Потембей. — Ф. Зѣлинскій и его попытка пересмотра вопроса (35—39). — Нѣсколько общихъ замѣчаній относительно этихъ мнѣній (39—40).

Глава II (с. 41—106). Психологическія основанія возникновенія заговоръ.

Живучесть заговоръ (41). — Условія роста вѣры въ мощь слова (42). — Эволюція слова — прототипъ развитія всякаго словеснаго (художественнаго) произведенія (42). — Роль слова въ развитіи анимистическаго пониманія міра (43—44). — Раздвоеніе міра (начало дуализма) (44—45). — Двойники (45). — Душа (духъ) — двойникъ челоуѣка (46). — Раздвоенное одухотвореніе міра (46—48). — Челоуѣкъ и его голова —

особыя „я“ (48).—Человѣкъ и его слово живутъ особо, нерѣдко враждуютъ (48—49). — Слово — орудіе борьбы съ темными, вредными для человѣка, силами, основа опредѣленнаго дуализма (49).—Связь между суевѣріемъ (миоическимъ) и научнымъ мышленіемъ (49). — Исторія суевѣрія — исторія прошлаго науки (ея міровыхъ гипотезъ); мнѣнія ученыхъ и изслѣдователей по этому вопросу (Леманна, Рѣскина, Токкарскаго, Шербюлье, Милорадовича, Спенсера (49—56). — Духъ и тѣло живутъ отдѣльно: духъ врага можетъ вселяться въ тѣло человѣка и мучить его; попытки изгнать вселившася—основа заговора (56). — Болѣзнь можно прогонять силой физической, крикомъ, бранью, шумомъ. Источникъ заразныхъ болѣзней — по древней медицинской теоріи — присутствіе въ воздухѣ чрезвычайно маленькихъ насѣкомыхъ, которыхъ можно напугать и изгнать шумомъ и крикомъ. — Близость этого взгляда къ современному ученію о микроорганизмахъ, бактеріяхъ и бактеріяхъ (56—7). — Вѣра въ возможность изгнанія болѣзни подкуриваніемъ, зловонными запахами держится въ народѣ отъ библейскихъ и до нашихъ дней (57—8). — Дѣйствіе растенія, (травы), лѣкарства приписывается вліянію духа, живущаго въ растеніи (58).—Борьба между лѣкарствомъ и болѣзью; выводъ: злое злымъ побѣждается (*similia similibus curantur*); возвратъ медицины къ гомеопатіи (58—59).—Простонародная профилактика. Насильственное переселеніе злого духа, заключеніе его и уничтоженіе физическими способами (большой лихорадкой кладетъ свою рубашку подъ камень, топить ее въ рѣкѣ, зарываетъ съ могильной землею въ могилу) (59—60).—Основы вѣрованія въ переселеніе душъ (духовъ) (60—2). — Болѣзнь можно не только переселять, изгонять, но и вселять, насылать (62—3). — Воздѣйствіе въ этомъ направленіи можно оказывать не только на самого человѣка, но и на его изображеніе, фигурку изъ воска, портретъ (боязнь современнаго простолудина фотографироваться) (63). — Воздѣйствіе черезъ часть цѣлаго на самое цѣлое (если вырвать зубъ, вынуть стержень нарыва, — человѣкъ становится здоровъ; значить — и обратно: потомъ вышла болѣзнь,—черезъ потъ можно пагубно воздѣйствовать на человѣка, на его слѣдъ (63—64). Современные однородные опыты при содѣйствіи гипнотизма (64—5). Примѣненіе вышеочерченнаго міропониманія къ животнымъ и лѣченіе болѣзней частями тѣла (современная органотерапія, подкожныя всприскиванія) (65). — Новое расцутье въ исторіи мысли: не все живо, — есть мертвое (сначала мертворождаемое),—намекъ на мертвую матерію; рѣзкая грань между духомъ и плотью (66). — Болѣзнь—предметъ, (вещество), брошенный злымъ духомъ въ тѣло человѣка (66). — Прежніе способы лѣченія въ примѣненіи къ новому пониманію болѣзни и постепенная перестройка прежняго міропониманія (66—7). — Двойники человѣка (доля, счастье, душа, слово), переживъ стадію самостоятельнаго существованія, возвращаются въ

человѣка и странствуютъ съ нимъ по свѣту, попадая, какъ предметъ (вещество) въ другого носителя (67).—Наблюденія надъ словомъ (эволюція его пониманія): слово—самый таинственный, позже другихъ обслѣдуемый двойникъ, плохо воплощавшійся въ осязательныхъ формахъ; это — голосъ духа, живущаго въ человѣкѣ, голосъ злого духа, живущаго въ лѣсу, въ горахъ (эхо); слово—самое опасное изъ средствъ воздѣйствія на человѣка (отсюда — скрываніе своего имени); слово — предметъ, вещь (ее можно похитить, унести); рѣчь — текущая жидкость: ее можно видѣть; слово всегда имѣетъ реальныя послѣдствія: проклятія исполняются буквально (материализація слова) (67—9). — Вѣра въ силу слова принудительную, воздѣйствующую физически на человѣка и на весь міръ; слово—лѣкарство (69—70). — Легенды о силѣ слова; слово — птица (соколы, орлы), потомъ — божество, — властное, могучее (70—72). — Слово занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду духовъ, коими населенъ былъ міръ (72). — Одухотвореніе міра — своего рода научный методъ классификаціи явленій, какъ существъ, предметовъ, подвластныхъ извѣстному духу, — дѣленіе міра на отдѣльныя царства (72—3). — Роль слова въ этомъ процессѣ и на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія человѣка (73). — Роль слова при усвоеніи идеи единобожія, началъ христіанства на почвѣ старыхъ вѣрованій (73—7). — „Двоевѣріе“; борьба началъ добраго и злого въ видѣ состязаній между дьяволомъ и Божьими силами, между сатаною и Богомъ; апокрифы, — какъ примѣнительное къ міропониманію толкованіе прочитаннаго въ книгахъ церковныхъ, созданное низшими духовенствомъ и начетчиками, — долгое время не подвергались гоненію со стороны высшихъ духовныхъ властей (78—84). — Основы религіознаго эпоса. Духовные стихи — открытіе широкаго пути въ народную жизнь новой религіи; это — рычагъ для поворота стараго міросозерцанія (84—5). — Различная степень прослойки духомъ христіанскаго ученія современнаго населенія Россіи; живучесть языческой старины и ея возрѣній (85—8).—Борьба на этой почвѣ миѳологическаго мышленія съ относительно научнымъ (88). — Миѳъ—основа углубленія мысли, ея обобщеній, уготовленія пути научному анализу (88—9). — Миѳы — какъ основаніе и почва поэзіи и искусства (89—90). — Определеніе миѳа А. А. Потебнею (90). — Научное и миѳическое мышленіе по существу мало разнятся: блестящее развитіе „миѳическаго“ мышленія — предтеча научнаго расцвѣта (90—91). — Миѳъ — способъ блюсти научное родство между низшими и высшими по культурѣ слоями и цѣлыми народами (91—2).—„Миѳологическая старина“ играетъ чрезвычайно видную роль въ міросозерцаніи всякаго научно-образованнаго человѣка; пересмотръ ея—источникъ перестройки научныхъ гипотезъ (92—3). — Исслѣдованія въ области народной словесности, — сравнительно простой по схемѣ, — помогаетъ яснѣе разобраться въ общихъ приемахъ мысли, въ

глубинахъ человѣческой психики, въ основахъ научнаго и поэтическаго мышленія вообще (93).—Съ исторіи языка, религіозныхъ вѣрованій и преданій слѣдуетъ начинать изученіе литературы (94). — Слово, и на раннихъ ступеняхъ развитія великая сила, въ христіанскую эпоху окружается ореоломъ святости, сблизившись съ молитвой; наука не разошлась въ этомъ вопросѣ со взглядомъ народа: языкъ былъ признанъ и при новомъ религіозномъ укладѣ наиболѣе яркимъ выраженіемъ состоянія духа и высоты мысли (95). — Признаніе этого взгляда на языкъ въ области исторіи литературы, психологіи, философіи и, наконецъ, медицины (признающей слово важнѣйшимъ изъ лѣкарствъ) (95—7). — Медицина — черезъ слово (гипнозъ) — признаетъ „отводъ глазъ“, передачу чувствительности другому человѣку и даже предмету (97—8). — Опыты П. Рише и П. Жана (98—9). — Роль экспериментальной психологіи въ раскрытіи многихъ „чудесъ“ и таинственностей въ области народной медицины и странныхъ, невѣроятныхъ „потустороннихъ“ явленій, записанныхъ и удостовѣренныхъ людьми образованными и заслуживающими полного довѣрія (99—101).—Явленія, еще недавно считавшіяся домысломъ досужей фантазіи, становятся на почву дѣйствительности. Близость заговорныхъ пріемовъ съ пріемами научнаго гипноза (101—3). — Объясненіе гипноза современными научными теоріями: мысль — своеобразное движеніе, подлежащее записи, фотографированію; мозговое движеніе черезъ міровой эфиръ передается другимъ людямъ; тѣло человѣка выдѣляетъ особыя токи лучистой энергіи (103—5).

Глава III (с. 107—119).—Формальная сторона заговора.—

Въ основѣ заговора позднѣйшей формации лежитъ сравненіе (107). Предшествующія формы мысли по пути къ сравненію (сопоставленіе, отождествленіе, параллелизмъ). Мнѣніе А. П. Веселовскаго (107—119).

Глава IV (с. 120—126).—Способы классификаціи заговоровъ.

Трудность установленія классификаціи при слабой теоретической разработкѣ вопроса (120).—Мнѣніе Помяловскаго (121). — Мнѣніе Иващенко (122—3). — Взглядъ Арпинова (123—4). — Мнѣнія Амманъа, Крушевскаго, Брауна (124). — Мнѣніе Зѣлинскаго (125). — Опорныя точки для новой классификаціи (125—6).

Часть вторая (с. 127—509).

Глава I (с. 127—173).—Заговоры отъ лихорадки.

Эволюція пониманія болѣзни (127—8). — Мнѣнія изслѣдователей о происхожденіи различныхъ названій — олицетвореній этой болѣ-

зни (Мансветовъ, Сумцовъ, Веселовскій, Буслаевъ, Демичъ, Даль) (128—130). — Взгляды современнаго простолюдина по тому же вопросу (130—3). — Приемы (современные) лѣчнія (физическое воздѣйствіе на болѣзнь—существо) (133—4). — Записки отъ лихорадки (134—9). — Однородные способы лѣченія у народовъ дикихъ (139). — Лѣченіе лихорадки словеснымъ воздѣйствіемъ (заговоромъ и проч.) на различныхъ ступеняхъ міропониманія (140—8). — Заговоры, приближающіеся къ апокрифическимъ молитвамъ (149—171). — „Врачевальныя молитвы“ (171—2).

Глава II (с. 174—226). — Заговоры отъ сглаза.

О распространенности и въ настоящее время вѣры въ силу „лурного глаза“ (174). — Основы живучести такой вѣры и эволюція пониманія образа (175—6). — Заговоры отъ „сглаза“, какъ живого существа (176—183). — Заговорный мотивъ — перечисленіе именъ (183—4). — „Сглазъ“ — предметъ, удаляемый, изгоняемый, уносимый (184—6). — Вода—цѣлитель „сглаза“ (188—193). — Заговоры, основанные на сравненіи (193—9). — Церковно-религіозныя вліянія (199—222). — Мелкіе заговоры, стоящіе особнякомъ (222—6).

Глава III (с. 227—252). — Заговоры отъ крови. —

Общій ходъ развитія заговора отъ крови (227—8). — Обращеніе къ крови, какъ живому существу (228—9). — Ближайшія къ предыдущей ступени (229—234). — Вплетеніе въ ткань заговора христіанскихъ элементовъ (234—241). — Наболѣе часто встрѣчающіеся мотивы и ихъ эволюція (241—2). — Старикъ и подобныя существа мужскаго пола, унимающіе кровь (242—4). — Дѣвица (и родственныя существа женскаго пола), заливающія рану и унимающія кровь (244—251). — Заговоры отъ крови, граничащіе съ апокрифическими молитвами (251—2).

Глава IV (с. 253—278). — Заговоры отъ зубной боли.

— Роль „молодика“ (луны) при лѣченіи зубной боли (253—265). — Мотивы: мертвецъ, кость мертваго (человѣка и животнаго) (265—6). — Обращенія къ суку дерева, къ дубу, къ земляникѣ (266—9). — Обращенія къ зарѣ (269). — Заговоры съ христіанскими привнесеніями (270—8). —

Глава V (с. 279—506). — Заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся.

Общій планъ распредѣленія матеріала этой главы (279). — Заговоры отъ антонова огня (280—5). — Бешиха (285—301). — Бородавки (301—3). — Веснушки (303—4). — Видмънь (англійская болѣзнь) (304). — Волось (ногтеѣда) (305—311). — Вывихъ (311—5). — Глазныя болѣзни: бѣльмо (315—322), оспенные нарывы на глазахъ (322), когда запорошится глазъ (322), ячмень (нарывъ на глазномъ вѣкъ) (322—5), оче-

болъ (болъ неизвѣстнаго происхожденія) (325—7). — Головная болъ (327—331). — Горячка (331). — Грудница (mastitis) (331—2). — Грыжа (331—5). — Грызъ (ревматизмъ, гостецъ) (335—348). — Дна (ломъ въ костяхъ) (348). — Жаба (angina) (348—350). — Желтуха (разлитіе желчи) (380—2). — Жовна (золотуха) (353). — Завалки (дифтеритъ) (353). — Икавка (икота) (354). — Колтунъ (355). — Колька (родъ плеврита) (355—360). — Крикливцы (бессонница у дѣтей) (360—370). — Лишай (370—4). — Металка (родъ трахомы) (374). — Младенческая (родимецъ) (374—5). — Моръ (моровое повѣтріе) (375—6). — Мламози (376). — Нападчу (376). — Наросты (377). — Нежить (насморкъ, съ болью въ головѣ, глазахъ и ушахъ) (377). — Обжогъ (377—8). — Нѣмота (378). — Огныкъ (молочный струпу, обыкновенно на подбородкѣ) (378—380). — Опухоль (380—1). — Остуда (381). — Отокъ (381—2). — Параличъ (апплексія) (382). — Перещецъ (опухоль въ видѣ бородавокъ) (382). — Переполохъ (383—93). — Перелогы (393—4). — Перехидъ (обморокъ, падающая) (394—401). — Плѣснявка (молочница) (401—2). — Psotnik (402). — Почка (402). — Пощенки (402—3). — Притки (родъ припадка, подъ вліяніемъ „злого духа“) (403—4). — Прыстритъ (404). — Пьянство (запой) (405). — Ракъ (405). — Ripplisucht (405—6). — Руса (406). — Свинка (опухоль на шеѣ) (406—7). — Сибирская язва (407—8). — Сирма (408). — Скарлатина (408—9). — Скорбутъ (цынга) (409). — Skrkavka (410). — Слѣза (410). — Сояшныци (желудочно-кишечный катарръ) (410—5). — Стыскы (затрудненное дыханіе, удушье) (415—7). — Супротивникъ (младенческая немочь). — Суroveň (417—8). — Сухоты (родъ чахотки у дѣтей) (418—9). — Те(и)мянный зубище (общее расслабленіе у дѣтей, иногда со рвотой и поносомъ) (420—2). — Уграгъ (нагазь) (422). — Угрюмая скулка (422—3). — Ударъ (423). — Улогъ (423). — Укушеніе змѣи или бѣшеной собаки (423—442); отъ яда (443—450). — Уразъ (болѣзнь матки) (450—460). — Урама (460—3). — Усови (463—4). — Утинъ (болъ въ спинѣ у дѣтей) (464—5). — Ушибы и контузіи (465—6). — Ушныя болѣзни (466). — Флюсъ (466). — Халъ (467). — Холера (467—470). — Одъ првена ветра (470—1). — Чемери (471—3). — Черви (473—7). — Чесотка (короста) (477—8). — Friesel (478); — Керр (=Kretz, Maуern—болѣзнь у дѣтей) (478). — Чирей (вередъ) (478—9). — Баяние за добрина (479—481). — Uhradčivost (481). — Чума (481—2). — Шаль (delirium, сумасшествіе) (482—491).

Заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся, примѣняемые къ нѣсколькимъ болѣзнямъ сразу.—(С. 491—509).

Основы образованія заговоровъ этого типа (491—2). — Заговоры отъ „вола“ (492—3). — Ограгма (493). — Од издати трболле наступа

(493).—Од оспа, чирева, мицина и отока (493—4).—Отъ крови, бѣльма прыстрита (495.—Отъ бѣлой грыжи и зубовъ (495).—Отъ зубной боли и щипоты и отъ грыжи (495—6).—Отъ грыжи, сллазу и баенной нечисти (496).—Отъ опухоли и головной боли (497).—Баяние на трѣска и друга болѣзни (497).—Баячки отъ баба Евда (497—8).—Аккадійское заклинаніе (498).—Авестическое заклинаніе (498—9).—Заклинаніе передъ всякимъ заговоромъ (499).—Чтобы выгнать болѣзнь изъ тѣла (499).—Отъ враговъ, болѣзней и несчастій (499—500).—Если у ребенка что заболить (500).—Кадъ удари каква рѣдья у народ (500).—Шептанія при неизвѣстности болѣзни (500—1).—Отъ всѣхъ недуговъ (501).—Отъ болѣзни вообще (501).—Атъ усихъ хваробъ (501—2).—Отъ всякой болѣзни (502).—Заговоры общіе отъ всѣхъ болѣзней и недуговъ (502—6).

Послѣсловіе (с. 507—9).

Источники и пособія (с. 511—522).

Оглавленіе (с. I—VII).

1 255